

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

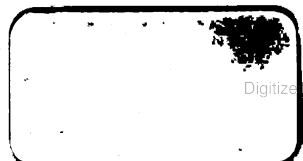
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Pe. 278975 d. 80

102

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1866

НОЯБРЬ

КНИЖКА ВТОРАЯ

	СТР.
I. Островитяне. Повѣсть. <i>Часть первая</i> . М. СТЕПЕНЦКАГО. Главы VII — XI.....	163
II. Вопросъ о душѣ въ его современномъ состояніи. Отрывокъ изъ педагогической антропологии. К. УШИНСКАГО. <i>Статья вторая</i>	212
III. Ревность. Романъ ЧАРЛЬЗА РИДА. <i>Часть первая</i> . Главы I — V.....	241
IV. ПЕТЕРБУРГСІЯ ТРУЩЕБЫ. Романъ. <i>Части шестой книга первая: «Падшія», и второй книги: «Коемуждо по дѣломъ его»</i> . Главы I — XI. В. В. КРЕСТОВСКАГО. 284	284
<hr/>	
V. Политическая хроника. Значеніе религиозныхъ элементовъ въ современной политикѣ. — Положеніе папства. — Извѣстія о соединеніи константинопольской церкви съ римскою. — Признаніе принца Карла господаремъ Румыніи. — Баронъ Бейстъ и Австрія. 87	87
VI. Внутренняя политика.....	100
VII. ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ. 114	114
VIII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Русская литература....	130
IX. НОВЫЯ АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ БНИГИ.....	146
X. По поводу стенографическаго состязанія.	

ОБЪ ИЗДАНИИ

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ВЪ 1867 ГОДУ.

«Отечественныя Записки» будутъ издаваться въ слѣдующемъ 1867 году въ тѣ же сроки и въ томъ же объемѣ; можетъ быть, мы должны были бы прибавить еще: въ томъ же направленіи, такъ-какъ, по поводу смерти одного изъ редакторовъ, можетъ возникнуть мысль о какой либо перемѣнѣ въ направленіи журнала. Но подобная мысль, хотя и возможна, не имѣла бы, однако, никакого основанія.

«Отечественныя Записки» оставались и останутся при томъ самомъ направленіи, которое усвоили себѣ со дня появленія своего на свѣтъ. Съ тѣхъ поръ онѣ измѣнились ровно на столько, на сколько должно измѣняться все, предоставленное законамъ свободнаго развитія. И покойный С. С. Дудышкинъ, такъ много потрудившійся на пользу этого журнала, сперва въ качествѣ сотрудника, потомъ соредактора, засталъ въ немъ то самое направленіе, въ которомъ потомъ дѣйствовалъ, но котораго не создавалъ. Въ «Отечественныя Записки», какъ свидѣтельствуя двадцать-восемь лѣтъ ихъ существованія, могутъ приходить люди съ новыми дарованіями и новыми силами — и нигдѣ такъ радушно они не будутъ встрѣчены; журналъ можетъ подвергаться горестнымъ утратамъ подобныхъ людей; но никогда невозможно, чтобъ, находясь въ тѣхъ же рукахъ, въ которыхъ пока находится, онъ утратилъ однажды принятое имъ направленіе, или принялъ какое либо новое. Люди истинныхъ дарованій и здравыхъ понятій, люди твердыхъ принциповъ потому-то и приходили въ этотъ журналъ и, смѣемъ надѣяться, впредь будутъ приходить, что направленіе его считается пригоднымъ и существующимъ не для одного дня...

По принятому обычаю, мы могли бы теперь же объявить о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя намѣреваемся ввести въ журналъ на буду-

щій годъ, могли бы даже назвать нѣкоторыя статьи, уже находящіяся въ портфѣляхъ редакціи, какъ, на примѣръ, «романическую хронику» въ пяти книгахъ, подъ заглавіемъ: «Члѣющіе движенія воды», г. Стебницкаго; историческій романъ г-жи Вельманъ «Королевичъ Густавъ Ириковичъ, женихъ царевны Ксеніи Годуновой», или обѣщанный редакціи новый романъ В. В. Крестовскаго, равно какъ статьи ученаго содержания, приготовляемыя для будущаго года; но предпочитаемъ предоставить читателямъ оцѣнку этихъ произведеній тогда, когда они явятся въ журналѣ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ 1867 ГОДУ

будутъ выходить *два раза въ мѣсяцъ* (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключить въ себѣ *до 15-ти печатныхъ листовъ*.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

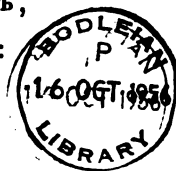
состоящее изъ *двадцати-четыре*хъ книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

16 руб. 50 коп. сереб.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногороднихъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голосъ»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страшнаго Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загрязскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ въ Санктпетербургъ.*

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. КРАВСКІЙ.

ПОДПИСКА НА 1867 ГОДЪ.

ГОЛОСЪ,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ

А. А. КРАЕВСКИМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою
На годъ	12 р. — в.	15 р. — в.	16 р. — в.
» полгода	7 » — »	8 » 50 »	9 » — »
» три мѣсяца	3 » 75 »	4 » 50 »	5 » — »
» два мѣсяца	2 » 50 »	3 » 30 »	3 » 50 »
» одинъ мѣсяць	1 » 30 »	1 » 70 »	1 » 85 »

«Голосъ» выходитъ ежедневно листами большого формата; въ понедѣльникъ же и дни, непосредственно слѣдующіе за табельными праздниками, въ полулистахъ того же формата, какъ было и въ нынѣшнемъ году. Всѣхъ номеровъ, въ теченіе года, выйдетъ 360.

ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ, казенныхъ и частныхъ, для помѣщенія въ газетѣ. Плата за помѣщеніе объявленій — по таксѣ, находящейся въ конторѣ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ **главной конторѣ** газеты «Голосъ» (на *Литейной*, № 38); въ Москвѣ, въ магазинѣ **И. Г. Соловьева** (бывшемъ *Базунова*). Гг. иногородные адресуютъ свои требованія: *Въ редакцію газеты «Голосъ», въ Санктпетербургъ.*

ОСТРОВИТАНЕ.

ПОВѢСТЬ.

Овцы цари Авгіаса не вмѣстѣ, въ стадахъ раздѣленныхъ,
Въ кругахъ разныхъ пасутся: одні по долинамъ, —
Вдоль береговъ Элизента, другія у водъ освященныхъ
Старца-Алфея, иныя по влчачнымъ Вупроза вершинамъ,
Прочія въ адѣшнихъ окрестностяхъ. Каждое стадо
Вечеромъ съ пастбищъ собрать намъ въ овчарни отдѣль-
ныя надо.

Идилія Оскарста.

VII.

Несмотря на то, что семейство Норкъ, какъ я уже одинъ разъ сказалъ, жило очень скромно и мнѣ никогда не доводилось видѣть у нихъ почти никого стороннихъ, но въ этотъ вечеръ оказалось, что знакомство у нихъ все-таки гораздо обширнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Кромѣ семейства пастора, который явился съ женою и двумя взрослыми дочерьми, набралось еще штукъ до восьми молодыхъ нѣмецкихъ дамъ и дѣвицъ. Мужчинъ, правда, было немного: всего три какіе-то неизвѣстные мнѣ солидные господина; молодой помощникъ пастора, учитель изъ Анненшульцъ, неизбѣжный на всякомъ земномъ пространствѣ полякъ, съ черными висячими усами, котораго Шульцъ весьма фамильярно называлъ почему-то «паномъ Кошутомъ», и сынъ булочника Шперлинга, свѣжій, веселый, бѣлокурый нѣмецъ, точно испеченный въ собственной булочной на домашнихъ душистыхъ сливкахъ и розовомъ маслѣ. Вечеръ шелъ повѣмекки. Солидные господа и пасторъ сѣли за карты, курили гамбургскія сигары и потагивали некрѣпкіе пунши, а остальное все немилосердо плясало. Плясалъ Шульцъ, плясала Ида Ивановна; плясала Софья Карловна, хотя и отказывавшаяся, но весьма слабо отказывавшаяся и, наконецъ, даже вовсе неотказавшаяся отъ гротфатера, который, при общихъ аплодисментахъ, протанцовала съ зятемъ. Не танцевала рѣшительно только одна бабушка, которая не могла оставить своего кресла; но

и она сидѣла весь вечеръ и любовалась молодыми. На счастье ея, дѣйствительно было чѣмъ любоваться. Извѣстное дѣло, что если не гнаться за легкостью построения рукъ и ногъ, да не требовать отъ каждаго лица особаго выраженія, то едва-ли гдѣ нибудь въ Петербургѣ можно набрать столько свѣженькихъ лицъ, бѣлыхъ плечъ и хорошихъ бюстовъ, сколько увидишь ихъ, находясь между добродѣтельнѣйшими васильевскими островитянками нѣмецкаго происхожденія. Разгорѣвшись отъ кадрили и вальсовъ, пышныя гости Норковъ были точно розы: одна другой краше, одна другой свѣже, и всѣ ихъ сочные бюсты, и всѣ ихъ добродѣтельныя уста, говорили въ одно слово: «Oh! Wir möchten noch ein bisschen tanzen!» (о, мы хотимъ еще танцевать). Но лучше всѣхъ, эффектнѣй всѣхъ и всѣхъ соблазнительнѣй на этомъ праздникѣ все-таки была дочь хозяйки, Берта Ивановна Шульцъ, и за то ей чаще всѣхъ доставался и самый лучшій кавалеръ, Романъ Прокофьевичъ Истоминонъ. Какъ только Романъ Прокофьевичъ первый разъ ангажировалъ Берту Ивановну на туръ вальса, и роскошная нѣмка встала и положила свою бѣлую, далеко открытую матовую руку на плечо славянскаго богатырь-молодца, въ комнатѣ даже все тихо ахнуло и зашептало: «Ein hübschen Pärchen! (красивая пара!) Nu das ist Mal ein Pärchen! Ein bessers Paar kann's nicht. (Вотъ такъ пара! Лучше этой пары ужъ быть не можетъ!)

Одинъ изъ солидныхъ гостей, стоя на этотъ случай у дверей залы, забылъ, гдѣ онъ и съ кѣмъ онъ говоритъ, и изогнувшись сладострастнымъ сатиромъ, таинственно шепталъ на ухо Шульцу:

— Вотъ бы, я говорю, этой дамѣ какого мужа-то надо.

— И я то же самое думаю, отвѣчалъ спокойно Фридрихъ Фридриховичъ, и съ невозмутимой увѣренностью въ своемъ превосходствѣ продолжалъ любоваться могучимъ Истоминономъ, поворачивающимъ на своей рукѣ вальжаную и какъ лебедь красивую Берту Ивановну.

Чуть только эта пара окончила второй кругъ, и Истоминонъ, остановившись у кресла Берты Ивановны, низко ей поклонился, всѣ словно по сигналу захопали имъ въ ладоши и усердѣе всѣхъ другихъ хлопалъ самъ, пробравшійся къ женѣ, Фридрихъ Фридриховичъ.

— О, вы! говорилъ онъ, улыбаясь и грозя пальцемъ стоявшему вондѣ Берты Ивановны Истоминону.—Нѣтъ, ужъ вы меня извините, я съ вами мою жену на необитаемый островъ ни за что не отпущу.

Берта Ивановна вспыхнула. Истоминону тоже эта выходка не понравилась.

— Отчего же это? отвѣчалъ онъ съ недовольной гримасой Шульцу.

— Отчего? Ну, батюшка, не хитрите, мы васъ не сегодня знаемъ! Нѣтъ, Бертишка; нѣтъ, мой другъ, какъ ты хочешь, а я тебя съ нимъ на необитаемый островъ не отпущу.

— Фридрихъ! произнесла краснѣя и качая съ упрекомъ головой Берта Ивановна, которую все это конфузило, но въ то же время однако было въ свою очередь и довольно приятно.

— Ну, ну, ну, мамушка, пушу ужъ, пушу, отвѣчалъ Фридрихъ Фридриховичъ, цалуя женину руку и отходя затѣмъ подъ руку съ тещей въ сторону, для какихъ-то хозяйственныхъ совѣщаній.

Всѣхъ незамѣтнѣе на этомъ танцевальномъ вечерѣ были Ида Ивановна и Мана. Ида Ивановна танцевала много и съ чисто-нѣмецкимъ упоеніемъ, но все-таки она была совершенно незамѣтна, а Мани совсѣмъ даже было и не видно. Истоминъ, багъ вѣжливый кавалеръ, пригласилъ на одну кадрили и одинъ вальсъ Иду Ивановну, и потомъ ангажировалъ на слѣдующій вальсъ Маню. Миниатюрная Мана рядомъ съ Истоминнымъ смотрѣла со-всѣмъ ребѣнкомъ. Крошечной, граціозной пташечкой она носилась возлѣ сильной фигуры Истомина, совсѣмъ лежа на его рукѣ и едва касаясь пола своими крохотными, вовсе не нѣмецкими ножками. Багъ Норковъ заходилъ уже за полночь; гдѣ-то за стѣною началъ раздаваться стукъ посуды и ложекъ, и солидные господа уже неразъ посматривали на свои брегеты. Танцамъ приходилъ конецъ; нужно было ужинать и послѣ ужина расходиться, а сочныя плечи и добродѣтельно-пріяныя уста еще просились потанцовать. «Oh! nur noch ein mal! Nur noch ein einziges, kleines Mal!» (О! еще одинъ разочекъ! Одинъ маленькій, крошечный разочекъ!) говорили, складываясь сердечкомъ, пріяныя губки. Фридрихъ Фридриховичъ вступился въ ихъ спасенье; онъ далъ солиднымъ господамъ по настоящей гаванской сигарѣ, попросилъ тещу повременить съужиномъ; усадилъ Иду Ивановну за рояль и далъ черноусому поляку порученіе устроить какую-нибудь мазурку похитрѣе.

— Панъ Кошутъ! бондзь-ну, панъ ласковъ, зроби намъ мазуречку... этакую... Шульцъ закусилъ губу и проговорилъ:—этакую, чтобъ кровь старая заговорила.

— Моге, тој рапе, моге, отвѣчалъ расшаркиваясь панъ Кошутъ, и вдругъ вошелъ въ свою сферу. Онъ попросилъ немножко въ сторону одну изъ дочерей пастора и, переговоривъ съ нею, объявилъ оригинальную мазурку *par confidence*. Условіями этой мазурки требовалось, чтобы дамы сѣли по одной стѣнѣ, а мужчины стали по другой, напротивъ дамъ, и чтобы дамы выбирали

себѣ кавалеровъ, довѣряя имя своего избраннаго одной общей довѣренной, которую и взялась быть младшая дочь пастора. Каждый мужчина долженъ былъ угадать, какая дама его выбрала, выйти и передъ тою остановиться. Если же мужчина ошибался—причемъ обыкновенно начинался веселый хохоть—то плохой отгадчикъ, при общемъ смѣхѣ, возвращался съ носомъ на свое мѣсто и выходилъ слѣдующій, и затѣмъ, когда эта пара кончила, дама, избравшая прежняго кавалера, отосланнаго за недогадливость за фронтъ, должна была сама встать, подать руку недогадливому избраннику и танцевать съ нимъ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ, особенно съ незнакомыми почти дамами, мужчины безпрестанно ошибались и при смѣхѣ каждой пары въ залѣ Норковъ начинался самый веселый хохоть. Наконецъ дошла очередь и до Истомина. Онъ стоялъ предпоследнимъ; послѣ него оставался только одинъ дирижеръ мазурки, самъ черноусый Кошутъ. Истоминъ замѣтилъ давно, что всѣ подходившіе къ Манѣ отходили отъ нея ни съ чѣмъ, и что она сама никого не выбирала, и потому, какъ только до него дошла его очередь, онъ прямо разошелся къ Манѣ, остановился передъ нею и поклонился.

Маня слегка покраснѣла и тихо сказала:

— Я васъ не выбирала.

Всѣ дружно засмѣялись.

Истоминъ засмѣялся такъ же искренно, какъ всѣ тѣ, кому онъ доставилъ это удовольствіе и, махнувъ рукою, слѣпшимъ шагомъ удалился къ мужской стѣнѣ.

На его мѣсто, разглаживая усы, выступалъ полякъ.

— На ура иду! сказалъ онъ, ставиваясь съ Истоминнымъ и, остановясь передъ Манею, щелкнулъ баблуками и поклонился, à la Кшесиньскій.

Ко всеобщему удивленію, Маня встала, и подала ему свою ручонку.

Ида Ивановна заиграла. Полякъ вѣжливо остановилъ ее и вѣрачивымъ голосомъ сказалъ:

— Нельзя ли старую мазурку Хлопицаго?

Ида Ивановна покопалась въ кучѣ лежавшихъ на фортепiano нотъ, достала оттуда одну тетрадь, положила ее на пюпитръ и раздала Хлопицкій.

Полякъ сжалъ ручку Мани, выпалъ лѣвой ногою, топнулъ и пошелъ, и пошелъ. Какъ перышко, привязанное къ легкой воланной пробѣ, мелькала возлѣ него Маня. Отчаяннымъ мазуромъ леталъ онъ, тормоша и подбрасывая за руку свою легкую даму; становился передъ ней, не теряя такта, на колѣни, вскакивалъ, снова несся, гладилъ ей съ удалью въ ея голубинныя глаза,

отрывался и, ловя налету ея руки, увлекалъ ее снова и, наконец опустившись на колѣно, перенесъ черезъ свою голову ея руку, работливо поцаловалъ концы ея пальцевъ и, не поворачиваясь къ дамамъ спиной, задомъ отошелъ на свое мѣсто.

Зальца трещала отъ рукоплесканій, и переконфуженная Мани не знала, куда ей смотрѣть и куда дѣваться.

Послѣ таковаго танцора нелегко было пуститься въ мазурку, даже и въ этомъ пріятельскомъ, фамильномъ кружкѣ, и Истоминъ началъ надѣяться, что авось либо его никто не выберетъ.

Но... въ ряду дамъ шелъ тихій смѣхъ, шепотъ и подергиванье.

— Aber *das muss*; nicht zu machen, *das muss*, *das muss*, повторяла стоявшая у женскаго фланга дочь пастора, и вотъ величественная Берта Ивановна, расправляя нарочито долго юбку своего платья, медленно отдѣлилась отъ стула и стала, застѣнчиво, но съ королевской осанкой.

— Das muss! das muss! настойчиво кричали ей сквозь веселій смѣхъ со всѣхъ сторонъ женщины.

Берта Ивановна засмѣялась и, закусивъ нижнюю губку, тронулась королевскою поступью къ Истомину. Они подали другъ другу руки и стали на мѣсто.

Ида Ивановна смотрѣла на нихъ молча и серьезно: въ это время Ида Ивановна смѣялась. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, удивительная дѣвушка была эта Ида Ивановна! При своей великой внѣшней скромности, она страсть какъ любила пошалить, слегка подтрунить надъ кѣмънибудь, на чейнибудь счетъ незлобиво позабавиться; и умѣла она шалить такъ, что это почти было незамѣтно; и умѣла она досыта насмѣяться такъ, что не только мускулы ея лица, а даже самыя глаза оставались совершенно спокойными. Надо было очень хорошо знать эти глаза, чтобы по легкому, едва замѣтному измѣненію ихъ блеска, догадаться, что Ида Ивановна хохочетъ во всю свою глубоко спрятанную душу.

Въ эту минуту ей хотѣлось посмѣяться разомъ надъ *madame Шульцъ* и надъ Истоминимъ, и она оставила ихъ постоять на виду, до тѣхъ поръ, пока мѣшавшаяся Берта Ивановна раскраснѣлась до *non plus ultra* и наконецъ крикнула:

— Да ты по крайней-мѣрѣ играй же, Ида!

— Играйте, Идинька! проговорили на женской сторонѣ.

— *Spielen-sie doch*, *Ida!* одновременно крикнули ей съ нѣкоторой строгостію зять и Софья Карловна.

— Я не знаю, какую они хотятъ мазурку?

Берта Ивановна назвала очень лянгамную мазурку; Ида заиграла ее ужъ совсѣмъ *langsam*.

Это собственно и было, впрочемъ, нужно. Держась рѣдкаго, медленнаго тѣмпа музыки, Истоминъ, безъ всякаго мазурнаго ухарства, началъ словно репрезентовать подъ музыку свою прекрасную королеву, словно говорилъ: а ну-те-ка, каковы мы вотъ такъ? а ну-те-ка посмотрите насъ еще вотъ этакъ? да еще вотъ этакъ?

Никто имъ, этимъ красавцамъ, не хлопалъ; но всѣ на нихъ смотрѣли съ удовольствіемъ.

— Красивая пара! прелесть какая красивая! опять шептали о нихъ потихоньку.

Берта Ивановна съ Истоминимъ, должно быть, это слышала, а если не слышала, такъ чувствовала. Берта Ивановна не гнула головы на бокъ, какъ французенка, и не подлетала бовомъ, какъ полька, а плыла себѣ хорошей лебедью и давала самый красивый изгибъ своей лебяжьей шеѣ. Ида тоже любовалась сестрою, и ей вздумалось еще подшутить надъ нею. Она быстро перемѣнила аккордъ и заиграла вальсъ. Истоминъ улыбнулся Идѣ Ивановнѣ, проворно обнявъ талию мадамѣ Шульцъ и началъ попрежнему вальсировать граціозно, поворачивая свою роскошную даму. Идѣ Ивановнѣ было и этого мало: давъ парѣ сдѣлать два круга по залѣ, она неожиданно заиграла самую старинную польку. Художникъ и сама мадамѣ Шульцъ засмѣялись.

— Хорошо же! сказалъ Истоминъ и, сложивъ свои руки на груди, сталъ полькировать съ Бертой Ивановной, по самой старинной модѣ. Развеселившаяся Берта не дала сконфузить своего кавалера: шала, закинула она назадъ свои бѣлыя руки и пошла въ тактъ отступать. Гости опять начали имъ аплодировать и смѣяться.

— Ахъ вы, ненавидимые красавцы! никакъ же собьешь ихъ! спокойно шепнула Манѣ Ида Ивановна, и вдругъ громкими аккордами взяла:

Ужъ какъ по месту-мосту,
По какивому.

— Вотъ что!... Ну, такъ выручайте же, Берта Ивановна! крикнулъ Истоминъ и пошелъ русскую, какъ и самъ извѣстный цыганъ Илья ее не хаживалъ.

Не посрамила и Берта Ивановна земли русской, на которой родилась и выросла—вынула изъ кармана бѣлый платокъ, взяла его въ руку, повела плечомъ, грудью тронула, соболонной бровью мигнула и въ тушкѣ поставила всю публику своей разудалой пляскою. Полякъ съ своей захватской мазуркой и его миньонная дамочка были въ карманъ спрятаны этой парой.

Полы машутся, раздуваются

пѣлъ, хлопая ладошами, Фридрихъ Фридриховичъ, не зная, что бы ему еще можно сдѣлать отъ радости. На выручку ему Истоминъ подхватилъ:

То-то лента, то-то лента,
То-то алая моя!
Ала, ала, ала — ја
Мяѣ сударушка дала.

Съ этими Истоминъ повернулъ Берту Ивановну за одну ручку около себя, низко ей поклонился, порусски, и посадилъ ее на мѣсто.

— Сто-то-то-я! стойте! стойте! стойте! кричалъ съвозъ аплодисменты и крики *bravo* Фридрихъ Фридриховичъ. — Нѣтъ! по нашему, порусски, такъ не расходятся!

Истоминъ нагнулся и поцаловалъ у Берты Ивановны руку.

— Н-нѣтъ-съ! Нѣтъ-съ! и это все не то, не то! Это опять позаморски, а у насъ *кто съ кѣмъ танцуетъ, тотъ того и цалуетъ*, говорилъ Шульцъ, сводя за руки Истомина съ своею женою.

— Фридрихъ! Фридрихъ! ты съ ума сошелъ! шептала, красная, какъ вишня, Берта Ивановна.

— *Кто съ кѣмъ танцуетъ, тотъ того и цалуетъ*, это разъ сказано и навсегда крѣпко—настаивалъ, ни чему не внимая, неумолимый Шульцъ.

— Съ моею стороны препятствій нѣтъ, отвѣчалъ Истоминъ.

— А жена, какъ дьяконъ читаетъ, должна во всемъ повиноваться своему мужу, варѣшилъ Шульцъ.

— Ну, Фридрихъ! сказала улыбнувшись Берта Ивановна, и подвинула свою голову къ художнику весьма спокойно, но тотчасъ же оторвала свои влажныя уста отъ сухихъ, пунсовыхъ губъ Истомина.

— О, мой Фридрихъ, какъ я устала! произнесла она торопливо, кладя на плечи мужа обѣ свои руки и поспѣшно цалуя его въ обѣ щеки, какъ-бы желая этими законными поцалуями стереть съ своихъ губъ поцалуи Истомина.

— Это поцалуи позволительный, говорилъ Шульцъ, объясняя свою оригинальную выходку нѣсколько изумленнымъ нѣмцамъ.

— Позволительный, или позволенный, вы хотите сказать? спросилъ Истоминъ.

— И позволительный, и позволенный, отвѣчалъ Фридрихъ Фридриховичъ.

Художникъ молча отошелъ къ окошку и надулся.

Въ залѣ стали накрывать на столъ; дамы вышли поотдохнуть въ спальню Софьи Карловны, а мужчины жались по угламъ.

— Что съ вами такое вдругъ сдѣлалось? Какая муха васъ укусила? спросилъ я, взявъ за руку Истомина, на лицѣ котораго я ужь давно привыкъ читать всѣ его душевныя движенія.

— Такъ... не по себѣ, отвѣчалъ онъ нехота.

— Пульсъ неровный и частый, пошутить я, держа его за руку.

— Какой ужь, однако, въ самомъ дѣлѣ, колбасникъ этотъ Шульцъ; терпѣть я его не могу въ нѣкоторыя минуты! проговорилъ, нервно кусая ногти Истомина.

Пунсовыя губы его тихо вздрагивали подъ черными усами и говорили мнѣ, что въ беспокойной крови его еще горитъ влажный подалуй Берты Ивановны. Еслибы пасторъ Абель вздумалъ въ это время что-нибудь заговорить на тѣму: «не пожелай жены искреннаго твоего», то Романъ Прокофьичъ, я думаю, едва-ли былъ бы въ состояніи увлечься этой проповѣдью.

У маленькаго столика, передъ соленой закуской, поданной къ водкѣ за минуту до ужина, Шульцъ опять было-началъ шутить съ Истоминимъ.

— Нѣтъ, батюшка мой, на дуэль! и слушать ничего не хочу; на дуэль! Помилуйте, совсѣмъ сбиль бабу съ толку: я порусски плясать пошла, и сама его выбираетъ себѣ. Нѣтъ-съ, мы съ тобой, родной мой, безъ дуэли не кончимъ!

— Кончите, сухо отвѣтилъ Истоминъ и отошелъ къ большому столу.

Онъ упорно промолчалъ все время за ужиномъ, ѣлъ очень мало и почти ничего не пилъ. Отъ угощеній Шульца онъ отдѣлывался нетерпѣливо и рѣшительно.

— Не хочу, и не буду пить.

— Въ пользу дѣтскихъ пріютовъ! упрашивалъ Шульцъ.

— Довольно повтораться; все это совершенно напрасно будете говорить, отвѣчалъ онъ хлѣбосольному Шульцу.

Какъ всѣ женскіе любимцы, Истоминъ былъ очень капризенъ, и чѣмъ болѣе за нимъ ухаживали, чѣмъ болѣе его умасливали, тѣмъ онъ обыкновенно становился хуже. Его нужно было не раздражать, и не гладить по головкѣ, а оставлять самому себѣ, пока онъ уходится, въ совершенномъ повоѣ.

Практическій Шульцъ, или не зналъ этой струнки въ Истоминѣ, или поддерживавшееся понемножечку цѣлый день слегка праздничное состояніе головы Фридриха Фридриховича дѣлало его нѣсколько безтактнымъ. Чѣмъ Истоминъ болѣе ершился, тѣмъ внимательнѣе и любезнѣе становился къ нему Фридрихъ Фридриховичъ. Знакомство съ знаменитостями было у Фридриха Фридриховича дѣйствительно его ахиллесовою пятою. Эта сла-

бость заставляла его дѣлать изъ Истомина извѣстность столь крупную, какою онъ въ самомъ дѣлѣ не былъ — льстить ему и поглажать его разнузданности, которую художникъ считалъ въ себѣ страстностью. Теперь эта слабость Шульца разжигала въ немъ желаніе во что бы то ни стало показать своимъ, что этотъ замѣчательный художникъ Истоминъ, ему, Фридриху Шульцу, приходится самый близкій другъ и пріятель. Если братъ мѣриломъ дружбы деньги, что, можетъ статься, будетъ и не совсѣмъ неосновательно, то еслибы Истоминъ попросилъ у Шульца взаимно на слово десять тысячъ рублей—Шульцъ бы только обрадовался возможности услужить ими своему другу; еслибы у него на этотъ случай не было въ рукахъ такихъ денегъ, то онъ досталъ бы ихъ для друга со дна моря. А какой ему Романъ Прокофьичъ былъ другъ?—Да никакой!

О, Господи, Господи! сколько удивительныхъ коньковъ есть у странствующаго по лицу земли человѣчества! И чего ради все это бываетъ?! Чего ради вся эта суета, давка и напраснѣйшая трата добрыхъ и хорошихъ силъ на вѣтеръ, на призракъ, на мечтаніе! Сколько въ самомъ дѣлѣ есть разныхъ этихъ генераловъ Джексоновъ, и на сколько ладовъ каждый человѣкъ умудряется умереть за своего Джексона!

Романъ Прокофьичъ былъ нехудой человѣкъ въ иныхъ случаяхъ, даже добрый человѣкъ, способный иногда растрогаться чужимъ горемъ до слезъ, увлечься до нѣкотораго самоотверженія, но *любить* онъ никого не могъ, потому что *нечемъ* ему было любить. У него съ рода-родась не было никакихъ друзей, а бывъ у него только кое-какіе невзыскательные пріятели, съ которыми онъ, какъ напримѣръ, со мною, не былъ ничѣмъ особенно связанъ, такъ что могли мы съ нимъ, я думаю, цѣлый свой вѣкъ прожить въ ладу и въ согласіи вмѣстѣ, а могли и завтра, безъ особаго другъ о другѣ сожалѣнія, разстаться хоть и на вѣчныя времена. Женщинъ же, которыя его любили и которыхъ онъ и самъ въ простотѣ сердца называлъ своимъ «любовницами», онъ обыкновенно ставилъ въ положенія тайныхъ наложницъ—положенія, исключая изъ себя все, что вноситъ въ жизнь истинную поэзію и облагораживаетъ ближайшія отношенія женщины къ человѣку, передъ которымъ она увольняетъ сдерживающую ея скромность.

Романъ Прокофьичъ, впрочемъ, былъ человѣкъ необезличившій, и женщины любили его не за одну его наружность. Въ немъ еще цѣла была своя *натура*—натура, можетъ быть, весьма неодобрительная; но все-таки это была *натура* изъ числа тѣхъ, которыя при стереотипности всего окружающаго могутъ

производить впечатлѣніе, и обыкновенно производятъ его на женщинъ пыльных и всѣмъ сердцемъ ищущихъ *человѣка*, въ которомъ мерцаетъ хотя какая-нибудь малѣйшая божія искра, хотя бы и заваленная цѣлою бездною всякаго грѣховнаго мусора.

Вы можете считать его даже уродомъ, даже уродомъ пожалуй въ нашъ вѣкъ и невозможнымъ, но тѣмъ не менѣе онъ живой человѣкъ и на Васильевскомъ Островѣ еще непременно есть зеркала, въ которыя онъ и до днешняго дня смотрится.

На Васильевскомъ Островѣ, есть свои особенные, островскіе, доживающіе типы; это, такъ сказать, *василеостровскіе мошканы*. Въ ряду этихъ могиканъ самые оригинальные и близкіе къ уничтоженію — прихотники, люди, вѣжета, нигдѣ кромѣ Острова невозможные; люди усвоившіе себѣ свои, весьма исключительныя прихоти и возводящіе эти прихоти во что-то законное и неотразимое. Здѣсь еще, да здѣсь, не въ далекомъ провинціальномъ захолустьи, а въ Петербургѣ, въ двухъ шагахъ отъ университета и академіи сидятъ, напримѣръ, какъ улитки, уткнувшись въ самый узкій конецъ своей раковины, нѣкоторые оригинальные ученые, когда-то что-то претерпѣвшіе, и съ тѣхъ поръ упорно дѣлающіе, въ теченіе многихъ лѣтъ, всему обществу самую непростительную гримасу. Они употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ средства быть не тѣмъ, чѣмъ они созданы, изоллговаться, и становиться «не отъ міра сего». Должно признаться, что нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ въ этомъ искусствѣ до такого совершенства, что дѣйствительно утрачиваютъ наконецъ всякую способность понимать свое время: одинъ такой оригиналъ, выползая на минуту изъ своей раковины, положимъ, не находитъ для себя безопаснымъ ни одного кресла въ театрѣ; другой стремглавъ бѣжитъ отъ извожника, который по ошибкѣ завернетъ съ нимъ не въ тотъ переулокъ, куда ему сказано; третій огуломъ смущается отъ взгляда каждаго человѣка, и всѣ они вмѣстѣ готовы съечь цѣлныи историческій трудъ свой, если на нихъ искоса посмотреть кухарка, подавшая приготовленное для нихъ жаркое. Ни прежняя жизненная дѣятельность, ни новыя труды не даютъ основанія сомнѣваться, что у этихъ людей головы способны работать здраво, когда захотятъ, чтобы они работали. Выпалывать глаза и забиваться въ уголь, для этихъ людей—очевидно, ихъ прихоть: имъ, вѣроятно, и самимъ нелегко служить этой прихоти, но они непреклонны; девизъ ихъ русская пословица: «тѣшь мой обычай, плаши въ головахъ». Отстать отъ этой прихоти, для нихъ значить перестать быть самими собою: въ ней крѣпость ихъ слабости.

Еще болѣе странныхъ и еще менѣе достойныхъ извиненія при-

хотниковъ встрѣчается здѣсь въ средѣ людей, надышавшихся въ юности воздухомъ васплеостровской академіи художествъ и воспріавшихъ на себя ея преданія. Вѣчное дѣтство и, къ несчастію, весьма нехорошее, испорченное дѣтство этихъ людей по истинѣ изумительно. Германскій студентъ, оканчивая курсъ въ своемъ университетѣ, и отпировавъ съ товарищами послѣднюю пирушку, перестаетъ быть безпокойнымъ буршемъ, и входитъ въ общество людей съ уваженіемъ къ ихъ спокойствію, къ ихъ общественнымъ законамъ и къ ихъ морали; онъ снимаетъ свою корпоративную коварду и съ нею снимаетъ съ себя обязательство содержать и вносить въ жизнь свою буршескую, корпоративную нравственность. Буршъ спѣшитъ сдѣлаться гражданиномъ страны своей и человѣкомъ *своего времени*, принося внутреннюю присягу совѣсти передъ кодексомъ нравственности болѣе широкимъ, чѣмъ кодексъ, регламентирующій несложныя отношенія одинокаго бурша. Такимъ образомъ буйный буршъ, какъ бы онъ ни провелъ время своего студенчества, не вноситъ изъ своей корпораціи въ общество никакихъ преданій, обязывающихъ его враждебно идти въ разрѣвъ со всѣми людьми земли своей. Не то представляетъ нашъ художникъ и именно, въ это время, уже рѣшительно только одинъ нашъ, русскій художникъ, человѣкъ попреимуществу еще очень мало развитый, или чаще всего вовсе неразвитый и кругомъ невѣжественный. Съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина Вторая построила на островской набережной Большой Невы храмъ *свободнымъ художествамъ*, заведеніе это выпустило самое ограниченное число замѣчательныхъ талантовъ и довольно значительное число посредственности, дававшей нѣкогда какіе-то задатки, а потомъ безслѣдно загложшей. Всѣ эти таланты и посредственность, а вкупѣ съ нею и вся художественная бездарность вынесли изъ воспитательной среды этого заведенія художественныя прихоти великихъ дарованій: они любятъ поощрять въ себѣ разнузданность страстей и страстишекъ; воспитываютъ въ себѣ характеры примитивныя и бредятъ любовью къ женщинамъ и любовью къ природѣ, не понимая самыхъ простыхъ обязательствъ, вытекающихъ изъ любви къ женщинѣ, и не щадя природы чело- вѣка въ самыхъ глубочайшихъ нѣдрахъ чело- вѣческаго духа. Всѣ позволѣнія русской художественной семьи, начиная съ тѣхъ, которыя видѣли на президентскомъ вреслѣ своихъ совѣтовъ императрицу Екатерину, до тѣхъ, при которыхъ нынче обновляется неотвѣчающее современнымъ условіямъ екатерининское зданіе—всѣ они отличались прихотничествомъ, всѣ требовали отъ жизни чего-то такого, чего она не можетъ давать въ это время, и того, что имъ самимъ вовсе не нужно, что разбило бы и разрушило ихъ мѣщанскіе

организмы, неспособные снести осуществленія единственно лишь изъ одной прихоти заявляемыхъ художественныхъ запросовъ. Кромѣ извѣстнаго числа ловкихъ людей, которые къ извѣстной порѣ своего возраста являютъ одинаковую степень сообразительности, не стѣняясь тѣмъ, прошла ли ихъ юность подѣ отеческимъ вровомъ, въ стѣнахъ пажескаго корпуса, въ залахъ училища правовѣдѣнія, или въ натуральныхъ классахъ академіи, кромѣ этихъ *художниковъ-практиковъ*, о которыхъ говорить нечего, остальное все очень трудно разстается съ отживающими традиціями. На нашей уже памяти доживало поколѣніе художниковъ, проводившихъ большую половину своей жизни въ пьяномъ видѣ. Академическое преданіе убѣждало этихъ людей, что трезвый, воздержный и самообладающій художникъ вовсе не художникъ; оно оправдывало эту порочную слабость, дѣлало ее принадлежностью художника и насаждало около стѣнъ василеостровской академіи цѣлый классъ людей, утверждавшихъ за собою право не владѣть собою, ибо страсти ихъ велики безъ мѣры и головою выше всякихъ законовъ. Сила преданія тиранствовала надъ этими нравами до тѣхъ поръ, пока общественное чуждательство отъ сближенія съ людьми, пьянствующими ех *professo*, вдругъ показало тогдашнимъ художникамъ, что они могутъ остаться за флагомъ, ибо на смѣну ихъ является новое поколѣніе, неманкирующее явно благопристойностью. Освободивъ себя отъ тираніи этого преданія, нынѣшній художникъ уже не пренебрегаетъ многимъ, чтѣ можетъ быть пришлифовано къ нему, не нарушая его художественнаго настроенія: онъ отдалъ публичнымъ канканерамъ свои небрежно повязанные галстуки, уступилъ «болванамъ петербургскаго нигилизма» длинную гривку и ходитъ нынче совсѣмъ человѣкомъ: даже немножко читаетъ. Оцивилизовавшись внѣшнимъ образомъ, василеостровскій художникъ, однако, упоривѣйшимъ образомъ хранитъ въ себѣ еще послѣднее завѣщаніе старыхъ преданій: онъ боится давать возрасти внутри себя челоуѣку самообладающему. Онъ и до нынѣшняго дня вѣритъ, что это самообладаніе можетъ уничтожить въ немъ художника, и считаетъ свою обязанностью приносить все въ жертву прихотей, по преданію отличавшихъ прежнихъ людей его среды. Выражается это очень странно, въ видѣ *страстности*; но это не страстность, заставляющая современнаго челоуѣка хоть на минуту перенестись въ эпоху нибелунговъ, олимпійскихъ боговъ и вообще въ эпохи великихъ образовъ и грандіознаго проявленія гигантскихъ страстей: это въ жизни прихоть, оправдываемая преданіями; въ творчествѣ — служеніе чувственности и неумѣнье понять круглымъ счетомъ ровно никакихъ задачъ искусства, кромѣ задачъ сухо политическихъ, мелкихъ,

или комфортативныхъ, разрѣшаемыхъ въ угоду своей субъективности. Это просто неотразимое вліаніе кружка и особенностей воспитанія, исключавшихъ у насъ возможность появленія Рубенса, Тинторето, Тиціана и Веласкеца, но за то производившихъ бездарнѣйшихъ людей да учителей рисованія, или чиновниковъ академіи, да художниковъ Истоминыхъ. Зданіе академіи художествъ начинаютъ исправлять и передѣлывать въ годъ открытія другаго зданія, въ которомъ общество русское, недавно судимое при закрытыхъ дверяхъ, само въ лицѣ избранныхъ людей своихъ станетъ судьей *факта* по совѣсти и по убѣжденію внутреннему. Вровень съ карнизами этого зданія приподнимется и станетъ во главѣ угла камень, который долго отвергали виазущіе: встанетъ *общественное мнѣніе*, встанетъ *правда народа*. Опера-фарсъ «Орфей въ аду», поставленная на русской петербургской сценѣ зимою, предшествовавшей открытію въ столицѣ зданія суда, представляла *общественное мнѣніе* одѣтымъ въ ливрею, дающую ему видъ часовой будни у генеральскаго подъѣзда; но близокъ часъ, когда дирекція театровъ должна будетъ шить для актрисы Стрѣльской, изображающей «*общественное мнѣніе*», новую одежду. Рисунокъ этой одежды пускай внимательно обсудятъ послѣдніе могикане екатерининскаго храма «свободнымъ художествамъ», ибо въ этой одеждѣ общественное мнѣніе выйдетъ изъ будни, наложитъ свою правдивую десницу на всѣ дѣла, нынѣ снисходительно оправдываемыя заблужденіями, и величепріятно скажетъ свое безапелляціонное: *виновать*.

Каковы бы ни были свойства тѣхъ печальныхъ случайностей, которыя дали строителю академіи Кокорину мысль, совершивъ свою работу, улавиться въ построенныхъ имъ стѣнахъ, а великому въ исторіи русскаго искусства Карлу Брюллову другую, нѣсколько фанальную мысль снять на границѣ Россіи бѣлье, платье и обувь и нагишомъ перейти въ Европу, гдѣ его иностранные друзья приготовили ему новое, небывавшее въ Россіи платье, ученики Брюллова—туть, въ обѣихъ этихъ выходкахъ строителя академіи и знаменитѣйшаго изъ ея професоровъ, есть что-то, отчего можно задуматься. Ученики Брюллова должны бы, кажется, припомнить этотъ аллегорическій призывъ къ обновленію и сбросить свои демоническіе плащи, время которыхъ, увы! невозвратно минуло. Въ наше время неудобно забывать, что какъ выпяленные изъ орбитъ глаза нѣкоторыхъ ученыхъ, смущающихся взглядами подающей имъ жаркое кухарки, обусловливаютъ успѣхъ людей менѣе честныхъ и менѣе ученыхъ, но болѣе живыхъ и чуткихъ къ общественному пульсу, такъ и не въ мѣру выпяливаемые художественныя прихоти и страсти художниковъ обусловли-

вають успѣхъ непримиримыхъ враговъ искусства: людей, неуважающихъ ничего, кромѣ положенія и прибытка, и теоретиковъ, поставившихъ себѣ миссію игнорированье произведеній искусства, и опошленіе самихъ натуръ, чувствующихъ неотразимость художественнаго призванія.

Время громко говорить художникамъ: берите изъ своихъ преданій все, что не мѣшаетъ вамъ быть гражданами, полными чувствъ гражданской доблести, но сожгите все остальное вмѣстѣ съ старыми манекенами, дѣланными въ дни младенчества анатоміи и механики, и искреннѣе подайте ругу современной жизни.

Какъ ни старо алегорическое сравненіе жизни съ моремъ, но не мѣшаетъ иногда вспомнить и старое. Море выбрасываетъ все, что не умѣетъ держаться на его волнахъ, борясь съ дыханіемъ бурь и съ грозой непогоды, но оно выбрасываетъ и то, что падаетъ на дно его безднъ, будучи чуждо этимъ глубокимъ безднамъ.

Возвращаемся, впрочемъ, къ нашимъ пирующимъ нѣмцамъ и къ ихъ своенравному гостю.

VIII.

Чѣмъ упрямѣ дулся Романъ Прокофѣичъ, тѣмъ усерднѣй волочился за нимъ Фридрихъ Фридриховичъ. Не находя мѣста прямому ухаживанью, онъ начиналъ это издали, самыми окольными путями. Маневры Шульца въ этомъ случаѣ были презанимательны; и хотя это довольно часто напоминало «намеки тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто», но Истоминъ понималъ ихъ и все это, что называется, его все болѣе навручивало и заводило. А Фридрихъ Фридриховичъ все-таки продолжалъ усердствовать. Онъ даже до того увлекся своей внимательностью, что въ присутствіи всѣхъ солидныхъ нѣмцевъ и самого пастора Абеля началъ окончательно объявлять себя человѣкомъ русскимъ и отдавать тонкое предпочтеніе всему русскому. Нивогда не изобличая особеннаго знакомства съ русской исторіей и геральдикой, Шульцъ вдругъ заговорилъ о Строгоновыхъ, о гостѣ Петрѣ Строгоновѣ и нѣмцѣ Данилѣ Эйлофѣ, возставшихъ за Шуйскаго, противъ Царика Тушинскаго. Тутъ, въ этихъ рѣчахъ, было все: и желаніе бортоваться борть о борть съ фамиліей Строгоновыхъ, и похвала Эйлофу, «нѣмцу греческой вѣры», и похвала самой вѣрѣ греческой, и готовность Шульца во всемъ сдѣлаться вторымъ Эйлофомъ.

Отъ старихъ дней Шульцъ перешелъ и къ настоящему времени.

— Что жь, говорилъ онъ съ мягчайшею скромностью:— у насъ въ Россіи теперь — особенно при нынѣшнемъ государѣ, житье людямъ самое лучшее, какъ въ чужихъ краяхъ.

Отъ вопросовъ столь крупной, такъ сказать государственной важности, дѣло точно въ томъ же направленіи доходило и до частныхъ: Шульцъ началъ хвалить нашу общественную жизнь, нашъ Петербургъ, съ его каналами, мостами и дворцами.

Кто-то было похвалилъ Берлинъ.

— Помилуйте! вступился Шульцъ:— ну, что тамъ за Берлинъ!— воробью лѣтомъ напиться негдѣ; а вѣдь у насъ, вѣдь это я, ей Богу не знаю— вѣдь это Венеція!

— Да; и ледъ въ маѣ плаваетъ, подсказалъ Истомина.

Шульцъ разсмѣялся и ударилъ Истомина товарищески по плечу. Въ это время, кто-то заговорилъ о театрахъ; какіе театры въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ; вспомнили о Янаушекъ и о Газе.

— Чтѣ же Газе! Ну, чтѣ жь такое Газе! восклицалъ съ кляксю миною Фридрихъ Фридриховичъ поклонникамъ нѣмецкаго Гаррика. — Видѣлъ-съ я и Газе, и Дависона — а ужъ я не говорю объ этомъ чортѣ, объ Ольриджѣ... но... но, я спрашиваю васъ... ну, чтѣ же это такое? — Конечно, тамъ въ Отелло онъ хорошъ, ну, ни слова — хорошъ; но вѣдь это... вѣдь это все-таки не то-же, напримѣръ, что нашъ Василій Васильевичъ, который вездѣ и во всемъ артистъ!

На лицахъ нѣмцевъ выразилось общее недоумѣніе и даже перепугъ.

Одинъ недоумѣвающій нѣмецъ, остолбенѣвшій съ кускомъ говядины во рту, торопливо пропустилъ глотокъ вина и спросилъ:

— Это какой Василь Васичъ?

— Да Самойловъ-съ.

— А-га, Самойловъ! провозносилъ недоумѣвающій нѣмецъ, точно проглатывалъ въ нѣсколько приемовъ большую маринованную устрицу.

— Да-съ, да, Самойловъ! Чтѣ можетъ сравниться, я говорю, когда онъ произноситъ это, знаете: «О, защитите насъ, святія силы неба!» О, я вамъ скажу, это не шутка-съ!

— Очень хорошо, соглашался недоумѣвающій нѣмецъ, проглатывая вторую устрицу.

— Ну, за то ужъ опера русская! заводила, покачивая головою, булочница Шперлянгъ.

— Да, опера того... нехороша была, не теперь-съ, а была! от-вѣчалъ съ соболѣзнованіемъ Фридрихъ Фридриховичъ:— но пѣвцы

хорошіе все-таки всегда были. Итальянцы тамъ, конечно, итальянцами; но да-съ, а я вѣдь за всѣхъ этихъ итальянцевъ не отдамъ вамъ нашего русскаго Осипа Аоанасьевича. Да-асъ! не отдамъ! Осипа Аоанасьевича не отдамъ!

— Кто это Осипъ Аоанасьевичъ? освѣдомлялся опять недоумѣвающій нѣмецъ.

— Осипъ Аоанасьевичъ! А вы такой башибузукъ что не знаете кто такой Осипъ Аоанасьевичъ! Откуда вы пріѣхали?

— Что жъ такое... я вѣдь, кажется... ничего... бормоталъ испугавшись нѣмецъ.

— Ничего! Нѣтъ, я васъ спрашиваю: откуда вы къ намъ въ Петербургъ пріѣхали?

Нѣмецъ встревожился и даже пересталъ жевать. Мѣняясь въ лицѣ, онъ произнесъ:

— Да, да да; конечно, конечно... ich weiss schön... это высочайши...

— Перестаньте, пожалуйста, Богъ-знаетъ что говорить, это высочайшій басы! понимаете вы: это Петровъ басы! Осипъ Аоанасьевичъ—нашъ Петровъ! разъяснилъ ему болѣе снисходительно Фридрихъ Фридриховичъ.—Пѣвецъ Петровъ, понимаете: пѣвецъ, *твэецъ!*

— Петттрофъ пѣвецъ, улыбался, блаженно успокоиваясь, нѣмецъ.

— Да-съ; это бархатъ, это бархатъ! Знаете, какъ у него это!

Друзья! тамъ-тамъ-тамъ-тамъ-та-ра-ри,
Друзья! томъ-томъ-та-ра-ра-ра,
Трамъ-тамъ-тамъ-тамъ-тамъ-та-ра-ри,
Тромъ-томъ-томъ та-ра-ра-ра!

Фридрихъ Фридриховичъ напѣлъ кусочекъ изъ извѣстной въ репертуарѣ Петрова партіи Бертрама — и взглянулъ изподлобья на Истомина: тотъ все супился и молчалъ. Съ каждымъ лестнымъ отзывомъ Фридриха Фридриховича, съ каждой его похвалой русской талантливости лицо художника подергивалось и становилось нетерпѣливѣе. Но этой войны Истомина съ Шульцемъ не замѣчалъ никто, кромѣ Иды Ивановны, глаза которой немножко смѣялись, глядя на зятя, да еще кромѣ Мани, все лицо которой выражало тихую досаду.

Гости поотшли въ сторону отъ своихъ обыкновенныхъ тѣмъ и говорили о музыкѣ, или собственно Богъ-знаетъ о чемъ говорили.

Собственная особа Фридриха Фридриховича все больше увле-

калась артистическимъ патриотизмомъ: онъ сорвался съ петель и ужь немножко хлестаковствовалъ:

— Самойловъ... говорилъ онъ:—я съ нимъ тоже знакомъ, по это... такъ вамъ сказать, онъ не простецъ: онъ этакой волкъ съ клычкомъ; Ришилье этакой; ну, а Петровъ, продолжалъ Шульцъ, придавая особенную теплоту и мягкость своему голосу:—это нашъ братъ простопоръ; это *душа!* Я, бывало, говорю ему въ Коломагахъ лѣтомъ: ну, что, братъ Осипъ Аванасичъ?

— Такъ, говорить, все, братъ Шульцъ, помаленьку. Спой прошу, ну другой разъ споеть, а другой разъ говорить: «самъ себѣ спой».—Простопоръ!

Слушая Фридриха Фридриховича, гости, ожидавшіе ужина, такъ и рѣшились держаться артистическихъ вопросовъ.

Кто-то началъ рассказывать, что Леонова «тоже воспѣваетъ»; а кто-то другой замѣтилъ, что надо говорить не «воспѣваетъ», а «поеть»; еще кто-то вмѣшался, что даже и не «поеть», а «спиваютъ», и наконецъ ужь вышло, что никто ничего не могъ разобрать. Опять потребовалось посредство Фридриха Фридриховича, который долго разяснялъ разницу понятій, выражаемыхъ словами: «пить», «пѣть», «паять», «воспѣвать» и «спивать». Вышло чортъ-знаетъ, что такое несуразное, что Леонова то поѣтъ, то поеть, то воспѣваетъ, то спиваетъ. Ухидряясь выговаривать искомое слово какъ можно правильнѣе, кто-то одинъ разъ сказалъ даже: «потѣтъ»; но Фридрихъ Фридриховичъ тотчасъ же остановилъ этого филолога, замѣти ему: ну, чортъ съѣдайте вашу милость—все что вамъ угодно, только не потѣтъ.—Этого даже пожалуйста и не говорите никогда; никогда ее нигдѣ не говорите, потому что это не говорится-сь, да, не говорится-сь.

Послѣ ужина гости скоро стали прощаться. Семейство пастора и всѣ солидные господа и ихъ дамы разошлись первыи. Фридрихъ Фридриховичъ удержалъ въ залѣ только меня, Истоминна, поляка, испеченнаго въ собственной булочной розоваго Шперлинга, и одного солиднаго господина.

— Вѣдь это напрасно, говорилъ ему Истоминъ:—я ничего не стану пить.

— Ну-сь, это мы будемъ видѣть, какъ вы не выпьете! отвѣчалъ Шульцъ.

Истоминъ поставилъ на столъ свою шляпу, взялъ съ овна принесенный Манею томъ Пушкина, придвинулся къ столу, и началъ смотрѣть въ книгу.

Черезъ залу прошла въ магазинъ (изъ котораго былъ прямой выходъ на улицу) Берта Ивановна. Она не хотѣла ни торопить

мужа домой, ни дожидать его, и уходила со всѣми раскланиваясь и всѣмъ подавая руки. Ее провожали до дверей Ида Ивановна и Маня. Я всталъ, и тоже вышелъ за ними.

— Устала ужасно я, жаловалась Берта Ивановна, когда я застегивала на ней шубу.

— Очень ужъ вы, говорю ей, расплясались.

— Ахъ, я вѣдь люблю поплясать!

— И вашъ Истоминъ-то... Ну, я не думала, что онъ такой кузнецикъ, проговорила Ида Ивановна.

— Совсѣмъ странно, тихо сказала Маня.

— Онъ совсѣмъ испугалъ меня... Ну, Фридрихъ! ну, погоди, я тебѣ это припомню! закончила Берта Ивановна, относясь къ залѣ, изъ которой слышался голосъ мужа.

Я проводилъ Берту Ивановну до дома, и тѣмъ же путемъ возвратился. Когда я пришелъ назадъ, въ магазинѣ была совершенная темнота, а въ залѣ компанія допивала вино, и Фридрихъ Фридриховичъ велъ съ солиднымъ господиномъ бесѣду о національныхъ добродѣтеляхъ.

— О, не думайте! говорилъ онъ солидному господину: — нашъ нѣмецкій народъ — это правда, есть очень высокообразованный народъ; но нашъ русскій народъ — тоже очень умный народъ. Шульцъ поднялъ кулакъ и произнесъ: — шустрый народъ, понимаете, что называется, шустрый? Здравый смыслъ, здравый смыслъ, вотъ чѣмъ мы богаты!

— Ну, да; ну, позвольте: теперь будемъ говорить Петербургъ. (Нѣмецъ оглянулся по сторонамъ, и видя, что послѣдняя изъ дамъ, Ида Ивановна, ушла во внутренніе апартаменты, добавилъ) — женитьбомъ пренебрегаютъ, а каждый, какъ это говорится, имѣетъ своя съ бока приѣзда. Чѣмъ это кончится? Это какъ совсѣмъ Парижъ.

— Съ боку припѣка говорится, поправилъ Фридрихъ Фридриховичъ, и продолжалъ въ другомъ тонѣ: — ну, только тутъ надо соображать, какія тутъ есть обстоятельства. Это нельзя не соображать.

— Это совсѣмъ не отвиситъ отъ обстоятельствовъ, отвѣчалъ махнувъ рукою нѣмецъ.

— То-есть, положимъ, порусски говорится *не зависитъ*, а не «не отвиситъ», ну, ужъ пусть будетъ по вашему: отчего же это по вашему отвиситъ?

— Отъ свой карактеръ.

— Гм!... Нѣтъ-съ, этакъ разсуждать нельзя.

— Это вѣрно такъ, что отъ карактеръ. Вотъ будемъ говорить чиновникъ — у него маленькія обстоятельства, а онъ женится;

нѣмецкій всякій женится; полковой офицеръ женится; а прочіи такой и съ хорошею обстоятельствомъ, а не женится. Нашъ нѣмецкій художникъ женится, а русскій художникъ не женится.

— Это камушекъ въ вашъ огорождъ, сказалъ Шульцъ, трогая Истомину за руку.

Истоминъ молча приподнялъ голову, спросилъ: чтѣ? и клѣбнулъ изъ непечатаго стакана.

— Художникъ-съ, началъ Фридрихъ Фридриховичъ, не отвѣчая Истомину, и касаясь теперь руки солиднаго гостя:—совсѣмъ особое дѣло. Художникъ, поэтъ, литераторъ, музыкантъ—это совсѣмъ не фамилійные люди. Это совсѣмъ, совсѣмъ не фамилійные люди! Имъ нужно... это... впечатлѣніе, а не то, что намъ съ вами. У насъ съ вами, батюшка мой, что жена-то? копѣлка, копѣлка. Ну, а ихъ одна вдохновляетъ такъ, другая—иначе, ихъ дѣло такое, а не то, что по нашему: сидѣть, да женины ноги грѣть. Это совсѣмъ не то, что мы съ вами: имъ женъ не нужно.

— То-есть намъ женъ нѣтъ, можетъ быть, вы хотите сказать, вмѣшался тихо Истоминъ.—Намъ нѣту женъ; еще не выросли онѣ на нашу долю, любезный Фридрихъ Фридриховичъ.

— Чужія на вашу долю выросли, ха-ха-ха! Шульцъ такъ и раскатился.

— Чужія! то-то вотъ вы заливааетесь, а вмѣсто того, лучше путемъ-то скажите-ка, гдѣ эти женщины для насъ, пролетаріевъ? Или вы ли вашу Кларочку такъ воспитываете?

— И очень, батюшка, Романъ Прокофѣвичъ, и очень, государь мой, и очень.

— Ну, какъ же!

— Да-съ, да; а вы вотъ скажите, бывали ли... есть ли, наконецъ, у художниковъ идеалы-то простые? Можете ли вы себя представить, какую бы вы себя хотѣли жену?

— Могу-съ, и представляю.

— Кто это, напримѣръ?

— Анна Денманъ.

— Чтѣ сіе такое за Денманъ?

— Денманъ?... Денманъ... это *сiе*, которое ни за какія коврижки не покупается, Фридрихъ Фридриховичъ. Денманъ—это англичанка, жена скульптора, Джона Флаксмана. А хотите знать, чтѣ она сдѣлала?—и это расскажу вамъ.—Когда Флакسمанъ женился на ней, ему сказалъ пріятель: «Вы, Флаксманъ, теперь погибли для искусства». — «Анна, я теперь погибъ для искусства?» говорилъ, придя домой, Флаксманъ. — «Чтѣ случилось съ тобою? Кто это сдѣлалъ?» встревожилась Денманъ. — «Это случилось въ церкви, отвѣчалъ Флаксманъ, и сдѣлала это Анна Денманъ», и все ей рассказалъ. —

«Анна Денманъ не погубить таланта», отвѣчала жена, и повела Флакмана въ Римъ, во Флоренцію; она одушевляла его; терпѣла съ нимъ всякую нужду; она сама сдѣлалась художникомъ, и вдохновила мужа создать великую статую великаго Данте — Данте, котораго тоже вела женщина, его безсмертная Беатриче. Понимаете, благодѣтель мой, Фридрихъ Фридриховичъ! что для художника возможна подруга, очень возможна; да понимаете ли, какая подруга для него возможна?... Пусть ваша Клара будетъ Анною Денманъ.

— О! очень пусть; очень.

— Ну, вотъ тогда и еще кто-нибудь, кромѣ Флакмана, скажетъ во всеуслышаніе, что «жена не помѣха искусству». Только вѣдь, батюшка, Фридрихъ Фридриховичъ, кто хочетъ взростить такое чистое дитя, тотъ не спрашиваетъ дочку: «Кларинька, какой тебѣ, душечка, домъ купить?» а учить ее щенка слѣпного жалѣть, мышку, цыпленка; любить не палаты ваменные, а лужицу, что послѣ дождя становится.

— А что жъ, я былъ бы очень радъ.

— Э, полноте-ка, пожалуйста! Ну, на что вамъ все это въ вашей дочери? Чтò мы, въ самомъ дѣлѣ, такое всѣ-то какіе есть искусники? Вѣдь ужъ какъ вы тамъ хотите, а ваша лисья шуба вамъ милѣй Шекспира?... чтò? Ей-богу правда! Не думаете ли вы, взаправду, что мы какая-то соль земли? напротивъ, вы и сами того убѣжденія, что мы такъ что-то этакое, назначенное для вашего развлеченія, какіе-то этакіе брелоки что ли къ вашей дѣвочкѣ. Вѣдь такъ? Вотъ этакой мѣховщикъ Кунъ, что ли, который вамъ шубы шьетъ, какой-нибудь Никита Селивановичъ, который своимъ братомъ-свотомъ торгуетъ; банкиры, спекулянты пеньковаго буана, да что-нибудь еще въ этомъ родѣ — вотъ это люди! Они, дѣйствительно, дѣла дѣлаютъ, которыя всѣ сейчасъ можно привести въ копейки — они, значить, и нужны, а мы... да въ самомъ дѣлѣ, пусть чортъ самъ разберетъ, на чтò мы?— Ни Богу свѣчка, ни чорту ожегъ.

— Чорта не поминай! чорта, братецъ, не поминай! отъ этого, мужикъ говорилъ, худо бываетъ. Лучше Богу помолись, такъ онъ тебѣ и жену дастъ, умильно фамильяричалъ Фридрихъ Фридриховичъ.

— Да; вы, небось, молитесь!

— А то какъ бы вы думали?

— Ну, вамъ и книги въ руки. — За это же Богъ и далъ вамъ Берту Иванову.

— Копилку свою.

— Да копилку, и очень красивая копилка; и у васъ всегда всѣ пуговяды къ рубашкамъ пришиты, и вы можете спать всегда у

б'лаго плечика. — Чудесно!! И всему этому, такъ и быть слѣдуетъ, голубчикъ. У Берты Ивановны Шульцъ есть домъ — полная чаша; у Берты Ивановны Шульцъ — сундуки в комоды ломятся отъ уборовъ и нарядовъ; у Берты Ивановны Шульцъ — мужъ, вѣжнѣйшій Фридрихъ, который много что скажетъ: «Эй, Берта Ивановна, смотрите, какъ-бы мы съ вами не поссорились!» — Берта Ивановна вся куплена.

Шульцъ самодовольно улыбнулся.

— Чтò? угадалъ, вѣдь, я? продолжалъ Истоминонь: — а въ будущемъ, у нея в состояніе, и почетъ, и дѣтская любовь, и общее уваженіе — такъ чего же ей бояться или печалиться, и какъ ей не цаловать васъ сладко! Не такъ ли-съ?

Шульцъ съ улыбкой качнулъ головою, и проговорилъ:

— Ну, разсуждайте, разсуждайте!

— Да-съ, такъ-съ это, именно такъ-съ, продолжалъ Истоминонь: — и все это такъ, именно потому, что сынове міра сего мудрѣйши сыновъ свѣта суть, *«и своєю родъ»*. Праздникъ на вашей улицѣ. Женщины, не наши однѣ русскія женщины, а всѣ почти женщины, въ цѣломъ мірѣ, вездѣ онѣ одной съ вами религіи — одному съ вами золотому богу кланяются. Всегда онѣ васъ прощадутъ за васъ, будьте въ этомъ благонадежны.

— А съ вами насъ обмануть?

— Ну, вѣдь сердце, батюшка Фридрихъ Фридриховичъ, не щенка, а праздность, какъ вамъ должно быть изъ прописи извѣстно, есть мать всѣхъ заблужденій и пороковъ. Да и то, вѣдь, что жъ *обманетъ...* какой тамъ обманъ?... пошальтъ, то есть бездѣлицу — только и всего. Не убудетъ же ея оттого, что кто-нибудь ее отмѣтитъ своимъ минутнымъ вниманіемъ.

— Ха-ха-ха — отмѣтитъ! это пустяки называется!

— Да, пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ, пустяки.

— Ну, покорно васъ благодарю.

— Не за что еще пока, отвѣчалъ небрежно Истоминонь, и непосредственно началъ: — знаете, Фридрихъ Фридриховичъ, въ человѣческой породѣ бабы-то, воля ваша, должно быть, смысленнѣе самцовъ.

— Право!

— Право-съ. — Вы вонъ-съ, извольте говорить, «что намъ все нужно *разнообразіе*». Правда? Вѣдь вы именно это думали: *разнообразіе*, и даже *разнообразіе* именно, въ самомъ узкомъ значеніи?

— Н-ну... началъ-было Шульцъ.

— Нѣтъ, позвольте! перебилъ его Истоминонь. — Я очень усталъ, и мнѣ говорить не хочется; но ужъ не знаю, зачѣмъ-то, однако,

я нахожу нужнымъ заплатить вамъ за откровенность откровенностью. Вы, и вотъ всё такіе хорошіе люди, какъ вы (само собою, въ искренность этихъ словъ вы вѣрите) — такъ всё такіе то вотъ люди, наши злѣйшіе враги и предатели. Да-съ, предатели. Привѣчая и лаская насъ, первые вы стараетесь гадить намъ всѣми возможными средствами и преимущественно гадить у женщинъ. Вы имъ представляете насъ чудаками, химеристами, потому только, что мы на васъ непохожи и потому, что вамъ выгодно дѣлать насъ шутами. «Точно, моль, душечка, онъ интересенъ—пріятно быть съ нимъ вмѣстѣ; но а представь-ка ты, чтѣ бы съ тобой было, еслибы ты была его, а не моя?» Это все очень умно съ вашей стороны, только очень толсто, нехитро. Женщины вообще вѣдь по натурѣ и не очень довѣрчивы, и не очень робки, и совсѣмъ не такъ цѣломудренны, какъ практичны. Запугать вы ихъ нами не запугаете, а любопытство ихъ раздражить—разравните — вотъ вамъ и рога за ваши старанія.

— Чужадыне вы, господа.

— Да, птицы небесныя!—не жнемъ, не сѣемъ, а живы; но дѣло-то все не въ томъ! А зачѣмъ вы, подѣ видомъ дружбы и добрежелательства, мараете нашу репутацію? зачѣмъ вы насъ унижаете, возвышая какъ будто насъ надъ цѣлою толпою? Почему вы знаете, что мы не любимъ, да и любить не можемъ? А можетъ быть намъ *некого* скорѣй любить! Натурщицъ полногрудыхъ, что-ли? или купчихъ шестипудовыхъ? или кисейныхъ барышень? чиновницъ, и день и ночь мечтающихъ о шляпкахъ? или этихъ Мессалинъ сластолюбивыхъ? Кого-жъ? кого, по вашему, я долженъ полюбить? Молчите? Слава-богу! А вы теперь скажите, или намекайте; или такъ хоть въ ту сторону кивните пальцемъ, гдѣ по вашимъ соображеніямъ находится *женщина*, не ваша женщина, а *наша*, которой мила жизнь наша, а не ваша; женщина, которая мнѣ обѣщала бы поддержку на борьбу со всякою бѣдою, которая бы принесла хоть каплю масла для той искры, которая меня одушевляетъ! Ваши женщины! Богъ съ ними совсѣмъ!—Придти тайкомъ, соорудить рога оленьи мужу—онѣ готовы; но чтобы съ нами горе наше черпать, нуждѣ въ глаза смѣяться, любить мой трудъ, мою работу... нѣтъ! Она скорѣй убьетъ всѣ искорки таланта, а не раздуетъ, не освѣжить его и не согрѣетъ. «Вотъ, скажетъ, Фридрихъ Фридриховичъ—вотъ мужъ примѣрный! Жена его спитъ на лебяжьемъ пуху; купается въ розовомъ маслѣ, а ты...», да и пойдетъ меня... мою свободу, мою свободу; будетъ мнѣ въ моихъ глазахъ же гадить! Станетъ упрекать меня за то, что я пренебрегаю тамъ какой-то, вовсе мнѣ ненужной чепухою; станетъ ровнять меня

съ купцомъ, или съ казнокрадомъ!... Да нѣтъ, оставьте, господа, вы говорить о насъ, попорченныхъ и сумасбродныхъ людяхъ! Кого вы называете любовницами нашими?... Да развѣ, въ самомъ дѣлѣ, есть, что ли, женщины, способныя любить? Не вѣрьте, не вѣрьте, батюшка Фридрихъ Фридриховичъ! Никто насъ не любить. Просто соскучатся съ благоразумными мужьями, да пошлать; а гдѣ тамъ имъ грѣшнымъ любить!

Истоминъ нетерпѣливо качнулъ головою и произнесъ:

— Баловницы онѣ, а не любовницы—и опять раскрылъ томъ Пушкина.

— Ну да, заговорилъ Фридрихъ Фридриховичъ:—женщины... того... Онѣ, конечно... мало еще всему этому сочувствуютъ; но вѣдь если всѣ станутъ сочувствовать, то...

— Чтò такое *естъ*? чтò *естъ*? нервно перебилъ его Истоминъ.

Шульцъ снова просипалъ кое-какъ свою фразу.

— Всѣ! всѣ! тихо и снисходительно повторилъ художникъ.— Да вы хоть вотъ это-бъ прочитали, продолжалъ онъ, глядя въ раскрытую страницу на *Моцартъ и Сальери*:—что еслибъ всѣ такъ чувствовали, тогда-бъ не могъ

И миръ существовать; никто-бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни,
Всѣбъ предался свободному искусству!
Насъ мало, избранныхъ счастливецъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.
Не правда-ль? Но я нынче нездоровъ:
Мнѣ что-то тяжело; пойду засну.
Прощайте.

— И *прощайте*, в это тутъ написано? спросилъ Шульцъ.

— Вотъ представьте себѣ, в это здѣсь написано, отвѣчалъ Истоминъ, пожимая всѣми руки, и торопливо выхода изъ залы.

Только что мы съ нимъ переступили въ темный магазинъ, какъ Истоминъ нервно вздрогнулъ, схватилъ меня за плечо и тихо вскрикнувъ: кто это? вдругъ остановился. Отъ сѣраго пятна, которымъ обвѣчалось окно, медленно отдѣлилась и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, стала миниатюрная фигура.

— Марья Ивановна! это вы? спросилъ Истоминъ.

Фигура ничего не отвѣтила, но тронулась тихо вдоль стѣны къ двери, какъ витайская гѣнь. Это была Маша. Истоминъ взялъ ее за руку и вѣжливо поцаловалъ въ ладонь.

Когда я пожалъ руку Мани, рука эта была холодна какъ ледъ, и въ тихомъ «прощайте», которое выронила мнѣ Маша, было что-то болѣзненное, какъ далека крикъ подстрѣленной птицы.

Долго я проворочался, врида домой, на моей постели и не могъ уснуть до свѣта. Все смущалъ меня этотъ холодъ и трепеть, этотъ слабый звукъ этого слабого *прощайте*, и тысячу разъ хотѣлось мнѣ встать и спросить Истомина, зачѣмъ онъ, прощааясь, поцаловалъ маннину руку, и поцаловалъ ее какъ-то странно, — въ ладонь. Утромъ я опять думалъ объ этомъ, и все мнѣ было что-то такое очень невесело.

Часу въ двѣнадцатомъ на другой день зашелъ ко мнѣ Фридрихъ Фридриховичъ.

— Долго, спрашиваю, вы еще посидѣли послѣ насъ?

— А нѣтъ, говорить.—Вдругъ, какъ этотъ нашъ раздраженный маэстро ушелъ, мы всѣ раззѣвались и пошли.

Опять мнѣ это не понравилось. Значить, съ выходомъ Истомина, на его словахъ оборвалась и рѣчь человѣческая. Хорошо, говорятъ, тому, за кѣмъ остается послѣднее слово въ бесѣдѣ!

А Фридрихъ Фридриховичъ, чортъ его знаетъ, со вчерашняго похмѣлья, что ли, вдругъ начинаеть мнѣ шутя сообщать, что Берта Ивановна дома его порядочно выпудрила за то, что онъ заставлялъ ее цаловаться съ Истоминнымъ. «Говорить, просто, говорить, какъ удавъ такъ и вливается. Еслибъ, говорить, ты не стоялъ возлѣ меня, такъ я бы, кажется, не знала, что съ собой дѣлать?»

— А вечеромъ же, глядите, не забудьте, приходите на полосканіе зубъ.

Что-то ужасно мнѣ не хотѣлось, но однако обѣщаль, что приду.

— И удава тащите.

Я обѣщаль и это; но удавъ не пошелъ.

— Чортъ съ нимъ совсѣмъ, сказалъ онъ, когда я передалъ ему шульцево приглашеніе и рассказывалъ, какъ тотъ усердно его просить. Истоминъ наотрѣвъ отказался, и усѣвшисъ за пианино, началъ что-то безъ толку напѣвать и наигрывать.

Я ушелъ одинъ.

Полосканіе зубъ совсѣмъ не задалось: самъ Шульцъ всталъ послѣ сна невеселый, мнѣ тоже не хотѣлось ни пить, ни говорить, Берта Ивановна очевидно хотѣлось спать, а Ида съ Маней пришли на минутку и скоро стали снова прощаться. Я всталъ и пошелъ вслѣдъ за ними. Шульцъ и не удерживалъ; онъ самъ свѣтилъ намъ пока мы надѣвали свои шубы, зѣвалъ и, закрывая рукою ротъ, говорилъ:

— А тому удаву сважите, что это непопріятельски. Я ему за это, какъ придется, ставанъ рейнвейну за шиворотъ вылью.

— Кто это «удавъ»? спросила идучи дорогою тихо Ида.

- Я говорю: Истоминаъ.
- Ужь и правда.
- Что это?
- Удавь.
- Онъ вамъ не нравится?
- Не нравится. Ида сдѣлала гримасу.
- А за что, смѣю спросить?
- Онъ духовъ вызываетъ.
- Какъ это, говорю, духовъ?
- А такъ... привидѣній. Тѣ лучше, которые вокругъ себя живыхъ людей терпятъ.

Ну, думаю себѣ, удавь, удавь! И сѣлъ этотъ удавь въ моемъ воображеніи около Мани, и пошелъ онъ обвиняться около нея вѣрными кольцами; пошелъ смотрѣть ей въ очи и сосать ея бѣленькую ладонь.

IX.

Пробѣжалъ еще мѣсяцъ. Живемъ мы опять спокойно, зима идетъ своимъ порядкомъ, по сѣрому небу летаютъ бѣлыя, снѣговныя мухи; по воючей и холодной петербургской грязи ползаютъ извожичьи клячи, однимъ словомъ все течетъ, какъ ему Господь повелѣлъ. Въ Романѣ Прокофьячѣ я не замѣчаю никакой перемены; а между тѣмъ въ немъ была нѣкоторая перемена, только не очень явно давала она себя почувствовать. Художественно лѣнивый и нервный Истоминаъ сталъ еще нервнѣе, безпечнѣе и лѣнивѣе. Мѣсяца три спустя послѣ маннаго праздника, я какъ-то вдругъ замѣтилъ, что Истоминаъ ужъ совсѣмъ ничего не работаетъ, и за кисть даже не берется. Картина стояла обороченная къ стѣнѣ и на подрамѣ ея лежалъ густой слой сѣрой пыли. Увеличилась нѣсколько обычная лѣнь, и ничего болѣе, думалъ я, и опять совсѣмъ забывалъ даже, что Истоминаъ ничего не работаетъ и валяется. Но мало-по-малу, наконецъ, вниманіе мое стало останавливаться на другихъ, болѣе странныхъ явленіяхъ въ характерѣ и привычкахъ Истомина. Романъ Прокофьячъ прежде всего сталъ иначе относиться къ неоставлявшимъ его дамамъ сильныхъ страстей и густыхъ вуалей. Перешвыривая пипъ съ необыкновенною легкостью и равнодушіемъ, онъ прежде всего дѣлалъ это очень спокойно, безъ всякихъ тревогъ и раздраженій, а съ нѣкотораго времени сталъ вдругъ жаловаться, что онѣ ему надоѣдаютъ, что ему нѣтъ покоя, и даже нѣсколько разъ выражалъ намѣреніе просто-за-просто повышвыривать ихъ всѣхъ на улицу. Наконецъ, въ одно сѣрое утро, валяясь въ своемъ черномъ бархатномъ пиджакѣ по богатому пер-

сидскому ковру, которымъ у него была покрыта низенькая турецкая отоманка, онъ позвалъ при мнѣ своего человѣка и сказалъ ему:

— Янко! Сдѣлай ты милость, вступишь въ мое спасенье.

Янко остановился, и глядѣлъ на него въ недоумѣніи.

— Будь благодѣтель, освободи ты меня отъ всякихъ барынь.

— Слушаю-съ, Романъ Прокофьевичъ! отвѣчалъ Янко.

— Какія жь ты для этого полагаешь предпринять мѣры?

— А пушать ихъ къ вамъ, Романъ Прокофьевичъ, не буду.

— Это — довольно тоцко и находчиво; я это одобряю, Янко, отвѣчалъ спокойно Истоминъ, и заговорилъ со мною о скукѣ, о тоскѣ, о томъ, что ему главнымъ образомъ Петербургъ опостылѣлъ, и что съ весною непременно надо уѣхать куда нибудь подальше.

Въ это время Истоминъ очень много читалъ, и даже собирался что-то писать противъ гоголевскихъ мнѣній объ искусствѣ; но писанія этого, впрочемъ, никогда не происходило. Онъ очень много читалъ этой порою, но и читалъ необыкновенно странно. Иногда онъ, въ эту полосу своего упорнаго домохѣдства, молча входилъ ко мнѣ въ своемъ бархатномъ пиджакѣ и ярвихъ бананусовыхъ шароварахъ, молча бралъ съ полки какую нибудь книгу и молча же уходилъ съ нею къ себѣ.

Я заставлялъ его часто, что онъ крѣпко спалъ на своей отоманкѣ, а книга валялась около него на полу, и потомъ онъ вскорѣ приносилъ ее и ставилъ на мѣсто. Въ другой разъ онъ нападалъ на какую нибудь небольшую книжонку, и читалъ ее удивительно долго и внимательно, точно какъ будто или не понималъ ее, или старался выучить наизусть. Долѣе всего онъ возился надъ Гейне, часто по цѣлымъ часамъ останавливаясь надъ какою нибудь одной пѣсенкой этого поэта.

— «Трубятъ голубые гусары», сказалъ я однажды, заходя къ нему, и заставая его лежащимъ съ маленькимъ томикомъ Гейне.

— Чтѣ? спросилъ онъ, наморща брови.

Я опять повторилъ строфу легкаго стихотворенія, которое нѣкогда очень любилъ и очень хвалилъ Истоминъ.

— Кой чортъ *гусары!* отвѣчалъ Романъ Прокофьевичъ. — Я все читаю объ этой «невсплаканной слезинкѣ». Эхъ, Господи, какъ люди писать-то умѣютъ! что это за прелесть, эта крошка Вероника! — ея и нѣтъ, а между тѣмъ ее чувствуешь, проговорилъ онъ лѣниво, приподнимаясь съ отоманки и закуривая сигару.

— «Она была достойна любви, и онъ любилъ ее; но онъ не былъ достоинъ любви, и она его не любила» — «это старая исто-

рія, которая будетъ всегда нова», произнесъ онъ серьёзно, и съ закуреной сигарой снова повалился на коверъ, закрылъ ноги кляпчатымъ пушистымъ пледомъ и сталъ читать далѣе.

Черезъ заклеенную дверь я слышалъ разъ, какъ онъ громко декламировалъ вслухъ:

Съ толпой безумною не стану
Я пляску дикую плясать,
И золоченому болвану,
Поддавшись гнусному обману,
Не стану ладонь воскурять.
Я не повѣрю рукожатьямъ
Мнѣ аму роющихъ друзей;
Я не отдамъ себя объятьямъ
Надменныхъ наглостью своей
Прелестницъ...
Нѣтъ, лучше нать, какъ дубъ въ несчастье,
Чѣмъ камышемъ остаться жить,
Чтобы потомъ считать за счастье —
Для франта тросточкой служить.

Я слышалъ также, какъ послѣ этой послѣдней строфы книга ударилась объ стѣну и полетѣла на полъ.

Черезъ минуту Истоминъ вошелъ ко мнѣ.

— А что вы думаете, спросилъ онъ меня снова:—что вы думаете объ этой «невыплаванной слезинкѣ»?

— А вѣдь вы болыни, Романъ Прокофьевичъ, сказалъ я ему вмѣсто отвѣта.

— Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, боленъ, произнесъ Истоминъ. Онъ приподнялся, посмотрѣлъ на себя въ зеркало, и не говоря ни слова, вышелъ.

Ладить съ Романомъ Прокофьевичемъ не было никакого средства. Его избалованная натура кипѣла и волновалась безпрестанно. Онъ рѣшительно не принималъ никого, и высказывался только самыми странными выходками.

— Знаете, говорилъ онъ мнѣ однажды:— какъ бы это было хорошо пристрѣлять какую нибудь каналью?

— Чѣмъ же это, спрашиваю, такъ очень хорошо бы было?

— Воздухъ бы немножко расчистился, а то сперлось ужъ очень.

Романъ Прокофьевичъ поставилъ на край этажерки карту, выстрѣлялъ въ нее изъ револьвера и попаля.

— Хорошо? спросилъ онъ, показывая мнѣ туза, пробитаго въ самое очко, и вслѣдъ за этимъ кликнулъ Янка.

— Милый Яни! Подержи-ка, сказалъ онъ, подавая слугѣ карту.

Яни спокойно поставилъ на своей стриженной головѣ карту, и деликатно придерживалъ ее за нижніе углышки обѣими руками.

Истоминъ отошелъ, приподнялъ пистолеть и выстрѣлилъ: новая карта опять была пробита въ самой серединѣ.

Я зналъ, что такія забавы у нихъ были дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но все-таки эта сцена встревожила меня, и притомъ въ комнатѣ становилось тяжело дышать отъ порохового дыма.

— Пойдемте лучше ко мнѣ! позвалъ я Истомина.

— А здѣсь развѣ не все равно?

— Теперь здѣсь дѣйствительно воздухъ очень спертъ.

— Да, здѣсь воздухъ спирается, спирается, заговорилъ Истоминъ, двигая своими черными бровями.—Здѣсь воздухъ ужасно спирается, закончилъ онъ, желая придать своему лицу какъ можно больше страданія, и вообще корчивъ грустную рожу.

Это было невыносимо противно. Передъ вѣмъ это, для кого и для чего онъ ломался?

И нѣсколько дней все онъ ходилъ смиренхонекъ, и все напѣвалъ:

Любить мечты не преступленье,
И я люблю мою мечту.

Надоѣла ужъ даже мнѣ эта пѣсня.

Шульцъ, встрѣчаясь со мною у Норковъ, очень часто освѣдомлялся у меня объ Истоминѣ.

— Чтò нашъ жузь-отшельникъ дѣлаеть? спрашивалъ онъ.

Я отвѣчалъ, что хандрить.

— Заряжается вѣрно чѣмъ нибудь! восклицалъ Шульцъ: — я знаю эти капризные натуры: вдохновенія нѣтъ, сейчасъ и бѣситься, самодовольно разъяснплъ онъ, обращаясь къ Идѣ Ивановнѣ и Манѣ.

Ни та, ни другая не отвѣчали ему ни слова.

У этихъ обѣихъ дѣвушекъ Фридрихъ Шульцъ большимъ расположеніемъ похвалиться не могъ.

X.

Чудачества Истомина продолжались. Онъ, какъ говорилъ о немъ Шульцъ, все не переставалъ *капризничать* и не возвращался къ порядку. Видно было, что ему дѣйствительно приходилось тяжело; становилось, что называется, не въ мочь; онъ искалъ исхода и не находилъ его; онъ нуждался въ какомъ нибудь толчкѣ, который бы встряхнулъ его и повернулъ лицомъ къ жизни. Но этого толчка не случалось и придумать его было невозможно, а наконецъ Истоминъ сочинилъ его себѣ самъ.

Въ одинъ пзъ тѣхъ короткихъ промежутковъ этой безпокойной полосы, когда Истоминъ переставалъ читать запоемъ, стра-

стно увлекаясь и бѣснуясь, и наоборотъ становился неестественно смиренъ, и грустный бродилъ тише воды, ниже травы, и зашелъ въ нему прямо съ улицы и сказалъ, что на дняхъ дадутъ обѣдъ для одного почтеннѣйшаго человѣка, котораго очень уважалъ и почиталъ Истоминъ.

— Я, говорю, записалъ на обѣдъ и себя и вась, Романъ Проконфичъ!

— Очень, отвѣчаетъ: — мило сдѣлали. А сколько денегъ?

— Я сказалъ.

Истоминъ взялъ свое портмоне и, подавая мнѣ ассигнацію, тепло пожалъ мою руку.

— Пойдете? спросилъ я.

— Какъ же! непременно пойду.

Въ день этого обѣда Истоминъ съ самаго утра не надѣвалъ своего пиджака и былъ очень спокоенъ, но молчаливъ. За юбилейнымъ обѣдомъ онъ равнодушно слушалъ разныя пышныя и сухія рѣчи; ѣлъ мало и выпилъ только два бокала шампанскаго.

Все время обѣда мы сидѣли съ нимъ рядомъ, и послѣ стола вмѣстѣ вышли въ небольшую комнату, гдѣ собралась цѣлая толпа куращаго народа. Истоминъ сѣлъ у окна, вынулъ дорогую баадеру, закурилъ ее и равнодушно сталъ смотрѣть на плетущихся по взмѣшанному, грязному снѣгу ванекъ и на перебѣгавшихъ въ суетѣ пѣшеходовъ. Противъ Истомина, въ амбразурѣ того же окна, сидѣла немолодая и нестарая дама, которая еще не прочь была нравиться и очень могла еще нравиться, а между ними, на лабрадоровомъ подоконникѣ этого же самаго окна, помѣщался небольшой бѣлокуренькій господинчикъ съ жиденькими войлокватыми волосами и съ физиономіей кладбищенскаго, тенористаго дьякона. Дама не безъ эффекта курила очень крѣпкую сягару, а бѣлокурый господинъ тянулъ тоненькую мариляндскую папирску. Обѣ эти особы вели оживленный разговоръ объ искусствѣ вообще и въ различныхъ его примѣненіяхъ въ жизни. Дама была изъ тѣхъ новыхъ, даже самоновѣйшихъ женщинъ, которыя мудренѣе нигилистовъ и всего доселѣ появлявшагося въ женскомъ родѣ: это демократки съ желаніемъ барствовать; реалистки съ стремленіемъ опереться на всякій предрассудокъ, если онъ представляетъ имъ хотя самую фиктивную опору; проповѣдницы, что «не о хлѣбѣ единомъ человѣкъ живъ будетъ», а сами за хлѣбъ продающіе и тѣло и честную кровь свою. Безтолковѣе и гаже этого ассортимента фразъ, ходячихъ въ юбахъ, кажется, еще ничего никогда не было. Передъ маломальски умнымъ и логическимъ человѣкомъ онѣ бывають жалки до самой послѣдней степени: масса противорѣчій сбиваетъ ихъ. Дама, о которой идетъ

рѣчь, безпрестанно путалась во всѣхъ своихъ положеніяхъ и выдалась изъ одной стороны въ другую, какъ нарочно открывая владбищенскому дьякону полнѣйшую возможность побивать ее на всѣхъ пунктахъ. Около этой пары, къ которой случайно помѣщался ближе всѣхъ Истоминъ, сгруппировалась очень пустая толпа, внимательно слѣдившая за ихъ рѣчами. Дама, при всей своей внѣшней храбрости, очевидно мѣшалась и, какъ я сказалъ, безпрестанно впадала въ противорѣчія. Всѣ свои усилія она устремляла только на то, чтобы не соглашаться, частила, перебивала и городила вздоръ. Тенористый вахлочокъ, напротивъ, говорилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и такимъ тономъ, какимъ вѣроятно Пилать произнесъ свое *еже писать—писать*.

Онъ рѣшительно утверждалъ, что художество отжило свой вѣкъ, и что искусство только до тѣхъ поръ и терпимо, пока человечество еще глупо; да и то терпимо въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ помогать разуму, проводить нужныя гражданскія идеи, а не рисовать нимфъ, да яблочки.

— Но вы забываете, что у всякаго свой талантъ... перебивала дама.

— А что такое талантъ? спокойно вопрошалъ тенористый дьяконъ, и опять ядовито захихикалъ.

— Да вы знаете ли искусство-то? понимаете вы что-нибудь въ искусствѣ? частила дама, богъ-знаетъ какъ передавшаяся вдругъ совсѣмъ на сторону чистаго искусства для искусства.

— Знаю-съ; знаю, отвѣчалъ звонко прихихивывая тенористый дьяконъ.—Если толстая, голая женщина нарисована, такъ это значитъ Рубенсъ упражнялся. Большой безстыдникъ!

Тенористъ опять захихикалъ, кашлянулъ и отмахнулся рукою отъ налегшей на него струи сигарнаго дыма. Изъ толпы выступили впередъ двѣ шершавенькія мордочки, оскалили зеленые зубы и также захохотали.

Я случайно взглянулъ на Истомина: онъ сидѣлъ вытянувъ ноги и сложивъ ихъ одну на другую; сигару свою онъ держалъ между двумя пальцами правой руки и медленно пускалъ тоненькую струйку синяго табачнаго дыма прямо въ носъ тенористому дьякону.

— Такъ по вашему что-жь, художниковъ надо выгнать что-ли? приставала дама.

— Выгнать-съ? Нѣтъ, это Платонъ предлагалъ увѣнчать всѣхъ этихъ безстыдниковъ лаврами, и потомъ выгнать, а по моему, на что на нихъ лавры истреблять.

— Платонъ это говорилъ о поэтахъ.

— Это все равно-съ; жрецы свободнаго искусства!

Тенористъ снова захихикалъ и снова закашлялся еще сильнѣе. Въ носъ ему такъ и била тоненькая дымовая струйка, вылетающая крутымъ шнурочкомъ изъ-подъ усовъ Истомина и бывшая оратора прямо въ носъ.

— Ихъ къ дѣлу надо обратить, продолжалъ онъ, отмахнувшись отъ дыма.

— Да-съ, землю пахать, что-ли? допрашивала съ азартомъ дама.

— Кто къ чему годенъ окажется: кто камни тесать, кто мосты красить.

— Прекрасно-съ, прекрасно! только какъ же вы этого достигнете?

— Чего-съ это?

— Того, чтобъ художники обратились въ ремесленниковъ.

— Исправительными мѣрами-съ.

— Га! то-есть съчъ ихъ будете?

— Это по усмотрѣнiю-съ, по усмотрѣнiю, отвѣчалъ бѣленькiй теноръ, глядя въ толпу и попережнему стуча по стѣнѣ задниками своихъ сапожекъ.

— Это прелесть! это чудо что такое!... Это совершенство! восхищалась дама, покрывая все довольно громкимъ смѣхомъ.— Представьте себѣ, господа, бѣднаго Рафаэля, который мазилкой мостъ красить на большой дорогѣ! или Канову, который тумбы обтесываетъ!... Это чудо! Это совершенство! прелесть! Ну, а пѣвцовъ, скульпторовъ, музыкантовъ, актеровъ: ихъ всѣхъ куда дѣвать?

— Зачѣмъ же ихъ дѣвать куда-нибудь? Перестанутъ имъ деньги давать, такъ они сами и пѣть, и плясать перестанутъ.

— То-то! а вѣдь ихъ много; пожалуй, еще отпоръ дадутъ, частила вовсе ужъ не вслушиваясь дама.

— Ну, не дадутъ-съ... при этомъ словѣ тенористый дыяконъ вздрогнулъ и быстро отодвинулся отъ подлѣзшей къ его лицу новой струи дыма.

— Почему? спросилъ его рѣзко Истоминъ.

— Что это? отпоръ-то? Да какой же отпоръ? Картинки какъ-то на дреденскiй мостъ потребовались, такъ и тѣхъ пожалѣли.

— Это совсѣмъ не вѣдетъ къ дѣлу.

— А мы, развѣ, съ вами о дѣлахъ говоримъ?

Теноръ захихикалъ и добавилъ: смѣшно!

— А вы не смѣйтесь, остановилъ его, блѣднѣя, Истоминъ.

— Отчегоже-съ? Это правительствомъ незапрещено.

— Оттого, что мнѣ это не нравится.

— Напрасно-съ.

— Напрасно! Вы говорите—*напрасно!* А что ежели я, *бездниикъ*, художникъ Истоминъ, сейчасъ послѣ этого «напрасно», объявлю, что всякому, кто посмѣетъ при мнѣ сказать еще хотя одно такое гнусное слово объ искусствѣ, котораго онъ не понимаетъ, то я ему сейчасъ вотъ этими самыми руками до ушей ротъ разорву?

Истоминъ всталъ, прижалъ ногою колѣна тенора къ подоконнику и, взявъ сигару въ зубы, показалъ ему два большіе пальца своихъ рукъ.

— Я тогда ничего-съ болѣе не скажу, отвѣчалъ, нимало не теряясь и попрежнему хихикая, тенористый дьяконъ.

— То-то, надѣюсь, что не скажете! отвѣчалъ, доканчивая свою нелѣпую выходку, Истоминъ и смѣшался съ толпою.

— Доказалъ, однако! иронически проговорила, высовываясь изъ толпы, прежняя шершавенькая мордочка.

— Да-съ; я полагаю, что у этого человѣка очень развито правое плечевое сочлененіе, а это очень важно при спорахъ въ Россіи, отвѣчалъ мордочкѣ теноръ и легко снялся съ подоконника.

Черезъ полчаса я видѣлъ, какъ Истоминъ, будто ни въ чемъ не бывало, живо и веселе ходилъ по залѣ. Съ обѣихъ сторонъ у его локтей бѣгали за нимъ двѣ дамы: одна была та самая, что курила крѣпкую сигару и спорила, другая—мнѣ вовсе незнакомая. Обѣ онѣ залѣзали Истому въ глаза и просили у него позволенія посѣтить его мастерскую, отъ чего онъ упорно отказывался и, надо полагать, очень смѣшилъ ихъ, потому что обѣ онѣ безпрестанно хохотали.

Бѣловолочный противникъ Истомина тоже сидѣлъ здѣсь на одномъ изъ дивановъ этой же залы, и около него помѣщались два молодые господина, смотрѣвшіе не то обиженными ставленниками, не то недовольными регистраторами духовной консисторіи.

Ставленники бросали на художника самые суровые взгляды, но однако никакого неваго столкновенія здѣсь не произошло. Но угодно же было судьбѣ, чтобы Истоминъ, совершивъ одно безобразіе, докончилъ свой день другимъ, заключилъ его еще болѣе странной и неоправдываемой выходкой. Совсѣмъ въ шабахъ и шапкахъ мы натолкнулись на эту тройку между двойными дверями подъзда.

— Не могу-съ, не могу, говорилъ, пробираясь впереди насъ и хихикая, теноръ.—Ничего-съ здѣсь не могу говорить, ротъ разорвуть.

— Полно острить-то! произнесъ сзади его Истоминъ, и, взявшись за края его мѣховой шапки, натанулъ ему ее по самую бороду. Теноръ издалъ изъ-подъ шапки какой-то глухой звукъ

и какъ страусъ замоталъ головою во всѣ стороны. Оба ставленника разомъ принялись сдергивать съ учительской головы ни за что не хотѣвшую слѣзать шапку.

Истоминъ былъ очень веселъ, смѣялся и, придя домой, началъ переставлять и перетирать въ своей мастерской давно забытые подмалевки и этюды.

На другой день, часу въ десятомъ утра, только что я отворилъ дверь въ залу Истомина, меня обдалъ его громкій, веселый хохотъ, такъ и разносившійся по всей квартирѣ. Истоминъ уже былъ одѣтъ въ канусовыхъ шараварахъ и бархатномъ пиджакѣ и катался со смѣху по ковру своей отоманки.

— Здравствуйте! весело произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку и обтирая платкомъ выступившія отъ хохота слезы.—Садитесь скорѣй, или лучше прямо ложитесь загода, а то Меркуль Ивановъ васъ сейчасъ уложитъ.

Меркуль Ивановъ былъ огромный, трехэтажный натурщикъ, прозванный въ академіи Голиаеомъ. Онъ былъ необыкновенно хорошо сложенъ; слылъ за добродушнѣйшаго человѣка и пьянствовалъ какъ настоящій академическій натурщикъ. Теперь онъ былъ, очевидно, послѣ ваторжнаго похмѣлья и, стоя у притолен Истомина, жался, вздрагивалъ и водилъ по комнатамъ помутившимися глазами.

— Вотъ послушайте, началъ Истоминъ:—я говорю Меркулу Иванову, чтобъ онъ болѣе не пилъ; что иначе онъ до чортиковъ допьется, а онъ, вотъ послушайте, что отвѣчаетъ.

— Это помилуй Богъ, Романъ Прокофѣичъ, зацѣдилъ слезозубы, вздрагивая, натурщикъ.

— Да... а, онъ говоритъ... да ну, рассказывая, Меркуль Ивановичъ, что ты говорилъ?

— Я-то, Романъ Прокофѣичъ... что это... помилуй Богъ совсѣмъ; я крещенный человѣкъ... какъ онъ можетъ ко мнѣ подходить, дьяволъ?

— А что ты выдаешь-то?

— Ххххаррри этакія... маски... Романъ Прокофѣичъ... это золото... уголь сыпется... рассказывалъ, отпихиваясь отъ чего-то ладонью, натурщикъ. Ну, что только ччоорта, Романъ Прокофѣичъ... Этого ни какъ онъ, Романъ Прокофѣичъ, не можетъ. Онъ теперь если когда и стоитъ... то онъ надали стоитъ... онъ золлото это, уголь, все это собираетъ... а ко мнѣ, Романъ Прокофѣичъ, не можетъ.

Смѣшно это точно рассказывалъ несчастный Голиаеъ, но ужъ Истоминъ смѣялся надъ этимъ разговоромъ совсѣмъ паче естества, точно вознаграждалъ себя за долговременную тоску и ску-

ку. Онъ катался по ковру, щипалъ меня, тресъ за руку и визжалъ какъ ребенокъ, которому брюшко щечочуть.

— Ну, а влотовскій форматоръ же что? заводилъ опять натурщика Истоминъ.

— Т-тотъ... тотъ, Романъ Прокофьичъ, дѣйствительно, что добился, отвѣчалъ, вздыхая, Меркуль Ивановъ.

— То-то Расскажи имъ, Расскажи, какъ онъ допился?

Меркуль Ивановъ повернулъ голову исключительно ко мнѣ и заговорилъ.

— Уговорились мы, Романъ Прокофьичъ, идти.

— Ты имъ рассказывай, перебилъ его Истоминъ, показывая на меня.

— Я и то, Романъ Прокофьичъ, имъ это, отвѣчалъ натурщикъ.— Уговорились мы, Романъ Прокофьичъ, продолжалъ онъ, глядя на меня:—идти съ нимъ, съ этимъ Арешкой въ трактиръ... Чай, Романъ Прокофьичъ, пить хотѣли. Въ третьей линіи тутъ, извольте знать?

— Ну, знаю! крикнулъ Истоминъ.

— Я и говорю ему: не пей, говорю, ты, Арешка, воды, потому видишь, говорю, какъ отъ нее послѣ того тягостно. Приходи, зову его, лучше въ шестомъ часу ко мнѣ и пойдемъ въ третьей линіи чай пить. Только онъ что же, Романъ Прокофьичъ! Я его жду теперь до седьмого часу, а е-его пшподдеца—вотъ нѣту. Я теперь, разумѣется, пошелъ зза имъ. Прихххажжу, а онъ, мерзавецъ, лежитъ въ мастерской теперь подъ самыми подъ этими подъ канатами, что, извольте знать, во второй этажъ формы поднимаютъ. Голова его теперь пьяная подъ самыми подъ этими канатами и то-тонстъ не этимъ, Романъ Прокофьичъ, по канатамъ... чертей! То-есть столько, Романъ Прокофьичъ, чертей вездѣ! И вотъ этавіе, и вотъ этакіе, и вотъ этакіе... какъ блохи, таъ и сидятъ.

Меркуль Ивановъ плюнулъ и перекрестился.

— Гибель! продолжалъ онъ.—Я тутъ же, Романъ Прокофьичъ, и сказалъ: пропади ты, говорю, совсѣмъ я съ чаемъ; плюнулъ на него, а съ этихъ поръ, Романъ Прокофьичъ, я его, этого подлаго Арешку, и видѣть я не хочу. А на натурѣ мнѣ эту недѣлю, Романъ Прокофьичъ, стоять не позвольте, потому ей-богу весь я, Романъ Прокофьичъ, изслабѣлъ.

Тѣшилъ этотъ наивный рассказъ Истомина безъ мѣры и развеселилъ его до того, что онъ вскочилъ и сказалъ мнѣ: не пройдемся ли провѣтриться? погода ужъ очень, кажется, хороша.

Я былъ согласенъ идти; погода дѣйствительно стояла веселая и ясная. Мы одѣлись и вышли.

Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ къ мосту, какъ нагнали Иду Ивановну и Маню: онѣ шли за какими-то покупками на Невскій.

— Мы пойдемъ провожать васъ, напрашивался я къ Идѣ Ивановнѣ.

— Если вамъ нечего больше дѣлать, такъ провожайте, отвѣчала она съ своимъ всегдашнимъ, спокойно-насмѣшливымъ выраженіемъ въ глазахъ.

Я пошелъ около Иды Ивановны, а Истомина какъ-то случайно выдвинулся впередъ съ Манею, и такъ шли мы до Невского; заходили тамъ въ два или три магазина и опять шли назадъ тѣмъ же порядкомъ: я съ Идой Ивановной, а Маня съ Истиминымъ. На одномъ какомъ-то поворотѣ мнѣ послышалось, будто Истиминъ говорилъ Манѣ, что онъ никакъ не можетъ забыть ея лица; потомъ еще разъ послышалось мнѣ, что онъ нервнымъ и настойчивымъ тономъ добивался у нея «да, или нѣтъ?» и потомъ я ясно слышалъ, какъ, прощаясь съ нимъ у дверей своего дома, Маня робко уронила ему тихое «да».

Вечеромъ въ этотъ день, мнѣ случилось проходить мимо дома Норвовъ. Пробираясь черезъ проспектъ, я вдругъ замѣтилъ, что въ ихъ темномъ палисадникѣ, какъ будто мигнулъ огонекъ отъ сигары.

— Кто бы это тутъ прогуливался зимою? подумалъ я, и рѣшилъ, что это вѣрно Верманъ затворяетъ ставни.

— Herr Wegman! позвалъ я сквозь рѣшотку палисадника.

Сигара спряталась, и что-то тихо зашумѣло мерзлымъ кустомъ аваціи.

— Неужто воръ!—но гдѣ же воры ходятъ съ сигарой? Однако, кто же это?

Я перешелъ на другую сторону и тихо завернулъ за уголъ.

Не успѣлъ я взяться за звонокъ своей двери, какъ на лѣстницѣ послышались шаги, и въ темнотѣ опять замигала знакомая сигара: это былъ Истиминъ.

— Итѣкъ это онъ былъ тамъ, сказала мнѣ кабая-то твердая догадка.

— И что ему нужно? что онъ тамъ дѣлать? чего задумалъ добиваться?...

Это обозлило меня на Истомина, и я не старался скрывать отъ него, что мнѣ стало тяжело и неприятно въ его присутствіи. Онъ на это не обращалъ, кажется, никакого вниманія, но сталъ заходить ко мнѣ рѣже, а я не сталъ ходить вовсе, и такъ мы ни съ того, ни съ сего раздвинулись.

*

Я имѣлъ полное основаніе бояться за Манию: я зналъ Истомина и видѣлъ, что онъ пріударилъ за нею нешута, а изъ этого для Мани не могло выйти ровно ничего хорошаго.

XI.

Опасенія мои начали возрастать очень быстро. Зайдя какъ-то къ Норкамъ, я узналъ, что Истоминъ предложилъ Манѣ уроки живописи. Это *да*, которое я слышалъ при концѣ нашей прогулки, и было то-самое *да*, которое упрочивало Истому сподвойное мѣсто въ теченіе цѣлаго часа въ день возлѣ Мани. Но что онъ дѣлалъ въ садикѣ? Неужто къ нему выходила Маниа? Не можетъ быть. Это просто онъ былъ *влюбленъ*, то-есть сказалъ себѣ: «Камилла быть должна моею, не можетъ быть иначе», и безумствовалъ свирѣпѣя, что она не *ею* сейчасъ сію минуту. Онъ даже могъ вѣрить, что есть какая-то сила, которая заставить ее выйти къ нему сейчасъ. Наконецъ, онъ просто хотѣлъ быть ближе къ ней — къ стѣнамъ, въ которыхъ она сидѣла за семейною лампою.

Уроки начались; Шульцъ былъ необыкновенно доволенъ такимъ вниманіемъ Истомина; мать ухаживала за нимъ и поила его кофе, и только одна Ида Ивановна молчала. Я ходилъ рѣдко, и то въ тѣ часы, когда не ожидалъ тамъ встрѣтить Истомина.

Разъ одинъ, въ самомъ началѣ марта, въ сумерки, вдругъ сдѣлалось мнѣ какъ-то нестерпимо скучно: просто-вотъ бѣжалъ бы куда нибудь изъ дому. Я взялъ шапку и ушелъ со двора. Думалъ даже самъ зайдти къ Истому, но у него не дозволился: оно и лучше, потому что въ такія минуты не утерпишь и, пожалуй, скажешь *зротно*, а мы съ Романомъ Прокофьевичемъ въ эту пору другъ съ другомъ не откровенничали.

Пойду, думаю, къ Норкамъ, и пошелъ.

Прохожу по проспекту, и вижу, что подъ окномъ въ магазинѣ сидитъ Ида Ивановна: поклонился ей, она погрозила и сдѣлала гримаску.

— Что это вы, Ида Ивановна, передразнили меня, кажется? говорю, входя и протягивая ей черезъ прилавокъ руку.

— А развѣ, спрашиваетъ, видно?

— Еще бы, говорю, не видѣты!

— Вотъ завидные глаза! А я объ васъ только сейчасъ думаю: что это, въ самомъ дѣлѣ, какая нынче молодежь стала? Помните, какъ мы съ вами хорошо познакомились—такъ просто славно, и вотъ ни съ того, ни съ сего ужъ и раззнакомливаемся: зачѣмъ это?

Я начал оправдываться, что я и не думалъ разнакомливаться.

— Эхъ, вы, господа! господа! вѣтеръ у васъ еще все въ головѣ-то ходитъ, проговорила въ отвѣтъ мнѣ Ида Ивановна.— Нѣтъ; въ наше время молодые люди не такіе были.

— Какіе жь, спрашиваю, тогда были молодые люди?

— А такіе были молодые люди—хорошіе, дружные; придуть, бывало, вечеромъ къ молодой дѣвушкѣ, да садуть съ ней у окошечка, начнутъ-вотъ вдвоемъ попросту орѣшки грызть, да рассказывать, что они днемъ видѣли, что слышали—вотъ такъ это молодые люди были; а теперь я ужъ не знаю, съ кого дѣтямъ и примѣръ брать.

— Это, говорю, кажется, ваша правда.

— Да, кажется, что правда; сами въ примѣрахъ нуждаетесь—садитесь-ка вотъ, давайте съ горя орѣхи ѣсть.

Ида Ивановна двинула по подоконнику глубокую тарелку каленыхъ орѣховъ и, показавъ на цѣлую кучу скорлупы, добавила:

— Видите, сколько я одна отстрадала.

— Ну-съ, рассказывайте, что вы подѣлывали? начала она, когда я помѣстился на другомъ стулѣ и вооружался поданной мнѣ вѣсовой гирькой.

— Скучаль, говорю, больше всего, Ида Ивановна.

— Это мы и сами умѣемъ.

— А я думалъ, что вы этого-то и не умѣете.

— Нѣтъ, умѣемъ; мы только не рассказываемъ этого всѣмъ и каждому.

— А вы, развѣ все равно, что всѣ и каждый?

— Да-съ—положимъ, что и все равно. А вы скажите, нѣтъ ли войны хорошей?

— Есть, говорю: китайцы дерутся.

— Это все опять въ пользу дѣтскихъ пріютовъ? — умные люди.

— Папа, говорю, боленъ.

— Папа умеръ.

— Нѣтъ, еще не умеръ.

Ида разсмѣялась.

— Вы, должно быть, говорить, совсѣмъ никакихъ игръ не знаете?

— Нѣтъ, говорю, знаю.

— Ну, какъ же вы не знаете, что есть такая игра, что выходить другъ къ другу два человѣка съ свѣчами и одинъ говорить: «Папа боленъ», а другой отвѣчаетъ: «Папа умеръ», и

оба должны не размѣяться, а кто размѣется, тотъ папа, и даетъ фантъ. А дальше?

— Дальше?—дальше Андерсена сказки порусски переводятся.

— Ага! то-то, господа, видно безъ нѣмцевъ не обойдетесь.

— Онъ спасибо, Ида Ивановна, не нѣмецъ, а датчанинъ.

— Это—все равно-съ; ну, а еще что?

— Выставка художественная будетъ скоро.

— Неинтересно.

— Нефь, говорятъ, новую дѣвочку нарисуетъ.

— Пора бы на старости лѣтъ постыдиться.

— Красота!

— Ужасно какъ красиво! Разбейте-ка мнѣ вотъ этотъ орѣхъ.

— Истоминъ нашъ что-то готовить, тоже, кажется, изъ міра ваннъ и купаленъ.

Ида улыбнулась, тронула меня за плечо, и показала рукою на дверь въ залу. Я прислушался, оттуда былъ слышенъ тихій говоръ.

— Онъ у васъ? спросилъ я полупотомъ.

Ида молча качнула головою.

Слышно стало, что говорившіе въ залѣ, замѣтя наше молчаніе, тоже вдругъ значительно понизали голосъ, и не знали, на какой имъ остановиться нотѣ. Впрочемъ, я не слышалъ никакого другого голоса, кромѣ голоса Истомина, и потому спросилъ тихонько:

— Съ кѣмъ онъ тамъ?

— Чего вы шепчете? проговорила, улыбаясь, Ида.

— Я не шепчу, а такъ...

— Я такъ... Что такъ?... Какъ это всегда смѣшно выходитъ!

Ида беззвучно размѣялась.

Это и дѣйствительно выходитъ смѣшно, но только смѣшно послѣ, а въ тѣ именно минуты, когда никакъ не заговоришь такимъ тономъ, который бы отвѣчалъ обстановкѣ, это бываетъ не смѣшно, а предосадно.

Если вамъ, читатель, случалось разговаривать рядомъ съ комнатою, въ которой сидятъ двое влюбленныхъ, или если вамъ случалось бесѣдовать съ женщиной, съ которой говорить хочется, и нужно, чтобы другіе слышали, что вы не молчите, а въ то же время не слышали о чемъ вы говорите съ нею, такъ вамъ объ этомъ нечего рассказывать. Тутъ вы боитесь всего: движенія вашего стула, шелеста платья вашей собесѣдницы, собственнаго кашля: все васъ, кажется, выдаетъ въ чемъ-то; ото всего вамъ неловко. Для нѣкоторыхъ людей нѣтъ ничего затруднительнѣе,

какъ выборъ камертона для своего голоса въ подобномъ положеніи.

— Мутерхенъ моей вѣтъ дома, проговорила, тщательно разбивая на окнѣ новый крѣпкій орѣхъ, Ида.

— Гдѣ же это она?

— У Шперлинговъ; тамъ, кажется, Кларенъку замужъ выдаютъ.

Разговоръ опять прервался, и опять Ида, слегка покраснѣвъ и закусивъ нижнюю губку, долго стучала по орѣху; но наконецъ это кончилось: орѣхъ разбился. Стала тишь совершенная.

— Вонъ Соважъ пошелъ домой, проронила, глядя въ окно, дѣвушка.

Я хотѣлъ отвѣтить ей *да*, но и этого не успѣлъ, и не успѣлъ по самой пустой причинѣ—не успѣлъ потому, что въ это мгновеніе въ залѣ передвинулся по полу стулъ. Онъ, конечно, передвинулся такъ себѣ, самымъ обыкновеннымъ и естественнымъ образомъ; какъ будто, кто пересѣлъ съ мѣста на мѣсто, и ничего болѣе; но и мнѣ и Идѣ Ивановнѣ вдругъ стало удивительно неловко. Сидѣвшимъ въ залѣ тоже было неловче, чѣмъ и намъ. Ясно, что они чувствовали эту неловкость, ибо Истоминъ тотчасъ забубнилъ что-то самымъ ненатуральнымъ, сдавленнымъ голосомъ, и въ то же время начало слышаться отчетливое перевертыванье большихъ листовъ бумаги. Истоминъ произносилъ имена Нюбен, Эвридиги, Психей, Омфалы, Медуи, Елены.

Маниа только пискнула одинъ разъ, что-то въ родѣ «да», или «дальше»—даже и разобрать было невозможно.

— Что это, они гравюры разсматриваютъ?

Ида кивнула утвердительно головою и опять съ двойнымъ усиленіемъ ударила по орѣху.

Мы больше не могли говорить другъ съ другомъ.

Истоминъ повыворачивалъ голосъ и рассказывалъ въ залѣ что-то о Кипридѣ. Все слышались мнѣ имена Гнатѣны, Пракситела, Фрины Мегарянки.

Дѣло шло здѣсь о томъ, какъ она, эта Фрина

«не внимал

Шопоту ближней толпы, развизала ремни
у сандалій,

Пышныхъ волосъ золотое руно до земли распустила;
Перевязъ персей и поясъ льнейной рукой развѣшила;
Сбросила ризы съ себя, п лицомъ повернувшись къ народу,
Медленно, словно вара, погрузилась въ лазурную воду.
Ахнули тысячи зрителей, змогли свирѣль и нептѣда;
Въ страхѣ упавъ на колѣни всѣ жрицы восславляли громко:
Чудо свершается, граждане! Вотъ она, мать-Киприда!»

— Ну-съ; и съ тѣхъ поръ ея плѣненный Пракситель навѣнн оставилъ Гнатену, рассказывалъ Манѣ Истоминонъ: — вотъ это и было то чудо.

— А бабушка давно закатилась? спросилъ я наконецъ Иду.

Дѣвушка хотѣла мнѣ вивнуть головою; но на половинѣ сядона вздрогнула, быстро вскочила со стула и громко проговорила: вотъ, слава-богу, и мамаша!

Съ этими словами она собрала горстью набросанную на окнѣ скорлупу, ссыпала ее проворно въ тарелку и быстро пошла на встрѣчу матери. Софія Карловна дѣйствительно въ это время входила въ дверь магазина.

Въ эти же слова минуты, когда Ида Ивановна встрѣчала входящую мать, я ясно и отчетливо услыхалъ въ залѣ два, три, четыре раза повторенный поцалуй — поцалуй несомнѣнно насильственный, потому что онъ прерывался робкимъ отодвиганіемъ стула и слабымъ, но отчаяннымъ «Бога-ради пустите!»

Теперь мнѣ стали понятны и испугъ Иды, и ея радостный воскликъ: вотъ и мамаша!

Это все было совершенно поистомински и похоже какъ двѣ капли воды на его всегдашнія отношенія къ женщинамъ. Его правило—онъ говорилъ—всегда такое: безъ мѣры смѣлости, изрядно наглости; поднесите все это женщинамъ на чувствительной подкладкѣ, да не давайте ей опомниваться, и я поздравляю васъ съ всегдашнимъ успѣхомъ.

Здѣсь были и смѣлость, и наглость, и чувствительная подкладка, и недосугъ опомниться; неразрѣшеннымъ оставалось: быть ли успѣху?... А отчего и нѣтъ? Отчего и не быть? Правда, Маня прекрасное, чистое дитя — все это такъ; но это дитя позволило насильно поцаловать себя и *прошентало*, а не *прокричало* «пустите!»—Для опытнаго человѣка это обстоятельство очень важно — обстоятельство, въ девяносто-девяти случаяхъ изъ ста рущающееся нахалу за непремѣнный успѣхъ.

Такъ точно думалъ и Истоминонъ. Самодовольный, какъ дьяволъ, только что заманившій странника съ торной дороги въ пучину, подъ мельничныя колеса, художникъ стоялъ небрежно опершись руками о притолки въ дверяхъ, которыя вели въ магазинъ изъ залы и съ фамильярностью самаго близкаго, семейнаго человѣка проговорилъ вошедшей Софѣ Карловнѣ:

— Тебя, о мать, срѣтаемъ собрашеса вкупѣ! Приди и отрой намъ объятія отчи!

— Ахъ, Романъ Прокофичъ! отвѣчала старуха, снимая съ себя и складывая на руки Иды свой шарфъ, капоръ и черный суконный бурнусъ.

— И вы тоже! обратилась она, протянувъ другую руку мнѣ. — Вотъ и прекрасно; у каждой дочери по кавалеру. Ну, будемъ, что ли, чай пить? Иднѣйка, вели, дружочекъ, Авдотѣ поскорѣе намъ подать самоварчикъ. А сами туда въ мой уголокъ пойдите, позвала она насъ за собою и пошла въ залу.

Въ залѣ, у небольшого кругленькаго столика, между двумя тѣсно сдвинутыми стульями, стояла Маня. Она была въ замѣшательствѣ и потерянно перебирала кипу желтоватыхъ старыхъ гравюръ, принесенныхъ ей Истоминимъ.

— Рыбка моя тихая! что жъ это ты здѣсь одна? отнеслась къ ней Софья Карловна.

Маня посмотрѣла съ удивленіемъ на мать, положила гравюру, отодвинула рукою столикъ и тихо поправила волосы.

— Тебя, мою нѣмшущу, всегда забываютъ. Молчальница ты моя милая! все-то она у насъ молчить, все молчить. Идка скверная всѣхъ къ себѣ позабираетъ, а она, моя горсточка, и сидитъ одна въ уголокѣ.

— Нѣтъ, мама, со мною здѣсь Романъ Прокофѣичъ сидѣлъ, тихо отвѣтила Маня, и нѣжно подаловала обѣ материни руки.

На лѣвой щекѣ у Мани пылало яркое пунцовое пятно: это здѣсь къ ея лицу прикасались жадныя уста удава.

— Романъ Прокофѣичъ съ тобой сидѣлъ — ну, и спасибо ему за это, что онъ сидѣлъ. Господи, Боже мой, какіе мы, Романъ Прокофѣичъ, всѣ счастливыя, начала, усаживаясь въ своемъ уголокѣ за покрытый скатертью столъ, Софья Карловна.—Всѣ насъ любятъ; всѣ съ нами такіе добрые.

— Это вы-то такіе добрые.

— Нѣтъ, право. Ахъ, да! что со мной сейчасъ было...

Софья Карловна весело размѣялась.

— Здѣсь возлѣ моихъ дочерей, возлѣ каждой по кавалеру, а тамъ какой-то господинъ за мною вздумалъ ухаживать.

— Какъ это, мамаша, за вами? спросилъ Истоминъ, держась совсѣмъ членомъ семейства Норковъ, и даже называя m-me Норкѣ «мамашей».

— Да такъ, вотъ присталъ ко мнѣ дорогой въ провозатые, да и только.

Мы всѣ размѣялись.

— Ну, я и говорю, у бертинькинаго подъезда: очень, говорю, батюшка, вамъ благодарна, только постойте здѣсь минуточку, я сейчасъ найду внучковъ перекрещу, тогда и проводите пожалуйста—онъ и драла: стыдно стало, что за старухой увязался.

— Молодецъ моя мама! похвалила уставлявшая на столъ чайный приборъ Ида.

— Да, вотъ подите, право, какіе нахалы! Старухамъ намъ, ужъ и тѣмъ прохода нѣтъ, какъ вечеръ. Вы знаете вѣдь, что съ Идинькой въ прошломъ году случилось?

— Нѣтъ, мы не знаемъ.

— Какъ же! подаловалъ ее какой-то негодяй у самаго у нашего дома.

— Вотъ какъ, Ида Ивановна! отозвался, закручивая усь, Истоминъ.

— Да-съ, это такъ, довольно небрежно отвѣтила ему, обваривая чай, Ида.

— Ты расскажи, Идоша, какъ это было-то.

— Ну, что, мама, имъ-то рассказывать; это еще и ихъ, пожалуй, выучишь этому секрету.

— Ну, полно-ка тебѣ врать, Ида.

— Мнѣ даже вѣжется, что Романъ Прокофьевичъ въ этомъ чуть ли не участвовалъ.

— Въ чемъ это? Богъ съ вами, Ида Ивановна, что это вы говорите?

— А что жъ, вѣдь вы тогда не были съ нами еще знакомы?

— Ну, да какъ же! станеть Романъ Прокофьевичъ... Перестанъ, пожалуйста.

— Перестану, мама, извольте, отвѣчала Ида съ нѣсколько комической покорностью, и стала наливать намъ стаканы.

Во все это время она не садилась, и стояла передъ самоваромъ на ногахъ.

— Видите, начала Софья Карловна: — вотъ такъ-то часто говорятъ *ничего, ничего*; можно, говорятъ, и одной женщиной идти; если, дескать, сама не подастъ повода, такъ никто ее и не тронетъ; а выходитъ, что совсѣмъ не ничего. — Идетъ, представьте себѣ, Иденъка отъ сестры, и еще сумерками только; а за нею вдругъ два господина, одинъ говорить: «я ее поцелую», а другой — говорить: «не поцалуешь»; Идочка бѣжать, а они за нею; догнали у самаго крыльца и поцаловали.

— Такъ и поцаловали?

— Такъ и поцаловали.

— Ида Ивановна! да какъ же вы это такъ оплошали? Какъ же васъ поцаловали, а? спрашивалъ съ удивленіемъ Истоминъ.

— Очень просто, отвѣчала Ида: — взяли за плечи, да и поцаловали.

— И вы ему не плюнули въ лицо?

— Ну, такъ! чтобъ онъ еще меня приколотилъ?

— Экъ, куда хватили — такъ ужъ и приколотить?

— А что жь? отъ васъ всего дожدهшься, добавила, улыбаясь, Ида.

— Миѣнія, стало быть, вы о мужчинахъ невысокаго, Ида Ивановна? пошутилъ художникъ.

— Извольте, мама, вамъ чаю, проговорила Ида матери, а Истомину не отвѣтила ни слова, будто и не разслышала его вопроса.

— Благодарю, Идочка.

Софья Карловна хлебнула чаю, и вдругъ затуманилась.

— Ужасно, ей-богу! начала она, мѣшая ложкой: — береги, корми, лелѣй дитя; вѣтра къ нему не допускай, а первый негодяй, хватъ ее и обидить. Шперлинги говорятъ: устроимъ уроки, чтобъ музыкѣ дѣтей учить. Конечно, оно очень дешево, но вѣдь вотъ, какъ подумаешь, что надо вечеромъ съ одной дѣвкой посылать, такъ и Богъ съ ними, кажется, и уроки.

— Ничего, сказала, подумавъ, Ида.

— Какъ, мой дружокъ, ничего-то? Ты дѣвушка взрослая, а она дитя.

— Это еще вѣдь нескоро, мама; тогда успѣемъ еще подумать.

— Успѣтъ-то, конечно... А я это... Да, ну, видѣла я, Идочка, жениха. Не нравится онъ мнѣ, мой дружокъ: вопервыхъ, старъ онъ для нея, а вовторыхъ, такъ, что-то... не нравится: а она, говорятъ, будто его любить, да я этому не вѣрю.

— Не знаю, мамочка.

— Говорять, что любить; да только вздоръ это, я думаю.

— Ужъ кто кого любить, такъ это видно.

Ида промолчала, и взявъ въ руки одну изъ принесенныхъ сюда сестрою гравюръ, посмотрѣла ее, и тотчасъ же равнодушно положила снова на мѣсто.

— У васъ, Ида Ивановна, есть идеалъ женщины? спросилъ Истоминъ.

— Есть-сь, отвѣчала улыбувшись Ида.

— Покажите намъ ее здѣсь.

— Здѣсь нѣтъ ея.

— Кто же это такая? — Антигона, вѣрно?

— Нѣтъ, не Антигона.

— Нѣтъ, безъ шутокъ, скажите, пожалуйста, какой изъ всѣхъ навѣстныхъ вамъ женщинъ вы больше всѣхъ сочувствуете?

— Моей мамѣ, отвѣтила спокойно Ида, и отправилась къ бабушкѣ съ кружкой шалфейнаго питья, приготовленнаго на ночь старушкѣ.

— Романъ Профобичъ! тихо позвала Софья Карловна художника.

Истоминъ нагнулся.

— Какая, я говорю, у меня дочь-то!

— Это вы объ Идѣ Ивановнѣ?

— Да, Идочка-то; я о ней вамъ говорю. Вѣдь это, истинно надо сказать правду, счастливая и пресчастливая я мать. Вы знаете, какъ это странно, вотъ я нынче часто слышу, многіе говорятъ, и Фрицъ тоже любить спорить, что снамъ не должно вѣрить, что будто сны ничего не значать; а я, какъ хотите, ни зачто съ этимъ не могу согласиться. Мы все съ Авдотьюшкой другъ другу сны рассказываемъ. Старуха подвинулась къ Истому и заговорила: — представьте вы себѣ, Романъ Прокофьичъ, что когда я была Идинькой беременна... Манячка, выйди моя крошечка; поди тамъ себѣ пелериночку поправь.

Маня, слегка покраснѣвъ, встала и вышла за сестрою.

— Да; такъ вы представьте себѣ, Романъ Прокофьичъ, девять мѣсяцевъ къ ряду, каждую ночь, каждую ночь мнѣ все снилось, что меня какой-то маленькій ребѣнокъ грудью кормить. И чтѣ жъ бы вы думали? родила я Идочку, какъ разъ вотъ, рѣшительно, какъ двѣ капли воды, то самое дитя, чтѣ меня кормило... Боже мой! Боже мой! вы не знаете, какъ я сокрушаюсь о моемъ счастьѣ! Я такая счастливая, такая счастливая мать, такіа у меня добрыя дѣти, что я боюсь, боюсь... не могу я быть спокойна. Ахъ, не могу быть спокойна!

Истоминъ, мнѣ показалось, смутился при выраженіи этой внезапной и неудержимой грусти Софьи Карловны. Онъ хотѣлъ ее уговоривать, но это ему не удавалось.

— Представьте себѣ, если посудить здраво, продолжала старуха:—вѣдь сколько есть на свѣтѣ несчастныхъ родителей — вѣдь это ужасъ! Вѣдь это, Романъ Прокофьичъ, самое большое несчастье. У кого нѣтъ дѣтей, говорить, горе, а у кого дурныя дѣти — вдвое. Ну, а я—чѣмъ я этого достойна... старуха пригнулась къ полу, и какъ будто поднимая что-то, съ страхомъ и благоговѣніемъ шептала: — чѣмъ я достойна, что у меня дѣти... ангелы?... Мои ангелы! мои ангелы! заговорила она, громко, при появленіи въ эту минуту въ дверяхъ обѣихъ дочерей своихъ.

— Идинька! Идинька! дитя мое! другъ мой! звала она, и раскрывъ дрожащія руки, безъ всякой причины истерически заплакала. — Идочка! ангелъ, министръ мой, чтѣ мнѣ все что-то кажется страшное; чтѣ мнѣ все кажется, что у меня берутъ васъ, что мы расстаемся!

Она обхватила руками шею дочери, и не переставая дрожать и плакать, жарко цаловала ее въ глаза, въ лобъ и въ голову.

— Успокойтесь, мама, я всегда буду съ вами.

— Со мною, да, со мною! лепетала Софья Карловна: — да, да, ты со мною. А гдѣ же это моя нѣмущка? искала она глазами по комнатѣ, и отпустивъ Иду, взяла младшую дочь къ себѣ на колѣни. — Нѣмуща моя! рыба нѣмая! что ты все молчишь, а? Когда жъ ты у насъ заговоришь-то? Романъ Прокофьичъ! когда она у насъ заговорить? обратилась опять старуха къ Истомину, заправляя за уши выбѣжавшую косичку волосъ Мани. — Идинька, вели, мой другъ, убирать чай!

Ида кликнула кухарку, и стала сама помогать ей, а Софья Карловна еще разъ поцаловала Маню, и сказавъ ей: «Поди, гуляй, моя крошка», сама поплелась за свои ширмы.

— Идочка! бабушка давно легла? спрашивала она оттуда.

— Давно, мамаша, отвѣтила Ида, уставляя въ шкафы перемытую посуду, и положивъ на карнизъ шкафа ключъ, сказала мнѣ:

— Пойдемте, пожалуйста, немножко пройдемтесь, голова страшно болить.

Когда мы проходили залу, Истоминъ стоялъ попрежнему съ Маней у гравюръ.

— Куда ты? спросила Маня сестру.

— Хочу пройтись немножко; у меня страшно голова болить.

— Это вамъ честь дѣлаетъ, вмѣшался Истоминъ.

— Да, значить, голова есть; я это знаю, отвѣчала Ида и стала завязывать передъ зеркаломъ ленты своей шляпы. Ей, кажется, хотѣлось, чтобы и Маня пошла съ нею, но Маня не трогалась. Истоминъ вертѣлся: ему не хотѣлось уходить, и неловко было оставаться.

— Ида Ивановна, спросилъ онъ, переворачивая свои гравюры: — да покажите же, пожалуйста, какая изъ этихъ женщинъ вамъ больше всѣхъ нравится! Которая ближе къ вашему идеалу?

— Ни одна, довольно сухо на этотъ разъ, отвѣтила Ида.

— Безъ шутокъ? У васъ нѣтъ и идеала?

— Я вамъ этого не сказала, а я сказала только, что здѣсь нѣтъ ея, произнесла дѣвушка, спокойно вздергивая на пѣжи свою верхнюю юбку.

— А кто же, однако, такая, вашъ идеалъ?

— Мать Самуила.

— Вонъ кто!... Родители мои, что за елейность! за чтѣ бы это она въ такой фаворъ попала?

— За то, что она воспитала такого сына, который былъ и людямъ милъ, и Богу любезенъ.

Истоминъ промолчалъ.

— А вашъ идеалъ, сколько я помню, Анна Денманъ?

— Анна Денманъ, отвѣчалъ съ поклономъ художникъ.

- То-то, я это помню.
 — И должны сознаться, что мой идеаль гораздо лучше вашего.
 — Всякому свое хорошо.
 — Нѣтъ-съ, не все хорошо! Еслибы вы, положимъ, встрѣтили свой идеаль, чтò жь бы, какія бы онъ вамъ принесъ радости? Вы могли бы ему поклониться до земли?
 — Да.
 — А я свой могъ бы цаловать.
 — Вотъ это, въ самомъ дѣлѣ, не входило въ мои соображенія, отшутилась Ида.
 — Да какъ же! Это вѣдь то же — «всякому свое». Въ пѣснѣ поется:

Свѣ мати мучицу,
 Пени пироги;
 Къ тебѣ будутъ гости,
 Ко мнѣ женихи;
 Тебѣ будутъ кланяться,
 Меня цаловать.

Романъ Прокофѣичъ, видно, вдругъ совсѣмъ позабылъ даже, гдѣ онъ и съ кѣмъ онъ. Цѣли, ближайшія цѣли его занимали такъ, что онъ даже склоненъ былъ не скрывать ихъ, и поднести почтенному семейству даръ свой, не завертывая его ни въ какія бумажки.

Ида не отвѣтила ему ни слова.

— Мама! крикнула она, идучи къ двери:—посидите, дружокъ мой, въ магазинѣ. Запирать еще рано — я сейчасъ вернусь.

Мы обошли три линіи, не сказавъ другъ другу ни слова; дорогой я два или три раза начиналъ пристально смотрѣть на Иду, но она не замѣчала этого, и твердой походкой шла, устремивъ неподвижно свои глаза впередъ. При блѣдномъ лунномъ свѣтѣ, она была обворожительно хороша и характерна.

Когда мы повернули къ ихъ дому, я рѣшился сказать ей, что она, кажется, чѣмъ-то очень разстроена.

— Нѣтъ, чѣмъ же разстроена? У меня просто голова болитъ невыносимо, отвѣтила она, и съ тѣмъ мы съ нею и простились у ихъ подъѣзда.

«А чтò это Софья Карловна все такъ совѣщательно обращается къ почтенному Роману Прокофѣичу?» раздумывалъ я, оставшись самъ съ собою. «Плѣнилъ онъ ее просто своей милой короткостью, или она задумала женихомъ его считать для Мани?»

«Не быть этому и не бывать, моя божья старушка. Не нужна ему Анна Денманъ, съ руки ему больше Гнатэна», рѣшилъ я себѣ, и не одинъ я такъ рѣшалъ себѣ это.

Вскорѣ послѣ того, такъ во второй половинѣ марта, Ида Ивановна зашла ко мнѣ, посидѣла, повертѣлась на какомъ-то общемъ разговорѣ и вдругъ спросила:

— Вы, кажется, немножко разладили съ Истоминнымъ?

— Не разладила, отвѣчала я: — а такъ что-то въ родѣ черной кошки между нами пробѣжало.

— Я это замѣтила, отвѣчала Ида, и черезъ минуту добавила: — если вы насъ любите, поговорите-ка вы съ нимъ хорошенько...

Удивительные глаза Иды Ивановны диктовали, о чемъ я долженъ поговорить.

— Хорошо, Ида Ивановна, я поговорю.

— Вы помните, какъ мы съ вами ѣли недавно орѣхи?

— Помню-съ.

— Я думаю, ни одинъ человѣкъ въ своей жизни не съѣлъ за одинъ разъ столько этой гадости, сколько я ихъ тогда перегрызла. Это, понимаете, отчего такъ ѣлось?... Это я себя кусала, потому что во мнѣ вотъ что происходило.

Ида, сердито наморщивъ лобъ, нѣсколько разъ повернула рукою везлѣ своего сердца.

— Поняли?... У меня ужасный слухъ, особенно, когда я слышу то, чего не хотѣла бы слышать.

Она вздохнула.

— Я обо всемъ поговорю, сказалъ я.

Дѣвушка пожала мнѣ руку, сказала: «пожалуйста поговорите», и ушла.

На другой день я зашелъ утромъ въ Истому. Онъ былъ очень привѣтливъ и держалъ себя такъ, какъ будто между нами передъ этимъ не было никакого дутья другъ на друга.

— Вы не знаете, началъ онъ весело:—какія на меня нынче посыпались напасти? Я вѣдь вчера совсѣмъ чуть не разсорился съ Шульцемъ.

— За что это?

— А вотъ подите! Берта Ивановна разсуждала обо мнѣ, какой я негодный для жизни человѣкъ, и сказала, что еслибы она была моею женой, такъ она бы меня кусала; а я отвѣчала, что я могу доставить ей это удовольствіе и въ качествѣ чужой жены. Я, молъ, очень люблю, когда хорошенькія женщины приходятъ въ такое состояніе, что желадятъ кусаться. А она дура сейчасъ расплакалась. Да, впрочемъ, чортъ съ ними! Я бы и радъ; очень ужъ надоѣло это столь постоянное знакомство.

— А у Норковъ какъ?

— Тамъ... мы занимаемся, сказалъ, принимая серьезное выраженіе, Истоминъ.

— И успѣваете?

Художникъ взглянулъ на меня, улыбнулся и, расправляя усы, отвѣчалъ:

— И успѣваемъ.

— А далѣе что будетъ, Романъ Прокофьичъ?

— А-а! Вы вѣрно ко мнѣ и волей, и неволей, и своей охотой. Почтенное семейство, вѣрно, ужъ не радо и дешевизнѣ? Успокойте ихъ пожалуйста: это вѣдь полезно дѣвочкамъ—это ихъ развиваесть.

— А если этого развитія, Романъ Прокофьичъ, не желаютъ совсѣмъ? Если его боятся?

— Да вздоръ все это! совсѣмъ никто ничего и не боится; а это все Идища эта сочиняесть. Этакой, чортъ ее возьми, врендель выборгскій, проговорилъ онъ съ раздраженіемъ, садясь къ столу, и тутъ же написалъ m-me Норкѣ записку, что онъ искренно сожалѣесть, что по совершенному недосугу долженъ отказаться отъ уроковъ ея дочери. Написавъ это, онъ позвалъ своего человѣка и велѣлъ ему отнести записку тотчасъ же къ Норкамъ.

Послѣ этого мы опять встрѣчались съ Истоминнымъ изрѣдка и только на минуты, а къ тому же настала весна—оба мы спѣшили разстаться съ пыльнымъ Петербургомъ и оба въ половинѣ апрѣля уѣхали: я на Двѣпръ, а Истоминъ—въ Ялту.

Въ послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ мы съ Идой Ивановной ничего не говорили о Манѣ, и я, признаюсь, не замѣчалъ въ Манѣ никакой перемены; я и самъ склоненъ былъ думать, что Ида Ивановна все преувеличиваетъ и что опасенія ея совершенно напрасны; но когда я пришелъ къ нимъ, чтобы проститься передъ отъѣздомъ, Ида Ивановна сама ввела меня во всѣ свои опасенія.

Это было вечеромъ, въ довольно поздніе весенніе сумерки. Мани и m-me Норкѣ не было дома. Я только простился съ старушкой-бабушкой и вышелъ снова въ магазинъ къ Идѣ Ивановнѣ. Дѣвушка сидѣла и вязала какую-то косынку.

— Присядьте, сказала она: — посидимте вдвоемъ напоследкахъ. Я сѣлъ.

— Истоминъ тоже ѣдетъ? спросила Ида.

— Да, онъ ѣдетъ.

— Зачѣмъ онъ пересталъ совсѣмъ бывать у насъ?—Какъ это нехорошо съ его стороны!

— Вѣдь вы же сами, Ида Ивановна, говорю, этого желали.

— Нѣтъ, я этого никогда не желала, отвѣчала она тихо, покачавъ головою. — Я желала, чтобы не было болѣе уроковъ— это правда, я этого желала; но чтобы онъ совсѣмъ пересталъ къ намъ ходить, чтобы показалъ этимъ пренебреженіе къ нашему семейству... я этого даже не могла пожелать.

— Да что жь вамъ до этого пренебреженія?

— Да я совсѣмъ не о пренебреженіи говорю.

— А для всего другаго это еще лучше.

— Ниннѣтъ! Изъвините!—не лучше, а это очень нехорошо; «для всего остальнаго» это ужасно нехорошо! Я понимаю эту скверную, злую тактику и вы ее тоже сейчасъ поймете, сказала она, вставая, и чрезъ минуту возвратилась съ знакомымъ мнѣ тономъ Пушкина.

— Это чтò такое? спросила она, поднося къ своимъ глазамъ развернутую книгу и указывая пальцемъ на глянцифру.

— *Моцартъ и Сальери*, прочиталъ я.

— А это? спросила Ида тѣмъ же тономъ, и водя пальцемъ по чуть замѣтнымъ желтоватымъ пятнамъ на бумагѣ.

— Слезы, что ль? отвѣчала я, недоумѣвая.

— А это слезы! произнесла, возвысивъ голосъ, Ида и съ холоднымъ презрѣніемъ далеко отшвырнула отъ себя книгу.

Такъ я оставилъ семейство Норковъ на цѣлое лѣто.

М. СТЕВНИЦКІЙ.

ВОПРОСЪ О ДУШѢ ВЪ ЕГО СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ.

Статья вторая.

II.

1) *Материализмъ въ формѣ шеллингизма.* — Тождество души и нервнаго организма. — Основанія этого тождества: а) нѣтъ ничего нематеріальнаго. — Что такое матерія? — Опредѣленіе матеріи пространствомъ. — Что такое пространство. — Мнѣніе Канта. — Психическій анализъ представленія пространства. — Опредѣленіе матеріи подверженностью чувствамъ. — Атомистическая теорія по Фехнеру и Шнелю. — Сознаніе и матерія суть взаимныя отрицанія; б) можно ли взвѣсить сознаніе? в) безъ фосфора нѣтъ мышленія; г) сознаніе есть движеніе нервовъ; д) сознаніе есть мозговое отдѣленіе; ж) параллель между развитіями мозга и душевныхъ способностей; з) вліянія тѣла на душевныя отправления.

Основное воззрѣніе современнаго матеріализма на душу состоитъ въ томъ, что онъ отождествляетъ душу и нервный организмъ. Это воззрѣніе обязано своимъ появленіемъ тому изученію нервнаго организма, которымъ преимущественно занялась наука нашего времени. Однакоже, далеко ли подвинулось это изученіе? Результаты его, какъ намъ кажется, слѣдуетъ раздѣлить на три рода: *вопервыхъ*, факты, собранные анатоміей, химіей и физиологіей, но неимѣющіе никакого особеннаго значенія въ объясненіи психической дѣятельности, то-есть такіе факты, которые могутъ получить значеніе современемъ, но теперь не имѣютъ еще никакого; *вовторыхъ*, гипотезы, болѣе или менѣе удачныя и основательныя, и *втретьихъ*, наконецъ, факты, имѣющіе свое значеніе при объясненіи психическихъ явленій. Фактовъ перваго рода и гипотезъ въ отношеніи нервнаго организма, набралось не мало; что же касается до фактовъ, имѣющихъ психическое значеніе, то ихъ весьма немного. Физиологическое, и тѣмъ болѣе психическое зна-

ченіе самыхъ главныхъ частей нервной системы, какъ напримѣръ полушарій большого мозга, мозжечка и т. п., подвержено еще сильнымъ спорамъ; такъ что физиологъ Вагнеръ имѣлъ полное право замѣтить, что переносить психологическіе вопросы въ физиологію нервовъ—значить прятаться въ тьму, которая царствуетъ въ этой области. Если что нибудь мы знаемъ о нервной системѣ, то это всего болѣе объ устройствѣ и дѣятельности органовъ чувствъ. Это специальное знаніе далеко подвинуто въ новѣйшее время такими людьми, какъ Фехнеръ и Гельмгольцъ. Что же касается до центральныхъ органовъ нервной системы, то объ нихъ и теперь можно сказать то же, что говорилъ Фонтанъ: *obscura textura, obscuriores morbi, functiones obscurissimaе*.

Яснымъ практическимъ доказательствомъ ничтожности нашихъ познаній въ физиологіи нервовъ можетъ также служить психіатрія. Конечно, нельзя сомнѣваться, что причины душевныхъ болѣзней должны корениться въ патологическомъ состояніи нервной системы; но загляните въ психіатрію, и увидите, что мы не знаемъ ни одной постоянной патологической причины, которая появлялась бы всегда при томъ или другомъ родѣ душевныхъ болѣзней: иногда признанная нами причина бываетъ, иногда — нѣтъ. Все леченіе нервныхъ болѣзней есть и до сихъ поръ одна обширная гипотеза, и если еще удаются намъ какія нибудь леченія ихъ, то именно психическія. Намъ извѣстны, напримѣръ, факты, что одинъ ядъ дѣйствуетъ разрушительно на нервную систему одного животнаго и вовсе не дѣйствуетъ на нервную систему другаго¹; но можемъ ли мы указать на причину такого разнообразія въ явленіяхъ?

Если же мы это наше незнаніе въ отношеніи основныхъ условій дѣятельности нервнаго организма, обличаемое самыми простыми и ежедневно повторяющимися фактами, сравнимъ съ тою увѣренностью, которою проникнуты сочиненія матеріалистовъ, когда они говорятъ о душевныхъ отправленіяхъ какъ о невидимыхъ движеніяхъ мозга, то невольно приходитъ на мысль глубоко-психологическій стихъ Шиллера «*Leicht bei einander wohnen die Gedanken, hart im Raume stossen sich die Dinge*»².

¹ Такъ бѣловатая слизь саламандры не производитъ никакого вліянія на организмъ человѣка и смертельна для птицы; минеральныя яды почти не дѣйствуютъ на ящерицу и для отравленія ея надобно въ двадцать разъ болѣе сильной кислоты, чѣмъ для отравленія кошки, тогда какъ стоитъ заставить ящерицу укусить кожу тритона, и она погибнетъ; а чѣмъ объяснить почти совершенную нечувствительность ея къ металлическимъ, растительнымъ и животнымъ ядамъ? См. любопытныя извѣстія объ этомъ у *Чуди: Les Alpes. Verne. 1859. p. 63, 74, 163.*

² Удобно уживаются другъ съ другомъ мысли, но жестоко въ пространствѣ сталкиваются вещи.

Однако же, какъ ни воздушны основанія, на которыхъ строится тождество души и нервной системы, но у насъ для многихъ показались они достаточно сильными, чтобы признать это тождество за доказанный фактъ. Это убѣжденіе не осталось безъ послѣдствій какъ въ нашей педагогической теоріи, такъ и въ нашей педагогической практикѣ. Вотъ почему мы вынуждены разобратъ эти основанія, которыя можно раздѣлить на *общія*, доказывающія вообще матеріальность психическихъ отправленій, и на *частныя*, доказывающія, что всѣ психическія отправленія принадлежать нервной системѣ.

Разберемъ сначала *общія*, а потомъ и *частныя*.

1) Главное логическое основаніе матеріализма выходитъ изъ той простой мысли, что мы не знаемъ ничего нематеріальнаго, и что опредѣленія души и духа, отъ Платона и до нашего времени, состоятъ только въ однихъ отрицаніяхъ качествъ матеріи, а слѣдовательно душа и духъ, какъ одни отрицанія, въ дѣйствительности не существуютъ.

Это замѣчаніе совершенно справедливо. Мы точно не имѣемъ ни одного, сколько нибудь полнаго и удовлетворяющаго отвѣта на вопросы, что такое сознаніе, душа и духъ. Но не раздѣляютъ ли эти вопросы общей участи со всѣми вопросами, касающимися сущности всѣхъ предметовъ и, въ частности, сущности матеріи? Если мы не знаемъ, что такое духъ въ существѣ своемъ, то такъ же мало знаемъ мы и о томъ, что такое матерія, и если духъ опредѣляется у насъ только какъ отрицаніе матеріи, то и матерія, въ свою очередь, опредѣляется только какъ отрицаніе духа. Постараемся доказать это.

Всѣ опредѣленія матеріи можно подвести подъ два главных: 1) матерія есть все то, что занимаетъ (въ формѣ тѣла) мѣсто въ пространствѣ. 2) Матеріей называется все то, что подлежитъ нашимъ чувствамъ*.

Разберемъ каждое изъ этихъ опредѣленій.

Матерія есть нѣчто *занимающее мѣсто въ пространствѣ*. Здѣсь матерія опредѣляется пространствомъ, а потому поневодѣ мы должны обратиться къ другому вопросу: *что такое пространство?*

Кантъ называетъ пространство идеею a priori, то-есть врожденною челоуѣку, которой онъ не могъ приобрести по опыту, но съ которою соединяетъ всякое свое представленіе, представляя себѣ все не иначе, какъ въ пространствѣ.

«Пространство—говоритъ Кантъ—не есть эмпирическое понятіе, которое могло бы быть извлечено изъ вѣшняго опыта; по-

* *Traité élémentaire de Physique par Ganot. 1866. p. 1.*

тому что во внѣшнемъ опытѣ извѣстныя ощущенія относятся къ чему-то лежащему внѣ меня (то-есть лежащему внѣ того мѣста въ пространствѣ, въ которомъ я нахожусь); и для того, чтобы я могъ представить себѣ это нѣчто находящимся внѣ меня и подлѣ чего нибудь-другого, то представленіе о пространствѣ должно уже лежать въ основаніи. Представленіе о пространствѣ не можетъ быть взято изъ внѣшняго опыта, такъ-какъ сами эти внѣшніе опыты возможны только тогда, когда существуетъ уже представленіе пространства.

«Пространство есть необходимое представленіе *a priori*, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ внѣшнихъ ощущеній. Невозможно себѣ представить, что нѣтъ пространства, хотя можно представить себѣ совершенно пустое пространство. Можно представить себѣ только одно пространство, и если говорить о многихъ пространствахъ, то разумѣютъ подъ этимъ только части одного и того же, единственнаго пространства. Эти части не могутъ быть представлены отдѣльно прежде представленія единого пространства (чѣмъ можно бы было объяснить составленіе представленія пространства изъ частей); но могутъ быть только въ немъ представляемы. Представленіе отдѣльныхъ пространствъ выходитъ уже изъ ограниченія» ¹.

Результатомъ всего этого выходитъ, что первоначальное представленіе пространства есть созерцаніе (*Anschauung*) *a priori*, а не *помятіе*, которое можетъ быть извлечено изъ явленій, даваемыхъ опытомъ ².

Сторонники опыта и матеріи доказываютъ наоборотъ и, какъ намъ кажется, совершенно справедливо, что понятіе пространства приобрѣтено нами черезъ посредство опыта. Философы-примирители, какъ напримѣръ, Фихте и Фортлаге, говорятъ еще о пространствѣ, какъ о созданіи души ³, но это уже намъ кажется просто непонятною метафизическою тонкостью, и создавать пространство, какъ мы думаемъ, значить ровно ничего не создавать.

Не вдаваясь въ метафизику, мы постараемся однако съ нашей, то-есть психологической, точки зрѣнія взглянуть на понятіе о пространствѣ и на споръ о немъ между сторонниками абсолютной необходимости опыта и защитниками возможности идей *a priori*, то-есть идей, врожденныхъ душѣ.

Взглянуть на какое-нибудь понятіе или представленіе съ *психи-*

¹ Kant's Kritik der Reinen Vernunft (Herausg. von Hartenstein). Leipzig. 1858. S. 62—63.

² Ibidem. S. 64.

³ Psychologie von Fichte. Erster Theil. 1864. S. 26 §§ 33, 34, 35.

ческой точки зрѣнія—значить анализировать, какъ возникло или какъ могло возникнуть это понятіе или представленіе въ душѣ нашей. Критеріумомъ для повѣрки правильности подобныхъ психическихъ анализовъ служатъ общія черты душевной исторіи у всѣхъ людей.

Что понятіе о пространствѣ въ его безпредѣльности не разомъ возникло въ душѣ человѣка — въ этомъ нетрудно убѣдиться: дитя и не думаетъ о такомъ пространствѣ, въ головѣ дварей нѣтъ такого представленія. Это понятіе выросло и образовалось исторически, постепенно.

Мы уже видѣли выше, что физиологія (Мюллеръ), психологія (Бэнъ и Форглаге) и философія (Тренделенбургъ) согласно показываютъ, что первымъ проявленіемъ жизни (предшествующимъ не только появленію понятій, но даже простымъ ощущеніямъ) было *движеніе* (еще въ *embrio*); изъ чувства же собственныхъ движеній должно было посредствомъ опыта родиться представленіе о *пустотѣ* — первоначальной и основной формѣ нашего представленія о пространствѣ. Упираясь во что-нибудь доступное осязанію, мы ощущаемъ препятствіе, помѣху нашему движенію, а удаляя эти мѣшающіе намъ предметы или минуя ихъ, мы снова ощущаемъ возможность продолженія движенія. Такимъ образомъ, родилось въ человѣкѣ первое понятіе о *пустотѣ*, какъ о *противоположности матеріи*, и, слѣдовательно, первое основное наше понятіе о пространствѣ есть не что иное, какъ понятіе *объ отсутствіи внѣшняго матеріальнаго препятствія нашимъ движеніямъ*: понятіе *объ отсутствіи матеріи*, или, однимъ словомъ, *отрицаніе матеріи*.

Изъ этого простаго понятія, возникшаго прямо, вслѣдствіе тѣлесныхъ ощущеній, развились другія, изъ которыхъ составилось потомъ, и уже нескоро, понятіе о безконечномъ пространствѣ. Пустоту между двумя предметами мы стали называть *разстояніемъ*; отрицаніе пустоты въ границахъ тѣла — *тѣстою*; пустоту, въ которой тѣла расположены въ видѣ острововъ—*пространствомъ*; а по свойству нашей души выглядывать за всякіе предѣлы, какіе бы ей ни были положены, и спрашивать: а тамъ что? у насъ явилось понятіе безконечнаго пространства, такъ-какъ въ этомъ понятіи собственно и нѣтъ ничего, кромѣ непрерывнаго движенія нашей мысли за всякіе предѣлы, какіе бы она сама себѣ ни положила.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что понятіе *пространство*, есть сложное и пропзводное, основаніемъ котораго служатъ наши чувства и опытъ—и безъ опыта мы не имѣли бы понятія о пространствѣ.

Однакоже, не все въ нашемъ понятіи о пространствѣ—а *posteriori*, а есть нѣчто и *a priori*. *A priori* здѣсь тѣ свойства души, по которымъ она, встрѣтивъ разъ тѣло, какъ помѣху движеніямъ, создала *антитезисъ матеріи*, то-есть понятіе о пустотѣ, которое есть не что иное, какъ отрицаніе матеріи. *A priori* здѣсь еще и переходъ отъ понятія въ другому, доведшіи человѣчество отъ понятія пустоты до понятія необходимости безконечнаго пространства. *A priori* здѣсь, слѣдовательно, не самое понятіе пространства, невозможное безъ опыта, а *движеніе понятій*, органическое развитіе ихъ (энтелехія по Аристотелю, если мы вѣрно понимаемъ это слово), развитіе, доведшее человѣчество *отъ ощущенія пустоты до идеи безконечности*. Опытъ здѣсь необходимъ; но сколько бы разъ опытъ ни повторялся, онъ одинъ ничего не могъ бы сдѣлать, еслибъ не было въ душѣ человѣка способности такъ, а не иначе, воспользоваться этимъ опытомъ. Нетолько животнаго, но даже человѣка, но неразвитаго и дикаго, безпрестанный опытъ надъ пространствомъ не довелъ до понятія о безконечности.

Но если пространство, съ точки зрѣнія опыта, есть не болѣе, какъ отрицаніе виѣшней матеріальной помѣхи нашимъ движеніямъ, отрицаніе матеріи, то опредѣленіе матеріи, какъ чего-то занимающаго мѣсто въ пространствѣ, есть опредѣленіе ложное: не отрицая пространство, мы поняли матерію; но, отрицая матерію, мы поняли пространство—вотъ историко-психическій ходъ этихъ понятій. Еслибы ничто не упиралось въ наше тѣло и наше зрѣніе, то мы не получили бы и представленія о пространствѣ. Такимъ образомъ, опредѣленіе матеріи, какъ чего-то занимающаго мѣсто въ пространствѣ, низводится психическимъ анализомъ на опредѣленіе матеріи, какъ чего-то мѣшающаго нашему движенію, чего-то осязаемаго, или общѣе: чего-то подверженнаго нашимъ виѣшнимъ чувствамъ. Къ этому второму опредѣленію мы теперь и переходимъ.

Матерія есть все, что подлежитъ нашимъ чувствамъ, а такъ-какъ, по воззрѣнію матеріализма, сознаніе есть только общее имя для всѣхъ нашихъ ощущеній, то *матерія есть нѣчто подлежащее нашему сознанію*. Признавъ же сознаніе за матерію и подставивъ равное вмѣсто равнаго, выйдетъ, что *матерія есть то, что подлежитъ матеріи*. Дѣло не подвинется впередъ, если мы признаемъ сознаніе только свойствомъ матеріи, и опредѣленіе матеріи выйдетъ еще страннѣе: *матерія есть то, что подлежитъ своимъ свойствамъ*, т. е. выйдетъ нелѣпость.

Но, можетъ быть, мы называемъ матерією то, что подлежитъ только нашимъ *пяти виѣшнимъ чувствамъ*, отдѣливъ сознаніе отъ виѣшнихъ чувствъ? Тогда, опредѣливъ сознаніе, какъ матерію, мы

скажемъ, что *сознаніе подлѣжитъ одному изъ пяти нашихъ чувствъ*. Но такъ-какъ самыя эти чувства суть только двери въ сознаніе, то усиливаться уловить сознаніе пятью нашими чувствами, все равно что усиливаться ввести домъ въ его собственныя двери.

Если мы обратимся теперь къ тому понятію о матеріи, которое дается намъ естественными науками, и разберемъ его, то прѣдемъ тоже къ очень странному заключенію. Мы увидимъ, что та же самая физика, которая опредѣляетъ *матерію*, какъ нѣчто подлежащее нашимъ чувствамъ, другою своею гипотезою, совершенно для нея необходимою, опровергаетъ это опредѣленіе, доказывая, что чувства наши имѣютъ дѣло не съ матеріей, а съ силами, дѣйствующими внѣ матеріи, и что, такимъ образомъ, самый субстратъ этихъ силъ—матерія—вовсе недоступна нашимъ чувствамъ, и что эта матерія, сдѣлавшаяся девизомъ цѣлой философской школы, есть не что иное, какъ предполагаемая гипотетическая причина совокупности тѣхъ или другихъ силъ въ одномъ мѣстѣ, гипотетическая причина локализациі силъ.

Основная гипотеза современнаго естествознанія, на которой покоятся физика, химія, механика, а въ настоящее время и физиологія, сводящая все также къ вибраціи атомовъ, получила названіе *атомистической системы*. По этой системѣ каждое тѣло состоитъ изъ *атомовъ*—чрезвычайно мелкихъ, недѣлимыхъ частицъ, которыя, хотя собираются въ группы болѣе или менѣе тѣсныя, но никогда *не дотрогиваются* одинъ до другого. Такая раздѣльность атомовъ въ пространствѣ необходима, какъ для объясненія химическихъ комбинацій, такъ и для объясненія многихъ физическихъ явленій, какъ напряженія, упругости тѣлъ, вибраціи и т. п.

Но если атомы наиплотнѣйшихъ тѣлъ не дотрогиваются другъ до друга, то спрашивается, какимъ же образомъ мы можемъ однимъ изъ нашихъ органовъ чувствъ дотронуться непосредственно до атома или до тѣла, этого собранія атомовъ?

Такимъ образомъ, наука представляетъ намъ каждый атомъ и каждое тѣло въ средѣ особенной *коры изъ пустоты*, въ которой дѣйствуютъ силы матеріи. Эта странная кора, облегающая тѣла и атомы, можетъ расширяться до безконечности и уменьшаться при сближеніи атомовъ тѣла, но *никогда не можетъ быть совершенно уничтожена*. Толстота этой коры представляется намъ неизмѣримо малою, когда мы думаемъ о частичномъ притяженіи между атомами плотнаго тѣла, и неизмѣримо обширною, когда мы ду-

* Впрочемъ, Фехнеръ, знаменитый защитникъ атомистической системы, говорить, что и въ тѣлахъ слѣдуетъ представлять себѣ атомы неизмѣримо малыя въ отношеніи раздѣляющаго ихъ пространства (Über die physikalische und philosophische Atomenlehre von Fechner. Zw. Auflage. 1864. S. 94).

имеетъ о взаимномъ тяготѣніи небесныхъ тѣлъ, и Фехнеръ былъ совершенно справедливъ, назвавъ ученіе объ атомахъ только до-
бавленіемъ къ астрономіи ¹. Тѣла небесныя, точно такъ же какъ и
атомы, дѣйствуютъ другъ на друга *безъ непосредственнаго прикос-*
новенія, даже сквозь другія тѣла и на громадномъ разстояніи.
Эти блестящіе міры, эти безчувственныя массы, двигающіяся въ
безконечномъ пространствѣ вселенной, выражаясь аналогиче-
ски, *чувствуютъ* присутствіе другъ друга за миллиарды верстъ,
взвѣшиваютъ другъ друга, *угадываютъ* взаимное направленіе и ско-
рость движенія, и *тянутся* другъ къ другу какими-то незримыми,
нематеріальными, непостижимыми узами ².

Если месмеристъ говоритъ намъ, что одинъ человѣкъ можетъ
дѣйствовать на другого за сотни верстъ, какимъ-то наитіемъ, безъ
всякаго матеріальнаго прикосновенія, и угадывать желанія его безъ
электрической проволоки, то мы совершенно справедливо называемъ
месмериста шарлатаномъ или фантазеромъ. Но если астрономія го-
воритъ намъ, что бездушныя массы небесныхъ тѣлъ, отдѣленныя
другъ отъ друга громаднѣйшими пространствами, входятъ между
собою въ дѣятельное и разумное соотношеніе тоже безъ *всякаго*
матеріальнаго соприкосновенія, то можемъ ли мы не признать въ
этомъ великаго, хотя непостижимаго факта науки? А можемъ ли
мы объяснить себѣ этотъ фактъ, или по крайней-мѣрѣ *представить*
его себѣ въ наглядной формѣ? ³ *Это фактъ—вотъ и все, что мы*
знаемъ, и какимъ бы чудомъ ни казался намъ этотъ фактъ, мы не
можемъ отрицать его, если не хотимъ отрицать тавихъ положи-
тельныхъ наукъ, каковы физика и астрономія, строящихся на этомъ
чудесномъ фактѣ. Фактъ этотъ нетолько непонятенъ для насъ, но
даже прямо противорѣчитъ нашему представленію о невозможности
нематеріальнаго воздѣйствія одного тѣла на другое. Вотъ
одна примѣръ той необходимости выносить иногда неизбѣжныя
противорѣчія, которой подвержено человѣчество какъ въ наукѣ,
такъ и въ жизни. Далѣе мы увидимъ другія, столь же великія и *не-*
избѣжныя противорѣчія, непримиримыя антиноміи, съ которыми,

¹ Ibidem. S. 90.

² Въ старину движеніе планетъ объяснялось живущимъ въ каждой изъ нихъ
spiritus gestog. Теперь намъ известны, конечно, законы движенія планетъ; но
такъ же мало, какъ и въ старину, знаемъ мы, что тянетъ другъ къ другу эти
сѣтныя и вѣсныя громады.

³ Представить—значитъ вообразить себѣ что-нибудь въ такой формѣ, ко-
торая подѣйствовала бы на наши нервы, какъ дѣйствуютъ на нихъ внѣшніе
предметы. Понятно, что представить себѣ такимъ образомъ нематеріальное
воздѣйствіе одного тѣла на другое мы никакъ не можемъ.

по волѣ или по неволѣ, приходится погудова уживаться человѣку, какъ въ ученыхъ изысканіяхъ, такъ и въ практической жизни ¹.

Эта невозможность *представить себѣ* нематеріальное воздѣйствіе тѣла на тѣло, невозможность крайне непріятная для души человѣка, которая неудержимо стремится воплощать все въ форму первннхъ движеній, побуждаетъ, между прочимъ, нѣкоторыхъ прибѣгать, и въ этомъ случаѣ, къ посредству всеобъясняющаго *эмира*. Признаніе гипотетическаго эмира, вызванное отчасти астрономическими наблюденіями (извѣстными наблюденіями надъ движеніями кометы Энке), оказало большія услуги, какъ въ объясненіи множества физическихъ явленій, такъ и въ соединеніи въ одну, довольно уже стройную группу, тѣхъ невѣсомыхъ агентовъ (электричества, теплоты, свѣта и магнетизма), которые, какъ казалось прежде, не имѣли ничего общаго между собою. Эта же гипотеза эмира дала возможность построить ту современную *плодовитую* и *великую* теорію, которая стремится всѣ явленія физическаго міра подвести подъ одну теорію движенія. Но этотъ *эмиръ*, мечтаемый еще древними и только теперь получившій, кажется, полное право гражданства въ наукѣ, нисколько не облегчилъ намъ возможности представить себѣ нематеріальное воздѣйствіе тѣлъ, раздѣленныхъ пространствомъ. Признавъ эмиръ, атомистическая теорія явилась въ слѣдующей формѣ:

Высокая матерія представляется раздѣленною пространствомъ на отдѣльныя части, между которыми находится *невѣсомая* субстанція, *эмиръ*. Природа эмира и его отношенія къ высокой матеріи представляютъ еще много неопредѣленнаго, неяснаго; но, тѣмъ не менѣе, эмиръ воображаютъ не иначе, какъ занимающимъ опредѣленное пространство и также раздѣленнымъ на части, между которыми находится уже *абсолютно-пустое пространство*. Всѣ эти малѣйшія частицы (атомы), какъ высокой, такъ и невѣсомой матеріи, состоятъ между собою въ такомъ же отношеніи, посредствомъ взаимнаго воздѣйствія силъ, въ какомъ состоятъ и небесныя тѣла. Послѣдніе атомы (атомъ отличается отъ группы атомовъ или молекулъ) неразрушимы, или, по крайней-мѣрѣ, въ области химіи и физики нѣтъ средствъ ихъ разрушить ².

¹ Хотя, конечно, ничто не обязываетъ насъ не стремиться къ преодолѣнію этихъ противорѣчій. Что въ практической жизни представляются такіе же *непримиримыя антиноміи*, и что человѣчеству приходится *уживаться* съ ними, и что въ этомъ даже, очень часто, заключается мудрость человѣческая—это прекрасно выяснено въ отношеніи, на примѣръ, англійской конституціи Дж.-Ст. Милемъ. См. Разсуд. и Исслѣдов. Милл. Ч. II, стр. 141. (Переводъ съ англійск. изд. 1865 г.).

² Fechner. Ibidem. S. 93, 94.

Такимъ образомъ, если эфиръ снова состоитъ изъ атомовъ, а эти атомы снова дѣйствуютъ другъ на друга безъ матеріальнаго соприкосновенія, на разстояніи, въ пространствѣ, признаваемомъ *пустымъ*, то ясно само собою, что сама матерія, какъ ее представляютъ намъ естественныя науки, не можетъ быть доступна ни одному изъ нашихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, такъ-какъ отталкивающая сила матеріи непреодолимо отдѣляетъ насъ отъ самой матеріи ¹.

Но чтó же такое сама сила безъ матеріи? Чтó это такое за нематеріальное существо, закрывающее отъ насъ всегда и вездѣ субстанцію матеріи? На это, конечно, не даетъ намъ отвѣта ни одна физика. Это просто значить создать гипотезу для объясненія гипотезы: такъ-какъ мы никакъ не можемъ представить себѣ ясно, чтó такое сила, дѣйствующая въ пространствѣ, *это матерія*.

Для избѣжанія этой неудобопредставляемой гипотезы, слово «сила» замѣняли иногда словомъ «свойство матеріи», или, какъ Фехнеръ, словомъ «законъ»; но ясно, что это значить только подставить одно непонятное слово вмѣсто другого, и мы *поневоля* должны примириться съ *неудобопредставляемостью* факта, на которомъ зиждутся и къ которому приводятся всѣ объясненія современнаго естествознанія.

Но такая неудобопредставляемость тѣмъ не менѣе необходимаго для насъ понятія — мучительна для человѣческой души, стремящейся все воплотить въ образъ, отпечатлѣвающийся въ нервахъ. Вотъ чѣмъ психологически объясняется то нетерпѣливое стремленіе новаго матеріализма — не развязать, а разрубить этотъ гордіевъ узелъ, затрудняющій ходъ нашихъ представленій.

Если мы не ошибаемся, то первый взялся за это знаменитый физиологъ Дюбуа Реймонъ, и объявилъ, точно по какому-нибудь откровенію, «что сила и матерія не что иное, какъ двѣ различныя точки зрѣнія; абстракціи для выраженія вещей, каковы онѣ въ самомъ дѣлѣ». Эти темныя намеки на что-то неуловимое выразились скоро гораздо яснѣе у такихъ рѣшительныхъ людей, каковы Молешоттъ, Фохтъ и Бюхнеръ — и вотъ по свѣту побѣжали знаменитыя *аксіомы*: «нѣтъ матеріи безъ силы и силы безъ матеріи», ² или, по выраженію Фохта: «сила *неотдѣлима* отъ матеріи — это ей отъ вѣчности присущее свойство, и сила, несвязанная съ ма-

¹ Физикъ имѣеть дѣло только съ силами и инерціей. Субстанціально же существующее, въ которомъ должны быть привязаны силы, можетъ имѣть мѣсто только въ метафизикѣ. (Die Streitfrage des Materialismus von Schnell. 1858. S. 32).

² La circulation de la vie par Moleschott. 1866. T. II p. 189. Мы не имѣли подъ руками нѣмецкаго подлинника.

терією, совершенно пустое представленіе». Фехнеръ, приводя эти слова, совершенно справедливо замѣчаетъ: «почему же матеріализмъ, привявшій такое положеніе, не попытался провести и доказать его въ физикѣ, на которую онъ самъ болѣе всего опирается, и въ которой до сихъ поръ нельзя обойтись безъ отдѣльныхъ понятій силы и матеріи?»¹

Очень понятно — почему. Проволя эти понятія въ физикѣ, матеріализмъ уничтожилъ бы атомистическую теорію, на которой нокудова держится не только вся физика, но и вся химія — эти двѣ главнѣйшія опоры матеріализма. Но не значило ли бы это самому подрубить сукъ, на которомъ стоишь?² Признавать же пустое пространство между атомами и тѣлами, и въ то же время признавать, что *тамъ, гдѣ* есть сила, есть и матерія — значить *признать, что матерія существуетъ внѣ мѣста, занимаемаго тѣломъ*, то-есть существуетъ *внѣ самой себя*. Чтѣ же иное значить положеніе, что сила неотдѣлима отъ матеріи, какъ не то, что нѣтъ мѣста въ пространствѣ, гдѣ бы сила существовала безъ матеріи? А главная гипотеза физики строится именно на возможности такого отдѣльнаго существованія силы и матеріи въ пространствѣ.

Сообразивъ все сказанное, кажется, можно придти къ заключенію, что если мы не знаемъ, чтѣ такое духъ и сознание въ существѣ своемъ, то точно такъ же мало знаемъ мы и о томъ, чтѣ такое матерія, да еще едва-ли и не менѣе, какъ это мы увидимъ ниже. Опредѣлить положительно сознание матеріей все равно, что опредѣлить одинъ *иксъ* другимъ *иксомъ*. Все, чтѣ мы можемъ сказать, разобравъ психологическое образованіе этихъ двухъ нашихъ представленій, сознание и матерія, такъ это только то, что они взаимно

¹ Fechner. Ibidem. S. 118.

² Замѣтимъ, для избѣжанія недоразумѣній, что выставляя невозможность выразить въ ясномъ представленіи гипотезу, на которой строится физика и химія, мы, тѣмъ не менѣе, вполне сочувствуемъ Фехнеру, когда онъ говоритъ: «если вывѣшная атомистическая теорія кажется философу слабою, то пусть онъ подаритъ физику другою, но не можетъ же физика промѣнять своего талера на пустой кошелекъ, который стоилъ бы больше талера, если бы былъ полный» (Fechner. S. 99). Атомистическая гипотеза выполняетъ свое назначеніе, группируя химическія и физическія явленія въ одну стройную систему. Конечно, «гипотеза, какъ говоритъ Милль, не имѣетъ назначенія всегда оставаться гипотезою» (Mill's Logic T. II p. 14); но пока гипотеза находится въ видѣ гипотезы, то мы считаемъ совершенно должнымъ и чрезвычайно вреднымъ переносить ее въ другія области изслѣдованія и переносить уже не какъ гипотезу, а какъ вполне доказанную истину, которая можетъ служить точкой отправленія другой наукѣ. Безъ гипотезъ систематическая наука и ея движеніе впередъ невозможны, но въ практическую жизнь и такое практическое дѣло, каково воспитаніе, наука должна входить не своею гипотетическою стороною, а тѣмъ, чтѣ въ ней есть безспорнаго и вполне доказаннаго.

отрицають, и въ то же время взаимно предполагають другъ друга, какъ въ алгебрѣ *плюсъ* и *минусъ*: матерія есть то, что останавливаетъ наше сознательное чувство движенія, какъ мы показали это выше, а сознание есть то, что чувствуетъ себя измѣненнымъ подѣ влияніемъ матеріи, или другими словами: *матерія есть то, что сознается сознаниемъ, а сознание—то, что сознаетъ матерію*; безъ матеріи нечего было бы сознавать, безъ сознания нечему было бы сознавать матерію. Перенесите сознание въ матерію, или матерію въ сознание, и ни то ни другое понятіе существовать не могутъ, потому что это только *антитезисъ*, созданный нами, въ которомъ уничтоженіе одного члена уничтожаетъ немедленно и другой; потому что эти два члена антиномическаго понятія могутъ существовать только какъ противоположности, а иначе не имѣютъ смысла. Таково психическое значеніе этихъ словъ. Для означенія этихъ двухъ понятій, взаимно отрицающихъ и предполагающихъ другъ друга, создавъ человѣкъ два слова—сознаніе и матерію; а потому, другого смысла они и имѣть не могутъ, и не могутъ стоять одно вмѣсто другого. Намъ кажется, что еслибъ психологическая исторія этихъ двухъ понятій была каждымъ признана хорошо, то и споръ о томъ, что такое сознание: матерія или не матерія, прекратился бы самъ собою, какъ невозможный. Сознаніе не можетъ быть матеріей уже потому, что матерія тогда не была бы матеріею, такъ-какъ понятіе матеріи есть только противоположность понятію—сознаніе, и *больше ровно ничего*.

Собственно говоря, мы имѣемъ дѣло не съ духомъ и не съ матеріею: и то и другое не что иное, какъ созданныя нами понятія, а имѣемъ дѣло только съ *ощущеніями* сознанія, мимо которыхъ ничто не проходитъ въ насъ, ни изъ *предполагаемаго* нами внѣшняго, ни изъ *предполагаемаго* нами внутренняго міра. «Можно уже принять за истину — говоритъ Джонъ-Стюартъ Милль — что о внѣшнемъ мірѣ мы не знаемъ и не можемъ абсолютно знать ничего, кромѣ ощущеній, которыя онъ заставляетъ насъ испытывать»¹.

Вполнѣ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ знаменитаго англійскаго логика, мы не можемъ, однако, также согласиться съ нимъ, когда онъ опредѣляетъ тѣло, какъ *предполагаемую нами, внѣшнюю, хотя скрытую причину нашихъ ощущеній*². Въ этомъ опредѣленіи пропущенъ средній членъ, пропущена *сила*, безъ которой, по крайней-мѣрѣ до сихъ поръ, не могутъ обойтись естественныя науки. Мы ощущаемъ только силы, закрывающія отъ насъ субстанцію матеріи, которая не подвержена ни одному изъ нашихъ

¹ Mill's Logic T. I p. 67.

Ibidem.

чувствъ. Матерію же мы предполагаемъ, какъ недоступную нашимъ чувствамъ причину локализациі силъ въ тѣлахъ.

Кромѣ того, замѣтимъ, что хотя мы также мало знаемъ и о субстанціи сознанія, какъ о субстанціи матеріи, но, тѣмъ не менѣе, сознаніе наше не можетъ быть названо гипотезою, равносильною гипотезѣ матеріи, потому что сознаніе есть *для насъ фактъ*, дѣйствительность котораго всякій изъ насъ чувствуетъ самъ въ себѣ, и отъ этого факта отправляются всѣ другія наши знанія о какихъ-бы то ни было предметахъ.

Мы до сихъ поръ безразлично употребляли слова, съ одной стороны, *тѣло* и *матерія*, а съ другой — слова: *сознаніе*, *душа* и *духъ*. Но такъ-какъ эти слова безпрестанно будутъ встрѣчаться намъ при дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи, и такъ-какъ, хотя они очень близки, но вовсе не синонимы, то здѣсь, встаетъ, мы установимъ относительный смыслъ этихъ словъ, въ которомъ и будемъ вперёдъ употреблять ихъ.

Подъ именемъ *тѣла*, мы представляемъ себѣ часть матеріи, занимающую опредѣленное мѣсто въ пространствѣ, ограниченную предѣлами. Безъ всякаго сомнѣнія, слово *тѣло* предшествовало на человѣческомъ языкѣ слову *матерія*, хотя и самое слово «тѣло» появилось вѣроятно не рано, и послѣ того, какъ языкъ уже обогатился множествомъ названій тѣлесныхъ предметовъ. Матерія же, какъ понятіе еще болѣе обширное, есть уже слово философствующаго ума, слово науки. У насъ, кажется, нѣтъ и слова, соотвѣтствующаго этому чуждому слову — матерія.

Но и самое понятіе *тѣла*, безъ сомнѣнія, долго находилось въ формѣ чувства, прежде чѣмъ дано было названіе этому чувству. Это обмѣновенная психологическая исторія многихъ отвѣченныхъ понятій. Человѣкъ создавалъ слова только по надобности, а надобность выразить общее свойство всѣхъ тѣлесныхъ предметовъ могла представиться только уже на высшей ступени развитія. Весьма естественно также, что тѣломъ было названо сначала тѣло человѣка въ противоположность сознанію, обитающему въ этомъ тѣлѣ. * Тысячи опытовъ могли убѣдить человѣка въ томъ, что его

---

* Какъ бы интересно было подкрѣпить этотъ психическій анализъ филологическимъ, но, къ сожалѣнію, мы этого сдѣлать не можемъ. Мы думаемъ, что психологія сдѣлаетъ громадные успѣхи, если на помощь къ ней придетъ филологія съ своей исторіею образованія словъ на всѣхъ человѣческихъ языкахъ. Тогда всѣ психологическіе анализы обопрутсѣ на твердую историческую почву. Но еще даже нельзя и мечтать о томъ времени, когда психологическая исторія главнѣйшихъ словъ языка будетъ такъ разработана психологами и филологами, что прекратится наконецъ споръ о словахъ, составляющій нынѣ едва-ли не 99/100 всѣхъ возможныхъ споровъ человѣческихъ, въ области, конечно, отвѣченныхъ понятій.

тѣло и его сознание — два существа различныя, опытовъ, подобныхъ тѣмъ, которые мы указали выше, и которые повели людей, какъ въ сознанию пустоты, такъ и къ сознанию тѣла. Эту самую психическую исторію проходить и нынче каждый младенецъ, который только изъ множества опытовъ убѣждается въ существованіи своего тѣла и въ отдѣльности его, какъ отъ другихъ тѣлъ, такъ и отъ сознания, какъ мы это показали выше. Однако же, еслибы можно было не навязывать ребѣнку такихъ словъ, въ которыхъ онъ еще не нуждается, то, безъ сомнѣнія, дитя несоро бы добралось до слова «тѣло», которое можетъ понадобиться только уже при нѣкоторой отвлеченности мышленія. Слово «тѣло», какъ нѣчто противоположное сознанию, было перенесено на другіе предметы уже впоследствии, и обозначило въ нихъ также нѣчто противоположное сознанию, или ближе: нѣчто, сопротивляющееся нашему сознательному движенію, *инерцію* по опредѣленію физики. Знаменитый физикъ Шнелъ указываетъ на *инерцію*, какъ на единственное свойство, присущее самой матеріи, которое дѣлаетъ ее субстратомъ для дѣйствія силъ. Еще математикъ Эйлеръ сказалъ, что матерія, какъ нѣчто противоположное силамъ, есть не болѣе, какъ *инерція*. «Чтобы міръ вѣдшихъ явленій могъ произойти, необходимымъ условіемъ для этого является сила сопротивленія» (инерція) — говоритъ Шнелъ. * — Изъ этого условія мы дѣлаемъ нѣчто самостоятельно-существующее — матерію. Такимъ образомъ, и физика и психологія видятъ въ матеріи одно и то же: физика — сопротивленіе силамъ, психологія — сопротивленіе сознательному движенію.

Не такъ легко показать отношеніе между понятіями: *сознаніе*, *душа* и *духъ*. Сознаніе относится къ душѣ, какъ тѣло къ матеріи. Но, безъ сомнѣнія, слово «душа» образовалось раньше слова «сознаніе», хотя человекъ чувствовалъ свое сознаніе и употреблялъ слово *я* прежде, чѣмъ изобрѣлъ слово «душа». Онъ приписалъ чувство сознанія ипотетическому существу — душѣ, точно такъ же, какъ свойство сопротивленія сознательному движенію — приписалъ тѣлу, а общее свойство тѣлъ — матеріи. Слѣдовательно, слово *сознаніе* мы будемъ принимать, какъ противоположность слову *матерія*; слово *душа*, какъ противоположность слову *тѣло*, словомъ же *духъ* означимъ собраніе тѣхъ свойствъ, которыми душа человѣческая отличается отъ души животныхъ.

2) Химія — говорятъ намъ матеріалисты — показала ясно съ помощію своихъ вѣсовъ, что въ организмахъ нѣтъ никакихъ эле-

* Die Streitfrage des Materialismus von K. Snell. 1858, S. 81—85. Превосходный разборъ значенія въ физикѣ понятія матеріи.

ментовъ, которыхъ не было бы въ неорганической природѣ, слѣдовательно, напрасно и искать въ организмъ чего-нибудь другого.

Какъ ни грубо и ни тупо это доказательство, но однако же, оно употребляется у насъ довольно часто и съ успѣхомъ¹, показывающимъ всю страшную вину нашихъ учебныхъ заведеній въ отношеніи логическаго развитія своихъ воспитанниковъ.

Неужели трудно понять, что еслибы химическіе вѣсы и химическій анализъ открыли въ организмъ какой-нибудь химическій элементъ, несуществующій въ неорганической природѣ, то именно это открытіе дало бы большее основаніе матеріализму? Именно потому, что химическіе элементы въ организмахъ тѣ же, что и въ неорганической природѣ, а явленія въ органической жизни совершенно другія, наука ищетъ причину органическихъ явленій не въ химическихъ элементахъ.

Кромѣ того, матеріалисты, совѣтующіе замѣнить метафизику вѣсами, видно, не принимаютъ гипотезы невѣсимаго зѣира. Но любопытно бы знать, какъ же они объясняютъ, безъ помощи этой гипотезы, явленія свѣта, теплоты, электричества, которыя играютъ такую важную роль въ органической жизни, что ихъ вліаніемъ только и пытается наука объяснить происхожденіе такихъ химическихъ комбинацій въ органическихъ тѣлахъ, какихъ мы не встрѣчаемъ въ неорганической природѣ, и не можемъ произвести въ нашихъ лабораторіяхъ?

3) Къ такимъ же слабымъ доказательствамъ, невыдерживающимъ ни малѣйшей критики, принадлежитъ и знаменитая у насъ фраза Молешотта, облетѣвшая едва-ли не всю Россію: Ohne Phosphor keine Gedanke (безъ фосфора нѣтъ мысли). Впервые, фосфора въ мозгу вовсе нѣтъ. Если же Молешоттъ², защищаясь противъ замѣчаній Либиха, извиняется тѣмъ, что онъ употребилъ здѣсь фосфоръ, какъ риторическій тропъ, вмѣсто химическихъ соединеній фосфора, находящихся въ мозгу, то вѣдь никто же не говоритъ: водородъ—вмѣсто воды, кислородъ—вмѣсто ржавчины: тѣла въ химическихъ соединеніяхъ являются новыми тѣлами съ новыми свойствами. Но развѣ въ мозгу только и есть, что фосфоръ? Почему же Молешоттъ не сказалъ: «безъ воды — нѣтъ мысли»? Развѣ вода не такой же существенный элементъ мозга, какъ и фосфорныя соединенія? Развѣ безъ воды можетъ мозгъ мыслить? Если же вода не въ одномъ мозгу, то и фосфоръ бываетъ въ костяхъ и тамъ не мыслить. Почему же именно фосфору воздавъ такую честь Молешоттъ? Какое сходство замѣтилъ онъ между

¹ Намъ уже сдѣлали это возраженіе въ «Книжномъ Вѣстникѣ».

² La Circulation de la Vie par Moleschott. T. II, p. 144.

мыслью и фосфоромъ? Какъ же фосфоръ превращается въ мысль? Какія свойства фосфора замѣтилъ Молешоттъ въ мысли? Не самъ ли онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что «никакой элементъ, достойный этого названія, не можетъ быть превращенъ въ другой»? ¹ Но Молешоттъ говоритъ, впрочемъ, что онъ употребилъ слово «фосфоръ» не вмѣсто соединеній фосфора, но вмѣсто слова «мозгъ» и что знаменитую фразу его нужно понимать такъ: «безъ мозга нѣтъ мышленія» ². Но Молешотту осталось сдѣлать одинъ шагъ, и сказать, что «безъ головы нѣтъ мышленія»: это, по крайней-мѣрѣ, было бы ново! Нелѣпая фраза Молешотта, неизмѣющая ни физиологическаго, ни психологическаго, ни просто логическаго смысла, имѣла для насъ только одно важное значеніе: она показала ясно, какъ упущено у насъ вообще дѣло образованія, какъ ничтожно распространеніе свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ, и какъ мало привычки къ логическому мышленію.

Такимъ образомъ мы видимъ, что признаніе всѣхъ химическихъ элементовъ, входящихъ въ организмъ въ совокупности или какого нибудь одного изъ нихъ за начало сознающее, чувствующее, желающее—не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, основанной на логикѣ, фактахъ психологій и естественныхъ наукъ.

4) Противъ такого грубаго, чисто-химическаго взгляда на жизнь и душевныя отправления вооружаются многіе физиологи. Такъ, напримѣръ, Льюисъ говоритъ:

«Есть рядъ понятій, свойственный только физикѣ, другой—принадлежащій химіи, третій—физиологій, четвертый—психологій, пятый—свойственъ социальнымъ наукамъ. Хотя всѣ эти науки тѣсно связаны между собою, однакоже каждая имѣетъ свою независимую сферу, и эта независимость должна быть уважаема. Такъ, химія предполагаетъ физику, а физиологія—химію; но одни только физическіе законы не могутъ объяснить явленій жизненныхъ; такъ же точно и наоборотъ: химія не можетъ рѣшать физическихъ вопросовъ и физиологія—химическихъ. При совершеніи всякаго жизненнаго явленія играютъ роль физическіе и химическіе законы, и знаніе ихъ необходимо; но вромѣ этихъ законовъ, и выше ихъ стоятъ особенныя законы жизни, которые не могутъ быть выведены ни изъ физики, ни изъ химіи» ³.

Въ примѣчаніи къ этому замѣчательному мѣсту Льюисъ проситъ не принимать сказаннаго въ смыслѣ вѣры въ жизненную си-

¹ Ibid. Т. I, p. 27.

² Ibid. Т. II, p. 149.

³ Физиологія обиденной жизни, Льюиса. Перев. Верзенкова и Рачинскаго, стр. 50.

лу, и общаетъ вполне разсмотрѣть этотъ вопросъ въ послѣдней главѣ; такъ что читатель вправѣ ждать, что Льюисъ, не принимая жизненной силы, укажетъ особую причину, измѣняющую физическія и химическія явленія въ живомъ организмѣ, и что именно изъ этого основанія будетъ выведенъ рядъ особенныхъ, чисто уже физиологическихъ законовъ. Но что же мы находимъ въ послѣдней главѣ его книги? «Мы никогда не должны предполагать — говорить Льюисъ ¹ — существованіе чего либо, когда на это нѣтъ положительныхъ доказательствъ. Существованіе жизненнаго начала доказать невозможно, а пока оно не доказано, оно есть только слово для прикрытія нашего невѣдѣнія».

Правда, это только *asilum ignorantiae*; но что же Льюисъ самъ выставляетъ на мѣсто этого слова, этого прежняго *убѣжища незнанія*? *Организацію и динамическое состояніе этой организаціи*.

«Организація—говоритъ Льюисъ—означаетъ *всю сумму необходимыхъ условий, а не только строеніе органовъ*. Взглянувъ такъ на организацію, намъ будетъ нетрудно понять, что жизнь пропорціональна организаціи. Жизнь отдѣльной клѣточки есть итогъ всей дѣятельности клѣточки и проста на столько, на сколько проста ея организація. Жизнь высокоорганизованнаго животнаго есть *итогъ дѣятельности всѣхъ живыхъ силъ*, и сложна по столько, по сколько сложенъ организмъ. Возьмите простую клѣточку, обнаруживающую полную жизненную дѣятельность, разложите ее въ пластъ, и хотя весь матеріалъ, изъ котораго она состояла, остается неизмѣннымъ—свойства, принадлежавшія ей, какъ клѣточкѣ—ея жизнь не можетъ болѣе обнаруживаться» ².

Но что же этимъ доказывается? Придерживаясь логики, мы можемъ вывести изъ этого описанія (а не объясненія явленія) только то, что для проявленія органической жизни, существу недостаочно однихъ химическихъ элементовъ, но необходима еще и особенная организація этихъ элементовъ. Это, конечно, факты неоспоримые, но вопросъ въ томъ: достаточно ли *только* химическихъ элементовъ и организаціи ихъ, чтобы жизненные явленія начали проявляться въ клѣточкѣ? Чтобы отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ, наука должна была бы показать, что *именно* въ организаціи химическихъ элементовъ скрывается вся причина жизненныхъ явленій, такъ чтобы въ этихъ доказательствахъ было видно, что химическіе элементы, непоказывающіе жизненныхъ явленій, прида въ *такую-то* и *такую-то* организацію между собою, необходимо должны ихъ проявить. Вотъ это значило бы до-

¹ Ibidem, стр. 699.

² Ibidem, стр. 701 и 702.

казать, что причина жизни есть организація. Но доказано ли это? Конечно, нѣтъ — не доказано даже для простѣйшихъ растительныхъ организмовъ, а не только для организмовъ, выражающихъ свою сознательность въ произвольномъ движеніи. Правда, физиологиче растеній заманчиво улыбается надежда провести на фактахъ эту мысль въ отношеніи растительныхъ процессовъ; но доказательства, что организація химическихъ элементовъ способна породить чувство и произвольное движеніе, и предвидѣть невозможно: только фантазія, нестѣсняемая логикой (а не логическая мысль, выводящая изъ фактовъ науки только то, что изъ нихъ можно вывести), можетъ создавать фантастическіе образы сознательной жизни, возникающей изъ той или другой организаціи бессознательныхъ и не живыхъ химическихъ элементовъ.

Намъ кажется, что Льюисъ, задавшись въ началѣ своей книги задачей показать причину жизненныхъ явленій, не принимая жизненной силы, самъ почувствовалъ подъ конецъ сочиненія, что задача эта была ему не по силамъ.

«Безъ сомнѣнія—говоритъ онъ—философичнѣе разсматривать жизнь, какъ первичный фактъ, какъ одну изъ великихъ тайнъ неисповѣдимаго, одну изъ многихъ тайнъ, окружающихъ насъ. Успокоившись на этотъ счетъ, рѣшившись на совершенное воздержаніе отъ всякихъ гипотезъ, отъ всякихъ попытокъ проникнуть въ непроницаемое, мы перестаемъ терзаться надъ тайнами природы и стараемся уяснить себѣ ея *порядокъ*. Мы не ставимъ болѣе созданій нашего воображенія на мѣсто благоговѣйнаго наблюденія. Есть, правда, умы, которымъ непонутру такое смиреніе. Они словно боятся, чтобы жизнь не утратила свое торжественное величіе, отъ нашихъ стараній связать ее, хотя бы издали, съ явленіями неорганическаго міра. Но этотъ страхъ происходитъ оттого, что мало распространено благоговѣніе къ природѣ, оттого, что привычка къ неорганическимъ явленіямъ притупила въ насъ сознание ихъ несказанной таинственности»^{*}.

Кажется, что этими словами сказано уже все! Но это значило бы кончить книгу не физиологически и далеко неудовлетворить тѣмъ ожиданіямъ, которыя пробуждаетъ она своими бойкими выходками въ началѣ и срединѣ. Вотъ почему Льюисъ еще пытается на нѣсколькихъ послѣднихъ страницахъ дать опредѣленіе жизни, безъ признанія жизненной силы, и тѣмъ самымъ сильно противорѣчить себѣ, потому что слова: *жизненная сила*, *жизненное начало*, или просто *жизнь* — не что иное, какъ образное выраженіе для того

^{*} Ibidem, стр. 708.

первичнаго факта и той великой тайны неистовдимаго, о которой Льюисъ только что сказалъ и которую нашелъ сообразною философствующему уму.

Опровергая Канта, опредѣлявшаго жизнь, какъ *внутреннее начало дѣйствія*, и организмъ какъ то, *въ чемъ каждая часть есть въ одно и то же время и средство, и цѣль*, Льюисъ говоритъ, что тогда надобно назвать жизнью и броженіе. Но броженіе и есть, по всей вѣроятности, органическое явленіе, такъ что новая наука только подтверждаетъ опредѣленіе Канта, а не опровергаетъ его.

Находя опредѣленіе жизни, данное Гербартомъ Спенсеромъ, слишкомъ сложнымъ и требующимъ многихъ объясняющихъ подробностей, Льюисъ опредѣляетъ самъ жизнь, впрочемъ, къ чести его надо сказать, довольно нерѣшительно, какъ *динамическое состояніе организма*¹.

Мы не будемъ разбирать здѣсь этого опредѣленія, потому что оно есть не болѣе, какъ сокращеніе опредѣленія, даннаго Спенсеромъ, и которое мы подробно разберемъ въ слѣдующей статьѣ. Здѣсь же замѣтимъ только, что подъ именемъ *динамическаго состоянія организма* слѣдуетъ, конечно, разумѣть, какъ способность его къ движеніямъ, такъ и самыя эти движенія. Но при мысли о способности организма къ движенію, въ насъ рождается вопросъ: откуда же происходитъ эта способность? вопросъ — о причинѣ движенія, потому что, принявъ движеніе, одно изъ жизненныхъ явленій, за безпричинный фактъ, мы никакъ не удовлетворимъ своей любознательности по вопросу, что такое жизнь? и вопросъ этотъ снова будетъ стоять передъ нами во всей своей *неистовдимости*.

Но примемъ даже за доказанный фактъ эту новую и громадную гипотезу, которая выражена, напримѣръ, у Вундта², но которую мы заимствуемъ у Бэна, такъ-какъ у него она выходитъ особенно ясно и рельефно, безъ германской способности улетучиваться и безъ апокалипсическихъ предсказаній, которыми Вундтъ такъ неудачно оканчиваетъ свою книгу.

«Теперь вообще допущено—говоритъ Бэнъ — что нервная сила происходитъ изъ дѣйствія пищи, принимаемой тѣломъ, и принадлежитъ поэтому къ классу тѣхъ силъ, которыя имѣютъ общее происхожденіе и способны взаимно превращаться одна въ другую, какъ-то механическая сила, тепло, электричество, магнетизмъ и

¹ Ibidem, стр. 706.

² Vorlesungen über Menschen-und Thierseele von Wundt. 2 B. S. 442 и 443. Вундтъ переведенъ на русскій языкъ и читатель найдетъ эту гипотезу въ послѣдней главѣ его сочиненія.

сила химическаго разложенія. Сила, оживляющая человѣческій организмъ и поддерживающая мозговые токи, получаетъ свое начало въ великомъ первоначальномъ источникѣ силы — солнцѣ. Вліяніе солнца на растительность воздвигаетъ постройки, которыхъ разрушеніе и смерть въ животной системѣ даютъ ей энергію, выражаемую въ животныхъ процессахъ. То, что называется жизнью, не есть какая-нибудь особенная сила, но только сведеніе силъ неорганической матеріи къ поддержанію живущаго организма. Если бы наши средства наблюденія и измѣренія были совершенны, то мы могли бы дать отчетъ объ употребленіи всей пищи, поглощаемой животнымъ и человѣкомъ; мы могли бы рассчитать все количество энергіи, употребленной въ перемѣнахъ, и показать, какая часть ея пошла на животную теплоту, какая на процессы отдѣленія, какая на дѣйствіе сердца, легвихъ, желудка, на мускульныя движенія, въ продолженіе этого періода и, наконецъ, на дѣятельность мозга и, такимъ образомъ, подвести строгій итогъ приходамъ и расходамъ организма»¹.

Мы не будемъ разбирать здѣсь, на сколько эта гипотеза удовлетворительно объясняетъ явленія растительной жизни; мы думаемъ даже, что это едва-ли не самая удачная гипотеза для объясненія всѣхъ этихъ явленій, и которая открываетъ естественнымъ наукамъ новый плодотворный путь изслѣдованія. Но какъ бы далеко ни подвинулась теорія движенія, исходящаго отъ солнца, въ объясненіи растительныхъ процессовъ, она никогда не перешагнетъ порога, отдѣляющаго эти процессы отъ процессовъ животныхъ.

Не говоря уже о томъ, что движеніе нервовъ въ психическихъ явленіяхъ есть только гипотеза, такъ-какъ этихъ движеній *никто не наблюдалъ до сихъ поръ*, мы скажемъ, что даже еслибы это былъ фактъ, прямо выведенный изъ наблюденій и опыта, то и тогда этотъ фактъ не могъ бы явиться причиною психическихъ явленій. Тутъ уже психологическое наблюденіе ставитъ непреодолимую преграду физиологіи, за которую ей не перешагнуть.

Эту непреодолимую преграду между матеріальными движеніями и ощущеніями поставилъ еще всеобъемлющій Аристотель: «одно и то же—говоритъ онъ—не можетъ испытывать противоположныхъ движеній въ одно и то же время»². Если же мы отличаемъ горькое отъ сладкаго, синее отъ краснаго, то значитъ — мы ощущаемъ въ одно и то же время противоположныя движенія въ нервахъ, а не *нервы*, которые, какъ все матеріальное, не могли бы испытывать двухъ противоположныхъ движеній въ одно и то же время. При

¹ The Senses and the Intellect. By Bain, p. 64—65.

² Arist. De anima. III, 2.

этомъ должно принять въ соображеніе, что воспоминаніе бывшаго ощущенія есть также не что иное, какъ повторенное движеніе нервовъ, слѣдовательно, если я, испытывая сладкій вкусъ, отличаю его отъ горькаго, испытаннаго прежде, то значить я сравниваю также два *одновременныя* нервныя движенія. Сравнить же два движенія между собою можно только при одновременности ихъ ощущенія. Если я, ощущая что-нибудь новое, забываю въ то же мгновеніе прежнія ощущенія, то сравненіе дѣлается невозможнымъ. Всякое же опредѣленное ощущеніе есть именно *сравненіе и различіе двухъ впечатлѣній*, и еслибы мы были *нервы* и могли чувствовать въ одно время только одно свое движеніе, одно ощущеніе, не чувствуя въ то же время другаго ощущенія или слѣда его въ нашей памяти, то никогда не могли бы различить ни одного ощущенія, переходили бы отъ ощущенія къ ощущенію, не сознавая этихъ переходовъ. Всякое же опредѣленное ощущеніе есть именно сознаніе этого перехода. Сознать же какой-нибудь переходъ значить сознать разомъ два впечатлѣнія: одно—выходящее изъ сознанія, другое—вступающее въ него. Это дѣло одновременнаго ощущенія двухъ нервныхъ движеній, невозможное для того, что само движется, невозможное слѣдовательно для нервовъ, вся жизнь для которыхъ выражается движеніемъ, должно выполняться какимъ-то особеннымъ существомъ, которое мы и называемъ *сознаніемъ*. Основная дѣятельность сознанія именно и состоитъ въ этомъ соединеніи различныхъ одновременныхъ движеній различныхъ нервовъ въ одно опредѣленное ощущеніе.

Это основной психологическій фактъ, отъ призванія котораго не можетъ отказаться ни одинъ дѣльный психологъ, иначе всѣ психологическія явленія сдѣлаются для него совершенно необъяснимыми. Если этого факта не признаетъ Вундтъ, то именно потому, что онъ крайне плохой психологъ, и что его книга, имѣющая значеніе для физиолога, представляетъ для психологіи только отдѣльныя, мало обдуманная и противорѣчащія другъ другу фразы. Но Бэнъ, какъ психологъ-специалистъ, не можетъ не видѣть этого факта и признаетъ его во всей его обширности, несмотря на свое матеріалистическое міросозерцаніе. Вотъ почему Бэнъ скорѣе рѣшается сдѣлать физиологическую погрѣшность, чѣмъ подкопать тотъ фактъ, на которомъ строится вся психологія, и признаетъ гипотетическій нервный токъ, движущійся въ нервахъ, но отдѣльный отъ нихъ*.

---

* Bain's. The Emotions and the Will. p. 623, 624, особенно смог. примѣчаніе подъ строкою. «Мы не могли бы отличить правой руки отъ лѣвой, если бы не было чего-то независимаго отъ нервовъ, передающихъ впечатлѣнія—и

Однакоже это признаніе нервнаго тока, спасая многіе психологическіе анализы Бэна, не спасаетъ его физиолого-психической гипотезы отъ аристотелевской логики. Если нервный токъ, на который такъ много сваливается у Бэна и волнами котораго почти всеобъясняется, есть нѣчто матеріальное, то все матеріальное, на сколько мы его знаемъ, подвержено тому же закону движенія, то-есть *не можетъ двигаться въ одно и то же время различными образомъ*; а если мы представимъ себѣ ощущеніе, какъ движеніе чего нибудь матеріальнаго, нервовъ или нервнаго тока, что все равно, то это именно будетъ невозможное матеріально соединеніе двухъ различныхъ движеній въ одно время и въ однѣхъ и тѣхъ же матеріальныхъ частицахъ, что по человѣческому представленію о матеріи (а что же мы имѣемъ, кромѣ человѣческихъ представленій?)— есть невозможность.

Если же невозможно ощущеніе, какъ нервное движеніе, то, конечно, ужъ въ этомъ отношеніи невозможны и всѣ психическія явленія, потому что они всѣ слагаются изъ ощущеній.

Вотъ та грань, опредѣляемая психологическимъ фактомъ, за которую никогда не переступить теорія объясненія психическихъ явленій, какъ движеній нервовъ.

5) Все, что мы до сихъ поръ сказали въ опроверженіе матеріалистической теоріи, относится вполне и къ сдѣлавшемуся у насъ знаменитымъ иѣсту изъ «Физиологическихъ писемъ» Карла Фогта. Однакоже, мы считаемъ нелишнимъ взглянуть поближе на эту знаменитую тираду, такъ часто повторяемую у насъ на разные лады. Вотъ она:

«Я полагаю—говоритъ Карлъ Фогтъ—что каждый естествоиспытатель, при сколько-нибудь послѣдовательномъ размысленіи, придетъ къ тому убѣжденію, что всѣ способности, извѣстныя подъ названіемъ душевной дѣятельности, суть только отправленія мозгового вещества, или, выражаясь нѣсколько грубѣе, что мысль находится почти въ такомъ отношеніи къ головному мозгу, какъ желчь къ печени или моча къ почкамъ. Принимать душу, для которой головной мозгъ служитъ инструментомъ, которымъ она работаетъ по произволу, довольно затруднительно. Въ такомъ случаѣ, мы должны были бы принять для cadaго отправленія нашего организма особенную душу—и при такомъ множествѣ безтѣльныхъ душъ, управляющихъ отдѣльными отправленіями, мы никогда не могли бы понять нашу жизнь. Отправленія тѣла повсюду обуславливаются формою и матеріею, и каждая часть тѣла, имѣющая особенное

что сравнивало бы тѣ впечатлѣнія». По Бэну это, конечно, нервный токъ — от-есть та же душа, только съ другимъ названіемъ.

устройство, необходимо должна имѣть и особенное отправленіе»¹.

Вопервыхъ, явленія, извѣстныя подъ именемъ душевныхъ отправленій, то-есть чувство и выраженіе его — движеніе, показываются и у такихъ животныхъ, у которыхъ нервная система еще нигдѣ не открыта, а тѣмъ болѣе нѣтъ мозгу, какъ, напримѣръ, у зоофитовъ². Слѣдовательно, съ *полной достовѣрностью* еще нивагъ нельзя сказать, что тамъ, гдѣ нѣтъ мозгу, нѣтъ и явленій душевной жизни, хотя, конечно, можно надѣяться, что это будетъ доказано.

Воторыхъ, мы на самихъ себѣ замѣчаемъ, что не всегда присутствіе нервовъ и получаемое ими впечатлѣніе обуславливаютъ чувство. Такъ напримѣръ, сосредоточивъ сильно на чемъ-нибудь вниманіе, мы не слышимъ звуковъ, которые разслушали бы очень ясно, если бы вниманіе наше не было отвлечено чѣмъ-нибудь другимъ. Въ порывахъ сильныхъ душевныхъ движеній мы не ощущаемъ иногда вовсе такой боли, которая заставила бы насъ страдать, еслибы душа наша не была увлечена въ другую сторону. Это необходимо предполагаетъ въ нервахъ *нѣчто такое*, чѣд можетъ отвлекаться отъ однихъ органовъ нервной системы и сосредоточиваться на другихъ.

Правда, нѣкоторые физиологи, какъ напримѣръ Льюисъ³, называютъ *несостоятельною гипотезою* ту мысль, что если ощущеніе не замѣчено, то его и вовсе нѣтъ. Но мы уже доказали и теперь еще скажемъ, что если поставить рядомъ двѣ мысли: *ощущеніе есть то, чѣд мы ощущаемъ* и *могутъ быть незамѣченныя нами ощущенія*, то ясно будетъ само собою, которая изъ этихъ двухъ мыслей будетъ гипотезою и которая фактомъ, и притомъ такимъ фактомъ, который испытывается ежеминутно всѣмъ человѣчествомъ.

Если какая-нибудь система должна прибѣгать для доказательствъ своей истинности къ такимъ гипотезамъ, какъ *неощущаемыя ощущенія*, то это одно уже достаточно показываетъ, какъ слаба эта система.

Втретьихъ, изъ того, что мозгъ *имѣетъ особенное устройство*, а слѣдовательно, долженъ имѣть и особенное отправленіе, нивагъ нельзя вывести, что это отправленіе есть именно мышленіе; такъ-какъ у мозга, кромѣ навязываемаго ему мышленія, есть свои

¹ Физиологическія письма Карла Фогта. Перев. Бабкина и Ламанскаго. Стр. 385, 386, 387.

² Grundzüge der vergleichenden Anatomie von C. Gegenbauer. S. 54.

³ Физиология быденной жизни. Льюиса. Стр. 411.

особыя функции. Фогту, конечно, должно быть извѣстно, что мозгъ и нервная система имѣютъ не одно назначеніе мыслить; онъ самъ же очень хорошо показываетъ вліяніе нервной системы на процессъ питанія, дыханія, біеніе сердца; да кромѣ того мозгъ и нервы являются необходимыми посредниками при всѣхъ автоматическихъ движеніяхъ — слѣдовательно, мы никакъ не можемъ сказать, что единственная функція дѣятельности мозга есть мыслить и чувствовать. Если было бы доказано, что мыслить и чувствуетъ не мозгъ, то все же функція мозговой дѣятельности была бы очень сложна. Вотъ почему приравнивать дѣятельность мозга въ отношеніи мысли къ дѣятельности печени или почекъ—значить говорить фразы, лишеныя смысла.

Вчетвертыхъ, наука потому приписываетъ отдѣленіе желчи печени, а отдѣленіе мочи—почкамъ, что убѣдилась *на фактъ*, что почки отдѣляютъ мочу, а печень желчь. Но открытъ ли подобный фактъ для мозга въ отношеніи мысли? Доступно ли это отдѣленіе, не говоримъ уже одному изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, но даже нашему представленію? Можетъ ли самая беззаконная фантазія представить себѣ мысль въ видѣ жидкости или газа? Открыты ли въ мозгу какія нибудь условія, которыя могли бы объяснить, какимъ образомъ онъ порождаетъ мысль и чувство? Если же это все *иксы*, то на основаніи какихъ извѣстныхъ данныхъ примѣняетъ Фогтъ процессъ мышленія къ отдѣленію желчи и мочи?

Правда, Фогтъ ссылается на Молешотта *, который говоритъ: «мысль—движеніе, превращеніе мозгового вещества». Но эта новая фраза показываетъ только, что Молешоттъ, точно также какъ и Фогтъ, неистощимъ на фразы, лишеныя смысла. *Мысль—превращеніе мозгового вещества...* во что? Во что же превращается это мозговое вещество? въ мысль? Но развѣ можетъ кто нибудь понять превращеніе вещества? Какая-же человѣческая голова можетъ представить себѣ мысль въ видѣ превращеннаго вещества и во что превращеннаго? Кто видѣлъ это превращеніе? Есть ли хотя малѣйшія данныя, которыя насъ наводили бы на него? Не самъ же ли Молешоттъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что превращеніе одного химическаго элемента въ другой немисливо, какъ и уничтоженіе вещества?

Далѣе Фогтъ говоритъ, что принимать душу, для которой головной мозгъ служитъ инструментомъ, довольно *затруднительно*. Правда; но не въ тысячу ли разъ затруднительнѣе представить себѣ мысль и чувство въ видѣ вещества, подверженнаго нашимъ пяти внѣшнимъ чувствамъ (другаго вещества мы не знаемъ и знать

* Физиологическія письма. К. Фогта, стр. 385 (Примѣч.).

не можемъ), то-есть мысль съ вѣсомъ, плотностію, запахомъ, вкусомъ и т. п.?

Пятое. Въ словахъ же Фогга, что принявъ душу, мы должны были принять особенную душу для каждаго отправленія нашего организма, нѣтъ смыслу, такъ-какъ нѣтъ надобности принимать души для автоматическихъ движеній, которыя могутъ быть возбуждены и въ трупѣ. *

Шестое. «Отправленіе тѣла—говорить Фогтъ—повсюду обуславливается формою матеріи, и каждая часть тѣла, имѣющая особенное устройство, должна имѣть необходимо и особенное отправленіе». Но въ томъ то и вопросъ: нашла ли фізіологія въ мозгу условія, дѣлающія его мыслящимъ органомъ, такия же или хотя сколько нибудь подходящія условія, какия мы находимъ, напримѣръ, въ легкихъ, дѣлающія этотъ органъ органомъ дыхательнаго процесса? А если не нашла, если ни въ анатомическомъ устройствѣ мозга, ни въ химическомъ его составѣ, ни въ фізіологическихъ его отправленіяхъ, доступныхъ наблюденію, мы не видимъ никакихъ условій, которыя могли бы показать возможность такихъ явленій, каковы сознаніе, чувство, мышленіе и произволь—то по какому же праву поставимъ мы мозгъ въ такое же отношеніе къ психическому процессу, въ какомъ находятся легкія къ процессу дыханія или печень къ процессу отдѣленія желчи? Фогтъ говоритъ, что всякій разсуждающій естествоиспытатель придетъ къ этой его мысли; мы же думаемъ, что принятіе этой мысли какою нибудь головою покажетъ только, что въ этой головѣ мало знаній по естественнымъ наукамъ и психологіи и еще меньше логики, а преобладаетъ одна безпорядочная фантазія. Кто же хорошо знакомъ не только съ процессомъ отдѣленія желчи, но и съ процессомъ мышленія, тотъ никогда не поставитъ ихъ рядомъ.

б) Фізіологи замѣчаютъ, что количественное и качественное развитіе нервнаго организма идутъ въ параллель съ разнообразіемъ и усложненіемъ психическихъ явленій.

Еслибы это было вполне доказано, то изъ такого доказательства можно было бы вывести только, что мозгъ есть такой же необходимый инструментъ мышленія, какъ и глазъ—инструментъ зрѣнія, хотя никто же не станетъ доказывать, что превосходно устроенный глазъ могъ бы видѣть безъ зрительнаго нерва, а дурно устроенный глазъ можетъ видѣть хорошо при нормальномъ развитіи глазнаго нерва.

---

* См. о томъ же выше, въ главѣ о «рефлексахъ» и ниже—въ разборѣ системы Спенсера.

Но самая параллель между развитіемъ мозга и психическихъ явленій находится еще на младенческой ступени гипотезы.

У муравья вся нервная система состоитъ изъ нѣсколькихъ узловъ, а между тѣмъ тотъ же Фогтъ, который ставитъ умственные способности въ полную зависимость отъ развитія мозга, называетъ муравьевъ уменьшками животными, обладающими такимъ же развитымъ языкомъ, какъ и мимическій языкъ глухо-нѣмыхъ ¹.

Физиологи находятъ соотвѣтствіе въ количествѣ извиловъ большого мозга съ развитіемъ умственныхъ способностей животного; но у самой глупой овцы больше мозговыхъ извиловъ, чѣмъ у самой умной собаки, такъ что матеріалистъ Бэнъ, нѣсколько скандализированный этимъ фактомъ, невольно восклицаетъ: «къ несчастію, это правда» ².

Физиологія не знаетъ ни одного постоянного признака въ мозговой системѣ, на развитіе котораго могла бы она указать, какъ на вѣрный признакъ развитія душевныхъ отправленій. Но еслибы даже и найденъ былъ такой признакъ, то слѣдовало бы еще показать, какое прямое вліяніе можетъ имѣть онъ на развитіе душевныхъ способностей.

«Чѣмъ болѣе животное поднимается въ зоологической лѣстницѣ — говоритъ Мошоттъ, то-есть чѣмъ болѣе развитіе его приближаетъ его къ человѣку, тѣмъ болѣе большой мозгъ прикрываетъ мозжечокъ» ³.

Но почему же Мошоттъ не потрудится показать: какое вліяніе можетъ имѣть прикрытие мозжечка большимъ мозгомъ на развитіе душевныхъ способностей?

Если намъ говорятъ, что чѣмъ шире грудь, тѣмъ дыханіе совершается легче, то мы понимаемъ это; потому что понимаемъ, какъ отъ обширности легкихъ зависитъ совершенство процесса дыханія. Если намъ говорятъ даже, что важное преимущество человѣка передъ другими животными состоитъ въ томъ, что онъ можетъ стоять на ногахъ и свободно дѣйствовать руками, то и это мы понимаемъ, хотя можемъ не приписывать этому признаку такого большого значенія. Но если намъ говорятъ, что человѣкъ потому умнѣе обезьяны, что у него разстояніе между глазами меньше и что верхніе и нижніе зубы у него сходятся прямѣе, то мы уже рѣшительно не понимаемъ, какое вліяніе на душевное развитіе человѣка могутъ имѣть эти физическія его отличія. Точно такъ же, если намъ

¹ «Физиологическія письма». 1864. Стр. 458.

² The Senses and the Intellect. p. 12, въ примѣчаніи.

³ La circulation de la vie par Moleschott. T. 2. p. 158. А у уменьшкаго муравья, и еще умнѣйшей пчелы и хитрѣйшаго паука нѣтъ даже ни большого мозга, ни мозжечка.

говорить, что человѣкъ и обезьяна умнѣе другихъ животныхъ потому, что у нихъ мозжечокъ болѣе закрытъ большимъ мозгомъ, то не вправѣ ли мы спросить: почему же большее закрытіе мозжечка имѣеть такое сильное вліяніе на большее душевное развитіе животного?

Молешоттъ * ссылается на открытіе Граціоле, указавшаго на различіе между мозгомъ животныхъ и человѣка, состоящее въ томъ, что у человѣка два изъ мозговыхъ извиловъ значительны и больше выдаются; но показалъ ли Граціоле или Молешоттъ, какъ это едва замѣтное и такъ долго неоткрываемое различіе (да и теперь открытое ли съ полной достовѣрностью?) могло повести къ тому, чтобы подарить человѣка даромъ слова и всѣми тѣми средствами развитія, какими жизнь человѣческая такъ далеко ушла отъ жизни обезьянъ?

Высокое ли понятіе возымѣли бы вы объ образованіи и умственномъ развитіи человѣка, который повѣрилъ бы ярмарочному фигляру, утверждающему, что въ его рукахъ волшебная палочка, могущая дѣлать чудеса? А не то ли же самое утверждаетъ Молешоттъ, указывая на какую нибудь черту въ мозгу человѣка и приглашая насъ *отречь*, что эта черта—источникъ всего развитія человѣчества?

Еслибы кто нибудь доказывалъ намъ, что рояль играетъ самъ собою, безъ артиста, то мы были бы въ правѣ повѣрить ему только въ томъ случаѣ, еслибы онъ, поднявши деку, показалъ намъ внутри рояля механизмъ, заставляющій инструментъ играть. Точно такъ же *здравая наука только тогда можетъ принять положеніе, что мозгъ мыслитъ, чувствуетъ и желаетъ самъ собою, вслѣдствіе своихъ самостоятельныхъ движеній, когда анатомія и физиологія покажутъ въ самомъ устройствѣ мозга причину самостоятельныхъ движеній и притомъ такихъ движеній, которыя были бы ясными причинами мысли, чувства и желанія.* Показали ли это естественныя науки? Нѣтъ, передъ нами лежитъ мертвая, мягкая масса безъ малѣйшихъ признаковъ движенія и самостоятельной жизни, и надобно быть уже очень ослѣпленнымъ авторитетомъ Молешотта и Фогта, чтобы повѣрить имъ *на слово*, что эта неподвижная масса, недающая намъ своимъ устройствомъ никакого намека на происхожденіе чувствъ, мыслей и желаній, тѣмъ не менѣе мыслитъ, чувствуетъ и желаетъ.

Напротивъ: на сколько мы теперь знакомы съ анатомическимъ устройствомъ мозга, то находимъ причины утверждать, что устройство это противорѣчитъ психическимъ отправлениямъ, а не

* Ibid.

только ихъ не объясняетъ. Такъ, мы видимъ въ мозгу половинчатое устройство, и медицинскія наблюденія, сопровождаемыя потомъ вскрытіемъ, показали случаи, въ которыхъ при совершенномъ поврежденіи одной половины большого мозга больной продолжалъ попрежнему думать и чувствовать. Если при этомъ замѣчалось скорѣйшее утомленіе, о которомъ говоритъ Молешоттъ¹, неприятно скандализированный этимъ фактомъ, то что же удивительнаго, что больной человѣкъ утомляется скорѣе здороваго? Для этого достаточно грипа, лихорадки, дурнаго пищеваренія.

Молешоттъ говоритъ², что человѣкъ однимъ глазомъ видитъ такъ же хорошо, какъ и двумя: это, во первыхъ, неправда, а во вторыхъ, еслибы было и правда, то доказывало бы только то, что человѣкъ видитъ собственно не глазомъ, и что глазъ есть только орудіе зрѣнія. Если же мозгъ *самъ мыслить*, то дѣятельность его должна ослабѣть наполовину при атрофіи одной его половины; и если этого не бываетъ, то слѣдовательно есть въ мозгу что-то такое, что не уменьшается при уменьшеніи мозга на половину и дѣйствуетъ точно такъ же, и съ такою же силою въ половинѣ, какъ и въ цѣломъ.

7) Защитники тождества мозга и души указываютъ на вліяніе болѣзней нервной системы на душевныя отправленія: такъ, говорятъ они, разлитіе желчи заставляеть человѣка сердиться, затрудненное дыханіе порождаетъ капризы и т. д. Но психологъ можетъ указать на обратное дѣйствіе души на тѣло: гнѣвъ, порожденный психическими вліяніями, заставляеть желчь разливаться, тяжелая и постоянная грусть производитъ затрудненіе дыханія и чахотку и т. п. Это показываетъ на связь души съ тѣломъ, а не на то, что душа есть тѣло; показываетъ на подчиненіе души тѣлу на столько же, *по крайней-мѣрѣ*, на сколько тѣло подчинено душѣ. Само знаменитое изрѣченіе: «*mens sana in corpore sano*» не выдерживаетъ никакой критики. Чаще всего выходитъ наоборотъ: и люди, отличающіеся физическимъ здоровьемъ, нерѣдко отличаются въ то же время нетолько слабымъ умомъ, но и ничтожествомъ воли и вообще неразвитіемъ психической жизни. Вольтеръ всю жизнь умиралъ; Руссо былъ слабого здоровья и иппохондрикъ; Бокль былъ постоянно боленъ; Дарвинъ тоже не отличается здоровьемъ; да и у насъ въ Россіи! Бѣлинскій, Гоголь — все это были больные, чуть живущіе люди. Гдѣ же тутъ *mens sana in corpore sano*? Самъ Бенеке, ставшій душевныя явленія въ такую зависимость отъ тѣлесныхъ условій, долженъ сознаться, что

¹ La Circulat. de la vie. Т. II, p. 161, 162.

² Ibid.

это отношеніе имѣеть полное значеніе только въ дѣтствѣ *. А мы могли бы сказать, что и при этомъ ограниченіи мысль все-таки останется ложною: самыя болѣзненные дѣти въ учебныхъ заведеніяхъ далеко не являются самыми тупыми, а чаще бываетъ наоборотъ. Конечно, это объясняется развитіемъ нервной системы на счетъ другихъ системъ, какъ мы это показали выше, но само чрезмѣрное развитіе нервной системы является слѣдствіемъ преждевременной и чрезмѣрно усиленной душевной жизни, на что мы также обратили вниманіе педагоговъ въ своемъ мѣствѣ.

К. Ушниковъ.

---

* Erziehung und Unterrichtslehre, von Benecke. 1864. Erst. B. S. 22.

РЕВНОСТЬ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА РИДА.

I.

— Говорю вамъ разъ на всегда, я не хочу, чтобы впередь этотъ пощъ шнырлялъ ко мнѣ въ домъ и омрачалъ его своимъ присутствіемъ.

— Я вамъ говорю, что это мой домъ, а не вашъ, и что двери его всегда будутъ открыты этому святому отцу, когда ему угодно будетъ почтить его своимъ присутствіемъ.

Джентльменъ и дама, обмѣнившіеся этимъ горькимъ вызовомъ, стоя другъ противъ друга, блѣдые и разъяренные, были мужъ и жена, и когда-то много другъ друга любили.

Мисъ Кэтринъ Пейтонъ принадлежала къ старинному кумберландскому роду, и была первой, хотя наименѣе любимой красавицей во всемъ графствѣ. Она была очень высока ростомъ и стройна, и держала себя немного слишкомъ повелительно; иногда, впрочемъ, ея надменная фигура какъ-бы опускалась и смягчалась, когда она ласково наклонялась надъ какимъ нибудь любимымъ существомъ: контрастъ тогда былъ восхитителенъ и сама она была плѣнительно хороша.

Волосы у нея были золотистые, мягкіе какъ шелкъ, глаза прелестнаго сѣраго цвѣта, которые она останавливала на своемъ собесѣдникѣ съ такою медленной и спокойной величавостью, такъ что предметъ этого взгляда не могъ не сознавать, во первыхъ, что глаза эти огромны и чудно хороши, вовторыхъ, что они задумчиво глядятъ *черезъ* него, а не *на* него.

Вынося на себѣ подобный взглядъ такихъ дивныхъ глазъ, человѣкъ чувствуетъ себя какимъ-то ничтожнымъ и вслѣдствіе того ожесточается.

У Кэтринъ была еще какая-то особенная манера принимать всегда немного угловатые комплименты кумберландскихъ свайровъ, именно съ этимъ лѣнивымъ, спокойнымъ, парящимъ гдѣ-то въ про-

странствѣ взглядомъ, и за эту-то, а также и за другія царственные прелести она пользовалась скорѣе общимъ удивленіемъ, чѣмъ любовью.

Родовое помѣстье ея семейства было укрѣплено за ея братомъ; отецъ же ея проматывалъ всякую копейку, какая попадала ему въ руки, такъ что у нея не было ни денегъ, ни надеждъ въ будущемъ, кромѣ развѣ отъ одного отдаленнаго родственника, мистера Чарльтона, владѣльца Герншо-Кэстля и Больтон-Голя.

Но и эти надежды вскорѣ значительно уменьшились: мистеру Чарльтону полюбился родственникъ его покойной жены, Гриффитъ Гонтъ; онъ взялъ его къ себѣ въ домъ и сталъ обращаться съ нимъ какъ съ своимъ будущимъ наслѣдникомъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, два обожателя, которые до тѣхъ поръ выносили взглядъ Кэтринъ Пейтонъ, отъ нея отступились. Хорошенькія дѣвочки, длинноносыя, но богатая дѣвица, дѣвушки курносенькія, но миловидныя, пристроивались кругомъ ея со всѣхъ сторонъ, но царственная красавица, на двадцать-третьемъ году, все еще оставалась миссъ Пейтонъ.

Она была добра къ бѣднымъ, дѣлилась съ ними деньгами изъ своего тощаго кошелька, даже иногда шила на нихъ и читала имъ вслухъ (въ тѣ дни мало кто изъ нисшаго сословія умѣлъ грамотѣ). Въ замѣнъ этихъ услугъ она только требовала, чтобы они были католиками, какъ она, или по крайней-мѣрѣ показывали видъ, что ихъ понемногу можно будетъ обратить въ эту вѣру.

Это была дѣвушка съ возвышенной душой; она умѣла быть и женственной—когда ей было угодно.

Она ѣздила на охоту раза два въ недѣлю, въ продолженіе всего охотничьяго сезона, и была на сѣдлѣ какъ дома, потому что упражнялась въ верховой ѣздѣ съ дѣтства. Но натура ея до того была цѣльна и самобытна, что это упражненіе, которое болѣе или менѣе отнимаетъ женственность у большей части записныхъ наѣздицъ, не имѣло замѣтнаго вліянія на ея характеръ или даже манеры. Ея красная амазонка, маленькая красная шляпа, и рослый бѣлый иноходецъ часто появлялись въ первыхъ рядахъ охоты, въ концѣ продолжительной свачки за звѣремъ. Но, несмотря на это, она была самой необщительной охотницей: она никогда не разговаривала ни съ кѣмъ, кромѣ своихъ знакомыхъ, и постоянно сохраняла задумчиво равнодушную наружность, исключая тѣхъ моментовъ, когда стая дружно заливалась всѣми голосами и она скакала за нею во весь опоръ. Это бы еще ничего, но въ ту самую минуту, когда псы уже нагнали лисицу, и участь звѣря становилась несомнѣнною, ей случалось насмѣшно сворачивать свою рассказавшуюся лошадь, и задумчиво уѣзжать шагомъ домой, вмѣсто того, чтобы

присутствовать при затравленіи звѣря и требовать, по обычаю, его хвоста.

Однажды, когда, по окончаніи продолжительной травли, распорядитель охоты сталъ поздравлять ее, она подняла на него свои небесные глаза и отвѣчала: «напрасно хвалите, сэръ Ральфъ: я только люблю скакать во весь опоръ, и эта скучная охота служить мнѣ простымъ предлогомъ для этого».

Дѣло было ровно сто лѣтъ тому назадъ. Страна въ то время кишѣла лисицами, но за то было въ ней множество непроходимыхъ лѣсныхъ чащей, и опытная лиса была вполне обезпечена отъ собакъ перебѣганіемъ изъ одной чащи въ другую, такъ что приходилось выбиваться изъ силъ, чтобы поднять ее оттуда; въ такія-то минуты сѣрые глаза мисъ Пейтонъ обыкновенно устремлялись въ пространство, и она забывала своихъ спутниковъ, какъ четвероногихъ, такъ и двуногихъ.

Однажды охота печаянно напала на лису. При первомъ звукѣ рога, она поднялась изъ логовища, и пошла прямо по открытому полю. Одинъ изъ загонщиковъ увидалъ ее крадущеюся изъ опушки лѣса, и далъ сигналъ; всадники подвалили со всѣхъ сторонъ, собаки подняли носы кверху и залились; рога затрубили, собачья музыка слилась въ громкій хоръ, и вся охота помчалась въ погоню черезъ поле.

Славная была травля! Кровь разыгралась въ жилахъ нашей задумчивой красавицы. Ея легкая, гибкая, но упругая фигура, какъ бы приросшая къ огромному бѣлому коню, летѣла за передовыми всадниками; одинъ изъ ея шелковистыхъ, золотыхъ локоновъ отвѣвало вѣтромъ, ея сѣрые глаза заискрились земнымъ огнемъ и два алыхъ пятна на верхней части ея щекъ показывали, что она находится въ сильномъ возбужденіи, но безъ малѣйшей примѣси страха. Между тѣмъ въ первыя же десять минутъ одинъ изъ всадниковъ свалился съ лошади передъ ея глазами, а почти рядомъ съ нею скакалъ, отфыркиваясь, чистокровный вороной конь съ пустымъ сѣдломъ. Вдругъ юный Фезерстонъ, который ѣхалъ впереди отъ нея въ нѣсколькихъ шагахъ, перескочнулъ чрезъ высокой заборъ и исчезъ: его не стало видно, хотя за то было слышно, какъ барахтался онъ за заборомъ въ глубокой канавѣ, о существованіи которой не подозрѣвалъ несчастный охотникъ. Осадить лошадь не было времени. «Лежите смирно, сэръ», сказала ему Кэтринъ съ холодной вѣжливостью; затѣмъ подтянула поводья, дала шпоры, перескочнула черезъ канаву со всѣмъ, что въ ней было, и полетѣла далѣе не оглядываясь. Такъ неслась охота впередъ, впередъ, впередъ, пока красныя куртки и лосины охотниковъ, недавно еще такія опрятныя и красивыя, не были забрызганы грязью

и тиною, а глядovitыя, расчесанныя лошади дымились отъ пота и мылились отъ пѣны, и широко раздутыя ноздри ихъ тяжело отдувались и налились кровью. Вдругъ широкій ручей, разлившіяся и бурливый отъ недавнихъ дождей, преградилъ дорогу къ густому кустарнику, къ которому стремилась лисица.

Выскакавъ по косогору, охотники увидали ее, бѣгущую къ ручью. Тутъ уже они увѣрены были въ побѣдѣ, но лисица паскоро напилась, юркнула въ воду, черезъ минуту выползла изъ нея съ противоположной стороны, и медленно пошла къ чащѣ, очевидно отягченная своимъ мокрымъ мѣхомъ.

При видѣ ея охотники заатукали, затрубили въ рога и помчались дальше съ удвоенной быстротою; но когда они подѣхали къ ручью, оказалось, что въ немъ около двадцати футовъ ширины. Нѣкоторые изъ всадниковъ поѣхали по берегу, отыскивая болѣе узкаго мѣста; двѣ лошади, получивъ шпоры, подсажали къ самому краю, но тутъ поднялись на дыбы и повернулись на заднихъ ногахъ, сбросивъ въ потокъ одну шляпу и одного охотника. Одинъ конь уперся ногами и фыркалъ, глядя на воду, другой важно шарахнулся въ нее и просто поплылъ, а на той сторонѣ пришлось его вытаскивать; третій, наконецъ, скакнулъ, но попалъ на противоположный берегъ одними передними ногами, задними же барахтался въ водѣ, между тѣмъ какъ всадникъ, прижавъ руками къ его гривѣ, испуганно выглядывалъ между его отложенныхъ назадъ ушей.

Но мисъ Пейтонъ подстрекнула лошадь свою шпорами и голосомъ, стиснула зубы, хотя на этотъ разъ нѣсколько поблѣднѣла, съ раскоку подлетѣла къ обрыву и перескакнула съ легкостью серны. Она и ловчій остались почти вдвоемъ на той сторонѣ, и вмѣстѣ съ собаками совсѣмъ уже нагоняли бѣдную лисицу, какъ вдругъ та шмыгнула въ лазейку живой колючей изгороди и, вынудивъ собакъ идти гуськомъ, скрылась въ густомъ, молодомъ орѣшникѣ, извѣстномъ въ околоткѣ подъ названіемъ «Догморскаго подлѣска».

Немного спустя, кое-какъ въ разбродъ приплелись и другіе всадники, и начали хлопотать какъ бы выгнать лисицу изъ ея убѣжища. Въ подлѣскѣ было нѣсколько узенькихъ просѣкъ, по нимъ-то засуетились ловчій и доѣзжачій, поощряя крикомъ бодрыхъ собакъ и подгоняя отсталыхъ арапниками. Другіе только безъ толку метались, вспахивая землю и затаптывая траву. А мисъ Пейтонъ снова погрузилась въ глубокую задумчивость. Она сидѣла неподвижно, опираясь локтемъ на колѣно и поддерживая подбородокъ двумя пальцами, такъ же мало обращая вниманія на гвалтъ роговъ и голосовъ, какъ будто она была статуей богини Діаны.

И въ такомъ положеніи пробыла она такъ долго у самой опушки подлѣска, что атакованная лисица, наконецъ, рѣшилась выползти изъ кустовъ совершенно вблизи отъ нея, и, бросивъ на нее косвенный, какъ-бы вопросительный взглядъ, опять пустилась черезъ открытое поле. Мисъ Пейтонъ въ первую минуту вздрогнула и шоки ея зардѣлись, но опытный глазъ ея сразу разглядѣлъ всѣ признаки полного изнеможенія бѣднаго звѣря, и она не тронулась съ мѣста, а только хладнокровно слѣдила за нимъ взоромъ. Лошадь же ея рванулась, затрепетала, уперлась въ землю обѣими передними ногами подъ острымъ угломъ, раздвинула заднія ноги и стояла въ такомъ положеніи, вся дрожа, съ наостренными ушами, глядя черезъ низкій плетень за удаляющимися животнымъ, порываясь и вспотѣвъ отъ ожиданія скачки и погони — однимъ словомъ, пришла въ страшную агитацію, и все это изъ-за крошечнаго звѣрка, едва приходящагося ей по коленно. Въ эту минуту подѣхалъ доѣзжачій и, замѣтивъ задорную позу коня, смекнулъ въ чемъ дѣло, но по спокойствію всадницы заключилъ, что лисица только высунулась изъ кустовъ и опять скрылась. Однако, повстрѣчавшись съ ловчимъ, онъ ему объявилъ, что «конь мисъ Пейтонъ, должно быть, видѣлъ звѣря». Собаки казались озадаченными и сбитыми со слѣда. Наконецъ, ловчій подѣхалъ къ мисъ Пейтонъ и, приподнявъ шапку, спросилъ ее, не видела ли она лисицы. Она задумчиво поглядѣла на него.

— Лисицу? сказала она: — она ужъ минутъ десять какъ вышла изъ чащи.

Охотникъ со всею силою затрубилъ въ рогъ и потомъ укоризненно спросилъ ее, почему она не подала сигнала. Мисъ Пейтонъ лѣниво и задумчиво отвѣчала, что лисица вышла такая испачканная, изнуренная, съ хвостомъ, волочащимся по землѣ:

— Какъ посмотрѣла я на нее, сказала она: — мнѣ такъ жалко стало ея. Она одна, а насъ такъ много. Она такая крошечная, а мы такіе большіе. Притомъ она намъ доставила славную скачку. Я и рѣшила въ благодарность дать ей снасть до другого раза.

Охотникъ съ тупымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее съ минуту, потомъ, отвернувшись, разразился потокомъ ругательства, опять неистово затрубилъ въ рогъ, потомъ снова принялся кричать и ругаться, пока люди и собаки сбѣжались на его голосъ и звукъ его рога.

— Сворьте и поѣзжайте домой ужинать, спокойно сказала мисъ Пейтонъ:—лисицы вамъ сегодня уже не видать, за это я ручаюсь.

Съ этими словами она слегка дала шпоры своей лошади, перескочила черезъ низкій заборикъ и тихой рысцєю поѣхала домой

черезъ открытое поле; она вообще рѣдко ѣзжала по большимъ или торнымъ дорогамъ.

Около мили проѣхала она такимъ образомъ, какъ вдругъ услыхала за собою въ догонку лошадиный топотъ. Она усмѣхнулась про себя, румянецъ щекъ ея нѣсколько усилился, но она не оглянулась.

— Стой! Именемъ короля! окликнулъ ее полный, пріятный мужской голосъ, и одинъ изъ охотниковъ, поровнявшись съ нею, осадилъ свою лошадь.

— Неужели затравили? спросила Кэтринъ самымъ невиннымъ тономъ.

— Куда имъ! Лисица теперь давнымъ давно въ лѣсу.

— А развѣ здѣсь дорога въ лѣсъ?

— Въ лѣсъ не въ лѣсъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ:—но если лисица бѣжитъ въ одну сторону, а серна — въ другую, то что же тутъ дѣлать бѣдному охотнику?

— Какъ видно, погнаться за той, которая тише бѣжитъ.

— Скажи лучше за тою, которая милѣе и дороже, ненаглядная Кэть.

— Полно, Гриффитъ; ты знаешь, я не терплю лести, сказала Кэть, но въ то же время нѣжная улыбка смягчила это суровое изреченіе.

— Какая тутъ лестъ, возразилъ юноша: — у меня не хватаетъ словъ высказать половину того, что я думаю въ твою хвалу. Люди-то здѣсь, видно, слѣпые, какъ летучія мыши, иначе...

— Ну, да, разумѣется, всѣ слѣпые, кромѣ мистера Гриффита Гонта: онъ нашелъ алмазъ тамъ, гдѣ болѣе дѣльные люди видятъ только своенравную, капризную дѣвушку.

— Значитъ, онъ единственный человѣкъ, достойный обладать этимъ алмазомъ. Кажется, ясно.

— Ну, еще не совсѣмъ, сухо возразила она.

Этотъ рѣзкій отвѣтъ повергъ юнаго охотника въ такое смущеніе, котораго молодая дѣвушка вовсе не имѣла въ виду причинить ему. Дѣло въ томъ, что мистеръ Джорджъ Невиль, молодой помѣщикъ, красавецъ и богачъ, недавно пріѣхавшій въ графство на житье, явно пріударилъ за Кэть. Вниманіе его сдѣлалось предметомъ толковъ всего графства, и Гриффитъ по этому случаю тайно былъ на иголкахъ уже нѣсколько дней. Теперь же онъ не могъ долѣе скрыть своей душевной тревоги, и воскликнулъ дрожащимъ, неестественно рѣзкимъ голосомъ:

— Кэть! Милая Кэть! неужели ты могла бы любить другого, а не меня? Неужели? Послушай, лучше я слѣзу съ лошади и лягу тутъ вотъ на землѣ, а ты переѣзжай черезъ меня и затопчи меня

до смерти — мнѣ легче будетъ, чтобы ты истоптала мнѣ ребра, чѣмъ сердце, любя другого.

— Что съ тобой? сказала Кэтринъ, гордо выпрямляясь. — Я вижу, мнѣ придется побранить тебя хорошенько... И осадивъ лошадь, она повернулась прямо къ нему лицомъ; но увидѣвъ, что черты его полны искренней тоски, она, вмѣсто того, чтобы дѣлать ему выговоръ, кротко прибавила:

— Чего ты расходился, Гриффитъ? Развѣ я не признаю тебя моимъ вѣрнымъ слугою? Развѣ я не дамъ тебѣ знать каждый разъ, какъ обѣдаю не дома?

— Правда, моя дорогая, и я тотчасъ же отправляюсь туда, гдѣ ты обѣдаешь, и сижу тамъ, пока люди догадываются, а другой разъ не поцеремонятся и спросить...

Кэтринъ улыбулась и напомнила ему, что три раза въ недѣлю она позволяетъ ему прїѣзжать изъ Больтона (ровно 15 миль отсюда и назадъ), чтобы повидаться съ нею.

— Все это такъ, возразилъ Гриффитъ: — надо сказать правду, ты всегда являешься, во всякую погоду, къ садовой калиткѣ, и хоть минуту дашь мнѣ поддержать ручку твою въ моей рукѣ. Но, Кэтъ, прибавилъ онъ жалостно:—при одной мысли, что ты можешь также положить эту дорогую ручку въ руку другого человѣка, сердце во мнѣ замираетъ, меня пробираетъ морозъ и жаръ.

— Но вѣдь тебѣ нѣтъ никакой причины тревожиться, успокоивала его Кэтринъ:—никто, кромѣ тебя самого, не сомнѣвается въ моемъ расположеніи къ тебѣ. Меня часто попрекаютъ тобою, Гриффитъ, и конечно, прибавила она, стискивая зубы:—я тебя отъ этого только больше люблю.

Гриффитъ отвѣчалъ шумными изліяніями благодарности, и затѣмъ, по мужскому обычаю, сталъ забѣгать далѣе.

— Ахъ, сказалъ онъ:—когда бы ты только собралась духомъ и рѣшилась бы разомъ покончить.

Мисъ Пейтонъ вздохнула и нѣсколько опустила въ сѣдлѣ. Помолчавъ немного, она стала перечислять препятствія, и между прочимъ напомнила ему, что ни онъ, ни она, не имѣютъ состоянія; но онъ этимъ не смутился, и отвѣчалъ, что онъ скоро будетъ богатъ, что мистеръ Чарльтонъ почти формально сказалъ ему, что завѣщаетъ ему Больтон-Голль и Грэнджъ.

— А вѣдь это составляетъ шестьсотъ десятинь, Кэтъ, кромѣ парка

Въ пылу своихъ убѣжденій, онъ позабылъ, что по настоящему Кэтринъ, а не онъ должна наследовать имѣнія мистера Чарльтона. Кэтринъ была слишкомъ благородна, чтобы сердиться на Гриффита за эту маленькую не деликатность, однако, слегка по-

краснѣла и сказала, что ей тяжела мысль — выходить за него безъ приданого.

— Вздоръ какой! Не все ли равно, у кого изъ насъ будетъ эта дрянъ, лишь бы хватило на обоихъ, сказалъ Гриффитъ съ видомъ удивленія.

Кэтринъ одобрительно улыбнулась и не стала болѣе спорить, но обратила вниманіе его на то обстоятельство, что они различнаго вѣроисповѣданія.

— О, хорошіе люди попадутъ въ рай и разными дорогами, безпечно возразилъ Гриффитъ.

— Мнѣ внушали совсѣмъ другое, съ важностью отвѣчала Кэтринъ.

— Въ такомъ случаѣ, отдай мнѣ только свою руку, а я тебѣ отдамъ свою душу, порывисто сказалъ Гриффитъ:—я пойду твоей дорогой, если ты не можешь идти моею, я на все согласенъ, лишь бы намъ не разлучаться ни въ этой, ни въ будущей жизни.

Она молча на него поглядѣла и уже нерѣшительнымъ, полувинительнымъ тономъ замѣтила, что всѣ ея родные противъ этого.

— Не ихъ это дѣло, а наше, быстро рѣшилъ онъ.

— Значить, мнѣ придется высказать тебѣ истинную причину моей нерѣшимости, печально сказала Кэтринъ:—я чувствую, что я не дала бы тебѣ полного счастья; я не совсѣмъ такъ люблю тебя, какъ тебѣ нужно, какъ ты заслуживаешь быть любимымъ. Ты на меня не смотри такими страшными глазами: между людьми у тебя нѣтъ соперниковъ. Но сердце мое обливадается кровью за мою церковь; я припоминаю ея прежнее величіе въ этой землѣ—и видя, до какого положенія она дошла, я невольно и порываюсь посвятить себя на ея служеніе. Я совершенно гожусь въ игуменьи или монахини, а въ жены совсѣмъ не гожусь. Нѣтъ, нѣтъ, я не могу, не должна, не смѣю выходить за протестанта. Послушайся совѣта той, которая отъ всей души тебѣ желаетъ добра: брось меня, бѣги меня, забудь меня, только не вздумай ненавидѣть меня. Ты не знаешь, какая во мнѣ происходитъ душевная борьба. Прощай же! Святые, въ которыхъ ты не вѣришь, да хранятъ тебя! Прощай!

И она съ глубокимъ вздохомъ дала коню шпоры и пустилась въ галопъ.

Гриффитъ, не вполне способный состязаться съ такимъ характеромъ, сидѣлъ словно окаменѣлый, и еслибы онъ былъ не верхомъ, то, кажется, приросъ бы къ мѣсту; но его лошадь сама поскакала вслѣдъ за своимъ товарищемъ, и началась новаго рода погоня. Силы у бѣлаго коня были свѣжѣе, чѣмъ у лошади Гриффита, которая, не будучи притомъ подстрекаема своимъ оторопѣвшимъ всадникомъ, начала отставать; но подѣвжая къ воротамъ отца

своего, Кэтринъ убавила шагъ и дала Гриффиту догнать себя. Она уже внутренно на половину сдалась, и достаточно было бы одного горячаго и рѣшительнаго напора, чтобы совершенно сломить ея сопротивленіе, но Гриффитъ былъ слишкомъ огорченъ и слишкомъ мало знакомъ съ женской натурой, чтобы найдтись въ эту критическую минуту. Обуреваемый подозрѣніями и горькими чувствами, онъ мрачно и безмолвно ѣхалъ рядомъ съ ней, покуда они повернули въ большую аллею, ведущую къ усадьбѣ.

Пока онъ ѣдетъ рядомъ съ своеюравнымъ, но горячо любимымъ созданиемъ, погруженный въ угрюмое молчаніе, я открою читателю одну изъ слабостей его характера.

Гриффитъ Гонтъ далеко не имѣлъ недостатка въ физической храбрости, но его инстинктивно тянуло бѣжать отъ душевной боли, лишь только онъ терялъ надежду прогнать ее отъ себя. Такъ, напримѣръ, еслибы Кэтринъ заболѣла и жизнь ея подвергалась опасности, онъ бы скакалъ день и ночь, чтобы спасти ее, довелъ бы себя до нищенства ради нея; но умри она, онъ либо убилъ бы себя, либо бѣжалъ бы изъ страны, подальше отъ всего, что напоминаемъ о ней могло бы терзать его душу. Я не думаю, чтобы онъ былъ въ состояніи идти за гробомъ любимаго существа.

Душа, равно какъ и тѣло, повинуется нѣкоторымъ самохранительнымъ инстинктамъ. Къ такому-то разряду принадлежалъ и этотъ инстинктъ, которому уступалъ Гриффитъ, и который, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, равняется истинной мудрости. Но Гриффитъ доводилъ спасительный инстинктъ до крайности, и вотъ почему я называю его слабостью.

— Кэтринъ, началъ онъ рѣшительно:—позволь мнѣ ѣхать съ тобою въ домъ, хотя этотъ одинъ разъ: я по своему понимаю твой совѣтъ и намѣренъ слѣдовать ему. Съ сегодняшняго дня я тебѣ не буду болѣе надоѣдать; три года я тебя люблю, два года ищу твоей любви и руки, и нисколько еще не ближе къ цѣли. Я вижу, что ты за меня не намѣрена выходить. Поэтому я сдѣлаю то же, что сдѣлалъ отецъ мой: пройду къ морскому берегу, продамъ лошадь, сяду на корабль и уйду куда нибудь въ чужіе края.

— Какъ вамъ угодно, надменно отвѣтила Кэтринъ, совершенно забывъ, что она сама только что совѣтовала ему иѣчто въ этомъ родѣ.

Немного погодя она украдкой взглянула на него. — Красивое лицо его было блѣдно, его выразительные каріе глаза влажны, но на крѣпко стиснутыхъ губахъ запечатлѣлось мрачное и рѣшительное выраженіе. Она искоса еще разъ поглядѣла на него и припомнила, сколько разъ онъ скакалъ по тринадцати миль на этой самой лошади,

чтобы перекинуться съ нею нѣсколькими словами у садовой галитки; ей жаль стало, что онъ хочетъ продать эту лошадь, а самъ уйти въ море, быть можетъ на смерть. Ея доброе сердце защемило.

— Гриффитъ, сказала она тихо:—вѣдь я же не собираюсь выходить за другого. Развѣ тебѣ мало того, что тебя всѣмъ предпочитаетъ та, которую—ты говоришь—любишь? Будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы не торопилась рѣшеніемъ. Почему бы тебѣ не дать мнѣ еще немного времени? Я, право, двухъ дней сряду не бываю въ одномъ и томъ же настроеніи.

— Кэтъ, сказалъ молодой человѣкъ съ твердостью:—я сватаю тебя вотъ уже два года. Если стану ждать еще два года, то дождусь только того, что явится какой нибудь молодецъ, и въ одинъ мѣсяцъ отобьетъ тебя у меня, потому что этакъ только и можно добиться толку отъ вашего брата: покойная сестра твоя сколько лѣтъ водила Джоша Питта, а кончилось чѣмъ? Онъ бѣдный до сихъ поръ въ траурѣ по ней, а мужъ ея женился во второй разъ, когда еще могила ея не успѣла зарости травой. Нѣтъ, ужъ я сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать честный человѣкъ, такъ прими мое предложеніе сразу, или отпусти меня совсѣмъ.

Отъ этого рѣшительнаго тона Кэтринъ начала тайно колебаться и спрашивать себя, не лучше ли уступить, коли ужъ онъ ее такъ тѣснить. Но злополучный юноша слѣдующими словами опять испортилъ дѣло.

— Если я уберусь отсюда, продолжалъ онъ:—авось какъ-нибудь исцѣлюсь отъ этой болѣзни, а здѣсь не въ силахъ.

— О, быстро оборвала его Кэтринъ:—если вамъ такъ хочется исцѣлиться, не мнѣ, конечно, отговаривать васъ.

Гриффитъ Гонтъ закусилъ губы и понурилъ голову, но не отвѣчалъ. Кротость, съ которой онъ принялъ ея жесткій укоръ, хотя была болѣе наружная, чѣмъ дѣйствительная, не осталась безъ результата. Кэтринъ, не будучи раздражаема новыми выходками, опять смягчилась, сама собою, и тихо проговорила:

— Подумай, какъ мы по тебѣ соскучимся!

Слова эти равнялись шагу къ примиренію, но, къ несчастію, они вызвали наружу то, что давно таилось на душѣ Гриффита и въ сущности было причиной настоящей размолвки.

— О, сказалъ онъ:—на мое мѣсто найдутся охотники; тѣ, которые могли бы пожалѣть обо мнѣ, скоро меня смѣнятъ другими. Впрочемъ, что я говорю! какъ будто для этого дожидались моего отъѣзда!

— Вотъ какъ, молвила Кэтринъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, и съ истинно женской смышленностью, прибавила про себя:—такъ вотъ она заноза-то гдѣ!

Затѣмъ, съ обворожительной улыбкой, она просила его сообщить

ей, кому, по его соображеніямъ, назначается его мѣсто? Гриффитъ побагровѣлъ отъ такого хладнокровнаго лицемѣрія, какъ онъ въ душѣ называлъ этотъ вопросъ, и отвѣчалъ сердито, почти свирѣпо:

— Кому же, какъ не этому черномазому молокососу, Джорджу Невиллю, съ которымъ ты кокетничала весь этотъ мѣсяць? На балу у леди Монстеръ, ты всю ночь съ нимъ протанцовала.

Кэтринъ покраснѣла и кротко возразила:

— Тебя тамъ не было, Гриффитъ, иначе я бы ужъ навѣрное не танцовала съ нимъ.

— Онъ всюду предлагаетъ тосты въ твою честь, называя тебя по имени.

— Я-то тутъ чѣмъ же виновата? Вотъ какъ я стану предлагать тосты въ ея честь, тогда говори, а то и самъ смѣшонъ и меня сердить по пустому.

Но Гриффитъ заупрямился и продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Элисъ Пейтонъ сколько лѣтъ морочила своего вѣрнаго любовника, пока не явился Ричардъ Гильтонъ, который не стоилъ его мизинца, и...

Но Кэтринъ его прервала.

— Брани меня, коли ужъ такая охота, но покойной сестры не трогай.

Первыя слова были пропнесены гнѣвно, но на послѣднихъ голосъ ея оборвался. Гриффитъ былъ на половину обезоруженъ, но не совсѣмъ.

— Не умерла бы она, сказалъ онъ упрямо:—еслибы она не обманула честнаго человѣка и не вышла бы за кутилу и пьяницу. А ты одной съ ней крови, и вотъ теперь этотъ фатъ становится между тобою и мною точь въ точь, какъ тогда Дикъ Гильтонъ сталъ между твоею сестрою и бѣднымъ Питтомъ.

— Да вѣдь я же его не приваживаю.

— Да и не отваживаешь, возразилъ Гриффитъ:—иначе онъ не преслѣдовалъ бы тебя такъ. Хватило ли у тебя когда нибудь на столько честности, чтобы сказать ему: «у меня уже есть вѣрный слуга, который любитъ меня отъ всей души». Отъ одного этого прямого слова, онъ, повѣрь, давно отсталъ бы отъ тебя.

Мисъ Пейтонъ покраснѣла и глаза ея наполнились слезами.

— Я, можетъ быть, и была немного неосторожна, прошептала она:—онъ меня такъ смѣшилъ своею восторженностью. Я никогда не думала, чтобы мое обращеніе было такъ ложно истолковано имъ, тѣмъ больше тобою. Впрочемъ, самъ виноватъ, вдругъ спохватилась она, смѣло оборачиваясь къ нему:—если тебѣ не нравилось, почему же ты меня прежде не остановилъ?

— Да, какъ же: чтобы ты меня попрекала и называла ревни-

вымъ чудовищемъ, да жаловалась, что тираню тебя, еще не имѣя на то права. Одно скажу: не дай Богъ никому любить кокетку.

— Я не кокетка, отвѣчала мисъ Пейтонъ, съ гордымъ, оскорбленнымъ видомъ.

Но Гриффитъ не обратилъ вниманія на это движеніе. Онъ продолжалъ объяснять, что молчалъ до тѣхъ поръ, хотя и болѣло у него сердце, въ надеждѣ, что его терпѣніе тронетъ ее, или вспышка сама собою потухнетъ, но что, наконецъ, не будучи болѣе въ силахъ выносить безотвѣтно такую пытку, онъ открылъ свое горе человѣку, могущему ему сочувствовать, а именно приятелю своему Питту. Питтъ, выслушавъ его, объяснилъ ему, что онъ самъ пострадалъ отъ излишней увѣренности въ постоянствѣ Элисъ Пейтонъ, и въ заключеніе сказалъ ему: «Смотри за своею Кэтъ въ оба, и только пронюхаешь соперника, сейчасъ же объяви ей, чтобы она выбрала либо его, либо тебя».

На этомъ мѣстѣ Кэтринъ ловко приперла его.

— Вслѣдствіе этого совѣта ты и думаешь дать тягу? спокойно замѣтила она.

Этотъ меткій отвѣтъ и полупрезрительное, полулукавое выраженіе, съ которымъ она вздернула верхнюю губку, озадачили мнѣ находчиваго Гриффита. Онъ сбился, спутался, и не сѣмѣлъ скрыть своего замѣшательства.

— Но вѣдь ты такая недоступная, проговорилъ онъ наконецъ, запинаясь:—страшно какъ-то рѣшительно подступаться къ тебѣ; я все думалъ обождать да повременить, только все ни къ чему не привело, потому что я совершенно увѣренъ, что если ты мнѣ сегодня отказываешь въ твоей рукѣ, то только для того, чтобы отдать ее другому. А если такъ, то мнѣ лучше всего убраться: лучше для *нею* и лучше для тебя. Ты меня еще не знаешь, Кэтъ, хоть ты и умна. Отъ одной мысли, что ты можешь обмануть меня послѣ столькихъ лѣтъ ожиданія и выйти за этого ненавистнаго Джорджа Невилля, сердце мое застываетъ точно льдина, потомъ вдругъ расплавляется огнемъ, и голова моя словно трещить, и руки порываются на безумное, кровавое возмездіе. Да, я чувствую, что я убилъ бы его или тебя, или пожалуй обоихъ, на церковной паперти. Ахъ!...

Онъ вдругъ вскрикнулъ и схватилъ ее за руку, и въ то же время невольно осадилъ свою лошадь.

Обѣ лошади стали.

Кэтринъ съ недоумѣніемъ подняла на него глаза: лицо Гриффита помертвѣло отъ бѣшенства и до того въ одну минуту исказилось, что первая ея мысль была, не ударъ ли съ нимъ, или эпилеп-

тичскій припадокъ. Она вскрикнула отъ испуга и протянула къ нему руку.

Но въ ту же минуту она отъ него отшатнулась, потому что, слѣдя направленію его взгляда, она поняла причину этого страшнаго измѣненія. Въ концѣ аллеи стоялъ домъ ея отца, но къ нему можно было подъѣхать и съ другой стороны, по проселку, образующему прямой уголъ съ аллеею, и по этому-то проселку шель человѣкъ, ведя подъ уздцы свою лошадь, такъ что имъ предстояло встрѣтиться съ нимъ у самаго подъѣзда.

Это былъ молодой Невиль. Нельзя было не узнать его пѣгаго бона, подобнаго которому не было во всемъ графствѣ.

Къ Пейтонъ глянула отъ одного къ другому и содрогнулась при вторичномъ взглядѣ на Гриффита. Ей давно знакома была мелкая ревность; не разъ видала она, какъ отъ ея булавочныхъ уколовъ мѣняется хорошенькое личико, изо всей силы старающееся скрывать ее; но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чтó у нея было теперь передъ глазами. До этой минуты она только видала проявленіе чувства ревности, теперь же передъ нею была ревность — страсть, трепетавшая въ каждой фибрѣ человѣческаго лица; эта ужасная страсть въ одну минуту преобразила свою жертву: румяный, веселый, добродушный Гриффитъ, съ его вротвыми карими глазами исчезъ, а на мѣстѣ его хмурилось лицо старобразное, перекошенное, обезображенное, почти демонское.

Женщины (и въ этомъ онѣ, можетъ статься, умнѣе мужчинъ) воспринимаютъ самыя сильныя впечатлѣнія черезъ зрѣніе, а не черезъ слухъ. Кэтринъ еще разъ взглянула на человѣка, котораго она до той минуты воображала, что знала — взглянула и убоилась его; но пока она въ него всматривалась съ невольнымъ содроганіемъ, Гриффитъ сильно далъ шпоры своей лошади и поставилъ ее поперегъ дороги бѣлому коню мисъ Пейтонъ. Онъ сдѣлалъ это по необдуманному инстинкту, заставившему его преградить путь любимой женщинѣ, чтобы не дать ей сдѣлать ни одного шага по направленію къ тому мѣсту, гдѣ ожидалъ ее его соперникъ.

— Я не въ силахъ этого вынести, проговорилъ онъ, задыхаясь: — выбирай сейчасъ же, разъ на всегда, между мною и этимъ франтомъ — и онъ указывалъ хлыстомъ на соперника, и со стиснутыми губами ожидалъ ея рѣшенія.

Движеніе его было быстро, жестъ величественный и повелительный, и слова его звучали благородной гордостью.

II.

Мисъ Пейтонъ выпрямилась и отбросилась назадъ, съ движеніемъ оскорбленной королевы, но, несмотря на это, почувствовала

къ Гриффиту невольное уваженіе и уже старалась не причинять ему лишней боли и раздраженія.

— Я предпочитаю *васъ*, хотя вы и говорите со мною жестко, сэръ, сказала она съ вроткимъ достоинствомъ.

— Въ такомъ случаѣ дай мнѣ твою руку здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого человѣка, и положи конецъ моимъ мукамъ: дай слово обвиняться со мной на этой же недѣлѣ. Кэтъ, пожалѣй наконецъ твоего бѣднаго, преданнаго слугу, который уже такъ давно любить тебя!

— Мнѣ жаль тебя, Гриффитъ, отъ души жаль, сказала она съ нѣжностью:—но я совсѣмъ не выйду замужъ. Только не безпокойся на счетъ мистера Невила. Первымъ дѣломъ—онъ не просилъ моей руки.

— Такъ будетъ просить.

— Нѣтъ, не будетъ. Послѣ того, что ты говорилъ мнѣ, даю тебѣ слово, что я буду холодна къ нему. Но и за тебя я не выйду. Выслушай меня и, прошу тебя, владѣй собою такъ, какъ я въ настоящую минуту владѣю собою. Я часто читала о мужчинахъ, обуреваемыхъ несчастной страстью ревности — такой ревности, которая питается воздухомъ и ставитъ ни во что рассудокъ. Я теперь знаю, что ты именно такой человѣкъ. Бракъ не излечитъ тебя отъ этого недуга, потому что жены не болѣе скрыты отъ постороннихъ глазъ, чѣмъ дѣвушки. Мнѣ что-то говорить, что ты сталъ бы ревновать меня къ каждому дураку, который вздумалъ бы мнѣ сказать пошлый комплиментъ, ревновалъ бы меня къ моимъ подругамъ, роднымъ, чего добраго къ собственнымъ твоимъ дѣтямъ, и наконецъ къ святой, гонимой моей церкви, которая, при всей любви моей къ мужу, всегда будетъ занимать большое мѣсто въ моемъ сердцѣ. Нѣтъ, нѣтъ! твое лицо, слова твои раскрыли передо мной бездну, мнѣ страшно, я отступаю, и теперь уже совсѣмъ не выйду замужъ. Съ этого дня я отдаю себя церкви.

Изъ всей этой рѣчи Гриффитъ не повѣрилъ ровно ни одному слову.

— Все это ты только говоришь *мнѣ*, сказалъ онъ съ горечью:— когда тебя спроситъ настоящій твой суженый (а онъ не за горами), ты заговоришь другое. Ты принимаешь меня за глупца и дурачишь меня; не таковская ты, чтобы умереть старой дѣвой, да и мужчины не промахъ—небось не дадутъ! При твоей красотѣ, за поклонниками дѣло не станетъ. Во всякомъ случаѣ, мое дѣло порѣшено. Въ Кумберландѣ мнѣ больше нежить; эти поля, эти дороги, которые мы извѣздили вмѣстѣ, вдоль и поперекъ—какими глазами стану я глядѣть на нихъ безъ моей милой? Впрочемъ, какой же я малодушный болванъ! Чего я тутъ мѣшкаю и хнычу? Скатертью дорога,

сударыня: суженый вашъ дожидается васъ, а вашъ уволенный слуга знаетъ свѣтскія приличія — онъ уѣзжаетъ, чтобы васъ не стѣснять.

Кэтринъ тяжело дышала. Грудь ея вздымалась высоко.

— На то ваша воля, сэръ, сказала она: — не моя .. однако, неужели ты и руки не дашь мнѣ на прощанье, Гриффитъ?

— Какъ не дать! Вѣдь не бездушный же я скотина! вздохнулъ ревниввецъ, подъ внезапнымъ напоромъ нѣжнаго чувства: — близъ тебя я провелъ лучшіе часы моей жизни. Еслибы я тебя менѣе любилъ, я бы никогда не покинулъ тебя.

Онъ съ минуту продержалъ обѣ ея руки въ своихъ, ухватившись за нихъ словно утопающій, потомъ вдругъ выпустилъ ихъ, и потрясая сжатымъ кулакомъ въ воздухъ, въ ту сторону, гдѣ стоялъ Джорджъ Невиль, вскрикнулъ съ какимъ-то дикимъ воплемъ:

— Мое проклятіе злодѣю разлучнику! а ты, Кэтъ—да благословить тебя Богъ незамужнюю, и да проклянетъ замужнюю! Вотъ тебѣ мое прощальное слово.

— Аминь! покорно молвила Кэтринъ.

Затѣмъ, они повернули лошадей и поѣхали въ разныя стороны. Она была очень блѣдна, но ее поддерживало чувство уязвленной гордости; онъ же шатался на сѣдлѣ, какъ пьяный.

Такъ-то Гриффитъ Гонтъ, растравленный ревностью до сумасшествия, оскорбилъ свою возлюбленную, самую гордую дѣвушку во всемъ Кумберландѣ, и подаваясь своей слабости, бѣжалъ отъ боли.

Слабости наши подчасъ — то же помѣшательство.

III.

Мисъ Пейтонъ была потрясена, и въ глубинѣ души огорчена, но въ то же время уязвлена и оскорблена. Чувство гнѣва, повидимому, имѣетъ какое-то ободряющее, возбуждающее свойство, благодаря которому оно беретъ верхъ надъ всѣми другими ощущеніями, бушующими въ сильно взволнованной душѣ. Она гордо въѣхала во дворъ дома отца своего, и ни разу не оглянулась на своего озлобленнаго поклонника.

Старый грумъ Джо, учившій ее держаться на лошади, когда ей было не болѣе десяти лѣтъ, завидѣвъ ее издали, вышелъ къ ней на встрѣчу, прихрамывая, чтобы поддержать ея лошадь, пока она слѣзала съ нея.

— Мистрисъ Кэтъ, сказалъ онъ: — не видали ли вы гдѣ мистера Гриффита Гонта?

Молодая дѣвушка покраснѣла отъ этого вопроса.

— А что? спросила она.

— А что? повторилъ старикъ, нѣсколько презрительно: — гдѣ же вы были, что не знаете, что за нимъ разослана погоня во всѣ стороны? Первый явился Джокъ Деннетъ — лошадь вся въ мѣлѣ: «старикъ мистеръ Чарльтонъ, говоритъ, заболѣлъ, и требуетъ къ себѣ мистера Гриффита»; я его послалъ въ Догморскій подлѣсокъ: «наша Кэтъ, говорю, тамъ сегодня охотится, а вашъ Гриффитъ далеко отъ нея ужъ не отстанетъ». Онъ далъ шпоры лошади, и только и видали его. Неужели вы и Джова не встрѣтили?

— Да нѣтъ же, нетерпѣливо отвѣтила мисъ Пейтонъ: — въ чемъ дѣло?

— Дѣло въ чемъ? Не сказывалъ, а только часу не прошло, какъ онъ уѣхалъ — скачетъ новый посланный, съ письмомъ къ мистеру Гриффиту отъ домоправительницы. «Оставьте, говорю, мнѣ на всякій случай», а самого послалъ догонять товарища. Вотъ и письмо.

И онъ вынулъ письмо изъ-подъ шапки.

Взглянувъ на конвертъ, Кэтъ вздрогнула.

— Уви, сказала она: — посмотри-ка, Джо: печать-то черная. Бѣдный кузенъ Чарльтонъ! Мнѣ сдается, что его уже нѣтъ въ живыхъ.

Джо выразительно покачалъ головою, и добавилъ, что мясникъ приходилъ съ тѣхъ краевъ, не далѣе, какъ десять минутъ назадъ, и рассказывалъ, что въ Больтон-Голлѣ всѣ сторы спущены.

Бѣдное человѣческое сердце! Первое чувство, блеснувшее въ душѣ Кэтринъ, было радостное: ата печальная вѣсть должна была заставить Гриффита остаться дома, чтобы схоронить своего благодѣтеля, а эта остановка дастъ ему время надуматься, и она почему-то вдругъ почувствовала увѣренность, что онъ совсѣмъ не поѣдетъ.

Но эти мысли не успѣли промелькнуть въ головѣ ея, какъ она уже устыдилась за нихъ самой себя. Возможно ли, что она способна обрадоваться смерти бѣднаго старика, какъ средству удержать при себѣ своего сердитаго поклонника? Щоки ея зардѣлись отъ стыда, и она послѣбно отошла отъ старика Джо, подъ вліяніемъ совершенно, впрочемъ, напраснаго страха, чтобы онъ не отгадалъ, что происходитъ въ ея душѣ.

Она была до того погружена въ свои мысли, что безсознательно унесла съ собою письмо. Проходя чрезъ прихожую, она услышала гдѣ-то по близости голоса отца своего и Джорджа Невилла, между которыми шла, какъ слышно, оживленная бесѣда. Она безъ шума пробралась на лѣстницу, и удалилась въ свою маленькую уборную

въ бельэтажѣ. Домъ стоялъ на возвышенности, и изъ окна ея комнаты открывался обширный, прекрасный видъ. Она сѣла у этого окна, и вся какъ-то утомленно опустилась; потомъ, глядя изъ него, припомнила прошлое, и впала въ ужасное раздумье. Жалость начинала смягчать поддерживавшіе ее до той минуты гордость и гнѣвъ, и вдругъ ея чудные глаза подернулись влагою, и двѣ слезы тихо скатились по ея нѣжно-овруглымъ щекамъ.

Такъ сидѣла она, затерянная среди мыслей о прошломъ, какъ вдругъ веселые голоса и скрипъ сапоговъ раздались по лѣстницѣ. Ее покорило отъ этихъ звуковъ, и бросивъ еще взглядъ за окно, она встала, думая уйдти куда-нибудь подальше, но было поздно. Тяжелые шаги остановились у ея двери, и въ комнату заглянуло румяное лицо, свидѣтельствующее о частыхъ, обильныхъ возліаніяхъ. Это былъ ея отецъ.

— Во-на! крикнулъ веселый свайръ: — я застигъ зайца какъ разъ въ норкѣ, а ты погоди-ка тамъ въ другой комнатѣ, обернулся онъ къ кому-то стоявшему, какъ видно, за дверью, и затѣмъ уже вошелъ въ комнату къ дочери. Но лишь только заперъ онъ за собою дверь, его шумная веселость исчезла и уступила мѣсто какой-то почти боязливой встревоженности.

— Кэтъ, дитя мое, сказалъ онъ жалостно: — я былъ для тебя дурнымъ отцомъ; я промоталъ всѣ деньги, которыя долженъ былъ сохранить для тебя, и теперь бѣдный отецъ твой не знаетъ, какъ взглянуть тебѣ въ лицо. Но вотъ я тебѣ привелъ добраго мужа. Будь же послушна, моя умница. Невильсъ-Кортъ теперь уже принадлежитъ ему, а Невильсъ-Кроссъ современемъ перейдетъ къ нему по майорату, такъ же, какъ и титулъ баронета. Я еще увижу, какъ моя дѣвочка сдѣлается леди Невиль.

— Никогда, папа, никогда! воскликнула Кэтъ.

— Тихе, тихе, сказалъ свайръ, закрывая ей ротъ рукой, въ большомъ волненіи и нѣкоторомъ испугѣ: — тихе, услышитъ. Кэтъ, шепнулъ онъ: — въ своемъ ли ты умѣ. Я не чаю, не гадать, когда онъ просилъ переговорить со мною, что онъ хочетъ сдѣлать тебѣ предложеніе. Будь же умна, не гони отъ себя счастья. Тебѣ бѣдность не къ лицу, притомъ же, ты себѣ нажила враговъ. Подумай только, какъ они будутъ издѣваться надъ тобою, когда я умру, а жена брата твоего Билля протуритъ тебя изъ дома, надъ чѣмъ она, конечно, не задумается. А теперь вы можете всѣмъ имъ рты заткнуть, леди Невиль, и сдѣлать бѣднаго отца вашего счастливымъ человѣкомъ, леди Невиль... Будетъ, однако, разсуждать. Я ужь далъ ему слово. Значитъ, не оставляй меня въ дуракахъ, и сама въ дуракахъ не останься. Да вотъ еще что... дай сважу на ушко: онъ далъ мнѣ сто фунтовъ въ займы.

Послѣ этого признанія, старикъ понурился; дочь его болѣзненно передернуло, и она могла только выговорить:

— О, папа, какъ ты могъ рѣшиться!..

Мистеръ Пейтонъ постепенно снизошелъ до той степени нравственнаго паденія, когда сущность человѣческаго достоинства давно пропала, но осталась еще тѣнь его — чувство стыда. Онъ нетерпѣливо топнулъ ногою и выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы положить конецъ дальнѣйшему, унижительному для него разговору.

— Ступай, попытайся самъ, крикнулъ онъ кому-то за дверь: — я уже сказалъ ей.

Онъ тяжело спустился съ лѣстницы; Джорджъ Невиль почти тельно постучался въ дверь, хотя она была полурастворена, и когда онъ вошелъ легкою поступью, свойственной молодому возрасту, красивое лицо его сіяло любовью и надеждою.

Взглядъ мисъ Пейтонъ слегка скользнулъ по всей его фигурѣ, и тѣмъ же движеніемъ она отвернула свою хорошенькую головку съ раскраснѣвшимися щеками къ окну; въ то же время она незамѣтно повернула печатью вверхъ письмо, лежавшее у нея на колынахъ, такъ, чтобы надпись на немъ не бросилась въ глаза посѣтителю.

Мелкая скрытность, граничащая съ обманомъ, въ крови у всякой женщины.

Отворачиваніе раскраснѣвшагося личика есть такого рода симптомъ, который часто ставилъ въ тупикъ не одного весьма умнаго человѣка. Это бываетъ знакомъ застѣнчивой любви, бываетъ и признакомъ нерасположенія. Нашъ братъ, мужчина, толкуетъ это явленіе весьма просто и разсудительно: въ томъ и другомъ случаѣ, мы невремѣнно понимаемъ его какъ разъ наоборотъ.

Бойкій, смѣлый юноша, пришедшій просить у Кэтъ Пейтонъ ея руки, былъ не того десятка, чтобы сробѣть передъ женскою застѣнчивостью. Красота, отважность, добродушіе, самолюбіе, даже нѣкоторое тщеславіе — сколько условій въ его пользу!

Что же думаетъ Кэтъ? Глаза ея лоскливо слѣдятъ за безутѣшнымъ всадникомъ, который съ каждымъ шагомъ удалялся отъ нея все болѣе, но слухъ ея занятъ Джорджемъ, который подсаживается къ ней все ближе и ближе, и ласкаетъ ухо ея тихимъ любовнымъ шопотомъ.

Онъ повѣдалъ ей, что объѣздилъ всю Европу, и видѣлъ хваленыхъ красавицъ всѣхъ странъ; но не видалъ ни одной ей подобной; что многія женщины, безспорно, минутно помнили взглядъ его, но она одна покорила его сердце. Много говорилъ онъ ей такого, чего Гриффитъ Гонтъ никогда не говорилъ. Между прочимъ, онъ увѣрялъ ее, что одна тѣлесная красота ея не приворожила бы его

такъ глубоко, но что онъ провидѣлъ красоту души ея въ ея несравненныхъ глазахъ, и прося ея простить такую дерзновенную самонадѣянность, онъ объявилъ ей, что болѣе всего стремится слиться съ нею душою.

Подобныя грезы не разъ зарождались въ душѣ самой Кэтъ, но слышать ихъ отъ мужчины было для нея новостью. Искося глядя въ окно, на умяющуюся фигуру Гриффита, она подумала: «какъ, однако, путешествіе по Европѣ красить человѣка», но вслухъ отвѣтила, какъ только могла холодно:

— Я уважаю васъ, сэръ; я не могу не чувствовать себя польщенной выраженіемъ чувствъ, далеко превосходящихъ то, что я привыкла слышать; но довольно объ этомъ, прошу васъ: я никогда не выйду замужъ.

Вмѣсто того, чтобы разсердиться или сказать ей, подобно безразсудному Гриффиту, что, значить, у нея на примѣтѣ кто-нибудь другой, молодой Невилъ былъ на столько уменъ и ловокъ, что принялъ этотъ отвѣтъ въ шуточномъ духѣ, и тутъ же представилъ ей такіе комичные очерки всѣхъ старыхъ дѣвственницъ, живущихъ въ окрестностяхъ, что Кэтъ не могла удержаться отъ улыбки.

Но лишь только она улыбнулась, Джорджъ снова пламенно заговорилъ о своей любви; тогда она стала умолять его оставить ее, на что онъ весело отвѣтилъ, что оставитъ ее, какъ только она обѣщаетъ быть его женою. Послѣ этого она надулась, и принявъ надменный видъ, стала упорно глядѣть въ окно, не обращая на него никакого вниманія. Онъ же, вмѣсто того, чтобы принять оскорбленный видъ, съ невозмутимымъ добродушіемъ спросилъ ее: какой интересный предметъ приковываетъ взглядъ ея къ окну. Отъ этихъ словъ она вспыхнула, отвернулась отъ окна, и встрѣтилась глазами съ его глазами. Но тутъ онъ бросился на колѣни (такъ ужъ полагалось въ то время) и излилъ свою страсть въ такомъ потокѣ пылаго, задушевнаго краснорѣчія, что она уже начала жалѣть его, и сказала, вскидывая на него свои дивные глаза:

— Увы! я, видно, затѣмъ только и родилась, чтобы дѣлать несчастными всѣхъ близкихъ ко мнѣ—и она глубоко вздохнула.

— Ни мало, не клеветайте на себя! вступился онъ: — вы родились затѣмъ, чтобы, подобно солнцу, проливать благодать на все васъ окружающее. Прелестная мистрисъ Кэтъ, я люблю васъ, какъ эти деревенскіе неотесы никогда не съумѣютъ любить. Повергаю мое сердце, мое имя, мое имущество къ вашимъ ногамъ; не любить я васъ буду, а боготворить. Обратите же на меня еще разъ глаза ваши, въ которыхъ выливается столько души, дайте мнѣ прочесть въ нихъ, что когда-нибудь, хотя бы въ самое отдаленное время,

прелесть моя, радость души моей, гордость Кумберланда, перль Англии, цвѣтъ женщины, соперница ангеловъ, ненаглядная, возлюбленная Джорджа Невилля, будетъ женою Джорджа Невилля.

Влажные глаза его свѣтились яркимъ пламенемъ, въ каждомъ звукѣ его голоса слышалась страсть; его крѣпкая мужская рука дрожала, сжимая ея ручку и тихо привлекала ее къ себѣ.

Грудь ея высоко колыхалась; его страстный голосъ и прикосновеніе электрически потрясали ее, и приводили въ трепетное волненіе.

— Пощадите меня, черезъ силу промолвила она, и взглянувъ еще разъ въ окно, подумала: «а вѣдь правъ былъ бѣдный Гриффитъ, а я ошибалась: недаромъ онъ ревновалъ, недаромъ боялся».

То брала ее жалость къ тому, который, задыхаясь отъ страха и надежды, ждалъ ея рѣшенія, то кручина о томъ, который безутѣшно уѣзжалъ все далѣе, умаляясь въ ея глазахъ все болѣе, пока наконецъ осиленная этой внутренней борьбою и предшествовавшими тревоженіями, испытанными ею при ссорѣ съ Гриффитомъ, она устало откинулась назадъ головою къ оконному ставню и начала рыдать тихо, но почти истерично.

Мистеръ Джорджъ Невиль не былъ ни дурачкомъ, ни новичкомъ: если даже предположить, что онъ дѣйствительно никогда до тѣхъ поръ серьезно не влюблялся (въ чемъ я, съ его позволенія, осмѣлюсь усумниться), однако, онъ на столько успѣлъ подвизаться на этомъ поприщѣ, что влюбилъ въ себя цѣлыхъ пять барынь—одну итальянку, двухъ французенокъ, одну нѣмку и одну креолку, и каждая изъ этихъ любовныхъ кампаній, конечно, увеличила многосторонность его пониманія женской патуры. Просвѣщенный столькими горько-сладкими опытами, онъ съ разу дожекнулся, что въ высококолыхавшейся груди плачущей дѣвушки происходитъ нѣчто болѣе бурное, нежели чувство, которое могло быть вызвано въ ней его предложеніемъ. Онъ всталъ съ колѣнъ, оперся о противоположный ставень, уставивъ на нее нѣсколько грустный, но весьма наблюдательный взглядъ, пока она, откинувшись назадъ, все еще тихо рыдала, колыхаясь всѣмъ тѣломъ.

«Тутъ непременно замѣшанъ какой-нибудь господинъ» подумалъ онъ.—Мистрисъ Кэтъ, сказалъ онъ вслухъ, почтительно и съ нѣжностью:—я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы заставить васъ плавать. Я люблю васъ, какъ прилично любить джентльмену; если вы любите другого, ободритесь и скажите мнѣ, и не давайте отцу насидовать вашихъ чувствъ: какъ я васъ ни люблю, но я ни за что не хотѣлъ бы жениться на васъ такъ, чтобы сердце ваше принадлежало другому. Это было бы слишкомъ безчеловѣчно въ отношеніи къ вамъ и (прибавилъ онъ, внезапно выпрямляясь съ величественной гордостью) слишкомъ недостойно меня.

Кэтъ взглянула на него сквозь слезы и невольно любовалась этимъ человѣкомъ, который умѣлъ пламенно любить и въ то же время сохранить свою гордость и справедливость къ ней. И еслибы это воззваніе къ ея откровенности было сдѣлано наканунѣ, она бы отвѣчала прямо: «Есть человѣкъ, котораго я... уважаю», но послѣ ссоры своей съ Гриффитомъ, она не хотѣла сознаться самой себѣ, тѣмъ менѣе другому, что она любитъ человѣка, бросившаго ее, потому она рѣшилась отвѣчать уклончиво.

— Я никого не люблю столько, чтобы выйти замужъ, отвѣчала она:—я просто бездушное существо, рожденное на то, чтобы приносить горе людямъ добрѣе и лучше меня. Я, кажется, рѣшусь на что-нибудь отчаянное, чтобы покончить все это.

— Что же именно *все*? спросилъ онъ пытливо.

— Да все, какъ есть все, мое бесполезное существованіе.

— Мистрисъ Кэтъ, сказалъ Невиль:—я васъ спросилъ, любите ли вы другого. Еслибы вы отвѣтили мнѣ: «люблю, но онъ бѣденъ, и отецъ мой тоже несогласенъ», или что-нибудь въ этомъ родѣ, я бы тайно сходилъ къ этому человѣку, и, такъ-какъ я очень богатъ, вы были бы счастливы.

— О, мистеръ Невиль, вы очень великодушны, но какое же вы должны имѣть жалкое мнѣніе обо мнѣ, чтобы говорить такіа вещи!

— За какого же школьника вы меня принимаете? Вы бы никогда и не узнали. Впрочемъ, что объ этомъ говорить: вы въ отвѣтъ на мой вопросъ, объявили мнѣ, что не любите никого, поэтому я вамъ объявляю, что вы будете моей женой.

— Какъ, волей или неволей?

— Да, волей, или, пожалуй, какъ вы *теперь* думаете, неволей.

Кэтринъ обратила на него свои задумчивые глаза.

— Вы были въ хорошей школѣ. Затѣмъ вы не подоспѣли ко мнѣ ранѣе?

Говоря это, она думала болѣе о немъ, чѣмъ о себѣ, и въ сущности не сообразила своихъ словъ; но едва сорвалась у нея эта неосмотрительная фраза, она почувствовала, что сказала лишнее. Лицо ея залилось яркимъ румянцемъ, и она закрыла его руками въ очаровательномъ замѣшательствѣ.

— Очарованіе мое, и теперь не поздно, если вы не любите другого, безстрашно отвѣтилъ Джорджъ Невиль.

Несмотря на эту увѣренность, смысленный плутъ счелъ лучшимъ повременить и усыпить осторожность своей застѣчивой возлюбленной. Поэтому онъ пересталъ приставать къ ней съ вопросомъ о бракѣ, но завлекъ ее въ милую болтовню о менѣ близкихъ предметахъ, и только звукъ его голоса и взглядъ его выразительныхъ глазъ какъ-бы ласкались къ ней. Онъ поставилъ себѣ

задачею понравиться ей во что бы ни стало, и былъ дѣйствительно обаятеленъ, неотразимъ. Ей стало хорошо и спокойно, она начала внимательнѣе слушать его, даже слегка улыбаться, и менѣе упорно глядѣла въ открытое окно.

Вдругъ чара была разрушена на время.

И къмъ же?

Другимъ.

Да, вотъ подите! Не странно ли, что бѣдный, безутѣшный всадникъ, наклонившійся, словно надломанный, надъ своей усталой лошады, и ѣхавшій одинокой стезею въ далекую даль отъ любимой женщины, позорнѣйшимъ образомъ уступая мѣсто ненавистному сопернику, пустилъ въ эту хорошенькую уборную острую стрѣлу (подобно отступающему парейнину) — стрѣлу, попавшую въ сердце и ей и ему такъ метко, что она разстроила, и даже поссорила ихъ — по крайней-мѣрѣ на этотъ вечеръ.

Стрѣла же эта влетѣла въ комнату слѣдующимъ образомъ.

Катъ сидѣла въ позѣ въ высшей степени женственной. Когда мужчина хочетъ смотрѣть въ какую-нибудь сторону, онъ оборачиваетъ въ эту сторону все туловище свое вмѣстѣ съ глазами и смотреть; женщины же любятъ бросать косвенные взгляды — таковой ужъ у нихъ инстинктъ, и эта особенность служитъ источникомъ множества свойственныхъ имъ однѣмъ граціозныхъ и характеристическихъ позъ.

Катъ Пейтонъ въ эту минуту казалась олицетвореніемъ, или, вѣрнѣе, статуей своего пола. Ея золотистая головка, слегка отгнутая назадъ, касалась угла оконнаго ставня; ея хорошенькія ножки и вся вообще изящная фигура покоились насупротивъ Джорджа Невилля, который сидѣлъ лицомъ къ окну, но посреди комнаты; руки ея, полупростертыя, полуспущенныя, безопасно лежали нѣсколько наискось ея колѣны, немного вправо, и при всемъ томъ, благодаря легкому повороту ея стройной шеи, она умудрялась задумчиво глядѣть своими свѣтлыми глазами въ окно, влѣво отъ нея. Между тѣмъ, въ этой фигурѣ, направленной въ одну сторону, а глядѣвшей въ другую, не было ни малѣйшаго искривленія или ломанности линий. Все въ ней было изящно и полно той неуловимой граціи, которую художники называютъ *покоемъ*.

Но вдругъ она разстроила эту картинную женственную позу, встала на ноги и вѣжливо прервала своего собесѣдника.

— Извините, сказала она: — не знаете ли вы, куда ведетъ дорога, что взбирается по пригорку?

Невилль сначала взглянулъ на нее, нѣсколько озадаченный такимъ внезапнымъ оборотомъ, но въ ту же минуту съ полнѣйшимъ добродушіемъ спросилъ ее, о какой дорогѣ она говорить.

— О той, на которую только что повернул этот всадник; если не ошибаюсь, продолжала она: — эта дорога ведет не въ Болтон-Голль.

— Конечно нѣтъ, сказалъ Джорджъ, слѣдуя глазами за направлениемъ указываемой ея дороги: — Болтон-Голль вправо. Эта дорога ведетъ къ морю, на Оттербюри и Стэнгопъ.

— Такъ и есть, проговорила Кэтъ: — вотъ бѣда-то! онъ вѣрно не знаетъ. Да и какъ знать ему?

— Какъ знать—кому? Знать—что? Вы говорите загадками. Да и какія же вы блѣдныя. Не больны ли вы?

— Нѣтъ, сэръ, я не больна, съ запинкой вымолвила Кэтъ:—но я сильно разстроена. Сегодня умеръ родственникъ нашъ Чарльтонъ, и это извѣстіе встрѣтило меня у самыхъ воротъ.

Невилъ началъ извиняться въ томъ, что, по незнанію, навязался къ ней такъ несвоевременно. Вдругъ она взглянула ему прямо въ лицо и сказала нѣсколько отрывисто:

— *На словахъ* вы настоящій рыцарь. Желала бы я знать, проскакали ли вы *на дѣлѣ* пять или шесть миль, чтобы оказать мнѣ услугу?

— Не пять, а тысячу миль, радостно отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Куда же ѣхать?

Кэтъ рукою показала на Гриффита.

— Видите вонъ этого всадника, сказала она. — Я случайно узнала, что онъ уѣзжаетъ изъ Англій; онъ думаетъ, что онъ... то есть я... что мистеру Чарльтову остается жить еще нѣсколько лѣтъ. Ему непременно надо дать знать, что мистеръ Чарльтонъ скончался и что его присутствие необходимо въ Болтон-Голль; я бы очень хотѣла, чтобы кто-нибудь нагналъ его и отдалъ ему письмо; но моя лошадь устала, и я сама устала—да по правдѣ сказать, между нимъ и мною маленькое охлажденіе; я ему зла не желаю, но, право, мы съ нимъ теперь не въ такихъ отношеніяхъ... однимъ словомъ, мнѣ лѣнь самой везти ему письмо, а сознаю, что доставить надо непременно. Посудите сами, развѣ не было бы гадко съ моей стороны, еслибы я умышленно утаила отъ него такое важное для него извѣстіе?

Невилъ улыбнулся.

— Къ чему столько словъ? сказалъ онъ: — давайте письмо, я живо догоню этого джентльмена, онъ же, кажется, не особенно спѣшитъ.

Кэтъ поблагодарила его, и вѣжливо извиняясь за причиняемое беспокойствіе, вручила ему письмо, хотя съ нѣкоторой нерѣшительностью Джорджъ быстро взялъ его изъ рукъ ея и отвѣсилъ низкій поклонъ, по обычаю того времени. Она чинно присѣла. Не-

вилъ быстро удалился. Тогда она снова опустилась на кресло, и подперевъ голову рукой, старалась собраться мыслями и обдумать все происходившее; вдругъ ее обдала тревожная мысль: благоразумно ли она поступила? Какъ приметъ Гриффитъ, что она послала къ нему съ письмомъ его же соперника? Не заключить ли онъ изъ этого, что Невиль вполне заступилъ его мѣсто... чего добраго еще взбѣсится, швырнетъ письмо и даже не прочтаетъ...

Вдругъ раздаются скорые шаги, раскрывается дверь и передъ нею снова стоитъ Джорджъ Невиль, но уже не такимъ, какимъ онъ вышелъ отъ нея за полминуты передъ тѣмъ. Онъ стоялъ у двери, сурово нахмуренный, съ ѣдко-насмѣшливой улыбкой на устахъ.

— Вамъ угодно было подшутить надо мною, сударыня? сказалъ онъ.

— Что такое? храбро спросила Кэтъ, хотя ея раскраснѣвшія щеки противорѣчили этой напускной невинности.

— Такъ, ничего, отвѣтилъ Джорджъ съ горькой усмѣшкой: — пѣсня старая, давно знакомая; только я почему-то вообразилъ, что вы благороднѣе другихъ женщинъ. — Это письмо адресовано къ мистеру Гриффитту Гонту.

— Ну, такъ что же, сэръ? сказала Кэтъ, съ самымъ простодушнымъ видомъ.

— А мистеръ Гриффитъ Гонтъ — одинъ изъ вашихъ поклонниковъ.

— Былъ когда-то, но не теперь. Мы съ нимъ разсорились. Иначе неужели вы думаете, что я стала бы слушать... то, что вы говорили мнѣ все это время?

— О, когда такъ, то это дѣло другое, обрадовался Джорджъ. — Впрочемъ, стойте! спохватился онъ, и снова насунился и погрузился въ размышленіе.

До этой минуты недоступность обращенія Кэтринъ Пейтонъ, и это небесное *что-то*, свѣтившееся въ ея задушевныхъ многотуманныхъ глазахъ, вселяли въ него убѣжденіе, что эта дѣвушка — созданіе, изъятае отъ малѣйшей примѣси той нечестности и двуличности, которую онъ столько разъ замѣчалъ въ женщинахъ, впрочемъ хорошихъ и достойныхъ. Но маленькій эпизодъ съ письмомъ поколебалъ его вѣру въ нее.

— Стойте, повторилъ онъ сурово: — вы говорите, что вы съ мистеромъ Гонтомъ поссорились?

Кэтринъ отвѣчала утвердительнымъ движеніемъ головы.

— И онъ уѣзжаетъ изъ Англій? Не должно ли это письмо воротить его?

— Только на нѣсколько дней, повуда онъ схоронитъ своего благодѣтеля, вротко прошептала Кэтъ.

Джорджъ снова горько усмѣхнулся.

— Мистрисъ Кэтъ, началъ онъ, послѣ многозначительнаго молчанія:— читали вы Мольера?

Она сердито взмотнула головкою, но не отвѣчала: она достаточно знала Мольера, чтобы не желать сдѣлаться мишенью для стрѣлъ его остроумія.

— Нравится вамъ характеръ Селимены?

Молчаніе.

— Не нравится? Понятно: ей до васъ слишкомъ далеко—она никогда не послала одного изъ своихъ любовниковъ къ другому съ письмомъ, чтобы остановить его побѣгъ. Вы умудрились затмить Селимену, но позвольте вамъ замѣтить, что имя мое Джорджъ Невиль, а не Жоржъ Данденъ.

Мисъ Пейтонъ вскочила съ кресель, глаза ея буквально метали искры, и, если сказать всю ужасную истину, первымъ дикимъ порывомъ ея было отвѣчать на всю эту эрудицію здоровымъ ударомъ ея маленькаго хлыста; но умъ ея всегда работалъ быстро, и ему въ одно время представилось два соображенія: во первыхъ, что такой поступокъ былъ бы недостойнъ благовоспитанной женщины; во вторыхъ, что если она коснется Невилля хоть кончикомъ своего хлыстика, онъ не одолжитъ ей своего пѣдаго коня. Поэтому она прибѣгла къ болѣе цѣлесообразной мѣрѣ: съ отчаяніемъ опустилась на кресло и прошептала нетвердымъ голосомъ:

— Я не понимаю вашихъ ѣдкихъ намековъ. Какіе у меня любовники? Ихъ нѣтъ у меня и никогда не будетъ. Только ужасно подумать, что я не могу ни нажать, ни удержать себя друга.

И закрывъ лицо руками, она горько заплакала.

Джорджъ совсѣмъ оторопѣлъ и внутренно называлъ себя злодѣемъ.

— Полноте же, не плачьте такъ, мистрисъ Кэтъ, сказалъ онъ поспѣшно:— ну, перестаньте, ободритесь. Я не ревную васъ къ мистеру Гонту—человѣку, который два года волочился за вами и не сумѣлъ приобрѣсти вашу любовь. Я въ этомъ случаѣ думаю только о своемъ собственномъ достоинствѣ. Я знаю женщинъ лучше, нежели онѣ знаютъ сами себя: еслибы я взялся отвезти это письмо, вы бы меня теперь поблагодарили, но послѣ стали бы презирать, и такъ-какъ я намѣренъ сдѣлать васъ моей женою, то не желаю рисковать вашимъ презрѣніемъ. Почему вамъ не взять моей лошади, посадить на нее кого вамъ угодно и такимъ образомъ доставить письмо мистеру Гонту?

Она только этого и добивалась; однако съ видомъ оскорбленнаго достоинства объявила, что не хочетъ обязываться ему ничѣмъ, потому что онъ говорилъ съ нею такъ жестоко и судилъ о ней такъ

превратно и несправедливо. Тогда онъ сталъ упрасивать ее—оказать ему эту маленькую милость; она понемногу просвѣтлѣла и согласилась, «ради того, чтобы не казаться злопамятной». Онъ ее горячо поблагодарилъ. Она ушла съ письмомъ, обѣщая скоро возвратиться, но едва выйдя изъ комнаты, вдругъ опять пріотворила дверь, и заглянувъ въ нее, весело сказала:

— Не лучше ли было бы спросить меня, кѣмъ написано письмо, прежде чѣмъ сравнивать меня съ этой французенкой и обозвать кокеткой?

Съ этими словами она лукаво присѣла и убѣжала.

Джорджъ Невиль широко раскрылъ глаза отъ удивленія. Этотъ наивный вопросъ вдругъ убѣдилъ его, что разсердившее его посланіе вовсе не должно быть любовное письмо. Онъ пожалѣлъ и подосадовалъ на себя, что назвалъ Кэтъ кокеткой и заставилъ плавать. И въ самомъ дѣлѣ, что за великаго одолженія просила она у него: отвезти запечатанное письмо отъ неизвѣстнаго лица человѣку, который хотя и былъ прежде ея поклонникомъ, но теперь уже не былъ имъ! Простая услуга и вѣжливость, больше ничего, и въ такой-то незначительной просьбѣ онъ отказалъ ей въ такихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ! Онъ былъ радъ, что далъ свою лошадь и почти пожалѣлъ, что самъ не поѣхалъ.

За этими рыцарскими самоукоризнами послѣдовало смутное опасеніе, чтобы молодая дѣвушка какъ нибудь не отмстила ему. Онъ вдругъ припомнилъ, что этотъ простой вопросъ, брошенный ему на прощаніе, сопровождался тѣмъ особымъ сверканіемъ ея смѣющихся глазъ, какой обыкновенно, какъ ему извѣстно было по опыту, предшествуетъ удару женскихъ когтей.

Пока онъ тревожно ходилъ по комнатѣ, ожидая возвращенія красавицы, къ нему подошелъ отецъ ея и пригласилъ его остаться обѣдать и ночевать. Приглашеніе это было тѣмъ пріятнѣе для него, что въ сущности онъ былъ обязанъ имъ Кэтъ.

— Она сказала мнѣ, что выпросила у васъ лошадь, пояснилъ сквайръ: — и объявила, что я обязанъ за это позаботиться о васъ до утра, такъ-какъ дороги у насъ не совсѣмъ безопасны въ ночное время.

— Она ангелъ, воскликнулъ ея обожатель, съ пылкимъ чувствомъ, удвоеннымъ этой неожиданной милостью: — моя лошадь, мой домъ, моя рука и сердце мое—все, все къ ея услугамъ, денно и ночью.

Мистеръ Пейтонъ, желая занять гостя до обѣда, пригласилъ его прогуляться и полюбоваться... свиньей, феноменально жирной, откормленной на выставку; но Невиль отказался отъ этого удовольствія подъ тѣмъ предлогомъ, что мисъ Пейтонъ приказала ему до-

ждать ся ея возвращенія. Сквайръ посмѣялся его чрезмѣрному послушанію, и подмигнувъ ему съ видомъ, говорившимъ: «бывали и мы въ такой передѣлкѣ», вышелъ во дворъ и одинъ полюбовался на свою свинью.

Невиль впалъ въ сладкое раздумье. Онъ заранѣе предвкусалъ наслажденіе цѣлаго вечера, проведеннаго вдвоемъ съ этой очаровательной дѣвушкой. Онъ предвидѣлъ, что отецъ, благопріятствуя его сватовству, отправится отдыхать послѣ обѣда, и представлялъ себѣ, какъ, при нѣскольکو таинственномъ освѣщеніи отъ каминнаго огня, онъ тихимъ шопотомъ, во все время длиннаго вечера, будетъ изливать любовь свою передъ этимъ милымъ существомъ, пока ея отвернувшаяся головка понемногу обратится къ нему и восхитительныя губки изъявятъ робкое согласіе. Онъ твердо положилъ себѣ не дать наступить ночи прежде, нежели онъ, приступомъ или убѣжденіемъ, добьется обѣщанія отъ своей прелестной возлюбленной. Эти сладкія размышленія даже примирили его на время съ продолжительнымъ отсутствіемъ самаго предмета ихъ.

Вдругъ онъ нечаянно бросилъ взглядъ въ раскрытое окно, и ему представилось такое зрѣлище, отъ котораго на минуту захватило у него дыханіе, и онъ въ несказанномъ удивленіи какъ-бы приросъ къ полу: на разстояніи около мили отъ дома, женщина въ красной амазонкѣ скакала во весь опоръ, полемъ, прямѣ полета птицы. Ни заборы, ни лужи, ни канавы, ничто ни на минуту не останавливало ее. Она скакала съ такой безумной быстротою, что лошадь ея, казалось, пожирала пространство.

Невиль узналъ Кэтъ Пейтонъ и своего пѣгаго коня...

IV.

Гриффитъ Гонтъ, хотя и самъ того не сознавалъ, нетолько огорчился, но вышелъ изъ терпѣнія, при своей размолвкѣ съ Кэтъ, и только поэтому рѣшился на такой отчаянный шагъ, какъ самовольное изгнаніе. Но такъ-какъ характеръ у него былъ отъ природы ровный и добрый, то не успѣлъ онъ проѣхать двухъ миль, какъ уже опомнился; впрочемъ, отъ этого ему стало только еще тяжелѣе, потому что лишившись поддержки и подставной силы, которую придаетъ чувство гнѣва, онъ остался наединѣ съ своимъ горемъ. Онъ машинально подтянулъ поводья и изъ бойкой рыси перешелъ въ шагъ.

И чѣмъ тише ѣхалъ онъ, тѣмъ болѣе холодѣло его сердце, и наконецъ ему казалось, что у него въ груди лежитъ не то ледъ, не то свинець.

Разлука! Какое ужасное, роковое слово!

Никогда болѣе не видать этихъ небесныхъ глазъ, не слышать

этого серебристаго голоса, никогда болѣе не слѣдятъ за этой несравненной фигурой, среди плавныхъ движеній менюэта, никогда болѣе не видать, какъ она на сѣромъ своемъ конѣ перескакиваетъ черезъ заборъ съ граціею и неустрашимостью, свойственными ей одной!

Его обдало отчаяніемъ при этой мысли. Его растерзанная душа болѣзненно льнула даже къ неодушевленнымъ предметамъ, разсѣяннмъ кругомъ мѣста ея жительства. Онъ проѣхалъ мимо маленькой фермы, въ которую, однажды, его съ Кэтъ загнала буря, и припомнилъ, какъ они вмѣстѣ сидѣли въ кухнѣ у огня, и жена фермера добродушно улыбалась имъ, напоила молокомъ и не выпускала, пока солнце не выглянуло изъ-за тучъ. Прощай маленькая ферма, вздохнулъ онъ: когда-то я опять тебя увижу?

Онъ въ бродъ переѣхалъ черезъ ручей, на берегу котораго они часто останавливались, вдвоемъ, чтобы дать разгориченнымъ лошадамъ напитокъ послѣ продолжительной скачки за гончими. «Прощай, ручеекъ», подумалъ онъ: «ты будешь журчать себѣ да лепетать попрежнему, но я никогда болѣе не напьюсь твоей воды, никогда не буду прислушиваться къ твоему привѣтному говору вмѣстѣ съ милой!»

Онъ вздохнулъ и медленно отѣхалъ, все еще держась направленія къ морю.

При оледенѣлости, сдавившей его сердце, самыя чувства на полувину отупѣли, и въ немъ никто не узналъ бы ловкаго охотника въ этой надломанной фигурѣ, склонившейся надъ гривой лошади и почти что шатавшейся въ сѣдлѣ.

Проѣхавъ около пяти миль, онъ очутился на верхушкѣ холма и вспомнилъ, что когда онъ спустится съ него, ему уже не видно будетъ Пейтон-Голла. Онъ медленно поворотилъ лошадь и грустно взглянулъ въ ту сторону.

Была зима, но вечернее солнце ярко сіяло передъ закатомъ. Отлогіе лучи его обливали свѣтомъ весь домъ, а стекла оконъ, обращенныхъ на западъ, сверкали золотомъ. Жилище ея представилось ему какъ-бы въ небесномъ сіяніи. А онъ глядѣлъ на него въ послѣдній разъ.

И долго, до тѣхъ поръ глядѣлъ онъ на сверкающее зданіе, пока любовь и горе не затуманили его взора, и онъ уже не видалъ отъ слезъ возлюбленнаго дома. Но упрямая воля снова взяла верхъ надъ нимъ и заставила его продолжать путь свой къ морю, хотя теперь уже онъ плакалъ какъ дитя, и какъ трапка свалился на гриву лошади.

Проѣхавъ еще около мили по узкому неопратному проселку, весь измученный и разбитый, онъ вдругъ услышалъ въ полѣ, по лѣвую отъ

себя сторону, быстрый лошадиный топотъ. Онъ вяло взглянулъ въ ту сторону, и первое, что ему представилось, были голова и шея рослаго пѣгаго коня, въ то самое мгновеніе, какъ онъ поднимался на воздухъ и подгибалъ подъ себя переднія ноги, готовясь перескочить черезъ низкую изгородь въ двухъ ярдахъ отъ Гриффита.

Конь дѣйствительно перескочилъ и какъ разъ загородилъ путь Гриффиту. Всадница такъ круто осадила его, что онъ попятился назадъ почти что на дыбахъ, и затѣмъ неподвижно сталъ поперекъ дороги, прядая ушами и дрожа разгоряченнымъ тѣломъ. Женщина въ красной амазонкѣ и въ красной шляпкѣ сидѣла на немъ, какъ будто это былъ тронъ, а не лошадь; не пошевелившись станомъ, она повернула только голову къ Гриффиту Гонту, съ быстротою и гибкостью змѣи, и прямо и пытливо уставила въ лицо ему свои огромные сѣрые глаза.

Онъ вскрикнулъ отъ радости и удивленія. Лошадь его отшатнулась, рванулась назадъ, но потомъ успокоилась и стала какъ вкопанная...

Такъ-то встрѣтились они съ Кэтъ Пейтонъ, подъ прямымъ угломъ, и, можно сказать, такъ близко, какъ будто она хотѣла наѣхать на него.

И какъ жадно впился онъ въ нее глазами, какою неземною показалась она ему, внезапно озаривъ его затмившіеся отъ слезъ глаза! Подлинно она какъ будто упала передъ нимъ съ неба!

Его изумленный взоръ, его блѣдное растерянное лицо, съ неосохшими на немъ слезами, показали сразу сметливой дѣвушкѣ, какъ она сильна тамъ, гдѣ считала себя слабою, и она сообразовала свое обращеніе съ этимъ открытіемъ, мгновенно принимая тонъ гораздо надменнѣе, нежели съ какою намѣревалась явиться передъ поклавшимся ее поклонникомъ.

— Я полагаю, сказала она очень холодно:— что вамъ придется отложить ваше путешествіе на нѣсколько дней. Къ прискорбію моему, я должна объявить вамъ, что бѣдный мистеръ Чарльтонъ скончался.

Гриффитъ вскрикнулъ.

— Онъ спрашивалъ васъ передъ смертью; за вами разсланы гонцы во всѣ стороны. Вы должны немедленно же ѣхать въ Болтонъ.

— Боже мой, сказалъ Гриффитъ:— и этотъ другъ покинулъ меня. Добрый старикъ! во всякое другое время я бы оплакивалъ тебя, но теперь мнѣ кажется, что покойникамъ хорошо! Увы! Я было надѣялся, что вы пріѣхали сказать мнѣ, что вы... что я могу... Впрочемъ, какое вамъ дѣло до моихъ безумныхъ надеждъ! Только

видя, что вы удостоили ѣхать за мною... Да зачѣмъ мнѣ ѣхать-то въ Больтонъ?

— Зачѣмъ, что вы иначе покажете себя безразсуднымъ, неблагодарнымъ созданиемъ. Неужели же вы можете рѣшиться предоставить чужимъ схоронить вашего родственника и благодѣтеля, а сами уѣдете, не отдавъ ему послѣдняго долга и только наслѣдовавъ его имѣніе? Стыдитесь, сэръ, стыдитесь!

Гриффитъ началъ смиренно извиняться.

— Какъ вы ко мнѣ несправедливы! Чтò мнѣ теперь въ Больтон-Голлѣ и Больтон-Паркѣ? Они понастоящему должны были принадлежать вамъ, вы это знаете. Вы одни и будете ими владѣть. Вѣдь я сталъ словно поперегъ вашей дороги и обобралъ васъ. Правда, старикъ зналъ мои чувства. Онъ подумалъ: «Къ Гриффиту ли, къ Кэтъ ли перейдетъ имѣніе, все одно: вѣдь вмѣстѣ имъ жить на немъ». Но теперь все это кончено, вы не раздѣлите моего богатства со мною, и я чувствую, что я не въ правѣ воспользоваться имъ одинъ... Кэтъ, родная моя! вѣдь сколько разъ я слыхалъ, какъ надъ тобою посмѣивались, что ты бѣдна, и сердце мое ныло отъ боли. Какъ бы ни было, а ужъ этому я положу конецъ. Ступай вмѣсто меня на похороны: покойникъ меня проститъ. Онъ теперь знаетъ, чтò у меня дѣлается на душѣ, а я пришлю тебѣ бумагу за всѣми нужными печатами и подписями, по которой Больтон-Голлъ и Больтон-Паркъ будутъ принадлежать тебѣ, и когда ты будешь счастлива съ человекомъ, котораго сама будешь любить такъ, какъ я люблю тебя, вспомни въ то время о бѣдномъ ревнивцѣ Гриффитѣ, вспомни, что онъ любилъ тебя всей душою и ничего не пожалѣлъ бы для тебя. Только, прибавилъ онъ, скрежеща зубами и снова поблѣввъ какъ полотно:—я не могу оставаться жить въ Кумберландѣ и видѣть тебя въ объятіяхъ другого.

Кэтринъ видимо дрожала. Нѣсколько времени не могла она говорить, но наконецъ вымолвила нетвердымъ голосомъ:

— Вы заставьте меня ненавидѣть васъ.

— Боже упаси! воскрикнулъ Гриффитъ простодушно.

— Ну, такъ не прекословьте мнѣ и не злите меня, а поверните лошадей и отправляйтесь прямо въ Больтон-Голлъ, и исполните всѣ свои обязанности къ покойнику и живымъ. Сюда вы проѣхать не можете, потому что, какъ видите, мы съ лошадей перегородили вамъ дорогу... Но вдругъ, видя его волненіе, она сама не выдержала и уже со слезами продолжала:—я сегодня такъ замучена, сперва однимъ, потомъ другимъ; ужъ хоть бы вы-то надо мною сжалились. О! о! о!

— Полноте, перестаньте, засуетился Гриффитъ:—я поѣду, сейчасъ же поѣду. Даю вамъ честное, благородное слово, что буду

почевать въ Болтонѣ и исполню всё свои обязанности, только не плачьте. Вѣдь вы видите, что у меня нѣтъ другой воли, кромѣ вашей.

Они поѣхали рядомъ и не останавливались до перекрестка, гдѣ имъ приходилось разставаться.

— Скажите-ка мнѣ вотъ что, съ усиліемъ проговорилъ Гриффитъ, дѣлая жалкую попытку принять видъ безпечнаго равнодушія: — какими судьбами... вы пріѣхали... на лошади Джорджа Невилля?

Кэтъ давно поджидала этого вопроса, и все-таки покраснѣла до ушей. Отвѣтъ у нея однако былъ готовъ.

— Лошадь стояла въ конюшнѣ, совсѣмъ свѣжая, моя же измучена на охотѣ. Что же мнѣ было дѣлать, Гриффитъ? А теперь прощайте, прибавила она торопливо: — солнце скоро сядетъ, а дороги скверныя, будьте осторожны. Я бы съ радостью пригласила васъ ночевать къ намъ, но по нѣкоторымъ причинамъ... она запнулась; неловко же было говорить ему, что Джорджъ Невилль у нихъ обѣдаетъ и ночуетъ.

Гриффитъ сталъ увѣрять ее, что ему не грозитъ никакая опасность, и что лошадь его знаетъ каждую пядь дороги.

Разѣхались. Гриффитъ повернулъ въ Болтонъ, Кэтъ домой.

Она опоздала къ обѣденному часу, и потому бѣгомъ пустилась по лѣстницѣ въ свою комнату и какъ можно скорѣе спѣшила нарядиться въ свое лучшее платье и брильянтовый головной уборъ. Она начинала побавяться, не достанется ли ей за ея школьничество съ лошадью гостя, а природный инстинктъ говорилъ ей, что лучшій способъ обезоружить строгаго судью — явиться передъ нимъ во всемъ облаченіи своей красоты:

«On pardonne tout aux belles».

И дѣйствительно, она была царственно хороша въ богатомъ нарядѣ и уборѣ. Сойдя въ столовую, она была встрѣчена отцомъ, который началъ-было ворчать на нее, за то, что она такъ долго оставила его безъ обѣда. Но Кэтъ нетрудно было задобрить нелюбиваго сквайра, и затѣмъ она спросила, куда дѣвался Невилль.

— Онъ давно отправился. Вдругъ вспомнилъ, что обѣщалъ обѣдать у кого-то изъ сосѣдей.

Кэтъ недовѣрчиво покачала головой, но промолчала. Немного погодя, она спросила:

— Какъ же онъ отправился? Пѣшкомъ?

— Право, не знаю.

Послѣ обѣда старикъ Джо явился въ господамъ.

— Какъ же на счетъ сѣраго коня? сказалъ онъ.

— А что такое? спросила Кэтъ.

— Онъ отправился въ Невилль-Кортъ, мистрисъ, а впрочемъ, при-

бавилъ грумъ съ многозначительной улыбкой:—вѣроятно все, какъ быть слѣдуетъ. Мистеръ Невиль мнѣ все растолковалъ. «Нѣкоторые, говорить, мѣняются при подобныхъ радостныхъ случаяхъ золотыми вольцами, а мы съ твоею барышнею мѣняемся лошадьми: она беретъ моего пѣгаго коня, а я беру ея сѣраго. Значить, говорить, осѣдай мнѣ его живѣе, Джо, да поздравь меня». Я и пристегнулъ сѣдло мистера Невила на вашего сѣраго, а онъ мнѣ еще даль золотой за труды; я до того смѣшался, что отпустилъ его, даже не поздравивъ; впрочемъ, спохватился и изо всѣхъ силъ брякнулъ ему вслѣдъ: «поздравляю, сэръ». Что же вы такъ смотрите? или неладно?

— Ладно, ладно, засмѣялся Пейтонъ: — пѣтому-то вѣдь не больше пяти лѣтъ, а сѣрый вотъ уже десять лѣтъ какъ у меня. Отъ этой мѣны мы въ накладѣ не остались, Джо.

Съвайръ отпустилъ старика, наливъ ему стаканъ вина, и остался въ полномъ восторгѣ отъ выгодной мѣны, такъ неожиданно устроеншейся безъ его вѣдома. Кэтъ же сидѣла потупившись, съ побагровѣвшимъ лицомъ, и губами, навѣрно стиснутыми. Отецъ отъ нея не добился ни одного слова. Но чѣмъ менѣе она говорила, тѣмъ болѣе думала. Она была крайне раздосадована и рѣшительно не могла придумать, какъ бы выручить своего сѣраго коня отъ такого бѣдоваго господина, какъ Джорджъ Невиль. И при всемъ томъ она не могла не посмѣяться въ душѣ его находчивости, и втайнѣ удивлялась самообладанію и удалости своего противника, съумѣвшаго такъ искусно скрыть свое неудовольствие и такъ славно отпарировать нанесенный его самолюбію ударъ.

«Этакой вѣдь добродушный злодѣй!» думала она про себя: «поди тутъ съ нимъ справляйся! Если Гриффитъ въ самомъ дѣлѣ уѣдетъ, вѣдь приберетъ къ рукамъ, непременно приберетъ. Ни одна женщина долго не устоитъ противъ этого чудовища, безъ посторонней помощи».

V.

Подобно тому, какъ на трупъ верблюда, падшаго въ пустынь, коршуны, до тѣхъ поръ невидимые, стаями слетаются со всѣхъ концовъ поднебесья, такъ, едва мистеръ Чарльтонъ испустилъ послѣднее дыханіе, въ Больтонѣ самый воздухъ немедленно зачернѣлъ гробовщиками и похоронными подрядчиками, съѣхавшимися на свой мрачный промыселъ. Пріѣзжали они на черныхъ коняхъ, въ темныхъ кабриолетахъ, засылали Гриффиту свои окаймленные чернымъ карточки, или вступали съ нимъ въ личные переговоры, участливо понижая голосъ, сдерживая живость своихъ движеній и

доброевѣстно стараясь придать себѣ растроганно печальный видъ; но внутреннее удовольствіе тѣмъ не менѣе просвѣчивалось. Связозъ этотъ тонкій слой корыстнаго соболѣзнованія.

Гриффитъ отдалъ себя покорно въ добычу одному изъ налетѣвшихъ вороновъ и присѣлъ къ составленію многочисленныхъ приглашеній на похороны. Въ то время еще никому и въ голову не приходило справлять похороны безъ разныхъ причудливыхъ и дорого обходящихся великолѣпій. Каждому добропорядочному гражданину пріятно было знать, что онъ, если и исчезнетъ съ лица земли, то по крайней-мѣрѣ съ нѣкоторымъ почетомъ, а не безвѣстно, какъ какой-нибудь заяцъ или другой лѣсной звѣрь. Мистеръ Чарльтонъ даже оставилъ запечатанный списокъ лицъ, долженствовавшихъ, по его желанію, присутствовать при его погребеніи и чтеніи его духовнаго завѣщанія. Лицъ этихъ было тридцать-четыре, изъ которыхъ трое уже извѣстны читателю, а именно: Джорджъ Невиль, Идьюардъ Пейтонъ и мисъ Кэтринъ Пейтонъ.

Къ каждой изъ этихъ тридцати-четырехъ особъ Гонтъ написалъ по официальной запискѣ, приглашающей ихъ оказать уваженіе памяти ихъ общаго покойнаго друга и почтить его, Гонта, благоволивъ пріѣхать въ Болтон-Голль въ слѣдующую субботу около полудня. Всѣ эти грамоты, согласно обычаю того времени, были разосланы съ верховыми гонцами. Отвѣты были привезены тоже верховыми, такъ что поднялась страшная хлопотня, жаренье, печенье, распиванье пива, конскій топотъ—и все это изъ-за покойника, который такъ мирно почивалъ въ одной изъ комнатъ верхняго этажа, никого, казалось бы, не трогая, ни въ комъ не нуждаясь.

Каждый членъ хозяйства, все равно мужчина или женщина, непременно являлся къ Гонту за совѣтомъ либо приказаньемъ, хотя бы по самому простому дѣлу. Вся прислуга вообще относилась къ нему съ униженной почтительностью и лѣзла изъ кожи вонъ, чтобы угодить новому господину и такимъ образомъ утвердить за собою выгодное мѣсто.

Благодаря всѣмъ этимъ разнороднымъ занятіямъ, а также чувству власти и зарождающемуся честолюбію, вялый Гриффитъ сталъ другимъ человѣкомъ и понемногу забылъ, что не далѣе, какъ два дня передъ тѣмъ, онъ собирался въ далекій невозвратный путь и готовъ былъ отказаться отъ всей будущности, ожидающей его въ Англіи.

Онъ нашелъ время написать къ Кэтъ нѣжное письмо, но не упоминалъ въ немъ о бракѣ. Онъ помнилъ, что она просила его дать ей время подумать, и рѣшился слѣдовать ея совѣту.

Ровно за три дня до похоронъ спохватились, что карета мистера Чарльтона, слишкомъ долго оставшаяся безъ употребленія, нуж-

дается въ поправкахъ. Гриффитъ приказалъ свезти ее въ ближайшій городъ, и отправился туда и самъ, какъ по этому, такъ и по другимъ дѣламъ. Это случилось какъ разъ въ «судебный день», какъ называютъ сельскіе жители дни, когда въ городъ съѣзжаются судьи, и почти въ одно время съ Гриффитомъ на дворъ гостиницы «Серна» въѣхалъ недавно выбранный судья, мистеръ Невиль; онъ слѣзъ съ дюжого сѣраго коня, такъ-сказать подъ носомъ у Гриффита, и прошелъ въ отдѣльную комнату. Гриффитъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, и глазамъ не вѣрилъ, такъ что даже послѣдовалъ за лошадей Невила въ конюшню и оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ.

Гриффитъ находился въ крайнемъ недоумѣніи. Долго стоялъ онъ у входа въ конюшню, уставивъ глаза на лошадь, волнуемый тяжелыми сомнѣніями. Онъ забылъ про дѣло, за которымъ пріѣхалъ, и праздно сновалъ около буфета, стараясь хотя изъ общихъ разговоровъ уловить что-нибудь, что помогло бы ему разгадать эту тайну. Онъ по возможности привинулся равнодушнымъ и спросилъ нѣкоторыхъ изъ съѣхавшихся судей, не на мистера ли Пейтона лошади пріѣхалъ Невиль?

Между собравшимися сквайрами былъ одинъ молодой помѣщикъ, когда-то сдѣлавшій мисъ Пейтонъ предложеніе, но получившій отъ нея отказъ, сильно оскорбившій его самолюбіе. Онъ давно уже точилъ зубы на Гонта за то, что тотъ повидимому преуспѣвалъ тамъ, гдѣ онъ потерпѣлъ такую отъявленную неудачу, и теперь, по его разспросамъ на счетъ сѣраго коня, догадался, что тутъ что-нибудь не просто. Онъ вошелъ въ общую комнату и сообщилъ по секрету Невилю, что Гонтъ сильно что-то суетится по поводу сѣраго коня и пристааетъ ко всѣмъ съ допросами. Невиль, хотя и не подалъ малѣйшаго въ томъ вида при недавнемъ своемъ приключеніи въ Больтон-Голлѣ, въ душѣ, однако, страдалъ отъ уязвленнаго самолюбія, и былъ вполне расположенъ, въ свою очередь, уязвить при случаѣ Гонта. Въ лицѣ молодого сквайра — по имени Гольтонъ — какъ разъ подвѣртывалось ему подъ руку подходящее орудіе, и онъ тотчасъ же пустилъ его въ дѣло.

Гольтонъ, получивъ надлежащее наставленіе отъ Невила, втихомолку возвратился въ буфетъ и, выгадавъ удобную минуту, ловко пустилъ въ Гриффита ядовитымъ словомъ.

— Невиль-то вѣдь купилъ сѣраго-то иноходца, сказалъ онъ: — да и дорого же онъ ему обошелся.

Гриффитъ вздохнулъ свободнѣе: онъ заключилъ изъ этихъ словъ, что старикъ Пейтонъ не устыдился продать собственную лошадь своей дочери, и внутренно далъ себѣ слово, на слѣдующей же недѣлѣ, купить ей лучшую лошадь на деньги мистера Чарльтона.

Но Гольтонъ, который только потѣшался надъ нимъ, не замедлилъ

объяснить, что Невиль, кажется, далъ двоякую цѣну за лошадь, отдавъ за нее своего пѣгаго коня да, въ придачу, сердце свое и руку — словомъ, онъ такъ ловко повернулъ дѣло, что мѣна лошадей представлялась столько же дѣйствиємъ самой Кэтъ, какъ и Невилья, и выводъ изъ подобнаго факта напрашивался самъ собою.

— Это—ложь! съ усилиемъ проговорилъ Гриффитъ.

— Не думаю, чтобъ это была ложь, отвѣчалъ Гольтонъ: — я узналъ это изъ достовѣрнаго источника; только все-таки ссориться со мной вамъ не изъ чего. До мисъ Пейтонъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, и я только передаю вамъ то, что самъ слыхалъ.

— Отъ кого же вы слыхали? сурово спросилъ Гонтъ.

— Ни отъ кого въ особенности, всѣ говорятъ.

— Безъ увертокъ, сэръ! Я ищу руки мисъ Пейтонъ, и вамъ это хорошо извѣстно. Подобная молва чернить ее, и оскорбляетъ меня. Назовите же мнѣ виновника ея, иначе я разомну вамъ кости арапникомъ.

— Ну, это еще кто кого, сказалъ Гольтонъ; однако поблѣднѣлъ.

Гриффитъ двинулся на него наступательно, даже покраснѣвъ въ лицѣ отъ злости.

Тогда Гольтонъ, перетрусивъ не на шутку, невольно проболталъ:

— Мнѣ самъ Невиль сказалъ это.

— А! Я такъ и думалъ, молвилъ Гриффитъ: — онъ лжецъ и подлецъ.

— Я бы не совѣтовалъ вамъ говорить этого ему въ лицо, злобно замѣтилъ тотъ: — у него уже была дуэль во Франціи, и онъ убилъ своего противника: насадилъ на шпагу, какъ муху.

Гриффитъ отвѣчалъ презрительной улыбкой.

— Гдѣ онъ? спросилъ онъ послѣ краткаго молчанія.

— Почему мнѣ знать, возразилъ Гольтонъ съ видомъ крайней невинности.

— Гдѣ вы его оставили пять минутъ назадъ?

Гольтонъ совсѣмъ оторопѣлъ отъ этого неожиданнаго вопроса, и не нашелся что отвѣчать.

Дѣло, какъ часто случается, принимало оборотъ, вовсе непредвидѣнный самими заговорщиками.

— Извольте идти за мною, сэръ, сказалъ Гриффитъ спокойно, и взялъ Гольтона подъ руку.

— Со всѣмъ удовольствіемъ, отвѣчалъ тотъ: — однако, позвольте вамъ посовѣтовать, мистеръ Гонтъ, не принимать къ сердцу подобныхъ нелѣпницъ. Я-вотъ поставилъ себѣ за правило не обращать вниманія на такіе пустяки... Однако, послушайте, куда же вы меня ведете? Ради-бога, не давайте хода этому глупому вздору,

упрашивалъ Гольтоновъ, видя, что Гриффитъ ведетъ его прямо въ комнату къ Невилю.

Гриффитъ не удостоилъ его отвѣтомъ: онъ растворилъ дверь комнаты и поставилъ раскащика лицомъ къ лицу съ выдумщикомъ.

Джорджъ Невиль всталъ и встрѣтилъ входящихъ съ перемонной вѣжливостью, изъ-подъ которой, однако, просвѣчивалась недобрая усмѣшка.

Соперники измѣрили другъ друга взглядомъ съ ногъ до головы; затѣмъ Невиль первый спросилъ, чему онъ обязанъ честью посвященія? Гриффитъ отвѣчалъ прямо:

— Этотъ баринъ вотъ говоритъ, что вы ему сказали, будто мисъ Пейтонъ помѣнялась съ вами лошадьми...

— Ахъ, вы болтунъ безсовѣстный! обратился Джорджъ къ Гольтону, шутливо грозя ему пальцемъ.

— И будто она тѣмъ же разомъ помолвилась съ вами.

— Ну, ужъ это—изъ рукъ вовъ! сказала Джорджъ:—Гольтонъ, я никогда болѣе не повѣрю вамъ ни одной тайны; у васъ, къ тому же, замашка преувеличивать.

— Полноте меня морочить, сэръ, прервалъ его Гриффитъ: — Недѣ Гольтонъ тутъ рѣшительно ни при чемъ: онъ только ваше орудіе и передалъ ваши слова. Поэтому я привелъ его сюда, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ моего отвѣта не ему, а *вамъ*: мистеръ Джорджъ Невиль, вы лжець и подлець.

Джорджъ, какъ тигръ, вскочилъ на ноги.

— За эти два слова вы заплатитесь жизнью, сэръ, вскричалъ онъ; но тутъ же, совладавъ съ собою нечеловѣческимъ усиліемъ воли, добавилъ: — прочемъ мнѣ не пристало перебраниваться съ кумберландскимъ дикаремъ. Назначайте время и мѣсто.

— Сію минуту. Недѣ Гольтонъ, вы можете отправиться. Мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ мистеру Невилю съ глазу на глазъ. Гольтонъ стоялъ въ нерѣшительности.

— Не забывайтесь, господа, ради-бога, проговорилъ онъ.

— Полно глуности-то говорить, сказалъ Невиль: — мы съ мистеромъ Гонтъ собираемся драться на дуэли, какъ прилично джентльменамъ, а не колотить другъ друга, какъ уличные буяны. Будьте такъ добры, оставьте насъ.

— Ступайте, прибавилъ Гриффитъ: — и если вы хоть однимъ словомъ проговоритесь о всемъ этомъ, берегите свою шкуру.

Какъ только Гольтонъ удалился, Гриффитъ Гонтъ съ важнымъ, сдержаннымъ спокойствіемъ, обратился къ Джорджу Невилю со словами:

— Кумберландскій дикарь на столько благовоспитанъ, что не

намѣревъ подвергать любимую женщину силетнямъ и пересудамъ праздныхъ болтуновъ.

Невиль покраснѣлъ до ушей отъ этого намева. Гриффитъ продолжалъ:

— По крайней-мѣрѣ отстраните хотя дальнѣйшій скандалъ.

— Въ этомъ я вамъ съ радостью помогу, холодно отвѣчалъ Невиль:—заставить Гольтона молчать я беру на себя. Что же касается остальнаго, мы можемъ назначить для нашего поединка ранній утренній часъ и, каждый, довѣрить дѣло только одному вѣрному человѣку, котораго и взять секундантомъ. Такимъ образомъ не послѣдуетъ ни силетень, ни набѣга полиціи и всякаго непрошеннаго дурачья—что уже, кажется, бывало въ этомъ краю.

Дѣло было, въ среду. Противники стоворились встрѣтиться въ пятницу въ полдень, у пригорка, на полдорогѣ между Больтономъ и Невиль-Кортомъ. Мѣсто было открытое, но такъ уединенно и пустынно, что не представляло опасности непрошеннаго вмѣшательства. Невиль былъ искусенъ на шпагахъ, поэтому Гонтъ выбралъ пистолеты, такъ-какъ въ употребленіи этого оружія оба противника считались равной силы. Невиль съ готовностью согласился на этотъ выборъ.

Теперь уже холодная, изысканная вѣжливость замѣнила ихъ первую горячность, и противники, разставаясь, обмѣнялись чиннымъ и низкимъ поклономъ.

Гриффитъ вышелъ изъ гостиницы на улицу. Тутъ только онъ ясно осмыслилъ все, что съ нимъ происходило, и то, что чрезъ какія-нибудь двое сутокъ онъ, весьма вѣроятно, будетъ убитъ, либо при смерти. Съ печальнымъ лицомъ и тяжелыми шагами онъ отправился прямо въ контору мистера Гоузмэна.

Мистеръ Гоузмэнъ былъ въ высшей степени уважаемый и достойный уваженія стряпчій и юристъ. Его покойный отецъ до него и онъ самъ много лѣтъ пользовались расположеніемъ всего мѣстнаго джентри, что давало ему возможность избѣгать тяжёлыхъ дѣлъ и ограничивать свою дѣятельность, по преимуществу, болѣе пріятными и прибыльными занятіями, въ родѣ составленія духовныхъ завѣщаній, брачныхъ контрактовъ и кучихъ вѣностей, да посредничествомъ при займахъ, продажахъ и разныхъ сдѣлкахъ. Онъ бывалъ попріятельски у помѣщиковъ, обѣдывалъ у нихъ и былъ вообще очень любимъ въ графствѣ.

Въ «судебные дни» къ нему всегда навѣдывалось множество поѣтителей, и потому онъ эти дни непремѣнно проводилъ у себя въ конторѣ. Такъ и теперь Гриффитъ засталъ у него кліента и просидѣлъ въ конторѣ не менѣе десяти минутъ, когда, наконецъ, растворилась дверь изъ кабинета и изъ нея вышелъ помянутый

клиентъ, съ недовольнымъ и встревоженнымъ лицомъ: это былъ не кто иной, какъ сквайръ Пейтонъ. При видѣ Гонта, поднявшагося, чтобы въ свою очередь пройти въ кабинетъ юриста, отецъ Кэтъ какъ-то принужденно кивнулъ ему головой и, бросивъ на него непріязненный взглядъ, поспѣшно вышелъ.

Подобное обращеніе огорчило и обидѣло Гриффита. Ему было вполне извѣстно, что мистеръ Пейтонъ прискиваетъ для дочери болѣе выгодную партію, но, несмотря на это, старикъ до той минуты никогда не выказывалъ прямого отвращенія или невѣжества къ нему.

Гриффиту невольно представилось, что такъ или иначе, но Невиль и тутъ повредилъ ему, и что все вообще сложилось крайне невыгодно для него. Истолковывая такимъ образомъ обращеніе мистера Пейтона, Гриффитъ впалъ въ очень обыкновенное заблужденіе, составляющее неистощимый источникъ недоразумѣній: такая ужъ у каждаго изъ насъ привычка; вѣчно воображаемъ, что каждый человѣкъ думаетъ непремѣнно о насъ. Совсе нѣтъ: каждый человѣкъ думаетъ о томъ же, о чемъ думаемъ и мы съ вами, читатель—о самомъ себѣ.

«И чего мнѣ въ самомъ дѣлѣ тужить!» подумалъ Гриффитъ: «если ужъ ей не быть моей женою, всего лучше мнѣ лечь въ могилу, туда мнѣ и дорога!»

Съ этой мыслью онъ вошелъ въ кабинетъ Гоузмена и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, по которому пришелъ къ нему; но такъ-какъ по странному стеченію обстоятельствъ, Гоузманъ впоследствии счелъ нужнымъ передать третьему лицу то, что произошло на этомъ свиданіи между нимъ и молодымъ человѣкомъ, то, въ избѣжаніе повторенія, лучше будетъ въ свое время предоставить читателю узнать о томъ изъ собственныхъ словъ Гоузмена, а не моихъ; желаю только, чтобы разсказъ этотъ оказался хоть на половину столько же интересенъ для читателя, какимъ нашло его лицо, которому онъ былъ сдѣланъ.

Здѣсь достаточно будетъ сказать, что совѣщаніе юриста съ его клиентомъ продолжалось не менѣе часа, и они еще разговаривали о дѣлѣ, когда Гоузману была подана карточка, доставившая ему, повидимому, большое удовольствіе и нѣсколько удивившая его. «Черезъ пять минутъ», сказалъ онъ писцу, принесшему карточку. Гриффитъ понялъ намекъ и тотчасъ же распростился.

Когда онъ вышелъ изъ кабинета, посѣтитель, пославшій Гоузману свою карточку, всталъ со стула, занимаемаго имъ въ конторѣ, чтобы въ свою очередь войти въ это святилище.

Это былъ Джорджъ Невиль.

Они поклонились другъ другу, и окинули одинъ другого пыт-

ливимъ взглядомъ. Разставаясь, они никакъ не думали такъ скоро опять встрѣтиться. Писцы видѣли въ нихъ только двухъ вѣжливыхъ джентльменовъ, которые обмѣнялись поклономъ, проходя мимо другъ друга.

Чѣмъ болѣе Гриффитъ думалъ о предстоящей дуэли, тѣмъ болѣе мысль о ней его разстроивала. Впервыхъ, онъ былъ впечатлительнень до нельзя и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ минуты, а у такихъ людей жаръ обыкновенно скоро смѣняется холодомъ. Сверхъ того, по мѣрѣ охлажденія его перваго гнѣва разсудокъ начиналъ брать свое и ясно показывалъ ему, что при стольновеніи съ этимъ грознымъ соперникомъ онъ, во всякомъ случаѣ, лишалъ себя одного несомнѣннаго преимущества, потому что вѣдь, наконецъ, Кэтъ постоянно оказывала ему явные признаки расположенія: не она ли догнала его на лошади самого же Невилля и заставила его отказаться отъ своего намѣренія уѣхать отъ нея? Стало быть она, очевидно, предпочитала его Невиллю, а между тѣмъ ему приходится рисковать надеждой обладать ею въ поединкѣ, на которомъ, по крайней-мѣрѣ, столько же вѣроятности для него быть убитымъ, какъ и убить противника. Онъ понималъ, хоть и слишкомъ поздно, что онъ самъ придерживаетъ игру своего соперника. Ему на душѣ стало какъ-то холодно и нехорошо, и болѣе и болѣе овладѣвало имъ убѣжденіе, что никогда не жениться ему на Кэтъ, и что, вѣроятнѣе всего, она же его похоронитъ.

Однако, несмотря на всѣ эти неутѣшительныя размышленія, онъ былъ слишкомъ храбръ, чтобы отступить, да и питалъ слишкомъ глубокую ненависть къ своему сопернику. И такъ, подобно многимъ, бывшимъ до и послѣ него въ подобныхъ обстоятельствахъ, онъ упрямо шелъ на такое дѣло, въ которомъ, по собственному сознанію, не могъ ничего выиграть, но легко могъ всего лишиться.

Къ этимъ тревожнымъ и мрачнымъ думамъ еще примѣшивалась одна сравнительно мелкая забота. За нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ пригласилъ полграфства на похороны мистера Чарльтона, назначенныя на субботу 19-го февраля, для дуэли же онъ сгоряча назначилъ пятницу 18-го февраля. А что, какъ онъ самъ будетъ уже трупомъ въ субботу? Кто тогда приметъ гостей? Кто будетъ играть роль хозяина?

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Гриффитъ имѣлъ доброе и благодарное сердце. Мистеръ Чарльтонъ при жизни былъ его благодѣтелемъ, и онъ чувствовалъ, что не въ правѣ подставить лобъ

свой подъ пулю, прежде нежели отдасть послѣдній долгъ останкамъ своего лучшаго друга.

Подобныя затрудненія, конечно, имѣютъ свою смѣшную сторону и отзываются комизмомъ, но человѣку, жизнь и чувства котораго заинтересованы въ такомъ дѣлѣ, вовсе не до смѣха. Въ сущности было нѣчто рыцарское и трогательное въ заботливомъ безпокойствѣ, съ которымъ Гриффитъ помышлялъ о возможности для его благодѣтеля быть похороненнымъ безъ должныхъ почестей, благодаря его неумѣстной горячности и опрометчивости. Онъ рѣшился предотвратить эту возможность, и для этого въ четвергъ написалъ къ Гоузману письмо, въ которомъ настоятельно просилъ его пріѣхать пораньше на похороны, и въ случаѣ надобности принять на себя роль хозяина.

Письмо это было отнесено въ контору юриста въ четвергъ, въ три часа пополудни.

Гоузмана не было дома. Онъ съ утра отправился куда-то въ усадьбу, миль за десять отъ города, но у посланнаго Гриффита была добрая лошадь, и такъ-какъ онъ получилъ непремѣнный наказъ отдать письмо въ собственныя руки юристу, то онъ поѣхалъ вслѣдъ за нимъ и засталъ его въ домѣ мистера Пейтона, куда, съ позволенія чптателя, и мы за нимъ переселимся.

Вопервыхъ, я долженъ пояснить, что причина, по которой мистеръ Пейтонъ вышелъ изъ кабинета Гоузмана такимъ мрачнымъ и разстроенымъ, заключалась въ слѣдующемъ: Невиль, послѣ своего послѣдняго памятнаго посѣщенія, уже не упоминалъ объ обѣщанныхъ имъ сквайру взаймы ста фунтахъ стерлинговъ и даже ни разу не былъ у него въ домѣ, такъ что наконецъ Пейтонъ, рассчитывавшій на эту сумму, рѣшился просить ее взаймы у Гоузмана; но Гоузманъ вѣжливо отказалъ ему въ ней, объяснивъ отказъ своей весьма основательными доводами. Все это какъ нельзя болѣе естественно, и случается сплошь да рядомъ; тѣмъ не менѣе настоящая причина отказа Гоузмана была по истинѣ странная: дѣло въ томъ, что Кэтринъ Пейтонъ взяла съ него слово, что онъ откажетъ ей отцу, если тотъ обратится къ нему съ такого рода просьбой.

Между молодой дѣвушкой и Гоузманами, мужемъ и женою, давно существовала искренняя пріязнь, основанная на обоюдномъ уваженіи, и Кэтринъ дѣлала изъ нихъ почти все, чтó хотѣла. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, она была горда и умна. Гордость ея сильно страдала, когда она видѣла, какъ отецъ ея забираетъ деньги взаймы со всѣхъ сторонъ, никогда не имѣя возможности расплачиваться; кромѣ того она замѣтила, что онъ ознаменовываетъ каждый новый заемъ какой-нибудь сумасбродной издержкой, такъ что добытыя такимъ путемъ деньги никогда не идутъ ему въ прокъ.

Поэтому, когда онъ какъ-то невзначай промолвился о своемъ намереніи обратиться къ Гоузмену, она открыто не возражала ему, но, не говоря дурнаго слова, съѣла на сѣраго, отправилась въ городъ и взяла съ Гоузмена торжественное обѣщаніе не давать отцу ея взаймы ни одного шиллинга.

Гоузменъ сдержалъ слово, но это было ему тяжело, нежели онъ думалъ, давая его. Сквайръ Пейтонъ во время оно забиралъ у него по тысячамъ и всегда отдавалъ, и когда онъ вышелъ изъ кабинета Гоузмена, съ чувствомъ досады, огорченія и униженія, омрачившимъ его обыкновенно открытыя и веселыя черты, юристу стало какъ-то грустно и совѣстно, и хотя онъ не подалъ виду, но имъ овладѣла какая-то тоска и мучила его такъ, что на слѣдующій же день, пользуясь тѣмъ, что имѣлъ дѣло по сосѣдству мистера Пейтона, онъ проѣхалъ въ Пейтон-Голль и велѣлъ доложить о себѣ мистрисъ Кэтъ.

Онъ пріѣхалъ по крайне любопытному дѣлу, и придумать что-нибудь подобное, кажется, нелегко, какъ всякій самъ согласится.

Юристъ пріѣхалъ къ молодой дѣвушкѣ, красавицѣ: зачѣмъ?

Зачѣмъ, чтобы уломать ее.

На что?

На то, чтобы она позволила ему дать взаймы отцу ея сто фунтовъ стерлинговъ безъ всякаго обезпеченія!..

Онъ напоминалъ ей о томъ, сколько разъ онъ самъ былъ обязанъ ей семействомъ, и увѣрялъ ее, что ему ничего не значитъ риснуть сотнею или даже тысячею фунтовъ. Онъ разсказалъ ей, какъ глубоко огорченъ казался ей отецъ его отказомъ; говорилъ, что у него, наконецъ, сердце не камень, что онъ не можетъ отречься отъ благодарности, жалости, добродушія, и все это изъ-за какиихъ-нибудь ста фунтовъ.

— Однимъ словомъ, заключилъ онъ: — я привезъ съ собой деньги, и вы, какъ угодно, должны на этотъ разъ уступить мнѣ и позволить отдать ихъ ему, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

Мисъ Пейтонъ была тронута; на минуту даже слеза дрогнула на ея рѣсницахъ, но она тотчасъ же ее смигнула и осталась твердою какъ скала, окропленная росю. Она отвѣчала юристу, что исполнѣть цѣнить его чувства и благодарить его за нихъ, но что она долго и серьезно обдумывала это дѣло и никакъ не можетъ освободить его отъ даннаго слова.

Юристъ подступалъ къ ней съ разныхъ сторонъ, но она отпарировала всѣ его удары такъ кротко и съ такимъ достоинствомъ и искусствомъ, что онъ болѣе, чѣмъ когда либо долженъ былъ удивляться ей.

Но юристы народъ вообще неподатливый. Переупрямить ихъ

очень трудно. Гоузманъ разгорячился и началъ подвергать свою противницу передопросамъ; такъ онъ, напимѣрь, спросилъ ее, отказалась ли бы она дать отцу своему сто фунтовъ займа, имѣя въ своемъ распоряженіи полный кошелекъ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ былъ только гордый взглядъ ея великолѣпныхъ глазъ, выразившій презрительное удивленіе подобному сумнѣнію.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Гоузманъ, отвѣчая на этотъ взглядъ: — поручитесь за вашего отца, съ уплатою 6%, и тогда ни достоинство ваше, ни гордость не пострадаютъ отъ этой сдѣлки. У меня роздана не одна сотня по 6%.

— Не могу, это было бы нечестно, сказала Кэтъ:—у меня нѣтъ своихъ денегъ, изъ которыхъ я могла бы расплатиться.

— Нѣтъ въ наличности, но есть впереди.

— Ни въ наличности, ни впереди нѣтъ у меня ничего.

— Извините, есть.

— Кажется, мнѣ лучше знать, сэръ. Чтѣ у меня впереди? Откуда?

Гоузманъ нѣсколько мгновеній переминался на стулѣ, наконецъ съ нѣкоторой запинкой отвѣчалъ:

— Съ двухъ сторонъ пока, на сколько мнѣ извѣстно.

— Вы, кажется, шутите, мистеръ Гоузманъ, сказала она укоризненно.

— Нисколько, милая мистрисъ Кэтъ. Я слишкомъ расположенъ къ вамъ, чтобы позволить себѣ шутить о такомъ предметѣ.

Юристъ снова началъ переминаясь на стулѣ, и Кэтъ не безъ нѣкотораго любопытства слѣдила за признаками внутренней борьбы, происходившей въ немъ. Наконецъ онъ повидимому рѣшился открыть ей что-то важное. —

— Мистрисъ Кэтъ, началъ онъ:—я и жена моя оба ваши вѣрные друзья и смиренные поклонники. Мы часто говоримъ между собою, что вы могли бы придать блескъ графской коронѣ, часто желаемъ, чтобы вы стали такъ же богаты, какъ вы добры и прекрасны.

Кэтъ отвернула отъ него свою прелестную головку и протянула ему руку. Это внезапное движеніе, исполненное такой женской граціи и чувства, и прикосновеніе ея нѣжной, бѣлой ручки довершили ея побѣду, и послѣдніе остатки сдержанности стояли съ лица Гоузмана.

— Да-съ, вотъ видите, сказалъ онъ съ чувствомъ:—есть у меня вамъ хорошая вѣсточка. Только смотрите, чтобы отъ васъ никогда не узнала ее ни одна живая душа. Вѣдь я для васъ сдѣлаю то, чтѣ въ жизнь свою не дѣлалъ: расскажу вамъ нѣчто, чтѣ происходило вче-

ра въ моей конторѣ. Но я рѣшаюсь на это потому только, что знаю васъ. Вы—изъ тысячи одна; я могу быть увѣренъ въ вашемъ молчаніи. Не такъ ли?

— Буду молчать, какъ могила.

— Ну-съ, такъ начинаю. По правдѣ сказать, все это вышло точно комедія или, пожалуй, драма, хотя и происходило въ кабинетѣ стряпчаго.

— Неужели? вскрикнула Кэтъ: — вы меня приводите въ совершенное волненіе. Знаете что? извольте-ка здѣсь ужинать и заночевать. Ни-ни—безъ отговорокъ! сказала она, и глаза у нея весело заиграли. — Отецъ мой обѣдаетъ въ гостяхъ, такъ что мы здѣсь будемъ полными хозяевами.

Она была сильно заинтересована, но какъ истая женщина кокетничала даже съ своимъ любопытствомъ, и прежде чѣмъ выслушать обѣщанный разговоръ, побѣжала распорядиться по хозяйству и собственными глазами удостовѣриться, какъ въ «синей спальнѣ» зажигается роскошный огонь въ каминѣ и постилаются сухія простыни для гостя.

Во время ея отсутствія слуга принесъ юристу письмо Гриффита Гонта, и пришлось просить листка почтовой бумаги, чтобы написать отвѣтъ.

Отвѣтъ едва былъ настроенъ и отосланъ, какъ ужинъ и прелестная хозяйка явились почти въ одно время.

Тотчасъ послѣ ужина въ каминѣ былъ наваленъ новый запасъ дровъ, юристъ усѣлся въ уютномъ креслѣ и досталъ изъ бокового кармана памятную книжку и какія-то бумаги; все это онъ сдѣлалъ такъ же методически, какъ будто готовился изложить какое-нибудь уголовное дѣло передъ ассизнымъ судомъ.

Кэтъ расположилась насупротивъ его. Ея большіе глаза во все время этихъ предварительныхъ приготовленій любопытно слѣдили за нимъ, какъ-бы доискиваясь въ его движеніяхъ скрытаго смысла того, на чтò онъ намекалъ въ своихъ словахъ. Во время послѣдующаго разсказа, она не разъ мѣнялась въ лицѣ, то краснѣя, то блѣднѣя; но эти дивные глаза ни на минуту не отнимались отъ лица разсказчика.

Это еще болѣе подзадоривало юриста и онъ разработалъ свое повѣствованіе нѣсколько тщательнѣе, чѣмъ я бы сдѣлалъ на его мѣстѣ: онъ раздѣлил его на параграфы, отмѣчая каждый выдающійся фактъ долгой паузой. Словомъ связать, онъ говорилъ какъ юристъ, а не какъ литераторъ, въ чемъ я, согласитесь, виноватъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть шестая.

И А Д Ш І Я.

—
VI.

ЦАРЬ ОТЪ МІРА СЕГО.

Есть въ мірѣ царь — незримый, неслышимый, но чувствуемый, царь грозный, какъ едва-ли былъ грозенъ кто изъ владыкъ земныхъ. Царь этотъ старъ; годы его считаютъ не десятками и не сотнями; годы его — тысячелѣтія. Онъ столь же старъ, сколь старо то, что зовутъ цивилизаціею человѣческою. Есть преданіе, что родился онъ въ ту самую ночь, какъ люди, дотолѣ дикіе, выйдя изъ лѣсовъ своихъ, сошлись всѣ вкупѣ, и положили краеугольный камень перваго человѣческаго города. Ростъ этого дятти подвигался впередъ, соразмѣрно съ тѣмъ, какъ двигался впередъ и первая цивилизація отъ первыхъ своихъ зародышей. Чѣмъ больше укрѣплялась и усиливалась она, тѣмъ равномѣрно

росла крѣпость и мощь и злоба этого дитяти. И съ тѣхъ поръ, чѣмъ драглѣе становился міръ, чѣмъ древнѣе и совершеннѣе цивилизація, тѣмъ злѣе этотъ грозный владыко, тѣмъ лютѣй и грознѣй просгираеть надъ міромъ онъ свою власть, яко тать въ нощи приходящю. Онъ злой, тираническій деспотъ, и трудно отъ него укрыться и спастись: Годы только усиливають его злобную грозу и лютость. Царство его — отъ міра сего, и предѣлу царству — нѣсть конца. Оно — весь міръ, вся вселенная. И если есть еще гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ незавоеованные имъ уголки, то это развѣ тамъ, на полюсахъ, гдѣ вѣчная смерть да стужа — стужа да море, море да снѣгъ, гдѣ жизнь скъзывается только въ грохотѣ холодныхъ волнъ да въ ужасающемъ трескѣ ломающихся ледяныхъ громадь, которыя ежечасно мѣняютъ свои грандіозные, фантастическіе образы. Словомъ, незавоеованные углы лежать только тамъ, гдѣ царствуетъ другой, еще болѣе древній владыко міра — царица Смерть, куда не ступила еще доселѣ нога человѣческая, и куда ей невозможно ступить, занѣ — то свыше положенный предѣлъ, его же не прейдеши.

Чертоги свои царь этотъ ставитъ по всѣмъ городамъ міра, но паче всего облюбилъ онъ самыя обширныя гнѣзда цивилизаціи человѣческой, къ которымъ, какъ къ главнымъ центрамъ, со всѣхъ концовъ стремятся многолюдныя толпы искателей хлѣба, жизни, приключеній. Центры эти зовуть большими городами, и на нихъ-то съ особою силой давить проклятый гнетъ рукъ этого грознаго владыки.

Будеть ли конецъ его царствію — невѣдомо. Та же самая цивилизація ведетъ съ нимъ вѣковую, упорную борьбу, а межъ тѣмъ, порфира грознаго царя все-таки всевластно простирается надъ міромъ. Эта порфира соткана изъ гноной язвы и ужасныхъ болѣзней. Царь этотъ — деспотъ коварный, который умѣетъ быть то мелкимъ и темнымъ, то грандіознымъ и блестящимъ, стремясь на весь міръ нагнуть петлю своего рабства. И эта петля захлестнулась уже крѣпко. Онъ гибокъ, какъ змѣй, и льстивъ, какъ змѣй же, соблазнившій праматерь Еву. Десятьнадцатъ вѣковъ тому назадъ, когда тиранія его дошла уже до послѣднихъ предѣловъ, возникла благодатная противъ него сила — христіанство, Оно свергло его съ престола, но не свело на эшафотъ. Царь

остался живъ, и снова исподволь вступилъ въ борьбу за свое могущество—и снова захватилъ всю силу свою. Онъ гордъ и надменъ и гнусно-пресмыкающъ въ одно и то же время. Онъ подлъ и мерзокъ, какъ сама мерзость зауствннн. Его царственныя прерогативы — порокъ, преступленіе и рабство — рабство самое мелкое, но чуть ли не самое подлое и ужасное изъ всѣхъ рабствъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ. Это—слизкость жабы, ненасытная прожорливость гнѣнны и акулы, смрадъ вонючаго трупа, который смердитъ еще отвратительнѣе оттого, что часто бываетъ обильно спрыснуть благоухающею амброю. Его дѣти—Болѣзнь и Нечестіе. Иуда тоже былъ его порожденіемъ, и самъ онъ сынъ ужасной матери. Отецъ его — Дьяволъ, мать — Нищета. Има ему — *Развратъ*.

VII.

Павихида по прежнему имени.

Сашенька-матушка живо обварганила дѣло Маша, такъ что утро послѣ-слѣдующаго дня застало дѣвушку уже въ новомъ положеніи, въ маленькой комнаткѣ, объ одномъ окнѣ подъ красною шторой. Комнатка отдѣлялась тонкою перегородкою отъ другой, подобной же, и достаточно будетъ описать одну изъ нихъ, чтобы вполне познакомиться со всѣми.

Вдоль стѣны прислонилась широкая кровать, которая заняла собою болѣе половины этой тѣсноватой горенки. Противъ кровати, по другой сторонѣ — простой комодикъ, а на комодикѣ еще болѣе простой, нехитрой работы туалетъ съ небольшимъ зеркаломъ; и если прибавить къ этому два плетенные стула, то мебелировка комнаты будетъ вполне уже описана, такъ что мы можемъ смѣло перейти къ изображенію эстетической части ея убранства.

Тутъ встрѣчаютъ насъ какіе-нибудь сѣренъкіе, дешевые обои, съ дешевенькими литографіями по стѣнамъ. Эти литографіи стоятъ того, чтобы нѣсколько остановить на нихъ вниманіе, такъ-какъ онѣ составляютъ общую и характерную принадлежность каждой

почти подобной комнатки въ Петербургѣ. Литографіи непремѣнно раскрашены, и представляютъ два сорта сюжетовъ — игривые и сентиментальныя, съ сильнымъ однако преобладаніемъ послѣдняго элемента. Къ игривымъ сюжетамъ относятся, во первыхъ, изображенія какихъ-нибудь безцеремонно-обнаженныхъ женщинъ, съ подписью: «Купанье. Das Frauenbad»; вторыхъ, изображенія парижскихъ красавицъ, въ будуарной обстановкѣ, съ извѣстной всѣмъ стереотипной подписью: «Les Lionnes de Paris».

Вторая категория картинокъ, отличающихся сентиментальнымъ, и даже идиллически-сентиментальнымъ характеромъ, постоянно изображаетъ какой-нибудь нѣжный поцалуй напудренного, и по баравнѣ улыбающагося кавалера съ напудренной, розовой, и тоже улыбающеюся по овечьи дамой, поцалуй непремѣнно подъ сѣвнью древестъ, межъ розовыхъ кустовъ; или же видите вы ослино-грустнаго кавалера съ грустной дамой, пожимающихъ другъ другу руки и о чемъ-то очень тоскующихъ. Въ первомъ случаѣ подпись гласитъ: «Весеннее утро, Frühlingsmorgen»; во второмъ: «Осенній вечеръ, Herbstabend». Засимъ, какъ бы ни варьировались всѣ картинки и изображенія, украшающія стѣнки подобныхъ каморокъ, они въ общемъ характерѣ своемъ непремѣнно будутъ подходить къ двумъ означеннымъ категоріямъ.

Послѣ украшеній настѣночныхъ слѣдуютъ украшения туалетныя: скромная баночка помады съ надписью: «Lubin à Paris», и еще болѣе скромный флакончикъ дешевыхъ духовъ, картинка, отлѣпленная съ конфетной бумажки, да засиженная мухами старая божбоньерка, каленкоровый розанъ въ горшечкѣ, купленный подъ вербами, да какая-нибудь фотографическая карточка, заѣтнаго друга сердца. Этими другомъ сердца обыкновенно является либо стереотипная личность, сильно смахивающая на галантнаго кубетческаго молодца-приващика, либо какой-нибудь господчикъ въ армейской униформѣ съ эполетами. Еслибы вздумалось кому, въ разговорчивый часъ да подъ добрую руку, поразспросить любую изъ обладательницъ такихъ портретиковъ, какую, молъ, роль играла изображенная на нихъ личность въ ея жизни — тотъ непремѣнно услышалъ бы пошловато-сентиментальную исторію, съ очень обыденнымъ концомъ. И всѣ эти исторіи, которыя можно услышать цѣлыми тысячами (только пожелаи!), какъ два блязенеца, какъ двѣ бубновыя двойки, походятъ одна на другую, словно всѣ онѣ пригнаны по одной мѣркѣ, сколочены на одной и той же колодкѣ. Если въ пошловато-сентиментальной исторіи примѣ-

шивается элементъ романтическій, то въ бѣльшей части случаевъ, неизмѣннымъ героемъ является личность въ армейской униформѣ, и — сколько могъ замѣтить наблюдавшій авторъ — въ Петербургѣ эту роль разыгрываютъ казацкіе юнкера. Не знаю, на сколько оно справедливо, по крайней-мѣрѣ, обладательницы подобныхъ портретовъ почему-то указываютъ именно на этотъ родъ воинства. Романтическій элементъ пошловато-сентиментальной исторіи обыкновенно весьма немногосложенъ и заключается въ томъ, что прежде жила, моль, «при сваехъ родителейъ», а душка-офицеръ сманилъ «отъ родителейъ», увезъ въ Петербургъ и «оказался измѣнникомъ», то-есть бросилъ. Если же исторія романтическимъ элементомъ не отличается, то въ ней всегда фигурируетъ купецъ. — Купецъ и тѣтенька-продащица. Особы нѣмецкаго и еврейскаго происхожденія, по бѣльшей части, никакихъ подобныхъ приключеній не рассказываютъ, такъ что исторіи эти составляютъ почти исключительную, и ужъ во всякомъ случаѣ никакъ неотъемлемую принадлежность особъ происхожденія россійскаго; особы же еврейскія и нѣмецкія просто-на-просто объявляютъ, что ихъ привезла какаа-нибудь мадамъ-хозяйка aus Riga, или aus Reval.

Итакъ, Маша сдѣлалась обитательницей только-что описанной каморки.

Теперь она была уже сыта и казалась покойною. Непримири-мая злоба ея какъ-то утихомирилась и забила въ куда-то далеко, въ самый сокровенный уголокъ сердца, гдѣ и спряталась, но не заснула, а только сдѣлалась невидимой. Но тѣмъ-то еще сильнѣе стала теперь она сосать, и разрушительно подтачивать грудь молодой дѣвушки.

Проснулась Маша рано, когда еще никто не проснулся въ этомъ домѣ.

Быль часъ девятый утра.

Она старалась не думать о своемъ положеніи, да ей и не хотѣлось думать. Со вчерашняго дня она считала свой жизненный путь уже пройденнымъ, карьеру конченной, и какъ-бы справила сама по себѣ панихиду. Исходъ изъ этого положенія ей уже не былъ видѣнъ. Да и на что тутъ исходъ, если душой ея овладѣло полное равнодушіе и къ себѣ, и къ жизни — равнодушіе, впрочемъ, смѣшанное въ самой затаенной глубинѣ своей съ безо-

падною озлобленностью на весь міръ божій. Она боролась до послѣдней возможности, боролась спльно и много, и когда увидѣла, что борьба окончательно невозможна — ей уже ничего больше не осталось, какъ только сознать себя побѣжденной и покориться своей участи.

Въ десятомъ часу утра, зашевелились людскія существа по разнымъ угламъ этого дома. Послышались рѣзкіе, кривливые и заспанно-осипшіе голоса. Въ одномъ концѣ раздавался глухой кашель, въ другомъ — напѣвъ «фолишоновъ». Веселый домъ проснулся.

Вскорѣ мимо мѣшиной двери протопали торопливо-тяжелые шаги кухарки, сопровождавшіеся дребезжаніемъ блюдецекъ и чашекъ, а минутъ десять спустя, Машу влинули въ залу пить кофе.

Тамъ, на первомъ мѣстѣ, возсѣдала толстая хозяйка, которую всѣ обитательницы веселаго дома звали не иначе, какъ «тѣтенькой» или «мадамой», а напротивъ ея, съ другого конца, помѣщалась не менѣе толстая ключница-экономка, и эту послѣднюю, съ меньшимъ почтеніемъ, именовали Каролиной Ивановной.

Маша застала уже въ сборѣ почти всѣхъ обитательницъ веселаго дома. Это были женщины, только-что съ постели, встрепаанныя, нечесанныя, съ пухомъ въ волосахъ, съ припухло-заспанными глазами, нина съ отежшими лицами, желтыя, блѣдныя отъ истощенія, съ полустершимися пятнами вчерашнихъ бѣлилъ и румянъ, нина въ юбкахъ и кофтахъ, нина безъ кофтъ, и нн одной почти въ платьѣ. Крѣпкій запахъ цикорнаго кофею мѣшался съ дымомъ папирсоу и сигарныхъ окурковъ. Тѣ же самыя звуки «фолишона», рѣзкихъ голосовъ и какой-то перебранки, которые слышала Маша изъ своей комнаты, раздавались теперь по залѣ въ той же силѣ и въ томъ же самомъ направленіи.

Маша оглядѣла комнату, оклеенную ярко-красными обоями крупнаго рисунка, изъ тѣхъ, какія спеціально приготовляются для трактирныхъ заведеній. Въ простѣвкахъ висѣли зеркала, а на окнахъ тяжелые подзоры съ кисейными занавѣсками, и зеленыя валенковыя шторы, ярко расписанныя букетами цвѣтовъ и изображеніями какихъ-то пейзажей. Съ потолка спускалась ламповая люстра. Вдоль стѣнъ расположились кожаные пѣмятые диваны и такіе же стулья, а въ одномъ концѣ протянулся длинный роаль. Складной обѣденный столъ вносился сюда только по утрамъ для кофею, да въ три часа для общаго большаго кормленія, послѣ чего, опять складывался въ темный чуланчикъ.

Вся эта обстановка произвела на Машу какое-то безразличное впечатлѣніе, котораго она не замѣчала въ себѣ даже и въ Маллинниѣ, даже и въ ночлежной Вяземскаго дома, быть можетъ оттого, что обстановка тѣхъ мѣстъ являлась для нея чѣмъ-то выходящимъ вонъ изъ ряду, чѣмъ-то ужасающимъ, и потому поразительнымъ, а здѣсь, напротивъ того, все было такъ обыденно, такъ пошло, что, по всей справедливости, только и могло вызвать одно лишь это чувство безразличности.

— Ничего! свинется, слюбится, горько улыбнулась про себя дѣвушка, какъ вдругъ, въ ту самую минуту къ ней обратилась толстая хозяйка.

— Какъ тебя зовутъ? Марьей, кажется? вопросительно прищурилась она на новую свою пансіонерку.

Та утвердительно кивнула ей головою.

— Хм... Надо будетъ переимѣнить имя.

— Зачѣмъ? для чего? удивилась Маша.

— Такъ, ужъ обыкновеніе такое. Это вездѣ такъ. Марья — нехорошее имя, мужицкое.

— Да у насъ ужъ и есть одна Маша, подхватила экономка: — двумъ не резонно быть въ одномъ домѣ. Мы и то ужъ не Машей, а Мери ее называемъ. Все какъ-то лучше выходить.

— Какое же мнѣ имя, я, право, не знаю! пожала плечами дѣвушка.

— Надо выбрать, какое ни на есть изъ иностранныхъ, предложила хозяйка: — вотъ, наприимѣръ, Кунигунда очень хорошее имя. — Я и сама когда-то Кунигундой была... Розалія, тоже недурное... Маргарита... а ужъ лучше всѣхъ Мальвина, или Викторія. Которое хочешь? спросила она Машу.

— Какое назначите, мнѣ все равно, спать пожала та плечами.

— Да ты пофранцузски умѣешь? вмѣшалась экономка: — *parle tu français?* спросила она съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Учяли когда-то... говорить могу, пожалуй...

— Ну, такъ надо будетъ ее за францужинку выдавать, поссвѣтовалась Каролина съ мадамой.

— *Das ist wahr; so hab'ich mir's auch gedacht*, согласилась мадамъ. — Такъ вотъ и прекрасно, снова обратилась она къ Машѣ: — ты будешь называться Мальвиной. При гостяхъ старайся все больше пофранцузски... Нравится тебѣ это имя?

— Пожалуй, равнодушно отвѣчала дѣвушка, и съ горечью подумала: «Вотъ, и отъ самой себя пришлось отрѣчься... Даже и

нма-то старое похоронить... Ну, прощай, Маша, вѣчная тебѣ память!»

VIII.

ВЕСЕЛЫЙ ДОМЪ.

Да не смущается читатель въ своемъ чувствѣ благоприсойности оттого, что авторъ ведетъ его теперь въ домъ отверженныхъ и падшихъ, который на официальномъ языкѣ называется домомъ терпимости.

Не ради одного лишь удовольствія—показывать безцѣльно-циническія картины, водилъ я тебя, мой читатель, по разнымъ вертепамъ человѣческой нищеты и порока. Удовольствія въ этомъ, полагаю, нѣтъ ни мало; и не особенно пріятна обязанность писателя, взявшаго на себя роль путеводителя по всѣмъ этимъ трущобамъ. Быть можетъ, я и не взялся бы за нее, еслибы не побуждала въ тому нѣкоторая надежда на долю возможной пользы, которую, по настоящему, должно бы принести обществу болѣе близкое знакомство съ его собственными сокрытыми язвами и злокачественными наростами. Иначе, это было бы никуда не ведущее, безцѣльное искусство для искусства.

Но, взявшись однажды за дѣло, хотѣлось бы показать его такъ, какъ самъ во очію видѣлъ и понялъ, и показать въ наготѣ, наиболѣе возможной.

Нужды нѣтъ, что изображеніе это цинично. Да и странно было бы, еслибъ кто либо вздумалъ претендовать на приличное изящество такого изображенія. Надо помнить одно, что это — гангрена нашего общества; а впдъ гангренозной язвы не можетъ быть привлекателенъ и эстетиченъ. Но кто жъ не согласится, что если зараженъ какой либо членъ организма и если нужно лечить его, ради пользы общаго здоровья, то прежде чѣмъ помогать и лечить, необходимо распознать родъ болѣзни, ознакомиться съ самымъ видомъ и характеромъ ея? Мы не беремся врачевать: это уже внѣ нашихъ силъ, и средствъ, и возможности. Обстоятельства дали намъ только возможность узнать нѣкоторыя изъ язвъ общественнаго организма и — единственно лишь въ силу высказанныхъ побужденій, рѣшили мы раскрыть и показать ихъ тѣмъ, которые не видѣли и не вѣдали, или напомнить о нихъ тѣмъ, которые хотя и видѣли, и вѣдали, но равнодушно

шли себѣ мимо. Это — почти главная цѣль нашего романа. Иначе незачѣмъ было бы и писать его.

Въ длинномъ рядѣ эпизодовъ нашего повѣствованія проходило передъ глазами читателя много лицъ изъ извѣстнаго легіона «отверженныхъ» и «несчастливыхъ». Тутъ былъ и воръ, и мошенникъ, и преступникъ, заключенный въ тюрьмѣ, и труженникъ-работникъ, и пролетарій нищій — словомъ, длинная галерея «го-лодныхъ и холодныхъ».

Теперь я веду тебя, мой читатель, въ вертепъ «падшихъ».

Вглядись поближе, попристальнѣй въ этихъ женщинъ; ознакомься, на сколько возможно, съ условіями ихъ существованія, съ ихъ социальнымъ положеніемъ въ ряду всѣхъ остальныхъ слоевъ общества. — Тогда узнаешь ты, гдѣ именно коренится у насъ самое ужасное, безпощадное и растлѣвающее рабство, доводящее женщину до полного уничтоженія личности во всѣхъ ея человѣческихъ правахъ и проявленіяхъ, до полного оскотинѣнія, которое уже граничитъ почти съ идиотствомъ. Это рабство хотя и не освящено закономъ, но существуетъ *изъ-подъ него*, въ темнотѣ, отданное частному произволу, въ руки грязныхъ эксплуататоровъ живаго человѣческаго мяса.

Въ отношеніи падшей женщины самый законъ становится въ какое-то двусмысленное положеніе: официально онъ не утверждаетъ разврата, но допускаетъ, *терпитъ* его, въ смыслѣ неизбежнаго зла, уступая существенно необходимымъ требованіямъ огромныхъ массъ населенія. Утвердить его законъ не можетъ, во имя охраняемаго имъ принципа общественной нравственности. Искоренить его точно также не можетъ, ибо патентованный развратъ, какъ мы сказали, есть необходимое зло большихъ центровъ человѣческой жизни и дѣятельности — зло самой цивилизаціи, въ ея современномъ положеніи. Плоха и некрѣпка *семья* — и потому развратъ великъ и силенъ. Когда-нибудь, со временемъ, оно измѣнится. Это ненормальность, это болѣзнь, и потому это *должно* измѣниться, а пока законъ все-таки стоитъ въ какомъ-то обоюдостромъ и двусмысленномъ положеніи относительно падшихъ, не давая разврату своей санкціи, чего, повторяемъ, онъ и не можетъ дать, но допуская и исподволь, пзъ-подъ руки регулируя его. Регуляція, случается, часто не достигаетъ цѣли, остается безсильной, не прошибая темнаго произвола эксплуататоровъ, творящагося въ велейной темнотѣ гнусныхъ притоновъ; и отъ этого въ жизни падшей женщины, въ ея

ничѣмъ необезпеченномъ, негарантированномъ существованіи, происходитъ нестерпимый разладъ и тысячи неурядиць, результатомъ которыхъ является животненное рабство, какъ нравственное, такъ и физическое, во всѣхъ почти условіяхъ ея соціального положенія. Еще и еще разъ повторяемъ: это *должно* кончиться, во имя правъ личности, во имя души и свободы, во имя чело-вѣка, созданнаго по образу и подобию божьему.

— У тебя только и есть эти два платишка? отнеслась хозяйка къ Машѣ, приказавъ показать ей весь ея наличный гардеробъ.

— Только и есть, подтвердила дѣвушка.

— Ну, этого нельзя! Мои барышни чисто ходятъ и противъ другихъ такіа щеголихи, что нигдѣ не стыдно. Надо и тебѣ сдѣлать таковой же гардеробъ.

— Нѣнзчто пока, усмѣхнулась Маша.

— Не твоя забота: сама сдѣлаю все, что надо.

И черезъ два дня послѣ этого, она вручила Машѣ дорогое шелковое и еще болѣе дорогое бархатное платье, бархатный бурнусъ и золотыя сережки.

До появленія всѣхъ этихъ предметовъ, и сама «мадамъ», и звономка обращались съ нею очень кротко и дружелюбно: онѣ словно гладили ее по головеѣ, и ласково исподволь заманивали въ свои загребистые когти. Та довѣрчиво поддавалась. Но манера и тонъ обращенія измѣнились тотчасъ же, какъ только хозяйкѣ удалось получить отъ нея формальную росписку въ четырехъ сотняхъ рубляхъ, потраченныхъ на покупку нарядовъ. Въ документъ этотъ былъ, вромѣ того, вписанъ и прежній машинъ долгъ Александрѣ Пахомовнѣ. Это—обыкновенная система всѣхъ подобныхъ мадамъ и тетенокъ, чтобы сразу закабалить къ себѣ въ полное крѣпостничество каждую новую и еще неопытную пансіонерку. Онѣ почти всегда поставляютъ условіемъ *sine qua non* приобрѣтеніе разнаго тряпья—«чтобы въ людяхъ не стыдно было»—непремѣнно навязываются дѣлать его на свой счетъ, и потомъ за каждую вещь выставляютъ тройныя цѣны. Если дѣвушка не хочетъ подписать росписку, акулы-тетеньки стараются выманить у нея согласіе на подпись лаской и разными масляными обѣщаніями, убѣждая, что и всѣ, молъ, такъ дѣлаютъ, что ей не

стать быть хуже другихъ, и что самый долгъ ровно ничего не значить, потому что отдавать его придется исподволь, по маленькимъ частямъ, хоть въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Дѣвушка соглашается—и тогда уже она въ канканѣ. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда эта метода не удаётся, ее принуждаютъ къ подписи насиліемъ. Жаловаться, хотя бы и было кому—въ большой части случаевъ оазывается совершенно бесполезнымъ, ибо у тѣтеньки съ разными подходящими господами давнымъ-давно заведены, что называется, свои печки-лавочки, на основаніи шибко дѣйствующей пословицы «рука руку моетъ». Авторитетъ тѣтеньки въ глазахъ этихъ господъ неизмѣримо выше и важнѣе авторитета племянницы. Тѣтенька можетъ обвинить ее прямо въ неповиновеніи, въ дерзости, въ своеволіи—и вслѣдствіе такого голословнаго обвиненія, часто подтверждаемаго холопкой-ключницей, и нѣкоторыми изъ такихъ же холопокъ-племянницъ, которыя находятъ выгоднымъ подслуживаться тѣтенькѣ—обвиненная, безъ дальнихъ разсужденій, попадаетъ прямо-таки въ рабочій домъ, а въ прежнее, хотя и очень недавнее еще время, въ придачу къ рабочему дому, шли, бывало, и розги.

Только съ 1861 года положеніе подобныхъ женщинъ сдѣлалось чутьчку сноснѣе. Но сносность эта отчасти гарантирована имъ только въ принципѣ; de facto же царствуетъ, попрежнему, все тотъ же произволь тѣтеньекъ.

Съ первыхъ часовъ пребыванія въ веселомъ домѣ, Маша стала приглядываться къ окружающей ее жизни, и въ особенности къ тѣмъ несчастнымъ, съ которыми отъ этихъ поръ приходилось ей дѣлать одинаковую участь.

Между послѣдними довольно ярко выдавались двѣ категоріи.

Къ первой принадлежали существа, уже нѣсколько лѣтъ вступившія на эту дорогу, и потому утратившія все, что мы привыкли разумѣть подъ понятіемъ *женщина*. Это—самки какой-то идиотической породы животныхъ, самки забытыя, заплѣванныя, и—даже не развратныя. Ихъ нельзя назвать развратными, потому что тотъ характеръ, которымъ проявляется въ нихъ этотъ элементъ, носить на себѣ нѣчто цинически-скотское, идиотски-безличное и апатически-гадкое. Это не развратъ, а ремесло, подчасъ даже само себя несознающее. Женщины названной категоріи—существа вполне безличныя, безхарактерныя, лишонныя всякой самостоятельности, всякой личной воли и всякаго пониманія ка-

кой-нибудь иной стороны жизни, кромѣ узкой своей професіи, да и ту-то онѣ не понимаютъ, ибо смотрятъ на себя (то-есть, опять-таки смотрятъ на столько, на сколько онѣ способны смотрѣть), какъ на вещи, отъ перваго дня своего рожденія предназначенныя самою природою къ отправленію извѣстнаго промысла. Онѣ не въ состояніи даже и представить себѣ, могло ли бы существовать для нихъ въ мірѣ какое-нибудь иное назначеніе, кромѣ жизни подъ покровительствомъ тѣтенки, иной законъ, кромѣ ея безграничнаго произвола, такъ что кажется сомнительнымъ даже, чувствуютъ ли онѣ какой-нибудь гнѣтъ этихъ тѣтенокъ, или же ровно ничего не чувствуютъ, кромѣ инстинктовъ сна, да аппетита. Мутная среда, въ которой онѣ вращаются, кажется имъ вполне естественной, нормальной и словно какъ-разъ для нихъ по мѣрѣ созданной.

Вотъ чтò выработываютъ изъ женщины нѣсколько лѣтъ жизни въ веселомъ домѣ.

Это абсолютное, скотское рабство — единственный логическій продуктъ тѣхъ социальныхъ условій, которыми окована жизнь падшей женщины въ когтяхъ акулы-тѣтенки. Тутъ уже не ищите ничего человѣческаго, и бросьте всякую химерическую надежду на возможность поворота къ иному пути, на возвратъ къ лучшему.

Но если женщины этой категоріи, возмущая въ васъ всѣ человѣческія струны сердца, возбуждаютъ одно только сожалѣніе къ себѣ, то вторая категорія необходимо вызываетъ и состраданіе, и сочувствіе.

Странное дѣло — однако же несомнѣннымъ фактомъ является то обстоятельство, что къ этой второй категоріи принадлежатъ исключительно дѣвушки происхожденія русскаго. Несмотря на весь цинизмъ своего бытія, на всю глубокую грязь своего паденія, онѣ еще не утратили въ душѣ своей нѣсколькихъ искорокъ чего-то человѣческаго, даже чего-то женственнаго. Эта человѣчность и женственность проявляется у нихъ именно въ способности *любить*. Хотя это чувство высказывается вполне своеобразно, но пока оно не угасло въ душѣ, надежда на возвратъ къ лучшему еще не потеряна. Онѣ, точно такъ же какъ и первыя, по большей части, — существа слабыя, безхарактерныя, но добрыя какою-то беззавѣтной, дѣтскою добротою. Въ натурѣ ихъ есть нѣчто собачье. Попробуй посторонній человѣкъ обидѣть такую женщину словомъ или дѣломъ, она сумѣетъ отгрызнуться или подниметъ такой гамъ и вой на весь домъ, что хоть святыхъ

выноси. — Тутъ будетъ волю и злости, и слезъ, и ругани. Но пусть самымъ оскорбительнымъ образомъ обидятъ ее тотъ, кого она любитъ и кого называетъ своимъ *душенькой*—она перенесетъ все, даже самыя жестокия побои, и перенесетъ съ безропотной покорностью привязчивой собаки. Для *душеньки* въ ея душѣ существуетъ одно только чувство, одно побужденіе, которое мы называемъ *всепрощеніемъ*. У каждой почти дѣвушки этой послѣдней категоріи необходимо есть свой собственный душевья. Къ самому роду своей жизни относится она почти всегда индифферентно, понимая его какъ ремесло, иногда очень тяжелое и печальное, которому отдавшись однажды, уже надо покоряться всегда, ибо оно даетъ возможность къ существованію, и стало быть—ничего тутъ больше не подѣлаешь. Эти женщины умѣютъ какъ-то отдѣлать въ себѣ внутреннюю, нравственную сторону своей женственности отъ внѣшняго рода жизни. Зачастую встрѣчаешь въ нихъ странную двойственность; въ одномъ и томъ же существѣ соединяются: женщина, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, и публичная развратница. Шесть дней въ недѣлю ведетъ она свой подневольно разгульный образъ жизни, питаясь нравственно и мечтая о тѣхъ пяти-шести часахъ дня седьмого, которые останутся въ ея полномъ распоряженіи, и которые она не замедлитъ отдать своему душевья. Каждая женщина пзвѣснаго промысла, на нѣсколько часовъ, пользуется правомъ безотчетной отлучки одинъ разъ въ недѣлю изъ дома своей содержательницы. Это составляетъ для нея истинный праздникъ, потому что тутъ ощущается хотя ничтожный, хотя обманчивый призракъ воли и самостоятельности. Посидѣть въ квартирѣ у душевья, напиться съ нимъ чаю, или проѣхать на пароходѣ, на какое-нибудь загородное гулянье средней руки — это истинное наслажденіе для такой дѣвушки. Она забираетъ съ собою всѣ скудныя деньжонки, которыя успѣла сколотить въ теченіе недѣли, чтобы отдать ихъ въ полное расположеніе друга своего сердца, а между тѣмъ въ роль такого друга зачастую попадаетъ большой руки негодяй, который обращаетъ беззавѣтное чувство дѣвушки въ предметъ постоянной эксплуатаціи. Иногда онъ систематически обираетъ у нея еженедѣльно всѣ ея скудныя гроши, и та отдаетъ ихъ безропотно, даже бываетъ рада, что могла сдѣлать пріятное своему душевья; а если случится иной разъ, что она не принесетъ почему нибудь денегъ — душевья, безъ дальнихъ церемоній, возьметъ да и прибьетъ ее, и вытуритъ отъ себя въ шею. Дѣвуш

ка огорчена, обижена; дѣвушка плачетъ; а черезъ нѣсколько дней, глядишь, проситъ грамогную подругу написать письмо «своему злодѣю», въ которомъ выпрашиваетъ у него прощенія, и въ слѣдующіе свободные часы опять-таки является къ нему, но только уже не иначе, какъ съ деньгами въ карманѣ. Чѣмъ объясните вы себѣ такое поведеніе, какъ не самую настоятельную потребностью любви, потребностью хорошаго человѣческаго чувства, которое само по себѣ составляетъ потребность хорошей женской натуры? И эта любовь, при всей странной своеобразности, есть любовь довольно-таки сильная, способная доходить до жертвы послѣднимъ кускомъ и послѣдней копейкой, до полнаго самоотверженія. Кто знаетъ этихъ жалкихъ, но хорошихъ женщинъ, тотъ знаетъ очень хорошо, что мы отнюдь не впадаемъ въ идеализацію, говоря о нихъ такимъ образомъ. Но среда мало-по-малу заѣдаетъ ихъ въ конецъ. Человѣческія стороны сердца годъ отъ году притупляются все больше и больше, и вотъ, глядишь, черезъ нѣсколько лѣтъ, дѣвушка, когда-то добрая и любящая, перерождается въ бессмысленное, забитое животное. Но можно сказать вполне утвердительно, что ни для той, ни для другой категоріи, развратъ самъ по себѣ никогда не является цѣлью; онъ только средство—для однѣхъ къ веселой, беззаботной жизни и къ полнѣйшему апатичному бездѣлю; для другихъ же—горькій кусокъ хлѣба, ибо часто продавая себя, дѣвушка поддерживаетъ существованіе цѣлой семьи, кормитъ какую-нибудь разбитую параличомъ старуху-мать или отца, или воспитываетъ малолѣтнихъ сестеръ да братьевъ. Но мало кто изъ постороннихъ людей знаетъ про это, такъ-какъ ни одна изъ нихъ не любитъ признаваться въ причинахъ, побудившихъ ее ступить на тяжелое поприще. Онѣ всѣ какъ будто стыдятся признанія въ гнусной бѣдности своего семейства, и если ужъ выставляютъ какую-нибудь причину паденія, то сворѣе рѣшаются наклепать на самихъ себя, говоря, что такъ имъ лучше живется, чѣмъ сказать горькую правду.

Маша молчала, не высказываясь никому про то, что творится внутри ея сердца, а между тѣмъ жизнь въ этой средѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе давила на нее своимъ гнетомъ. Ей сдѣлалась противна каждая минута ихъ общаго существованія. Каждое утро она съ какою-то тоскою, доходящею до тошноты, томилась ожиданіемъ этой противной, безобразной ночи, когда необходимо будетъ выставить себя на показъ. Но если

ночь казалась страшной, то день былъ просто противно-гадוךъ. Эти постоянно бродящія передъ глазами растрепанныя, невымытыя, полуодѣтыя фигуры, съ какою-то истасканною истомой и апатіей во всѣхъ своихъ движеніяхъ, съ бессмысленными глазами и съ такою же, вѣчно бессмысленною, вѣчно циническою наглою рѣчью; это собачье валянье ихъ по всѣмъ диванамъ и кроватямъ съ папироснымъ окуркомъ въ зубахъ, междоусобная брань да ругань, да счеты, подъ аккомпанементъ громкой протяжной зѣвоты и какой-нибудь пошлой пѣсенки—все это казалось ей столь противнымъ, что просто на свѣтъ глядѣть не хотѣлось. Непскhodная, тупая тоска и гнетущая скука, въ теченіе цѣлаго дня, неподвижно стояли, казалось, въ самомъ воздухѣ веселаго дома. Ни одного живаго движенія, ни одного живаго слова. Одна только пошлость безмѣрная, да истощеніе гнилой апатіи. Это не жизнь, а прозябаніе, въ которомъ нѣтъ ни *вчера*, ни *сегодня*, ни *завтра*, нѣтъ никакихъ интересовъ, никакихъ надеждъ и радостей, словомъ ничего—такъ-таки рѣшительно *ничего нѣтъ*, кромѣ названной уже апатіи да пошлости, съ давящею надъ ними безмѣрной пустотою. Безобразный, полусонный день и безобразная, бессонная ночь, среди циническихъ оргій. Существованіе этихъ женщинъ казалось Машѣ похожимъ на существованіе околѣвающихъ полусонныхъ мухъ, вяло ползающихъ осенью между стеклами двойной рамы. И эта скучная жизнь порою разнообразилась только какою-нибудь тираннической выходкой деспотки-тѣтенки, которая всегда находила себя въ правѣ приступать къ собственноручной расправѣ съ неугодавшей ей дѣвушкой, посредствомъ пощочкины, или ухвата. Тогда подымался въ домѣ визгъ и вой — и голосъ тѣтенки, словно вряканье цѣлаго утиного стада, всевластно пронеслся изъ конца въ конецъ по всѣмъ комнатамъ. Экономка состояла при ней главнымъ наушницей, и довольно было шепнуть ей какою-нибудь сплетню про какое-нибудь неосторожно сказанное рѣзкое слово на счетъ тѣтенки, чтобы тѣтенка пустила въ ходъ свои руки, безнаказанно колота этихъ несчастныхъ по щекамъ, и, въ видѣ особаго наказанія, выдерживая виновную по нѣсколько часовъ подъ замкомъ, въ темномъ, холодномъ чуланчикѣ. И такое поведеніе казалось всѣмъ на столько законнымъ и естественнымъ, и на столько всѣ къ нему успѣли уже привыкнуть, что тѣтенка рѣшительно ни съ чьей стороны не встрѣчала себѣ даже малѣйшаго про-

теста. Это было совершенно въ порядкѣ вещей, потому что «такъ вездѣ водится».

Одна только Маша, по непривычкѣ къ новости своего положенія, испытывъ однажды на себѣ тяжесть хозяйкиной руки, вздунала-было отвѣтить ей тѣмъ же и поплатилась жестоко за свой невоздержанный порывъ. Тётенка вмѣстѣ съ экономкою избила ее въ четыре руки, и когда дѣвушка хотѣла бѣжать отъ нихъ, то была удержана силой. Ей представили собственную ея росписку въ четырехъ-стахъ рубляхъ: «заплати—и хоть на всѣ четыре стороны!» Три четверти зарабатываемыхъ ею денегъ тётенка по праву брала себѣ; остальною четвертью Маша улачивала свой долгъ; но акула умѣла кажимъ-то ловкимъ манеромъ подводить итоги такъ, что та всегда оставалась ей должна не менѣ первоначальной суммы. И Маша наконецъ поняла, что эта злосчастная росписка есть несокрушимый узаконенный актъ ея вѣчнаго рабства, кабала на ея личность. Она поняла, наконецъ, что отсюда уже не вырвешься, что исхода нѣтъ никакого — и... на всѣхъ и все махнула рукою.

У нея еще раньше этого времени начала побаливать грудь; но дѣвушка не обращала на это никакого вниманія, пока наконецъ, послѣ одной бессонной ночи, откашлянувшись въ платокъ, замѣтила на немъ алые слѣды свѣжей крови.

— А!... чехотка! Наконецъ-то!... Слава тебѣ, Господи! съ радостью перекрестилась она. Это была ея первая и самая искренная радость въ веселомъ домѣ.

Она рѣшилась скрывать и молчать о своей болѣзни.

IX.

Промежь четырехъ главъ.

Въ тотъ вечеръ, когда толстая хозяйка въ первый разъ самолично вывела разодѣтую и декольтированную Машу въ освѣщенную залу, гдѣ уже бывали изъ угла въ уголъ столь же декольтированныя и разодѣтыя обитательницы веселаго дома, дѣвушка неожиданно смутилась и страшно сконфузилась.

Глаза ея нечаянно встрѣтились вдругъ съ другими глазами, тихими, честными, которые грустно и кротко смотрѣли на нее изъ за ролянаго пюпитра...

И вдругъ въ этихъ старческихъ глазахъ сверкнуло изумленіе, какъ словно бы они признали въ только что введенной дѣвушкѣ нѣчто знакомое.

Это были глаза Германа Типпнера.

— Ah!... Armes Kind! Und du auch, hier!... Noch ein neuer Tod! съ крушащею болью въ сердцѣ прошепталъ старикъ, не сводя изумленныхъ глазъ со смущенно-поникшей машиной головы.

Они оба тотчасъ же узнали другъ друга.

Машѣ было стыдно передъ старикомъ—старикъ неловко передъ Машей.

Она чутко domeвнулась, что это грустно изумленное выраженіе во взглядѣ тапѣра относится именно къ ней; а тотъ, въ свою очередь, точно такъ же понялъ, что конфузливое смущеніе дѣвушки отчасти вызвано неожиданною встрѣчею съ его глазами. Поэтому оба они въ теченіе цѣлаго вечера старались какъ-то незамѣчать другъ друга.

И тотчасъ же мягкую душу Типпнера начали разбирать разныя смущающія сомнѣнія—какъ-бы, молъ, черезъ болтовню этой Маши, не дошелъ отъ кого-нибудь до его дочерей слухъ о томъ, что онъ, Типпнеръ, зарабатываетъ имъ кусокъ хлѣба ремесломъ тапѣра въ веселомъ домѣ. Онъ это такъ тщательно скрывалъ, такъ сердечно хотѣлось ему, чтобы дочери никогда не узнали о самомъ поприщѣ его ремесла. Потомъ стали смущать и еще болѣе горькія думы, когда вспомнилось, что эта самая Маша жила въ спицыномъ углу такую скромною, честною дѣвушкой. Онъ зналъ, какъ упорно и настойчиво искала она себѣ работы, какъ цѣлыя ночи проводила надъ шитьемъ заказаннаго бѣлья, какъ не далѣе нѣсколькихъ сутокъ до этого вечера отказалась отъ выгоднаго предложенія Сашеньки-матушки (Домна Родіоновна обо всемъ болтала въ слухъ въ своей квартирѣ, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ), и гдѣ же вдругъ очутилась эта самая Маша!...—И промелькнули въ головѣ старика два яркіе образа его собственныхъ дочерей, промелькнули разодранные и декольтированные точно такъ же, какъ и эта Маша, и въ этой самой освѣщенной залѣ — и онъ, какъ дикая лошадь, тряхнулъ своею сѣдокудрою гривой, словно хотѣлъ отогнать эту черную непрошенную мысль, которая желѣзнымъ холодкомъ стиснула его сердце.

— Это все сосѣдка!... Alles diese Prjachinal das ist Alles ihr

Werk, безошибочно угадалъ старикъ, невольно какъ-то ощущая въ душѣ омерзѣніе и презрительную ненависть къ этой женщинѣ.

И съ тѣхъ поръ каждый вечеръ и каждую ночь встрѣчался онъ съ Машей въ этой залѣ; но ни тотъ, ни другая не рѣшались подойти другъ къ другу и перекинуться словомъ. Обѣимъ казалось оно почему-то неловкимъ, хотя Маша и понимала какимъ-то инстинктомъ, что если это и можетъ во всемъ веселомъ домѣ отнестись къ ней на сколько нибудь сочувственно, то развѣ одинъ только тапѣръ Германъ Типпнеръ. Оно такъ и было въ сущности, а между тѣмъ оба продолжали чуждаться другъ друга, какъ будто два совершенно посторонніе, незнакомые человѣка.

X.

Лисьи рѣчи да волчьи зубы.

Спустя два-три мѣсяца, стали замѣчать обитатели веселаго дома, что старому тапѣру день ото дня становится не по себѣ, что врѣхитъ старикъ и силится перемочь какой-то недугъ, донимающій его дряхлое тѣло. И какъ-то странно, въ самомъ дѣлѣ, было видѣть эту высокую худощавую фигуру, съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ, среди залы веселаго дома, за рояльнымъ попнитромъ. Теперь уже въ минуты антрактовъ старикъ не откидывался на спинку стула и не глядѣлъ, сложивъ на груди руки, своимъ добрымъ и грустно-тихимъ взоромъ на мелькающія передъ его глазами пары. Теперь онъ какъ-то ёжился и корчился отъ лихорадочной дрожи, которую старался по возможности скрыть передъ посторонними глазами, и въ изнеможеніи опускалъ на грудь свою голову съ бессильно закрытыми вѣками. На этомъ лицѣ была написана болѣзнь и внутреннее страданіе. Когда подходили къ нему съ изъявленіемъ желанія польки или кадрили, старикъ, очнувшись отъ забытья, болѣзненно вздрагивалъ — и худощаво-длинными, дрожащими и холодными пальцами начиналъ разыгрывать веселый танецъ.

А подъ утро придетъ, бывало, Типпнеръ домой, и боясь скрипнуть дверью, чтобы не разбудить дочерей, на ципочкахъ прокрадывается въ свою комнату. Тихо раздѣнется-себѣ и ляжетъ, и лихорадочно дрогнетъ подъ тощенькой байкой, задерживая невольно вырывавшіеся стоны, лишь бы не потревожить сна дѣвушекъ и, главное, лишь бы не догадались онѣ о его болѣзни.

Но недугъ отца не скрылся отъ провинцательныхъ взглядовъ дочерей. Луиза ясно видѣла, что съ нямъ въ послѣднее время творится что-то нехорошее, и наконецъ убѣдила его своими неотступными просьбами сходить вмѣстѣ съ нею къ доктору за совѣтомъ. Докторъ спросилъ о родѣ его жизни. Луиза не скрыла, что онъ очень мало имѣетъ сна и покоя, уходя каждую ночь играть на фортепiano, причежъ старикъ поспѣвшиль добавить: «то-есть на балы и на вечеринки къ чиновникамъ». Сынъ Эскулапа нашель, что болѣзнь его является именно слѣдствиемъ такого рода жизни, и назначивъ какое-то лекарство, предписалъ, главнѣйшимъ образомъ, покой и правильную жизнь, совѣтуя хоть на время оставить игру по вечеринкамъ.

— Ну, это онъ вретъ! съ неудовольствіемъ пробурчалъ старикъ, выйдя съ дочерью изъ докторской квартиры:—преувеличиваетъ все! Es ist noch nicht so schlimm. Просто простудился немножко... Это пройдетъ, а бессонныя ночи мнѣ въ привычку!— Nicht das ist die Ursache!

И въ тотъ же самый вечеръ, несмотря на слезную просьбу дочерей, онъ снова ушелъ въ веселый домъ, потому что иначе—на завтрашній день пришлось бы сидѣть безъ дровъ и безъ обѣда.

Германъ Типпнеръ въ глубинѣ души своей вполне соглашался съ докторомъ, но видѣлъ всю трагически-роковую невозможность исполнить данное ему предписаніе, ибо въ его промышлѣ на первый планъ выступалъ все тотъ же прѣклятый вопросъ хлѣба для трехъ голодныхъ желудковъ.

Въ этотъ вечеръ Луиза, тщательно укутавъ шею старика гаруснымъ шарфомъ, съ горькими слезами на глазахъ проводила его до двери.

Сашенька-матушка, сидѣвшая въ это время у Домны Родионовны, замѣтила слезы дѣвушки.

— Мамзель Луиза, о чемъ вы это? участливо загорѣдила она ей дорогу, ставши въ дверяхъ, когда та возвращалась изъ кухни въ свою комнату.

— Ахъ, ужъ и не спрашивайте! утирая глаза, кручинно проговорила дѣвушка:—опять ушелъ вотъ!... Докторъ запретилъ... совсѣмъ боленъ вѣдь... Ни слезы, ни просьбы не удержали!...

Пряхина, съ сожалѣніемъ поцмовавъ языкомъ, сочувственно покачала головою:

— Да скажите вы мнѣ на милость, куда же это онъ все хо-

дѣть-то? спросила она: — вѣдь кажинный вечеръ въакурать не бываетъ дома.

— Играетъ; деньги зарабатываетъ. Да, Господи! я бы... я не знаю, на что бы просто рѣшилась, лишь бы только избавить его отъ этого! съ сильнымъ душевнымъ порывомъ прорыдала Луиза. — Вѣдь у меня все сердце за него выболѣло!... Вѣдь онъ никакихъ резоновъ слышать не хочетъ!

— Ну, полно, милая вы моя, не плачьте! нѣжно дотронулась до ея плеча Пахомовна:—слезами горю не поможешь; а надо бы, въ самъ-дѣлѣ, взяться за умъ вамъ, да подумать хорошенько, нельзя ли старика облегчене какое сдѣлать? Вѣдь и въ самъ-дѣлѣ, дряхлый онъ человекъ, и безъ того не сегодня—завтра, гляди, помретъ, а эдакая жисть ничего-что окромя одной болѣзни не прибавить. Вамъ бы, голубушка, какъ есть вы хорошая дочка, понѣжить да похолить бы его старость, а то что, и въ самъ-дѣлѣ!—мается, мается бѣднякъ, словно батракъ какой. Вѣдь онъ родитель очень до васъ нѣжный, и человекъ-то, взаправду, хорошій. Пожалѣть-то его дочерямъ бы и Богъ велѣлъ.

Эти рѣчи тысячью острыхъ булавокъ кололи сердце молодой дѣвушки. Она чувствовала правдивый укоръ въ словахъ Пахомовны, которая только, казалось, будто брешетъ-себѣ словно невзначай, по простотѣ да по добротѣ сердечной, съ дуру.

Дѣвушка сѣла на стулъ и продолжала тихо плакать.

— Послушайте, опять-таки дотронулась до ея плеча Сашенька-матушка: — нечего плакать-то задаромъ! Пойдемте-ка лучше ко мнѣ, я васъ чайкомъ попою, да потолкуемъ-ка.—Авось вдвоемъ что-нибудь и придумаемъ! Право такъ! Ужъ положитесь на меня—я человекъ хорошій, и одну только жалость къ вамъ чувствую. Я вѣдь все понимаю, каково оно вамъ легко. Я хоть и посторонній человекъ, а у меня, знаете ли, вчужѣ сердце болить, такъ вамъ-то оно и подавно.

Удрученная своею печалью, дѣвушка поддалась на эту лисью доброту и сочувствіе, и пошла пить чай къ Пахомовнѣ.

Долго говорила Сашенька-матушка на эту самую тѣму, и чѣмъ дольше лиса потокъ ея сочувственныхъ рѣчей, тѣмъ больше терзали эти рѣчи сердце Луизы.

— Боже мой, да что же дѣлать тутъ! воскликнула она наконецъ, кручинно заламавъ свои пальцы:—еслибы я только могла помочь, спасти его!... Я вотъ переписываю и ноты и рукописи,

да все это такъ ничтожно.—Много ли заработаешь на этомъ! — а тутъ ѣсть вѣдь нечего! Еслибы кто-нибудь помогъ мнѣ найти такую работу, которая дала бы хоть тридцать рублей въ мѣсяцъ— о, Господи! да я была бы самая счастливая на свѣтѣ! Милая, голубушка, Александра Пахомовна! стремительно бросилась она къ Сашенькѣ-матушкѣ:—присвѣтуйте, помогите мнѣ—вы такая добрая!

— Ахъ, мамзель Луиза, объ этомъ дѣлѣ толковать—такъ ужъ надо толковать прямо! Чтò тутъ подпусту отводить глаза себѣ въ сторону! Какъ ужъ ты тамъ отводи—не отводи, а дѣло дрань выходитъ. Ты больше отводишь, а оно себѣ все хуже да хуже. Такъ ли я говорю?

Та со вздохомъ печально покачала головою, чувствуя горькую истину послѣдняго замѣчанія.

— Шутка ли сказать, найти работу на тридцать рублей! продолжала межъ тѣмъ Пахомовна.—Такихъ работъ у насъ здѣсь, почестъ и неводится. Знаю вѣдь ужъ я свѣтъ-то этотъ анаѰемскій, знаю отлично: — слава тѣ Господи, поблывалась вдосталь по міру — всего-то наглядѣлась да наглоталась въ волю! Такъ ужъ въ этомъ вы мнѣ, голубушка, повѣрьте; морочить васъ задаромъ не стану, а какъ собственно любя васъ да жалѣючи, такъ и говорю вамъ по правдѣ по истинной. Бывала я и въ генеральскихъ и въ графскихъ даже домахъ, и доподлинно могу вамъ доложить—никогда вы такой подходящей работы не отыщете.— Да и какая работа! Шить станете — ну, при особливой удачѣ, пятнадцать-двадцать цѣлковыхъ, подлинно, нашьешь себѣ въ мѣсяцъ. Въ губернанки пойдти—такъ даже очинно благородныя дѣвицы, и генеральскія дочки даже по десяти да по пятнадцати рублей на мѣсяцъ ходятъ, а окромя этого, и работы нѣтъ никакой.

Развивая далѣе эту тѣму, и уснащая ее убѣдительно поучительными примѣрами, Сашенька-матушка систематически довела несчастную Луизу до сознанія полной безысходности своего положенія. Достичь этого было тѣмъ болѣе легко, что дѣвушка и безъ того уже находилась въ экзальтированно-горестномъ состояніи, которое помогло ей съ большею живостью и впечатлительностью принимать всѣ слова и доводы ея собесѣдницы.

— Ужъ сколькихъ-то я этихъ благородныхъ дѣвицъ знавала! вспоминая, качала головою Александра Пахомовна:—вотъ что въ губернанкахъ-то живутъ. У которой сестренки да братишки си-

дять на шеѣ, у которой отецъ пьянчужка несообразный, у которой семейство благородное въ нищетѣ содержится. Бьется, бьется она, бѣдняга, какъ рыба объ ледъ, а все, глади, изъ-подъ бѣды выбиться не можетъ... Ну, побьется таково-то, да и махнеть рукою: «была — не была! пропадай, моля, моя молодость! Чтѣ, моля, тутъ соблюдать себя, коли жрать нечего!» — Да такъ-то вотъ и не одна черезъ эфто самое на содержаніе попадаетъ, а иная и совсѣмъ потаскушкой становится.

— Господи, да чтѣ жъ это такое! всплеснувъ руками, откинувшись на спинку дивана дѣвушка.

— А тѣ, моя милая, что нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ. Да и чтѣ жъ тутъ такое? Диви бы не соблюла она себя изъ-за роскошевъ какихъ, диви бы изъ-за того только, чтобы въ баркатахъ шататься — ну, тогда бы оно точно что и отъ Бога грѣхъ, и отъ людей стыдно. А коли ты изъ нужды пошла на экое дѣло, чтобы семейству своему помочь, такъ это, милая дѣвушка, скажу я тебѣ, даже доброе дѣло, потому и въ законѣ такъ сказано, что помогать неимущимъ одна суть добродѣтель. Въ этомъ дурнаго нѣтъ, это и Богъ проститъ да и люди не осудятъ. Да нечѣмъ тутъ и соблюдать себя, коли ужъ говорить по правдѣ! Ну, добро была бы ты богачиха да листократка какая, графская или княжеская что-ли тамъ дочка, тогда другой резонъ; а нашей сестрѣ помышлять объ эфтимъ — одна только лишняя обуза. Чѣмъ даромъ-то въ дѣвкахъ сидѣть да молодость свою губить занапрасно, такъ лучше же капиталъ какой ни-на-есть предоставить себѣ, да и семейству помощь оказать. А подвернѣтся хорошій человѣкъ, коли ежели полюбить, такъ и безъ того возьметъ. По настоящему-то, намъ, голякамъ, и думать объ эфтакихъ роскошахъ не къ рылу.

Резоны Сашеньки-матушки постепенно дѣлали свое дѣло. Исподволь, почти незамѣтно для самой себя, поддавалась имъ Луиза, ибо аргументъ насущнаго хлѣба есть самый убѣдительный изъ всѣхъ аргументовъ въ мѣрѣ. Въ два-три часа подобныхъ разговоровъ, Сашенькѣ-матушкѣ удалось наконецъ очень ловко поддѣть неопытную дѣвушку на особую удочку, у которой роль червячка играло чувство любви и самопожертвованія ради большого и дряхлаго отца, чтобы доставить ему надежное средство къ облегченію трудныхъ и болѣзненныхъ дней его старости.

«Мнѣ нечѣмъ больше помочь ему», думала Луиза: «у меня

ничего нѣтъ, кромѣ моей молодости. Онъ пойметъ меня, онъ проститъ меня—я вымолю себѣ прощенье!»

И... эвзальгированная дѣвушка сдалась; мало того: Сашенька-матушка подвела дѣло такъ, что она сама даже просила помочь ей въ этомъ дѣлѣ. Та, напередъ затруднительно помявшись, да поломавшись, что какъ, молю, а! да могу ли а! да вы, молю, пожалуй, пенять на меня станете, — изъяснила, наконецъ, великодушное согласіе къ содѣйствію въ дѣлѣ. Эта акула давно уже помышляла объ этой добычѣ, и только выслѣживала, съ какой стороны вѣрнѣе схватить ее зубами. А зубы ея ужъ не первый мѣсяцъ точились на молодую, красивую Луизу. Она предвидѣла, что тутъ можно сорвать порядочный кушакъ въ пользу собственнаго кармана, и потому выслѣживала, наблюдала ее исподволь, долго и незамѣтно, пока не убѣдилась, что поддѣтъ эту дѣвушку можно только на одну лишь извѣстную удочку. После этого Сашенька-матушка рѣшилась выжидать удобнаго подходящаго случая, чтобы Луиза влюнула ловко подставленнаго ей червячка—и случай, въ затаенной и великой радости Сашеньки, представился именно въ этотъ вечеръ.

ХІ.

ЖЕРТВА.

Въ веселыхъ домахъ петербургскихъ происходитъ иногда торжество совсѣмъ особаго рода. Бываетъ оно совершенно случайно, однажды въ нѣсколько лѣтъ, такъ-какъ случаи, подающіе къ нему поводъ, выдаются весьма рѣдко и почитаются вполне исключительными. Тѣмъ не менѣе, самое торжество сохраняется въ преданіяхъ веселыхъ домовъ и въ подходящихъ случаяхъ оно изъ преданій всецѣло переносится въ дѣйствительность. Словно о какомъ-то празднигѣ, мечтаютъ о такихъ торжествахъ акулы-тѣтушки и ихъ вѣрныя фактотумы Сашеньки-матушки. «Сюжетъ» подобнаго торжества составляетъ молодая, непорочная дѣвушка. Особы, подобныя Сашенькѣ-матушкѣ, хотя и не играютъ въ торжествѣ непосредственной, видной всѣмъ и каждому роли, тѣмъ не менѣе онѣ пользуются, наряду съ тѣтенками, значительной долей плодовъ его, ибо сквозь ихъ руки идетъ доставка самаго «сюжета» и главнаго матеріала, фигурирующаго на первомъ планѣ такого праздника.

Едва лишь удастся тѣтенкѣ захватить въ свои лапы дѣвушку, она приступаетъ къ самодѣльной фабрикаціи особа-

го рода билетиковъ. Занумерованные билетики имѣютъ назначеніе служить входною маркой на торжественный праздникъ. Недѣли за двѣ, а иногда и за три до вождельннаго дня, тѣтенька вмѣстѣ съ экономкой старается расписать возможно большее количество марокъ наиболѣе близкимъ знакомымъ изъ своихъ привычныхъ посѣтителей. Эти, въ свою очередь, совершенно добродотно помогаютъ ей, навязывая полученные билеты разнымъ своимъ пріятелямъ, а тѣ своимъ и т. д. Все это производится, конечно, негласнымъ и конфиденціальнымъ порядкомъ. Главнѣйшимъ же образомъ, тѣтенька всегда старается дѣйствовать самолично, ибо въ этомъ заключается ея прямой интересъ, такъ-какъ входныя марки раздаются не безвозмездно: для каждой изъ нихъ, по усмотрѣнію тѣтеньки, назначается особая цѣна, смотря по средствамъ получателя, отъ десяти до двадцати-пяти рублей серебромъ, причемъ тѣтенька, конечно, прилагаетъ всѣ свои старанія для того, чтобы выторговать себѣ возможно большую сумму. И ни одна изъ старожилокъ этой категоріи не zapomнить еще случая, чтобы оказался недостатокъ въ любителяхъ подобныхъ лотерей.

Молодую дѣвушку, которую предназначили играть на подобномъ торжествѣ роль жертвы, тщательно скрываютъ отъ всѣхъ постороннихъ глазъ, и зачастую не дозволяютъ даже никакого сообщенія съ будущими ея товарками. Совершенно изолированная отъ нихъ, она живетъ въ особой квартирѣ тѣтеньки, подъ личнымъ и неослабленнымъ ея присмотромъ. Во всѣхъ прихотяхъ ей стараются угодить самымъ предупредительнымъ образомъ, нашиваютъ разнаго наряднаго тряпья, дарятъ золотыя бездѣлушки и коробки конфетъ, отнюдь не давая раздуматься надъ своимъ положеніемъ, изъ боязни выпустить изъ рукъ столь драгоценную добычу. Въ эти приготовительные дни предупредительная, нѣжная ласковость тѣтеньки, въ отношеніи будущей дебутантки, несравнима ни съ чѣмъ. Три родныя матери, слитыя воедино, казалось, не могли бы быть лучше и любовнѣе. Дѣвушку постоянно держатъ въ какомъ-то чаду, и расцѣвываютъ всѣми способами, лишь бы не давать ей грустить и задумываться. Тысячи самыхъ разнообразныхъ, ловкихъ аргументовъ и убѣжденій пускаются въ ходъ для того, чтобы укрѣпить ее въ однажды уже принятомъ рѣшеніи, которое зачастую, со стороны дѣвушки, было не болѣе, какъ взбалмашнымъ сумасбродствомъ, горячкой минутнаго увлеченія, или минутной, необдуманной вѣ-

тревностью. Будущая веселая жизнь изображается ей въ самыхъ привлекательныхъ, ярко-золотистыхъ и розово-радужныхъ краскахъ, а лотерейные билеты межъ тѣмъ въ это самое время все больше и успѣшнѣе распускаются исподволь по рукамъ любителей.

Но вотъ, билеты сполна ужъ распроданы, день назначенъ, и тѣтеньгѣ остается только обдѣлать одинъ, уже послѣдній, но самый ловкій пассажъ. Ей надобно, во чтѣ бы ни стало, выманить отъ молодой дѣвушки формальную росписку, которая съ двойнымъ, если даже не съ тройнымъ избыткомъ, гарантируетъ деньги, потраченныя на ея наряды. Коль скоро документъ подписанъ и дѣвушка признала свой долгъ—мертвая петля уже затянута.

Къ такому-то вотъ торжеству готовились въ извѣстномъ уже намъ веселомъ домѣ.

Съ девяти часовъ вечера освѣщенная зала начала наполняться любителями.

Явился и Германъ Типпнеръ—по обыкновенію, съ чернаго хода. Ключница Каролина поспѣшила выбѣжать къ нему на встрѣчу, съ привязаніемъ отъ хозяйки, не показываясь до времени въ залъ, а обождать, пока позовутъ, въ ея, каролинной комнатѣ. Это было сдѣлано изъ предосторожности, на всякій случай, дабы таперъ, неожиданно увидѣвъ здѣсь свою, еще невинную дочь, не вздумалъ учинить скандалъ, который, пожалуй, могъ бы разстроить планы тѣтушки, заставивъ ее раздать обратно полученныя уже деньги, еслибы розыгрышъ не состоялся. Взять же на этотъ вечеръ гдѣ нибудь другого тапера она не заблагоразсудила, потому что новому пришлось бы заплатить, сравнительно, бѣольшую сумму, а тѣтеньки-акулы, особенно нѣмецкой расы, всѣ вообще отличаются самою скаредной бережливостью. «Лишь бы лотерею-то разыграть да выигрышъ предоставить», думала содержательница веселаго дома: «а тамъ пускай его поднимаетъ какой угодно скандалъ: дѣло-то будетъ ужъ сдѣлано—прошлаго не вернешь, да если и по закону тягаться, такъ ничего не возьметъ, потому—рука руку моетъ».

Такимъ образомъ необходимая предосторожность была исполнена. Германъ Типпнеръ, никогда непринимавшій участія въ интересахъ веселаго дома, еще съ недѣлю назадъ слышалъ, что здѣсь готовится извѣстнаго рода праздникъ, но, по обыкновенію, съ прискорбіемъ подумавъ про себя объ участи еще одной но-

вой жертвы, въ-явѣ не подавъ, что-называется, ни гласа, ни воздыханія, такъ-какъ считалъ это дѣломъ, до него лично вовсе не-относящимся. Поэтому и теперь, встрѣтя извѣщеніе Каролины Ивановны, онъ безусловно подчинился ея рѣшенію, полагая, что вѣрно это почему нибудь такъ надо, и не задалъ себѣ труда подумать—почему и для чего именно надо?

Дней за пять до этого рокового вечера, Луиза первый разъ въ жизни обманула его, сказавъ, что отправляется въ Кронштадтъ, погостить въ своей тѣткѣ. Германъ Типпнеръ повѣрилъ ей безусловно, такъ-какъ въ Кронштадтѣ дѣйствительно обитала сестра его покойной жены, у которой иногда гасчивали его дочери.

Все это время дѣвушка находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ Александры Пахомовны, которая неустанно продолжала оплетать ее самымъ логвнымъ образомъ, поддерживая въ ней экзальтированное состояніе. По ея-то наущенію Луиза и на обманъ рѣшилась; но вмѣсто Кронштадта очутилась она у тѣтенки изъ Фонарнаго переулка. Эта сулила ей золотыя горы въ весьма близкомъ будущемъ, а та мечтала про себя лишь о томъ, что, съ помощью тѣтенкиныхъ золотыхъ горъ, наконецъ-то, слава-богу, кончатся всѣ нищенскія лишенія, недостатки и печали ея семейства.

Пока собирались званые гости, въ спальнѣ самой тѣтенки происходила грустная сцена.

Двѣ нарядныя дѣвушки, изъ числа будущихъ товарокъ Луизы, одѣвали ее, словно невѣсту къ вѣнцу. Тутъ же торчала и сама тѣтенка вмѣстѣ съ Александрой Пахомовной, которая, сжигая папирску за папирской, не переставала утѣшать и ободрять смущенную дѣвушку.

Луизѣ было лихорадочно жутко.

Ее наряжали въ бѣлое кисейное платьѣ и прикалывали къ черзчуръ открытому лифу живую бѣлую розу, а въ душѣ ея въ это время боролись и страхъ, и стыдъ, и сомнѣніе, и смутная дума о темномъ будущемъ. Но всѣ эти тревожныя ощущенія смолкали передъ твердою рѣшимостью принести себя въ жертву ради блага отца и сестры Христины.

«Пускай ужъ я буду такая!» думала дѣвушка: «за то, авось, ей помогу остаться честной... Лишь бы у меня были средства—она не пропадетъ: не дамъ погибнуть! Если мнѣ не удалось, такъ пусть хоть она будетъ чистымъ, хорошимъ утѣшеніемъ отцу».

И при этихъ думахъ на глаза ея навертывались слезы. А тѣ-

тенька замѣчала на это, что плакать не годится: «Фуй!... глаза будутъ красные, всѣ кавалеры скажутъ, что плакала. Это, мошь, нехорошо; надо радоваться, а не плакать». Но при такихъ утѣшеніяхъ раздраженная дѣвушка чувствовала только охоту нещадно вцѣпиться ногтями въ ея мясисто-толстую фізіономію.

Раздался легкій стукъ въ запертую дверь, и послышался голосъ ключницы, которая извѣщала, что скоро уже десять часовъ, и гости почти уже всѣ собрались.

— Ну, пора и отправляться! съ пошлой, самодовольной улыбкай вздохнула тѣнька.

У смертельно поблѣднѣвшей Луизы подкосилась нога.

— Воды!... послышался ея стонущій, страдающій шопоть, вмѣстѣ съ которымъ въ изнеможеніи, безсилно опустилась она на стулъ, и изъ груди ея вырвалось короткое, порывисто сдержанное рыданье — вырвалось и заглохло... Черезъ минуту не было и слѣдовъ его.

Тѣнька морщилась: ей не нравились эти сцены. Пахомовна утѣшала, говоря, что все, мошь, это пустяки; хорошаго, мошь, дѣла нечего бояться, и совѣтовала не мѣшкать, а выходить скорѣе въ залу, и кончать все разомъ.

— Нѣтъ, стойте... Бога-ради... оставьте меня одну... на одну только минуту! съ какимъ-то внезапнымъ порывомъ обратилась къ нимъ дѣвушка:—я сейчасъ... сейчасъ приду къ вамъ!...

Хозяйка нахмурилась еще больше, но Пахомовна успокоительно мигнула ей глазомъ, и всѣ вышли изъ комнаты, причемъ тѣнька не преминула приставить глазъ къ щели неплотно затворенной двери, дабы наблюдать, что станетъ дѣлать оставшаася наединѣ дѣвушка.

Луиза, послѣ нѣкотораго раздумчиваго колебанія, подошла къ окну, сквозь стекла котораго виднѣлось темно-синее звѣздное небо, и, опустясь на колѣни, стала молиться. Молитва эта была непродолжительна, но послѣ нея дѣвушка вышла изъ комнаты уже совершенно спокойной и твердой поступью.

Черезъ минуту въ освѣщенную и многолюдную залу изъ дверей темнаго корридора выкатилась самодовольно-торжествующая и даже отчасти горделивая фигура самой мадамъ-тѣньки, за которую двѣ дѣвушки ввели за руки блѣлую Луизу. Ключница Каролина Ивановна замыкала своею особою это торжественное шествіе.

По залѣ пронесся гулъ говора, восклицаній и замѣчаній весьма нецеремоннаго, циническаго свойства.

Почувствовавъ себя среди этой толпы единственною точкой всеобщаго любопытства, на которую въ эту минуту было устремлено столько наглыхъ и внимательныхъ глазъ, Луиза поблѣднѣла и смутилась почти до обморока. Ей захотѣлось умереть въ эту минуту; захотѣлось вдругъ, мгновенно исчезнуть — не знать, не слышать, не видѣть, не чувствовать ничего; захотѣлось, чтобы не было свѣта этихъ проклятыхъ лампъ, которыя озаряютъ ея лицо, ея обнаженныя плечи, грудь и руки, ея великій стыдъ, позоръ и смущеніе; чтобы вдругъ объяла всѣхъ и вся непроницаемая тьма и глухота, чтобы либо она, либо все окружающее перестало вдругъ существовать въ то же самое мгновеніе.

Каролина принесла и поставила на столъ двѣ хрустальныя вазы, наполненныя свернутыми въ трубочки билетками. . . . .

А звуки фортепьяно межъ тѣмъ не умолкали.

Отецъ, не вѣдая самъ, что творить, торжественнымъ маршемъ встрѣчалъ и привѣтствовалъ позоръ своей дочери.

Но вдругъ эти громкіе звуки неожиданно порвались на половинѣ такта и умолкли.

Взоры таѣбра нечаянно упали на приволоченную дѣвушку.

Это былъ ударъ молвіи. Онъ оглушилъ и ослѣпилъ его. Старики не вѣрили глазамъ своимъ — но итъ, это не сонъ, это все въ-явь совершается, это точно она стоитъ—она, его Луиза, его дочь родная!

При неожиданномъ перерывѣ звуковъ, всѣ головы съ невольнымъ любопытствомъ обратились въ сторону таѣбра. Всѣ видѣли, какъ мгновенно искривилось его лицо какимъ-то страшнымъ конвульсивнымъ движеніемъ; какъ съ ошѣмѣло-раскрытымъ ртомъ и расширившимися неподвижными глазами, медленно поднялся онъ со стула; какъ протянулъ онъ по направленію къ дѣвушкѣ свою изможенную и трепетную руку; какъ силился вымолвить какое-то слово и вдругъ—словно безжизненный трупъ, безъ чувствъ грохнулся затылкомъ на полъ.

Раздался отчаянный женскій вопль—и въ то же мгновеніе, вырвавшись изъ лапъ своего обладателя, Луиза бросилась къ отцу и повисла на грудь его.

Почтеннѣйшая публика никакъ не ожидала такого оборота обстоятельствъ. Болѣе благоразумные и болѣе трусливые, предвидя скверную исторію съ полицейскимъ виѣшательствомъ, поторопились взяться за шапки и поскорѣе ретировались изъ веселаго дома.

Болѣ любопытные и болѣ пьяные, столпившись вокругъ безчувственнаго старика и безчувственной дѣвушки, рѣшились ждать конца курьёзной исторіи.

— Въ больницу!... скорѣе въ больницу его!... Вонъ отсюда!... Дворниковъ! дворниковъ зовите!... метались изъ угла въ уголъ эконома съ тѣтенкой.

Явились дворники, и потащили старика изъ залы.

Очнувшаяся дѣвушка встрепнулась, и быстро вскочивъ съ колѣнъ, въ безпамятствѣ погналась вслѣдъ за ними.

Но ее вѣремя успѣли схватить сильныя руки эконома.

— Пустите!... пустите меня!... Отецъ мой!... Боже!... Господи!... Пустите, говорю! вопила и металась она въ безпамятствѣ, стремительно вырываясь изъ лапъ Каролины, на помощь которой подоспѣла и сама тѣтенка.

Двумъ противъ одной бороться было нетрудно, и Луизу насильно увлекли во внутреннія комнаты, откуда еще мучительнѣе, еще отчаяннѣе раздавались ея безумные крики. Наконецъ, видя себя отъ ярости, она стала кусаться и царапать ихъ ногтями.

— Ach! du gemeines Thier! гнѣвно вскричала тѣтенка:—ты драться еще!... кусаться!—Da hast du! da hast du!

И вслѣдъ за этимъ отчетливо раздались хлесткіе звуки нѣсколькихъ полновѣсныхъ пощечинъ.

Росписка Луизы лежала уже въ карманѣ тѣтенки, и потому ей незачѣмъ было прикидываться теперь кроткой и нѣжной. Она вступила въ свои настоящія, законныя права надъ личностью заабалѣнной дѣвушки.

— Жертва!... Вотъ она — жертва вечерняя!... пьяно промчалъ неизвѣстный остроумецъ, нахлобучивая на глаза поматюю въ суматохѣ шляпу и — руки въ карманы — таясь, пошелъ вонъ изъ веселаго дома.

ШЕСТОЙ ЧАСТИ КНИГА ВТОРАЯ.

КОМУЖДО ПО ДѢЛОМЪ ЕГО.

I.

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА.

— Боже мой, да это она... она! изумленно прошептала няжная Анна, склонившись надъ роскошнымъ альбомомъ своего бра-

та, и пристально вглядываясь въ фотографическую авварельную карточку замѣчательно красивой женщины — Братъ, поди сюда! Скажи мнѣ, бога-ради, кто это такая?

— Баронесса фон-Дѣрингъ, отвѣтилъ Каллашъ, мелькомъ взглянувъ на карточку. — Чѣмъ она тебя такъ заинтересовала?

— Странное, почти невозможное сходство! пожалала плечами сестра: — я вотъ и черезъ двадцать лѣтъ — какъ будто сейчасъ вижу эти черты, эти глаза и брови... Да нѣтъ, неужели бываютъ на свѣтѣ такіе двойники? Ты знаешь, на кого она похожа?

— А Богъ ее знаетъ... Сама на себя, полагаю.

— Нѣтъ, у нея былъ, или есть двойникъ; это я знаю навѣрное. Ты помнишь у нашей матери мою горничную Наташу?

— Наташу? проговорилъ графъ, и словно припоминая, сдвинулъ свои брови.

— Да, горничную Наташу. Такая высокая, бѣлолицая дѣвушка... Густая каштановая коса у нея была — прелесть, что за коса!... И вотъ, точно такое же гордое выраженіе губъ... глаза пронизательные и умные... эти сросшіяся брови... да однимъ словомъ — живой оригиналъ этой карточки!

— А-а! медленно и тихо проговорилъ графъ, проводя по лбу ладонью: — точно, теперь я вспомнилъ. Кажись, вѣдь она исчезла куда-то, совсѣмъ неожиданно?

И онъ нагнулся надъ карточкой баронессы.

— А вѣдь точно: ты права. Какъ смотрю теперь, да припоминаю — дѣйствительно, большое сходство.

— Да ты взглядишь поближе! съ одушевленіемъ настаивала сестра: — это совсѣмъ живая Наташа! Конечно, тутъ она гораздо зрѣлѣе, женщина въ полной силѣ. Сколько лѣтъ теперь этой баронессѣ?

— Да лѣтъ подъ сорокъ будетъ; но этого почти совсѣмъ незамѣтно, и на лицо ты никакъ не дашь ей болѣе тридцати-двухъ.

— Ну, вотъ! — И той, какъ разъ, было бы подъ сорокъ.

— Лѣта-то одинаковы, согласился Чечевинскій.

— Да!... грустно вздохнула Анна: — вотъ, двадцать-два года прошло съ тѣхъ поръ; а встрѣтѣся она мнѣ лицомъ къ лицу — я бы, кажется, съ разу узнала. Да скажи мнѣ, пожалуйста, кто она такая?

— Баронесса-то? А какъ бы тебѣ это сказать?... личность довольно темная. Скиталась лѣтъ двадцать за границей, да два

года здѣсь вотъ живетъ. Въ свѣтъ выдаетъ себя за иностранку, а со мною не церемонится, и я знаю, что она отлично говоритъ порусски. Для свѣта она замужемъ, да только съ мужемъ будто бы не живетъ, а живетъ съ другомъ сердца, и выдаетъ его въ обществѣ за своего родного брата. А въ будущемъ даже небольшой скандаликъ ожидаетъ ее: беременна отъ нареченнаго брата; впрочемъ, теперь пока еще въ самомъ началѣ.

— Кто же этотъ братецъ? любопытно спросила княжна.

— А чортъ его знаетъ!—Тоже изъ темненькихъ; полячокъ какой-то. Да вотъ, Сержъ Ковровъ его хорошо знаетъ; онъ мнѣ какъ-то даже исторію ихъ отчасти рассказывалъ: пріѣхалъ сюда съ фальшивымъ паспортомъ, подъ именемъ Владислава Карозича, а настоящее имя—Казимиръ Бодлевскій.

— Казимиръ... Бодлевскій... прищуря глаза, припоминала Чечевинская:—да не былъ ли онъ когда-то литографомъ, или гравбромъ—что-то въ родѣ этого?

— Помнится, сказывалъ Ковровъ, что былъ. Онъ и теперь отлично граврируетъ.

— Былъ?!... Ну, такъ, это такъ и есть! быстрымъ движеніемъ поднялась Анна съ мѣста:—это она... это Наташа! Мнѣ она еще и въ то время сказывала, что у нея есть женихъ, польскій шляхтичъ, Бодлевскій... И звали его, какъ помнится, Казимиромъ. Она у меня часто, бывало, по секрету къ нему отпрашивалась; говорила, что онъ работаетъ въ какой-то литографіи, и все упрасивала, чтобы я уговорила мать отпустить ее на волю и выдать за него замужъ.

Этимъ нечаяннымъ открытіемъ сказалось для графа весьма многое. Обстоятельства, до сихъ поръ казавшіяся мелкими и ничтожными, вдругъ получили теперь въ его глазахъ особенный смыслъ и свѣтъ, который почти безошибочно позволялъ угадать главную *суть* истины. Теперь припомнилъ графъ все, что нѣкогда было рассказано ему Ковровымъ о первомъ знакомствѣ его съ Бодлевскимъ въ то время, какъ онъ засталъ молодого шляхтича въ «квартирѣ» знаменитыхъ Ершей, среди плутовской компаніи, снабдившей его двумя фальшивыми видами, мужскимъ и женскимъ; вспомнилъ, что Наташа исчезла какъ разъ передъ смертью старой Чечевинской; вспомнилъ и про то, какъ воротясь съ владбища, послѣ пороховъ старухи, онъ жестоко обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, найдя въ ея завѣтной шкатулкѣ сумму, значительно меньшую противъ той цифры, какую самъ всегда

предполагалъ, по нѣкоторымъ основаніямъ—и передъ нимъ, почти съ полной вѣроятностію, предстало соображеніе, что внезапное исчезновеніе горничной было сопряжено съ кражей денегъ его матери, и особенно сестринныхъ именныхъ билетовъ, и что все это было не что иное, какъ дѣло рукъ Наташи и ея любовника.

«Ничего! авось, и эти соображенія пригодятся къ дѣлу», успокоительно подумалъ Каллашъ, обдумывая свои будущія намѣренія и планы: «попытаемъ, пощупаемъ—авось, окажется, что и правда! Надо только половчѣе, да поосторожнѣе держать себя, а тамъ ужъ все въ моихъ рукахъ, chère madame la baronne.—Мы изъ васъ сошьемъ себѣ веревочку!»

II.

Вольная пташка начинаетъ пѣть подъ чужую дудку.

— Madame la baronne von-Döring! почтительно доложилъ графу его французъ-камердинеръ.

Братъ съ сестрой многозначительно переглянулись.

— Легка на поминѣ, улыбнулся Каллашъ.

— Если она—я по голосу узнаю, прошптала Анна.—Остаться, или уйти мнѣ?

— Пока оставайся:—сцена будетъ любопытная. Faites entrer! кивнулъ онъ лакею.

Черезъ минуту послышались въ смежной комнатѣ быстрые, легкіе шаги и свистящій шорохъ шелкового платья.

— Здравствуйте, графъ!... Я къ вамъ на минуту... Нарочно послѣшила заѣхать. Сама, сама заѣхала—оцѣните-ка это! Владиславу некогда, а дѣло экстренное; хотѣлось поскорѣй увѣдомить... Ну-съ, мы можемъ всѣхъ себя поздравить: судьба и счастье рѣшительно за насъ! скороговоркой пролепетала баронесса фон-Дѣрингъ, быстро влетая въ кабинетъ графа.

— Въ чемъ дѣло? чтѣ за новости? пошелъ ей на встрѣчу хозяинъ.

— Вы знаете, у Шадурскихъ нѣтъ болѣе долга! Сынъ этого покойнаго ростовщика—какъ его?... Морденко, что ли—такъ, какъ жется?—помните, который тогда скупилъ всѣ ихъ векселя?—такъ вотъ его-то сынъ теперь возвратилъ княгинѣ всѣ документы, на сто двадцать-пять тысячъ. Она сама сказала объ этомъ моему Владиславу. Кредитъ ихъ снова поднялся, и надѣюсь, вы пони-

маете, что это для насъ самая горячая минута.—Боже сохрани, упустить ее! Надо придумать планъ, какъ бы лучше воспользо-ваться...

Баронесса вдругъ осѣдлась на половинѣ фразы, и сильно смутилась, замѣтивъ присутствіе посторонней женщины.

— Виноватъ!... Я не предупредилъ васъ, съ легкой улыбкой пожавъ плечами, поклонился графъ Каллашъ: — *княжна Анна Яковлевна Чечевинская*, отчетливо и внятно продолжалъ онъ, указывая рукою на безобразную Чуху.—Вы, баронесса, теперь, конечно, никакъ бы не узнали ее; не правда ли?

— За то я съ разу узнала Наташу, не спуская съ нея глазъ, спокойно сказала Анна.

Баронесса мгновенно сдѣлалась бѣлѣ полотна и слабѣющей рукою поспѣшила ухватиться за спинку тяжелаго кресла.

Каллашъ съ величайшей предупредительностью поспѣшилъ помочь ей усѣсться.

— Ты, Наташа, не ожидала меня встрѣтить? спокойно и даже ласково подошла къ ней Анна.

— Я васъ не знаю... Кто вы такая? съ усиленнымъ напряженіемъ, почти прошептала баронесса, застигнутая совершенно врасплохъ.

— Мудренаго нѣтъ: я такъ измѣнилась, сказала Анна: — а вотъ *ты* все такая же, какъ прежде—почти никакой перемѣны!

Наташа мало-по-малу начинала приходить въ себя.

— Я васъ не понимаю, холодно сдвинула она свои брови.

— За-то я тебя хорошо поняла...

— Позвольте, княжна, перебилъ ее Каллашъ:—довѣрьте мнѣ объясниться съ баронессой: мы съ нею болѣе близко знакомы; а васъ—пока, извините, я попрошу на время удалиться изъ этой комнаты.

И онъ почтительно проводилъ сестру до массивной дубовой двери, которая плотно захлопнулась за нею.

— Что это значить? съ негодованіемъ поднялась баронесса, сверкнувъ на графа своими сѣрыми глазами изъ-подъ сдвинутыхъ широкихъ бровей.

— Случай! не безъ ироніи пожавъ плечами, улыбнулся Каллашъ.

— Что за случай?—Говорите яснѣе!

— Бывшая барышня узнала свою бывшую горничную — и только.

— Какимъ образомъ находится у васъ эта женщина? Кто она такая?

— Я ужъ вамъ сказалъ: княжна Анна Яковлевна Чечевинская. А какимъ образомъ она у меня находится, это тоже случай, и довольно курьёзный.

— Это не можетъ быть! воскликнула баронесса.

— Отчего же не можетъ? И мертвые, говорятъ, иногда воскресаютъ изъ гроба, а княжна пока еще жива. Да скажите пожалуйста, отчего же не могло бы быть, напримѣръ, хоть такъ вотъ: горничная княжны Анны Чечевинской, Наташа, бросила ее на произволь судьбы, у повивальной бабки, воспользовалась довѣріемъ и болѣзнию старой княгини Чечевинской для того, чтобы съ помощью своего любовника, Казимира Бодлевскаго, вырвать изъ ея шкатулки деньги и билеты — замѣтите, баронесса — именные билеты княжны Анны. Развѣ не могло быть также, что этотъ самый литографъ Бодлевскій добылъ въ Ершахъ фальшивые паспорта для себя и для своей любовницы, да и бѣжалъ вмѣстѣ съ нею за границу, и развѣ эта самая горничная, двадцать лѣтъ спустя, не могла вернуться въ Россію подъ именемъ баронессы фон-Дѣрингъ? — Мудренаго въ этомъ, согласитесь сами, нѣтъ ничего. Зачѣмъ скрываться? Мнѣ вѣдь все извѣстно!

— Чтó же изъ этого слѣдуетъ? съ надменною презрительностью усмѣхнулась она.

— Слѣдовать можетъ *многое*, многозначительно, но спокойно молвилъ ей Каллашъ: — *покаместъ* слѣдуетъ только то, что мнѣ все — повторяю вамъ, *все* извѣстно.

— Гдѣ же факты? спросила баронесса.

— Факты? Гм!... усмѣхнулся Николай Чечевинскій: — если потребуется, найдутся, пожалуй, и факты. Повѣрьте, милая баронесса, что не имѣя въ рукахъ юридически-доказательныхъ фактовъ, я не сталъ бы съ вами и говорить объ этомъ.

Каллашъ пригнулъ, но пригнулъ правдоподобно до последней степени.

Баронесса снова смутилась и поблѣднѣла.

— Гдѣ же эти факты? дайте мнѣ ихъ въ руки, проговорила наконецъ она, послѣ долгаго молчанія.

— О!... Это уже слишкомъ!... Съужьте взять ихъ сами, снова усмѣхнулся графъ своею прежней улыбкой: — вѣдь факты обыкновенно предъявляетъ обвиненному судъ; а съ васъ, право, доста-

точно и того, что вы знаете теперь о существованіи этихъ фактовъ, знаете, что они у меня. Хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ: я ни увѣрять, ни разувѣрять васъ не стану.

— Это значить, что я у васъ въ рукахъ? проговорила она медленно, подвѣвая на него пронизательные взоры.

— Да; это значить, что вы у меня въ рукахъ, увѣренно и спокойно отвѣтствовалъ графъ Каллашъ.

— Но вы забываете, что сами вы—то же, что и я, что и мой любовникъ.

— То-есть, вы хотите сказать, что я—такой же мошенникъ, какъ и вы съ Бодлевскимъ? — Ну, что жъ, вы правы: мы всѣ одного поля ягоды—кромѣ нея! (онъ указалъ по направленію къ дубовой двери). Она—честная и, благодаря многимъ, несчастная женщина; а мы—мы всѣ негодяи, и я первый изъ ихъ числа; въ этомъ вы совершенно правы. Хотите, чтобы я былъ у васъ въ рукахъ—постарайтесь найти противъ меня уличающіе факты. Тогда мы свитаемся.

— Вы, стало быть, становитесь моимъ врагомъ?

— Я?... Напротивъ, я вашъ союзникъ, и самый вѣрный, самый надежный союзникъ! Намъ нѣтъ выгоды быть врагами. Повѣрьте мнѣ, баронесса! (слово «баронесса» онъ произнесъ теперь съ какою-то чуть замѣтной иронической ноткой въ голосѣ). Повѣрьте мнѣ—я вамъ говорю это совершенно искренно и прямо:—я вашъ союзникъ, да и дѣли наши почти общія; значить, скрывать вамъ передо мною нечего: вы видите, что я знаю все; да и живая улыбка на лицо: сама княжна Чечевинская. Но даю вамъ слово, что ни вамъ, ни Казимиру Бодлевскому она не сдѣлаетъ зла, да и вы сами должны хорошо знать это. Скажите, вѣдь она любила васъ? вѣдь она была всегда очень хорошей и доброй дѣвушкой?

— Н-да, согласилась баронесса:—по правдѣ сказать, мнѣ было нѣсколько жаль тогда поступить съ нею такимъ образомъ.

— Вы знаете, конечно, и то, что ея любовникъ былъ Дмитрій Платоновичъ Шадурскій?

— Да, и это я знала, подтвердила Наташа.

— Ну, такъ знайте же и то, что онъ гнусно поступилъ съ нею. Ей и до сихъ поръ еще хочется мстить ему. Клянусь вамъ, мнѣ стало безконечно жаль ее, когда услышалъ я весь этотъ разговоръ. Онъ возмущалъ всю мою душу! Изъ сочувствія, изъ состраданія, я самъ не прочь помочь ей въ мести. Помогите и

вы!—Вамъ оно легче даже, чѣмъ мнѣ. Вы вѣдь тоже когда-то были неправы передъ нею. Хотите теперь искупить прошлое?—давайте дѣйствовать вмѣстѣ! Оно тѣмъ болѣе встаетъ, что результаты нашего содѣянія могутъ быть для насъ весьма выгодны. Вѣдь вы сами же говорите, что дѣла Шадурскихъ поправились.

— Хм... Великодушіе изъ разсчета! насмѣшливо усмѣхнулась Наташа.

— Рнба ищеть гдѣ глубже, человекъ гдѣ лучше! невозмутимо сказалъ Каллашъ:—да вѣдь и мы съ вами не годимся въ герои героической поэмы... Безкорыстіе и прочее—все это хорошо въ романахъ, а въ практической жизни мы оказываемъ помощь ближнему только тогда, когда можемъ черезъ это оказать ее самимъ себѣ. Такова моя философская мораль, и иной я не понимаю.

— Однако, гдѣ вы нашли эту женщину? и съ какой стати принимаете вы въ ней такое участіе? не слушая его перебила баронесса.

— Отъискалъ ее въ одномъ изъ самыхъ гнусныхъ притоновъ Сѣнной площади, а принимаю участіе—какъ вамъ сказать!... да просто потому, что жаль ее стало. Вѣдь наполь-то я ее пьяною, безобразною, голодною, оборванной—ну, и вытащилъ изъ ошута. Но, повторяю вамъ, главное дѣло не въ ней; она тутъ вещь почти посторонняя. А хочется вамъ знать, зачѣмъ она у меня?—ну, это капризъ мой и только! Я вѣдь вообще склоненъ къ эксцентрическимъ выходкамъ, а это показалось мнѣ довольно курьезнымъ.—Вотъ вамъ и объясненіе!

Но баронесса не приняла за чистую монету словъ своего собесѣдника, хотя и показала съ виду, что вѣритъ ему вполне. Душу ее терзали разные сомнѣнія. Непріятіе всего было сознаніе, что какой-то слѣпой случай отдалъ ее прошлое въ руки графу, и хуже всего въ этомъ сознаніи являлась неизвѣстность — на сколько именно она, баронесса, находится въ его рукахъ. Графъ никогда не отличался особенной симпатіей къ Бодлевскому, хотя они и принадлежали къ одной шайтѣ, и эта тайная неприязнь начинала теперь беспокоить Наташу. Она ясно поняла, что необходимость поневолѣ заставляетъ ее быть въ ладахъ съ этимъ человекомъ, и даже отчасти подчиняться его волѣ, пока не измышленъ какой-нибудь исходъ, который помогъ бы ей сбѣжать графа вполне для нея безопаснымъ.

— Такъ вы говорите, что дѣло Шадурскихъ поправилось? весело началъ графъ, закуривъ сигару: — точно ли это правда? Откуда вы знаете?

— Изъ самаго достовѣрнаго источника. Повторяю вамъ, сама объявила Владиславу сегодня утромъ.

— А вы его не ревнуете къ ней? усмѣхнулся Калашъ.

— Ревновать къ денежной шкатулкѣ!

— Ну, а онъ васъ не приревнуетъ къ старому Шадурскому? Наташа только засмѣялась въ отвѣтъ.

— Ну, а къ молодому?

— Владиславъ такъ практиченъ, что не станетъ ревновать меня къ кому бы то ни было.

— Скажите, вы его сильно любите?

— Любила когда-то.

— Ну, а теперь?

— Теперь... теперь мы выгодны другъ другу.

— Однако, вѣдь вы—беременны отъ него.

— А вамъ что за дѣло?

— Дѣло вы увидите послѣ. Вѣрно ужъ есть дѣло, коли спрашиваю.

— Ну, положимъ, хоть и такъ!—печальный случай, и только.

— А какъ давно вы беременны?

— Въ самомъ началѣ... Да откуда вы это знаете! съ нетерпѣливой досадой подернувъ бровями, промолвила баронесса.

— Вашъ же Владиславъ поспѣвшигъ сообщить отрадную новость, усмѣхнулся Калашъ: — онъ очень досадуетъ; да оно и понятно; потому — въ самомъ дѣлѣ, для нашихъ компанейскихъ операций ваше критическое положеніе не совсѣмъ-то удобно. Придется вѣдь вамъ уѣхать мѣсяца черезъ два, а тутъ, какъ нарочно, въ это время самыя горячія дѣла подоспѣютъ. И вѣдь это, какъ хотите, а въ нѣкоторомъ родѣ—скандалъ, беременность-то ваша!

— То-есть, какъ скандалъ?

— Какъ?! очень просто: по пословицѣ—шила въ мѣшкѣ не утаишь. Вѣдь Карозичъ слыветъ въ обществѣ подъ именемъ вашего родного брата. А какъ вы полагаете, кого ставятъ называть вашимъ любовникомъ? Вѣдь ужъ и теперѣ кое-гдѣ смутно поговариваютъ, что это—сомнительный братецъ, а когда будущій фрутъ окажется на лицо—тогда вамъ придется только кланяться и благодарить за поздравленія; тогда никого не разувѣришь! Баронесса задумалась.

— Нечего дѣлать, придется уѣхать, проговорила она, какъ-бы сама съ собою.

— Отъѣздъ вашъ испортитъ дѣла компаніи, возразилъ Каллашъ.

— Да... Ну, что-жь съ этимъ дѣлать!

— Что дѣлать? — Извлечь посильную выгоду изъ своего критическаго положенія.

— То-есть, какъ же это? Я не понимаю...

— Очень просто. Вѣдь у будущаго ребѣнка долженъ быть какой-нибудь отецъ; а старикъ Шадурскій до сихъ поръ продолжаетъ безнадежно таить передъ вами. Что вамъ стоитъ увѣрить стараго, самолюбиваго дурака—въ чемъ бы то ни было, въ чемъ вы только пожелаете?! Вамъ оно будетъ такъ же легко, какъ мнѣ пустить дымъ изъ этой сигары. Ребѣнка заставимъ усыновить и дать ему княжеское имя. Представьте, вашъ сынъ вдругъ—князь Шадурскій!... ха-ха-ха!... Не правда ли; звучно? А денегъ-то, денегъ-то сколько! Можно будетъ устроить такъ, что старшій дурень все состояніе свое запишетъ на васъ да на ребѣнка.

— Вы опять говорите вздоръ, перебила баронесса: — во-первыхъ, княгиня Шадурская еще здравствуетъ на свѣтѣ, а во-вторыхъ, ни она, ни ея сынъ никогда не позволятъ усыновить посторонняго ребѣнка...

— Что касается до сына, перебилъ въ свою очередь графъ:— то въ этомъ помогите на меня: я ужъ его обработаю такъ, что не пикнетъ. А что касается до матушки, то ея сѣятельство можетъ весьма легко и скончаться.

— Ну, она, замется, еще не думаетъ кончаться.

— Тѣмъ хуже для нея, потому что, по писавію, «не вѣдаетъ ни дня, ни часу». Не думаетъ, но можетъ. Хотите пари?

— Полноте, графъ, мнѣ некогда шутить! Я къ вамъ заѣхала за дѣломъ.

— Да я и не шучу, а говорю наисерььзньѣйшимъ образомъ! Обоихъ Шадурскихъ надобно обработать — ну, и обработаемъ! Сынка предоставьте мнѣ, а сами берите батюшку.—Дѣлечка выйдетъ полюбовная и безобидная. А на счетъ будущаго усыновленія, повѣрьте, я возьмусь обдѣлать...

— Въ расчетъ на будущую смерть княгини? съ улыбкой шутиливой недовѣрчивости, легко отнеслась къ его словамъ баронесса.

— Именно, въ этомъ самомъ расчетѣ, серьезно подтвердилъ Каллашъ.

— Все это прекрасно, продолжала она съ прежней легкостью:— но вы, мой милый графъ, забыли одно маленькое обстоятельство.

— Какое это?

— А то именно, что въ жизни и смерти, говорятъ, будто одинъ только Богъ волѣнъ.

— Да, что касается до жизни, я съ вами не спорю; но въ смерти, кромѣ Бога, бываетъ иногда волѣнъ и докторъ Катцель. Неужели вы забыли нашего общаго пріятеля!

Баронесса посмотрѣла на него долго, пристально и очень серьезно.

— Н-да... это, пожалуй, похоже на дѣло... медленно проговорила она, не спуская съ него взора.—Но все-таки я въ этомъ не вижу еще мести князю Шадурскому, продолжала она съ чуть замѣтной хитростью, помолчавъ съ минуту:—а вѣдь вы, кажется, намѣревались помогать въ мщеніи князи Чечевинской?

— О, что касается до этого, то вы ужъ не беспокоитесь! легко и небрежно махнулъ рукою графъ Калашъ:— она свое еще успѣетъ взять! Вы, напримѣръ, моя милая баронесса, можете ей въ этомъ мщеніи хотя бы тѣмъ, что оберете какъ лишку Шадурскаго, а ужъ тогда настанетъ и ея очередь! Тамъ ужъ пойдетъ ея личное дѣло, и до насъ съ вами оно не касается. А проектъ вѣдь хорошій и обѣщаетъ большую выгоду!—Не правда ли?

— Согласна! съ довольной улыбкой кивнула головой Наташа.

— И дѣйствовать тоже согласна? многозначительно и притливо прищурился на нее Чечевинскій.

— И дѣйствовать согласна!

— Ну, и прекрасна! Такъ по рукамъ, моя баронесса?

— По рукамъ, мой графъ! А пока—прощайте, да не забудьте: завтрашній вечеръ у меня игра; будемъ обрабатывать обонкъ Шадурскихъ.

Николай Чечевинскій многозначительно пожалъ ей руку, низко поклонился и проводилъ до передней.

III

Рыцари зеленого поля.

Знакома ли тебѣ, мой читатель, драгоценная коллекція шуллеровъ петербургскихъ, которые между собою называются «повелителями капризной фортуны на зеленомъ полѣ», въ чемъ лег-

но можно замѣтить нѣкоторую претензію на восточную изобразительность и цвѣтнстость языка? Если ты петербуржець, то яѣтъ ничего мудренаго, что въ свое время пришлось и тебѣ побывать у нихъ въ передѣлкѣ. Быть можетъ, однако, фортуна оказалась на столько къ тебѣ милостива, что не попустила тебя достигь до очищенія, и карманъ твой остался цѣлъ, здоровъ и невредимъ, посреди раскинутыхъ ему сѣтей. Въ такомъ случаѣ ты, вѣроятно, не однажды слышалъ имена всѣхъ этихъ Ковровыхъ, Польшевскихъ, Бодлевскихъ, Ружницкихъ, Арлѹвскихъ, Лицкевичей, Матасевичей, Мазур-Мазуревичей, Яйцнновъ, Іюльковнхъ, Гундарополо, Вихры-Нарви, Савастиновыхъ, Щедрыхъ, Гребешковыхъ, и ннхъ. Боже мой, что за почтенная и разнообразная коллекція! Субъекты, ее составляющіе, не всегда бывають знакомы между собою. Но это не мѣшаетъ какому нибудь Польшевскому совершенно неожиданно явиться, напримѣръ, хотъ къ незнакомому ему Яйцнну и съоннку сообщить ему, что провѣдалъ-де овъ, Польшевскій, о прибытіи въ Петербургъ какого тамъ ни на есть денежнаго человѣка; такъ не угодно ли, молъ, вамъ *обработать* его вѣстѣ со мною? «Вы будете *оплатъ*, я *подставляю*, а барыши пополамъ». И Яйцннъ охотно протягиваетъ руку согласія незнакомому съ нимъ Польшевскому, и затѣмъ обоюдно болванятъ пріѣзжаго.

Раздѣляются шуллера петербургскіе на вѣсколько компаній, которыя, по преимуществу, подвизаются на поприщѣ разныхъ клубовъ. Ружницкій съ братіею отмежевалъ себѣ клубъ купеческій, Ватмановъ съ Эчаномъ—англійскій. Щедрый предпочитаетъ «благородшу», а Яйцнна «съ кобельками» найдете вы въ «молодцовскомъ». Они же ежелѣтно шатаются и «на минерашкахъ». Каждая изъ такихъ партій непремѣнно имѣетъ своего коновода и воротилу. Каждый коноводъ избираетъ себѣ, въ качествѣ неизмѣннаго адъютанта, какого нибудь второстепеннаго шуллера, который бѣгаетъ при немъ вѣрнымъ и признательнымъ кобелькомъ, отличаясь нюхомъ гончей ищейки. Первые являются Кречинскими, вторые—Расплюевыми.

Если, при несчастномъ оборотѣ дѣлъ, произойдетъ потасовка, а благородное шуллерское тѣло почувствуетъ прикосновеніе тяжелыхъ шандаловъ, то Кречинскіе всегда почти находятъ благовидный предлогъ—вернуться изъ-подъ расправы и п доставить бока своихъ вѣрныхъ Расплюевыхъ.

Расплюевы нашего времени не всегда бывають грязнецамп.

Они очень часто одѣваются у Шармера и Жорже (разумѣй, въ кредитъ), имѣють «порядочныя привычки», стараются поправить себѣ свою фizioномію, дабы черезъ то попасть на содержаніе къ какой нибудь поблекшей Мессалинѣ нашихъ дней, и поэтому, въ случаѣ кой-какихъ слѣдovъ шандалобитія, не раскшмываютъ, съ похвальной откровенностью, сущую истину на счетъ бѣдса образованной націи и просвѣщенныхъ мореплавателей, а оправдываются тѣмъ, что дрались, молъ, на дуэли «за оскорбленіе чести».

Коноводъ иногда *спускаетъ* своихъ кобельковъ, то-есть дѣлаетъ заговоръ съ какимъ нибудь изъ шуллеровъ постороннихъ, а тотъ и обыгрываетъ кобелька, въ случаѣ, если у него завелась лишняя копейка. Это у нихъ называется «спустить». Здѣсь идутъ въ ходъ и *волосокъ*, и *скользокъ*, и иные хитроумные фокусы.

Не всѣ шуллера занимаются спеціально картами. Поле ихъ дѣйствій весьма обширно и разнообразно. Иные спеціально посвятили себя фабрикаціи карточныхъ колодъ, врановъ, свользовъ и волосковъ на потребу шуллерскую, за что получаютъ скромное, но приличное вознагражденіе. Иные *подводятъ* подъ шуллеровъ, и для этого рыщутъ по Петербургу, ищучи подходящихъ болванчиковъ, пажоновъ, и стараются заводить самое обширное знакомство. Иные даютъ подъ игру приличное помѣщеніе съ необходимой представительной обстановкой, для чего держатъ отличную квартиру и отличнаго повара. Мечутъ же карты, передегиваютъ и всякіе иные фокусы употребляютъ только главные и самые искусные претиджитаторы, которые поэтому спеціально называются «дергачами».

Большинство шуллеровъ, какъ петербургскихъ такъ и вообще российскихъ, суть поляки. Формируются они преимущественно изъ отставныхъ офицеровъ кавалерійскихъ, что, впрочемъ, совершенно понятно, если вспомнить ремонтерскую жизнь и похождения на нашихъ ярмаркахъ, гдѣ зачастую, спустивъ шуллерамъ казенныя деньги, ремонтеръ, во избѣжаніе солдатской шапки, самъ становится шуллеромъ, то-есть на первый разъ подводчикомъ, присоединяясь къ членамъ облупившей его компаніи, которая въ этихъ случаяхъ всегда почти оказываетъ великодушнѣе пріемъ такому неопыту. Поэтому большинство рыцарей зеленого поля, при всей своей щеголеватой-партикулярной виѣшности, сохраняетъ какую-то отставную военную складку; да даже бѣдшая часть и изъ тѣхъ-то, которые никогда не бывали въ военной службѣ

не шагая далѣе чина волежскаго регистратора или находясь въ еще болѣе почетномъ званіи недорослей изъ дворянъ, при случаѣ, импровизированно именуютъ себя кавказскими капитанами и поручиками.

Однако нельзя сказать, чтобы наши шуллера, отдаваясь карточному дѣлу, пренебрегали другими отраслями темной промышленности. Въ подходящихъ случаяхъ они не откажутся ни отъ какого уголовного дѣла, начиная съ подлоговъ и фальшивыхъ векселей и кончая даже убійствомъ, лишь бы оно было искусно обставлено и безопасно исполнено. Бѣлая часть изъ нихъ, при ярой наклонности къ комфортабельной, широкой и дон-жуанской жизни, по натурѣ своей—мелкіе трусы, которые не пойдутъ открытою грубою силой на открытый грабежъ, какъ часто ходитъ голодный голякъ; но зато болѣе безопаснымъ и болѣе тонкимъ воровствомъ-мошенничествомъ занимаются они очень выгодно и съ великимъ для себя удовольствіемъ.

Если въ голодномъ ворѣ и грубомъ разбойникѣ пробуждается иногда человѣческая совѣсть, то едва-ли что-нибудь подобное шевельнется въ душѣ мошенника элегантнаго. Правда, попадаются и между ними иногда блестящія исключенія, но это исключенія весьма нечастыя, которыя поэтому не могутъ идти въ общую характеристику цѣлой фаланги ворнишекъ и воровъ «благородныхъ». Какойнибудь членъ Малинника и обитатель дома Вяземскаго дѣлаетъ преступленіе потому, что ему жрать нечего; элегантный же денди шуллерской компаніи производитъ тысячу преступныхъ пакостей и мерзостей для того, чтобы быть въ избранномъ обществѣ, одѣваться у Шармера, ѣсть у Дюссо и Донона, имѣть кресло въ балетѣ и французскомъ театрѣ, кататься на рысакахъ и содержать роскошную любовницу, на которую онъ разоряется, и которая часто вертитъ имъ, какъ ей угодно—на всѣ стороны, и держитъ въ рукахъ, словно тряпку, награждая иногда, въ минуту женскаго каприза и раздраженія, даже и полновѣсными пощечинами.

Первыхъ, то-есть членовъ Малинника и обитателей дома Вяземскаго, въ прежнія времена, бывало, пороли плетью, уродовали «клеимовыми тройцамп», гнойли въ острогахъ и ссылали на поселеніе да въ каторги сибирскія. Вторые же и до нашихъ дней счастливо благоденствуютъ среди «порядочнаго» общества—и цѣлая масса «порядочныхъ» людей не стыдится съ удовольствіемъ пожимать имъ руки, даже иногда чуть-что не гордится такимъ

милимъ знакомствомъ, хотя очень хорошо знаетъ, что такой-то Польшевскій, Бодлевскій или армяшка Вихры-Нарви — отвѣщенный негодяй, мошенникъ, шуллеръ и, въ довершеніе всего — камелія во фракѣ.

Многіе удивляются, какими судьбами шуллера умѣютъ составлять себѣ обширный и необыкновенно разнообразный кругъ знакомства. Переберите вы коллекцію визитныхъ карточекъ на столѣ любого изъ этихъ рыцарей зеленого поля, и вниманіе ваше непременно будетъ остановлено на этомъ обиліи именъ — очень извѣстныхъ по всѣмъ сферамъ общественной жизни и дѣятельности. Тутъ и купецъ-негоціантъ, и вѣскій бюрократъ-чиновникъ, и артистъ, и аферистъ, но болѣе всего кинутся вамъ въ глаза титулованныя фамиліи разныхъ аристократовъ и аристократиковъ, генераловъ и генераликовъ, и вообще имена люда, болѣе или менѣе крупнаго. Эти карточки нарочно раскидываются на самомъ видномъ мѣстѣ кабинета или гостиной, для того, чтобы — нѣтъ нѣтъ, да и привлечь на нихъ вниманіе новичка-посѣтителя: вишь, молъ, какіе съ нимъ все тузы, да важныя, да извѣстныя личности знакомство водятъ! — Это дѣлается, конечно, для пусканія пыли въ глаза. Каждый шуллеръ имѣетъ особенную способность знакомиться со всѣми и каждымъ; достаточно ему встрѣтиться раза два въ обществѣ съ какимъ-нибудь титулованнымъ господиномъ, и быть ему хоть случайно отрекомендованнымъ, для того, чтобы карточка послѣдняго невзначай очутилась съ загнутымъ уголкомъ на столѣ рыцаря. Онъ ее добудетъ какими ни на есть судьбами: или черезъ лакея, или самъ украдетъ при случаѣ, хоть бы въ томъ самомъ домѣ, гдѣ былъ представленъ титулованной особѣ. Шуллера необыкновенно падки до всякихъ извѣстностей и знаменитостей, но вѣщую слабость ихъ сердца составляютъ именно знакомства титулованныя, ибо каждый шуллеръ стремится явить себя человѣкомъ, принадлежащимъ, если не къ высшему, то, по крайней-мѣрѣ, къ комильфотно-порядочному кругу общества. Да имъ иначе и невозможно, потому что обыгрывать по мелочи какихъ-нибудь целлоперовъ — игра даже и свѣтъ-то не будетъ стоить; а тутъ вѣдь дѣло бьетъ на почтенные и круглые куши. Впрочемъ, бывалый петербуржецъ не особенно-то часто попадаетъ на шуллерскую удочку, потому что въ Петербургѣ слухомъ земля полнится, и вся эта честная братія болѣе или менѣе извѣстна каждому, если не въ лицо, то по наслышкѣ.

Оттого-то братія и охотится попреимуществу за людьми прїѣзжими, у которыхъ денѣга въ карманѣ позвѣкиваетъ.

Какъ свести знакомство съ прїѣзжимъ? — Вотъ вопросъ, который необходимо становится на первомъ планѣ у каждаго шуллера.

Ради этой цѣли, каждая шуллерская компанія непременно держитъ на жалованьи своихъ собственныхъ агентовъ между прислугою всѣхъ, безъ исключенія, лучшихъ отелей города. Агентъ всегда съумѣетъ во-время предупредить своихъ патроновъ на счетъ дичинки новаго прилѣта. Если, напримѣръ, прїѣзжій вздумаетъ послать себѣ за билетомъ въ театръ, посланный непременно возьметъ два кресла рядомъ, изъ коихъ одно несмеленно же передастъ по назначенію — въ руки какаго-либо изъ членовъ компаніи, а другое — вручаетъ прїѣзжему постояльцу. Случайное сосѣдство по мѣсту въ театрѣ, служить уже совершенно достаточнымъ предлогомъ для того, чтобы завязать знакомство, и коль скоро разъ оно сдѣлано — за дальнѣйшимъ остановки не будетъ.

Таковъ наиболѣе употребительный прїемъ для сходящейся съ дичинкой, и особеннымъ искусствомъ отличается на семъ поприщѣ шуллеръ Польшевскій.

Этотъ полячокъ съ Волни былъ сначала мальчикомъ въ цирюльнѣ, а потомъ лакеемъ у нѣкоего актѣра Вольскаго, причемъ и самъ онъ подвизался иногда на сценѣ въ безсловесныхъ роляхъ, пока не нашелъ возможности жениться, для того, чтобы обобрать, и, обобравши, бросить свою супругу, ради нѣкой купчихи, которая, въ свою очередь, ради его, обобрала и бросила своего мужа, ударивъ съ нимъ, Польшевскимъ, въ Петѣрбургъ. Тутъ, конечно, постигла ее участь весьма печальная, но... за тѣ полячокъ съ Волни пошелъ, что называется, въ ходъ и въ гору.

Долгое время бѣгалъ онъ кобелькомъ въ роляхъ Расплюева, поза, наконецъ, фортуна рѣшилась исполнѣ уже повернуть къ нему свои прелести, такъ что въ данную минуту вы его можете встрѣтить въ отличномъ экипажѣ, на отличныхъ рысакахъ, въ костюмѣ, вышедшемъ изъ мастерской Жоржѣ или Шармера, съ полномѣснымъ бумажникомъ въ карманѣ, и, увы! — со слѣдами еще болѣе полномѣсныхъ пощочинъ на физиономіи.

Этотъ барянь — пролаза въ полномъ смыслѣ слова — прїобрѣлъ отличную споровку подхода къ людямъ, умѣя польстить всѣмъ и каждому, и зная, гдѣ нужно прикинуться гордымъ дворяниномъ, а гдѣ уничиженно *падаць дд ногъ*. Вооруженный своею истинно

мѣдлолобою наглостью, онъ постоянно завербовывалъ множество дичины для своихъ патроновъ. Не стѣснясь, звонилъ у дверей всѣхъ лицъ, о которыхъ лишь удавалось ему прослышать, что они имѣютъ деньги, и ведутъ большую игру, и приемы его въ этомъ случаѣ отличались большимъ разнообразіемъ: то явится вдругъ подъ видомъ богатаго пана-помѣщика, у котораго имѣется здѣсь въ сенатѣ процессъ, то въ видѣ богатаго же пана, занятаго коммерческими операціями, и такимъ-то вотъ образомъ, не будучи слишкомъ разборчивъ въ тонѣ оказаннаго ему приѣма, умѣлъ онъ втереться всюду и втерпѣться вездѣ, гдѣ только это было нужно, по соображеніямъ его патрона.

Съ помощью подобныхъ Польшевскихъ, шуллера вообще сводятъ очень многія изъ своихъ обширныхъ знакомствъ, и коль скоро знакомство съ дичинкой сдѣлано, выступаетъ у нихъ на сцену второй вопросъ — вопросъ хотя и столь же важный, но уже менѣе трудный: какими судьбами и на какую именно удочку поддѣть предстоящую жертву?

Для этой цѣли, компанія весьма тонко и зорко слѣдитъ за психическимъ настроеніемъ и склонностями атакуемаго. Если замѣтитъ она въ немъ человѣка, склоннаго къ серьезнымъ практическимъ цѣлямъ и занятіямъ — на сцену тотчасъ же выступаютъ весьма ловкіе финансисты, умные прожекторы, члены разныхъ акціонерныхъ обществъ и компаній, которые, такъ или иначе, съумѣютъ въ подходящую минуту обработать ловкое дѣло. Является ли дичинка тѣмъ, что называется «Сердечиннымъ» — на сцену дѣйствія немедленно же выступаютъ прекрасныя, умныя, ловкія женщины, которыя еще хитрѣе всякихъ аферистовъ и прожекторовъ съумѣютъ оболванить милого пижона. Поэтому, каждая шуллерская компанія непременно старается завербовать въ число своихъ членовъ одну, двухъ, а иногда и трехъ подходящихъ женщинъ. Если же новопріѣзжіи питаютъ сердечную слабость къ хорошему обществу и къ титулованнымъ именамъ, то кто-нибудь изъ членовъ шуллерской компаніи, отличающійся изящной обстановкой своей квартиры, задаетъ обѣдъ или вечеръ, и непременно постарается созвать на него возможно большее число своихъ коммодныхъ и титулованныхъ знакомцевъ, которые и не подозреваютъ, что обречены играть здѣсь роль болвановъ и чучелъ, ради приманки тщеславнаго самолюбія. Буде же ихъ почему-либо на лицо не окажется, то въ такомъ случаѣ и титулованныя визитныя карточки иногда не безъ успѣха дѣлаютъ свое дѣло.

Такимъ образомъ, весь кругъ общества, собирающагося въ шуллерскомъ домѣ, дѣлится на три категоріи. Къ первой принадлежатъ *дѣльцы*, то-есть самъ хозяинъ и его компанейскіе подручники; ко второй — *обстановка*, которую составляютъ люди, хотя и неиграющіе въ карты, но, благодаря своей извѣстности или свѣтскому положенію, могущіе отличнѣйшимъ образомъ служить мошенническимъ дѣламъ, часто даже и не подозрѣвая объ этомъ. Кто составляетъ третью категорію — полагаемъ—угадать нетрудно. Это именно *дичинка*, составляющая собою главную цѣль и предметъ завѣтнѣйшихъ мечтаній, заботъ и желаній шуллерствующей братіи.

IV.

Интимный вечеръ баронессы.

Баронесса фон-Дѣрингъ каждую среду задавала *soirées intimes*. Она не любила соперницъ, и потому дамы на эти вечера не приглашались. Интимный кружокъ баронессы составляли члены индустріальной компаніи и тѣ пижоны изъ міра бюрократіи, финансовъ и аристократіи, на которыхъ компанія устремляла свои виды. Впрочемъ, неоднократно случалось, что число посѣтителей этихъ интимныхъ вечеровъ доходило человекъ до пятидесяти, а иногда и больше.

Баронесса страстно любила азартную игру и всегда съ увлеченіемъ подходила къ зеленому полю. Но такъ-какъ это дѣлалось гласно, во очію всѣхъ присутствующихъ, то послѣдніе не могли не замѣчать, что счастье рѣшительно отворачивается отъ баронессы. На поприщѣ зеленого поля ей никогда почти не везло; за то везло либо Коврову, либо Каллашу, либо Карозичу, съ тѣмъ однако маленькимъ отгѣнкомъ, что послѣднему рѣже и менѣе первыхъ двухъ.

Такимъ образомъ, каждую среду, извѣстная сумма переходила изъ кармана баронессы въ бумажникъ котораго нибудь сочлена, затѣмъ чтобы на другое утро снова возвратиться по прежней принадлежности. Такое поведеніе вызывалось особою хитровою ловкой, которая была на тотъ расчетъ, что *дичинка* и *обстановка*, посѣщавшія интимные вечера баронессы и зачастую приплачивавшія за эти посѣщенія изъ собственного кармана, отклонялись отъ возможности явнаго подозрѣнія въ томъ, что домъ прелестной баронессы—ни болѣе ни менѣе, какъ элегант-

ная шуллерская трущоба. Всѣ считали ее женщиною—прежде всего, конечно, безусловно-прелестной, потомъ — независимой и богатой, далѣе немножко эксцентричной и оригинальной и, наконецъ уже, пылкой, страстной и свособной къ увлеченію сильными ощущеньями. Цѣлымъ рядомъ подобныхъ качествъ весьма удобно объяснялась и страсть къ игрѣ, отъ которой баронесса не отставала, несмотря на явное и постоянное несчастье въ картахъ. Члены ея компаніи дѣйствовали по заравѣ составленному и строго обдуманному плану. Они далеко не каждый разъ пускали въ ходъ замысловато тайныя пружины и махинаціи своего спеціального искусства. Если не представлялось охоты на слишкомъ крупную дичь, игра шла чисто и честно. При этомъ компанія могла быть въ убыткѣ тысячь около двухъ, иногда трехъ, но такой убытокъ не составлялъ для нея никакой важности и нивакого почти ущерба, такъ-какъ жертвы маленькаго компанейскаго проигрыша всегда сторицею вознаграждались при большой облавѣ на краснаго звѣря. Случалось иногда, что этотъ искусный манѣвръ честной и чистой игры длился недѣль до пяти до шести кряду, такъ что «мелкота», выигрывавшая компанейскія деньги, благодаря ему, постоянно оставалась въ полномъ убѣжденіи, что она играетъ въ домѣ честномъ и порядочномъ, и, естественнымъ образомъ, распространяла такое убѣжденіе по всему городу. Зато, когда подвергивался наконецъ красный звѣрь, компанія пускала въ ходъ всѣ свои силы, всю ловкость темнаго искусства—и нѣсколько часовъ вознаграждали ее съ величайшимъ избыткомъ за цѣлый мѣсяць безукоризненно честнаго поведенія на зеленомъ полѣ.

Наступала часть двѣнадцатой ночи.

Квартира баронессы была ярко освѣщена, но за спущенными толстыми драпри, съ улицы не видать было этого свѣта, хотя у подъѣзда и стояло нѣсколько экипажей.

Рядомъ съ изящной гостиной помѣщалась не менѣе изящно отдѣланная комната, предназначенная спеціально для игры и потому носившая у членовъ компаніи спеціальное названіе комнаты *инфернальной*. Тамъ помѣщался большой столъ, обтянутый зеленымъ сукномъ, а посрединѣ стола навалена куча ассигнацій, въ которыхъ каждая была перегнута пополамъ, вверхъ рубашкой,

чтобы ни на секунду невозможно было затрудниться въ опредѣленіи ея стоимости. По божамъ этой кучки возвышались двѣ груды золота, передъ которыми возсѣдалъ Сергѣй Антоновичъ Ковровъ и съ хладнокровіемъ истиннаго джентльмена отчетливо металъ банкъ.

Какое гомерическое, юпитеровское спокойствіе разлито во всѣхъ чертахъ его лица! Что за милая, безпечная самоувѣренность, что за благородная невозмутимость въ его улыбкѣ, въ его взорахъ! Какая грація, какое изящество во всей позѣ и въ особенности въ рукѣ, мечущей карты! Руки Сергѣя Антоновича, по истинѣ, достойны изумленія. Онѣ почти постоянно обтянуты у него свѣжими перчатками, которыя снимаются только въ экстренныхъ случаяхъ, когда надобно обѣдать, или написать какую нибудь записку, или сѣсть за карты. Да за то же и нѣжность этихъ рукъ доходить до женственности, за то и осязаніе въ кончикахъ пальцевъ развито до изумительной степени, такъ что едва-ли сравнится съ нимъ осязаніе любого изъ слѣпорожденныхъ. Это пальцы ловкіе, гибкіе, проворные, каждое движеніе которыхъ облечено тою неуловимою, плавною и спокойною граціею, которая всегда почти служитъ необходимымъ признакомъ дергача высшей школы. Эти пальцы украшены множествомъ колець, на которыхъ сверкаютъ брилліанты и иные драгоценные камни. И не даромъ щеголяютъ ими Сергѣй Антоновичъ! — Этотъ искристый блескъ и радужное сверканіе особенно ярко мечутся въ глаза окружающихъ понтерамъ. Въ то время, какъ возсѣдаетъ Сергѣй Антоновичъ на креслѣ банкюмета, они, что называется, отводятъ глаза, ибо необыкновенно удачно маскируютъ тѣ движенія, которыя, по расчетамъ банкюмета, непременно должны быть маскированы; они почти невольно отвлекаютъ вниманіе отъ пальцевъ, коя и рѣжа зрачки своимъ искристымъ блескомъ, а этого-то только и нужно Сергѣю Антоновичу!

Вокругъ стола толпалось человѣкъ тридцать понтеровъ. Иные изъ нихъ сидѣли, но бѣльшая часть играла стоя, съ неспокойнымъ лицомъ, лихорадочно горящими взорами и неровнымъ тяжелымъ дыханіемъ. Одни были блѣдны, другіе багровы, и всѣ съ напряженіемъ страсти слѣдили за выпадающими картами. Было впрочемъ, нѣсколько и такихъ, которые вполне владѣли собою, отличаясь невозмутимымъ хладнокровіемъ и слегка отшучиваясь при выигрышѣ, равно какъ и при проигрышѣ. Но такіа счаст-

ливныя натуры всегда составляютъ меньшинство за каждою группою игрою.

Въ inferнальной комнатѣ царствовала тишина. Разговоры совсѣмъ почти не было; только иногда слышалось какое нибудь замѣчаніе, шопотомъ или вполголоса обращенное сосѣдомъ къ сосѣду, и раздавался короткій, сухой высвистъ сброшенной карты, да шелестъ ассигнацій, да звонъ червонцевъ, совершающихъ круговое движеніе по столу — изъ банка къ понтерамъ, и отъ понтеровъ обратно въ банкъ.

Въ этотъ вечеръ обрабатывались оба князя Шадурскіе, и въ особенности юная отрасль сего дома, то-есть князь Владиміръ. Оба они сидѣли противъ Сержа Коврова, а между ними помещалась баронесса фон-Дёрвингъ, которая понтировала заодно съ ними, въ одной общей долѣ. Князь-гаменъ таялъ, какъ масло на сковородѣ, и старчески трясаясь, облизывался, словно маленький пѣсикъ въ виду лакомаго кусочка; а князь-кавалеристъ сидѣлъ съ пылающимъ лицомъ и такими же взорами. Оба увлекались въ одно и то же время игрою и баронессой.

Ловкая Наташа подвергала ихъ самой страшной пыткѣ, кабая только можетъ существовать, во время азартной игры, для чловѣка, неснабженнаго отъ природы рыбею кровью и невозмутимо холодною натурой. Кровь била въ голову и юношѣ и старцу; оба не помнили, что творять, не различали даже выпадающія карты, и спускали кушъ за кушемъ.

Наташа пустила въ ходъ самое безпощадное и мало-церемонное кокетство. Время отъ времени она исподволь и незамѣтно для остальныхъ метала то на того, то на другого раздражительно соблазняющіе взоры, полные хмѣльной страсти, истомы и нѣги. Маленькая ножа ея, то и дѣло, касалась подъ столомъ сосѣдней ноги то батюшки, то сына; а рука порою, какъ будто невзначай, скользила по колѣну того или другого, стлкнувалась тамъ съ другою сосѣднею рукою и встрѣчала ее нервнымъ пожатіемъ. Баронесса казалась экзальтированной, какъ никогда еще. Оба Шадурскіе находили ее упоительно прекрасною, не подозревая, что та пускаетъ въ ходъ одну изъ обычныхъ продѣлокъ хорошихъ шуллерихъ, доставляющихъ себѣ съ помощью этихъ средствъ самыя вѣрныя и иногда самыя обильныя выгоды. Дѣлается это обыкновенно въ расчетѣ на то, что каждый изъ понтеровъ занятъ въ это время по преимуществу самимъ собою и собственными картами, причемъ, конечно, некогда уже обращать

ему вниманіе на тайныя подстольныя продѣлки хорошенькой шуллерихи, которая, разумѣется, ведетъ ихъ, по долговременной опытной привычкѣ, съ необыкновенно-искусной ловкостью, и ужъ навѣрное сьумѣетъ скрыть свои маневры не только отъ всѣхъ постороннихъ, но даже и отъ двухъ своихъ сосѣдей, дабы лѣвому и въ голову не могло придти, что подобная же продѣлка совершается съ правымъ:

Въ Петербургѣ, полагаю, очень многимъ извѣстно, какъ въ зимній сезонъ 1864 года, на точно такую же удочку попался нѣкоторый князь, имени котораго назвать здѣсь нѣтъ никакой необходимости. Шуллеръ, принадлежащій по положенію своему чуть что не къ славкамъ нашего высшаго общества, одинъ на одинъ, у себя въ домѣ, обыгралъ этого князя въ то время, какъ молодая и прекрасная подручница—жена его, съ необыкновенною ловкостью помогала своему благовѣрному, пуская въ ходъ маневры баронессы фон-Дѣрингъ.

Графъ Каллашъ съ труломъ оттащилъ отъ игорнаго стола маленькаго доктора Катцеля, который, подперевъ обонии кулаками свои налившіеся кровью виски, лихорадочно слѣдилъ за игрою.

— Дѣло, другъ мой, докторъ, дѣло, говорилъ графъ, увлекая его изъ inferнальной комнаты въ гостиную, гдѣ на ту пору ни души не было:—надо толковать серьезно и рѣшительно.—Поэтому—вотъ вамъ отличная сигара—рекомендую! началъ онъ, усѣвшись рядомъ съ докторомъ въ одномъ изъ самыхъ уютныхъ угловъ комнаты, на самомъ уютномъ патѣ. — Не знаете ли вы, кто докторъ княгини Шадурской?

— Знаю только, что я не лечу ее, пожалъ плечами Катцель.

— Ну, такъ надо, чтобы лечили. Вы должны занять у нея мѣсто постоянного домашняго доктора.

— Если меня пригласятъ—отчего же.

— Васъ пригласятъ навѣрное; это ужъ обдѣлаетъ Каровичъ. Но... только, вы должны будете лечить въ *другую сторону*.

— То-есть? усмѣхнулся Катцель притворно недоумѣвающимъ вопросомъ.

— То-есть, врачи обыкновенно лечатъ затѣмъ, чтобы люди выздоравливали и жили, а вы должны будете лечить такъ, чтобы пациентка исподволь хворала и умерла.

— А, понимаю, многозначительно процѣдилъ сквозь зубы Катцель:—а для чего это нужно?

— Для общихъ выгодъ нашей компаніи.

— А мое вознагражденіе?

— Обыкновенная доля въ общемъ барышѣ.

— Этого мало. Вы слишкомъ эгоисты, господа. Въ васъ нѣтъ ни совѣсти, ни справедливости, ни человѣколюбія. Вы задумываете дѣло и безопасно пожинаете богатые плоды его; а я — чернорабочій, я долженъ искусно осуществить вашу идею, долженъ употребить мои способности, мой трудъ, мои научныя знанія. Я становлюсь отравителемъ, убійцей, рискуя за это каторжной работой и вѣчной потерей моего добраго имени—и вы хотите послѣ всего этого, чтобы я наряду со всѣми вами воспользовался только обычной долей дѣлежки!... Да за какого же дурака вы меня считаете! — Мнѣ эта обычная доля и безъ того бы досталась.

Каллашъ спокойно выслушалъ всю эту тираду, которая была высказана съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ, хотя и тише чѣмъ вполголоса, и взявъ руку доктора, улыбнулся ему своею невозмутимо спокойной улыбкою.

— Я люблю васъ, докторъ, за вашу прямую откровенность, началъ онъ.

— Нѣтъ, милый другъ, тутъ не откровенность, а деньги, перебилъ Катцель:—не было бы денегъ, не было-бы и откровенности.—Я вѣдь жидъ, такъ во мнѣ оно понятно!

— Да я не спорю... Сколько вы хотите?—давайте торговаться, согласился Каллашъ.

— Условія весьма смирныя. Кромѣ обычной доли, десять процентовъ съ общаго барыша; половину впередъ, до начала дѣла.

— Вы знаете, что у насъ нѣтъ теперь такихъ средствъ:—половину дать вамъ мы не можемъ, горячо вступился Каллашъ.

— Ну, буду еще разъ великодушнымъ! Давайте треть впередъ!

— Докторъ, вы поступаете не по товарищески...

— За то «но человѣчески», пронизировалъ Катцель.

— Да вѣдь трети невозможно отдѣлять намъ, потому что еще неизвѣстна сумма выгоды, убѣждалъ его собесѣдникъ.

— Тогда предоставьте мнѣ самому назначить ее. Нѣтъ у васъ денегъ—и это ничего!—Пусть каждый изъ васъ дастъ мнѣ вексель, однимъ словомъ вѣрное обезпеченіе, и я въ вашѣмъ услу-

гамъ. Вы въ этомъ дѣлѣ барчуки, а я батракъ. Шансы, господа, неровные.

— Это мы вамъ сдѣлаемъ, успокоительно удостовѣрилъ его наконецъ Каллашъ.

— Сдѣлаете?—ну, значить, и я вамъ тоже сдѣлаю *это*, закончилъ докторъ, и оба удалились изъ комнаты, вполне довольные другъ другомъ.

Ужинали на маленькихъ отдѣльныхъ столикахъ. Баронесса подала руку старику Шадурскому и повела его къ столу, на которомъ стояло только два прибора.

Дмитрій Платоновичъ остался въ сильномъ проигрышѣ, но этотъ матеріальный ущербъ былъ теперь тринь-трава ему!—Онъ всецѣло находился подъ обаяніемъ баронессы и ея недавнихъ подстольныхъ руко-и ногопожатій. За все время его неизмѣннаго поклонничества этой прелестной женщиной, она сегодня впервые только простерла до такой степени свою ласковость къ старому селадону. Князь продолжалъ безмѣрно таять и побѣдонсно восторгался въ глубинѣ души своей, что наконецъ-то его неизмѣнная страсть, обаяніе его души и наружности произвели на неприступную баронессу свое воздѣйствіе. Въ памяти разслабленнаго гамена были еще живы и очень ярки тѣ побѣды, которыя онъ одерживалъ въ прежнія времена и на которыя считалъ себя способнымъ даже и теперь. Онъ былъ искренно убѣжденъ, что остается все прежнимъ, все такимъ же добрымъ, красивымъ и побѣдоноснымъ Шадурскимъ. Самолюбіе нивагъ не допускало мысли о старчевствѣ и льстило себя полною увѣренностью, что онъ еще можетъ одерживать блестящія побѣды.

— Я пью за вашу руку и... за вашу ножку, чокнувшись съ баронессой проговорилъ онъ вполголоса, съ многозначительной разстановкой, намекая этою фразою на давнишнія подстольныя эволюціи.

— Повѣса! кокетливо и мило прищурилась въ отвѣтъ ему хозяйка.

— Съ вами кто не сдѣлается повѣсой! захлебнулся разслабленный князь, словно бы обливая лицо своей собесѣдницы старческимъ масломъ своихъ сладострастно посоловѣлыхъ глазъ.

Нѣсколько времени длилось молчаніе. Шадурскій любовался

своею собесѣдницей. Наташа чувствовала это и безпрепятственно позволяла.

— Послушайте, князь, начала она наконецъ безъ дальнихъ обиняковъ:—свободны вы завтрашній вечеръ?

— Какъ и всегда, поспѣшилъ удостовѣрить князь, съ любезной покорностью, пригнувъ нѣсколько свою голову, въ знакъ того, что онъ готовъ отдаться въ полное распоряженіе своей очаровательницы.

— Хотите провести его со мною? весело предложила баронесса, и даже многозначительно и не безъ пикантности прищурилась на князя.

Того словно бы огорошилъ такой неожиданный и быстрый оборотъ дѣла, такъ, что, вконецъ уже захлебываясь, онъ только и могъ произнести:

— Вмѣстѣ... вечеръ...

— Да, вдвоемъ, пояснила баронесса:—я хочу этого — слышите ли, *хочу!*

— *Ce que femme veut, Dieu le veut*, съ истинно джентльменской покорностью склонился Шадурскій.

— Будьте въ девять часовъ... Васъ встрѣтитъ моя камеристка, а я ужъ буду ждать, заключила она полупушта, полусерьезно, такъ что трудно бы было догадаться, что это такое: назначеніе ли дѣловаго свиданія, или просто милый капризъ женщины и притомъ доброй, хорошей знакомой, или же, наконецъ, многообѣщающій призывъ сердца?

Разслабленный гаменъ несокрушимо былъ увѣренъ въ послѣднемъ. И — слѣдующій вечеръ дѣйствительно доказалъ ему, что онъ не ошибся.

Баронесса ловко-таки умѣла притворяться. — Да и трудно ли было провести старика, поглупѣвшаго отъ лѣтъ и распутства!

V.

Пауки и мухи.

Казимиру Бодлевскому очень понравился смѣлый планъ графа Каллаша. Все болѣе блекнущая княгиня Шадурская была для него тяжелымъ бременемъ, которое онъ сносилъ терпѣливо и покорно потому лишь, что бремя это искупало себя весьма хорошимъ денежнымъ вознагражденіемъ. Но какъ ни хорошо оно было, а

все же перспектива — почти навѣрняка и притомъ вконецъ обратъ стараго дурня, избавясь притомъ отъ тяжелой обязанности старушечьяго друга — казалась весьма пріятной и сильно заманчивой.

«Стоять ли вытягивать по мелочамъ, если можно вытянуть съ-разу и окончательно», совершенно справедливо мыслплъ самъ съ собою Бодлевскій. Ревновать Наташу къ кому бы то ни было — онъ и въ помышленіи никогда не имѣлъ, предпочитая гораздо лучше, какъ практикъ, пользоваться при случаѣ сочными плодами ея благосклонности къ постороннимъ лицамъ. Онъ зналъ по неоднократному опыту, что Наташа умѣетъ вести эти дѣла ловко, темно, тайно, такъ что никогда не допускала своихъ эротическихъ продѣлокъ до скандальной огласки, и потому былъ совершенно спокоенъ, смотрѣлъ на это дѣло, какъ говорится, глазами философа, разсуждая такъ, что мы, дескать, любимъ другъ друга, а обоюдныя измѣны наши не суть измѣны, потому что оба мы знаемъ про нихъ, а главное, потому, что эти измѣны, кромѣ обоюдной пользы и удовольствія, ничего намъ не приносятъ.

Еслибы Наташа бросила его совершенно, избравъ себѣ иного друга сердца, съ которымъ бы стала дѣлиться плодами своихъ темныхъ, но прибыльныхъ похожденій, тогда другое дѣло! Тогда Бодлевскій почелъ бы это полнѣйшей и гнуснѣйшей измѣной съ ея стороны. Наташа въ сущности являлась глубоко правою, когда говорила, что они просто полезны другъ другу, и больше ничего. Это были скорѣе два темные товарища два компаньона, чѣмъ любовникъ съ любовницей; послѣднее же, въ силу привычки и старыхъ отношеній, шло только въ придачу къ первому. И при всемъ этомъ, Бодлевскій очень утѣшался тѣмъ вурьезнымъ обстоятельствомъ, что вдругъ его будущій сынъ или будущая дочка осяжутъ особами титулованными, съ громкимъ княжескимъ именовемъ Шадурскихъ.

Наташа постоянно являлась необходимѣйшимъ членомъ ковровской ассоціаціи. Это было золото, а не сообщница. Всѣ члены очень хорошо понимали, что ея неумѣстная беременность, хотя бы и косвеннымъ образомъ, однако же значительно можетъ повредить прогрессивно усиѣшному ходу ихъ шуллерскихъ операцій. Главное достоинство Наташи, какъ члена ассоціаціи, заключалось въ томъ, что будучи женщиной, все-таки недурно и независимо поставленной въ свѣтъ, она доселѣ пользовалась безукоризненной репутаціей. Относились о ней только какъ о жен-

щнѣ немножко эксцентричной, немножко вольнодумной, стоящей выше нѣкоторыхъ свѣтскихъ предрассудковъ, но никого не могли приписать ей въ явные любовники. И вотъ, такое-то положеніе, въ связи съ тою обаятельностью, которою всегда такъ изящно умѣла окружать себя эта женщина, служили для компаніи самымъ надежнымъ ручательствомъ въ успѣсныхъ дѣйствіяхъ Наташи на пользу общую. Всѣ безъ исключенія относились къ ней какъ къ женщинѣ, въ высшей степени порядочной, уважали, и ухаживали за нею, считая за великое удовольствіе угодить ея прихотямъ, и при случаѣ проиграть весьма изрядный кушигъ. Но съ дальнѣйшей беременностью, этотъ правильный ходъ компанейскихъ дѣлъ долженъ нарушиться, такъ-какъ баронессѣ необходимо нужно будетъ на время удалиться изъ общества, а удаленіе ея повлечетъ за собою непремѣнный ущербъ въ барышахъ и выгодахъ матеріальныхъ. Въ виду такихъ соображеній, графъ Каллашъ и предложилъ компаніи свой остроумный проектъ на счетъ семейства Шадурскихъ. Это ловкое дѣло, если только оно удастся, съ избыткомъ вознаградитъ всю компанію за нѣсколько убыточныхъ мѣсяцевъ, которые пройдутъ въ отсутствіи баронессы. И компанія, и самъ Бодлевскій апробовали мысль своего сочлена, найдя ее хотя и смѣлою и даже дерзкою, но въ сущности отнѣнно прибыльною.

Согласіе было получено, а къ этому только и стремился Николай Чечевинскій для своихъ собственныхъ затаенныхъ цѣлей.

Княгиня Татьяна Львовна Шадурская страдала нервами ужъ не первый десятокъ лѣтъ. Часто бывала она застигаема врасплохъ мучительными мигренями, отъ которыхъ ее лечили и не вылечивали.

Въ одну изъ подходящихъ минутъ, Бодлевскій посоветовалъ ей перемѣнить доктора и порекомендовалъ Негг Катцеля, про медицинскую дѣятельность котораго за границей рассказывалъ онъ теперь чуть не чудеса.

Княгиня, безусловно вѣрившая въ друга своего сердца, почти безъ малѣйшихъ колебаній согласилась на его предложеніе, и маленкій Катцель занялъ мѣсто ея домашняго доктора. Прежнему было отказано подъ первымъ попавшимся и довольно немудрымъ предлогомъ, въ родѣ предстоящей въ скоромъ времени поѣздки за границу.

Негг Катцель исподволь, осторожно приступилъ къ леченію «въ другую сторону». Съ перваго же осмотра своей новой пациентки, онъ рѣшительно объявилъ, что здѣшній климатъ навѣрное убьетъ ее, что онъ, зная немножко свои силы и свою науку, надѣется непременно вылечить ее, и только поэтому счелъ нужнымъ высказать, что болѣзнь ея нѣсколько серьезнѣе, чѣмъ предполагалось доселѣ. Онъ совѣтовалъ ѣхать на югъ, въ Швейцарію, прожить тамъ года два не выѣзжая, и правильно корреспондировать ему оттуда о ходѣ болѣзни и леченія, наблюденіе за которыми обѣщалъ препоручить своему хорошему другу и товарищу, находящемуся тамъ на мѣстѣ.

Прошло не болѣе мѣсяца, какъ принялся онъ за свое леченіе, а княгиня стала уже замѣтно хирѣть, слабѣть и разрушаться. Катцель настаивалъ на одномъ—ѣхать какъ можно скорѣе за границу. Татьяна Львовна собралась довольно скоро, и отправилась въ сопровожденіи своего эскулапа, который непременно хотѣлъ лично проводить ее до самой границы.

Уѣхала Татьяна Львовна, печальная отъ временной разлуки съ Карозичемъ, который далъ слово прибыть къ ней непременно черезъ два-три мѣсяца.

На прощанье въ Варшавѣ, докторъ Катцель успѣлъ наконецъ, послѣ нѣсколькихъ подготовительныхъ медикаментовъ, дать ей одинъ маленькій приемъ такого лекарства, которое уже неизбежно вливалось съ собою въ организмъ княгини постепенно-медленную, но вѣрную смерть, и эта смерть должна была послѣдовать, по расчетамъ доктора, мѣсяца черезъ два, не болѣе.

А въ это самое время обонхъ Шадурскихъ—старца и юношу—незамѣтно, однако же прочно опутывала со всѣхъ сторонъ паутина честной компаніи.

Старецъ ходилъ совсѣмъ безъ ума отъ баронессы, и весь подчинился ея волѣ. Не находилось той жертвы, которую бы онъ не въ состояніи былъ принести ей; не было того нелѣпаго каприза, котораго онъ не постарался бы тотчасъ исполнить, съ предупредительностью впервые очарованнаго юноши. Разслабленный гаменъ, съ зачатками разжиженія мозга, нилъ и таялъ, и гадко дрожалъ у ея ногъ, и былъ влюбленъ до непозволительности. Онъ забылъ и всѣхъ и вся, и въ грязновато-сластолюбивомъ умишкѣ своемъ помышлялъ лишь о томъ, какъ бы лишній разъ добиться наташиной благосклонности, предъ которой—

увы! почти постоянно пасовала его старчески-фальшивая возбужденность.

Однажды, наконецъ, баронесса съ притворно восторженными слезами на глазахъ, сообщила ему, что она готовится быть матерью, и что онъ—ея милый, ея прекрасный, ея возлюбленный—отецъ этого будущаго ребенка.

Князь чуть не прыгаль отъ восторга, нюнилъ и слюнявилъ и падалъ передъ нею на колѣни, съ которыхъ не безъ труда подымался съ помощью Наташи, и—то и дѣло—несчетными поцелуями покрывалъ ея руки. Сознаніе, что онъ еще мужчина, и даже вполне можетъ быть отцомъ, какою-то пѣтушиною гордостью питало его самолюбіе. Князь чуть съ ума не сходилъ, и по секрету хвастался подчасъ своимъ старымъ пріятелямъ, которые втихомолку безпощадно надъ нимъ посмѣивались.

Князь Николай Чечевинскій все это видѣлъ, за всѣмъ слѣдилъ издали и наслаждался... Судьба, казалось, какъ нельзя болѣе содѣйствовала ему въ его тайныхъ, никому невѣдомыхъ намѣреніяхъ.

— Итакъ, со старымъ идетъ какъ по рельсамъ! рѣшилъ онъ однажды самъ съ собою:—теперь остается только лучше спустить молодого.

И онъ принялся за подготовку рельсовъ для этого послѣдняго спуска.

VI.

Проектъ «общества петербургскихъ золотопромышленниковъ».

Геніальный проектъ предстоящаго спуска вполне уже созрѣлъ въ изобрѣтательной головѣ Николая Чечевинскаго. Нуженъ былъ только надежный и ловкій помощникъ; а кто же могъ быть надежнѣе и ловче, какъ не Сергѣй Антоновичъ Ковровъ? И вотъ, мы застаемъ теперь этихъ двухъ друзей въ великолѣпномъ кабинетѣ перваго, съ глазу на глазъ между собою, за хрустальными рюмками тонкаго рейнвейна, съ сигарами въ зубахъ, послѣ только что конченнаго завтрака.

Предметомъ разговора были Шадурскіе, которые вообще со времени внезапной поправки ихъ обстоятельствъ, представляли собою для всей ковровской компаніи необыкновенно богатый сюжетъ, необходимо требовавшій достойной обработки.

— Братъ на карты — *c'est trop misère, et surtout c'est si banal*, говорилъ графъ Каллашъ:—способъ слишкомъ обыденный да и скучный.—По правдѣ сказать, мнѣ эти карты давнымъ давно ужъ надоѣли! Да и притомъ, время—капиталь; а съ какою стати убивать нѣсколько недѣль, а можетъ и мѣсяцевъ на то, что весьма легко обдѣлать въ нѣсколько дней?

Ковровъ безусловно соглашался съ такимъ взглядомъ на дѣло, только въ видѣ возраженія поставилъ вопросъ: если не на карты, то какъ и на что же еще можно взять?

— А вотъ, въ томъ-то и дѣло, какъ и на что! одушевился Каллашъ:—я объ этомъ думалъ немало, и, кажется, выдумалъ нѣчто положительное. Проблема вотъ въ чемъ: надо изобрѣсти такую штуку, чтобы самъ сатана пришелъ въ недоумѣніе, да только руками развелъ, чтобы весь адъ улыбнулся намъ и сдѣлалъ кивсъ съ воздушнымъ подалуемъ. Да чего тамъ адъ! Адъ—пустяки, а чтобы весь ареонагъ высшихъ членовъ лондонской «Семьи» просилъ бы у насъ чести быть почетными членами этого почтеннаго общества. Вотъ что надобно!

— Задача недурная, лѣниво процѣдилъ Ковровъ, сжимая въ зубахъ сигару:—но слишкомъ широко задумана.

— Это еще не все! остановилъ его графъ: — ты выслушай! Задача моя требуетъ вотъ чего: надо изобрѣсти кунштикъ, который соединялъ бы въ себѣ два драгоценныя достоинства: первое—быструю и огромную выгоду, а второе—полнѣйшую безопасность.

— Ну, условія довольно трудно выполнимыя, сомнительно замѣтилъ Сержъ.

— Оно такъ кажется, да вѣдь и смѣлыя мысли не валяются на улицѣ, а приходятъ вдохновеніемъ. Это то, что называется «даръ небесъ», мой другъ.

— А у тебя было такое вдохновеніе? улыбнулся Сергѣй Антоновичъ, съ немножко ироническимъ оттѣнкомъ пріятельскаго скептицизма.

— А у меня было такое вдохновеніе! впадая въ его тонъ, отвѣтилъ импровизированный венгерець.

— И твоя муза...

— По счету десятая, на перебой подхватилъ графъ: — и зовутъ ее Индустрія.

— Это—общая наша муза.

— А моя въ особенности. Но дѣло не въ ней, а въ ея пророческихъ вѣщаніяхъ...

— Ну, любезный графъ, ты, пожалуйста, безъ высоваго слога! Рейнвейнъ, какъ видно, заводитъ тебя въ туманную Германію. Говори-ка проще, въ чемъ дѣло?

— А дѣло въ томъ, что надо основать «компанію петербургскихъ золотопромышленниковъ» и найти золотые прииски даже и тамъ, гдѣ почва по геологическимъ свойствамъ вовсе неспособна производить золото; надо сдѣлать ее производительною.— Вотъ задача! Россійскіе законы, подъ страхомъ уголовного суда и наказанія, строжайше запрещаютъ гражданамъ россійской имперіи, а также и иностранцамъ, куплю и продажу благородныхъ металловъ въ первобытномъ и, такъ-сказать, сыромъ ихъ видѣ, то-есть въ слиткахъ, въ самородкахъ и въ пескѣ. Еслибы, напримѣръ, ты у меня купилъ золото въ невоздѣланномъ видѣ, то-есть попросту золотой песокъ, то мы, по закону, оба подверглись бы пріятной прогулкѣ въ страны зауральскія, и намъ предоставили бы удовольствіе на мѣстѣ добывать собственноручно благородные металлы. Оно, конечно, дѣло полезное, но для насъ-то не совсѣмъ удобное...

— Комфарту мало, замѣтилъ Сергѣй Антоновичъ, шутиливо скорчивъ кислую гримасу.

— Ну, вотъ, въ томъ-то и сила! добровольныхъ охотниковъ на такое удовольствіе не отыщешь, а на этой-то оси и вертится весь мой проектъ, вса золотоносная система. Предварительно надо тебѣ знать, что золотой песокъ въ массѣ своей нисколько не отличается, хотя бы отъ мѣднаго припой: по виду, припой совсѣмъ похожъ на зерна золотого песку. Ну, и представь себѣ теперь, что мы тайнымъ образомъ продаемъ, подъ видомъ золотого песку, чистѣйшій мѣдный припой, а у насъ охотно его покупаютъ, потому что мы будемъ продавать десятью или двѣнадцатью процентами дешевле противъ казенной стоимости. Покупщикъ, конечно, незамедлитель убѣдиться, что его великолѣпнѣйшимъ образомъ надули. Но, спрашивается, пойдетъ ли онъ жаловаться и доказывать на насъ, зная, что и ему вмѣстѣ съ нами за эту покупку неминуемо предстоить владимірская дорога?

— Самъ себѣ кто же врагъ? согласился Сержъ, начавшій теперь уже съ живѣйшимъ вниманіемъ прислушиваться къ словамъ своего собесѣдника:—только, какъ же ты надувать-то будешь?

— А объ этомъ узнаешь своевременно. Главное въ томъ, что

проблема разрѣшена самымъ положительнымъ образомъ: быстрый барышъ, и полная безопасность. Мы съ тобою, кажется, недурные сердцевѣды, и потому можемъ быть вполне увѣрены, что покупщиковъ на этотъ товаръ всегда будетъ довольно, и для перваго раза, я предлагаю тебѣ сдѣлать опытъ на молодомъ князѣ Шадурскомъ. А какимъ образомъ поддѣть его на такую штуку, ужь это мое дѣло—потомъ сообщу. Но какъ тебѣ правится самая мысль моего проекта?

— Остроумно! съ веселымъ энтузіазмомъ истиннаго увлеченія пожалъ ему руку Ковровъ.

— За правду спасибо! чокнулся съ нимъ Каллашъ: — остроумно—это лучшая похвала, которую я могъ отъ тебя ждать. Выпьемъ же за благоденствіе моего проекта!

VII.

РЫБА ИДЕТЬ ВЪ ВЕРШУ.

Для черезъ три послѣ этого разговора, князь Владиміръ Дмитриевичъ Шадурскій обѣдалъ у Сергѣя Антоновича Коврова.

Еще сегодня утромъ получилъ онъ записку отъ послѣдняго, въ которой бравый Сержъ, жалуясь на приключившееся ему нездоровье, просилъ князя пріѣхать къ нему поболтать за обѣдомъ.

Князь исполнилъ его просьбу, и явившись къ назначенному времени, засталъ у него одного только графа Каллаша.

Между прочемъ болтовнею, мимоходомъ сообщалъ онъ, что вчерашняго дня получено у нихъ въ домѣ письмо отъ княгини Татьяны Львовны, въ которомъ та извѣщаетъ, что здоровье ея становится все плоше, и что поэтому чуть-ли не придется ему ѣхать къ ней въ Швейцарію.

При послѣднемъ сообщеніи, Каллашъ мелькомъ и почти незамѣтно, но весьма многозначительно переглянулся съ Ковровымъ.

Перебѣгая съ предмета на предметъ, разговоръ серьезно установился наконецъ на тугихъ временахъ, относительно русскихъ финансовъ. Сергѣй Антоновичъ, по его выраженію, «доходилъ до корня», жалуясь «на первичную причину зла», и очень либерально сваливая всю вину на правительство, которое будто бы не даетъ никакого ходу нашей золотопромышленности, стѣсняя до послѣдней степени этотъ важнѣйшій промыселъ, налагая на промышленниковъ весьма трудныя обязательства относительно сво-

бодной торговли добываемымъ metalloмъ и подвергая исключительный сбытъ его въ казну тысячъ такихъ формальностей, которыя необходимо служатъ источникомъ разныхъ злоупотребленій.

— Да вотъ, вамъ, на что ужъ лучше! у меня и фактъ подъ рукою, сверѣпилъ онъ въ заключеніе всѣ свои аргументаціи:—есть тутъ у меня знакомый человѣчекъ, одинъ изъ довѣренныхъ прикащиковъ по золотопромышленной части (при этомъ Сергѣй Антоновичъ назвалъ фамилію одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ золотопромышленниковъ). Онъ теперь въ Петербургѣ. Ну-съ, и вотъ нѣсколько дней тому назадъ является вдругъ ко мнѣ, и какъ будто озабоченный чѣмъ-то. А у меня, еще въ прежнее время разныя дѣлишки съ нимъ бывали. И что-жь бы вы думали! — дѣлаетъ мнѣ вдругъ предложеніе, по секрету, конечно: не помогу ли я сбытъ ему золотой песокъ? А надо вамъ знать, что эти повѣренные и прикащики ежегодно провозятъ въ Россію по нѣсколькимъ пудовъ золотого песка, добытаго... ну, ужъ извѣстно! — обыкновеннымъ *прикащикомъ* способомъ, и сбываютъ его контрабанднымъ образомъ въ частныя руки. Для покупателя дѣло оно необыкновенно выгодное, потому что тутъ вы приобретаете по цѣнѣ, несравненно болѣе дешевой противъ правительственной нормы. Поэтому охотниковъ находится много. Да чего вамъ лучше! — нѣсколько первыхъ ювелировъ (при этомъ опять названы были три-четыре извѣстныя фирмы) никогда не пренебрегаютъ такой контрабандой, а въ прошлое лѣто одинъ банкирскій домъ въ Берлинѣ приобреталъ черезъ здѣшняго агента своего даже до двухъ съ половиною пудовъ золота. Такъ вотъ теперь-то этотъ самый прикащикъ — знакомый-то мой—и ищетъ случая сбытъ свой товарецъ. А провезти-то ему удалось, какъ говорить, около пуда, если не больше. Я вамъ привожу это какъ примѣръ, какъ фактъ тѣхъ послѣдствій, которыя необходимо вытекаютъ изъ стѣснительной системы нашего правительства.

Шадурскій вообще мало смыслилъ въ серьезныхъ дѣлахъ, а въ финансовыхъ операціяхъ и тѣмъ болѣе оставался круглымъ невѣждою. Поэтому Сергѣю Антоновичу было весьма легко и удобно, напустивъ на себя извѣстный тонъ солидной серьезности дѣлового человѣка, морочить его такими вздорными рѣчами. Князь изъ приличія и для поддержанія собственнаго достоинства, подлаживаясь подъ его тонъ, тоже дѣлалъ серьезную фізіономію, и какъ-бы раздѣляя вполне мнѣнія своего собесѣдника,

подакивалъ ему самымъ солиднымъ образомъ. Однако во всемъ этомъ разговорѣ онъ очень хорошо усвоилъ себѣ то понятіе, что при случаѣ можно приобрести золото гораздо дешевле и, стало быть, выгоднѣе, чѣмъ продаетъ его государственныи банкъ. А Коврову съ Каллашомъ того-то и нужно было, главнѣйшимъ образомъ, чтобы юный князекъ на первый разъ приобрѣлъ себѣ именно эти свѣдѣнія.

— Самъ я, конечно, этими дѣлами не занимаюсь, отчасти небрежно продолжалъ Ковровъ: — и потому не могъ дать этому барину никакого дѣльнаго совѣта. Но еслибы комунибудь, напримеръ, пришлось ѣхать за границу, тотъ смѣло бы могъ рискнуть на такую операцію, потому что она дала бы весьма и весьма хорошіе барыши.

— То-есть, какъ же это? — спросилъ Шадурскій.

— А очень просто. Вы покупаете товаръ здѣсь, на мѣстѣ, какъ я уже сказалъ, гораздо ниже казенной нормы. Стало-быть, на первомъ же шагу дѣлаете уже очень выгодный оборотъ. Затѣмъ вы уѣзжаете вмѣстѣ съ товаромъ за границу, а тамъ, чуть-только поднялся курсъ на золото, вы въ первомъ же банкирскомъ городѣ свободно можете сбыть его по соотвѣтственной цѣнѣ, и я таки знаю примѣръ, что повѣренный банкирскаго дома (въ этомъ мѣстѣ опять послѣдовало упоминаніе извѣстнаго въ Петербургѣ имени), полтора года тому назадъ, зашибъ себѣ этимъ самымъ способомъ славную копейку! Да вотъ какъ: купилъ онъ песку на сорокъ тысячъ, а черезъ полтора мѣсяца сбывъ его въ Гамбургъ за шестьдесятъ. Какъ хотите, но пятьдесятъ процентовъ на капиталъ въ полтора мѣсяца, оно чего-нибудь да стоитъ!

— Ахъ, чортъ возьми! да это въ самомъ дѣлѣ превыгодный оборотъ! съ живостью вскочилъ съ своего мѣста Шадурскій: — вотъ бы мнѣ кстати! — Я-бъ его отлично спустилъ въ Женевѣ, или въ Парижѣ! домолвилъ онъ шутливымъ тономъ.

— А что жъ вы думаете? — Конечно! подхватилъ Сергѣй Антоновичъ, въ противоположность ему, самымъ серьезнымъ образомъ: — вы ли, другой ли кто — во всякомъ случаѣ, остались бы въ большомъ барышѣ. Потому, этому барину нужно ѣхать обратно въ Сибирь, заживаться некогда, обычный покупатель его въ отсутствіи, къ незнакомому человѣку съ такимъ предложеніемъ обратиться несовсѣмъ-то безопасно, такъ что ему, бѣднягѣ, приходится теперь хоть назадъ везти свое золото. Да онъ радъ-радехонекъ будетъ сбыть его даже нѣсколькими процентами ниже

обычной контрабандной цѣны. Я готовъ держать какое угодно пари, что покупатель остался бы въ выигрышѣ, вѣрныхъ пятьдесятъ процентовъ—и вы замѣтите—въ какой-нибудь мѣсяцъ, а много два!—Еслибы мнѣ лишніа деньги да подходящій случай—такой какъ теперь — божусь вамъ, господа, непременно соблазнился бы; нарочно бы даже отправился за границу для сбыта!

— Дѣло очевидное, вполне согласился Калашъ.

— Еще-бъ тебѣ не очевидное! Рѣдкое дѣло! Никакая операція въ настоящее время не можетъ дать больше. Золото стоитъ по курсу довольно высоко, да есть въ виду шансы, что подымется еще выше—стало быть, расчетъ вѣрный, только бы деньги, говорю тебѣ, а купить-то—купишь бы непременно!

— А что вы думаете—вѣдь въ самомъ дѣлѣ соблазнительно?! вопросительно остановился передъ нимъ Шадурскій, сбрестя на груди свои руки.

Этотъ фразой онъ какъ будто вызывалъ Коврова на положительный отвѣтъ, потому что въ головѣ его взбудоражилась уже мысль о приобрѣтеніи контрабанднаго товара. Князекъ понималъ, что это дѣло весьма *выгодное*, а отъ выгоды онъ чувствовалъ себя никогда не прочь, и по примѣрной вихлявости своихъ нравственныхъ принциповъ, даже вовсе не задумался надъ тѣмъ, насколько будетъ честно подобное приобрѣтеніе. Да онъ даже и не понималъ, что бы могло быть въ немъ предосудительнаго. Въ головѣ его засѣлъ еще съ дѣтства втолкованный, весьма узкій и ограниченный кодексъ нравственныхъ понятій о честности. Князь, на примѣръ, зналъ, что не отдать карточный долгъ — нечестно, украсть платокъ изъ кармана — нечестно; убить человѣка изъ-за угла — тоже нечестно. Но взять, на примѣръ, въ займы, и не отдать — отчасти дозвоительно; оклеветать мужа въ глазахъ жены, за которой ухаживаешь — совсѣмъ дозвоительно, равно какъ и пустить на вѣтеръ имя женщины, выставивъ ее, при случаѣ, своею или чужою любовницею; сынтриговать иногда по службѣ противъ пріятеля, и дружески подставить ему ногу, при случаѣ—тоже считалось дѣломъ допустимымъ, ибо могло быть оправдано разными обстоятельствами. Что же касается до купли контрабанднаго товара, то въ этомъ юный князь не видѣлъ ни малѣйшей предосудительности, потому что вѣдь приходилось же ему покупать контрабандныя сигары и провозить съ собою изъ-за границы, ради тогдашняго модно-либеральнаго шика, контрабандныя изданія русской заграничной печати. А матушка его,

однажды, даже самолично сыграла роль контрабанды, протасивъ черезъ таможенную цѣльную ворохъ брусельскихъ кружевъ, тщательно обмотанныхъ вокругъ ея собственнаго тѣла. Стало быть, если нравственное чувство князя не находило съ своей стороны никакихъ возраженій противъ сигаръ и кружевъ, то почему бы возмущилось оно и противъ покупки золотого песку; тѣмъ наче, что эту послѣднюю покупку можно почти тотчасъ же сбыть съ огромной выгодой, а заманчивость выгоды сильно-таки въ эту минуту подмигивала князя рискнуть на пріобрѣтеніе запретнаго товара.

— Н-да, въ самомъ дѣлѣ, очень и очень таки соблазнительно! продолжалъ онъ, стоя въ прежней позѣ передъ Сергѣемъ Антоновичемъ, и не сводя съ него того же вопросительнаго взгляда.

— Еще бы нѣтъ! съ улыбкой подмигивая глазомъ, прицмокнулъ Ковровъ:—горячее дѣло, кабы только деньги!

— А я бы не прочь—ей-богу не прочь! удостовѣрилъ Шадурскій:—познакомьте меня съ этимъ прикащикомъ.

— Васъ-то?... м-м... пожалуй, какъ-бы нехотя, небрежно замаялся Ковровъ:—если хотите—отчего же... Ради нашихъ добрыхъ отношеній, я не прочь доставить вамъ случай увидаться съ нимъ, а тамъ ужъ дѣлайте сами: онъ при васъ произведетъ пробу, вы увидите достоинство золота—стало быть, дѣло будетъ на чистоту. Только предупреждаю васъ: вопервыхъ, если хотите купить, то покупайте скорѣе, потому что долго ему ждать некогда—онъ и то ужъ, говорю вамъ, сильно зажилъ въ Петербургѣ, а вовторыхъ, держите это въ большомъ секретѣ, потому что неосторожнымъ словомъ вы можете повредить ему, да и въ случаѣ покупки тоже помалчивайте, а иначе и вамъ могутъ быть неспрiятности.

— Ну, ужъ это само-собою разумѣется! Дѣло понятное, согласился Владиміръ Дмитріевичъ:—деньги у меня теперь могутъ быть скоро, поѣздка за границу на носу: не сегодня—завтра, пожалуй, уѣду; поэтому неблагоразумно было бы упустить такой прекрасный случай. И такъ по рукамъ? протянулъ онъ свою ладонь Коврову.

— То-есть, въ чемъ это по рукамъ? пріостановился осторожный Сергѣй Антоновичъ:—я вѣдь здѣсь человѣкъ посторонній, и согласитесь, cher prince, никакъ не могу дать вамъ слова за моего знакомаго.

— Да я не объ этомъ, возразилъ Шадурскій:—я только прошу васъ, познакомьте меня съ нимъ, однимъ словомъ сведите насъ,

ну, и того... шепните ему при случаѣ, что я не прочь приобрести его песокъ. Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе.

— О, это одолженіе совсѣмъ иного рода! Это я всегда могу; тѣмъ болѣе, что мы съ вами такіе добрые и хорошіе знакомые. Отчего жъ и не сдѣлать для васъ такихъ пустяковъ! — Что касается до рекомендаціи, можете смѣло на нее рассчитывать.

И они пріятельски пожали другъ другу руки.

— Ха-ха-ха! самъ лѣзетъ въ вершу! самодовольно потирая руки, хохоталъ Сергій Антоновичъ, по уходѣ Шадурскаго: — согласись, любезный графъ, что у меня есть-таки дипломатическія способности?

— Кто же въ нихъ отказывалъ Сергію Антоновичу Коврову! весело и, повидимому, совершенно искренно польстилъ ему Каллашъ.

— Но я не думалъ, чтобы онъ такъ скоро поддался.

— А я, напротивъ, былъ почти увѣренъ. Вѣдь это перепелъ, который на дудочку самъ лѣзетъ въ сѣти. Во всякомъ случаѣ, кажется, можно себя поздравить, заключилъ графъ, который — себя на умъ—еще заранѣе рѣшилъ не принимать почти ни малѣйшаго участія въ извѣстномъ разговорѣ Коврова съ княземъ, и держаться все время совсѣмъ постороннимъ и ни къ чему непричастнымъ человѣкомъ. Такое поведеніе онъ признавалъ необходимо нужнымъ для своихъ собственныхъ тайныхъ расчетовъ и цѣлей.

VIII.

Золотой песокъ.

И Каллашъ, и Ковровъ были слишкомъ осторожны, для того, чтобы принять непосредственное, личное участіе въ самой сдѣлкѣ съ золотымъ пескомъ. По общему правилу мошенниковъ высшей школы, Кречинскіе всегда должны оставаться въ сторонѣ, не сходя съ пьедестала своей безукоризненности, а дѣло вмѣсто нихъ обязаны варганить Расплюевы.

Однимъ изъ Расплюевыхъ, состоящихъ при Сергѣ Ковровѣ, былъ нѣкто панъ Эскрокевичъ—личность темная, наружно грязноватенькая, и потому допускавшаяся въ благородному Сержу не иначе, какъ съ чернаго хода, черезъ кухню, да и то въ такое лишь время, когда въ квартирѣ не было никого посторонняго.

Эскрокевичъ былъ дѣляга на всѣ руки, и особенно отлячался

на поприщѣ фокусовъ. Часы, табакерки, порт-сигары, серебряныя ложки, даже большіе бронзовыя прес-папье получали вдругъ способность мгновенно исчезать невѣсть куда подъ его руками, и вслѣдъ затѣмъ столь же мгновенно, невѣсть откуда, появляться на прежнемъ мѣстѣ. Эта, столь драгоценная въ темномъ дѣлѣ способность была приобрѣтена паномъ Эскрокевичемъ еще въ юныя годы, когда развѣзжалъ онъ по польскимъ ярмаркамъ, и потѣшалъ въ балаганахъ почтенѣйшую публику жраньемъ горящей смолы, и испусканіемъ изъ утробы своей дѣлаго вороха лентъ и бумажекъ.

Панъ Эскрокевичъ былъ незамѣнимый, золотой человѣкъ и въ томъ еще отношеніи, что могъ принимать на себя какія угодно роли, преобразаться въ какую угодно личность, мѣняя соотвѣтственно и самый характеръ, и тонъ, и манеры, причемъ у него высказывалась большая актерская способность.

Ему-то и предстояло сыграть теперь роль сибирскаго приващива.

Прошло не болѣе двухъ сутокъ со времени послѣдней бесѣды.

Князь Шадурскій только что успѣлъ проснуться по утру, какъ человѣкъ доложилъ ему, что его дожидается какой-то господинъ Вальяжниковъ.

Князь набросилъ халатъ и вышелъ въ гостиную, гдѣ передъ нимъ предстала довольно презентабельная, хотя и весьма пестро одѣтая фигура пана Эскрокевича.

— Позвольте имѣть честь представиться, началъ онъ, раскланиваясь съ княземъ:—Иванъ Ивановъ Вальяжниковъ. Сергій Антоновичъ господинъ Ковровъ были столь любезны, что сообщили мнѣ объ извѣстномъ вашемъ намѣреніи... этта... на счетъ песочку. Такъ, ежели ваше сіятельство не раздумали, я съ удовольствіемъ готовъ продать вамъ.

— А, очень пріятно! весело улыбнулся Шадурскій, и указалъ ему на кресло.

— Чтобы не мѣшкать по пустому, продолжалъ Эскрокевичъ:—позвольте мнѣ просить васъ къ себѣ. Я стою въ гостиной; тамъ вы можете видѣть товаръ; сдѣлайте пробу, и коли понравится—я буду очень счастливъ, если успѣю угодить вашему сіятельству.

Князь Владиміръ немедленно же одѣлся, приказалъ заложить карету, и отправился вмѣстѣ съ импровизированнымъ Вальяжниковымъ.

Приѣхали въ одной изъ довольно скверненькихъ гостинницъ, и вошли въ довольно скверненькій номеръ.

— Вотъ-съ и моя убогая хата! Вѣдь я здѣсь, такъ-сказать, на походѣ... Поворнѣйше прошу садитесь! егосилъ передъ Шадурскимъ панъ Эскрокевичъ. — Не теряя драгоцѣннаго времени, быть можетъ, ваше сіятельство желаете полюбопытствовать на мой товаръ? — Такъ вотъ-съ — я охотно могу показать вамъ.

И онъ вытащилъ изъ-подъ кровати большой чемоданъ, внутри котораго помѣщалось штукъ до пяти разной величины полотняныхъ мѣшечковъ, туго наполненныхъ и крѣпко завязанныхъ.

— Вотъ-съ, это все онъ и есть — онъ самый-съ, нашъ сибирскій песочекъ-съ, любезно улыбаясь и полуулынаясь, жестомъ руки указывалъ Эскрокевичъ на чемоданъ, словно бы рекомендуя его Шадурскому.

— Не угодно ли вашему сіятельству самолично выбрать любой изъ этихъ мѣшечковъ и сдѣлать пробу? Я нарочно предлагаю вамъ это, чтобы вы были въ полной безопасности на счетъ дѣла. Лучше всего, коли сами увидите, что дѣло чистое, безо всякой фальши. — Любой выбирайте!

Шадурскій вынулъ одинъ изъ мѣшечковъ, и когда панъ Эскрокевичъ развязалъ его, глазамъ юнаго князя представилась масса мелкихъ металлическихъ зеренъ, на которую онъ взиралъ не безъ внутреннего удовольствія.

— Какъ же вы будете дѣлать пробу? спросилъ онъ: — вѣдь тутъ ни пальной трубки, ни пробирныхъ брусочковъ нѣтъ?

— О, будьте покойны, ваше сіятельство! все, что потребуется — все найдется! — и трубочки пальные, и азотная кислотка-съ, да даже десятичные вѣсы — такъ и тѣ забыты, потому, наше дѣло такое, что неравно подыщется покупатель, такъ чтобы лишнихъ людей не беспокоить и въ дѣло не посвящать, мы всегда ужъ имѣемъ при себѣ всѣ необходимыя предметы. — Вотъ только угольковъ-то нѣту. Ну, да все равно, сейчасъ прикажу принести.

И высунувшись въ дверь, онъ отдалъ корридорному приказаніе, а тотъ черезъ минуту уже принесъ на тарелкѣ три-четыре угля.

— Вотъ и прекрасно! Теперь, стало быть, все готово, потирая ладони, возгласилъ по уходѣ человѣка панъ Эскрокевичъ, и для пущей предосторожности, замкнулъ на ключъ двери.

— Берите любой уголѣкъ, ваше сіятельство, а впрочемъ, чтобы не пачкать вамъ пальчики, позвольте-ка, лучше я самъ возьму, а вы насыпте на него щепотку песку, лебезилъ онъ передъ кня-

земь:—ужь вы извините, что я заставляю васъ все это самолично продѣлать; потому, оно, повѣрьте, не отъ какого-нибудь невѣжества съ моей стороны, а собственно не для-чего, какъ чтобы ваше сіятельство были вполне благонадежны, что здѣсь никакого подвоха и быть не можетъ.

Говоря это, онъ досталъ всѣ необходимые приборы, и зажечь свѣчу.

Пошла въ ходъ паяльная трубка. Вальжниковъ производилъ опытъ, а Шадурскій внимательно слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ.

Уголь накалился до бѣла; песокъ расплавился и исчезъ, а на мѣстѣ его, когда жаръ нѣсколько остынулъ, и когда импровизированный химикъ поднесъ уголекъ Шадурскому, Владиміръ Дмитріевичъ увидѣлъ маленькій королекъ золота, засѣвшій въ легкой трещинѣ, которую весьма легко могъ дать уголь во время накаливанья.

— Снимите, ваше сіятельство, этотъ королекъ-съ, и положите его, для пушей сохранности, въ свой бумажникъ, говорилъ Эскрокевичъ: — пожалуй, хоть въ бумажку заверните; да и мѣшечекъ-то съ золотомъ держите при себѣ, чтобы въ васъ ужь никакого сумленія не было, потому, я этого никакъ не желаю.

Шадурскій охотно исполнилъ и это послѣднее предложеніе.

— Теперь, ваше сіятельство, я бы желалъ, чтобы вы опять же таки самолично изволили выбрать второй мѣшечекъ: мы тѣмъ же самымъ порядкомъ сдѣлаемъ еще два-три опыта.

Князь и на это согласился.

Эскрокевичъ подалъ ему новый уголекъ для насыпки песку, и опять принялся за паяльную трубку. И опять исчезъ мѣдный припой, а въ трещинкѣ появился новый королекъ золота.

— Ну-съ, полагаю, и этихъ двухъ опытовъ будетъ довольно. Какъ вы на этотъ счетъ изволите думать, ваше сіятельство? спросилъ мнимый Вальжниковъ.

— Да чего тамъ еще? — дѣло очевидное, согласился князь.

— А коли очевидное, такъ мы его сейчасъ сдѣлаемъ еще очевидное. Вотъ-съ вамъ и пробирный брусочекъ, а вотъ вамъ и азотная кислота. На брусочкѣ попытайте-ка вы эти два королька, такъ-сказать, практически, а азотной кислотой химически. А коли хотите и пуще того убѣдиться, такъ мы сдѣлаемъ вотъ чтѣ... Какое именно количество золота угодно вамъ приобрести?

— Да чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Я готовъ хоть всѣ эти мѣшки купить.

— Очинно вамъ благодаренъ, потому это для меня самое подходящее, слегка поклонился Эскровевичъ: — и какъ ежели есть на то ваша готовность, то я ужъ покорнѣйше попрошу васъ, каждый мѣшечекъ взять, посмотрѣть, и завязавши самолично, припечатать собственною вашего сїятельства печатью. Потомъ вы возьмете одинъ королекъ, и мы вмѣстѣ отправимся къ лучшему изъ столичныхъ ювелировъ. Пусть онъ намъ опредѣляетъ достоинство этого золота, тогда дѣло будетъ въ акуратѣ; и для васъ и для меня безобидно, потому безъ всякой фальши и безо всякаго сумленья.

Князь былъ очарованъ честностью и открытымъ образомъ дѣйствій Вальяхникова.

Поѣхали въ одному изъ извѣстнѣйшихъ ювелировъ. Этотъ при нихъ же сдѣлалъ опытъ, и объявилъ, что золото химически чисто, безъ всякой примѣси, стало быть, высшаго достоинства.

По возвращеніи въ гостиницу, панъ Эскровевичъ свѣсилъ мѣшки, въ которыхъ оказалось пудъ и восемь фунтовъ. Три фунта пошли на скидку, за вѣсъ самыхъ мѣшковъ, и такимъ образомъ, чистаго золота, по этому расчету, должно было остаться пудъ и пять фунтовъ.

— Почему же вы хотите за фунтъ? спросилъ его Шадурскій.

— Цѣна безобидная, ваше сїятельство, пожалъ плечами сибирякъ: — потому, какъ продаю я изъ одной только моей крайности, что безъотмѣнно нужно уѣзжать въ Сибирь — очинно ужъ зажилъ здѣсь въ Питерѣ — а не сбывши этого товара, никакъ невозможно уѣхать. Полагаю, казенная цѣна вамъ не безъизвѣстна? А я согласенъ хоша на двѣсти рублей съ фунта. Меньше этого ни одной копейкой не могу — и то вѣдь чуть не на сто рублей скидки даю!

— Ну, хорошо! согласился Шадурскій: — стало быть... это... прищурился и замамлилъ онъ, соображая: — по двѣсти рублей фунтъ... пудъ и пять фунтовъ...

— Это придется ровно девять тысячъ, ваше сїятельство. Тагъ-таки ровнехонько девять, предупредительно подхватилъ Эскровевичъ.

Князь, не затагивая дѣла, выдалъ ассигновку, и захвативъ чемоданъ съ завѣтными мѣшками, отправился вмѣстѣ съ сибирскимъ прикащикомъ въ домъ своего батюшки, гдѣ Поліевтъ

Харлампіевичъ Хлѣбовасущенскій, уступая настоятельнымъ требованіямъ князя Владиміра, хотя и неохотно, однако же немедленно выдалъ девять тысячъ, въ полученіи которыхъ тутъ же и росписался красноярскій мѣщанинъ, Иванъ Ивановъ сынъ Вальжниковъ.

Князь былъ въ восторгѣ отъ своей покупки; впрочемъ, исключая Коврова, никому не проболтался о ней ни единымъ словомъ.

Сергѣй Антоновичъ далъ ему добрый дружескій совѣтъ, не дѣлая лишнихъ проволочекъ и мѣшкотнй, уѣзжать поскорѣе за границу, такъ-какъ, по биржевымъ свѣдѣніямъ, курсъ на золото въ данную минуту стоитъ довольно высоко, и стало быть, упустить благопріятный случай для выгоднѣйшаго сбыта было бы въ высшей степени непрактично.

Князь, дѣйствительно, не медля взялъ заграничный паспортъ, упряталъ понадежнѣе да посекретнѣе свое приобрѣтеніе, и благополучно отправился за границу, объявивъ, что уѣзжаетъ къ матери, здоровье которой необходимо требуетъ его присутствія.

Чечевинскій, Ковровъ и Эскрокевичъ полюбовно раздѣлили между собою столь легко прибрѣтенныя деньги. Успѣхъ новаго предпріятія, на первый разъ, оказался блистательнымъ, потому всѣ трое чувствовали себя необыкновенно въ духѣ, и Сергѣй Антоновичъ съ величайшимъ удовольствіемъ отдалъ полную справедливость отнѣвному остроумію и научнымъ свѣдѣніямъ своего друга, графа Калаша.

Вся штука состояла въ томъ, что мѣдный припой, весьма подходящій своимъ наружнымъ видомъ на золотой песокъ, отъ сильнаго накаливанія, съ помощью паяльной трубки, разлагается на цинкъ и мѣдь. Цинкъ стараетъ вполнѣ, а мѣдь совершенно чернѣеть, и потому скрывается на углѣ. Въ самомъ же углѣ предварительно врѣзывается простымъ перочиннымъ ножичкомъ небольшое углубленіе, имѣющее видъ трещины, куда вкладывается королекъ чистаго золота, поверхность котораго, приходящаяся не болѣе какъ на поллиніи ниже общей поверхности самой трещины, затирается угольнымъ порошкомъ, смѣшаннымъ съ воскомъ.

Поэтому, стало быть, «химику», производящему опытъ, остается только хорошенько изучить заранѣе видъ самого угля, и особенно то мѣсто, гдѣ находится трещина, для того, чтобы безошибочно

выбрать его между десяткомъ другихъ углей, и чтобы въ концѣ концовъ опытъ далъ блистательные результаты.

На первый случай, панъ Эскрокевичъ пригготовилъ всѣ четыре угля, принесенные корридорнымъ слугою. Онъ нарочно избралъ временнымъ мѣстомъ своего пребыванія одну изъ очень хорошо знакомыхъ ему темныхъ гостиницъ, въ связи съ хозяиномъ которой и прежде еще неоднократно обдѣливалъ теплыми дѣлишками. Само собою разумѣется, что корридорный былъ ему «свой человекъ», которому заранѣе сдалися на руки отмѣнно-сфабрикованные угли.

Такимъ образомъ было основано знаменитое и до нашихъ дней общество петербургскихъ золотопромышленниковъ, которые, съ легкой руки князя Владимира Дмитриевича Шадурскаго, производили да и доселѣ еще производятъ свои золотопромышленныя операціи, съ величайшимъ успѣхомъ расширяя кругъ своей дѣятельности не только на провинціи, но даже и на иностранныя государства.

IX.

Двѣ неприятности и одно утѣшеніе.

Не прошло и трехъ недѣль съ отъѣзда князя Владимира, какъ старшій гаменъ былъ пораженъ ужасною вѣстью, случайно вычитанною имъ изъ одной французской газеты, гдѣ во всеобщее свѣдѣніе публиковалось, что одинъ русскій путешественникъ, нѣкто князь Владиміръ Шадурскій, пойманъ на весьма некрасивой мошеннической продѣлкѣ, которая заключалась въ томъ, что онъ предложилъ одному банкирскому дому купить у него дѣльный пудъ золотого песку, оказавшагося по немедленному разслѣдованію простымъ мѣднымъ припоемъ. «Хотя изъ обстоятельство свѣдѣннаго дѣла — извѣщала эта газета — кажется, можно придти къ заключенію, что и Шадурскій былъ жертвою ловкаго обмана—такъ, по крайней-мѣрѣ, самъ онъ показываетъ—однакоже намѣреніе его, сдѣлать въ свою очередь продажу, воспрещаемую закономъ, ясно показываетъ въ немъ мошенническій, недобросовѣстный образъ дѣйствій. Въ настоящее время князь арестованъ и вскорѣ имѣетъ быть подвергнутъ суду при-сѣжныхъ».

Извѣстіе это въ первую минуту нанесло князю сильный ударъ, и только одна нѣжная ласка да теплыя заботы и утѣшенія ба-

ронессы фон-Дёрингъ заставили его забыть въ ея объятіяхъ всю горечь этого сверзнаго обстоятельства.

День ото дня, старикъ все болѣе и болѣе поддавалъ подь обаятельную власть этой женщины. Онъ рѣшительно становился слабъ разсудкомъ, вслѣдствіе странной, ненормальной страсти, которую иногда мы можемъ во очію наблюдать, какъ печальное явленіе, въ весьма многихъ старцахъ нашего времени. Онъ утратилъ всю самостоятельность своей личной воли, смотрѣлъ на все глазами баронессы, думалъ ея мыслями, говорилъ ея словами, только, разумѣется, это были не тѣ мысли и слова, которыя составляли настоящую, внутренно-сокровенную *суть* этой женщины. И если вниманіе и ласки ея такъ удачно помогли князю забыть впечатлѣніе, произведенное на него заграничнымъ безчестіемъ родного сына, то благодаря этимъ самымъ ласкамъ и своей старческой влюбленности—внезапная телеграмма, возвѣщавшая смерть княгини Татьяны Львовны, была встрѣчена имъ почти равнодушно. Въ душѣ его уже давнымъ давно не оставалось ни искорки чувства къ этой женщинѣ, что, впрочемъ, читатель отлично могъ уже видѣть изъ самаго начала нашего повѣствованія; и потому ея смерть могла только изумить его, какъ совсѣмъ неожиданное событіе. На совмѣстное сожительство въ теченіе долгихъ лѣтъ, побуждалъ ихъ одинъ только долгъ свѣтскихъ приличій. Поэтому и теперь, ради тѣхъ-же самыхъ приличій, старый князь облекся въ трауръ, то-есть замѣнилъ свои модные галстуки и панталоны черными цвѣтомъ, и надѣлъ печальный крѣпъ на пуховую шляпу.

Полюевкъ Харлампіевичъ, немедленно по полученіи телеграммы, былъ отправленъ имъ за границу — хоронить покойную княгиню. Онъ долженъ былъ привезти въ Петербургъ ея тѣло, и двѣ недѣли спустя, гробъ Татьяны Львовны, съ надлежащею помпой, былъ встрѣченъ на пристани парохода и преданъ землѣ на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, гдѣ цѣлая группа изящныхъ памятниковъ возвѣщала прохожимъ о мѣстѣ упокоенія князей Шадурскихъ прежнихъ, восходящихъ поколѣній. Князь держалъ себя на этихъ похоронахъ вполне прилично, то-есть былъ умѣренно огорченъ, умѣренно грустенъ, и въ тотъ же вечеръ инкогнито отправился утѣшать эту умѣренную грусть въ интимной будуарной бесѣдѣ съ баронессой фон-Дёрингъ.

Между тѣмъ вскорѣ пришло новое извѣстіе и о томъ, что князь Владиміръ Шадурскій, за намѣреніе совершить мошенни-

чески незаконную продажу, приговоренъ судомъ къ известной пенѣ и тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ.

Блпстательная карьера юнаго кавалериста была испорчена: его исключили изъ службы.

Но... все то же неизмѣнно-теплое участіе баронессы опять-таки помогло старому князю легко перенести и эту послѣднюю неприятность. Подъ вліяніемъ своего чувства, онъ становился все болѣе и болѣе эгоистомъ, такъ что теперь его уже не трогало ничто, исключая того, что непосредственно касалось баронессы и его собственной страсти. Онъ сдѣлался даже какъ-то нравственно неряшливымъ, относительно суда и мнѣній того избраннаго общества, которому подчинялся всю свою жизнь, и въ своемъ старческомъ ослѣпленіи ничего не зналъ, ничего не видѣлъ и не слышалъ, что творилось вокругъ него, не замѣчая, сколько странныхъ улыбокъ и заочныхъ осужденій вызываетъ его непозволительное по годамъ поведеніе. Теперь ему дѣйствительно все стало тринь-трава—лишь бы только она—несравненная баронесса не переставала ворковать ему ласковыми рѣчи, метать на него порою страстные взоры, и хотя немножко, хотя изрѣдка снисходительно дарить свою драгоцѣнную ласкою.

А между тѣмъ дѣла его день ото дня приходили все въ большее разстройство. Онъ не считалъ и не замѣчалъ, сколько денегъ, потраченныхъ на драгоцѣнные подарки и отданныхъ, какъ-бы заимобразно, переходили изъ его княжеской конторской кассы въ карманы очаровательной агулы.

Компанія благоденствовала и ликовала, глядя на эти полновѣсные результаты, которые приносила ей ловкая интрига Натяши. А Полюевъ Харлампіевичъ Хлѣбонасушенскій, съ своей стороны, усматривая, что «свѣтило невозвратно уже склоняется къ своему закату, нисходитъ, такъ-сказать, отъ зенита къ надиру» — тоже не желалъ упускать благоприятнаго случая и «неупустительно» наполнялъ свои собственные карманы остатками княжескаго благосостоянія.

А время шло, да шло себѣ, и незамѣтно привело баронессу фон-Дѣрингъ къ шестому мѣсяцу ея беременности.

Далѣе уже невозможно было маскироваться. Никакой корсетъ и кринолинъ не въ состояніи уже были скрывать сущности дѣла, и поэтому благоразуміе требовало своевременной ретирады изъ Петербурга. Для свѣта—баронесса объявила свой отъѣздъ, и Владиславъ Карозичъ, въ качествѣ ея родного брата, при случаѣ

заявлялъ всѣмъ и каждому, что сестра его уже уѣхала на время за границу.

Между тѣмъ баронесса не уѣзжала. Для виду, она перешла только на другую квартиру, нанятую и меблированную княземъ, и рѣшилась до конца своей болѣзни жить совершенной затворницей, нигуда не показываясь изъ своего обиталища, и ради моціону выѣзжая только по вечерамъ, да и то большею частію въ закрытомъ экипажѣ.

Теперь уже разслабленный гамень торчалъ у нея чуть что не цѣлыми днями, и Наташа поневолѣ должна была благосклонно выносить его присутствіе, ибо въ это-то самое время и намѣревалась вконецъ уже обогать своего пламеннаго поклонника.

Х.

НЕОЖИДАННОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ И ЕЩЕ ВОЛѢ НЕОЖИДАНЫМЪ
ДЛЯ ГАМЕНА ИСХОДЪ ЕГО.

Баронесса родила мальчика. Старшій князь пришелъ-было немножко въ недоумѣніе отъ нѣкоторой преждевременности родовъ, но совокупныя усилія акушерки, доктора Катцеля и отчасти самой роженицы, съ полнотъ успѣхомъ убѣдили его наконецъ, что преждевременныя роды — явленіе довольно обыкновенное и въ данномъ случаѣ вызвались, вопервыхъ, нравственнымъ потрясеніемъ, вовторыхъ, простудою. Нравственное потрясеніе, какъ увѣрила его баронесса, заключалось въ неожиданномъ письмѣ ея мужа, гдѣ онъ извѣщалъ о намѣреніи своемъ пріѣхать къ ней въ Петербургъ — стало-быть, можно судить, какое впечатлѣніе должноствовало вызвать это обстоятельство въ ней — женщину, столь сильно увлеченной другимъ, столь много любящей этого другого. Вторая же причина, которая, въ связи съ нравственнымъ потрясеніемъ, вызвала преждевременныя роды — по объясненію доктора и акушерки — была не что иное, какъ простая простуда ногъ: баронесса неосторожно вздумала пройтись пѣшкомъ, вечеромъ въ сырую и вѣтрную погоду. Князь безконечно и очень горько упрекалъ себя передъ нею за свою оплошность, за то, что недосмотрѣлъ и допустилъ ее даже и «въ свое отсутствіе», сдѣлать такую неосторожность. Утѣшился онъ только тогда, когда Негг Катцель увѣрилъ его, что родильница внѣ всякой опасности и ребѣнокъ, недоношенный безъ малаго три недѣли,

точно также совершенно здоровъ и невредимъ и подаетъ самыя положительныя надежды на дальнѣйшую прочность своего здоровья.

Чему хочется вѣрить, тому вѣришь такъ охотно!—И потому Дмитрій Ивановичъ Шадурскій убѣдился вполне опытными доводами врача и акушерки, а убѣдившись однажды, онъ уже просто купался въ восторгѣ, отъ гордаго сознанія, что не только *можетъ* быть отцомъ, но и *есть* уже отецъ на самомъ дѣлѣ. Онъ приготовилъ въ подарокъ дорогую, вязанную швацулку, въ которой баронесса должна была найти двадцать-пять тысячъ банковыми билетами. Князь дарилъ ей это для ребѣнка; и хотя Хлѣбопасущенскій сильно-таки крикнулъ, когда получилъ внезапное требованіе на такую сумму, тѣмъ не менѣе выдалъ ее, безнадежно махнувъ рукою: «несись, молъ, утлая ладья, куда бросаетъ тебя рокъ; скоро отъ тебя и щепъ не останется; а мнѣ все-равно: я уже въ мирной пристани и благоразумно подбираю твои остатки!»

На другой день послѣ родовъ, старому князю доложили, что его необходимо желаетъ видѣть по дѣлу, графъ Николай Каллашъ.

Шадурскій приказалъ просить его въ свой кабинетъ.

Венгерскій магнатъ вошелъ съ весьма серьезнымъ, озабоченнымъ видомъ, который ясно изобличалъ, что привело его сюда дѣло важнаго свойства.

— Я пріѣхалъ къ вашему сіятельству, началъ онъ джентльменски-официальнымъ тономъ: — по порученію моего близкаго друга—брата баронессы фон-Дѣрингъ, господина Карозича, который далъ мнѣ полномочіе для объясненія съ вами.

Старый гамеень сильно-таки смутился отъ такого непредвидѣннаго начала и растерянно объявилъ, что онъ готовъ выслушать.

— Ваше сіятельство, конечно, должны предвидѣть, что намъ предстоитъ разговоръ вполне откровенный, продолжалъ почти тѣмъ же тономъ Каллашъ, послѣ своего приступа: — господину Карозичу вполне сдѣлались извѣстны отношенія ваши къ его сестрѣ. Онъ догадывался о нихъ еще гораздо ранѣе, но... я полагаю, вы опѣните то чувство деликатности, которое заставило его молчать до сихъ поръ, когда уже появились полныя послѣдствія вашихъ отношеній.

Князь Шадурскій, молча и сидя, слегка нагнулся корпусомъ въ короткомъ полупоклонѣ.

— Господинъ Карозичъ желалъ бы знать ваши намѣренія относительно этого ребѣнка, продолжалъ графъ: — въ какія отношенія намѣрены вы стать къ нему?

— То-есть... какъ въ какія отношенія? возразилъ гамень, не выполнѣ еще оправаясь отъ своего смущенія: — я готовъ сдѣлать все, чтò могу...

— Миѣ остается только отъ лица господина Карозича искренно благодарить васъ за такую готовность; но господинъ Карозичъ, конечно, пожелаетъ знать болѣе опредѣлительнымъ образомъ, въ чемъ именно она заключается?

Старый князь замаялся. Онъ не зналъ и не сообразилъ еще, чтò ему отвѣтить на столь положительный вопросъ.

— Я... я, право, не знаю, какъ вамъ это сказать... я обдумую, затруднительно пожалъ онъ плечами.

— Въ такомъ случаѣ, обдумайте вмѣстѣ. Умъ—хорошо, два—лучше, говоритъ ваша русская пословица.

— Я уже кое-что сдѣлалъ, мало по малу оправлялся Шадурскій:—это, конечно, немного... чтò могъ, въ первую минуту... но я сдѣлаю гораздо больше.

— То-есть, чтò же именно?—Ваше сіятельство должны извинить меня за такіе настойчивые вопросы, но... вы понимаете...

— О, да, конечно! подхватилъ гамень: — я охотно готовъ объяснить вамъ!... Долгъ отца... я это понимаю... и потому... на первый разъ я уже обезпечилъ участь моего ребѣнка двадцатью-пятью тысячами рублей.

— Хи... это конечно такъ, но... раздумчиво замаялся Калашъ:—но... не находите ли вы, что подобнаго рода отношеніе къ ребѣнку любимой женщины будетъ весьма оскорбительно для его матери? Это можно очень удобно и даже съ большимъ для себя достоинствомъ сдѣлать для какой-нибудь танцовщицы, для содержанки; но не думаю, чтобы можно было съ тѣмъ же достоинствомъ поступить такимъ образомъ относительно баронессы фон-Дёрингъ. Баронесса не содержанка; баронеса полюбила васъ искренно и безъ расчета—да Боже мой! кому же лучше и знать про это, какъ не вамъ самимъ!

— О, да, да!... о, да!... я знаю, знаю!... залепеталъ князь, снова приходя въ свою масляную восторженность.

— Вамъ извѣстно свѣтское положеніе баронессы; стало-быть,

вы можете одѣнить и ту жертву, какую она приносила для васъ, поддавшись и своему и вашему увлеченію.

Эти слова мягкимъ елеемъ ложились на ловласовское самолюбіе старца; они ласкали его ухо и льстили тщеславной гордости: князь осязательно могъ убѣдиться теперь, что нетолько онъ самъ, но и другіе считаютъ его романическимъ героемъ-побѣдителемъ неприступнаго сердца прекрасной свѣтской женщины.

— Вамъ извѣстно, что она замужемъ, продолжалъ графъ: — и до связи съ вами, свѣтская молва ни на кого не могла уважать, какъ на ея любовника; поведеніе ея было безукоризненно, и тѣмъ-то серьезнѣе должны быть теперь ваши обязательства относительно вашего ребенка.

— Но что же мнѣ сдѣлать?—Научите меня—я заранѣе на все согласенъ для этой женщины! воскликнулъ Шадурскій, протянувъ гостю обѣ руки, какъ-бы въ знакъ полной своей готовности:— я теперь вдовецъ; я готовъ начать бракоразводное дѣло и... даже жениться на ней! Я на все готовъ!

— О, конечно, это было бы самое лучшее, что только могла бы вы сдѣлать; но... въ сожалѣнію, баронесса католичка, ея мужъ тоже католикъ; а вы знаете, какъ у нихъ трудно даются разводы! Да и потомъ, согласится ли еще баронъ?—это вопросъ! а я сильно сомнѣваюсь въ его согласіи... Напротивъ, сколько мнѣ извѣстно отъ Карозича, онъ, кажется, хочетъ даже пріѣхать въ женѣ, въ Россію.

— Я слыхалъ... слыхалъ уже объ этомъ!... Что же дѣлать, въ такомъ случаѣ! пожималъ плечами Шадурскій: — я, право, теряюсь... все это такъ затруднительно...

— Хотите вы знать завѣтное желаніе баронессы? рѣшительно поднялся графъ Каллашъ: — сама она едва-ли когда рѣшится высказать вамъ это; но я знаю, что исполненіемъ ея желанія, вы на вѣки привязали бы къ себѣ сердце этой женщины. — Хотите, говорю, знать его?—баронесса фон-Дѣрингъ желаетъ, чтобы сынъ князя Шадурскаго носилъ имя своего отца и пользовался всѣми правами законнаго сына.

Старый гаменъ, въ недоумѣніи, только и могъ сдѣлать, что выпучить на графа глаза свои.

— Если вамъ дорого самое сердечное желаніе любимой женщины, съ серьезнымъ достоинствомъ, горячо и благородно говорилъ Каллашъ:—если вы одѣнили ея безкорыстную любовь и всѣ тѣ жертвы, которыя она принесла для васъ—вы усыновите за-

коннымъ путемъ вашего сына. Она вѣдь для себя ничего не хочетъ отъ васъ, кромѣ теплаго чувства—она проситъ объ этомъ за вашего же собственнаго ребенка! Будьте же, князь, великодушны! будьте благородны относительно этой чудной женщины!

— О!... всегда и во всемъ! горячо воскликнулъ Шадурскій съ неподдѣльнымъ старческимъ увлеченіемъ:—я такъ счастливъ... она дала мнѣ столько блаженныхъ минутъ... Увѣрьте ее, и ея брата, что я все—все готовъ я сдѣлать!... Я такъ люблю ее!... Ахъ, еслибъ вы знали, что это за чувство—любовь!... Еслибъ вы знали!...

Николай Чечевинскій усиленно хмурилъ брови и кусалъ свои губы, чтобы не прыснуть смѣхомъ въ лицо разслабленному ловласу.

Дѣйствительно, безобразно влюбленный, чувственный старичокъ, былъ крайне жалокъ и крайне смѣшонъ въ эту минуту.

— Но скажите, продолжалъ онъ, раздумавшись самъ съ собою:—какимъ же образомъ это сдѣлать—на счетъ усыновленія? Вѣдь я вдовецъ; покойная княгиня умерла уже нѣсколько мѣсяцевъ, а ребенокъ только что родился... Мой сынъ Владиміръ, наконецъ, будетъ протестовать противъ этого. Какъ тутъ быть мнѣ? Научите меня, мой добрый графъ!... Я теряюсь... я тутъ исходу не вижу.

— Исходъ есть, и очень удачный исходъ! увѣренно возразилъ ему Чечевинскій:—если вы захотите довѣриться мнѣ—я, уважая въ васъ ваше чувство и уважая баронессу, найду исходъ, и помогу вамъ въ этомъ дѣлѣ!

Шадурскій съ горячей благодарностью пожалъ ему обѣ руки.

— Лѣтъ пять тому назадъ, въ Варшавѣ, извѣстная графиня Лайдомирская, нашлась въ точно такомъ же положеніи, говорилъ ему, межъ тѣмъ, графъ Каллапъ:—и любовникъ усыновилъ ея ребенка.

— Но какъ же? нетерпѣливо перервалъ его Дмитрій Платоновичъ.

— Опъ женился.

— На комъ?... На Лайдомирской же?

— Нѣтъ, она была уже замужемъ. Опъ женился на первой попавшейся умвращающей женщиѣ. Внчаніе происходило у ея смертнаго одра, и черезъ трое сутокъ она умерла, а дѣло объ усыновленіи пошло законнымъ путемъ, и ребенка усыновили.

— На первой попавшейся женщинѣ... въ великомъ раздумьи и словно бы самъ съ собою, медленно молвилъ Шадурскій.

— Да, на первой попавшейся и — главное, замѣтите — *на умирающей женщинѣ*, многозначительно пояснилъ ему графъ Каллашъ.

— На умирающей... все въ томъ же недоумѣломъ раздумьи продолжалъ Дмитрій Платоновичъ.

— Да, и не иначе, какъ *только на умирающей*, на безнадежно больной, которая непремѣнно умерла бы черезъ нѣсколько сутокъ; тогда вы будете имѣть полное законное право ходатайствовать объ усновленіи; вы, конечно, покажете при этомъ, что ребенокъ—отъ вашей, новой законной жены; свидѣтели, въ случаѣ надобности, тоже найдутся.

— Да, да... разумѣтся... разумѣтся... отъ новой законной... и свидѣтели тоже, говорилъ князь подъ наплывомъ все того же раздумья.

— Она умереть, и вы снова будете свободны, разговывалъ ему Каллашъ.

— Да, да... умереть, а я свободенъ... это такъ, это хорошо... я буду свободенъ.

— Итакъ, если вы согласны, то положитесь во всемъ на меня: я берусь устроить вамъ это дѣло; вы не будете знать почти никакихъ хлопотъ при этомъ. Теперь, князь, я жду только вашего рѣшенія.

Шадурскій словно-бъ очнулся.

— Рѣшенія? проговорилъ онъ, подымаясь съ мѣста:—да... я почти согласенъ... Но вотъ... хочу только увидѣть мою баронессу... Я вамъ дамъ сегодня же рѣшительный отвѣтъ... Я вамъ такъ благодаренъ, такъ благодаренъ за ваше участіе!... Я только увижуся съ нею... Сегодня вечеромъ, въ восемь часовъ я жду васъ—мы переговоримъ окончательно.

«Эге, да ты, гусь, не такъ еще глупъ, какъ о тебѣ привыкли думать!» съ внутренней, сокровенной улыбкой подумалъ про себя Николай Чечевинскій и откланялся князю совершенно покойный и довольный собою, ибо зналъ и былъ увѣренъ, что ничто такъ не подвигнетъ стараго гамена рѣшиться, очертя голову, на предложенное ему сумасбродство, какъ одинъ часъ интимной бесѣды съ Наташей, которая стояла слишкомъ заинтересованной участницей этой комедіи, понимая ее, впрочемъ, исключительно только

въ смыслѣ необыкновенно выгодной и оригинальной плутовской продѣлки.

XI.

СВАДЬБА СТАРАГО КНЯЗЯ.

Ровно въ восемь часовъ вечера Николай Чечевинскій получилъ полное согласіе князя. Разслабленный гаменъ чуть не хныкалъ передъ нимъ отъ презыбтка душевнаго, рассказывая, какъ она встрѣтила предложеніе объ усыновленіи «нашего» ребѣнка, какія слезы благодарности и высторга заблестили при этомъ на ея глазахъ, какъ она его любить и прочее, что уже венгерскій графъ имѣлъ случай выслушать сегоднешнимъ утромъ.

— Я весь въ вашей власти—дѣлайте, устройвайте—я на все согласенъ... Она, она этого желаетъ — ну, и достаточно! говорилъ Шадурскій, мышиннымъ жеребчикомъ расхаживая по комнатахъ:—только не иначе, какъ на умирающей, не иначе! прибавлялъ онъ торопливо и озабоченно: — хорошо, еслибы можно было найти une pauvre personne de la noblesse... Вы понимаете, хоть и умереть, а все же... mesalliance... Лучше, когда бы бѣдную дворянку...

— Будьте покойны, князь: мы съ Карозичемъ постараемся сдѣлать для васъ именно то, чего вы такъ желаете, удостовѣрилъ его Чечевинскій.

— Но гдѣ же достать такую точно женщину, какая намъ нужна?

— Положитесь на меня: я сдумѣю добыть себѣ надежныхъ людей, которые вышутъ. Самъ наконецъ буду осторожно пытаться у нашихъ филантроповъ—имъ вѣдь извѣстны многія изъ такихъ несчастныхъ, а это, повѣрьте, самый кратчайшій путь для нашихъ поисковъ.

— Но... согласится ли больная вѣнчаться наканунѣ смерти?

«Ты положительно бываешь порою менѣе глупъ, чѣмъ думаютъ!» снова подумалъ про него Каллашъ, и вслухъ поспѣшилъ успокоить гамена на счетъ его послѣдняго сомнѣнья.

— Если мы ея семейству, ея роднымъ предложимъ приличное вознагражденіе, тысячи въ три или въ пять, сказалъ онъ: — то повѣрьте, вромѣ полного согласія ничего не встрѣтимъ!

— Да, да... это такъ... это справедливо, согласился гаменъ въ заключеніе.

Прошло еще три дня, которые онъ почти сподрядъ проводить у баронессы, а та неуклонно вела свою мастерскую агитацію, продолжая поддерживать въ немъ это старчески-экзальтированное состояніе, и не давая раздумываться надъ самимъ собою и своимъ рѣшеніемъ, потому что она порою все-таки нѣсколько опасалась, чтобы маленькая капля разсудка не взяла какъ нибудь верхъ надъ внушеннымъ извнѣ сумасбродствомъ. Но до разсудка и до раздумья ли было князю, когда онъ видѣлъ передъ собою обаяющую его женщину, старчески любясь роскошью ея формъ, и слушая мастерскія увѣренія въ ея чувствахъ, таа подъ ея ласковымъ взглядомъ и отъ любовнаго пожатія руки — могъ ли онъ тутъ думать о чемъ нибудь, кромѣ безусловнаго угожденія малѣйшему ея капризу! Старцы вообще дорого платятся за свою чувственно-любовную блажь — это ихъ общая доля.

Каждое утро являлся теперь онъ къ ней съ какимъ нибудь драгоценнымъ колье, діадемой или браслетами, и каждая изъ этихъ бездѣлицъ стоила по нѣсколько сотенъ, а за колье дано было даже двѣ тысячи. Баронесса встрѣчала его приношенія мило укоризненнымъ взглядомъ, и не хотѣла принимать ихъ, говоря, что ей ничего, ничего, кромѣ любви и дружбы не надо; но князь очень любезно заставлялъ ее примѣрять привезенную вещь, говоря, что это все—его свадебные подарки. И баронесса уступала его неотступнымъ мольбамъ и настояньямъ. Она рѣшилась до тѣхъ поръ держать его у себя на привязи, пока не выжметъ изъ него послѣдняго сока.

На утро четвертаго дня явился къ нему Казлашъ.

— Ну, все уже готово! возвѣстилъ онъ даже нѣсколько торжественнымъ тономъ: — священникъ и свидѣтели ждутъ васъ. Ѣдьте, не медля!

Князь торопливо облекся въ черный фракъ и бѣлый галстухъ, и отправился вмѣстѣ съ графомъ въ его каретѣ.

— А деньги... Я забылъ деньги—вѣдь надо будетъ, вѣроятно, заплатить обѣщанное вознагражденіе роднымъ? спохватился онъ на дорогѣ.

— Не беспокойтесь: все уже сдѣлано, и обошлось дешевле, чѣмъ мы предполагали, возразилъ Чечевинскій:—мы съ вами сочтемся потомъ, послѣ вѣнчанья.

Князь успокоился и отъ души благодарилъ своего спутника за такое теплое, дружеское участіе.

Пріѣхали на Пески, въ Дегтарную улицу—и экипажъ вкатился во дворъ убогаго деревяннаго домишки. Въ этомъ домишкѣ занималъ мезонинъ извѣстный уже читателю панъ Эскрокевичъ, въ квартирѣ котораго и помѣстилась со вчерашняго вечера умирающая невѣста.

Поднялись по узкой и темноватой лѣстницѣ. На встрѣчу вышелъ хозяинъ и встрѣтилъ ихъ молчаливымъ поклономъ, съ печально-скромнымъ выраженіемъ лица, каковое и подобало такому экстраординарному обстоятельству.

Въ низенькой, косоватой комнатѣ, съ узенькимъ оконцемъ, стояла кровать, а подлѣ нея высокое старое кресло и столикъ съ лекарственными стѣянками. Опрятная бѣдность выглядывала изъ каждаго угла и сказывалась въ этихъ голыхъ, выбѣленныхъ стѣнахъ, въ этихъ трехъ кривоногихъ стульчикахъ. На кровати, лицомъ къ стѣнѣ, лежала покрытая одѣяломъ женщина, изъ-подъ котораго повременамъ тяжело раздавался ея глухой болѣзненный кашель, каждый разъ сопровождаемый двумя-тремя короткими и сдержанно-тихими стопами.

Въ этой комнатѣ пріѣхавшіе застали уже Сергѣя Антоновича Коврова, еще какихъ-то двухъ господъ, незнакомыхъ Шадурскому, и священника съ причетникомъ. Все уже было готово къ вѣнчанію, не исключая и церковной записи.

При входѣ Шадурскаго всѣ встали и отдали молчаливый поклонъ. Вообще, въ этой комнатѣ царствовало то уныло-тяжелое молчаніе, какое всегда бываетъ при одрѣ умирающаго. Вся обстановка предстоящей сцены походила скорѣе на готовящійся обрядъ соборованья и чтенія отходной надъ тяжело-больнымъ человѣкомъ, чѣмъ на свѣтлое вѣнчанье.

— Мѣшкать нѣкогда: она очень плоха, шепнуть Каллашъ Дмитрію Платоновичу.

Четыре свидѣтеля, между которыми находились и двѣ незнакомыя Шадурскому личности, расписались въ книгѣ.

Больную, окончательно слабую женщину осторожно подняли съ постели и, обложивъ подушками, усадили въ высокое кресло.

Старый князь сталъ подлѣ нея съ правой стороны—и начался обрядъ вѣнчанія.

Очень естественное и понятное любопытство подстрекало же-

ниха заглянуть въ лицо невѣсты, но голова ея все время была такъ низко и бессильно опущена на грудь, что ему удалось только подмѣтить, будто новая его супруга, кажись, стара и почти безобразна.

«Впрочемъ, быть можетъ, это отъ болѣзни», подумалъ гаменъ, и затѣмъ, вполнѣ безучастно, почти машинально, безъ малѣйшей мысли, безъ малѣйшаго чувства относился ко всему дальнѣйшему обряду. Голову его вдругъ посѣтилъ наплывъ такой ко всему равнодушной, безразличной пустоты, что князь почти не понималъ, чтѣ именно съ нимъ и вокругъ него совершается. По крайней-мѣрѣ, онъ не старался дать себѣ въ этомъ ни малѣйшаго отчета и только желалъ, какъ бы все поскорѣе кончилось, чтобы поскорѣе уѣхать къ баронессѣ.

Священникъ снявъ ризу, обернулся къ повѣнчаннымъ, и тихо сказалъ:

— Поздравляю. Слыхалъ, что дѣтки есть? обратился онъ уже въ частности къ обвинчанному Шадурскому.

— Да, есть, коротко отвѣтилъ смѣшавшійся князь.

— Для дѣтей-то и женились, чтобы има дать, въ полушопоть пояснилъ батюшкѣ Сергѣй Антоновичъ.

— Что жъ, дѣло похвальное... похвальное!... Доброе дѣло никогда не поздно, вздохнулъ батюшка и, пожелавъ князю всякаго благополучія, скромно откланялся и удалился вмѣстѣ съ причетникомъ.

Новобрачную съ тою же осторожностью опять перенесли въ постель и покрыли одѣяломъ.

— Ну, теперъ намъ здѣсь больше нечего дѣлать, нагнулся графъ къ уху Шадурскаго и тихо вышелъ съ нимъ изъ комнаты.

Всеволодъ Брвтовскій.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Значеніе релігійознихъ элементовъ въ современной политикѣ. — Положеніе папства. — Извѣстія о соединеніи константинопольской церкви съ римскою. — Признаніе принца Карла господаремъ Румыніи. — Баронъ Бейстъ и Австрія.

Кромѣ собственно политическихъ интересовъ, для всѣхъ почти государствъ интересы релігійозные имѣютъ огромную важность не только сами по себѣ, но и въ соединеніи съ общими условіями внутренней государственной жизни. Значеніе релігійозныхъ интересовъ не ограничивается, впрочемъ, только внутреннею государственною жизнью, но эти интересы входятъ нерѣдко въ область международнаго права и, вслѣдствіе того, весьма значительно вліяютъ на взаимныя отношенія государствъ, то устанавливая между ними дружбу и союзы, то напротивъ побуждая ихъ къ дипломатической борьбѣ и доводя даже до вооруженныхъ столкновеній. Хотя вообще релігійозные интересы, какъ политическіе двигатели, утратили въ настоящее время свою силу въ дѣлахъ европейской политики, тѣмъ не менѣе они отзываются еще весьма замѣтно въ главнѣйшихъ политическихъ вопросахъ. Положительно можно сказать, что безъ примѣси релігійозныхъ элементовъ упростилось бы немало политическихъ запутанностей, и Европа была бы избавлена отъ многихъ опасностей, угрожающихъ ей международными столкновеніями, подъ вліяніемъ релігійознаго фанатизма и разномыслія и происходящей, вслѣдствіе этого, неоднаковости политическихъ стремленій.

Во всемъ сказанномъ легко убѣдиться, если остановиться на римскомъ и восточномъ вопросахъ. Въ первомъ изъ нихъ преобладаетъ релігійозный характеръ, затрудняющій рѣшеніе этого вопроса въ духѣ современныхъ политическихъ потребностей не только Италіи, но и всей Западной Европы. Настоящее положеніе Рима поддерживается единственно значеніемъ папства, хотя и утратившаго свое прежнее обаяніе, но все еще сохранившаго долю релігійознаго господства надъ католическимъ міромъ. Въ римскомъ вопросѣ, отличающія свое время релігійозныя понятія

сталкиваются съ новыми требованіями политическаго быта Европы, и происходящая отъ этого борьба не имѣетъ еще ни побѣдителей—которые могли бы торжествовать рѣшительную побѣду, ни побѣжденных—которые считали бы свое дѣло окончательно потераннымъ и, потому, рѣшились бы отказаться отъ продолженія борьбы съ своими противниками.

Въ восточномъ вопросѣ слишкомъ замѣтно преобладаютъ политическіе интересы надъ религиозными, но тѣмъ не менѣе исходной точкой этого вопроса служатъ религиозные элементы. Они даютъ европейскимъ кабинетамъ благовидный и даже основательный поводъ постоянно вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи, и въ то же время побуждаютъ европейскіе кабинеты ставить свои политическіе расчеты по отношенію къ Турціи подъ прикрытіе интересовъ религиозныхъ.

Чтобъ понять, до какой степени еще важны въ политическомъ быту Западной Европы религиозные элементы, достаточно вспомнить вліаніе ультрамонтанской партіи въ государствѣхъ католическихъ и взвѣситъ то значеніе, какое имѣетъ въ Англіи господствующая государственная церковь. Преобладаніе этой церкви въ Королевствѣ Великобританскомъ служитъ главною и постоянною причиною политическихъ смуть въ Ирландіи, и до тѣхъ поръ, пока между Англіей и Ирландіей не разрѣшится церковный вопросъ, между ними не можетъ быть прочнаго политическаго союза. Что же касается ультрамонтанизма, то онъ представляетъ доктрину, въ которой религиозныя понятія безусловно преобладаютъ надъ политическими и въ силу которой папа долженъ быть не только свѣтскимъ государемъ, но и господствовать надъ всѣми монархами, какъ верховный ихъ судья. Живучесть этой доктрины, созрѣвшей еще во время политическаго могущества папъ, доказывается тѣмъ, что несмотря на всѣ превратности и на политическое униженіе, не разъ испытанное римскими первосвященниками, доктрина эта находитъ еще и донинѣ многихъ ревностныхъ поборниковъ и, по политическимъ вопросамъ, нерѣдко ставитъ въ затруднительное положеніе даже такихъ рѣшительныхъ людей, въ числу которыхъ принадлежитъ нынѣшній императоръ французовъ.

На Западѣ владычество папскаго Рима надъ свѣтскими государями тяготѣло въ теченіе многихъ вѣковъ. Свѣтская власть освободилась отъ преобладанія надъ нею со стороны римскихъ первосвященниковъ посредствомъ конкордатовъ; но конкордаты, ведя къ соглашенію спорачія между собою власти, духовную и свѣтскую, не получали въ глазахъ римской куріи значенія актовъ, окончательно установившихъ отношенія между верховными правами государя и правами римскаго престола. Папы смотрѣли на заключенные ими конкордаты только какъ на вынужденныя временныя уступки, не считая себя въ правѣ отречься исключительно отъ какихъ либо своихъ преимуществъ, какъ отъ наслѣдія, полученнаго ими отъ верховныхъ апостоловъ. «Non possumus»

сдѣлалось постояннымъ отвѣтомъ папъ на всѣ заявленныя имъ требованія, и эти догматическія слова до послѣднихъ дней удерживали и удерживаютъ Пія IX отъ соглашенія съ тѣми, которыхъ онъ считалъ нарушителями своихъ державныхъ правъ. Этою религиозною неуступчивостію и нынѣ силится дряхлый римскій первосвященникъ отразить напоръ современныхъ требованій, предъявляемыхъ не столько противъ religiosaго значенія римской епископской кафедрѣ, сколько противъ ея упорства удержатъ за собою права, принадлежащія свѣтскимъ государямъ; но не пастирямъ христіанской церкви.

Вслѣдствіе политическихъ правъ, соединенныхъ съ римскою тиарой, папа, считающійся главою всего католическаго міра, терять это religiosaго значеніе. Онъ не столько вселенскій пастирь, сколько независимый свѣтскій государь, владѣющій частью итальянской территоріи. Съ политической точки зрѣнія, римскій вопросъ долженъ бы быть—вопросомъ чисто-итальянскимъ, а не международнымъ, но въ то же время святительскій санъ папы, дающій ему духовное господство надъ всѣмъ католическимъ міромъ, обращаетъ вопросъ о судьбѣ римскаго первосвященника въ вопросъ международный и даетъ поводъ католическимъ державамъ стараться о поддержаніи свѣтскихъ правъ, и вести римскій вопросъ такимъ путемъ, какимъ обыкновенно ведутся дѣла политическія, а не religiosaныя. Между тѣмъ сама римская курія лишила папскій престолъ вселенской представительности въ средѣ католицизма. Со временъ папы Адріана VI, жившаго слишкомъ три вѣка тому назадъ, римскую тиару носили исключительно уроженцы Италіи, а изъ числа всѣхъ бывшихъ до настоящато времени кардиналовъ не найдется и пятой части такихъ, которые не принадлежали бы не только къ итальянской націи, но и къ итальянской церкви, хотя по значенію папскаго сана и католицизма, глава и князья римской церкви, какъ церкви вселенской, должны быть безразлично избираемы изъ всѣхъ національностей, исповѣдующихъ католическую вѣру. Замѣчательно при этомъ совершенное отчужденіе славянъ-католиковъ отъ римскаго престола. Изъ числа 253 папъ, начиная съ св. Петра и кончая Піемъ IX, не было ни одного славянина. Польша, такъ усердствующая католицизму, не дала ни одного намѣстника св. Петра, а число кардиналовъ изъ польскихъ уроженцевъ было только 6. Вообще славяне, принадлежащіе къ римской церкви, не имѣли въ верховной ея средѣ своихъ представителей, такъ что между папствомъ и его славянскою паствою нѣтъ и не было никакой національной связи.

Причиною такого отчужденія прочихъ католическихъ народовъ, за исключеніемъ итальянцевъ, отъ участія въ наслѣдіи св. Петра служитъ свѣтская власть папы. Какъ итальянскій государь, онъ долженъ принадлежать къ итальянской націи, и римская курія, составленная почти исключительно изъ итальянцевъ, передаетъ папскую тиару своему соотечественнику, минуя представителей

другихъ національностей. Такимъ образомъ, чтобъ папство исполнило въ католической церкви истинное свое призваніе, то-есть чтобъ оно было вселенскимъ представительствомъ этой церкви, а не одной только итальянской, необходимо прежде всего, чтобъ папа пересталъ быть итальянскимъ государемъ, сохранивъ только свои права, какъ католическій первосвященникъ. Тогда папская кафедра сдѣлается доступною представителямъ другихъ католическихъ народовъ, а самый вопросъ о папствѣ получитъ иное значеніе, сдѣлавшись исключительно вопросомъ церковнымъ, а не политическимъ, какимъ онъ представляется при настоящей обстановкѣ папства.

Что папство не было и не могло быть вселенскимъ учрежденіемъ, характеръ котораго оно себѣ присвоиваетъ, это доказываетъ тѣмъ, что спустя два вѣка послѣ возникновенія римской церкви, считавшей себя вселенскою, верховными ея папсами были итальянцы, преимущественно же римляне. Правда, что въ короткій промежутокъ времени, когда византийскіе императоры успѣли утвердить свое господство надъ Римомъ, римскіе первосвященники стали выходить изъ среды представителей восточной церкви. Но когда Римъ сдѣлался снова независимъ отъ константинопольскихъ цезарей, то папскій престолъ начали занимать уроженцы Рима и Римской Области. Плъненіе папъ въ Авиньонѣ не было нормальнымъ развитіемъ римскаго папства, и потому въ ряду папъ встрѣчается семь лицъ французскаго происхожденія, посаженныхъ на папскій престолъ волею королей французскихъ. Такимъ образомъ исключительно-итальянская національность папъ въ послѣдніе три вѣка, и преобладаніе этой національности почти въ теченіе пятнадцати предшествовавшихъ вѣковъ, не дѣлаютъ это учрежденіе общимъ для всего католическаго міра, и въ особенности славянамъ нѣтъ никакой причины поддерживать главу римской церкви, такъ-какъ между нею и католическимъ славянствомъ не было никогда непосредственной связи.

Несмотря на прежнія отношенія римскихъ первосвященниковъ къ славянству, составлявшему часть латинской папсты, а также на упадокъ папской власти, римская курія вмѣшивается, во имя религіи, въ польскій вопросъ и старается утвердить свое господство надъ православными славянами, населяющими Турцію. Алловудіи Пія ІХ показываютъ, что онъ, несмотря на измѣнившіяся обстоятельства, думаетъ о поддержаніи вліянія папскаго престола въ вопросахъ политическихъ, а извѣстія о предстоящемъ переходѣ въ католицизмъ старѣйшаго представителя греко-восточной церкви, патріарха константинопольскаго, заставляютъ обратить особенное вниманіе на успѣхи римско-католической пропаганды между православными турецкими христіанами. По газетнымъ извѣстіямъ, въ настоящее время, ведутся переговоры между константинопольскимъ патріархомъ и Римомъ о присоединеніи патріархата къ римской церкви. По словамъ нѣкоторыхъ газетъ, дѣло это близко къ окончанію, такъ-какъ по всѣмъ существеннымъ

пунктамъ послѣдовало будто бы соглашеніе. Подобное религиозное событіе имѣетъ значеніе, по отношенію къ Россіи, для политики которой пребываніе турецкихъ славянъ и грековъ въ православіи считается главною опорою въ виду разрѣшенія восточнаго вопроса. Такимъ образомъ вліяніе католицизма отзывается и на политическихъ интересахъ Россіи.

Представляетъ ли, однако, такое вліяніе дѣйствительную опасность? Могутъ ли, въ самомъ дѣлѣ, негодованія папы на Россію за Польшу и происки римской куріи на Востокѣ, нанести существенный вредъ нашимъ политическимъ интересамъ, и заставятъ русскую дипломатію принимать съ нѣкоторою озабоченностію не только папскія аллокуціи, но даже и отступничество константинопольскаго патріарха, еслибы слухъ объ этомъ оказался не вымысломъ, а дѣйствительностію? Мы полагаемъ, что на эти вопросы приходится отвѣчать отрицательно, особенно въ отношеніи папскихъ аллокуцій, лишенныхъ всякаго значенія тамъ, гдѣ онѣ направлены противодѣйствовать ходу политическихъ событій.

Въ происходившемъ на дняхъ засѣданіи тайной консисторіи, Пія IX пронесъ двѣ аллокуціи, перешедшія потомъ на столбцы всѣхъ европейскихъ газетъ. Уже одни комментаріи этихъ аллокуцій, сдѣланные газетами, издаваемыми въ католическихъ странахъ — показываютъ, какъ относится къ папскимъ рѣчамъ даже католическая Европа, гдѣ, повидимому, голосъ римскаго первосвященника не могъ бы пройти безъ религиознаго впечатлѣнія, а тѣмъ болѣе не долженъ бы вызвать игривыхъ отзывовъ и колкихъ насмѣшекъ. Одна изъ папскихъ аллокуцій направлена противъ водворяющагося нынѣ порядка въ Италіи. Папа негодуетъ противъ дѣйствій италіянскаго правительства, скорбитъ объ уничтоженіи монастырей, объ отобраніи церковныхъ имуществъ, и съ особенною силою возстаетъ противъ введенія гражданскихъ браковъ, подрывающихъ доходы духовенства. негодованіе папъ противъ всего этого не представляетъ ничего новаго. За всѣ эти богопротивныя дѣла тяготѣлъ уже папскій гнѣвъ надъ Франціей, Бельгіей, Австріей и даже некаатолической Испаніей, но всѣ эти грѣхи уже отпущены, и, слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы подобнаго милосердія не было оказано и Италіи. По отношенію къ ней, затрогивается однако самая чувствительная струна, а именно вопросъ о державныхъ правахъ папы, необходимыхъ, по мнѣнію его самого и его сторонниковъ, для духовной независимости римскаго первосвященника. По словамъ св. отца, нѣтъ болѣе страшнаго преступленія, какъ отнятіе у него принадлежавшихъ ему областей и присоединеніе ихъ къ Королевству Италіянскому; никакое святотатство не можетъ сравниться съ провозглашеніемъ Рима столицею Италіи. Объ уступкѣ свѣтской власти папы — какъ онъ заявляетъ — никогда не вступитъ ни въ какія соглашенія, и скорѣе умретъ мученикомъ на порогѣ Ватикана, нежели уступить что-либо изъ правъ, унаслѣдованныхъ

нимъ отъ его предшественниковъ. Такимъ образомъ надежды еще не оставляютъ добродушнаго Пія IX и въ минуты его гнѣва. Онъ увѣренъ, что Италия скоро расклется въ тѣхъ несправедливостяхъ, которыя она причинила римской церкви, и что римляне будутъ просить папу остаться въ Римѣ, если только онъ изъяснитъ рѣшительное намѣреніе покинуть ихъ. Среди такихъ пріятныхъ заблужденій, Пій IX не считаетъ нужнымъ исбать убѣжища на чужбинѣ, и остается въ полной увѣренности, что онъ передастъ своему преемнику въ неприкосновенности наслѣдіе св. Петра, какъ духовное, такъ и свѣтское. Такія мечты весьма понятны, такъ-какъ папа не читаетъ никакихъ газетъ, и, слѣдовательно, весьма плохо можетъ знать, что дѣлается въ Европѣ. Вообще, папа, заботясь о земномъ величіи своего сана, возлагаетъ надежды не столько на мірскія силы, сколько на небесныя легіоны.

Вторая аллюція направлена противъ русскаго правительства; папа обвиняетъ его въ нарушеніи конкордата, заключеннаго съ римскимъ дворомъ, порицаетъ за то, что оно закрыло католическія монастыри и вообще надѣлало много гора римской церкви. Если, однако, сравнить тѣ вины, которыя взводитъ Пій IX на итальянское католическое правительство и на одного изъ первенствующихъ сыновъ католической церкви—Виктора-Эммануэля, то погрѣшенія Россіи окажутся слишкомъ маловажными.

Сущность папскихъ протестацій противъ русскаго правительства заключаются въ обжалованіи послѣднихъ реформъ по управленію католическихъ епархій. Реформы эти уничтожили кавитеты коллегіальныхъ церквей, и тѣмъ самымъ, по мнѣнію папы, погубили авторитетъ и свободу епископовъ, которые, безъ согласія со стороны гражданской власти, не могутъ теперь назначить ни одного священника, ни одного администратора. Сношенія вѣрныхъ съ апостолическимъ престоломъ—говоритъ далѣе Пій IX—также воспрещены и откѣнены русскимъ правительствомъ съ такою строгостью, что мы, въ великой скорби нашей души, совершенно лишены возможности исполнять свое апостольское призваніе въ этой части стада господня. Обращеніе католиковъ въ православіе Пій IX называетъ вовлеченіемъ въ самую гибельную изъ схизмъ. Замѣчательно, однако, что скорбя о положеніи католической церкви въ предѣлахъ Россіи, папа отнесся съ укоромъ и къ польскому католическому духовенству. «О, еслибы, господа—воскликнулъ онъ—ни одинъ изъ священниковъ нашей церкви не принималъ участія въ гибельныхъ волненіяхъ послѣдняго кризиса». Излишнимъ кажется говорить, что этимъ восклицаніемъ самъ папа достаточно объясняетъ рѣшительныя мѣры, принятія русскимъ правительствомъ въ отношеніи къ ересьному духовенству—мѣры, которыя, конечно, не могутъ быть во вкусъ папы, но которыя требуются политическимъ благоразуміемъ.

Если уже католическія державы, обязанныя послушаніемъ непогрѣшному главѣ римской церкви, принимаютъ теперь громы Ватикана скорѣе какъ курьезы, нежели какъ поученія пастыря,

то само собою разумѣется, еще менѣе приходится Россіи обращать вниманія на грозныя папскія аллокуціи. Производя реформы въ устройствѣ католической церкви, Россія не только поступаетъ такъ, какъ поступаютъ католическія державы въ виду современныхъ понатій о томъ положеніи, какое церковь должна занимать въ государствѣ, но и принуждена къ такимъ реформамъ особыми обстоятельствами. Странно и неумѣстно было бы, еслибы русское правительство, охраняя пошатнувшееся повсюду устройство римской церкви, предпочло выгоды этой церкви своимъ государственнымъ интересамъ. Россія не можетъ отступить отъ нихъ потому только, что влонаціи къ этому мѣры не одобряются верховнымъ представителемъ другаго исповѣданія, обязаннымъ радѣть о пользѣ своей церкви, но не о пользѣ Россіи.

Переходимъ теперь къ другому вопросу, къ вопросу о присоединеніи константинопольскаго патріархата къ римской церкви. Вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть разсмотрѣнъ двояко: съ видимой его стороны, и въ самой его сущности. Подготовку къ этому событію приписываютъ Франціи, которая надѣется, что вслѣдствіе обращенія православныхъ христіанъ къ католической церкви, Россія окончательно утратитъ свое вліяніе на Востокѣ, такъ-какъ это вліяніе утвердилось и поддерживается религиозной связью, существующею между Россіей и восточными христіанами. Если Франціи дѣйствительно удастся достигнуть своей цѣли, то политика ея будетъ торжествовать на Востокѣ, но послѣдствія самаго факта не будутъ имѣть такого значенія, какое имъ можно предать, не внигнувъ хорошенъко во всѣ обстоятельства.

Въ соединеніи константинопольской церкви съ Римомъ нѣкоторые иностранныя газеты видятъ возможность разрѣшенія восточнаго вопроса безъ всякихъ столкновеній, потому что, если этому событію суждено осуществиться, то восточные христіане, признавъ папу главою своей церкви, освободятся отъ всякаго вліянія со стороны Россіи, которая утратитъ, вслѣдствіе этого, остатки своего преобладанія въ Турціи. При такихъ условіяхъ, Европа будетъ обезпечена противъ честолюбивыхъ замысловъ петербургскаго кабинета, главная цѣль которыхъ — завоеваніе Константинополя. Это — видимая сторона дѣла; но посмотримъ, такъ ли оно представляется въ сущности.

Допустимъ, что нынѣшній константинопольскій патріархъ Іоаннъ признаетъ главенство папы, но увлечетъ ли онъ за собою свою паству? Константинопольскій патріархъ не есть единственный представитель православной церкви на всемъ Востокѣ: тамъ, на равной съ нимъ степени святительской іерархіи, находятся еще четыре патріарха, согласіемъ которыхъ должно обусловиться предполагаемое введеніе униі. Притомъ константинопольскій патрі-

аршіи престолю потерялъ то значеніе, какииъ онъ пользовался прежде. Нѣкогда константинопольскій патриархъ стоялъ во главѣ всего восточнаго христіанства въ Европѣ, за исключеніемъ, разумѣется, Россіи; но такая обширная его власть не истекла изъ его сана, а поддерживалась господствомъ турокъ. Вслѣдствіе же ослабленія турецкаго могущества и образованія изъ турецкихъ областей самостоятельнаго греческаго государства, власть патриарха значительно ограничилась. Еще въ 1833 году, греческое правительство объявило православную греко-восточную церковь независимой, въ предѣлахъ Греческаго Королевства, отъ всякой иноземной власти. Церкви кипрская, черногорская, а потомъ и румынская послѣдовали этому примѣру. Между тѣмъ, еще ранѣе образовалась самостоятельная сербская церковь въ Австріи, такъ-какъ карловицкій митрополитъ съ своими одинадцатью епископами сталъ управлять ею какъ независимый патриархъ.

Кромѣ того, константинопольская церковь не представляетъ сама по себѣ надежной опоры для православія. Въ послѣднее время она сдѣлалась жертвою политическихъ состязаній, такъ-какъ въ ней осприваютъ господство и первенство одна у другой двѣ враждебныя партіи, греческая и славянская. Но и при этомъ спорѣ ни та, ни другая партія не обнаружила доселѣ наклонности къ Риму. Политическое различіе этихъ двухъ церковныхъ партій состоитъ въ томъ, что славянская сочувствуетъ Россіи, и надобно предполагать, что еслибы патриархъ Іоаннъ устроилъ соединеніе управляемой имъ церкви съ римской, то славянская партія отшатнулась бы отъ отступника-патриарха. Слѣдовательно предполагаемая унія далеко не можетъ имѣть на дѣлѣ того значенія, какое ей можно придавать, судя по важности патриаршаго сана.

Наконецъ, и за отпаденіемъ константинопольскаго патриарха отъ православія, восточная церковь можетъ продолжать свое самостоятельное существованіе. У ней и послѣ патриарха, остается множество епископовъ, которые на соборахъ могутъ отвѣчать Риму анаемой на анаему и догматически отрицать главенство римскаго папы на Востокѣ. Можно, конечно, предполагать, что примѣръ іерарха, занимающаго константинопольскій патриаршій престолъ, можетъ увлечь въ отступничество и его паству. Дѣйствительно, еслибы константинопольскіе патриархи находились въ иномъ положеніи и имѣли бы большее нравственное вліяніе на членовъ управляемой ими церкви, то присоединеніе патриарха къ Риму могло бы имѣть большія послѣдствія на православномъ Востокѣ. Между тѣмъ, константинопольскій патриархатъ не поставленъ въ такія благопріятныя условія для успѣшнаго содѣйствія католической пропагандѣ. Хотя съ патриаршимъ престоломъ въ Константинополѣ связано много славныхъ воспоминаній въ исторіи восточной церкви, но въ настоящее время патриаршій санъ утратилъ между греками и въ особенности между славянами то обаяніе, какииъ онъ пользовался прежде. Патриаршій престолъ сдѣлался, подъ владычествомъ Порты, пред-

метомъ выгоднаго торга для турецкаго правительства и источникомъ наживъ для возводимыхъ на этотъ престолъ іерарховъ. Прикрываясь необходимостью уплатить Портѣ значительную сумму за патріаршія санъ, достигавшіе этого сана епископы обременяли свою паству непомѣрными налогами. Такъ, нынѣшній блаженный Іоакимъ началъ свое управленіе патріархатомъ съ того, что потребовалъ съ своей паствы 8.000,000 піастровъ. Болгары, на которыхъ падала наибольшая часть этого произвольнаго налога, отказались платить его и вмѣстѣ съ тѣмъ стали требовать для себя отдѣльнаго синода и самостоятельнаго духовенства. Средства, къ которымъ прибѣгалъ его блаженство, чтобы воспрепятствовать осуществленію желанія болгаръ, еще болѣе показали, какъ далеко ушло константинопольское греческое духовенство отъ пути смиренія и правды. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, болгары перестали считать константинопольскаго патріарха верховнымъ главою своей церкви, и обращеніе его къ католицизму произвело, безъ всякаго сомнѣнія, окончательный разрывъ между ними и патріаршимъ престоломъ.

Такимъ образомъ, разглашенное иностранными газетами извѣстіе о переходѣ константинопольскаго патріарха подъ главенство римской церкви, если переходъ этотъ и дѣйствительно осуществится, не представитъ вліянію Россіи, въ религіозно-политическомъ смыслѣ, такой опасности, какая кажется при поверхностномъ взглядѣ на это дѣло. Главный вопросъ заключается въ томъ: увлечетъ ли православную паству примѣръ отступничества, поданный ей верховнымъ представителемъ константинопольской церкви. Въ виду приведенныхъ нами фактовъ позволительно думать, что православные христіане на Востокѣ, и въ особенности славяне, не послѣдуютъ за патріархомъ, такъ-какъ между нимъ и его паствою нѣтъ сочувственной связи. Не подлежитъ сомнѣнію, что западная пресса встрѣтитъ ожидаемое событіе радостными возгласами, какъ признавъ уничтоженія русскаго вліянія на православномъ Востокѣ, а французская дипломатія придастъ ему чрезвычайное значеніе, утѣшивъ въ то же время св. отца увеличеніемъ его паствы, въ замѣнъ потерь, испытанныхъ имъ въ Игаліи. Во всякомъ случаѣ, религіозная реформа на Востокѣ, въ какихъ бы она ни произошла размѣрахъ, важна въ томъ лишь отношеніи, что она можетъ породить смуты среди христіанскаго населенія Турціи, и что смутами этими легко можетъ воспользоваться Франція. Только въ этомъ отношеніи и можно признать вліяніе католицизма важнымъ въ политической жизни Турціи. Много или мало обратится православныхъ турецкихъ христіанъ въ католичество, но во всякомъ случаѣ обстоятельство это дастъ тюркскіи кабинету благовидный предлогъ усилить свои попеченія о турецкихъ христіанахъ и отстранить отъ нихъ вліяніе православной Россіи.

Вопросъ о признаніи Портою принца Карла гогенцоллернскаго господаремъ Румыніи тянулся очень долго. Разрѣшеніе этого вопроса въ смыслѣ, благопріятномъ для постояннаго соединенія Молдавіи и Валахіи, было очень важно для европейской дипломатіи, потому что такимъ разрѣшеніемъ обуславливается почти независимое политическое существованіе придунайскихъ княжествъ, о чемъ особенно старался тюрльрійскій кабинетъ. Нынѣ Румыніа признаніемъ наслѣдственности своихъ князей въ лицѣ иностраннаго принца достигла исполненія самыхъ смѣлыхъ желаній. Такимъ образомъ внутреннюю организацію Румыніи по отношенію къ Турціи можно теперь признать совершившимся фактомъ; но, несмотря на это, вопросъ о грядущей судьбѣ придунайскихъ княжествъ, какъ вопросъ международный, можетъ еще возбудить немало недоразумѣній, хотя онъ уже и не представляетъ такихъ опасеній, какія являлись послѣ низложенія туземнаго господаря. Причиною прежняго тревожнаго и неопредѣленнаго положенія дѣлъ въ придунайскихъ княжествахъ должно считать учрежденія, бывшія результатомъ конвенціи, заключенной великими державами въ 1858 году. Едва вступила она въ силу, какъ уже оказалось необходимымъ измѣнить ихъ и они измѣнялись постоянно до тѣхъ поръ, пока удаленіе князя Кузы не обнаружило вполнѣ ихъ несостоятельность.

Установившіяся нынѣ отношенія Румыніи въ Турціи клонятся очевидно къ тому, чтобы придунайскія княжества вышли окончательно изъ-подъ зависимости Порты. Уже и теперь верховное господство ея надъ ними сдѣлалось однимъ призракомъ: тагъ, на дѣлѣ султанъ остается только номинальнымъ повелителемъ молдаво-валаховъ. Главный принципъ турецкаго обладанія—назначеніе Портою господарей, при установленной теперь наслѣдственности господарскаго сана въ фамиліи Карла гогенцоллернскаго, устраненъ совершенно. Порта по отношенію къ Румыніи можетъ принимать только временныя, понудительныя мѣры, но не имѣетъ права измѣнить государственную организацію княжествъ. Въ случаѣ открытаго неповиновенія господаря, она поставлена въ необходимость употребить военную силу, до чего на вѣдь ли допускать ее когда нибудь Франція и Англія, въ особенности первая изъ нихъ, слишкомъ сочувствующая новому порядку дѣлъ въ княжествахъ.

Соглашеніе между Портою и господаремъ Карломъ состоялось не слишкомъ легко, новый господарь требовалъ для себя атрибутовъ всѣхъ державныхъ правъ, какими пользуются независимые государи. Порта, однако, отказывала ему въ этомъ, и онъ, вида ея упорство, рѣшился не настаивать на такихъ прерогативахъ, которыя могли задѣвать самолюбіе султана и раздражать щекотливость Порты, указывая очень ясно, что господарь далекъ отъ мысли признавать себя въ вассальныхъ отношеніяхъ къ повелителю правовѣрныхъ. Главнымъ же предметомъ разногласія между господаремъ и Портою былъ вопросъ объ учрежденіи въ

Бухарестъ турецкаго дипломатическаго агентства, которому, безъ всякаго сомнѣнiя, было бы поставлено въ первую обязанность, сколь возможно зорче слѣдить за образомъ дѣйствiй господара. Принцъ Карлъ рѣшительно отвергъ такое домогательство Порты, опасаясь вполне основательно, что такое агентство будетъ служить источникомъ интригъ и точкою опоры для всѣхъ партiй. При самомъ составленiи султанскаго фирмана, уполномоченные принца Карла настояли объ устраненiи изъ этого акта такихъ выраженiй, которыя дѣлали сомнительною политическую самостоятельность Румынiи. Въ фирманѣ была употреблена фраза: «Румынiя попрежнему будетъ составлять нераздѣльную и неотъемлемую часть султанскихъ владѣнiй». Князь Стурдза протестовалъ противъ такого выраженiя, объявивъ турецкимъ министрамъ, что принцъ Карлъ жестоко оскорбилъ бы національную гордость румыновъ, еслибы согласился принять фирманъ съ подобными выраженiями, и, вслѣдствiе настоянiй румынскаго уполномоченнаго, Порта склонилась къ измѣненiю редакцiи султанскаго фирмана. Затѣмъ послѣдовало такое соглашенiе: господарю Молдави и Валахи предоставлены права: 1) имѣть 30,000 человекъ войска всякаго оружiя, 2) чеканить монету съ условiемъ выбивать на ней вензель султана, 3) жаловать орденами такимъ образомъ, чтобы принцъ раздавалъ самъ ордена своего дома извѣстнымъ категорiямъ лицъ, а для награжденiя высшихъ сановниковъ султанъ будетъ ежегодно предоставлять въ распоряженiе принца нѣсколько орденовъ Османiе (кромя перваго класса) и Меджиде всѣхъ классовъ для пожалованiя ихъ тѣмъ, кого самъ господарь признаетъ достойными. Что касается учрежденiя въ Бухарестѣ турецкаго политическаго агентства, то настойчивыя представленiя молдаво-валахскихъ уполномоченныхъ убѣдили Порту замѣнить, на время, это агентство двумя консульствами, однимъ въ Браиловъ, другимъ въ Журжѣ. Вопросъ о количествѣ ежегодной дани, платимой господарствами Портѣ, былъ долгое время спорнымъ. Уполномоченные отклоняли отъ себя опредѣленiе количества этой дани, ссылаясь на то, что это вопросъ чисто-финансовый и что, по-этому, онъ можетъ быть опредѣленъ только палатами, а не лично княземъ. Наконецъ, и по этой статьѣ послѣдовало соглашенiе, состоящее въ томъ, что Молдави и Валахи обязались платить Портѣ ежегодно 50,000 кошельковъ.

По принятии этихъ условiй, принцъ Карлъ прiѣхалъ въ Константинополь для полученiя султанскаго фирмана, и былъ окончательно признанъ наследственнымъ господаремъ Румынiи.

Существенное измѣненiе отношенiй между придунайскими княжествами и Турцiею, установленныхъ парижскимъ трактатомъ 1856 года и конвенцiею 1858 года, заключается въ томъ, что Порта, признавъ наследственнымъ господаремъ обоихъ княжествъ иностраннаго принца, согласилась на отиѣну той статьи трактатовъ, которая воспрещала, въ интересахъ верховной власти

султана, возведение на румынскій престолъ господара възъ владѣтельной иностранной фамиліи. Иностранная журналистика предполагала видѣть со стороны Россіи противодѣйствіе утвержденію принца гогенцоллернскаго, и дѣйствительно Россія, придавая серьезное значеніе обязательству, данному ею вмѣстѣ съ другими первоклассными державами Европы, долго настаивала на точномъ исполненіи этого обязательства. Когда же главная заинтересованная въ дѣлѣ держава—Турція отказалась сама отъ предоставленнаго ей права, то дальнѣйшее несогласіе Россіи на утвержденіе новаго порядка въ придунайскихъ княжествахъ было бы совершенно излишнимъ. Такимъ взглядомъ на это дѣло отмѣняется признаніе петербургскимъ кабинетомъ принца Карла въ званіи наслѣдственнаго господара Молдавіи и Валахіи. Судить теперь о послѣдствіяхъ совершившагося въ Румыніи факта, еще невозможно, но нельзя не сказать, что утвержденіе принца гогенцоллернскаго на румынскомъ престолѣ должно измѣнить до нѣкоторой степени направленіе нашей политики на Дунай: тамъ въ недавнее время мы встрѣчали противодѣйствіе со стороны Франціи, теперь же придунайскія княжества подпали подъ вліяніе Пруссіи.

Есть личности, которымъ судьба, послѣ разныхъ превратностей, назначаетъ вліятельную дѣятельность. На такія личности обращается вдругъ всеобщее вниманіе, въ ожиданіи, что онѣ успѣютъ совершить что-нибудь необыкновенное. Къ числу такихъ личностей принадлежитъ въ настоящее время вновь назначенный австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Бейстъ, и газеты распространяютъ о планахъ этого новаго австрійскаго сановника такія вѣсти, что, кажется, онъ сдѣлается для Австріи тѣмъ, чѣмъ сдѣлался уже для Пруссіи графъ Бисмаркъ. Личность барона Бейста особенно важна въ сопоставленіи съ знаменитымъ прусскимъ премьеромъ. Баронъ Бейстъ, бывшій министръ короля саксонскаго, располагалъ до сихъ поръ весьма ограниченными средствами, а между тѣмъ, онъ являлся постояннымъ и неутомимымъ противникомъ графа Бисмарка, уступать которому считалъ неизлзящимъ даже самъ императоръ французовъ. Извѣстно, что король саксонскій, послѣ неудачъ, испытанныхъ Австріей и Саксоніей въ войнѣ съ Пруссіей, вынужденъ былъ дать отставку г. Бейсту, потому что баронъ своею личностію и своею прежнею политическою дѣятельностію представлялъ неодолимое препятствіе къ веденію мирныхъ переговоровъ между Саксоніей и Пруссіей. Графъ Бисмаркъ даже прямо объявилъ, что онъ не желаетъ имѣть никакого дѣла съ г. Бейстомъ. Обстоятельство это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что г. Бейстъ, даже въ качествѣ министра державы, столь слабой въ сравненіи съ Пруссіей какъ Саксонія, успѣлъ порядкомъ досадить графу Бисмарку, и заставляетъ предполагать, что при бѣльшихъ

средствахъ г. Бейстѣ сумѣлъ бы сдѣлаться весьма опаснымъ противникомъ прусскаго министра. Императоръ Наполеонъ, понимающій людей и имѣвшій въ свое время съ г. Бейстомъ продолжительныя бесѣды о дѣлахъ Германіи, находилъ, что бывшій саксонскій министръ замѣчательный человекъ, для котораго политическое поприще въ Саксоніи слишкомъ тѣсно. Теперь г. Бейстѣ нашелъ несравненно болѣе обширное примѣненіе своимъ способностямъ, взявъ въ свои руки дѣла иностранной политики вѣнскаго кабинета. Само собою разумѣется, что присутствіе г. Бейста въ этомъ кабинетѣ не обойдется безъ вліянія и на внутреннюю политику Австріи; поэтому вопросъ о положеніи, занятомъ въ Австріи г. Бейстомъ, сдѣлался однимъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ и послужилъ обильною и разнообразною тѣмою для журнальныхъ соображеній.

При тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ, какъ мы сейчасъ замѣтили, находился г. Бейстѣ къ Пруссіи, назначеніе его австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ было принято какъ враждебная демонстрація противъ Пруссіи, какъ намѣреніе Австріи отомстить пруссакамъ за кѣнигсгрецкое пораженіе и возстановить утраченное вліяніе на Германію. Даже въ Австріи та партія, которая старается удержать правительство отъ рискованныхъ предпріятій, всего болѣе опасалась назначенія г. Бейста руководителемъ внѣшней австрійской политики. При этомъ возникли и другія опасенія: мадьярская и чешская партіи, вслѣдствіе того, что г. Бейстѣ извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ германскихъ патріотовъ, заговорили противъ его назначенія изъ болѣзни, что новый министръ явится усерднымъ покровителемъ нѣмецкой національности и что вслѣдствіе этого во внутреннемъ порядкѣ будетъ принята реакціонная система. Такія опасенія не лишены основанія, такъ-какъ ни въ одномъ изъ всѣхъ европейскихъ государствъ внѣшняя политика не имѣетъ столь тѣсной связи съ внутренней организаціей, какъ въ Австріи. Клерикальная партія тоже возстаетъ противъ г. Бейста не только потому, что онъ протестантъ, но и потому еще, что онъ отбилъ министерскій портфель у барона Гюбнера, одного изъ самыхъ видныхъ представителей этой партіи. Наконецъ, и австрійская аристократія весьма недовольна назначеніемъ на вѣнскій постъ иностраннаго барона, какъ будто въ многочисленной австрійской аристократіи не нашлось ни одного способнаго и достойнаго лица на такое мѣсто.

При неблагоприятныхъ условіяхъ своего прошедшаго и при невыгодной настоящей обстановкѣ въ Вѣнѣ, баронъ Бейстѣ все-таки рѣшился принять сдѣланное ему предложеніе и стать во главѣ внѣшней политики Австріи. Задача эта и въ прежнюю пору была не слишкомъ легкая, теперь же она представляетъ еще болѣе затрудненій всякаго рода. Между тѣмъ съ самаго начала своей новой политической карьеры, баронъ Бейстѣ выставилъ свою личность слишкомъ вліятельною на кругъ дѣлъ, вѣрившихъ его руководству. Въ разосланномъ имъ циркулярѣ къ

представителямъ Австріи при иностранныхъ дворахъ, онъ, умалчивая объ отношеніяхъ Австріи къ европейскимъ кабинетамъ, ставитъ на первый планъ свои личныя чувства, какъ исходную точку дипломатической системы Австріи, прося заявить при иностранныхъ дворахъ, что онъ на новомъ своемъ поприщѣ будетъ дѣйствовать безъ всякаго пристрастія и безъ всякой злобы. Часть германской прессы весьма недовольна назначеніемъ г. Бейста и подшучиваетъ надъ циркуляромъ австрійскаго министра, замѣчая, что никому нѣтъ дѣла, злобствуетъ ли г. Бейстъ противъ когонибудь, или нѣтъ, что обязанность его—исполнять только волю императора, между тѣмъ какъ онъ пытается выставить себя какимъ-то самодержцемъ и центромъ тяготѣнія австрійской политики, такъ что при этихъ условіяхъ политика Австріи должна сообразоваться не съ выгодами имперіи, но подчиняться личнымъ чувствамъ министра.

Положимъ, что нельзя отвергать нѣкоторой неловкости подобнаго заявленія, но на дѣлѣ очень легко можетъ случиться, что въ баронѣ Бейстѣ олицетворится австрійская политика. Если вспомнить, что на эту политику, помимо желаній самого императора Франца-Иосифа, имѣли значительное вліяніе другіе министры, то тѣмъ болѣе такого вліянія слѣдуетъ ожидать со стороны барона Бейста, который силою своей воли и своими способностями далеко превосходитъ своихъ предшественниковъ и настоящихъ своихъ товарищей.

Сколько извѣстно до сихъ поръ, програма г. Бейста держится примирительныхъ началъ. Онъ не намѣренъ возвратитъ Австріи ея прежняго преобладающаго вліянія въ Германіи, и находится, что положеніе Австріи должно оставаться въ полной зависимости отъ дальнѣйшаго хода дѣлъ, такъ что еслибы южногерманскія державы обнаружили желаніе присоединиться къ сѣверному союзу, то австрійское правительство не должно нисколько противиться такому соединенію. Дѣятельность г. Бейста, насколько это можно судить по имѣющимся доселѣ въ виду даннымъ, будетъ преимущественно направлена на восточный вопрьесъ, отъ способовъ разрѣшенія котораго немало зависитъ будущность Австріи.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Наши дефициты съ 1882 до 1886 года; чѣмъ они произведены?—Мнѣніе объ этомъ органа крупныхъ землевладѣльцевъ.—Антипатія этого органа къ мировымъ и земскимъ учрежденіямъ.—Сокращеніе бюджета морскаго министерства.—Усовершенствованное оружіе и рекрутскій наборъ.—Торговля наемщиками въ рекруты въ западныхъ губеніяхъ.—Финансовый проектъ г. Шилля.—Налогъ на

недвижимыя имущества въ городахъ и посадахъ. — Ссылки въ Южной Россіи и рѣшеніе относительно истребленія ихъ въ бахмутскомъ земскомъ собраніи. — «Вятскія Губернскія Вѣдомости» и судебная реформа. — Результаты русской судебной реформы, чувствуемые въ Парижѣ.

Правительство обратило, повидимому, самое серьезное вниманіе на неудовлетворительное состояніе нашихъ финансовъ; безъ сомнѣнія, такъ надобно понимать твердо заявленное имъ рѣшеніе сократить государственные расходы до такой цифры, чтобы дефицитъ не имѣлъ болѣе мѣста. Одновременно съ этимъ планомъ сокращенія расходовъ, публикѣ сдѣланы извѣстны нѣкоторыя данныя, касающіяся исторіи нашего дефицита. Оказывается, что начало его относится къ тому времени, когда онъ былъ совсѣмъ незамѣтенъ для посторонняго наблюдателя, когда русскіе финансы, повидимому, находились въ самомъ удовлетворительномъ состояніи.

Недавно изданный «Статистическій Временникъ Россійской Имперіи» содержитъ въ себѣ цифры нашихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ за 30 лѣтъ, отъ 1832 до 1861 года. Изъ этихъ цифръ видно, что уже въ 1832 году русскій бюджетъ представлялъ дефицитъ почти въ 5.000,000 руб. сер. Съ тѣхъ поръ дефицитъ не прекращался, а напротивъ, постоянно увеличивался съ нѣкоторою постепенностью. Замѣчательно, что иногда эта постепенность прерывается значительными скачками, и время этихъ скачковъ ясно указываетъ на то, какія причины производили главнымъ образомъ нашъ дефицитъ. Такъ до 1839 года дефицитъ не достигалъ еще до 15 м. въ годъ, а съ 1840 года онъ вдругъ поднялся на 22 миліона. Очевидно, быстрое увеличеніе дефицита 1840 года произведено страхомъ войны, по случаю волновавшаго въ то время европейскую дипломатію восточнаго вопроса. Слѣдующій быстрый скачокъ относится къ 1848 году: въ этомъ году дефицитъ съ 35-ти миліоновъ поднялся вдругъ до 62 миліоновъ. Очевидно, что и въ этомъ случаѣ онъ былъ произведенъ волненіями въ Западной Европѣ, къ которымъ русское правительство относилось весьма нехладнокровно, вслѣдствіе чего оно старалось приготовиться ко всякимъ случайностямъ. Наконецъ, особенно важный скачокъ въ возрастаніи дефицита относится ко времени послѣдней войны на Дунаѣ и въ Крыму. Тогда (въ 1854 г.) дефицитъ съ 51 мил. возросъ вдругъ до 123 миліоновъ, въ слѣдующемъ (1855) году, до 261 миліона, а въ 1856 до 265 миліоновъ, такъ что эти три года войны увеличили нашъ государственный долгъ на 650 миліоновъ. Въ теченіе всего времени отъ 1832 до 1861 года, сумма всѣхъ дефицитовъ возрасла до 1.376 миліоновъ рублей. Въ самые послѣдніе годы дефицитъ нашъ значительно уменьшился сравнительно съ періодомъ времени крымской войны; но все-таки онъ, повидимому, установился на цифрѣ около 20.000,000, такъ что эту сумму надобно принять какъ среднюю цифру нашего дефи-

цита за послѣдніе годы, и именно на такую сумму правительство рѣшилось сократить государственные расходы.

Мы видѣли, что увеличеніе дефицита было особенно значительно въ такіе годы, когда государство вело войну или когда оно было недалеко отъ войны; это указало намъ главный источникъ нашихъ дефицитовъ—въ желаніи правительства содержать слишкомъ значительныя военныя силы, соразмѣрно дѣйствительнымъ или только воображаемымъ надобностямъ. Съ этимъ мнѣніемъ несогласна газета «Вѣсть», которая ведетъ весьма сердитую полемику съ «Московскими Вѣдомостями» именно по этому вопросу. «Московскія Вѣдомости» выразили мнѣніе, что правительство, благодаря нѣкоторымъ особеннымъ удобствамъ займовъ въ прежнее время, выходило за предѣлы бюджетовъ безъ особенно важныхъ причинъ, и что въ нашемъ дефицитѣ всего менѣе можно обвинять реформы послѣдняго времени. «Вѣсть» изъ силъ выбивается, доказывая, что причина дефицита именно и кроется въ реформахъ послѣдняго времени, преимущественно въ крестьянской и, главнымъ образомъ, въ томъ, что при освобожденіи, крестьяне надѣлены землею. Мы не дадимъ себѣ труда разбирать доказательства «Вѣсти», потому что они не заслуживаютъ никакого вниманія, но не откажемся обратить вниманіе нашихъ читателей на слѣдующій фактъ.

Въ пятилѣтіе, предшествующее крымской войнѣ, сумма дефицитовъ простиралась до 260 миліоновъ, то-есть среднимъ числомъ ежегодный дефицитъ простирался до 52 миліоновъ; въ пятилѣтіе, слѣдовавшее послѣ крымской войны, сумма дефицитовъ простиралась только до 100 миліоновъ рублей, слѣдовательно средній ежегодный дефицитъ простирался только до 20 миліоновъ. Въ слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе (отъ 1862 до 1866 г.), сумма дефицитовъ простиралась до 110 миліоновъ, то-есть по 22 миліона въ годъ. Еслибы мнѣніе «Вѣсти» было справедливо, то дефицитъ былъ бы всего значительнѣе въ два послѣднія пятилѣтія, именно въ тѣ два пятилѣтія, когда совершены или только начаты всѣ реформы нынѣшняго царствованія; между тѣмъ, онъ вдвое меньше сравнительно съ дефицитомъ пятилѣтія предшествующаго, и въ десять разъ меньше средняго ежегоднаго дефицита во время войны (217 мил.).

Правда, послѣ крымской войны нѣкоторые налоги увеличены, нѣкоторые приведены въ болѣе раціональный видъ, вслѣдствіе чего государственные доходы увеличились, и несмотря на это, дефициты, хотя въ уменьшенномъ видѣ, все-таки продолжали существовать. Этотъ фактъ особенно и поражаетъ газету «Вѣсть». Ей кажется, что если, несмотря на то, что государственные доходы послѣ войны значительно увеличились, все-таки расходы превосходятъ, то это означаетъ не что иное, какъ то, что крестьянская реформа, будучи совершена въ извѣстномъ видѣ, потребовала слишкомъ большихъ средствъ отъ правительства.

Но чтобы имѣть правильное понятіе о томъ, какими причинами произведено возвышеніе государственныхъ расходовъ до такой степени, что даже увеличенные государственные доходы оказываются недостаточными для покрытія ихъ, нужно сравнить бюджеты двухъ какихъ нибудь годовъ до начала крымской войны и послѣ нея. Для этого всего удобнѣе взять послѣдній годъ передъ войною, 1852-й, и нынѣшній 1866-й годъ.

Въ 1852 году, государственные расходы простирались до 280 мил. Дефицитъ этого года принадлежитъ къ числу самыхъ малыхъ сравнительно съ другими того времени (32 мил.; а въ 1851-мъ—55 м., въ 1850-мъ—62 м.); издержки на военное дѣло также были меньше, нежели въ предыдущіе годы (82 мил., въ 1851-мъ—88 мил., въ 1850-мъ—103 мил.). Слѣдовательно на этотъ годъ мы можемъ смотрѣть какъ на такой, въ который государственные доходы не были израсходованы расточительно.

Расходы на 1866 годъ исчислены въ 404 милліона—сумма, превосходящая расходы 1852 года на 124 милліона. Посмотримъ, куда предназначаются эти расходы, дѣйствительно ли увеличеніе ихъ, или по крайней мѣрѣ часть этого увеличенія должна покрыть издержки, вызванныя надѣленіемъ крестьянъ землею и вообще крестьянскою реформою.

Прежде всего въ статистическомъ временникѣ мы находимъ, что издержки военного министерства въ 1866 году превосходятъ издержки того же министерства въ 1852 году на 34 мил.; издержки морскаго министерства въ 1866 г. увеличились сравнительно съ издержками того же министерства за 1852 на $3\frac{1}{2}$ мил., издержки по вѣдомству святѣйшаго синода увеличились на $2\frac{1}{2}$ мил.; по министерству народнаго просвѣщенія на 4 мил., по министерству юстиціи на 2 мил., по министерству почтъ на 11 милліоновъ. Складывая всѣ эти цифры ($34 + 3\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} + 4 + 2 + 11$), получимъ 57 милліоновъ. И нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти издержки не имѣютъ никакого отношенія къ надѣленію крестьянъ землею. Безъ сомнѣнія, къ нему не имѣетъ никакого отношенія и увеличеніе процентовъ государственнаго долга, который поднялся до теперешней своей цифры гораздо раньше крестьянской реформы, а главнымъ образомъ вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ. Мы уже видѣли, что крымская война увеличила его на 560 милліоновъ, а въ предыдущіе пять лѣтъ онъ увеличился на 250 милліоновъ, всего за эти годы онъ увеличился на 900 милліоновъ. Еслибы государство платило на всю эту сумму 5%, то это одно увеличило бы государственные расходы на 45 мил.; но часть этого долга сдѣлана посредствомъ безпроцентныхъ кредитныхъ бумагъ. Несмотря на то, сумма процентовъ государственнаго долга увеличилась все-таки на 24 мил.; прибавляя эту цифру къ полученной выше (57), будемъ имѣть 81 мил. Кроме того, въ 1866 году, 20 милліоновъ предназначено на постройку желѣзныхъ дорогъ. Это увеличиваетъ цифру прежнихъ расходовъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ крестьянскою реформою.

янской реформѣ, до 101 мил. Статистическій временникъ, откуда мы заимствуемъ цифры, не представляетъ отдѣльныхъ цифръ по нѣкоторымъ министерствамъ за оба взятые нами года. Но съ помощію очень нехитрыхъ соображеній можно открыть цифру увеличенія расходовъ и по этимъ остальнымъ министерствамъ отъ 1852 до 1866 года. Такъ расходы министерства финансовъ отъ 1862 до 1866 года увеличились на 14 мил.; нельзя сомнѣваться, что расходы этого министерства въ 1852 году были не выше, чѣмъ въ 1862. Слѣдовательно, отъ 1852 до 1866 года они увеличились по крайней-мѣрѣ на 14 мил. Но изъ приложенной здѣсь же подробной росписи расходовъ за 1866 годъ видно, что ни одна статья расходовъ министерства финансовъ не имѣетъ никакого отношенія къ крестьянской реформѣ. Итакъ изъ всей суммы, на которую увеличились государственные расходы, остается только 11 миліоновъ $[(126 - (101 + 14))]$, употребленія которыхъ мы пока не открыли. Но изъ росписей на 1862 и на 1866 годъ видно, что содержаніе государственнаго контрола, главнаго управленія государственнаго коннозаводства и гражданскаго управленія Закавказскаго края обходится государственному казначейству въ 1866 году на 3 миліона рублей болѣе, сравнительно съ 1862 годомъ. Предполагая опять, что эти отдѣльныя управленія въ 1852 году стоили не больше, чѣмъ въ 1862, мы получимъ сумму увеличенныхъ съ 1852 до 1866 года расходовъ, неизмѣющихся никакого отношенія къ крестьянской реформѣ, въ 118 миліоновъ; такъ что только употребленіе 8 миліоновъ намъ остается неизвѣстнымъ. Эти 8 миліоновъ должны быть отнесены къ министерству внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Мы знаемъ, что расходы министерства внутреннихъ дѣлъ съ 1852 до 1866 года увеличились на 4 миліона, съ 11 мил. до 15. Въ то же время расходы по министерству государственныхъ имуществъ увеличились не менѣе, какъ на 4 миліона. «Вѣсть» съ особеннымъ усердіемъ ухватила за увеличеніе расходовъ по этимъ двумъ министерствамъ и утверждаетъ, что оно произведено крестьянскою реформою, именно, надѣломъ крестьянъ землею. Положимъ, что можно какъ нибудь приплести крестьянскую реформу къ министерству внутреннихъ дѣлъ; но какъ ухитриться сдѣлать это относительно министерства государственныхъ имуществъ. Развѣ это министерство покупало у кого нибудь земли, для того, чтобы одѣлать ими крестьянъ, находившихся въ его вѣдомствѣ? Конечно, и въ этомъ министерствѣ положеніе крестьянъ измѣнено значительнымъ образомъ, но, во первыхъ, для того оно и существуетъ въ видѣ министерства, чтобы что нибудь дѣлать, именно, чтобы въ своемъ вѣдомствѣ дѣлать всякія перемѣны къ лучшему, а не оставлять дѣла въ состояніи китайской неподвижности, а во вторыхъ, реформы крестьянскаго быта по вѣдомству государственныхъ имуществъ были именно такого рода, что онѣ должны были сократить издержки управленія ими,

потому что, благодаря этимъ реформамъ, крестьяне вѣдомства государственныхъ имуществъ мало-по-малу освобождались отъ административной опеки своего вѣдомства и, наконецъ, переданы въ вѣдомство общихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.

Что касается до министерства внутреннихъ дѣлъ, въ немъ дѣйствительно учреждены отдѣльныя управленія, центральное и мѣстныя, по крестьянскимъ дѣламъ; но, безъ всякаго сомнѣнія, черезъ это расходы министерства увеличились самымъ незначительнымъ образомъ, потому что крестьянскія учрежденія, состоящая въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, имѣютъ свой особый бюджетъ въ земскихъ сборахъ, представившій уже въ 1863 году почтенную цифру въ 3 мил. рублей. Это показываетъ, что увеличеніе расходовъ по министерству внутреннихъ дѣлъ произошло такимъ же образомъ, какъ и увеличеніе расходовъ по всѣмъ другимъ министерствамъ, то-есть вслѣдствіе обыкновеннаго и особеннаго увеличенія цѣнъ въ Россіи за послѣдніе годы, что сдѣлало прежніе оклады чиновниковъ недостаточными; кромѣ того въ самые послѣдніе годы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сдѣланы очень важныя реформы по полиціи, по управленію городами и уѣздами, причемъ служащій персоналъ получилъ увеличеніе содержанія на 100, на 200 и даже на 300%. Итакъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что и эти 4 мил. увеличенныхъ расходовъ министерства внутреннихъ дѣлъ не имѣютъ причины въ надѣленія крестьянъ землею и вообще въ крестьянскую реформу. И если «Вѣсть» готова взвалить всѣ 10 египетскихъ казней на крестьянскую реформу, то этимъ крестьянская реформа обязана особеннымъ чувствамъ, которыя питаетъ къ ней органъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Крестьянская реформа составляетъ истинный *bête noire* «Вѣсти». Повидимому, «Вѣсть» не можетъ хладнокровно провозносить има этой реформы. Впрочемъ, эти чувства органа крупныхъ землевладѣльцевъ раздѣляютъ съ крестьянской реформой всѣ другія реформы послѣдняго времени; мировыя учрежденія, равно какъ и земскія, «Вѣсть» даже положительно не любитъ, и «демократическій (?) характеръ» тѣхъ и другихъ считаетъ, между прочимъ, причиною удаленія нашего дворянства за границу. Проживание дворянства за границею въ настоящее время есть, безспорно, фактъ, достойный большаго сожалѣнія, такъ-какъ съ одной стороны этотъ такъ-называемый абсентеизмъ, котораго вліяніе съ точностью анализировано наукою, оказываетъ весьма значительное вліяніе на экономическое состояніе страны, а съ другой, фактъ этотъ показываетъ, что значительная часть дворянства въ настоящее трудное въ экономическомъ отношеніи время не хочетъ тянуть вмѣстѣ съ другими общее тягло государственной реформы, требующей труда и жертвъ; и, слѣдственно, причина, которою органъ крупныхъ землевладѣльцевъ старается оправдать удаленіе дворянства за границу, совершенно неосновательна. Еслибы дѣйствительно демократическій характеръ мировыхъ и земскихъ

учрежденій дѣлать несносною для дворянства жизнь въ его помѣстьяхъ, ему, вопервыхъ, не было бы никакой надобности уѣзжать за границу: ему можно было бы жить внутри Россіи, въ столицахъ; вторыхъ, еслибы дворянство бѣжало отъ демократіи, то ему слѣдовало бы искать въ Европѣ странъ наиболѣе аристократическихъ, ему слѣдовало бы жить въ Англіи, въ Восточной Пруссіи, въ Мекленбургахъ, въ Молдавіи и Валахіи, то-есть въ странахъ, гдѣ аристократія всего болѣе сохранила свое привилегированное положеніе. Между тѣмъ наше дворянство какъ будто нарочно выбираетъ страны наиболѣе демократическія: Францію, Швейцарію, Италію, гдѣ господствуетъ suffrage universel и плебисциты. Это ясно говоритъ, что наше дворянство уѣзжаетъ изъ Россіи не отъ страха передъ демократіею или не изъ отвращенія къ ней.

Да, наконецъ, почему же наши земскія, а тѣмъ болѣе мировыя учрежденія могутъ быть названы демократическими? Въ нашихъ земскихъ собраніяхъ представители дворянства обыкновенно составляютъ большинство, такъ что число ихъ не могутъ уравновѣсить соединенные представители всѣхъ остальныхъ сословій. Будто такіе факты имѣютъ мѣсто при демократическомъ устройствѣ? Быть можетъ, органъ крупныхъ землевладѣльцевъ скандализуется тѣмъ, что въ земскихъ собраніяхъ мужикъ сидитъ рядомъ съ дворяниномъ; но это бываетъ и въ англійскомъ парламентѣ, который по характеру своему и происхожденію весьма далекъ отъ демократическихъ собраній. Дѣло не въ томъ, сидитъ или не сидитъ мужикъ рядомъ съ дворяниномъ; дѣло въ томъ, кто изъ нихъ имѣетъ больше вліянія на рѣшенія разсматриваемыхъ вообще дѣлъ. Но что у насъ не мужики, а дворяне до сихъ поръ главнымъ образомъ ведутъ земское дѣло, въ этомъ нечего сомнѣваться. Итакъ ни почему наши земскія учрежденія не могутъ быть названы демократическими. Они были бы тогда демократическими, когда бы составъ земскихъ собраній и земскихъ управъ былъ по числу членовъ пропорціоналенъ составу населенія уѣздовъ и губерній, то-есть еслибы въ земскихъ собраніяхъ и управахъ великорусскихъ губерній было среднимъ числомъ около 7% дворянъ и 93% другихъ сословій. Но, какъ извѣстно, этого нѣтъ; на какомъ же основаніи можно называть наши земскія учрежденія демократическими?

Еще менѣе можно назвать демократическими мировыя учрежденія. По самой сущности дѣла, мировыя учрежденія, будучи предназначены для рѣшенія споровъ между двумя сословіями, имѣющими противоположные интересы, должны бы состоять изъ лицъ, неучаствующихъ въ интересахъ ни той, ни другой стороны. Между тѣмъ дѣйствительность представляетъ не то; мировые посредники вездѣ дворяне, и именно мѣстные дворяне, которые не только участвуютъ въ интересахъ одной изъ сторонъ, но болѣе или менѣе лично зависятъ отъ этой самой стороны, благодаря корпоративному устройству дворянства, и

благодаря выборному устройству, существующему въ средѣ его. Вслѣдствіе чего мировой посредникъ, если онъ не образецъ всѣхъ самыхъ исключительныхъ добродѣтелей, если онъ обыкновенный смертный, то волею и неволею долженъ тавуть на сторону дворянства; и это дѣйствительно имѣло мѣсто, вездѣ безъ исключенія, въ губерніяхъ западнаго края, такъ что правительство принуждено было тамъ совершенно передѣлать все, что было сдѣлано мировыми посредниками, смѣнить ихъ самихъ и назначить новыхъ, болѣе надежныхъ по своему безпристрастію. То же могло быть, и, безъ сомнѣнія, бывало и въ другихъ частяхъ имперіи, и правительство весьма мудро поступило, сдѣлавши высшую инстанцію для мировыхъ учреждений въ учрежденіи административномъ, то-есть такомъ, которое не зависѣло ни отъ того, ни отъ другаго сословія. Но будто же это демократія? Всѣ эти преиранія «Вѣсть» дѣлаетъ съ «Московскими Вѣдомостями», причемъ органъ крупныхъ землевладѣльцевъ съ горечью и въ то же время съ очевиднымъ чувствомъ собственной правоты упрекаетъ «Московскія Вѣдомости» за измѣну прежнему знамени, за то, что онѣ уклоняются отъ принциповъ, ими же самими провозглашенныхъ. Прежде, говорить, между прочимъ, «Вѣсть», «Московскія Вѣдомости» сами неоднократно признавали демократическій характеръ нашихъ мировыхъ и земскихъ учреждений, а теперь, очевидно, переѣхали этотъ взглядъ. Мы не помнимъ, когда именно «Московскія Вѣдомости» высказывали такой взглядъ на мировыя и земскія учрежденія; но такой взглядъ былъ согласенъ со всею ихъ системою экономическихъ и политическихъ воззрѣній; и было, дѣйствительно, время, когда «Московскія Вѣдомости» съ особеннымъ усердіемъ развивали подобныя взгляды. Мы думаемъ, что органъ крупныхъ землевладѣльцевъ совершенно правъ въ своихъ упрекахъ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Дѣйствительно, фактъ переѣны политики, фактъ несогласія частныхъ положеній съ общими принципами существуетъ, потому что принципы гг. Каткова и Скарятина одни и тѣ же, это не подлежитъ сомнѣнію; между тѣмъ въ развитіи частныхъ мыслей они между собою постоянно, по крайней-мѣрѣ, въ послѣднее время, разногласятъ; это не подлежитъ сомнѣнію, какъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что прежде они были вполне между собою согласны. Стало быть, тутъ съ чьей нибудь стороны есть непослѣдовательность, есть измѣна знамени; и повидимому ни за то, ни за другое не можетъ быть обвиненъ г. Скарятинъ. Скарятинъ теперь проповѣдуетъ и преслѣдуетъ то же самое, что онъ проповѣдовалъ и преслѣдовалъ дѣтъ пять назадъ въ «Современной Лѣтописи», издаваемой г. Катковымъ; онъ нисколько не измѣнился; за измѣнчивость, даже за непослѣдовательность его обвинять нельзя; напротивъ, онъ показываетъ постоянство, достойное гораздо лучшаго дѣла. Потому, если теперь разошлись между собою прежніе сотрудники, г. Катковъ и г. Скарятинъ, то это означаетъ, что г. Катковъ дѣйствительно уклонился съ прежней дороги, что, впро-

чемъ, нетрудно доказать и прямымъ путемъ, къ которому мы надѣемся когда нибудь обратиться въ той мысли, что развитіе и доказательство этой мысли будетъ не безъ интереса для читателей, мало слѣдящихъ лично за всѣми перипетіями нашего литературнаго развитія. Замѣчательно, что «Вѣсть» признаетъ, что «Московскія Вѣдомости» занимаютъ «высокое мѣсто» въ числѣ повременныхъ изданій, и что этимъ они обязаны единственно прежнимъ заслугамъ, то-есть тому образу дѣйствій, которому такъ неуклонно слѣдуетъ органъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Во всемъ этомъ, по нашему мнѣнію, есть своя доля правды! Именно высокое мѣсто «Московскихъ Вѣдомостей» приобрѣтено ими съ помощію средствъ, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ не доступны всякому.

Сокращеніе бюджета, по предположенію правительства, должно быть произведено посредствомъ сокращенія наименѣе необходимыхъ издержекъ по разнымъ министерствамъ. Такъ, по морскому министерству должны быть прекращены нѣкоторыя работы, нѣкоторыя плаванья, дорого стоющія, но неимѣющія прямого отношенія къ оборонѣ государства, а между прочимъ должны быть сокращены нѣкоторыя отдѣльныя эскадры, неимѣющія особенно важнаго назначенія, на примѣръ эскадра черноморская, каспійская и эскадра Восточнаго океана. Эти предположенія возбуждали довольно оживленную полемику въ газетахъ, которая, впрочемъ, главнымъ образомъ была обязана своимъ происхожденіемъ недоразумѣнію. «Кронштадтскій Вѣстникъ», публикуя объ этихъ предположеніяхъ, искажилъ ихъ; по его словамъ, названные эскадры предполагалось не сократить, а совсѣмъ *упразднить*. Это представило бы дѣйствительно значительныя неудобства: русскіе порты на всѣхъ этихъ моряхъ, на Черномъ, Каспійскомъ, и на Восточномъ океанѣ, были бы весьма въ странномъ положеніи, не имѣя прямого и независимаго сообщенія ни съ какимъ портомъ, ни съ какою приморскою страной. Кромѣ того, есть своя морская полиція, которая требуетъ извѣстныхъ средствъ, то-есть военной силы, хотя незначительной. А безъ полиціи у русскихъ береговъ, дѣйствительно могло бы образоваться мелкое пиратство, которому нечѣмъ было бы положить конецъ. Но какъ оказалось, о совершенномъ упраздненіи эскадръ на всѣхъ этихъ моряхъ не было и рѣчи; ихъ предположено только сократить, хотя и въ настоящее время онѣ весьма незначительны; но именно ихъ незначительность и служитъ причиною ихъ сокращенія, потому что боевую силу онѣ представляютъ и теперь почти ничтожную: и все-таки поддержка ихъ, какъ боевой силы, въ современномъ составѣ, стоитъ значительныхъ суммъ. И потому, морское министерство, по нашему мнѣнію, рассуждало весьма справедливо, предназначая ихъ исключительно для морской полиціи и обыкновенной службы портовой; въ дѣйствительности тутъ никакого уменьшенія боевой силы не происходитъ; потому что и существующая теперь боевая сила есть только номинальная, ме-

жду тѣмъ, благодаря этимъ переѣмамъ, морское министерство получаетъ возможность сократить свой бюджетъ на шесть миллионовъ, что оказывается совершенною необходимою, потому что безъ этого русское министерство финансовъ не можетъ привести въ равновѣсіе доходы и расходы государства.

Заботы о приведеніи въ равновѣсіе расходы и доходовъ въ государствѣ ставятъ и правительство и нашихъ финансистовъ въ необходимость подумать объ увеличеніи государственныхъ доходовъ. Изъ плановъ, представленныхъ финансистами, нельзя не обратить вниманія на планъ г. Шилля, развитый имъ въ органѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. Планъ, разумѣется, достойный мѣста, гдѣ онъ помѣщенъ, и достойный финансиста, которымъ онъ выработанъ. Г. Шилль принадлежитъ къ числу немногихъ счастливыхъ людей, непонимающихъ того, что они сами говорятъ. Онъ издалъ нѣсколько брошюръ, между прочимъ свою теорію финансовъ, которая очень либеральна—это ея главная черта, но притѣмъ здравымъ и яснымъ смысломъ не отличается. Можно съ математическою точностью доказать, что въ большинствѣ случаевъ, какъ въ этой, такъ и въ другихъ брошюрахъ этого автора, никто не отыщетъ никакого смысла; разумѣется, и самъ авторъ ничего не найдетъ въ нихъ. Это очень счастливое положеніе для автора; очевидно, подобнаго автора не могутъ волновать никакія задачи; его задача всегда заключается только въ испещреніи нѣсколькихъ листовъ бумаги буквами въ какихъ бы то ни было соединеніяхъ. А соединенія эти бывають очень разнообразны; такъ одинъ разъ г. Шилль напишетъ такую штуку, за которую его обвиняють въ социализмъ и коммунизмъ. Г. Шилль начинаетъ оправдываться, и однажды онъ очень курьёзно отклоняетъ отъ себя обвиненіе въ социализмъ тѣмъ, что онъ принятъ въ домъ одного генерала отъ инфантеріи. Другой разъ г. Шилль является сотрудникомъ «Вѣсти» и развиваетъ планъ новаго *подушного* налога; именно подушного, пусть читатель не сочтетъ это за опечатку. Газета «Вѣсть» и «знаменитый экономистъ» Шилль, въ 1866 году, предлагаютъ намъ такіе налоги. Г. Шилль имѣетъ въ виду усиленіе энергіи къ труду въ рабочемъ классѣ; извѣстно, что къ этому же и «Вѣсть» стремится; она находитъ, что освобожденіе крестьянъ уменьшило въ нихъ энергію къ труду. Вѣроятно, г. Шиллю и редакціи органа крупныхъ землевладѣльцевъ неизвѣстно, что подушная подать есть не что иное, какъ плата за право жизни, сохраняемое побѣдителемъ побѣжденному, что это одинъ изъ наиболѣе несправедливыхъ остатковъ среднихъ вѣковъ, что этотъ налогъ уже не существуетъ нигдѣ въ Европѣ, что онъ считается остаткомъ варварскихъ временъ, что онъ уничтоженъ даже въ Турціи, гдѣ существовалъ до парижскаго мира подъ именемъ карача, и что именно по всему этому у насъ подушная подать уничтожена для жителей городовъ, и если она существуетъ для жителей деревень, то только потому, что въ деревняхъ, въ сельскомъ сословіи у насъ

всякій надѣленъ землею, что подушная подать, пѣтому, у насъ есть видоизмѣненіе поземельнаго налога, и несмотря на то, правительство, все-таки, давно уже занято мыслью о переведеніи налога съ лицъ на землю. Вообще и правительство и земскія собранія относительно налога весьма хорошо поняли современныя требованія науки и современныя потребности государства, вслѣдствіе чего земскія собранія покрываютъ свои расходы, главнымъ образомъ, посредствомъ поземельнаго налога, который, скажемъ вкратцѣ, во всѣхъ государствахъ Западной Европы получаетъ все большее и большее значеніе, и достигаетъ болѣшнихъ и болѣшнихъ размѣровъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ изданъ указъ о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ. Это не есть собственно поземельный налогъ, хотя налогъ довольно близкій къ нему, потому что онъ облагаетъ податью всякій родъ недвижимаго имущества, принадлежащаго городамъ, посадкамъ и мѣстечкамъ, какъ дома, фабрики и другія промышленныя земли, такъ и огороды, сады и пустопорожни земли. Довольно трудно видѣть опредѣленную идею, положенную въ основаніе этого налога, потому мы и не возьмемъ на себя труда отыскивать и критиковать ее. Замѣтимъ только, что при всѣхъ недостаткахъ, отъ какихъ, конечно, новый налогъ несвободенъ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо рациональнѣе подушной подати съ городскихъ сословій, на мѣсто которой онъ временнымъ образомъ, въ видѣ испытанія, былъ введенъ еще въ 1863 г.

Цифра государственныхъ расходовъ въ этомъ и въ будущемъ году вѣроятно значительно возрастетъ вслѣдствіе того, что, наконецъ, рѣшено передѣлать винтовныя ружья, которыми въ настоящее время вооружены наши войска, въ заряжающіяся снади; и повидимому, правительство намѣрено какъ можно скорѣе привести всю эту операцію къ концу, потому что всѣ три казенные оружейныя завода получили приказаніе заняться этимъ дѣломъ; увѣряютъ, что правительство намѣрено обратиться еще и къ частной промышленности, для скорѣйшаго окончанія дѣла. Выстѣ съ тѣмъ, выбранъ образецъ для приготовленія новыхъ ружей, зарядящихся съ казенной части; этотъ образецъ не есть прусское игольчатое ружье, а одно изъ ружей, изобрѣтенныхъ въ Америкѣ, которое, по отзывамъ знатоковъ, далеко совершеннѣе прусскаго ружья. Почти одновременно съ этимъ приняты мѣры для восполненія состава арміи. Въ концѣ октября подписанъ указъ о рекрутскомъ наборѣ, который долженъ быть произведенъ въ началѣ будущаго года по 4 человека съ тысячи съ обѣихъ половъ имперіи. Въ указѣ изложены всѣ облегченія, которыя въ послѣднее время сдѣланы для жителей при сдачѣ рекрутъ; нельзя не почтить словами самаго теплаго сочувствія всѣ эти облегченія, дѣлающія менѣе тяжелою для народа ту повинность, отъ которой въ прежнее время приходила въ ужасъ вся масса простаго народа въ цѣлой Россіи. Благодаря облегченіямъ при сдачѣ рекрутъ, благодаря облегченіямъ въ самой службѣ, и наконецъ, благодаря

сокращенію сроковъ службы, въ настоящее время рекрутская повинность и военная служба не кажутся страшны народу. Изъ ограниченій прежняго времени уничтожено то, которое не позволяло людямъ нѣкоторыхъ исповѣданій ставить за себя въ рекруты охотниковъ, принадлежащихъ къ другимъ исповѣданіямъ; впрочемъ, оно уничтожено еще раньше, и уже не существовало въ предъидущій наборъ, такъ что результаты этого уничтоженія уже можно было наблюдать. Оказалось, что существовавшее прежде ограниченіе имѣло нѣкоторыя удобства, очень важныя; именно, оно гарантировало бѣднаго мужичка въ западныхъ губерніяхъ отъ хитростей евреевъ хотъ въ этомъ важномъ случаѣ. Прежде, если еврей хотѣлъ нанять за себя рекрута, онъ непременно долженъ былъ нанимать человѣка своего же исповѣданія; теперь онъ можетъ нанять и христіанина. И вотъ, передъ временемъ рекрутскаго набора, еврей удваиваетъ свою хитрую политику относительно крестьянина, опутываетъ его долгомъ, разоривши его предварительно, и когда приходитъ время набора—доводитъ его до того, что крестьянинъ соглашается для уплаты долга идти въ солдаты. Иногда этому самому еврею совсѣмъ ненужно нанимать рекрута; но это не освобождаетъ его должника-крестьянина отъ необходимости идти въ солдаты, потому что еврей-кредиторъ передаетъ за деньги свое право на должника другому еврею; нѣкоторые евреи или скупаютъ такихъ охотниковъ, или сами доводятъ многихъ крестьянъ до найма въ солдаты, и потомъ перепродаютъ ихъ другимъ, нуждающимся евреямъ. Такимъ способомъ, въ послѣдній наборъ образовалась истинная торговля людьми въ западномъ краѣ, истинная кабала изъ-за долговъ, и евреи получили новое средство къ экономическому порабощенію простаго народа, который и безъ того находится не въ блестящемъ положеніи. — И разумѣется, черезъ это евреи все больше и больше будутъ приобретать перевѣсъ надъ русскимъ населеніемъ и численно, и въ экономическомъ отношеніи. Замѣчательно, что имъ какъ-то удается за самыя ничтожныя суммы приобретать себѣ въ кабалу крестьянъ Западной Россіи; говорятъ, бывали примѣры, что крестьянинъ за 25 рублей шелъ въ солдаты за еврея. Правда, теперь, благодаря тому, что военная служба сдѣлалась легче, вездѣ наемъ рекрута обходится гораздо дешевле, чѣмъ прежде; но въ Восточной Россіи платять еще 150 и 200 рублей, а не 25. — Евреи умѣютъ даже и эти 25 рублей поставить на счетъ русскимъ же; во всей Западной Россіи и въ Царствѣ Польскомъ жители замѣчаютъ слѣдующій фактъ: во время наборовъ вездѣ у евреевъ товары дѣлаются дороже и именно самыя необходимые жизненные припасы: мясо, масло, яйца и т. п. Очевидно, еврейскіе торговцы дѣлаютъ между собою стачку и даже, быть можетъ, они получаютъ на это приказаніе отъ своихъ духовныхъ властей. А привести въ исполненіе подобную стачку имъ ничто не мѣшаетъ, потому что конкуренціи русскихъ или поляковъ они не имѣютъ; они заботливо убиваютъ всякую конкуренцію въ са-

момъ зародниѣ. Такимъ образомъ при возможности нанять въ рекруты христіанина, еврей почти всегда найдетъ для этого средства, а если онъ не имѣетъ ихъ самъ, то ему даетъ ихъ еврейская община, которая, какъ увѣряютъ, въ цѣломъ своемъ составѣ заботится объ освобожденіи своихъ членовъ отъ рекрутской повинности, которую они должны нести по закону.

Западная Россія страдаетъ отъ евреевъ; въ Южной Россіи есть не меньшее зло, которое, при всей своей серьезности, весьма своеобразно: его составляютъ суслики. Суслики—это небольшой звѣрекъ, очень красивый и вмѣстѣ съ тѣмъ очень вредный, потому что питается исключительно хлѣбными посѣвами. Размножаются суслики чрезвычайно скоро, и потому южная и частію юго-восточныя губерніи Россіи имѣютъ ихъ милліоны. Можно себѣ представить вредъ, который они дѣлаютъ полямъ; иногда они уничтожаютъ цѣлую треть всѣхъ посѣвовъ. Къ истребленію ихъ придумывали разныя средства, но всѣ они оказывались очень мало успѣшными: такъ, ихъ старались затоплять въ норкахъ, гдѣ они живутъ; но это стоило много времени и издержекъ, потому что для этой цѣли нужно доставлять на поля воду въ большомъ количествѣ, и притомъ обыкновенно изъ мѣстъ очень отдаленныхъ, потому что и южныя и юго-восточныя губерніи принадлежатъ къ числу странъ весьма маловодныхъ.—Зло отъ сусликовъ такъ велико, что земскія собранія во многихъ мѣстахъ обратили на нихъ самое серьезное вниманіе; говорятъ, что кто-то придумалъ инструментъ въ родѣ ловушки; только суслики не должны попадаться въ эту ловушку, а должны быть ею убиваемы посредствомъ гальванической батареи. Если это правда, то это все-таки не можетъ принести большой пользы, потому что такой инструментъ очевидно будетъ недоступенъ массѣ жителей.—Бахмутское земское собраніе придумало для истребленія сусликовъ слѣдующую мѣру: каждый землевладѣлецъ обязанъ доставить съ каждой десятины земли извѣстное число сусликовъ. Какими средствами будутъ убиты и приобрѣтены эти суслики, объ этомъ ничего не пишутъ. Но это дѣло дѣйствительно нелегкое; сусликовъ трудно убивать даже изъ ружей, потому что послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ суслики дѣлаются очень строги, не подпускаютъ человѣка на выстрѣлъ. Да, наконецъ, если сусликъ и будетъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ, все-таки его очень трудно достать, потому что сусликъ обыкновенно сидитъ на самомъ краю своей норки, и даже смертельно раненный онъ успѣваетъ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ скрыться въ самую глубину норки.

Замѣчательнѣе всего въ рѣшеніи бахмутскаго земскаго собранія то, что этотъ своего рода налогъ (сусликами) долженъ быть платимъ владѣльцами не пропорціонально количеству земли, а обратно пропорціонально соціальному положенію владѣльца. Это, безъ сомнѣнія, первый примѣръ налога обратно пропорціо-

нального. Есть налоги пропорциональные, есть налоги прогрессивные, но обратно-пропорциональные еще не были известны в финансовой науке. По решению бахмутского земского собрания, землевладельцы-крестьяне должны доставить с каждой десятины по десяти сусликовъ, а землевладельцы-дворяне — только по одному. Такое распоряжение мотивировано темъ, что землевладельцы-дворяне обыкновенно имѣютъ очень много земли, что одному лицу, напр. владѣльцу 30,000 десятинъ земли, было бы очень трудно представить 300,000 сусликовъ, если бы онъ наравнѣ съ крестьянами обязанъ былъ представить по 10 сусликовъ сь десятины.

Мы думаемъ, что такое распоряженіе весьма несправедливо, и что оно прошло, безъ сомнѣнія, только потому, что представители крупныхъ землевладѣльцевъ были сильнѣе, въ земскомъ собраніи, чѣмъ представители другихъ сословій. Въ самомъ дѣлѣ, почему же землевладѣльцу было бы труднѣе представлять пропорциональное количество сусликовъ, чѣмъ крестьянину? Если бы земля не имѣла никакой цѣнности, не давала дохода, тогда владѣльцу большаго количества десятинъ было бы труднѣе доставить большее число сусликовъ; но этого нѣтъ: въ Бахмутскомъ уѣздѣ земля даетъ хорошия доходы, и суслики отнимаютъ у значительнаго землевладѣльца гораздо большее количество дохода, чѣмъ у крестьянина; вообще потери и прибыли владѣльцевъ пропорциональны количеству земли; потому строгая справедливость требуетъ, чтобъ землевладѣльцы и крестьяне принимали одинаковое, то-есть соразмѣрное количеству поземельной собственности участіе въ истребленіи сусликовъ. При системѣ, принятой бахмутскимъ собраніемъ, очень нетрудно дойти до того, что и денежная поземельная подать будетъ опредѣлена для однихъ землевладѣльцевъ въ одну цифру, а для другихъ въ другую; потому что и этотъ своего рода налогъ сусликами, въ сущности, есть налогъ денежный, такъ-какъ истребленіе и добываніе сусликовъ будетъ стоить для обложенныхъ не только издержекъ временемъ и трудомъ, но и деньгами, что, впрочемъ, какъ извѣстно, одно и то же. Мѣры противъ сусликовъ въ бахмутскомъ собраніи называютъ, что и въ земскихъ учрежденіяхъ не всегда господствуетъ справедливость; съ другой стороны, онѣ очень хорошо отвѣчаютъ на вопросы, дѣйствительно ли земскія учрежденія имѣютъ демократическій характеръ, какъ думаетъ «Вѣсть» теперь, и какъ думали «Московскія Вѣдомости» прежде.

Нелюбовъ «Вѣсти» къ новымъ учрежденіямъ за ихъ демократизмъ, повидимому, начинаетъ распространяться. Недавно одно официальное губернское изданіе съ большою дозою гражданской храбрости позволило себѣ осудить новыя судебныя учрежденія, еще не издавши ихъ, впрочемъ, на дѣлѣ; это изданіе—«Вятскія Губернскія Вѣдомости». Странно въ самомъ дѣлѣ, что официальный органъ позволилъ сдѣлать этого рода противодѣйствіе прavitельственнымъ видамъ. Безъ сомнѣнія, источникъ недоброжелательства къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ нужно искать въ

какихъ-нибудь интересахъ, страдающихъ отъ введенія новыхъ судовъ. Замѣчательно, что, подобно «Вѣсти», официальная губернская газета, «ничтожный органъ административной власти», какъ она себя называетъ, основываетъ свою нелюбовь къ новымъ судамъ на рескриптѣ 13-го мая, находя, что новые суды не будутъ имѣть характера довольно охранительнаго, что они заключаютъ въ себѣ противорѣчіе этому рескрипту.

Но, съ другой стороны, мы можемъ указать съ удовольствіемъ на добрую репутацію нашихъ новыхъ судовъ, распространившуюся до береговъ Атлантическаго океана. Г. Щербанъ пишетъ въ «Голосѣ», что въ Парижѣ нашелся аферистъ, который скупаетъ долговныя обязательства парижанъ на жителей Петербурга. Прежде эти долговныя обязательства не стоили ничего, потому что получить по нимъ деньги при прежнемъ устройствѣ правосудія было почти невозможно. Теперь и въ Парижѣ знаютъ, что русское правосудіе организовано хорошо, и потому долговое обязательство на Петербургѣ если теряетъ часть своей цѣны, то только благодаря отдаленности двухъ пунктовъ одного отъ другого и необходимымъ издержкамъ взысканія. Такіе факты краснорѣчивѣе всего говорятъ въ пользу новыхъ судебныхъ учреждений. У насъ на мѣстѣ достоинство новыхъ судовъ также всѣми чувствуется. Бѣдный человѣкъ занимаетъ деньги, или получаетъ въ кредитъ предметы потребленія безъ страховой преміи. Прежде эта страховая премія увеличивала вдвое цѣну предметовъ потребленія и въ нѣсколько разъ увеличивала количество процентовъ, потому что ни одинъ кредиторъ не былъ увѣренъ въ полученіи своихъ денегъ; и, дѣйствительно, значительная доля кредитованныхъ суммъ пропадала. Теперь не то: новыя судебныя учрежденія потому теперь и завалены дѣлами, что общее довѣріе къ нимъ слишкомъ велико, что въ нихъ поступили дѣла, на справедливое рѣшеніе которыхъ при прежнемъ судопроизводствѣ была потеряна всякая надежда, съ которыхъ страхнута пыль, покрывавшая ихъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего они представлены въ новыя судебныя учрежденія.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Магнитно-электрическая машина Уильда. — Растенія свайныхъ построекъ. — Объ ученыхъ изслѣдованіяхъ Чихачова въ Малой Азіи. — Будистскіе манускрипты, собранные г-номъ Гренблѣ. — Характеристика Бута. — Слухъ объ осушеніи Аральскаго моря. — Изобрѣтеніе Фуко. — Солнечная атмосфера по наблюденіямъ Янсена и Ангстрема. — Окончаніе мемуара Фэ «О новыхъ и периодическихъ звѣздахъ». — Отвѣтъ его на возраженія англійскихъ астрономовъ.

Президентъ «Британской Ассоціаціи» г. Гровъ упомянулъ въ рѣчи своей о магнитно-электрической машинѣ Уильда. Она по-

дробно описана въ послѣдней за этотъ годъ октябрьской книгѣ «Journal of Science» Уильямомъ Крукомъ, и такъ-какъ это изобрѣтеніе составляетъ новую эру въ освѣщеніи, то мы сообщимъ о немъ нѣкоторыя подробности.

Давно уже былъ поднятъ вопросъ о примѣненіи электрическаго свѣта къ маякамъ. Но опыты доказали, что лучи, производимые огнемъ горящаго масла, проникаютъ дальнѣйшее пространство. Этотъ почти невѣроятный фактъ объясняли тѣмъ, что воздухъ сильнѣе поглощаетъ свѣтъ электрической искры, нежели свѣтъ горящаго масла. Однакоже, въ послѣдніе годы электро-магнитные аппараты были удачно приложены въ гаврскихъ маякахъ во Франціи. Это нововведеніе не могло быть оставлено безъ вниманія Англіею. Въ Гавръ отправился оттуда инженеръ, и сообщенныя имъ, по возвращеніи въ Лондонъ, свѣдѣнія возбудили много толковъ въ кругу специалистовъ. Но пока собирались они усовершенствовать французскую систему, до нихъ въ началѣ текущаго года дошелъ слухъ о новой магнитно-электрической машинѣ Уильда. Томасъ Стевенсонъ отправился въ Манчестеръ осмотрѣть ее, и былъ такъ пораженъ этимъ изобрѣтеніемъ, что по его совѣту комисія сѣверныхъ маяковъ поручила извѣстному знатоку этого дѣла, профессору Гольмсу, изучить подробно машину Уильда. Результатомъ ближайшаго знакомства съ нею было общее убѣжденіе изслѣдователей, что никогда еще поверхность земли не освѣщалась такимъ яркимъ свѣтомъ, какимъ она озаряется теперь въ Манчестерѣ. Напряженность его превышаетъ почти въ восемь разъ свѣтъ самыхъ сильныхъ магнитно-электрическихъ аппаратовъ, какіе были устроены до сихъ поръ въ Англіи и въ другихъ цивилизованныхъ государствахъ. Машина Уильда слишкомъ объемиста, а потому комисионеры сѣверныхъ маяковъ заказали ему сдѣлать аппаратъ вчетверо меньше. Теперь онъ вѣроятно готовъ уже. Цѣна его 500 ф. стер.; что же касается силы свѣта, то она можетъ измѣняться сообразно съ условіями атмосферы. Это зависитъ отъ воли человѣка.

Уильдъ не изобрѣлъ собственно ничего новаго. Аппаратъ его основанъ на извѣстныхъ уже началахъ. Но онъ умѣлъ искусно соединить въ одно цѣлое нѣсколько магнитно-электрическихъ машинъ, такъ что электрическій токъ, переходя отъ одного постоянного магнита къ другому посредствомъ круговращенія, между ихъ полюсами, явора, или — точнѣе — арматуры (armature), постоянно усиливается. Говоря *теоретически*, планъ этотъ не имѣетъ предѣловъ, и такое усиленіе могло бы продолжаться до безконечности, еслибы не было къ тому матеріальныхъ препятствій.

Машина, построенная Уильдомъ для маяка, состоитъ изъ двухъ аппаратовъ: магнитно-электрическаго и электро-магнитнаго. Первый составляетъ верхнюю часть ея. Онъ имѣетъ шестнадцать постоянныхъ или неподвижныхъ магнитовъ, которымъ дана форма подковы. Обращенные ввизъ концы ихъ свинчены съ полымъ горизонтальнымъ цилиндромъ, составленнымъ изъ желѣза и жел-

той мѣди. Во внутренней пустотѣ его, имѣющей $2\frac{1}{2}$ дюйма въ діаметрѣ, находится чугунный валъ, діаметръ котораго на одну двадцатую дюйма меньше внутренняго отверстія цилиндра. Валъ этотъ, называемый *арматурою* и укрѣпленный своими оконечностями въ отверстіяхъ мѣдныхъ подпорокъ, можетъ вертѣться внутри цилиндра, *почти* касаясь своей поверхностью его внутреннихъ стѣнокъ. Около пятидесяти футовъ разобщенной мѣдной проволоки обернуто вокругъ вала во всю длину его. Одинъ конецъ ея соединенъ съ металомъ арматуры, а другой съ разобщенной половиною коммутатора. Арматура приводится въ движеніе посредствомъ безконечнаго ремня и дѣлаетъ 2,500 оборотовъ въ минуту. Во время каждаго изъ нихъ, въ окружающей арматуру проволоки наводятся двѣ электрическія волны, текущія въ противоположныхъ направленіяхъ. Быстрая смѣна этихъ 5,000 волнъ, порождаемыхъ въ минуту, обращается, при помощи коммутатора, въ непрерывный токъ, движущійся въ одномъ уже направленіи и передаваемый посредствомъ двухъ внѣшнихъ спиральныхъ проволокъ электро-магнитному аппарату, составляющему нижнюю часть этой машины. Здѣсь постоянные магниты замѣнены электро-магнитомъ, состоящимъ изъ двухъ прямоугольных желѣзныхъ полосъ, имѣющихъ 36 дюймовъ высоты, 26 д. ширины и 1 д. толстоты. Онѣ поставлены паралельно въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. Нижнія оконечности ихъ свинчены съ выступами другого, большаго магнитнаго цилиндра, протанутаго посреди ихъ, а верхнія скрѣплены съ желѣзной платформою, на которой стоитъ верхній магнитно-электрическій аппаратъ. Каждая сторона электро-магнита плотно охвачена изолированнымъ проводникомъ, состоящимъ изъ семи мѣдныхъ проволокъ, которыя, будучи обернуты льняной тесьмою, образуютъ непрерывный шнуръ этой обертки. Длина шнура, обвивающаго каждую сторону электро-магнита, составляетъ 1,650 футовъ. Два конца обоихъ проводочныхъ шнуровъ соединены между собою, такъ что длина всего проводника равняется 3,300 фут. Другіе же два конца ихъ проведены въ два разобщенные металлическихъ стержня, утвержденные на деревянныхъ подставкахъ, лежащихъ поверхъ помянутой платформы, гдѣ и соединяются они съ двумя внѣшними спиралями магнитно-электрическаго снаряда. Такимъ образомъ всѣ составныя части этой сложной машины представляютъ одно цѣлое. Внутреннее отверстіе нижняго цилиндра имѣетъ 7 дюймовъ въ діаметрѣ. Вращающійся въ немъ валъ только размѣрами отличается отъ арматуры магнитно-электрическаго аппарата. Онъ также обернуть мѣдной проволокою, противоположнымъ электрическимъ токамъ которой дается однообразное направленіе коммутаторомъ, передающимъ черезъ средство другихъ, мелкихъ частей машины эти электрическія, *производящія светъ* токи проводникамъ, которые можно соединить съ чѣмъ угодно. Арматура электро-магнитнаго аппарата приводится въ движеніе также безконечнымъ ремнемъ и дѣлаетъ

по 1,800 оборотовъ въ минуту. Эта машина—если смотрѣть на нее не съ боку, а съ лицевой стороны—представляетъ два вертикальные столба, стоящіе на боковыхъ, короткихъ крыльяхъ массивнаго, приземистаго креста и прикрытые сверху толстой гермаладиною, посреди которой возвышается узкая, пролетная арка, утвержденная на такомъ же крестѣ, но только меньшихъ размѣровъ. Кресты здѣсь — магнитные цилиндры съ ихъ вѣшными выступами; столбы—двѣ стороны электро-магнита; гермаладина—платформа; арка—передній, подковообразный магнитъ, прикрывающій собою остальные пятнадцать магнитовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга небольшими промежутками.

Дѣйствіе этой машины понять нетрудно. Электричество, наведенное отъ постоянныхъ магнитовъ въ арматуру магнитно-электрическаго аппарата, передается посредствомъ спиралей въ проволочные шнуры обертки большого электро-магнита, отчего желѣзные полосы и магнитный цилиндръ нижняго семидюймоваго аппарата получаютъ огромное количество магнетизма. Въ то же время пропорціональное ему количество электричества наводится въ проволочкѣ большой арматуры, и этотъ электрическій токъ употребляется для производства свѣта. Если хотять заставить эту машину работать съ полной силою, то для вращенія обѣихъ арматуръ ея необходима паровая машина почти въ три лошадины силы.

Магнитно-электрическія машины Уильда не всѣ одинаковы. Однѣ изъ нихъ болѣе, другія менѣе сложны по своему устройству. Величина ихъ опредѣляется діаметромъ отверстія большого цилиндра. Десятидюймовая машина его вѣситъ 280 пудъ. Въ ней три арматуры, вращающіяся съ одинаковою скоростью. Когда каждая изъ нихъ дѣлаетъ по 1,500 оборотовъ въ минуту, то въ большомъ электро-магнитѣ развивается такая магнитная сила и изъ большой арматуры исходитъ такое динамическое электричество, что оно плавитъ желѣзные прутья, имѣющіе пятнадцать дюймовъ длины и четверть дюйма въ діаметрѣ. Но физиологическое вліяніе этого электрическаго тока безвредно. Круксъ хваталъ руками проводники вслѣдъ затѣмъ, какъ было расплавлено желѣзо, и, слѣдовательно, подвергался дѣйствію всей силы тока. Хотя удары были нелегки, однакоже неслишкомъ его беспокоили.

Производимый этой машиною свѣтъ такъ ярокъ, что когда соединенная съ проводникомъ электрическая лампа была поставлена на крышу высокаго еданія, то отъ пламени газовыхъ фонарей, горѣвшихъ на четверть англійской мили отъ лампы, легла тѣнь на сосѣднія стѣны. По удаленіи рефлектора, напряженность электрическаго свѣта была найдена равною 4,000 восковыхъ свѣчъ. Круксъ видѣлъ эту машину въ концѣ прошлаго іюня и сравнивалъ электрическій свѣтъ ея, отражающійся отъ рефлектора, съ напряженностью полдневнаго солнечнаго свѣта. Но сличивъ густоту тѣней, падающихъ отъ предметовъ, освѣщенныхъ тѣмъ и другимъ свѣтомъ, онъ заключилъ, что свѣтъ машины

второе, или даже четверо сильнѣе полдневнаго. Загаръ лицъ, подверженныхъ дѣйствию электрическаго свѣта, и быстрота, съ какою вспыхиваетъ бумага подъ зажигающимъ стекломъ, сосредоточившимъ въ своемъ фокусѣ лучи электрическаго свѣта, еще болѣе убѣдили его въ вѣрности сдѣланнаго заключенія.

Замѣчательно, что источникъ такого огромнаго количества теплоты и свѣта кроется въ шести небольшихъ магнитахъ, каждый изъ которыхъ вѣситъ не больше фунта, и всѣ они вмѣстѣ могутъ сдерживать только полтора пуда. Арматуры этого аппарата, когда хотятъ заставить работать его съ полной напряженностью, приводятся въ движеніе паровой машиною въ семь силъ.

Взаимную связь между потребленіемъ механической силы и производствомъ электричества физикъ не замедлилъ бы объяснить, конечно, теоріею сохраненія силы, то-есть превращеніемъ ея изъ одной формы въ другую. Но, нисколько не отрицая вѣрности этой доктрины, надобно сказать, что здѣсь происходитъ нѣчто несогласное съ закономъ непосредственнаго перехода движенія въ теплоту и свѣтъ. Фактъ, замѣченный уже Ленцомъ и Якоби, воспроизводится машиною Уильда поразительнымъ образомъ. Когда спирали слабой магнитно-электрической машины соединяются на короткое время съ проволоками могучаго электро-магнита, то большая искра изъ проволокъ послѣдняго является по прошествіи двадцати-пяти секундъ послѣ отдѣленія обоихъ аппаратовъ другъ отъ друга.

По расчетамъ Крукса, работа магнитно-электрической машины, приводимой въ движеніе паровой машиною въ семь силъ, обходится недороже 8 пенсовъ за каждый часъ ея. Одно изъ главныхъ преимуществъ уильдовой системы заключается въ томъ, что для полученія большей силы надобно увеличивать только размѣры нѣкоторыхъ частей его машины, не измѣняя механическаго устройства ихъ. Единственное препятствіе къ такому увеличенію должна представлять, повидимому, чрезвѣрная теплота, развивающаяся въ арматурѣ. Любопытно было бы—говорить Круксъ—вычислить результатъ дѣйствія 32-хъ дюймаго аппарата, приводимаго въ движеніе паровой машиною въ 1,000 силъ. Еслибы образующаяся въ такомъ аппаратѣ электрическая сила могла не расплавить и не разорвать его, то, будучи поставленъ на высокую башню, онъ, вѣроятно, освѣщалъ бы столицу Англіи ярче ночью, нежели солнечные лучи освѣщаютъ ее днемъ.

О пользѣ примѣненія электрическаго свѣта къ разнымъ практическимъ цѣлямъ было много писано. Фотографія успѣшила уже воспользоваться изобрѣтеніемъ Уильда, и въ «Photographic News» пишутъ, что производимый его машиною электрическій свѣтъ дѣйствуетъ лучше солнечнаго. Но, разумѣется, этимъ не ограничится широкое поле пракческаго приложенія этого свѣта. Что же касается ученыхъ результатовъ этого изобрѣтенія, то едва ли можно сомнѣваться, что они будутъ очень важны и поведутъ ко многимъ открытіямъ.

— Въ сентябрьскомъ № географическаго журнала, издаваемого А. Петерманомъ «Mittheilungen» и т. д., помѣщенъ разсказъ о «Растеніяхъ свайныхъ построекъ», анализомъ которыхъ занимался извѣстный ботаникъ, цюрихскій профессоръ Геръ. Они были найдены въ илѣ и торфѣ швейцарскихъ озеръ вмѣстѣ съ другими остатками сокрытыхъ теперь подъ водою селеній, въ которыхъ жили люди каменнаго вѣка. Найденныя растенія отчасти обуглились, отчасти нѣтъ, и состоятъ преимущественно изъ плодовъ и сѣмень. Судя по этимъ даннымъ, Геръ заключилъ, что зерновые хлѣба и способъ обработки полей были тогда почти такіе же, какими остаются они въ наше время. Въ огородахъ росла преимущественно стручковая зелень. Что же касается плодовъ, то жители свайныхъ селеній лакомились яблоками, грушею и сладкой вишнею. Слива и кислая вишня не были извѣстны имъ. Найденны также виноградныя сѣмечки, простые и грецкіе орѣхи. Макъ, принадлежащій къ самымъ древнимъ произведеніямъ садоводства, воздѣлывался въ большомъ количествѣ. Сѣялся тминъ. Лѣто составляла липа; на пряжу шелъ только ленъ, и изъ красильныхъ растеній знали одну вайду. Почти всѣ виды деревьевъ и кустарниковъ, растущихъ теперь въ Швейцаріи, росли и въ то далекое время. Геръ не ограничилъ своего анализа ботаническими изслѣдованіями. Найденныя остатки растеній послужили для него данными для опредѣленія времени, когда жилъ этотъ народъ, и степени его культуры. Люди свайныхъ построекъ получали хлѣбъ, масло и матеріалъ для тканья отъ тѣхъ же растеній, какъ и египтяне. Сверхъ того, у нихъ были топоры изъ нефрита или почечнаго камня, который могли получать они только посредствомъ торговли. Основываясь на этихъ данныхъ, авторъ отвергаетъ мнѣніе Морлота, полагавшаго, что швейцарскія озера были заселены около шести или семи тысячъ лѣтъ назадъ тому, и думаетъ, что древность ихъ не превышаетъ тридцати вѣковъ. Заключение свое подтверждаетъ онъ временемъ культуры тѣхъ же растеній на Востокѣ. Но если мы вспомнимъ, что свайныя постройки были жилищемъ многихъ поколѣній, то первое появленіе ихъ едва-ли не придется отодвинуть тысячъ за двѣ лѣтъ до Р. X.

— Reader 13-го октября, отдавая отчетъ о засѣданіяхъ геологическаго отдѣленія Британской Ассоціаціи, говоритъ: «Изъ записки, представленной г. Чихачовымъ, оказывается, что этотъ чрезвычайно-предпримчивый путешественникъ проѣхалъ вдоль и поперекъ классическія области Малой Азіи, сдѣлавши впродолженіе восьми лѣтъ болѣе двадцати-одной тысячи миль. Онъ постоянно занимался—мы едва дерзаемъ сказать—всѣми отраслями ученыхъ изысканій, ботанизируя на поверхности земли и производя въ нѣдрахъ ея геологическія изслѣдованія. Прежнія свѣдѣнія объ этой древней странѣ богато дополнены теперь его трудами, съ подробностями которыхъ ознакомить публику описаніе его путешествій, въ составъ котораго войдетъ нѣсколько томовъ. Объемъ

записки и множество заключающихся въ ней подробностей не позволяютъ намъ дать краткаго отчета о ея содержаніи. Замѣтимъ только, что г. Чихачовъ путешествовалъ на свой собственный счетъ, безъ всякаго посторонняго пособія».

— Въ химическомъ отдѣленіи того же общества прочелъ свою записку докторъ Ліонъ Плейферъ «О мышечной силѣ животныхъ». Онъ очень хорошо объяснилъ взгляды на этотъ предметъ Франклина и Либиха. Опыты, произведенные имъ надъ мышами и собаками, которыхъ долго кормилъ онъ пищею, неимѣвшей ни малѣйшаго жиру, доказали, что азотистыя субстанціи могутъ превращаться въ силу мышцъ. Кажется, количество этихъ субстанцій, потребляемыхъ ежедневно солдатами всѣхъ странъ, составляетъ 4.2 унцій на cadaго человѣка. Обыкновенное же количество производимой солдатомъ во время походовъ работы равняется 48,000 килограммовъ, поднятыхъ на высоту одного метра. Пруссаки въ послѣднюю войну работали больше. По поводу этой записки возникъ споръ. Докторъ Эдуардъ Смитъ настаивалъ, что сдѣланное Либихомъ раздѣленіе пищи на производителей теплоты и мяса не вѣрно, потому что вещества, отнесенныя имъ къ производителямъ мяса, содержатъ въ себѣ водородъ и углеродъ, образующіе теплоту. Сверхъ того, какъ его собственные, такъ и Войтомъ произведенные опыты положительно доказываютъ, что выдѣленіе не азота, но углекислоты составляетъ настоящую мѣру мышечной дѣятельности. Еще въ 1860 г. онъ доказалъ, что невозможно двинуть пальцемъ безъ того, чтобы не усилилось выдѣленіе этого продукта.

— Бартеlemi Сент-Илеръ пишетъ въ «Journal de Savants» о будистскихъ манускриптахъ, собранныхъ и привезенныхъ въ Парижъ французскимъ вице-консуломъ на островѣ Цейлонѣ, г-мъ Гренбло. Извѣстно, что будизмъ составляетъ одну изъ древнѣйшихъ религій человѣчества, что жрецы этой религии хранятъ въ своемъ владѣніи священную литературу, развившуюся за нѣсколько столѣтій до христіанства, и что Цейлонъ принадлежитъ къ числу главнѣйшихъ пріютовъ будизма. Но хотя этотъ островъ и былъ англійской колоніею въ началѣ нашего вѣка, однакоже англичане не сочли долгомъ позаботиться о собраніи древнихъ манускриптовъ и пополнить ими свои публичныя бібліотеки. Такой промахъ тѣмъ болѣе непростителенъ, что прежде было очень легко это сдѣлать. Жрецы охотно показывали европейцамъ свои священныя книги, пока успѣхи мисіонеровъ не возбуждали въ нихъ опасеній. Теперь же, когда религіозные диспуты съ христіанами убѣдили ихъ, что подлинныя тексты будизма стали извѣстны людямъ, посягающимъ на уничтоженіе вѣры отцовъ ихъ, они стали несравненно осторожнѣе, Спенс Гэрди, въ предисловіи къ своему послѣднему сочиненію «The Legends and Theories of the Buddhists», говорить: «На островѣ Цейлонѣ возникла недавно замѣчательная распра между будистами и христіанами. Жрецы устроили теперь свои собственныя

типографіи и нетолько перестали давать мисіонерамъ книги для переписыванія, но даже отказываются пояснять имъ трудныя мѣста тѣхъ манускриптовъ, которыми добровольно подѣлились съ ними». Итакъ, г-ну Гренбло предстояло немало затрудненій, которыя преодолѣлъ онъ только при помощи друга своего, главнаго жреца или *найяка* въ Дадалѣ. Привезенная имъ въ Парижъ колекція состоитъ изъ восьмидесяти-семи сочиненій, писанныхъ на пальмовыхъ листахъ. Говорятъ, что въ началѣ шестнадцатаго вѣка тамилы, завоеватели Цейлона, сожгли всѣ будистскія книги, какія только могли найти, надѣясь уничтожить ненавистную имъ религію. Однакоже будизмъ, несмотря на гоненія, остался народной религіею, и въ прошломъ вѣкѣ снова приобрѣлъ свое прежнее господство надъ другими вѣроисповѣданіями. Были отправлены въ Сіамъ миссіи для составленія вѣрныхъ копій съ священныхъ книгъ; были привезены изъ Бирмы жрецы, правильно поставленные, и явились во многихъ городахъ бібліотеки, наполненныя каноническими и раскольничьими произведеніями будизма.

Священный канонъ будистовъ называется *Трипитака*, то-есть три корзины. Первая изъ нихъ содержитъ все, относящееся къ нравственности. Это—*Винайя*. Вторая, *Сутрасъ*, заключаетъ въ себѣ рѣчи Будды. Къ третьей относится всѣ произведенія догматической философіи или метафизики. Вторая и третья корзины называются иногда общимъ словомъ *Дарма*, или законъ. Гренбло приобрѣлъ манускрипты почти всѣхъ произведеній этой литературы и сверхъ того досталъ копии съ знаменитыхъ толкованій Будагоши. Хотя этотъ человѣкъ жилъ въ первой половинѣ пятаго вѣка по Р. Х. (430 г.), однакоже его считаютъ древнѣйшимъ переводчикомъ комментариевъ, привезенныхъ на Цейлонъ изъ Магады въ 316 году до Р. Х. и переведенныхъ съ языка *наи* на языкъ *синалесэ* Магиндоу, сыномъ Азоки. Заслуга Будагоши заключается въ томъ, что онъ переложилъ эти комментарии обратно на *наи*, то-есть оригинальный языкъ каноническихъ книгъ и ихъ толкованій.

Бартеlemi Сент-Илеръ не принадлежитъ къ ориенталистамъ по профессіи, но онъ довольно-хорошо знаетъ санскритскій языкъ, знакомъ отчасти съ будистской литературою и обладаетъ большими свѣдѣніями по части древней исторіи и философіи. Слѣдовательно, трудно найти человѣка, который могъ бы лучше его оцѣнить сокровище, добытое г-мъ Гренбло. Въ статьѣ своей Бартеlemi Сент-Илеръ нетолько объяснилъ высокую цѣну всѣхъ этихъ манускриптовъ, изъ которыхъ можно извлечь положительныя свѣдѣнія объ одной изъ важнѣйшихъ религій, но указалъ еще на то, что должно быть напечатано прежде, и какія мѣста этихъ рукописей особенно заслуживаютъ перевода. Такъ-какъ ему хорошо извѣстны проблемы, рѣшенію которыхъ можетъ способствовать ближайшее знакомство съ древней литературою Востока, то, слѣдовательно, совѣты его нисколько нелишни.

— Въ Reader 13-го октября напечатана краткая характеристика убійцы Линкольна, Юнія Брута Буса. Въ одной изъ комнатъ квартиры висѣлъ портретъ Вашингтона, и никому изъ своихъ посѣтителей не позволялъ Бусъ стоять передъ нимъ, не снявъ шляпы. Причиною его любви и удивленія къ республиканизму былъ неудачный его дебютъ на англійской сценѣ въ шекспировскихъ роляхъ и успѣхъ на сценахъ американскихъ театровъ. Говорятъ, что онъ былъ превосходенъ въ роль короля Лира. Замѣчательнъ взглядъ Буса на религію. «Всѣ формы ея и всѣ храмы были священны для него. Никогда не проходилъ онъ мимо какой бы то ни было церкви, не снявъ благоговѣнно шляпы. Онъ поклонялся многимъ алтарямъ. Коранъ удивлялъ Буса, и лучшія мѣста изъ него были имъ выписаны. Въ синагогахъ считали его евреемъ, потому что онъ вступалъ въ диспуты съ раввинами и присутствовалъ при богослуженіи, читая молитвы поеврейски. Талмудъ былъ хорошо извѣстенъ Бусу, и онъ строго соблюдалъ нѣкоторыя изъ предписанныхъ имъ правилъ. Католическіе пасторы рассказываютъ, что онъ очень пріятно проводилъ время, занимаясь съ нимъ религіозной бесѣдою и богословскими спорами. Они увѣряютъ, что Бусъ былъ католикъ по своимъ убѣжденіямъ и хорошо зналъ догматику католическаго вѣроисповѣданія».

— Въ «L'Institut» пишутъ, что русское правительство намѣрено отправить на восточный берегъ Каспія экспедицію, цѣль которой будетъ заключаться въ томъ, чтобы дать Аму-Дарьѣ другое направленіе. Эта рѣка впадала нѣкогда въ Каспійское море. Вамбери, путешествіе котораго переведено на русскій языкъ, долго ѣхалъ по ея прѣжнему руслу. Полагаютъ, что можно соединить съ нею даже Сыр-Дарью и направить теченіе обѣихъ рѣкъ къ западу. Исполненіе этого проекта, нетребующее большихъ расходовъ, доставило бы Россіи огромную судоходную линію, соединивъ приволжскіе города съ Бухарою и даже съ Балхомъ, отстоящимъ на 250 верстъ отъ англійскихъ владѣній въ Азіи. Аральское море, лишась главныхъ своихъ притоковъ, должно было бы, если и не совсѣмъ, то почти совсѣмъ высохнуть. Легко понять, какое обширное поле для ученыхъ наблюденій явилось бы вмѣстѣ съ успѣшнымъ окончаніемъ этого предпріятія.

— Леонъ Фуко представилъ во французскую академію записку, о способѣ облегчить наблюденія, производимыя надъ солнцемъ. Предложенный имъ способъ основанъ на свойствѣ зеркала, сдѣланныхъ изъ посеребреннаго стекла. Легкій слой метала, положенный на ихъ поверхность, проникается только синими и фіолетовыми лучами. Положивъ такую пластинку серебра на внѣшнюю поверхность объектива, назначеннаго исключительно для наблюденій надъ солнцемъ, получаютъ изображеніе этого свѣтила, лишенное ослѣпительнаго блеска и отличающееся особенной чистотой и прелестью. Солнце становится фіолетовымъ. Тонкій серебряный листокъ, который Фуко навлаживаетъ на стекла, не имѣетъ скважинъ, потому что онъ шлифуется по наложе-

ни, отчего микроскопическія дырочки въ немъ затягиваются. Безъ этой же предосторожности солнечный дискъ выходитъ не такъ лиловъ. Причину разницы колората понять нетрудно. Въ послѣднемъ случаѣ проникають сквозь крошечныя скважины серебра лучи, неизмѣненные никакой особенной средою. Хотя послѣ шлифовки серебряный слой становится еще тоньше, однакоже, несмотря на это, солнце получаетъ болѣе густой фіолетовый цвѣтъ, что и служитъ доказательствомъ, что серебро прозрачно само по себѣ. Черезъ мѣсяць послѣ того, какъ была прочтена эта записка, Леверье сообщилъ академіи о результатахъ изобрѣтенія Фуко. На парижской обсерваторіи посеребрена теперь наружная поверхность девяти-дюймоваго объектива, и ни малѣйшей теплоты не проникаетъ въ глазное стекло. Красные, равно какъ и всѣ незримые тепловые лучи удалены этимъ способомъ. Другія же части солнечнаго спектра удерживаютъ свой нормальный характеръ въ проходящемъ сквозь посеребренный объективъ свѣтъ. Синіе и фіолетовые лучи ослаблены менѣе другихъ. Какъ скоро окуляръ пересталъ согрѣваться, то вмѣстѣ съ этимъ уничтожилась причина ошибочныхъ наблюденій. Теперь Леверье окончательно убѣдился, что всѣ рисунки, представляющіе солнечныя пятна, невѣрны.

— Янсенъ, на опыты котораго сослался Гогинсъ въ своей публичной лекціи *, прочелъ въ одномъ изъ засѣданій физическаго отдѣленія Британской Ассоціаціи записку «О спектрѣ земной атмосферы и водяного пара». Онъ производилъ опыты при помощи желѣзной трубы въ тридцать-семь метровъ длиною, наполнивъ ее паромъ, сжатымъ до семи атмосферъ. Свѣтъ, проходившій сквозь этотъ паръ, былъ полученъ отъ шестнадцати газовыхъ рожковъ. Въ спектрѣ его появилось пять темныхъ линій, напомнившихъ наблюдателю солнечный спектръ, видимый сквозь эту же трубу при закатѣ солнца. Сравненіе убѣждало его, что темныя линіи солнечнаго спектра производятся водянымъ паромъ нашей атмосферы, сквозь которую проходятъ лучи. Другой любопытный результатъ заключался въ томъ, что фіолетовый брай спектра былъ очень теменъ, тогда какъ красная и желтая полосы отличались особеннымъ блескомъ. Этотъ фактъ доказывалъ способность водяного пара проникаться преимущественно послѣдними лучами, которые вѣроятно сдѣлаются краснѣе и оранжевѣе при большей плотности пара. Янсенъ думаетъ, что если дальнѣйшіе опыты подтвердятъ его мысль, то въ такомъ случаѣ объяснится причина зари, сопровождающей всегда восходъ и закатъ солнца. Онъ надѣется, что придуманный имъ способъ наблюденія дастъ ему въ скоромъ времени возможность рѣшить вопросъ—существуетъ ли водяной паръ въ атмосферахъ планетъ и другихъ звѣздъ? Теперь же онъ можетъ сказать только, что его нѣтъ въ солнечной атмосферѣ.

* См. № 19-й «От. Записокъ».

Но вотъ Леонъ Фуко представилъ 15-го октября французской академіи наукъ записку урсальскаго астронома Ангстрема, который хотя и раздѣляетъ мнѣніе Янсена о существованіи въ солнечномъ спектрѣ телурическихъ линій, то-есть черточекъ, производимыхъ поглощеніемъ земной атмосферы, однакоже думаетъ, что не всѣ онѣ суть слѣдствія водяного пара, находящагося въ нашемъ воздухѣ, потому что нѣкоторыя группы линій остаются неизмѣнными при переходѣ температуры отъ 0 до 27 градусовъ теплоты. Ангстромъ занимался также сравненіемъ спектровъ средней и краевъ солнечнаго диска и нашель, что наперекоръ общему мнѣнію—темныя линіи въ крайнихъ спектрахъ обнаруживаются слабѣе, нежели въ среднемъ. Этотъ результатъ — говорить Фуко — согласенъ съ условіями существованія солнечной атмосферы, потому что, удаляясь на большее разстояніе отъ плотнѣйшихъ слоевъ ея, темныя линіи должны необходимо терять свою рѣзкость.

— Не дождавшись окончанія мемуара Фэ «О новыхъ и періодическихъ звѣздахъ», мы сообщили въ № 18 «Отечественныхъ Записокъ» первую часть его, которая, впрочемъ, вполне знакома читателя съ главной мыслью французскаго астронома, составляя сама по себѣ отдѣльную, совершенно-законченную статью. Черезъ недѣлю члены академіи выслушали окончаніе этой записки. Въ первой части—сказалъ Фэ—я старался опредѣлить сходство между новыми и періодическими звѣздами. Теперь остается мнѣ развить очень простыя мысли. Подъ именемъ звѣздъ мы разумѣемъ, конечно, солнца, хотя и неодинакія по своему химическому составу, однакоже представляющія въ разныхъ фазахъ одни и тѣ же физическія явленія раскаленности, охлажденія, образованія и поддержанія фотосферы. Такъ-какъ наше солнце есть періодическая звѣзда, то постараемся объяснить постоянную работу силъ, свойственныхъ его природѣ. Рѣшивъ этотъ вопросъ, мы будемъ въ правѣ перейти съ своимъ заключеніемъ отъ періодическаго солнца къ измѣняющимся звѣздамъ, и отъ нихъ къ звѣздамъ временнымъ.

Газообразная масса, достигшая первоначально такой температуры, которая превышаетъ всѣ условія химическаго сродства, не можетъ блестятъ или находится въ бѣловалильномъ состояніи, по причинѣ недостатка свѣта, испускаемаго газами или парами, доведенными до столь высокой температуры. Но хотя охлажденіе происходитъ въ ней медленно, однако должна же наконецъ настать минута, когда теплота верхнихъ слоевъ ея понизится до такой степени, что въ нихъ начнутъ совершаться химическія соединенія. Одни изъ нихъ произведутъ новыя газы или пары, столь же мало свѣтлыя, какъ элементарная масса; другія составятъ облака изъ жидкихъ, или даже изъ твердыхъ частицъ, раскаленныхъ чрезвычайно ярко. Частицы эти, обильно испустивъ изъ себя теплоту и свѣтъ, должны будутъ, вслѣдствіе своей большой плотности, упасть въ низшіе слои, гдѣ снова приобрѣтутъ

онѣ температуру, способную превратить ихъ въ тѣ первоначальныя элементы, изъ которыхъ произошли онѣ. Этотъ химическій процессъ, поглощая большое количество теплоты, распространяетъ внѣшнее охлажденіе до глубокой среды массы. Преобразованные внутри ея газы нарушаютъ равновѣсіе слоевъ и вызываютъ въ свою очередь къ подъему новое количество элементарныхъ паровъ. Они восходятъ до поверхности, гдѣ снова происходитъ съ ними то же, о чемъ было говорено сейчасъ. Такимъ образомъ, внутреннее охлажденіе совершается здѣсь не такъ, какъ въ твердыхъ тѣлахъ, или вязкихъ жидкостяхъ, то-есть не посредствомъ перехода теплоты изъ одного слоя въ другой, и наконецъ въ космическое пространство. Незамѣнимостью и продолжительность солнечнаго блеска, несогласны съ такой системою охлажденія. Здѣсь вся масса тѣла содѣйствуетъ внѣшнему лучеиспусканію посредствомъ непрестаннаго движенія очень горячихъ, но не такъ свѣтлыхъ восходящихъ теченій, перемежающихся непрерывно съ нисходящими токами, раскаленными частицы которыхъ выдѣлила много изъ себя теплоты и свѣта. Итакъ, процессъ лучеиспусканія верхнихъ слоевъ массы, обезпеченъ здѣсь содѣйствіемъ всѣхъ составныхъ частей ея. Въ этомъ-то и заключается главнѣйшій вопросъ излагаемой теоріи. Не такъ удивительна чрезвычайная яркость солнечнаго блеска, какъ его продолжительность, измѣряемая миллионами лѣтъ. Если мы обратимся къ историческимъ извѣстіямъ, относящимся къ географическому распредѣленію растеній, и особенно къ крайнимъ предѣламъ тѣхъ поясовъ, на которыхъ прозябаютъ они, то легко убѣдимся, что продолженіе двухъ, трехъ и, можетъ быть, четырехъ тысячъ лѣтъ, солнечное лучеиспусканіе измѣнило наши климаты не болѣе, какъ на два или на три градуса. Но эти періоды—почти ничто въ сравненіи съ продолжительностью геологическаго періода, который начинается первымъ появленіемъ на землѣ жизни. А такъ-какъ термометрическая лѣстница ея не превышаетъ 60 градусовъ, то, слѣдовательно, солнечная теплота, въ продолженіе миллионовъ лѣтъ, должна была поддерживать органическую жизнь на нашей планетѣ въ этихъ очень тѣсныхъ предѣлахъ. Еслибы земная атмосфера не подвергалась измѣненіямъ съ самаго начала отдаленныхъ вѣковъ, то ущербъ теплоты солнца можно было бы опредѣлить съ возможной точностью. Легко понять, что такой продолжительности обильнаго лучеиспусканія нельзя объяснить другой гипотезою, потому что никакая внѣшняя причина не пополняетъ огромнаго расхода солнечной теплоты. Не подвержено сомнѣнію, что солнце должно дѣлать непрерывныя займы въ самомъ источникѣ своего внутренняго жара, какъ въ фондѣ, пропорціональномъ его необъятной массѣ.

Незамѣнимость солнечнаго лучеиспусканія въ продолженіе миллионовъ лѣтъ, могутъ подтвердить чрезвычайно чувствительные факты, совершившіеся на земномъ шарѣ. Послѣ этого нетрудно понять, что вызовъ на поверхность внутреннихъ элементовъ

солнца, обусловливается исключительно падением раскаленныхъ частицъ, зародившихся во внѣшней лабораторіи фотосферы. Работа двухъ противоположныхъ токовъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ свободнѣе сообщеніе между внутренними частями массы и ея поверхностью, то-есть чѣмъ менѣе измѣнено ея первоначальное газообразное состояніе.

Здѣсь-то заключается узелъ вопроса о характерѣ движенія, которое можетъ образоваться въ фотосферѣ. Внутри газообразнаго шара такъ распредѣляются плотности и температуры разныхъ слоевъ его, что вертикальное перемѣщеніе матеріи становится рѣшительно невозможно. Дѣйствительная температура каждаго слоя пропорціональна соответствующему давленію, такъ что еслибы сравнительно болѣе теплая масса, взятая изъ внутренней среды шара, была перенесена ближе къ его поверхности, она упала бы сама собою по направленію къ центру среды, вслѣдствіе расширенія, которое произошло бы съ нею въ слояхъ меньшаго давленія. Однакоже, это естественное равновѣсіе безпрестанно нарушается, какъ было уже замѣчено, паденіемъ частицъ, сгущенныхъ химически въ верхнихъ слояхъ газообразнаго шара, подобно дождю и снѣгу, которые разстроиваютъ вертикальное равновѣсіе нашей атмосферы. Пока сообщеніе между внутренней и внѣшней частями всей массы остается свободнымъ, пока восходящія и нисходящія теченія движутся сквозь совершенно газообразные слои свободно, до тѣхъ поръ тонкій фотосферный слой, гдѣ совершаются химическія сгущенія, дѣйствуетъ правильно, и потому блескъ можетъ оставаться неизмѣннымъ долгое время. Но когда, вслѣдствіе прогресса охлажденія, затрудняется обмѣвъ между внутренними слоями массы и ея внѣшней оболочкою, то вертикальнымъ теченіямъ нельзя уже будетъ совершаться повсюду свободно, и они лишатся возможности достигать, какъ прежде, каждой точки поверхности шара. Цѣлые слои его пріобрѣтаютъ мало-по-малу очень значительную плотность, и равновѣсіе между ними наконецъ нарушается, давая—не вездѣ, но мѣстами—просторъ быстрому притоку внутреннихъ, имѣющихъ еще чрезвычайно высокую температуру субстанцій къ поверхности охлаждающейся массы. Отсюда очень быстрое, но временное усиленіе блеска, который не можетъ, конечно, ослабѣть такъ же скоро, какъ усилился онъ, потому что процессъ погашенія долженъ произойти путемъ охлажденія и лучеспусканія въ космическое пространство.

Между двумя фазами—когда восходящія и нисходящія теченія дѣйствуютъ свободно во всей массѣ, и когда совершаются они урывчато, съ перемежками—помѣщается періодъ, впродолженіе котораго получаютъ они характеръ правильно-противоположныхъ движеній, сначала менѣе, потомъ болѣе очевидныхъ, по мѣрѣ того, какъ плотнѣе сгущается фотосфера и нисходящія теченія проникаютъ глубже въ среду массы. Въ этотъ періодъ почти правильныхъ движеній вверхъ и внизъ двухъ противоположныхъ

токовъ, нѣтъ особенной причины для существеннаго измѣненія природы испускаемаго фотосферой свѣта. Она является познѣе, вмѣстѣ съ урывчатыми, постепенно теряющими періодическій характеръ движеніями токовъ. Въ это время каждому внезапно-случившемуся ущербу равновѣсія, каждому углубленію или осадку не вполнѣ газообразныхъ слоевъ, которые поддерживаютъ, или образуютъ сгустившуюся фотосферу, будетъ соответствовать огромный притокъ газовыхъ субстанцій, идущихъ вверхъ изъ внутреннихъ частей массы съ чрезвычайно-высокой температурою, вслѣдствіе чего обычныя операціи фотосферы должны будутъ значительно измѣниться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ химическое сгущеніе уничтожится, и такъ-какъ здѣсь пары и газы удержатъ на нѣкоторое время очень высокую температуру, то отсюда будетъ исходить свѣтъ, подобный свѣту туманныхъ пятенъ, спектръ котораго состоитъ изъ свѣтлыхъ линій. Одновременное существованіе двухъ свѣтовъ въ связѣхъ лучей, достигающихъ отъ звѣзды до нашей планеты, должно давать ея спектру ту двойственность, какою отличалась новая звѣзда 12-го мая почти во весь періодъ быстро ослабленія ея блеска.

Итакъ—заключаетъ мемуаръ свой г. Фэ—дѣйствительно новыхъ звѣздъ мы не видимъ. Ихъ почти внезапное появленіе есть только усиленная дѣятельность обыкновенныхъ, періодически-измѣняющихся звѣздъ, соответствующая простымъ, болѣе или менѣе чувствительнымъ движеніямъ двухъ противоположныхъ токовъ, которые вообще образуютъ и поддерживаютъ бытіе всякой звѣздной фотосферы. Если мы взглянемъ на то, что совершается съ мнимо-новыми звѣздами, какъ на послѣдовательные историческіе факты, сопровождающіе жизнь отдѣльно-взятой звѣзды, то должны будемъ признать замѣчаемыя въ нихъ видоизмѣненія результатами усливающагося охлажденія и приближенія къ концу той фазы, которую можно было бы назвать солнечною или фотосферною. Когда происходятъ эти явленія неправильными урывками, отдѣляясь другъ отъ друга все болѣе и болѣе продолжительными промежутками времени, то это предвѣщаетъ окончательное потемнѣніе звѣзды, или по крайней-мѣрѣ скорое образованіе на ней первой, можетъ быть, и не совсѣмъ еще прочной коры. Потому-то явленія этого рода происходятъ только въ слабо-блестящихъ звѣздахъ, и никогда вслѣдствіе ихъ не украшается небо прекрасной звѣздою.

— Фотосферная теорія г-на Фэ, начала которой высказаны здѣсь очень ясно, вызвала возраженія со стороны англійскихъ астрономовъ. Пользуясь при своихъ наблюденіяхъ могучими телескопами, они убѣдились въ послѣдніе годы, что вся солнечная фотосфера состоитъ изъ блестящихъ зеренъ, разнообразно сгруппированныхъ въ болѣе или менѣе обширныя массы, отдѣленные другъ отъ друга темными промежутками. Видъ этихъ зернистыхъ массъ внушилъ наблюдателямъ мысль о раскаленныхъ облакахъ, висащихъ въ тусклой или даже, говоря сравнительно,

въ темной средѣ. Трудность заключается въ объясненіи промежутокъ или темныхъ пятенъ. Извѣстно, что газы дѣлаются отъ теплоты свѣтлыми, но никогда не достигаютъ бѣловальнаго состоянія, которое свойственно, повидимому, только твердымъ тѣламъ. Потому-то мы составимъ вѣрное понятіе о фотосферѣ, если представимъ себѣ газообразную массу, на поверхности которой, вслѣдствіе химическаго сгущенія, образовались небольшія облака изъ твердыхъ частицъ, раскаленныхъ до бѣла. Если, почему бы то ни было, въ нѣкоторыхъ частяхъ этой массы не сложится облаковъ, то онѣ будутъ сравнительно темны и составлять пятна. Возраженія противъ этой теоріи состоятъ въ томъ, что хотя газы испускаютъ мало свѣта, но за то они прозрачны. Потому-то, еслибы въ фотосферѣ образовалось отверстіе, то сквозь газообразное ядро солнца мы видѣли бы діаметрально-противоположную часть той же охватывающей весь солнечный шаръ фотосферы, но только часть эта блестѣла бы не такъ ярко. При такомъ условіи не было бы совсѣмъ пятенъ. Еслиже предположить, что эта газообразная масса не совсѣмъ прозрачна, то она должна бы испускать изъ себя большое количество свѣта, и тогда помянутыя отверстія не дѣлали бы на фотосферѣ пятенъ. Наконецъ, пришли къ заключенію, что непосредственно подъ фотосферою долженъ находиться непрозрачный жидкій слой, который, испаряясь отъ вліянія центральной теплоты, производитъ восходящіе токи паровъ, сгущающихся въ видѣ блестящихъ облаковъ въ солнечной атмосферѣ — точъ въ точъ какъ море, покрывающее часть земного шара, производитъ облака, которые носятя надъ нами. Солнечныя облака должны бы, такъ же какъ наши, падать на жидкій слой вслѣдствіе сгущенія частицъ, входящихъ въ составъ ихъ, и непрерывно замѣняться притокомъ новыхъ паровъ.

Фѣ дѣлаетъ слѣдующій отвѣтъ на это возраженіе:

«Я могъ бы—говоритъ онъ—отвѣтить, что жидкій слой былъ бы раскаленъ до бѣла, и тогда для насъ не существовало бы темныхъ пятенъ, потому что сквозь промежутки фотосферы мы видѣли бы эту блестящую жидкость. Но, не поражаа опонентовъ ихъ собственными доводами, лучше опровергнуть возраженіе. Пары или газы, подобно непрозрачнымъ тѣламъ, способны затемнять свѣтъ, если только имѣютъ они достаточную для того густоту. Этими-то и объясняютъ разницу блеска между краями и серединою солнечнаго диска, спектры котораго, несмотря на ихъ химическое тождество, разнятся силою своего напряженія. Здѣсь толстота газообразной массы равна всему діаметру солнца. 350,000 миль этихъ газовъ, средняя плотность которыхъ, вслѣдствіе страшнаго давленія на внутренніе слои ихъ, превышаетъ плотность воды, и которые въ самой глубокой средѣ своей безпрестанно волнуются вертикальными теченіями, направленными въ противоположныя стороны—такая плотная, громадная и постоянно движущаяся масса не должна бы, кажется, допускать до насъ

лучей противоположной стороны солнечнаго шара. Я не думаю, чтобы выставленный противъ моей теоріи физическій законъ о лученспусканіи и распространеніи свѣта былъ хотя отчасти приложимъ къ подобному случаю.

«Что касается жидкаго слоя, который считаютъ необходимымъ для объясненія солнечныхъ пятенъ, то онъ только усложняетъ и запутываетъ вопросъ. Впрочемъ, не такъ важно объяснить природу этихъ пятенъ, какъ понять причину неизмѣримой продолжительности и громаднаго количества солнечной радіаціи. Это же величественное явленіе требуетъ, чтобы въ процесѣ лученспусканія принимало участіе почти все солнце. Сдѣлавши его твердымъ, жидкимъ, или, пожалуй, обтянутымъ корою тѣломъ, мы отвяли бы у него возможность содѣйствовать лученспусканію всѣми частями своей массы. Мало этого. Мои опоненты должны были бы придти къ роковому предположенію, что ихъ жидкая кора—холодное и темное тѣло, потому что въ противномъ случаѣ она блестяла бы сквозь щели фотосферы такъ же, по крайней мѣрѣ, ярко, какъ блестятъ свѣтлыя облака, образуемыя ею. Эта гипотеза привела бы насъ къ прежнимъ понятіямъ о солнцѣ, которыя отвергнуты современной наукою.

«Для избѣжанія столь натянутаго заключенія, искусные къяскіе астрономы, на важные труды которыхъ относительно природы солнца я—говоритъ Фэ—нерѣдко ссыдался, старались объяснить пятна дѣйствительнымъ потемнѣніемъ фотосферы, которая гасится холодными токами, низходящими въ нее изъ внѣшнихъ слоевъ атмосферы. Теперь всѣ англійскіе астрономы думаютъ, что блестящая оболочка солнца образовалась вслѣдствіе сгущенія очень горячихъ паровъ, превращенныхъ посредствомъ охлажденія въ облака, состояща изъ раскаленныхъ частицъ. Если это дѣйствительно такъ, то притокъ холоднаго газа изъ солнечной атмосферы не уничтожитъ сгущенія — напротивъ, онъ долженъ усилить этотъ химическій процесъ, низводя его на менѣе высокій уровень. Послѣ этого Фэ напомнилъ членамъ французской академіи о своихъ восьмилѣтнихъ наблюденіяхъ надъ круговымъ движеніемъ солнечныхъ пятенъ, которое отличалось замѣчательной правильностью, и сказалъ, что трудно допустить мысль о столь продолжительномъ существованіи атмосферныхъ теченій, имѣющихъ форму совершенно вертикальныхъ столбовъ и проникающихъ очень глубоко въ фотосферу, не предположивъ, что въ солнечной массѣ происходятъ въ то же время противоположныя теченія, восстанавлиющія равновѣсіе атмосферы. Не отрицая неполноты своей теоріи, Фэ думаетъ, однакоже, что недостатки ея относятся къ второстепеннымъ подробностямъ, которыя объяснятся впоследствии, и проситъ англійскихъ астрономовъ обратить вниманіе преимущественно на самую сущность дѣла. Главнымъ вопросомъ считаетъ онъ неизмѣримую продолжительность солнечной радіаціи, правильность и страшную напряженность ея, о которой можно составить понятіе, вспомнивъ, что теплота,

испускаемая каждымъ ввадратнымъ метромъ солнечной поверхности, равняется 75,000 силъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. *Разсужденіе, написанное для полученія степени маистра русской исторіи Н. Ѳирсовымъ. Казань. 1866 г.*

Когда было у насъ аристократическое направленіе въ литературѣ, тогда одна эстетическая и бельетристическая сторона литературныхъ произведеній занимала читателей. Чѣмъ легче были ученныя статьи, тѣмъ было лучше. Потомъ, когда ученые и журналисты ударились въ демократизмъ, расплодилось фразы, люди безъ научной подготовки пустились судить о русскомъ народѣ, часто не имѣвъ случая столкнуться съ нимъ ни разу въ жизни. Тутъ оказалась другая крайность: изъ науки сдѣлали балаганную игрушку, стали смѣяться надъ трудомъ, надъ законами, добытыми научнымъ путемъ, и кромѣ публицистики знать ничего не хотѣли, не подозревая того, что сами питались отъ крупницъ, падающихъ со стола трудолюбивыхъ людей науки, что только пережевывали чужую подачку. Недостатокъ специальности у насъ рѣзко бросается въ глаза: мы любимъ заниматься особенно тѣмъ, что не требуетъ упорнаго труда и чѣмъ можно легче подѣйствовать на недоучившійся народъ. Побольше фразъ безъ знанія, побольше политическихъ тенденцій—и дѣло съ концомъ. Оно и дешево, и сердито. Потому-то у насъ и журнальное дѣло представляетъ что-то въ родѣ винигрета. Наши журналы все вмѣщаютъ въ себѣ, начиная съ искусственнаго разведенія цыплятъ и вырѣзыванія мозолей до самаго площаднаго фельетона, а спеціальныя журналы не идутъ, ученныя книги не выпускаются. Журнальное дѣло ждетъ своей очереди для преобразованія. Чтобы имѣть вѣсъ и значеніе, журналы должны непременно специализироваться; а весь хламъ современной жизни и даже разныя частности общественнаго движенія должны отодвинуться въ газеты. Тогда будетъ и польза отъ литературы. Но, разумѣется, объ этомъ и думать нельзя, пока ученныя люди будутъ писать не ученныя книги, а ученныя журнальныя статьи, пока не разовьется специальность.

Такая мысль возбудила въ насъ диссертация г. Ѳирсова объ инородцахъ, въ которой, по нашей мнѣнью, очень немного историко-научнаго элемента. Она написана на ученую степень; какъ

это обстоятельство, такъ новость и важность предмета обязываютъ насъ смотрѣть на нее болѣе строгимъ взглядомъ, чѣмъ на обыкновенное сочиненіе. Требованія отъ подобныхъ трудовъ должны быть, по справедливости, иного характера, чѣмъ требованія отъ журнальной статьи или отъ книги, написанной съ цѣлью популяризовать ученымъ путемъ разработанный предметъ. Самый матеріалъ и приемы въ такомъ случаѣ должны имѣть разницу.

Чтобы ознакомить читателя съ содержаніемъ сочиненія г. Ойрсова и показать, какъ широко онъ обнимаетъ предметъ, мы выпишемъ заглавія его статей. Отсюда же будетъ видно, какого дѣленія держался онъ.

А) *Обзоръ жизни инородцевъ предъ временемъ вступленія ихъ въ составъ московскаго государства.*

I) Инородцы въ Поволжьѣ и общественные союзы, ими здѣсь образованные.

II) Инородцы на сѣверѣ Европейской Россіи и въ Западной Сибири.

III) Инородцы по ту сторону Енисея.

Б) *Положеніе инородцевъ въ Московскомъ государствѣ.*

I) Отношенія къ нимъ верховной государственной власти.

1) Отношенія ея къ общественнымъ инородческимъ союзамъ, находившимся въ неполной отъ нея зависимости.

2) Отношеніе верховной власти къ землѣ инородцевъ, находившихся въ вѣчномъ, неизмѣнномъ холодствѣ у великаго государя.

3) Отношеніе верховной власти къ труду инородцевъ.

а) Служилые люди изъ инородцевъ.

б) Тяглые и ясачные люди.

4) Управление и судъ среди инородцевъ.

5) Соціальныя отношенія и религіозно-нравственная жизнь тяглыхъ и ясачныхъ инородцевъ по видамъ московской власти.

II) Служилый классъ въ инородческихъ земляхъ.

1) Духовенство.

2) Собственно служилые люди.

III) Черные русскіе люди въ инородческихъ земляхъ.

Не останавливаясь долго на дѣленіи, которое совершенно произвольно и не отличается большой логичностью, посмотримъ лучше, какъ широко авторъ коснулся своего предмета, какого рода источники и пособія были у него подъ рукою, и какъ онъ относился къ нимъ, какова его критика и т. п.

Матеріалъ заимствованъ авторомъ изъ актовъ, этнографическихъ сборниковъ, изъ монографій, въ родѣ Георги, Рычкова, Фшера, Савельева. Онъ часто ссылается на гг. Соловьева, Костомарова, Бѣляева и т. п. Всего этого для ученой диссертациі, по нашему мнѣнію, маловато. Настоящій ученый, конечно, принялъ

бы къ свѣдѣнію всѣ эти труды, но главный матеріалъ извлекъ бы изъ подлинныхъ источниковъ, а пособія отнесъ бы на второй планъ. Между тѣмъ г. Эирсовъ болѣе основываетъ свои выводы на пособіяхъ и позднихъ данныхъ, а не на источникахъ. Цѣлыя ряды статей, часто дѣльныхъ, о судьбѣ и бытѣ инородцевъ опустилъ изъ виду авторъ, а также не обратилъ вниманія даже на лѣтописные факты, касающіеся того же предмета. Несобранъ всего матеріала нельзя; вѣдь это похоже на то, что разбирать книгу г. Эирсова, не прочиташи ее всю съ начала до конца.

Не сдѣлавъ этого, авторъ неправъ и передъ наукой, и передъ людьми научно-добросовѣстными. Мы не думаемъ, чтобы въ Казани не нашлось источниковъ больше указанныхъ авторомъ: тамъ есть и рукописная бібліотека при духовной академіи; очевидно, онъ ею не пользовался, а тамъ нашелъ бы для себя хорошіе матеріалы. Но мало собрать весь наличный матеріалъ для ученой разработки предмета: непременно его нужно провѣрить критически; а изъ диссертациі г. Эирсова видно, что критическая оцѣнка не была имъ сдѣлана. Вотъ на это доказательство: на какомъ основаніи авторъ принимаетъ мнѣніе, будто болгары не были отдѣльнымъ народомъ, а собирательнымъ именемъ для приволжскихъ жителей (стр. 7—9)? Вѣдь русскіе и иностранные писатели ясно различаютъ приволжскія племена. Далѣе онъ говоритъ, будто Пермская и Югорская земли прежде находились на болѣе высокой степени благосостоянія, чѣмъ во время подчиненія ихъ Москвѣ (стр. 27). Съ этимъ можно спорить: сагамъ нельзя вѣрять на слово, лучше обратиться къ русской лѣтописи; изъ словъ ея, хотя и сказочнаго характера, можно вывести заключеніе, что финскія племена добывали желѣзные издѣлія отъ русскихъ. Поэтому значительная степень развитія чудскаго племени въ кузнечномъ мастерствѣ, равно какъ и паденіе искусства и занятій киргизовъ въ XVI вѣкѣ, остаются бездоказательны и сомнительны (стр. 44, 47). Часто авторъ говоритъ такъ категорически, какъ будто дѣло идетъ о случаяхъ всѣмъ извѣстныхъ, а на самомъ дѣлѣ нѣтъ ровно никакихъ основаній къ выводу, по крайней мѣрѣ въ сочиненіи не указывается ни на одинъ фактъ. Такъ нѣтъ данныхъ, чтобы болгары и мордва были кочевными народами въ эпоху образованія Русскаго государства (стр. 7, 8). вмѣсто того, чтобы разсуждать, какъ правильно шли крѣпости по Волгѣ, Камѣ, Уралу и сибирскимъ рѣкамъ, не лучше ли было бы поименовать ихъ и представить линію крѣпостей. Тогда бы можно ясно видѣть, «что строители ихъ понимали дѣло, цѣль не хуже строителей укрѣпленій въ придунайскихъ и прирейнскихъ земляхъ» (стр. 175). Голословныя выраженія читателю кажутся несколько недоказательными.

Задачу своего труда авторъ опредѣляетъ самъ: онъ желалъ дать свѣдѣнія о томъ: 1) въ какія условія Московское Государство поставило покоренныхъ имъ инородцевъ и какіе вышли изъ того результаты, и 2) какъ инородцы относились къ этимъ усло-

вѣямъ. Задача въ высшей степени трудная; она усложняется тѣмъ, что нужно было слѣдить за самыми разнообразными племенами. Оттого г. Өирсовъ опустилъ изъ виду множество весьма важныхъ вопросовъ въ своемъ изслѣдованіи. Назовемъ изъ нихъ слѣдующіе: улучшилось ли положеніе инородцевъ подъ вліяніемъ Москвы или ухудшилось, и въ какомъ отношеніи, какое вліяніе осталось отъ инородцевъ на русскомъ населеніи, какія племена скорѣе русѣли, и отчего? и т. д. Такъ-какъ авторъ взялъ на себя трудъ не по силамъ, то и пришлось ему много фантазировать. Лучше всякихъ разсужденій сдѣлать бы онъ, если-бы сообщилъ возможно-полныя свѣдѣнія статистическія объ инородцахъ, доставилъ бы или указалъ матеріалъ для составленія карты земель инородческихъ въ Россіи, примѣрно хоть въ XVI в., однимъ словомъ, сообщилъ бы данныя для будущихъ выводовъ. При первомъ опытѣ дѣлать поспѣшныя заключенія слишкомъ щекотливо, тѣмъ болѣе, что матеріалъ для разработки вопроса авторъ не весь имѣлъ подъ руками. Какія же слѣдствія можно вывести изъ небольшой части данныхъ? Положимъ, самъ авторъ оговаривается въ предисловіи, что онъ не отвѣчивается за рѣшеніе широкой задачи во всей полнотѣ, а только намѣчаетъ пути изученія жизни инородцевъ. Но эта оговорка служить не въ его пользу. Зачѣмъ задаваться такимъ громаднымъ трудомъ? Взять бы для изслѣдованія исторію одного племени и разработать ее во всей полнотѣ—тогда другое дѣло. Г. Өирсовъ упомянулъ, что онъ намѣревается изложить впоследствии исторію каждой инородческой группы въ отдѣльности въ московскій періодъ нашей исторіи. Вотъ съ этого-то и начать бы свой трудъ; тогда-бы яснѣе и вѣрнѣе опредѣлилось и положеніе инородцевъ въ Московскомъ государствѣ. Отъ общаго къ частному въ исторіи нельзя идти; прежде нужна разработка мелкихъ фактовъ: истина всѣмъ извѣстная. Намъ кажется, оттого авторъ и поставленъ былъ въ необходимость постоянно устанавливать точки зрѣнія и задавать себѣ вопросы вмѣсто того, чтобы прямо говорить, что даютъ источники (напр. стр. 57, 176). Такіе лишніе вопросы и замѣтки иногда кажутся забавными; такъ авторъ не знаетъ, что ему дѣлать съ названіями *правительства, царя Москвы, верховной власти государственной* и какое названіе лучше выбрать (стр. 59). Кому это придетъ въ голову? Охота была навязывать себѣ лишнее горе.

Недостатокъ данныхъ и указаній во многихъ мѣстахъ разбираемой книги приводитъ къ тому, что съ г. Өирсовымъ можно постоянно спорить. Истины, которыя кажутся ему довазанными, на взглядъ другого остаются одними предположеніями. Такъ можно оспаривать разсужденія объ аристократизмѣ, который находить г. авторъ у многихъ инородческихъ племенъ. Вотъ что говоритъ онъ: «Разница между татарами и калмыками та, что у калмыковъ *аристократическое начало* проведено было въ жизнь народа глубже и раскрыто опредѣленнѣе, чѣмъ у татаръ, и дво-

рянскій элементъ у первыхъ сильнѣе тяготѣлъ надъ простонародіемъ, чѣмъ у первыхъ. Какъ и вездѣ, этотъ элементъ благородства у калмыковъ искалъ себѣ оправданія въ происхожденіи отъ чистѣйшей крови». Къ бѣлой кости относилась аристократія свѣтская и многочисленное калмыцкое духовенство, около четверти всего населенія. Всѣ остальные калмыки назывались черной костью и обязаны были своими трудами содержать бѣлую кость и не имѣли голоса въ общественныхъ дѣлахъ; судебная власть также всецѣло находилась въ рукахъ бѣлой кости (стр. 22—23); но вѣдь калмыки были народомъ кочующимъ (стр. 24); откуда же проявился аристократизмъ? Въ самомъ сочиненіи сказано, что въ шерстной записи Тайдша, кромѣ мурзъ, упоминаетъ *обо всѣхъ улусныхъ моджахъ*, изъ чего можно видѣть, что люди черной кости тоже имѣли общественный голосъ (стр. 26). Но выше есть оговорка, что былъ большой произволъ въ членахъ бѣлой кости и тяжесть для людей черной кости. Любопытно было бы узнать, на какомъ основаніи авторъ объясняетъ въ смыслѣ рабскаго состоянія названіе *черной кости*; а не означаетъ ли это племенное различіе? Вообще съ аристократизмомъ инородцевъ авторъ запутался. Онъ пишетъ объ аристократіи киргиз-кайсаковъ, находитъ у нихъ людей бѣлой и черной кости, тутъ же излагаетъ объ ихъ родовомъ бытѣ и приводитъ свидѣтельство Георги, что киргиз-кайсаки своимъ властямъ не платятъ ни малѣйшаго жалованья (стр. 42, 43). Авторъ утверждаетъ, будто въ рукахъ татарскаго духовенства и аристократія сосредоточивалась власть и капиталы, что предполагаетъ угнетеніе массы народной (стр. 14, 16); но далѣе прямо сказано, что нисшій классъ не былъ угнетенъ въ вазанскомъ царствѣ (стр. 17). Авторъ полагаетъ, будто аристократизмъ мѣшалъ распространенію христіанства; но крещеніе мурзы Чета, Петра, царевича ордынскаго и другихъ высшихъ лицъ противорѣчитъ этому мнѣнію (стр. 219). Г. Энгельсъ пишетъ: «Изъ Москвы инородческихъ государствъ могла образоваться федерація лишь въ томъ случаѣ, когда бы у первой преобладалъ аристократическій элементъ въ той же степени и формѣ, какъ и въ послѣднихъ... Русскій демократическій духъ, дѣйствию котораго преимущественно *слѣдуетъ приписать развитіе царской власти до такой безграничности*, никакъ не могъ бы ужиться съ аристократическими основами инородческихъ государствъ, еслибы послѣдніи вздумали образоватъ выстѣ съ Москвою федерацію, уничтожилъ бы даже всякую возможность такой федераціи» (стр. 70, 71). Тутъ ясное противорѣчіе давно доказанной истинѣ, что усиленіе московской царской власти обязано не демократическому русскому духу, а *аристократическому татарскому*. Извѣстно, что до Ивана III царемъ назывался у насъ ханъ. И кака могла быть федерація изъ русскихъ, чувашъ, самоѣдовъ и т. п. (стр. 69). Ясно, это вещь невозможная, поэтому и тратить словъ не нужно, какъ и на доказательства того, что покоряютъ народъ не съ цѣлью бла-

годѣяній, что нельзя все тронуть неприкосновенности автономіи и т. п.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько указаній на тѣ мнѣнія автора, съ которыми трудно, а иногда и невозможно согласиться. Онъ ставитъ положеніе, будто Московское государство хотѣло обезпечить свои границы отъ инородцевъ, когда приглашало ихъ покориться (стр. 61); но на слѣдующей страницѣ говоритъ, что хотѣло золота. Къ этому нужно добавить, что *исканіе земли* имѣло и цѣль промышленную; что, по словамъ самаго автора, номинальное холопство не доставляло выгодъ правительству, «на которыя у него былъ разсчетъ» (стр. 63). Все это опровергаетъ мнѣніе автора, будто правительство не имѣло никакихъ корыстныхъ видовъ при покореніи инородцевъ. То, какъ смотрѣли сами данники на свои отношенія къ правительству, ничего не доказываетъ. Вольно имъ было не придавать серьезнаго значенія московскому вліянію и не предвидѣть измѣненія хода ихъ жизни. Да притомъ авторъ, утверждая, что сами инородцы не придавали серьезнаго значенія своему вѣрноданничеству (стр. 63), противорѣчатъ себѣ: «сами князья и мурзы чувствовали, что рано или поздно московскій государь разрушитъ ихъ государство, что рано или поздно имъ быть у него въ вѣчномъ холопствѣ» и т. д. (стр. 71, 72). Напрасно также авторъ безусловно вѣритъ, что помѣстья не имѣли цѣны, и потому многіе бѣжали отъ этой благодати. Это исключеніе. Изъ плохихъ помѣстій бѣжали рѣдко, чаще выпрашивали къ нимъ прибавки (стр. 110). Города и укрѣпленія ветшали и обваливались, особенно когда дѣлались ненужными, но все-таки власти старались по старой инструкціи поддерживать ихъ. Такъ было не въ однихъ инородческихъ земляхъ; то же было и въ украинскихъ городахъ—Тамбовѣ, Исарѣ и другихъ (стр. 173). Дороги и въ Велико-руссиіи не были лучше, чѣмъ въ Сибири (стр. 173—174). Ногайцы, думаетъ г. Ойрсовъ, «не знали даже кузнечнаго производства, и ханъ нагайскій просилъ и царя Ивана IV, чтобы тотъ прислалъ ему 500 т. гвоздей» (стр. 21). Изъ этого факта не видно, чтобы ногайцы незнакомы были съ кузнечнымъ мастерствомъ. Хану, можетъ быть, нужны были гвозди именно русскіе, какъ лучшіе, или слышавъ дома. Мало ли чего бываетъ: вѣдь русскіе постоянно обращались то къ нѣмцамъ кузнецамъ, то просили привозить оружіе съ Востока и изъ Европы, а извѣстно, что производствомъ кузнечнымъ занимались и у насъ. Изъ спорныхъ пунктовъ можно еще указать въ диссертациіи на слѣдующія мѣста. Авторъ доказываетъ, что болгаро-магометанская цивилизація имѣла на татаръ такое вліяніе, что они, по основаніи Казанскаго царства, изъ кочевого военного народа сдѣлались осѣдлыми и образовалась у нихъ аристократія. Но тутъ же рядомъ говорится о родовыхъ князьяхъ (стр. 12—13).

Авторъ не видитъ ни одной гуманной мѣры въ русскомъ правительствѣ стараго времени; онъ объясняетъ вещи простыя

очень хитро: изъ указа Петра I, запрещающаго закрѣплять инородцевъ и ихъ земли «подъ страхомъ смертной казни», онъ выводитъ заключеніе, что эти мѣры были направлены къ тому, чтобы нѣсколько успѣшно собирать доходъ въ казну, но чтобы крѣпче ясачныхъ людей привязать къ землѣ (стр. 181). Относительно мѣръ правительства замѣтимъ, что при Петрѣ Великомъ многихъ лицъ за злоупотребленія предавали пыткамъ, наказывали, несмотря на ихъ высокое фамиліальное положеніе, а съ другихъ снимали головы. Поэтому нельзя вѣрить *на слово* автору, будто только тѣмъ и ограничивалось московское областное управленіе, чтобы 1) сборъ былъ успѣшнѣе съ труда инородцевъ, и 2) «чтобы предотвратить съ ихъ стороны возможность неовиновенія и непокорности московской власти, сопротивленія силою ея распоряженіямъ» (стр. 179). А развѣ правительство вовсе не имѣло въ виду благо подчиненныхъ? Оно вездѣ равняло инородцевъ съ русскими и въ податяхъ, и заселеніяхъ (стр. 179), и даже часто отдавало преимущество инородцамъ, напримѣръ не позволяло закрѣплять ихъ въ кабалу и въ крестьяне, какъ сказано выше. Мы не знаемъ, въ какомъ бы государствѣ высшая администрація такъ гуманно относилась къ побѣжденнымъ, какъ русское правительство къ инородцамъ. Это извѣстно и автору (стр. 181—184). Злоупотребленія, за которыя правительство раздѣлялось часто жестоко, тутъ въ счетъ не должны идти. Превежъ за недоборъ податей сильнѣе былъ въ русскихъ поселеніяхъ, чѣмъ въ инородческихъ. Это доказать можно очень легко (стр. 185). Самъ г. Эйрсовъ представляетъ много данныхъ, изъ которыхъ вовсе не слѣдуетъ, чтобы русское правительство относилось къ инородцамъ негуманно. Онъ говоритъ, что оно распоряжалось уговаривать ихъ всякими мѣрами, ласкою; учредило судъ изъ нихъ самихъ, запретило пытки и казни, оставило быть ихъ неприкосновеннымъ, съ уваженіемъ относилось къ женщинамъ, допустило полную вѣротерпимость, вооружилось противъ кабалы и покупки инородцевъ и т. п. (стр. 188, 189, 191, 194, 198, 200, 201, 219). И послѣ всего этого г. Эйрсовъ приписываетъ всѣ гуманнѣе мѣры московскаго правительства единственно его своекорыстнымъ стремленіямъ (стр. 199). Вотъ что значитъ прокатываться на предзанятыхъ теоріяхъ и старыхъ избитыхъ фразахъ. Въ ученой диссертации надобно бы соблюсти солидность и безпристрастіе, не нужно бы мѣнять тонъ: въ одномъ мѣстѣ похвалявать, а въ другомъ—дѣлать вылазки противъ похвальнаго (стр. 163, 164, 170). Повѣрьте, вы скорѣе достигли бы цѣли, еслибы при помощи строгой науки изслѣдовали предметъ: такимъ путемъ добытыя истины не остаются безъ правическихъ послѣдствій. Въ статьѣ о количествѣ пушнаго дохода, которое получало московское правительство изъ инородческихъ земель, г. Эйрсовъ разсуждаетъ такъ: «Ни одна другая (къ чему другая?) статья государственныхъ доходовъ не давала правительству столько средствъ закупать бодрство, нанимать искусныхъ мастеровъ въ военномъ

дѣлѣ, склонять на свою сторону вліятельнѣйшихъ людей сосѣднихъ державъ, какъ тотъ товаръ, который добывался трудомъ асачнаго инородца. Въ проявленіи дѣятельности московской власти соболю и лисица, привезенные въ Москву изъ сѣверо-восточныхъ земель, принимали далеко не послѣднее участіе. На нихъ покупались заморскія вина и спеція, которыми отягощалась трапеза царей, и разноцвѣтные кафтаны, которыми щеголяли при дворѣ. Груды золота и серебра, которыя наполняли царскую казну и приводили въ изумленіе иностранцевъ, приобрѣтались на мѣха. Соболями и лисицами, между прочимъ, платилъ царь за монашескія молитвы о здоровьѣ его и объ успокоеніи его предковъ и за воинскую доблесть и безусловную покорность его холоповъ; наконецъ этою казною московская власть привлекала къ себѣ византійскую и кievскую мудрость, которая такъ усердно ратовала противъ всякихъ дѣйствительныхъ, а иногда и мнимыхъ уклоненій отъ православія. Можно съ вѣроятностію сказать, что инородцы, сами того не подозрѣвая, могущественно содѣйствовали развитію до такой безграничности царскаго самодержавія, что не будь въ распоряженіи у московскихъ царей этихъ даровыхъ соболей, лисицъ и проч., власть ихъ, можетъ быть, имѣла бы иной видъ, и иные общественно-экономическіе порядки были бы въ русской землѣ» (стр. 159).

Тутъ есть маленькая доля правды; но сказано черезчуръ сильно, и эта тирада напоминаетъ журнальныя фразы добраго стараго времени, когда хотѣли замѣнить знанія подобнымъ бездоказательнымъ и дешевымъ либерализмомъ. Всему бываетъ пора и время: много было жалкихъ словъ въ пользу меньшихъ братій, и мало знанія ихъ быта; теперь можно прямо предлагать основательныя практическія мѣры для улучшенія ихъ положенія; но выходни публицистики не должны имѣть мѣста въ ученой диссертациі. Г. Оврсовъ ссылается въ этомъ случаѣ на Маржерета, но слова послѣдняго опровергаютъ его. Приведемъ изъ Маржерета нѣсколько строкъ, для подтвержденія нашей мысли. Онъ пишетъ о русскихъ: «Не выслая денегъ за границу, но ежегодно скопляя оныя, росіяне платятъ иноземцамъ обыкновенно товарами: мягкою рухлядью, воскомъ, саломъ, кожами воловьими и оленьими, сафьяномъ, льномъ, пенькою, всякаго рода веревками, шероу (которой *весьма мною* отправляется въ Италію), соленою семгою, ворванью и *другими произведеніями*; хлѣба же не смѣютъ вывозить за границу со стороны Ливоніи, не взирая на чрезвычайное изобиліе онаго. Сверхъ того, русскіе промѣниваютъ иностранцамъ поташъ, льняное сѣмя, пряжу, не покупая ничего отъ нихъ на чистыя деньги» (Сказ. соврем. о самозв. Ч. III, стр. 46. С.-пб. 1832 г.). Слѣдовательно, не одни мѣха инородцевъ доставляли богатство Россіи, и не они главнымъ образомъ закупали холоповъ и бояръ. Такіе громадныя экономическіе вопросы рѣшать однимъ почеркомъ пера слишкомъ скользко. Другое дѣло, еслибы авторъ указалъ, какаѣ сумми вырочалась отъ продажи мѣховъ, какаѣ отъ сбыта

икры и рыбы и т. д. Тогда бы онъ самъ отказался отъ своихъ словъ, а провѣрить ихъ не мѣшало бы, хоть по сочиненію Н. И. Костомарова о торговлѣ Московскаго Государства.

Объ обращеніи инородцевъ въ христіанство г. Фирсовъ сказалъ мало: дѣятельность русскаго духовенства была шире въ этомъ случаѣ. За то о недостаткахъ его много наговорено и совершенно напрасно, потому что у г. Шапова давно собраны факты относительно этого предмета въ значительномъ количествѣ. Въ послѣдней главѣ, о взаимномъ вліяніи русскихъ и инородцевъ, дѣло изложено тоже слишкомъ миниатюрно, хотя предметъ могъ бы наполнить цѣлую ученую диссертацию. Вообще во всемъ разсужденіи г. Фирсова больше общихъ мѣстъ и ни на чемъ не основанныхъ соображеній, чѣмъ дѣльнаго изслѣдованія. Но все-таки, при недостаткѣ другихъ сочиненій, и подобного рода диссертация стоитъ того, чтобы имѣть ее подъ руками на всякій случай; а живость изложения можетъ помочь распространенію ея въ кругу образованныхъ людей, интересующихся русскою наукой. Но для ученаго человѣка немного отъ нея прибыли. Отъ души желаемъ, чтобы авторъ при будущихъ, обѣщанныхъ имъ трудахъ воздержался отъ общихъ мѣстъ и болѣе обращалъ бы вниманія на фактическую сторону изслѣдованія.

Краткій очеркъ исторіи философіи права А. Гейера. *Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ редакціею Н. Неклюдова.*

Въ нѣмецкой литературѣ много руководствъ или конспектовъ, подобныхъ сочиненію г. Гейера, по исторіи философіи права. Цѣль подобныхъ руководствъ—какъ можно сжатѣе изложить данный предметъ; они, съ одной стороны, служатъ для учащихся средствомъ бѣгло повторить въ памяти слышанное въ болѣе подробномъ изложеніи на професорскихъ лекціяхъ, съ другой—даютъ возможность вкратцѣ ознакомиться съ предметомъ, за изученіе котораго принимаешься. Въ нихъ много недомолвокъ, простыхъ указаній, ссылокъ на спеціальныя сочиненія—но въ нихъ изложена суть науки, изложена ясно и толково. Авторъ дѣлаетъ порою свои критическія замѣчанія, но не развиваетъ ихъ послѣдовательно: ему важно только дать замѣтить читателю свое несогласіе съ критикуемымъ мнѣніемъ, возбудить въ немъ научное сомнѣніе. Но самое важное достоинство подобныхъ руководствъ, это то, что они возбуждаютъ въ учащемся любовь къ излагаемому предмету, заставляютъ его вдумываться, показываютъ ему, сколь необходима самостоятельная работа. Въ нихъ нѣтъ диктаторскаго тона, поползновенія укоренить въ умѣ читателя, что наука въ предлагаемомъ учебникѣ изложена столь отчетливо, что лучше требовать нельзя, чѣмъ страдаетъ большинство учебныхъ книгъ. Любовь великаго числа учителей убѣждаетъ учащихся, что наука изъяснена ими въ совершенствѣ, въ столь законченномъ видѣ, что прибавлять нечего, такъ что въ умѣ ученика невольно зарождается мысль, будто наука есть нѣчто неподвижное, окаменѣ-

лое, 'неспособное въ дальнѣйшему развитію — по истинѣ не только смѣшна, но и злокачественна.

Въ самомъ дѣлѣ, главное достоинство учителя заключается не въ томъ ли, чтобы онъ возбудилъ въ ученикѣ любознательность, приучилъ его смотрѣть на вещи собственными глазами, далъ почувствовать, что наука есть нѣчто развивающееся? Смиѣются часто надъ старинными учителями, задававшими выучить «отъ сихъ до сихъ», но учитель, объясняющій все съ высоты своего мнимаго всеобъемлющаго величія и неумѣющій дать понять ученику, что въ научномъ объясненіи можетъ быть признано общимъ закономъ, и что есть только приблизительное рѣшеніе вопроса, или даже просто попытка рѣшенія — такой учитель многимъ ли лучше стариннаго?

Конспектъ г. Гейера, какъ мы уже замѣтили выше, отличается именно научнымъ изложеніемъ предмета и обладаетъ всѣми качествами хорошаго учебника. Для принимающагося за изученіе исторіи философіи права онъ можетъ служить дѣйствительнымъ руководствомъ. Начинающій изучать что-либо находится въ первую минуту какъ въ лѣсу: множество фактовъ, мнѣній, матеріаловъ просто подавляютъ его; онъ не умѣетъ справиться съ ними, путается, сбивается. Конечно, изъ самаго дремучаго лѣса можно найти выходъ, но отыскать этотъ выходъ будетъ стоить большихъ трудовъ, и великая опасность представляется: сдѣлать много невужныхъ обходовъ, лишнихъ поворотовъ, вмѣсто кратчайшей дороги пойти самой длинной. Конечно, вслѣдствіе охотно въ подобномъ случаѣ возьметъ проводника. Но проводникъ проводнику рознь. Иной потребуетъ, чтобы вы шли безпрекословно за нимъ, чуть не замуривъ глаза; другой, напротивъ, самъ обратитъ ваше вниманіе, какъ слѣдуетъ отыскивать настоящую дорогу, научитъ различать примѣты, скажетъ, какъ бережно и осторожно надо идти, чтобы снова не запутаться. То же и съ руководителемъ въ научномъ дѣлѣ. Наука для непосвященнаго, что дремучій лѣсъ: величественный, но таинственный и подчасъ грозный. У насъ зачастую человѣкъ, вырвавшись изъ школы (и изъ всякой школы отъ нисшей до высшей), не заглянетъ потомъ во всю жизнь въ учебную книгу: такъ онъ испуганъ ученостію. Радъ человѣкъ, что выбрался наконецъ на вольный свѣтъ изъ темнаго лѣса. Не на руководителя ли въ этомъ должна падать отвѣтственность? Его дѣло было научить человѣка ходить по лѣсу, научить его любить этотъ лѣсъ, а коли любить, такъ значитъ и изучать, ибо можно ли любить то, чего не хочешь узнать?

Предъвдущее наглядное изображеніе дополняетъ и, кажется, поясняетъ нашу мысль. Скажемъ теперь нѣсколько словъ специально о руководствѣ г. Гейера. Авторъ есть послѣдователь Гербарта и Тило, и ссылается обыкновенно на этихъ двухъ ученыхъ. Изложеніе различныхъ системъ философіи права сдѣлано большею частію весьма толково; достоинство автора заключается въ томъ, что онъ старается показать связь между міросозерцаніемъ извѣ-

стнаго философа и его воззрѣніями на право, а также послѣдовательную преемственность различныхъ философскихъ системъ въ родѣ развитія философіи. Слабѣ всего нѣколько воззрѣній Спинозы, темно, неясно и нѣсколько даже сбивчиво. Системы Шеллинга и Гегеля также изложены не совсѣмъ удовлетворительно; начиная съ этихъ двухъ философовъ, слабѣ показана и преемственная связь развитія послѣдующихъ системъ съ предыдущими.

Переводъ исполненъ весьма добросовѣстно. Жаль только, что въ русскомъ изданіи (какъ намъ показалось) есть пропуски противъ нѣмецкаго, но это вина не переводчика, а объема книги: въ ней нѣтъ двадцати листовъ, а слѣдовательно, она подвергалась предварительному разсмотрѣнію со стороны специальныхъ учреждений.

Романъ безъ интриги. *Сцены изъ жизни въ юго-западномъ краѣ за послѣднія одинадцать лѣтъ.* Соч. Ф. Ромера. Киевъ. 1866.

Эта книжка есть опытъ *мѣстнаго* романа, гдѣ главная цѣль автора—изобразить въ живыхъ образахъ состояніе извѣстнаго края въ данный моментъ. Такой родъ сочиненій не только вполне законенъ и возможенъ, но и весьма желателенъ. Отъ подобнаго сочиненія, конечно, никто не станетъ требовать высокой художественности, какъ вообще не слѣдуетъ прилагать такихъ требованій къ произведенію бѣллетристическому; важно личное знакомство автора съ описываемымъ краемъ, добросовѣстное изученіе и талантъ наблюдательности, безъ которой ничего не подѣлаешь. Какъ бы небрежно и грубовато въ художественномъ отношеніи ни было сдѣлано изображеніе, но если въ немъ хотя сколько нибудь чувствуется жизненная струйка, если это даже просто фотографическое изображеніе, но схватившее дѣйствительно характеристическія черты, а не однѣ ничтожныя детали (къ сожалѣнію, большинство нашихъ писателей за этими-то деталями только и гонится)—то и слава-богу! Къ несчастію, ни одного изъ этихъ достоинствъ нѣтъ въ романѣ (какъ онъ называется) г. Ромера. Самый главный недостатокъ этого сочиненія тотъ, что въ немъ нѣтъ ни одного живаго лица, нигдѣ не видно, что портретъ писанъ съ натуры, такъ что читатель приходитъ въ невольное сомнѣніе: видѣлъ ли авторъ своими глазами то, чтѣ описываетъ? Нельзя даже сказать, что описаніе сдѣлано со словъ людей видѣвшихъ, съ рассказовъ лицъ, непосредственно участвовавшихъ въ борьбѣ между польскою шляхтой и русскими въ юго-западномъ краѣ. Сдается, что г. Ромеръ писалъ свое сочиненіе по газетамъ, и все его дѣло состояло въ томъ, чтобы прочитанное въ газетахъ вложить въ уста какого-нибудь русскаго или поляка. Происшествія, живое описаніе которыхъ было бы въ высшей степени интересно, напримѣръ, встрѣча тѣла Шевченки въ Киевѣ (стр. 53), рассказаны самими общими фразами. *Жизни* никакой не рисуется; вмѣсто лицъ, какія-то безличныя тѣни снуютъ передъ глазами, ни одно лицо не произноситъ ни единого живаго слова. Напрасно авторъ въ

иных мѣстахъ заявляетъ въ примѣчаніяхъ, что фактецъ, имъ описываемый, суцая правда; правда сама скажется. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, при описаніи борьбы между такъ-называемыми авторомъ экономистами (то-есть помѣщиками, нежелающими уступить крестьянамъ того, что имъ слѣдуетъ) и идеалистами (людьми противныхъ убѣжденій, преимущественно мировыми посредниками, стр. 135 и слѣд.), г. Ромеръ говоритъ неясно, часто даже намеками, вѣроятно понятными на мѣстѣ, но невразумительными для читателей, которыхъ самъ авторъ имѣетъ въ виду. Еще бѣда — чрезвычайное пристрастіе автора описывать природу, что ему рѣшительно не удается.

Словомъ, попытку г. Ромера написать мѣстный романъ нельзя причислить къ числу удачныхъ. Въ предисловіи авторъ изъясняетъ, что «желалъ представить *легкое, но систематическое* (sic) обозрѣніе главныхъ моментовъ національной или соціальной борьбы на юго-западѣ», ибо, какъ ему кажется, «въ Великой Россіи огромное большинство мало знаетъ и не совсѣмъ правильно судить о томъ, какъ шли польскій и крестьянскій вопросы въ юго-западномъ краѣ». Задача, какъ видите, огромная, и средства для выполненія ея требуются также огромныя. Такой ужъ общій нашъ недостатокъ — непременно все затѣвать въ огромныхъ размѣрахъ, не спросась о своихъ собственныхъ средствахъ. «По одежѣ протаживай ножи» — пословица, которую недурно бы помнить и прилагать не въ одномъ матеріальномъ смыслѣ. Житье не по карману, и писаніе не по умственнымъ средствамъ — равно ведутъ къ подорванію кредита и неизбежному банкротству.

Гораздо бы лучше поступилъ г. Ромеръ, еслибы ограничился сводомъ газетныхъ извѣстій, передавая взатое не изъ газетъ въ безхитростномъ разказѣ, не прибѣгая къ «посильной художественности», столь казавшейся ему необходимой. Впрочемъ, не скажемъ, чтобы разбираемая нами книжка была совсѣмъ бесполезна: въ ней читатель найдетъ хронологическій перечень событій, и такимъ образомъ, воспреситъ въ памяти читанное имъ отрывочно въ газетахъ; если не узнаетъ внутренняго строя жизни въ юго-западной Россіи, то о внѣшнихъ проявленіяхъ ея все-таки получить нѣкоторое и, думаемъ, довольно правильное понятіе.

Новые разказы. А. П. Высоты. С.-мб. 1866.

Послѣдняя туча разсѣянной бури — послѣдній цвѣтокъ обличительной литературы, нѣкогда столь процвѣтавшей съ легкой руки г. Щедрина! Сколько писателей прославилось въ писаніи обличительныхъ повѣстей — писателей, имена которыхъ нѣкогда столь гремѣли и теперь совершенно позабыты восторженными читателями! Худомъ мы ихъ поминать не станемъ, ибо нѣтъ худа безъ добра, и несомнѣнное добро было и въ обличительной литературѣ. Но пора перестать объ ней толковать.

Особенность г. Высоты заключается въ необходимомъ цинизмѣ изображеній, такъ что порой страшно становится за возможность подобнаго отсутствія всякихъ нравственныхъ основъ въ писаніяхъ российскихъ сочинителей. Чиновники рассказываютъ о своихъ плутняхъ столь нагло, что хочется — вѣроятно авторъ и не подозревалъ возможности подобнаго возрѣнія — хочется бросить книжку подъ столъ. Уснащиваніе рѣчи разными крѣпкими выраженіями по истинѣ удивительное. Рассказы во всевозможныхъ родахъ, начипая отъ отвратительной пародіи на повѣсть Гоголя о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, до сентиментальнаго изложенія той великой идеи, что иногда, продавши свое имя за нѣсколько тысячъ рублей сереб., для прикрытія законнымъ бракомъ сожителюства откупщика съ нѣкоторой дѣвницей, можно обрѣсти счастье. Это послѣднее повѣствованіе дышетъ даже какою-то наивностію цинизма, если только можно соединить эти два слова. О понятливости русскаго мужика трактуется также не безъ остроумія; примѣръ для этого выбранъ по истинѣ великолѣпный. Анекдотъ слѣдующаго содержанія: извозчика надулъ мазуригъ, скользявъ черезъ проходной дворъ; благодѣтельный будочникъ велѣлъ ему идти къ надзирателю и рассказать въ чемъ дѣло, *такъ молъ, и такъ*. Извозчикъ пришелъ къ надзирателю и раза три повторилъ: *такъ молъ, и такъ*. Больше ничего отъ него добиться было нельзя. Надзиратель прогналъ его, принявъ за пьянаго. Анекдотъ этотъ озаглавленъ г. Высотою: *развитость нашего мужика*. Это вѣрно.

Больше о рассказахъ г. Высоты сказать нечего.

Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ. Сочиненіе Василя Ключевскаго. М. 1866.

Книга г. Ключевскаго принадлежитъ къ числу самыхъ полезныхъ приобрѣтеній нашей исторической литературы. У насъ издавна существовало какое-то особенное уваженіе къ иностранцамъ, писавшимъ о послѣднихъ вѣкахъ до-петровской Руси: довольно вспомнить, что Екатерина издавала Герберштейна, что въ прошломъ же столѣтіи былъ сдѣланъ русскій переводъ его, и что одинъ изъ первыхъ историческихъ опытовъ Карамзина дѣликомъ основанъ на извѣстіяхъ иностранцевъ. Словомъ, мы стали знакомиться съ иностранными писателями о Московскомъ государствѣ въ то еще время, когда лишь начинали собирать отечественные матеріалы и извѣстія объ этомъ періодѣ. Впослѣдствіи успѣхи исторической науки отодвинули ихъ на второй планъ; но что и до сихъ поръ мы не прочь относиться къ нимъ самымъ некритическимъ образомъ—это доказываетъ извѣстное сочиненіе г. Костомарова о Московскомъ государствѣ. Всѣ эти явленія вполне понятны: особенное вниманіе къ иностраннымъ писателямъ объясняется тѣмъ, что въ ихъ сочиненіяхъ находили не отдѣльныя, разбросанныя черты прошлой исторіи и быта, но сводные очерки, много выигрывавшіе въ интересѣ своею закон-

ченностью; полное же довѣріе къ иностранцамъ, вообще мало благосклоннымъ къ нашей старинѣ, поощрялось нашимъ западничаньемъ, которое лишало насъ народнаго самоуваженія. Можно только сожалѣть, что г. Костомаровъ остался на этой точкѣ зрѣнія понинѣ. Не такъ поступилъ г. Ключевскій. Разсматривая извѣстія иностранцевъ XV, XVI и XVII вѣковъ о Московскомъ государствѣ, онъ ихъ сортируетъ и не всѣмъ даетъ одинаковую вѣру. Вотъ въ какихъ словахъ выражена имъ общая мысль, руководящая имъ въ оцѣнкѣ и подборѣ иностранныхъ извѣстій: «Внѣшнія явленія, наружный порядокъ общественной жизни, ея матеріальная сторона—вотъ что съ наибольшою полнотою и вѣрностью могъ описать посторонній наблюдатель. Напротивъ, извѣстія о домашней жизни, о нравственномъ состояніи общества не могли быть въ такой же степени вѣрны и полны: эта сторона жизни менѣе открыта для посторонняго глаза, и притомъ къ ней менѣе, нежели къ другимъ сторонамъ народной жизни, приложима чужая мѣрка. Бѣгляя наблюденія, сдѣланныя въ короткое время, не могутъ уловить наиболѣе характеристическихъ чертъ нравственной жизни народа; для оцѣнки ея путешественникъ могъ имѣть передъ собою только отдѣльныя, случайно попавшія ему на глаза явленія, и нравственная жизнь всего менѣе можетъ быть опредѣлена по отдѣльнымъ случайнымъ фактамъ и явленіямъ. Наконецъ, въ большей части случаевъ западно-европейскій путешественникъ не могъ даже вѣрно описать и отрывочныя явленія этой жизни: нравственный бытъ и характеръ русскихъ людей описываемаго времени долженъ былъ вазаться ему слишкомъ страннымъ, слишкомъ несходнымъ съ основными его понятіями и привычками, чтобы онъ могъ отнестись къ нему съ полнымъ спокойствіемъ, взглянуть на него не съ своей личной точки зрѣнія, а со стороны тѣхъ историческихъ условий, подъ вліяніемъ которыхъ слагался этотъ бытъ и характеръ. Оттого иностранныя извѣстія о нравственномъ состояніи русскаго общества очень отрывочны и бѣдны положительными указаніями, такъ что по нимъ невозможно составить сколько нибудь цѣльный очеркъ ни одной изъ сторонъ нравственной жизни описываемаго ими общества; но въ этихъ извѣстіяхъ дано слишкомъ много мѣста личнымъ, произвольнымъ мнѣніямъ и взглядамъ самихъ писателей, часто бросающимъ ложный свѣтъ на описываемыя событія» (стр. 8—9).

Согласно съ этимъ взглядомъ, г. Ключевскій излагаетъ свазанія иностранцевъ о состояніи Московскаго государства по отношенію къ виду, климату и почвѣ страны, составу ея населенія, управленію, финансамъ, торговлѣ, монетѣ и пр. Напротивъ того, онъ не касается церковныхъ отношеній и религіозныхъ понятій, а также домашняго быта, какъ предметовъ, которые не могли быть подробно наблюдаемы и правильно объясняемы иностранцами. Въ числѣ источниковъ, которыми пользуется г. Ключевскій, являются всѣ сколько нибудь значительныя европейскіе

писатели, писавшіе о Россіи въ XV, XVI и XVII вѣкахъ на основаніи личныхъ наблюдений или се словъ путешественниковъ, бывшихъ въ предѣлахъ Московскаго государства. Способъ изложенія г. Ключевскаго состоитъ въ томъ, что онъ группируетъ однопородныя извѣстія по каждой сторонѣ быта изъ родныхъ писателей, систематизируетъ ихъ и наконецъ дополняетъ такими свѣдѣніями, которыя встрѣчаются только у одного какаго нибудь изъ писателей. Каждая группа извѣстій, всякое отдѣльное свѣдѣніе, по чему либо замѣчательное или сомнительное, сопровождается обильными ссылками, дающими возможность повѣрии. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, извѣстія иностранныя повѣряются данными изъ русскихъ источниковъ. Замѣтки этого рода, по нашему мнѣнію, принадлежатъ къ слабѣйшимъ частямъ сочиненія въ томъ смыслѣ, что онѣ недостаточно полны: иногда подборъ русскихъ свидѣтельствъ къ иностраннымъ является въ такихъ случаяхъ, гдѣ бы его и не нужно; а иногда, тамъ, гдѣ приводимое свидѣтельство возбуждаетъ сомнѣніе г. Ключевскаго, не сдѣлано попытки критически повѣрить его русскими показаніями. Такихъ случаевъ, впрочемъ, немного.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что характеръ сочиненія чисто фактическій; г. Ключевскій беретъ изъ иностранцевъ только свидѣтельства о фактахъ быта и не только не разбираетъ суждений иностранцевъ о старинной Россіи, но даже не обращаетъ вниманія на эти сужденія. Онъ и не могъ поступить иначе, такъ-какъ ограничился только внѣшней стороною народной жизни, между тѣмъ какъ орончательные приговоры иностранцевъ о русскомъ народѣ произносятся ими болшею частью на основаніи данныхъ о внутренней жизни народа. Признавая, что разборъ этихъ суждений могъ бы представить любопытныя черты изъ исторіи отношеній Западной Европы къ Россіи, мы однако не упрекнемъ г. Ключевскаго въ его воздержаніи отъ этой задачи, такъ-какъ имъ и безъ того сдѣлано много дѣльнаго. Даже при подборѣ однихъ фактовъ внѣшняго быта и при живости изложенія его книга читается съ величайшимъ интересомъ, и если общеобразованный читатель найдетъ въ ней лишь сводъ главнѣйшихъ историческихъ данныхъ о Руси XV, XVI XVII вѣковъ, увлекаемыхъ изъ западно-европейскихъ писателей этого времени, за то любителю исторіи она послужитъ указателемъ и руководствомъ для дальнѣйшихъ и подробнѣйшихъ изслѣдованій въ трудахъ этихъ писателей.

Гдѣ я? и Кто я? *Книга для чтенія родителей и наставниковъ съ дѣтьми. Составилъ В. Новаковскій. Въ двухъ частяхъ (въ одной книгѣ). Спб. 1866.*

Г. Новаковскій принадлежитъ къ числу тѣхъ нашихъ писателей-педагоговъ, которые не задаются слишкомъ большими задачами, не затѣваютъ предпріятій выше своихъ силъ, но умѣютъ быть полезными въ предѣлахъ своей скромной дѣятельности.

Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, какъ г. Новаковскій печатаетъ разныя изданія для дѣтскаго и юношескаго возраста, учебники и книги для чтенія; во первыхъ, онъ издалъ нѣсколько русскихъ грамматикъ и хрестоматій разнаго объема; вторыхъ, ему пришла счастливая мысль составить для дѣтскаго чтенія біографіи русскихъ знаменитостей; такимъ образомъ имъ изданы жизнеописанія Ломоносова, Суворова, Пушкина, митрополита Платона и др.; все это обработано авторомъ весьма тщательно, по лучшимъ источникамъ и изложено живо, и занимательно. Большая часть трудовъ г. Новаковскаго выходитъ въ свѣтъ уже вторыми и третьими изданіями и, стало быть, нашла себѣ оцѣнку по достоинству.

Послѣдній трудъ г. Новаковскаго, котораго нѣсколько изысканное заглавіе выписано нами выше, есть опытъ элементарной и въ то же время энциклопедической книжки для первоначальнаго чтенія съ дѣтьми; какъ извѣстно, подобный сборникъ — дѣло очень трудное, и на русскомъ языкѣ почти нѣтъ удовлетворительныхъ книгъ этого рода. Мы не сомнѣваемся, что въ ряду ихъ сборникъ г. Новаковскаго займетъ непослѣднее мѣсто. Планъ его слѣдующій: книга раздѣлена на двѣ части: въ первой, озаглавленной *Гдѣ я?*, изложены понятія изъ естественнаго въ обширномъ смыслѣ этого слова, а именно: вселенная, земля; составъ ея; явленія, происходящія на землѣ, и существа, населяющія землю; во второй части, подъ заглавіемъ *Кто я?*, изложены: во первыхъ, общія понятія о природѣ человѣка и его отличіе отъ животныхъ; во вторыхъ, характеризованъ человѣкъ, какъ «обладатель земли», причемъ очерчены сила знанія, потребности человѣка, его изобрѣтенія, роды его жизни и занятія; втретьихъ, сообщены основныя понятія о человѣкѣ русскомъ, то-есть главныя черты изъ географіи и исторіи Россіи.

Со стороны фактической, исполненіе этой программы вполнѣ удалось г. Новаковскому преимущественно въ первой части; сообщенныя имъ свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ отличаются основательностью, но въ то же время неотсталы и выбраны съ большимъ умѣньемъ. По свойству самаго предмета, вторая часть сборника гораздо труднѣе въ фактической разработкѣ. Къ сожалѣнію, первые два отдѣла ея въ трудѣ г. Новаковскаго отличаются нѣкоторымъ догматизмомъ; по нашему мнѣнію, авторъ могъ бы съ успѣхомъ оживить ихъ нѣсколькими подробностями; такъ напр., во второмъ отдѣлѣ второй части можно было бы ввести нѣсколько картинныхъ рассказовъ изъ быта разныхъ народовъ, нѣсколько біографическихъ подробностей о разныхъ изобрѣтателяхъ и т. д. Послѣдній отдѣлъ этой части, посвященный Россіи, болѣе удовлетворителенъ; однако и здѣсь, особенно въ географическомъ очеркѣ, можно пожелать больше живыхъ чертъ. Что касается изложенія книги, то оно отличается замѣчательною простотою и ясностью; во всемъ сочиненіи едва-ли найдется фраза, недоступная дѣтскому пониманію. Такимъ образомъ, не-

смотря на нѣкоторые недостатки, трудъ г. Новаковскаго составляетъ небезполезный вкладъ въ нашу дѣтскую литературу, и можно надѣяться, что онъ не пройдетъ незамѣченнымъ у родителей и наставниковъ.

НОВЫЯ АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

THE ARCHITECTURAL Antiquities of the City of Wells. By John Henry Parker. (Архитектурныя древности города Уэльса, Дж. Г. Паркера).

ARCHELV Lovell. A Novel. By Mrs. Edwards.

CHARLES Townshend, Wit and Statesman. By Percy Fitzgerald.

CURIOUS Myths of the Middle Ages. By S. Baring-Gould. (Любопытныя мѣны среднихъ вѣковъ, С. Баринг-Гульда).

A DICTIONARY of British Birds. Compiled and Edited by E. Newman. (Списокъ британскихъ птицъ, составленный и изданный Э. Ньюменомъ).

AN ELEMENTARY Treatise on Heat. By Balfour Stewart. (Элементарный трактатъ о теплотѣ, Б. Стьюарта).

FAMILIAR Lectures on Scientific Subjects. By Sir J. E. W. Herschel. (Дружескія лекціи объ ученыхъ предметахъ, Джона Гершеля).

GLAZING at Shadows. A Novel. By Mrs. Mackenzie-Daniel.

HETTY Gouldworth. A Novel. By George Macaulay.

HISTORY of the United States, from the Discovery of the American Continent. By George Bancroft. Vol. IX. 1776—1778. (Исторія Соединенныхъ Штатовъ съ открытія американскаго материка. Джорджа Банкрофта. Томъ IX).

HOMER and the Iliade. By John Stuart Blackie.

A HUNTER'S Experiences in the Southern States of America. By Captain Flack. (Охотничьи опыты въ южныхъ государствахъ Америки, Флака).

JULIUS Caesar; did he cross the Channel? By Scott F. Surtees. (Юлій Цезарь; переплывалъ ли онъ черезъ Британскій каналъ? С. Ф. Суртиса).

LITTLE Experiments for Little Chemists. By Wm. Henry Coaleim. (Маленькіе опыты для маленькихъ химиковъ, Уил. Г. Коалейма).

MEMOIRS of the Life and Reign of King George III, with Original Letters of the King, and other Unpublished Mss. By J. Heneage Jesse. (Мемуары о жизни и царствованіи короля Георга III, съ его подлинными письмами и другими неизданными манускриптами, Дж. Гениджа Джесса).

A NATURALIST'S Ramble to the Orcades. By A. W. Orichton. (Экскурсія натуралиста къ Оркадскимъ островамъ, А. У. Крейттона).

OLD MEMOIRS of the Stukeleys. (Старинные мемуары Стоклеевъ).

ONLY GEORGE. A Story.

A PRACTICAL Compendium of Accounts, for the Use of Banking, Mercantile, and other Public Companies. By John Hunter. (Практическій выборъ извѣстій для банкирскихъ, торговыхъ и другихъ обществъ, Джона Ханта).

SCENES in French Monasteries. By Algernon Taylor. (Сцены во французскихъ монастыряхъ, Альджернона Тейлора).

SIR JULIAN'S Wife. A Novel. By E. J. Worboise. (Жена сэра Джуліана. Романъ Э. Дж. Уорбойса).

WEALTH and Welfare. By Jeremiah Gotthelf. (Богатство и счастье, Дж. Готтельфа).

ASIE mineure, description de cette contrée, par P. de-Tschitcheff. (Малая Азія, описаніе этой страны, П. Чичачева).

ASSOCIATION polytechnique. Entretiens populaires, publiés par Evariste Thévenin. (Политехническая асоціація. Популярніе разговори, издаанные Э. Тевененомъ).

L'ANDALOUSIE, l'art arabe et le peintre Murillo, fragment d'un voyage en Espagne, par Jules Salles. (Андалузія, мавританское искусство и живописецъ Мурильо, отрывокъ изъ путешествія въ Испанію, Жюль Салля).

CONNEXION secrète inédite sur Louis XVI, Marie-Antoinette, la cour et la ville, de 1777 à 1792, publiée d'après les manuscrits de la bibliothèque impériale de S.-Petersbourg, par M. de-Lescure. (Секретная неизданная переписка о Лудовикѣ XVI, Маріи Антуанетъ, дворѣ и городѣ, отъ 1777 до 1792, напечатанная по рукописямъ публичной Петербургской бібліотеки Лекюрюмъ).

LES DERNIERS jours de Jérusalem, par M. de-Saulcy. (Послѣдніе дни Іерусалима, Сольси).

DEUX femmes de la révolution, par Charles de-Masade. (Двѣ женщины революціи, Шарль Масада).

HISTOIRE complète de la tour de Neale, suivie des amours et aventures de Marguerite de Valois, surnommée la reine Margot, par M. de-Robville. (Подробная исторія нельской башни, дополненная любовными приключеніями Маргариты Валуа, прозванной королевою Марго, Робвилля).

HISTOIRE contemporaine. Portraits et silhouettes au XIX siècle, par Eugène de-Mirecourt. (Современная исторія. Портреты и силуэты въ XIX вѣкѣ Эженъ Миркуръ).

JEANNE d'Arc, l'héroïne de France, par M. de-Lescure.

JOE, DRAME en cinq actes, avec prologue et épilogue, par le prophète Isaïe, retrouvé, retabli dans son intégrité et traduit littéralement par Pierre Leroux. (Иовъ, драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ, пророка Исаіи, найденная, восстановленная въ ея неприкосновенности и буквально переведенная Пьеромъ Леру).

LA LANGUE française depuis son origine jusqu'à nos jours. Tableau historique, par M. de-Pellissier. (Французскій языкъ со времени его происхожденія до нашихъ дней. Историческая картина Пеллисси).

LOI DE L'HISTOIRE d'après Auguste Comte, par Emile Morlot. (Законъ исторіи по Огюсту Контю, Э. Морло).

MÉCANIQUE terrestre. De l'influence qu'exerce la rotation de la terre sur la direction des projectiles, par S. Papillon. (Земная механика. Вліаніе, производимое вращеніемъ земли вокругъ своей оси на направленіе бросаемыхъ тѣлъ, С. Папильона).

MÉMOIRES secrets d'Ageard, secrétaire de commandements de la reine Marie-Antoinette (1760—1800). Publiés par Evariste Bavoux. (Секретныя мемуары Ожара, главнаго секретаря королевы Маріи-Антуанетъ, издаанные Э. Бау).

LES MONUMENTS de Pise au moyen âge, par Georges Rohault de-Fleury. (Памятники Пізы въ средніе вѣка, Ж. Р. Флёрю).

RAVIS, roman humoristique, par Amedée Pommier.

LES PROBLÈMES de la vie, par Auguste Laugel. (Задачи жизни, Огюста Ложелья).

LE RATIONALISME et le protestantisme en 1866, par Amédée de-Margerie. Тнѣатре комплет де Георгес Сандъ.

VOLCANS et tremblements de terre, par Zurcher et Margollé. (Вулканы и землетрасенія, Зюрше и Марюлле).

AGRIFFINA, die Mutter Nero's, von Adolf *Stahr*. (Агрипина, мать Нерона, А. *Штара*).

ALBRECHT I von Gabsburg, Herzog von Oesterreich und römischer König, von I. F. Alphons *Mücke*.

ANLEITUNG zum Studium der Taktik für Officiere aller Waffen, bearbeitet von Huho *Diehl*. (Введение въ теорію тактики для офицеровъ всѣхъ оружій, Гуго *Дилл*).

COVNELIUS, der Meister der deutschen Malerei, von Hermann *Riegl*. (Борнелий, мастеръ немецкой живописи, Г. *Ригель*).

ENGLISCHE Geschichte, vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert, von Leopold v. *Ranke*. VI Band. (Англійская исторія, преимущественно въ XVI и XVII вѣкѣ, Л. *Ранке*. Томъ VI).

DIE FRIEDENK. Historische Novelle von Conrad von *Bolanden*. (Волнодумцы. Историческая повѣсть К. *Боландена*).

DIE GESCHICHTE Griechenlands unter der Herrschaft der Römer, von G. F. *Hersberg*. (Исторія Греціи подъ властью римлянъ, Г. Ф. *Герцберга*).

GESCHICHTE der nordamerikanischen Literatur. Eine literär-historische Studie, von Dr. K. *Brünemann*. (Исторія сѣверо-американской литературы. Литературно-историческій этюдъ, К. *Брюнemann*).

GEWELLEN des Satan. Roman in 12 Büchern von Ernst *Willkomm*. (Событія сатаны. Романъ Эрнста *Вилькома*).

ILLUSTRIRTE Kriegsgeschichte des Jahres 1866, von Dr. W. *Zimmermann*. (Иллюстрированная исторія войны 1866 года, В. *Циммермана*).

KAISER Heinrich VI, von Theodor *Toeche*.

POLNISCHE Juden. Geschichten und Bilder, von Leo *Härsberg-Frankel*. (Польскіе евреи. Исторія и картины, Лео *Герцберга-Франкеля*).

DIE SAGE von der Befreiung der Waldstädte nach ihrer allmählichen Ausbildung, untersucht von Dr. Wilhelm *Fischer*. Nebst einer Beilage: Das älteste Tellenschauspiel. (Сказаніе объ освобожденіи лѣсныхъ городовъ воцрѣ постепеннаго образованія, Вильгельма *Фишера*).

SERRHONIS und Rom. Ein historischer Roman aus dem vierten Jahrhundert.

SEYN und Nichtseyn. Erzählung von Gustav *Höcker*. (Бытіе и небытіе. Разсказъ Г. *Гёкера*).

STAATS-UND Gesellschafts Recht der französischen Revolution von 1786—1804. Dargestellt von Dr. Karl *Richter*. (Государственное и общественное право французской революціи, изображенное К. *Рихтеромъ*).

DAS TESTAMENT des Grossen Kurfürsten, von I. G. *Droysen*. (Духовное завѣщаніе великаго курфюрста, I. Г. *Дройзена*).

ZUR SEELENFRAGE, von Dr. A. *Mayer*. (Къ вопросу о душѣ, А. *Мейера*).

ZWEI FÜRSTINNEN. Ein Roman von Louise *Ernesti*. (Malvine von Humbrecht). (Двѣ княгини. Романъ Луизы *Эрнесту*).

ПО ПОВОДУ СТЕНОГРАФИЧЕСКАГО СОСТЯЗАНІЯ.

Редакція «Отечественныхъ Записокъ», по просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ, знакомыхъ съ стенографіею, объявила въ 17-мъ № своего журнала, что желательно было бы устроить состязаніе для рѣшенія вопроса о томъ, какая изъ стенографическихъ системъ, предлагаемыхъ для русскаго языка, удобопримѣима. Въ настоящее время редакція получила слѣдующее увѣдомленіе:

«По вызову на стенографическое состязаніе, объявленное въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ 1-й книжкѣ за сентябрь мѣсяца 1866 года, имѣемъ честь заявить редакціи «Отечественныхъ Записокъ», что мы, нижеподписавшіеся, желаемъ принять участіе въ этомъ состязаніи, по системѣ г. Иванина, въ назначенномъ редакціей мѣстѣ, въ воскресный или праздничный день.

В. Озерниковскій.

И. Самбуровъ.

В. Березинъ.

П. Липовичъ.

М. Васильевъ».

По полученіи этого увѣдомленія, редакція сообщила его лицамъ, по просьбѣ которыхъ напечатано было предложеніе объ устройствѣ состязанія, и, согласно просьбѣ этихъ же лицъ, въ настоящее время заявляетъ, что если стенографы другихъ системъ (кромѣ системы г. Иванина) пожелають принять участіе въ предполагаемомъ состязаніи, то оно и будетъ устроено, а о времени и мѣстѣ состязанія будетъ своевременно объявлено.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

*На Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.*

Для одного фортепьяно.

СИМФОНИИ БЕТГОВЕНА, переложение Франца Листа.

№ 1. Ut maj. (C dur)	цѣна 2 руб. 80 к.
» 2. Re maj. (D dur)	» 3 » 45 »
» 3. Mi bémol maj. (Es dur) eroica	» 4 » 30 »
» 4. Si bémol maj. (B dur)	» 3 » 45 »
» 5. Ut min. (C moll)	» 3 » 45 »
» 6. Fa maj. (F dur) Pastorale	» 4 » — »
» 7. La maj. (A dur)	» 4 » — »
» 8. Fa maj. (F dur)	» 2 » 85 »
» 9. Re min. (D moll)	» 5 » 75 »

PERLES MUSICALES

Собрание маленькихъ концертныхъ и прочихъ пьесъ.

№ 1. BACH, Joh. Seb. Gigue B dur	30 к.
№ 2. — Rondo. C moll	30 »
» 3. MENDELSON-BARTHOLDY, Felix. H moll, aus op. 35. № 3	45 »
» 4. SCHUMANN, R. Reconnaissance, As dur, aus op. 9.	30 »
» 5. — Promenade, Des dur, aus op. 9	30 »
» 6. PARADIES, P. D. Toccata, A dur	30 »
» 7. REINECKE, C. Courante, D moll aus op. 57. № 2.	30 »
» 8. — Ländler, As dur aus op. 57. № 3	30 »
» 9. ECKERT, C. Charakterstück, D dur, aus op. 17 № 1.	30 »
» 10. LISZT, F. Consolations № 3. Des dur.	60 »
» 11. — do № 5. E dur	45 »
» 12. SCHUMAN, R. Romanze Fis dur aus op. 28. № 2.	30 »
» 13. — Träumerei F. dur aus op. 15. № 7.	30 »
» 14. BACH, Joh. Seb. Scherzo, A moll.	30 »
» 15. — Aria, D dur	30 »
» 16. KLENGEL, A. A. Canon und Fuge, Es dur, aus den Canons und Fugen Bnd I № 7	75 »
» 17. — Canon und Fuge, D dur, aus den Canons und Fugen Bnd II № 16.	60 »
» 18. REINECKE, C. Mazurka, G moll aus op. 15	30 »
» 19. SCHUMAN, R. Am Camin, F dur aus op. 15. № 8.	30 »
» 20. — Kind im Einschlummern, E moll aus op. 15. № 12	30 »
» 21. BACH, Joh. Seb. Praeambulum G dur	45 »
» 22. — Echo. H moll	30 »

№ 23. KLENGEL, A. A. Canon und Fuge, D moll, aus den Canons und Fugen Bnd II № 6.	75	к.
» 24 — Canons et Fuge, G moll, aus den Canons und Fugen Bnd II № 16	60	»
» 25. SCHUHMAN, R. Valse noble, B dur aus op. 9.	30	»
» 26. — Valse allemande, As dur, aus op. 9.	30	»
» 27. — Pappillons. B dur aus op. 9.	30	»
» 28. WEIL, O., Allegretto grazioso, F dur, aus op. 4. № 1.	45	»
» 29. — Danse sérieuse, G dur aus op. 3. № 1.	30	»
» 30. KLENGEL, A. A. Canon und Fuge, A dur, aus den Canons und Fugen Bnd II № 19	60	»
» 31. — Canon und Fuge, A dur, aus den Canons und Fugen Bnd I № 19	60	»
» 32. CHOPIN, E. Prélude, Fis dur, aus Op. 28. № 13.	30	»
» 33. — do Dés dur, aus op. 28. № 15.	45	»
» 34. JADASSOHN, J. Air de Ballet, № 3. A dur, aus «Bal masqué» op. 26	30	»
» 35. — Air de Ballet, № 4. F dur aus op. 26.	30	»
» 36. BACH, Joh. Seb. Fantasia. C moll	45	»
» 37. FIELD, J. 4-e Notturmo, A dur	60	»
» 38. — 5-e. Notturmo, B dur	30	»
» 39. SCHUHMAN, R. Chopin, As dur, aus op. 9	30	»
» 40. CLEMENTI, M. Adagio sostenuto, F dur, aus dem Gradus ad Parnassum Bnd I № 14	45	»
» 41. HELLER, St. Praeludium, A dur, aus op. 81. Heft I, № 7	30	»
» 42. — Präludium, Des dur, aus op. 81. Heft 2. № 15.	30	»
» 43. CZERNY, Ch. Andacht (Dévotion), H dur, aus den 24 Etuden op. 692. № 18.	30	»
» 44. BACH, Joh. Chr. Andante, Es dur	60	»
» 45. THALBERG, S. Mélodie de la Sémiramide, Fis dur, a op. 51	45	»
» 46. DRESEL, O. Schlummerlied, F dur, aus op. 5. № 1.	30	»
» 47. — Praeludium, Ges dur aus op. 5. № 2	30	»
» 48. HELLER, St. Praeludium, F. dur, aus op. 81. Heft 3. № 23	30	»
» 49. MARTINI (Padre). Gavotte, F. Dur	30	»
» 50. KIRNBERGER, J. P. Gavotte, D moll	30	»
» 51. RAMEAU J. P. Musette; E dur	30	»
» 52. — Le Tambourin E moll	30	»
» 53. BACH, Joh. Seb. Gavotte. G. moll	30	»
» 54. COUPERIN, F. Soeur monique. Rondeau. F. dur.	45	»

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *съ музыкальнныя сочиненія, идя и кнжъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ.* Выписывающіе ноть на три руб. сер., получаютъ 15 процентовъ услуги; на пять руб. — 20 проц.; на десять руб. — 25 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, *кромѣ того, не платятъ за пересылку.* Требования гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1867 году

будутъ выходить два раза въ мѣсяцъ (1-го и 15-го числа) «нижками», изъ которыхъ каждая заключить въ себѣ до 15-ти печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

состоящее изъ *двадцати-четырёхъ* книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. сереб.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногородныхъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голось»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, № 38-й, продаются:

изданныя редакціей «Отечественныхъ Записокъ» книги:

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ФИЛИППА ВТОРОГО, короля испанскаго. Соч.

Вильяма Прескотта. 2 тома. Ц. 2 руб.; съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНІЯ АНГЛИИ НОРМАНАМИ. Соч. *Оюстена Тьерри.*

3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Соч. *Гизо.* 3 тома. Ц. 3 руб.; съ

пересылкою 3 р. 50 коп.

Редакторъ-издатель **А. Краковский.**

Digitized by Google

Къ этой книгѣ прилагаются объявленія объ изданіи въ 1867 году «Отечественныхъ Записокъ» и «Голоса» отъ издателя А. Краковского.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1866

Н О Я Б Р Ъ 1866.

К Н И Ж К А П Е Р В А Я

	СТР.
I. Островитяне. Повѣсть. <i>Часть первая.</i> М. СТЕВ-НИЦКАГО	1
II. Подмилльона. Романъ миссъ АМЕЛИ ЭДВАРДСЪ. <i>Часть вторая и послѣдняя.</i> Главы LV — LIX. (<i>Окончаніе</i>).	41
III. Вопросъ о душѣ въ его современномъ состояніи. Отрывокъ изъ педагогической антропологии. К. УШИНСКАГО. <i>Статья первая</i>	74
IV. СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. (<i>Продолженіе</i>).....	99
V. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОВЫ. Романъ. <i>Часть шестая.</i> Падшія. Главы I—IV. В. В. КРЕСТОВСКАГО.....	119
<hr/>	
VI. Политическая хроника. Толки европейской прессы о Россіи. — Положеніе дѣлъ на Востокѣ. — Мирный трактатъ между Австріею и Италіею.....	1
VII. Хроника политической литературы. Рейнскія стремленія. — Совѣты г. Луи Вельйо. — Характеристика молдо-валаховъ. — Австрійско-молдавская фантазія. — Завѣщательная свобода во Франціи.....	13
VIII. Внутренняя политика.....	26
IX. РУССКІЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.	30
X. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Русская и иностранная литература	45
XI. НОВЫЯ АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.....	82

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. А. КРАВЦОВАГО (Литейныя, № 26).

Digitized by Google

THE UNIVERSITY OF CHINA PRESS

UNIVERSITY OF CHINA PRESS

ОБЪ ИЗДАНИИ

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ВЪ 1867 ГОДУ.

«Отечественныя Записки» будутъ издаваться въ слѣдующемъ 1867 году въ тѣ же сроки и въ томъ же объемѣ; можетъ быть, мы должны были бы прибавить еще: въ томъ же направленіи, такъ-какъ, по поводу смерти одного изъ редакторовъ, можетъ возникнуть мысль о какой либо пережѣвѣ въ направленіи журнала. Но подобная мысль, хотя и возможна, не имѣла бы, однако, никакого основанія.

«Отечественныя Записки» оставались и остаются при томъ самомъ направленіи, которое усвоили себѣ со дня появленія своего на свѣтъ. Съ тѣхъ поръ онѣ измѣнились ровно на столько, на сколько должно измѣняться все, предоставленное законамъ свободного развитія. И покойный С. С. Дудышкинъ, такъ много потрудившійся на пользу этого журнала, сперва въ качествѣ сотрудника, потомъ соредактора, засталъ въ немъ то самое направленіе, въ которомъ потомъ дѣйствовать, но котораго не создавалъ. Въ «Отечественныя Записки», какъ свидѣтельствуютъ двадцать-восемь лѣтъ ихъ существованія, могутъ приходить люди съ новыми дарованіями и новыми силами — и нигдѣ такъ радушно они не будутъ встрѣчены; журналъ можетъ подвергаться горестнымъ утратамъ подобныхъ людей; но никогда невозможно, чтобъ, находясь въ тѣхъ же рукахъ, въ которыхъ пока находится, онъ утратилъ однажды принятое имъ направленіе, или принялъ какое либо новое. Люди истинныхъ дарованій и здравыхъ понятій, люди твердыхъ принциповъ потому-то и приходили въ этотъ журналъ и, смѣемъ надѣяться, впредь будутъ приходить, что направленіе его считается пригоднымъ и существующимъ не для одного дня...

По принятому обычаю, мы могли бы теперь же объявить о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя намѣреваемся ввести въ журналъ на буду-

шій годъ, могли бы даже назвать нѣкоторыя статьи, уже находящіяся въ портфѣляхъ редакціи, какъ, на примѣръ, «романтическую хронику» въ пяти книгахъ, подъ заглавіемъ: «Чающіе движенія воды», г. Стебницаго; историческій романъ г-жи Вельманъ «Королевичъ Густавъ Ириковичъ, женихъ царевны Ксеніи Годуновой», или обѣщанный редакціи новый романъ В. В. Крестовскаго, равно какъ статьи ученаго содержанія, приготовляемыя для будущаго года; но предпочитаемъ предоставить читателямъ оцѣнку этихъ произведеній тогда, когда они явятся въ журналѣ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ 1867 ГОДУ

будутъ выходить *два раза въ мѣсяцъ* (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключить въ себѣ *до 15-ти печатныхъ листовъ*.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

состоящее изъ *двадцати-четырехъ* книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. серебр.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногородныхъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голось»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстнаго Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загрязскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ въ Санктпетербургъ.*

Редакторъ-издатель А. Краевскій.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАННІЙ

А. КРАЕВОКИМЪ.

ТОМЪ СЛXIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

ОСТРОВИТАНЕ.

ПОВѢСТЬ.

Овцы царя Авгіаса не вмѣстѣ, въ стадахъ раздѣленныхъ,
Въ кругахъ разныхъ пасутся: однѣ по долинамъ —
Вдоль береговъ Элзента, другія у водъ освященныхъ
Старца-Алфея, иныя по значнымъ Бупроза вершинамъ,
Прочія въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Каждое стадо
Вечеромъ съ пастбищъ собрать намъ въ овчарни отдѣль-
ныя надо.

Идилія Теоокрита.

..

Очень давно когда-то всего на нѣсколько минутъ я встрѣтилъ одно весьма жалкое существо, которое потомъ безпрестанно мнѣ припоминалось въ теченіе всей моей жизни, и теперь, какъ живое, стоитъ передъ моими глазами: это была слабая, изнеможенная и посинѣвшая отъ мокроты и стужи дѣвочка на высокихъ ходуляхъ. Въ тотъ день, когда я увидѣлъ этого ребѣнка, въ Петербургѣ ждали наводненія; съ моря сердито свисталъ порывистый вѣтеръ и носилъ по улицамъ цѣлыя облака холодныхъ брызгъ, которыми раздобывался онъ гдѣ-то за угломъ важдаго дома, но гдѣ именно онъ собиралъ ихъ—надъ крышей, или за цоколемъ—это оставалось его секретомъ, потому что съ чернаго неба не падало ни одной капли дожда. Въ этотъ ненастный, холодный день, она вошла на грязный, мощный дворъ изъ-подъ черной арки воротъ, въ сопровожденіи еще болѣе ея изнеможенного итальянскаго жида, который находился съ нею въ товариществѣ по добыванію хлѣба, и въ сопровожденіи цѣлой толпы зѣвагъ, съ утра бродившихъ для наблюденія, какъ выступаютъ изъ береговъ Лиговка, Мойка и Фонтанка. Блѣдный, чахоточный жидъ, сгибаясь въ три погибели, несъ покрытую клеенчатымъ чохломъ шарманку; праздные люди гордо несли на своихъ лицахъ спокойную тупость безсмыслія. Дѣвочка на ходуляхъ была самымъ замѣчательнымъ лицомъ во

всей этой компаніи и съ помощію своихъ ходуль вызвышалась нагляднымъ образомъ надо всѣми. По силѣ производимаго ею впечатлѣнія, съ нею не могъ соперничать даже ея товарищъ, хотя это былъ экземпляръ, носившій, кромѣ шарманки, чахотку въ груди и слѣды всѣхъ страданій, которыми несчастнѣйшій изъ жидовъ участвуетъ съ банкиромъ Ротшильдомъ въ искупленіи грѣховъ падшаго племени Израиля. Вопервыхъ, дѣвочка была богиней: на ней былъ фантастическій нарядъ изъ перематой египетской и рыжаго пписа; все это было украшено гирляндами каленкорovýchъ цвѣтовъ; позументомъ и блестящими; а на ея высококъ, бѣломъ лбу лежала блестящая мѣдная діадема, придававшая что-то трагическое этому блѣдному профилю, напоминавшему длинный профиль Рашели, когда эта пламенная еврейка одѣвалась въ костюмъ Федры. Нѣтъ сомнѣнія, что вошедшая на ходуляхъ дѣвочка тоже должна была воплощать въ себѣ понятіе о какомъ-то трагическомъ величіи. Она вшла твердою и спокойною поступью, и когда сопровождавшій ее жидъ завертѣлъ свою шарманку, она запѣла:

Въ Нормандіи баронъ,
Большой любитель псовъ
Жилъ съ деревенской простотою.

Въ ея голосѣ, которымъ она пропѣла эту рыцарскую пѣсню, было столько же скромной твердости, сколько въ ея тихомъ шестивіи на ходуляхъ; но эта рыцарская пѣсня не нашла сочувствія ни въ комъ, кромѣ одной слабонервной дворняжки, начавшей подвигать пѣвца самымъ раздражающимъ голосомъ и успокоившейся только послѣ пинка, отпущеннаго ей сострадательнымъ прохожимъ.

Несравненно болѣе общаго вниманія у зрителей дѣвочка встрѣтила тогда, когда она проплясала передъ ними на ходуляхъ какой-то импровизированный *matelot*. Я видѣлъ, какъ при самомъ началѣ этого танца всѣ самыя тупыя лица ослаблились и праздныя руки бессмысленно зашевелились, а когда дѣвочка разошлась и запрыгала, каждую секунду рискуя поскользнуться и, въ самомъ счастливомъ случаѣ, только переломить себѣ ногу, публика даже начинала приходить въ восторгъ. Изъ всѣхъ людей, стоявшихъ на дворѣ, и изъ всѣхъ глазѣвшихъ на эту пляску въ окна, лишь одно мрачное лицо еврея упорно хранило свое угрюмое выраженіе, да еще было спокойно лицо самой танцовки. Черные глаза жида то обходили дозоромъ окна всѣхъ окружающихъ дворъ пяти этажей, то съ ненавистью и презрѣніемъ устремлялись на публику партера, вовсе и непомышлявшую достать изъ кармана мѣдный грошъ на хлѣбъ голодному искусству.

— Еслибы она плясала въ длинномъ платьи, она бы по крайней-мѣрѣ вымела бы мнѣ дворъ, проговорилъ присутствовавшій въ партерѣ дворникъ.

Дворникъ сдѣлалъ именно такое заключеніе, какое онъ долженъ сдѣлать: «собакѣ снится хлѣбъ, а рыба рыбаку». Естественнѣй этого ничего быть не можетъ.

По мановенію дворника, прежде всѣхъ и проворнѣе всѣхъ поспѣшила исчезнуть подъ аркою воротъ заходяя публика, наслаждавшаяся раг грасе всѣми вокальными и хореграфическими талантами дѣвочки на ходуляхъ; за публикой, сердито ворочая большими черными глазами въ просторныхъ орбитахъ, потянуль, изнемогая подъ своей шарманкой, чахоточный жидъ, которому дѣвочка только что успѣла передать выкинутый ей за окно пятакъ, и затѣмъ уже сзади всѣхъ и спокойнѣе всѣхъ пошла сама дѣвочка на ходуляхъ. Она удалалась въ томъ же спокойномъ и гордомъ молчаніи, съ которымъ входила назадъ тому нѣсколько минутъ на этотъ дворъ, но изъ глазъ моихъ до сихъ поръ не скрывается ея блѣдный, спокойный лобъ, ея взоръ гордый и профиль Рашели, этой царственной жидовки, знавшей съ нею умершій секретъ трогать до глубины онѣмѣвшія для высокаго чувства сердца буржуазной Европы. Память моя въ своихъ глубочайшихъ нѣдрахъ сохранила дѣтскій обликъ ходульной плясуньи и сердце мое и нынче рукоплещетъ ей, какъ рукоплескало въ тотъ ненастный день, когда она, серьезная и спокойная, не дая ни малѣйшаго вниманія ни глупымъ восторгамъ, ни дерзкимъ насмѣшкамъ, плясала на своихъ высокихъ ходуляхъ и ушла на нихъ съ гордымъ сознаниемъ, что не даровано помазанья свыше тѣмъ, кто не почувствовалъ драмы въ ея даровомъ представленіи.

Я никогда ни одного слова не рассказывалъ о томъ, какъ приходила эта дѣвочка и какъ она плясала на своихъ высокихъ ходуляхъ, ибо во мнѣ всегда было столько такта, чтобы понимать, что во всей этой исторіи ровно нѣтъ никакой исторіи. Но у меня есть другая исторія, которую я вознамѣрился рассказать вамъ, и эта-то исторія такова, что когда я о ней думаю, или лучше сказать, когда я начиналъ думать объ одномъ лицѣ, замѣшанномъ въ эту исторію и играющемъ въ ней столь важную роль, что безъ него не было бы и самой исторіи, я каждый разъ совершенно невольно вспоминаю мою дѣвочку на ходуляхъ. И такъ-какъ онѣ не разлучались въ головѣ моей и глядѣли на меня обѣ, когда я думалъ только объ одной изъ нихъ, то я не хочу разлучать ихъ передъ твоими глазами, читатель. Тебѣ было-бы жалко, какъ онѣ заплакали-бы, какъ заплакали-бы разлучаясь эти милыя дѣти.

Я лучше желаю, чтобы въ твоёмъ воображеніи въ эту минуту пронеслось блѣдное, спокойное личико полурепенка въ парчевыхъ дохмотьяхъ и приготовило тебя къ встрѣчѣ съ другимъ существомъ, которое въ нашъ вѣкъ, шагающій такой практической походкой, вошло въ жизнь не труба передъ собою, но на очень странныхъ ходуляхъ, и на нихъ же и ушло съ гордымъ спокойствіемъ въ темную, невзвѣстную даль.

Маничка Норкъ! гдѣ бы ни была ты теперь, восхитительное дитя Васильевскаго Острова, по какой бы далекой землѣ ни ступали нынче твои маленькія, слабыя ножки; какое бы солнце ни грѣло твое хрустальное тѣло—всюду я шлю тебѣ мой душевный привѣтъ и мой поклонъ до земли. Всюду я шлю тебѣ, незлобный земной ангелъ, мою просьбу покорную, да простишь ты мнѣ, что я рѣшаюсь рассказать людямъ твою сердечную повѣсть. Протяни мнѣ твои маленькія, прозрачныя ручки; дохни на эти строки твоимъ чистымъ дыханіемъ и поклонись изъ нихъ своей граціозной головкой всему широкому міру божему, куда случай занесетъ неисканный рассказъ мой про твою заснувшую весну, про твою любовь до слезъ, про твои горячіе, пламенные восторги! И чувствуетъ сердце мое, что дошла до тебя моя просьба; я слышу откуда-то, изъ какого-то суроваго далека твой благословляющій голосъ, вижу твою милую головку, поэтическую головку Тиганіи, мелькающую въ тѣни темныхъ деревьевъ стараго, сказочнаго лѣса Оберона, и начинаю свой рассказъ о тебѣ, приснопамятный другъ мой.

I.

Я обязанъ представить вамъ героиню моей повѣсти и нѣкоторыхъ лицъ ея семейства. Маничка Норкъ была петербургская, василеостровская нѣмка. Ея мать, Софья Карловна Норкъ, тоже была нѣмка русская, а не привозная; да и не только Софья Карловна, а даже и ея-то матушка, Мальвина Федоровна, которую лѣтъ пятнадцать уже перекатываютъ по комнатамъ на особо устроенномъ креслѣ на высокихъ колесахъ, такъ и она и родилась и прожила весь свой вѣкъ на Островѣ. Отца своего Маничка Норкъ не помнила, потому что осталась послѣ него груднымъ ребѣнкомъ: онъ умеръ, когда еще старшей манной сестрѣ, Бертѣ Ивановнѣ, шелъ всего только шестой годъ отроду. Софья Карловна Норкъ овдовѣла въ самыхъ молодыхъ годахъ и осталась послѣ мужа съ тремя дочерьми: Бертой, Идой и Марьей или Маней, о которой будетъ идти начинающійся рассказъ. Мужъ Софьи Карловны, Юганъ-Христіанъ Норкъ былъ по ремеслу то-

варь, а по происхожденію петербургскій нѣмецъ. Онъ былъ чело-
вѣкъ пунктуально вѣрный, неутомимо трудолюбивый и безукор-
изненно честный. Работая всѣми этими качествами, Іоганъ-
Христіанъ Норкъ за сорокъ лѣтъ неусыпнаго труда успѣлъ ско-
пить себѣ кое-какую копейку и, отходя къ предкамъ, оста-
вилъ своей вѣрной подругѣ, Софіи Норкъ, кромѣ трехъ до-
черей и старой бабушки, еще три тысячи рублей серебромъ го-
сударственными кредитными билетами и новенькое токарное за-
веденіе. Софія Норкъ, схоронивъ мужа, не опустила ни го-
ловы, ни рукъ. Оплакавъ свою потерю, она стала думать, какъ
ей прожить съ дѣтями своей головою. Софья Карловна была въ
состояніи это обдумать, потому что у нея отъ природы былъ яс-
ный практическій смыслъ, и она знала свое маленькое дѣло еще
при мужѣ. Еще и ему она была серьезною помощницею. Не говоря
о томъ, что она была хорошей женою, хозяйкою и матерью, она
умѣла и продавать въ магазинѣ разныя издѣлія токарнаго прои-
водства; понимала толкъ въ работѣ на столько, что могла при-
нимать всякіе, относящіеся до токарнаго дѣла заказы и—мало
этого—на окнѣ ихъ магазина на большомъ, бѣломъ листѣ шлян-
наго картона было крупными, четкими буквами написано, на рус-
скомъ и нѣмецкомъ языкахъ: *здесь починають, чистять, а так-
же и вновь обтягиваютъ матеріей всякіе, дождевые и лѣтніе
зонтики.* Это было уже собственное производство Софьи Карлов-
ны, которымъ она занималась не по нуждѣ какой крайней, а
единственно по страстной любви своей къ труду и изъ желанія
собственноручно положить хоть какую нибудь, хоть маленькую,
хоть крохотную лепту въ свою семейную корвану. Результаты,
однако, скоро показали, что лепта, добываемая Софьею Карлов-
ною черезъ обтягиваніе матеріей всякихъ дождевыхъ и лѣтнихъ
зонтиковъ, совсѣмъ и не была даже такою ничтожною лептою,
чтобы ея не было замѣтно въ домашней корванѣ; а главное-
то дѣло, что лепта эта, какъ грошъ евангельской вдовицы, кла-
лась весело и усердно, и не только радовала Іогана-Христіана
Норка при его счастливой жизни, но даже помогла ему и уме-
реть спокойно, съ упованьемъ на Бога и съ надеждой на Софью
Карловну.

— Софья! говорилъ онъ, мучительно борясь со смертью:—дѣ-
ти... я на тебя... на тебя надѣюсь...

— О, мой Іоганусъ! отвѣчала рыдая Софья Карловна.

— Маньхень, продолжалъ хрипя умирающій:—береги ее... мою
горсточку... мою маленькую...

— О, всѣхъ! всѣхъ, мой Іоганусъ! отвѣчала опять Софья
Карловна, и восплеостровскій нѣмецъ Іоганъ-Христіанъ Норкъ

такъ спокойно глядѣлъ въ раскрывавшіяся передъ нимъ темныя врата сѣни смертной, что еслибы вы видѣли его тихо меркнувшіе очи и его посинѣвшую руку, крѣпко сжимавшую руку Софьи Карловны, то очень можетъ быть, что вы и сами пожелали бы предъ вашимъ походомъ въ вѣчность услышать не вопль, не вой, не стоны, не многословныя увѣренія за тѣхъ, кого вы любили, а только одно это слово; одно ваше имя, произнесенное такъ, какъ произнесла имя своего мужа Софья Карловна Норкъ, въ отвѣтъ на его просьбу о дѣтяхъ.

Но дороже всего не то, что Софья Карловна умѣла хорошо сказать это слово; это, конечно, важно было только для умиравшаго, а для оставшихся жить всего важнѣе было, что всю музыку этого слова она выдержала.

Токарное производство мужа послѣ его смерти у Софьи Карловны не прекратилось и шло точно такъ же, какъ и при покойникѣ, а на другомъ окнѣ магазина, въ pendant къ вывѣскѣ о зонтикахъ, выступила другая, объявлявшая, что *здесь чистятъ и передѣлываютъ соломенные шляпы, а также берутъ въ починку резиновые калоши и клеятъ разбитое стекло*. Прошелъ годъ, два, пять лѣтъ, вывѣски эти неизмѣнно оставались на своихъ мѣстахъ; Софья Карловна неизмѣнно содержала то же самое заведеніе и исправно платила деньги за ту же самую квартиру на Большомъ проспектѣ. Въ это время дѣти подросли, бабушка совсѣмъ выжила изъ вѣка, хотя, впрочемъ, все-таки попрежнему ѣздила на своемъ колесномъ креслѣ, а Софья Карловна все трудилась, трудилась безъ отдыха, безъ сторонней помощи и вся жила въ своихъ дѣтяхъ. Берта и Ида ходили въ нѣмецкую школу и утѣшали мать прекрасными успѣхами; любимца покойника, Маньхенъ, его крохотная «горсточка», какъ называлъ онъ этого ребѣнка, бѣгала и шумѣла, то съ сафьяннымъ мячикомъ, то съ деревяннымъ обручемъ, который гоняла по всѣмъ комнатамъ и магазину.

— О, мой Юганусъ! думала Софья Карловна, вздыхая и уныло глядя на рѣзвившагося ребѣнка.

— О, мой милый Юганусъ! говорила она вслухъ, лоя убѣгавшую Маньхенъ и прижимая дѣвочку къ своему увядшему плечу, откуда трудовой потъ давно вытравилъ поцалуи истлѣвшаго Югануса, но съ которыми, можетъ быть, не хотѣла разставаться упрямая память.

Такъ опять шли годы. Состояніе Норкъ, благодаря неуспѣшнымъ трудамъ матери, не разстроивалось; фрейлейнъ Берта «отъучилась» въ школѣ и прямо съ скамьи сдѣлалась невѣстой нѣкоего Фридриха Шульца, очень хорошаго молодого человѣка,

служившаго въ одной коммерческой конторѣ и получавшаго большое содержаніе. Приданымъ за Бертой Ивановной пошли: вопервыхъ, ея писаная красота и молодость, а вовторыхъ, доброе имя ея матери, судя по которой практичный Фридрихъ Шульцъ ждалъ найти доброе яблочко съ добраго дерева. Берта его не обманула. Вторая дѣвица Норгъ, Ида Ивановна, только что доучилась; а одиннадцатилѣтнюю Маничку только отвели въ школу.

II.

Въ народныхъ сказкахъ нашихъ часто сказывается, что изъ трехъ дѣтей, рожденныхъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей, третій, самый младшій, задается либо всѣхъ умнѣе, либо всѣхъ сильнѣе, либо всѣхъ счастливѣе и удачливѣй. Ходя по русской землѣ, зашла эта сказка и въ семью покойнаго русскаго нѣмца Югана Норка. Маня была дѣтя совершенно, что говорить, «особенное», какое-то совсѣмъ необыкновенное. Умна и пытлива она была необычайно; добротѣ и чистосердечію ея не было мѣры и предѣловъ: никто въ цѣломъ домѣ не могъ припомнить ни одного случая, чтобы Маничка когда нибудь на кого нибудь разсердилась, или кого нибудь чѣмъ нибудь обидѣла. Всѣ знавшіе этого ребенка, удивлялись на него и со страхомъ говорили: охъ, она не будетъ жить на свѣтѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, настаивала старая русская кухарка Норковъ: — что наша барышня Марья Ивановна не жалецъ на этомъ свѣтѣ, такъ я за это голову свою дамъ на отсѣченье, что она не жалецъ.

Кухаркѣ головы не отрубили, и Маша росла на общую семейную радость и утѣшеніе.

Для матери и распылавшейся пепломъ бабушки этотъ ребѣнокъ былъ идоломъ; сестры въ ней не слыжали души; слуги любили ее до безумія; а старшій подмастерье Норка, суровый Германъ Верманъ, даже часто отказывалъ себѣ въ пятой галбѣ пива единственно для того только, чтобы принести завтра фрейлейнъ Марьѣ хоть апельсинъ, хоть два пирожныхъ, хоть наконецъ пару яблочъ. Однимъ словомъ, Маня была домашній идолъ въ полномъ значеніи этого слова. Одно только въ ней съизрана начало тревожить ея мать и бабушку—это какой-то странный, необъяснимый для нихъ переломъ въ ея характерѣ, подготовленный, конечно, ея слишкомъ раннимъ развитіемъ и совершившійся на девятомъ году ея дѣтской жизни. Переломъ этотъ выразился тѣмъ, что неудержимая рѣзвость и безпечная веселость Мани вдругъ

оставили ее, словно отлетѣли: легла спать вечеромъ одна дѣвочка, встала другая. Думали, что она больна, попробовали полечить—ничто не помогло; добивались у нея, не видала ли она чего нибудь необыкновеннаго во снѣ—это стало сильно досаж-
 дать дѣвочкѣ, она разстроилась и заплакала. Ее оставили въ покоѣ, думая, что это она такъ загрустила и что это непременно пройдетъ. Опять ошиблись: ни игры, ни шалости больше не манили къ себѣ Маню—возвратить ее къ нимъ не было никакой возможности. Маня, которую, щадя ея слабое здоровье, долго не сажали за книжку, вдругъ выучилась читать понѣмецки необыкновенно быстро: порусски она стала читать самоучкой безъ всякаго указанія. Съ этихъ поръ ее нельза было разлучить съ книгою. Ручнымъ работамъ она училась усердно и понятно, но обыкновенно спѣшно, торопливо кончала свой урокъ у старой бабушки, или у старшей сестры и сейчасъ же бѣжала къ книгѣ, забивалась съ нею въ уголъ и зачитывалась до того, что не могла давать никакого отвѣта на самые простыя, обыденные вопросы домашнихъ. Ни веселаго хохота, ни дѣтскихъ игръ не знала съ этихъ поръ Маня; всѣ тѣ, небольшія конечно, удовольствія, которыя доставляла ей мать, она принимала съ благодарностію, но онѣ ее вовсе не занимали. Чтеніе развивало въ ней страшную впечатлительность, которая обратила на себя серьезное вниманіе родныхъ только послѣ слѣдующаго случая. Взяла ее замужняя сестра одинъ разъ въ театръ на *Уюлино*, и сама была не рада съ нею, ни спектаклю, ни жизни. Маня разрыдалась въ ложѣ и послѣ того шесть недѣль вылежала въ нервной лихорадкѣ. Каждую почти ночь во время болѣзни она срывалась съ кровати, плакала и кричала: «Съѣшьте меня! Меня, меня съѣшьте скорѣй!» — Впечатлительности дѣвочки стали бояться серьезно. Ее старались удалять отъ всего, чтò могло, по соображенію родныхъ, сильно вліять на ея душу: отнимали у нея книги, она безропотно отдавала ихъ и садясь молчала по цѣлымъ днямъ, лишь машинально исполняя чтò ей скажутъ, но попрежнему часто невпопадъ отвѣчая на то, о чемъ ее спросятъ. Родные теряли голову съ этой воспримчивостію Маши. Какъ тщательно они ни берегли ее, но невозможно же все-таки было удалить ее ото всего, чтò различными путями добивалось въ ея душу, съ чѣмъ говорило ея чуткое сердечко. Оно говорило съ визгливою пѣснью русской вухарки; съ косящимся на солнце ошипаннымъ орломъ, котораго напоказъ зѣвакамъ таскалъ лѣтомъ по острову ошипанный и полуголодный мальчикъ; говорило оно и съ умными глазами остриженнаго пуделя, танцующаго въ красномъ фракѣ, подъ звуки разбитой шарманки—со всѣми и со всѣмъ умѣло говорить это

маленькое, чуткое сердечко, и унять его говорливость, научить его молчанію не смогъ даже самъ пасторъ Абель, который, по просьбѣ Софьи Карловны Норкъ, со всѣхъ рѣшительно сторонъ, глубоко-мысленно обсудилъ душевную болѣзнь Мани и снабдилъ ее книгами особеннаго выбора.

III.

Мое знакомство съ семействомъ Норкъ началось въ гораздо позднѣйшую эпоху, чѣмъ манино дѣтство, и началось это знакомство довольно оригинальнымъ образомъ, и притомъ непосредственно черезъ Маню.

Дѣло это—таки, впрочемъ, ужъ было давненько. Жилъ я тогда на Васильевскомъ Островѣ, неподалеку отъ извѣстной нѣмецкой школы. Одинъ разъ лѣтомъ возвращался я откуда-то изъ-за Невы; погода была ясная и жаркая; но вдругъ съ Ладоги дохнулъ вѣтеръ; въ воздухѣ затряслось, зашумѣло; небо нахмурилось, волны на Невѣ сразу метнулись, какъ бѣшенныя; набѣжалъ настоящій шеваль, и яликъ, на которомъ я переправлялся къ Румянцевской площади, зашвыряло такъ, что я едва держался, а у гребца то одно, то другое весло, не повадая въ воду и сухо вертась въ уклѣйникахъ, звонко ударялось по бортамъ. Кое-какъ я перебрался на свой Островъ, и чуть только ступилъ на берегъ, какъ хлынулъ азартнѣйшій холодный ливень; вѣтеръ неистово засыпалъ и понесся вдоль ливній; крупныя капли били какъ градины: дупъ былъ необыкновенный. Я бросился бѣжать, какъ поспѣвали ноги, словно ребенокъ, преслѣдуемый страшными привидѣніями, и влетѣвъ на свой подъѣздъ, совсѣмъ было-сбилъ съ ногъ спрятавшихся здѣсь отъ дожда двухъ молоденькихъ дѣвочекъ. Обѣ онѣ были мокрехоньки и робко жались у стѣнки. На обѣихъ на нихъ были коричневыя, люстриновыя платьяца и черныя переднички съ лифами и гофрированными черными же обшивками. Поверхъ платьяца на одной изъ дѣвочекъ, черномазенькой и востролиценькой брюнеточкѣ, была надѣта пестрая шерстяная тальмочка, а на другой, которую я не успѣлъ разглядѣть сначала, длинная черная тальма изъ легкаго дамскаго полу-сукна. На головѣ первой дѣвочки была швейцарская соломенная шляпа съ хорошенькими цвѣтами и широкой коричневой лентой, а на второй почти такая же шляпа изъ сѣраго кастора, съ одною черною бархаткой по тульѣ и безъ всякой другой отделки. У обѣихъ на рукахъ висѣли зеленые шерстяныя мѣшечки, въ которыхъ, сквозь взмокшую матерію, ясно обрисовывались ко-решки книгъ и пинали.

— Бѣдня двѣ дѣвочки, какъ тутъ пріютились у насъ на подъѣздѣ! сказалъ я, представляясь въ видѣ Язона мутнымъ очамъ добродѣтельнѣйшей въ мірѣ чухонки Эрнестины Крестьяновны, исправлявшей въ моей одинокой квартирѣ должность кухарки и камердинера и называвшей, въ силу многосложности лежавшихъ на ней обязанностей, свое единственное лицо собирательнымъ именемъ: *прислуги*.

— О, мойнъ Готъ! да съ истъ шревлихъ! заговорила моя «прислуга».

— Да, говорю, позвать бы ихъ къ намъ, Эрнестина Крестьяновна, чтобъ не простудились онѣ тамъ стоячи мокрыя на сэвзномъ вѣтру.

— О ja, ja! Goth bewahr, залепетала «прислуга» и побѣжала на лѣстницу.

— Ну, сто? начала она, появляясь черезъ минуту назадъ съ растопыренными руками и съ неописаннымъ смущеніемъ на лицѣ:— одинъ какъ совсѣмъ коцить, а другой совсѣмъ не коцить; ну, и сто я здѣляйтъ?

Я вышелъ на подъѣздъ самъ. Дѣвочки попрежнему жались у стѣнки; черненькая нѣсколько выдавалась впередъ, а другая совсѣмъ западала за ея плечико.

— Войдите, сдѣлайте милость, къ намъ, пока перейдетъ дождикъ, сказалъ я, обращаясь къ обѣимъ дѣтямъ безразлично.

Черненькая взглянула на меня быстро, но ничего не отвѣтила, а по глазамъ ея видно было, что ей тутъ очень неловко, и что она рѣшительно не прочь бы зайти и пообогрѣться въ комнатѣ.

— Пожалуйста, зайдите! повторилъ я, и въ эту минуту замѣтилъ изъ-подъ локтя передней дѣвочки крошечную ручонку, которая безпрестанно теребила и трясла этотъ локотокъ сосѣди изъ всей своей силы.

— Мы вамъ ничего худаго не сдѣлаемъ; намъ только жаль, что вы здѣсь стоите, обратился я къ черненькой и снова замѣтилъ, что ручонка ея сосѣди подъ ея локоткомъ задергала съ удвоеннымъ усердіемъ.

— Она не хочеть, а я безъ нея не могу, отвѣчала краснѣя и застѣнчиво улыбаясь черненькая дѣвочка, и чуть только она произнесла эти слова, какъ безпокойная ручка, назойливо теребившая ея локотокъ, отпала и юркнула подъ мокрую черную тальму.

— Какъ вамъ не стыдно бояться!

— Я ничего не боюсь, чуть слышно прошептала задняя дѣвочка, и въ ту же секунду тронулась съ мѣста; черненькая тоже пошла съ нею и обѣ рядышкомъ онѣ вступили въ мои аппарата-

менты, которые, впрочемъ, выглядывали очень уютно и даже комфортно, особенно со входа съ непогожаго надворья. Впрочемъ, теперешній видъ моего жилья очень много выигрывалъ оттого, что предупредительная Эрнестина Крестьяновна въ одну минуту развела въ каминѣ самый яркій, трескучій огонекъ:

Завидя въ передней гостей, «прислуга» моя выбѣжала уточкой и начала около нихъ кататься, стаскивая съ нихъ мокрыя тальмы и шляпы, встряхивая ихъ юбочки и обтирая ихъ козловые сапожки.

Черезъ минуту гости, держась рука за руку, робко вступили въ мою залпу и, пройдя три шага отъ двери, тотчасъ сѣдвали мнѣ самый милый книксенъ.

— Пожалуйте сюда въ камину, попросилъ я ихъ въ кабинетъ.

Дѣвочки двинулись впередъ, снова держась рука за руку, и оглянувшись по новой комнатѣ, обѣ стали у огня.

— Садитесь, попросилъ я ихъ, пододвигая имъ два кресла. Дѣвочки вмѣстѣ повлонились, очень оригинально усѣлись вдвоемъ на одномъ креслѣ, расправили юбочки и сушили ножки.

— А я сплась будить горяцій кофе давай, радостно объявила Эрнестина Крестьяновна и ушла въ кухню.

Я сталъ себѣ свертывать папироску и молча разсматривалъ моихъ гостей. Обѣ онѣ были не дѣвочки и не дѣвушки, а среднее между тѣмъ и другимъ, какъ говорятъ—*подросточки*. Черненькой, на видъ, было лѣтъ пятнадцать и правильныя, тонкія черты ея лица обѣщали изъ нея современемъ что-то очень красивое; но это должно было случиться, когда линіи лица протянутся до назначенныхъ имъ точекъ и живыя краски юности расплывутся по дѣтскую смуглость нѣжной, тонкой кожи. Другая, которая, стоя въ коридорѣ, все западала за свою подругу, была совсемъ въ иномъ родѣ: по росту и сложенію ей можно было дать лѣтъ тринадцать, а по лбу и бровямъ гораздо болѣе, чѣмъ ей подругѣ. Эта дѣвочка была некрасивая и никогда необѣщавшая быть красавицей, но вся она была какое-то счастливѣйшее сочетаніе ума, граціи и прелести. Фигурка ея была необыкновенно стройная, такая «миньонная», волосы тонкіе, легкіе, свѣтлопепельнаго цвѣта; носикъ строгій, губки довольно полныя; правильно заканчивающійся подбородокъ и удивительной тонкости и бѣлизны шейка, напоминающая красивую и гибкую шейку цыцарки. Но всего замѣчательнѣй въ этомъ лицѣ были глаза, эти овна души, какъ ихъ называли поэты—овна, въ которыхъ внутренней человѣкъ смотритъ на свѣтъ изъ своего футляра. Большіе бирюзовые глаза эти были непремѣнно очень близоруки. Это заклю-

ченіе возникало у меня вслѣдствіе того, что дѣвочка при каждомъ, относящемся къ ней вопросѣ, поворачивалась къ говорящему всѣмъ тѣломъ, выдвигала нѣсколько впередъ голову, и мило щурила свои глазки, чтобы лучше разглядѣть того, кто говорилъ съ нею. Ничего въ мірѣ нѣтъ мудренѣе и неразгаданнѣе такихъ близорукихъ глазъ. Можно подумать, что они долго глядятъ не видя ничего, кромѣ свѣта, и вдругъ сосредоточатся на чемъ нибудь одномъ, взглянуть глубоко, и тотчасъ же спрячутся за свои таинственныя рѣсницы, точно робкія серны, убѣгающія за нагорныя сосны.

Замѣчаютъ, что большинство близорукихъ людей бываютъ очень мечтательны и что у нихъ весьма часто бываетъ сильно развита фантазія. Можетъ быть, въ этомъ замѣчаніи есть своя доля правды.

Въ то время, когда я, разсматривая моихъ гостей, предавался всѣмъ этимъ соображеніямъ, «прислуга» вошла и поставила на столъ подносъ съ тремя чашками горячаго кофе.

— Фрейлейнъ, битте зеръ тринкенъ зи шнеллеръ кафе, пригласила Эрнестина Крестьяновна.

Черненькая дѣвочка толкнула слегка логоткомъ пепельную блондинку, и обѣ ни съ мѣста.

Я всталъ и подаль имъ кофе.

— Ахъ, поставьте, мы возьмемъ сами, отвѣчала конфузаясь брUNETKA.

Она встала, отряхнула начинавшія высыхать юбочки, и подойдя къ столу, кликнула: *Маньхенъ!*

— Мм! отозвалась Маньхенъ и, полуоборотясь, прищурила глазки.

— Бери же! произнесла, продолжая безпрестанно мѣняться въ лицѣ, чернушка.

Маня еще прищурилась, пока разсмотрѣла стоящій на столѣ кофе, и торопливо отвѣчала понѣмецки: *Ich danke sehr, Klara; ich will nicht.*

— Отчего же вы не хотите согрѣться? спросилъ я какъ сумѣлъ ласковѣе.

— Благодарю васъ, отвѣчала чистымъ русскимъ языкомъ Маня.

— Вы церемонитесь?

— Нѣтъ... я... не озябла.

— Чашка кофе все-таки вамъ не повредитъ.

Маня опять прищурила глазки, встала и, слегка покачиваясь на своихъ ножкахъ, подошла къ столу.

Теперь я разсмотрѣлъ, что платья обѣихъ дѣвушекъ были не

совсѣмъ коротенькія, но на подъемѣ такъ, что всѣ ихъ полу-сапожки и даже съ полвершка бѣленькихъ чулочекъ были открыты. Дождь на дворѣ не превращался; вѣтеръ сердито рвалъ въ каминной трубѣ и ударялъ въ окна цѣлыми потоками крупнаго ливня; а вдалекѣ гдѣ-то грянулъ громъ и раскатился по небу.

— Громъ! проговорила Маня.

— Да, а вы боитесь грома?

— Я?—да, я боюсь грома; а моя мама... Ида... Онѣ знаютъ, что я боюсь.

— Хотите, мы пошлемъ сказать, чтобы о васъ не беспокоились? Далеко вы живете?

— Вотъ тутъ всего черезъ двѣ линіи; тутъ магазинъ нашъ, магазинъ Норкъ.

Я отвѣчала, что знаю, гдѣ ихъ магазинъ.

— Но посылать, пожалуйста, не надо.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, какъ можно! заговорила она, увидя, что я хотѣла повернуться къ кухнѣ.

— Нѣтъ, прошу васъ, пожалуйста, не посылайте бѣдную старушку.

Я вызвался сходить самъ.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, не надо!

— Но ваши будутъ беспокоиться.

— Нѣтъ, пожалуйста... Они догадаются, что мы съ Кларинькой куда нибудь зашли. Теперь я вспомнила, что они подумаютъ, что мы ждемъ въ школѣ.

Сколько я ни старался уговаривать Маньхень, она ни за что не соглашалась ни пустить меня по дождю, ни послать «бѣдную старушку».

А погода дѣйствительно разыгралась во всю свою финскую мочь: все небо заволокло черною, свинцовою тучею; удары грома валились быстрѣе и непосредственнѣе вслѣдъ за скользкими зигзагами молніи.

— Маня, сколько здѣсь книгъ! сказала изъ угла, стоя у моего книжнаго шкафа, Кларинька.

Маня сощурила глаза, и держа въ зубахъ отломленный кусочекъ сухарика, наклонила голову впередъ по голосу Клары.

— Гдѣ? спросила она очень внимательно и необыкновенно тихо.

— Вотъ цѣлый шкафъ.

Маня такъ и пошла къ шкафу съ чашкою въ рукахъ и кусочкомъ сухарика между зубами.

— Вы любите книги? спросилъ я, подходя вслѣдъ за нею къ шкафу.

— Да, я люблю, уронила она едва слышно.

— Сколько ихъ тутъ! удивлялась Клара.

Мана воззрилась въ корешки книгъ, какъ газель въ лѣсную чащу; сухарикъ такъ попрежнему оставался неразгрызенный въ ея губкахъ.

— Вы много читаете? спросилъ я Клару.

— Я? Нѣтъ; я такъ читаю... когда захочется; а она всегда читаетъ. Маньхентъ! добавила она: — посмотри, цѣлый Пушкинъ.

Мана передвинулась молча, и опять стала глядѣть въ переплеты; я не сводилъ глазъ съ ея живыхъ, то щурившихся, то широко раскрывавшихся глазъ и блѣднаго, прозрачнаго личика.

Она читала названья книгъ съ такою жадностію, какъ будто ешала какойнибудь сладкій запрещенный плодъ, и читала не одними глазами, а всѣмъ своимъ существомъ. Это видно было по ея окаменѣвшимъ ручкамъ, по ея вытянутой шейкѣ, по ея губкамъ, которыя хотя не двигались сами, но около которыхъ, подъ тонкой кожей, что-то шевелилось какъ гусеница.

Такъ прошло семь или восемь минутъ. Мана все стояла у шкафа, и червячокъ все ворочался около ея губокъ, какъ вдругъ раздался страшный ударъ грома и съ трескомъ раскатился по небу. Мана слабо вскрикнула, быстро бросила на полъ чашку, и забывъ всякую застѣнчивость, сильно схватила за мою руку.

Разлетѣвшаяся въ дребезги чашка и зазвенѣвшая по полу ложечка испугали ее еще болѣе.

— Идти! идти! прошептала она, схватившись въ испугъ за мою руку, и совсѣмъ подбываясь подъ мой локоть.

Я не могъ понять, что значить ея *идти*, и старался какъ умѣлъ и какъ могъ ее успокоить; но она все тревожилась, вздрагивала зорко, смотрѣла впередъ, и каждый разъ вѣрнѣе жалась ко мнѣ при всякомъ новомъ ударѣ.

— Какъ жаль, что вы такъ боитесь грома! началъ я, когда гроза утихла и небо стало понемножку свѣтлѣть и разясняться.

Мана молча взглянула на меня, потомъ на разбитую чашку и пролитый кофе, и опять прошептала: *идти*.

— Теперь невозможно идти.

Дѣвушка задумалась.

— Васъ вѣрно напугалъ кто-нибудь?

— Н...нѣтъ... это такъ... вліяніе...

Все существо Мани опять разомъ выразило, что ей очень тяжело отъ этого *вліянія*, и тоненькій червячокъ снова забѣгалъ подъ кожей около ея губокъ.

— Идти, заговорила она, крѣпко сжимая мокъ руку: — нужно скорѣе идти... идти...

Она задрожала, и жалась ко мнѣ съ выраженіемъ ужаса и какъ будто съ мольбой, чтобъ я удерживалъ ее, чтобъ не пускалъ ее куда-то *идти*.

Гроза стихла.

Я ничего не сталъ спрашивать Маню объ этомъ, какъ она называла, «вліяніи», и какъ только немножко распогодилось, одѣлся и пошелъ проводить ихъ. Магазины Норкѣ былъ отъ моей квартиры въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы. Мы всѣ втроемъ перешли это разстояніе очень скоро, и едва успѣли взяться за дверную ручку, какъ въ магазинѣ раздался сумасшедшій крикъ, и въ одно мгновеніе, Маня совсѣмъ исчезла въ какой-то необъятной кучѣ свѣтлаго ситца. Ситець этотъ закутывалъ Маню, шевелился около нея, пожиралъ ее, и издавалъ слабое, почти мышинное пищаніе; а вдаль, гдѣ-то комнаты за-двѣ, послышалось порывистое дерганье, какъ-будто кто-то тянулъ слабою рукою колодезный цѣборъ. Звуки эти все слышались ближе и ближе, и наконецъ, въ противоположной двери показалось высокое желѣзное кресло съ большими колесами, круглые ободы которыхъ были тщательно обмотаны зеленой суконной покрывкой. На этомъ креслѣ, положа руки на ободья колесъ, сидѣла сама старость съ младенчески шаткой головой и ушедшими въ затылокъ глазами. Темный полосатенькій капоть и бѣлый чепецъ, которымъ была покрыта подѣхавшая фигура, слегка тряслись и дрожали. Даже пестрый шотландскій плащъ, закрывавшій недвижimmy ноги старушки, слегка шевелился.

При появленіи этого кресла, ситець, поглотившій Маню, заворошился еще сильнѣе; изъ него поднялись двѣ красноватыя руки, взмахнули на воздухъ и опять утонули въ складкахъ, а насупротивъ ихъ показалась пара другихъ, болѣе свѣжихъ рукъ, и эти тоже взмахнули и такъ же исчезли въ ситцевой пѣнѣ. Затѣмъ показалась головка Мани, а возлѣ нея, у самыхъ щокъ отцвѣтшая женская голова съ полусвѣдыми локонами и гладко причесаная бѣлокурая головка дѣвушки, волоса которой громко объявляли о своемъ ближайшемъ родствѣ съ волосами Мани. Это были ея мать и сестра Ида, а въ дверяхъ на креслѣ — мантина бабушка.

Мы съ дѣвочкой Кларой двое оставались сторонними зрителями этой сцены, и на насъ никто не обращалъ ровно никакого вниманія. Маню обнимали, цаловали, ощупывали ея платице, волосы, трогали ее за ручки, за шейку, ласково трепали по щекамъ, и вообще какъ-бы старались удостовѣриться, не сонъ ли

все это? не привидѣніе-ли? дѣйствительно ли это она, живая Маня съ своей маленькой и слабою плотью?

Мнѣ очень хотѣлось уйти и не мѣшать этой семейной сценѣ, но въ то же время я чувствовалъ необходимость разсказать въ оправданіе дѣвушекъ, гдѣ онѣ были и по какому случаю попали ко мнѣ.

— Ахъ, какъ мы васъ можемъ благодарить! Я не умѣю сказать вамъ, какъ я вамъ благодарна, отвѣчала мнѣ восторженно Софья Карловна, когда Маня перешла въ объятія бабушки, а я наскоро разсказалъ кое-какъ всю эту исторію.

Софья Карловна непремѣнно просила меня остаться пить чай; она говорила, что сейчасъ будетъ ея зять, который уже цѣлнй часъ рыщетъ съ своимъ знакомымъ художникомъ Истоминымъ по всему острову, отыскивая вездѣ бѣдную Маню. Я отказался отъ чаю и вышелъ.

Софья Карловна, прощаясь, взяла съ меня слово, чтобы я непремѣнно зашелъ въ нимъ и былъ бы ихъ хорошимъ знакомымъ. Я далъ такое слово и сдержалъ его, даже и во второмъ отношеніи.

IV.

На другое утро ко мнѣ зашелъ незнакомый, очень щеголевато и въ то же время очень солидно одѣтый, плотный, коротко остриженный господинъ съ здоровымъ смуглымъ лицомъ, бархатными бакенбардами и очень хорошими черными глазами. Онъ называлъ себя Фридрихомъ Шульцемъ; сказалъ, что онъ зять мадамъ Норкъ, и что пришелъ поблагодарить меня отъ тѣщи и отъ себя за вниманіе, оказанное вчера дѣтямъ. Фридрихъ Шульцъ говорилъ немного, держался съ тактомъ и вообще велъ себя чловѣкомъ выдержаннымъ. Въ заключеніе своего короткаго визита онъ выразилъ надежду, что мы будемъ знакомы, и мы съ намъ простились.

Черезъ день послѣ визита, сдѣланнаго мнѣ Шульцемъ, я отправился къ Норкамъ узнать о здоровьѣ Мани. Это было передъ вечеромъ. Маня сама отперла мнѣ двери и этимъ сдѣлала вопросъ о ея здоровьѣ почти неумѣстнымъ, но тѣмъ не менѣе меня всѣ встрѣтили здѣсь очень радушно, и я очень скоро не только познакомился съ семействомъ Норковъ, но даже сталъ въ немъ почти своимъ, или по крайней-мѣрѣ очень близкимъ чловѣкомъ.

Здѣсь я долженъ сдѣлать нѣкоторое, весьма короткое, впрочемъ, отступленіе, для того, чтобы познакомить читателя со всѣми лицами семейства Норковъ въ ту именно пору, къ кото-

рой относится этот рассказ, и при этомъ показать ихъ чистенькое жилище.

Самымъ старымъ лицомъ здѣсь была углая бабушка Норкъ. Ей было уже восемьдесятъ-три года; она была нѣкогда и умна, и красива, и добродѣтельная; нынче она была просто развалина, но развалина весьма опрятная, необдававшая ни пылью, ни плесенью и нераздражавшая ничьего уха скрипомъ желѣзныхъ ставенъ, которыя во всѣхъ развалинахъ такъ безтолково двигаются изъ стороны въ стороны и несносно скрипятъ на заржавѣвшихъ крючкахъ. У старушки Норкъ оставалось довольно ума и очень много сердца, для того, чтобы любить каждый листочикъ дерева, выросшаго изъ ея праматеринскаго лона, и между всѣми этими вѣточками и листочками, самымъ любимымъ листкомъ старушки была опять-таки та же младшая внучка, Маничка Норкъ. О Софьѣ Карловнѣ мы знаемъ достаточно, чтобы не говорить о ней въ особенности. Она осталась навсегда доброю матерью и хорошею хозяйкою, но съ лѣтами послѣ мужа значительно распоялѣла; горе и заботы провели у нея по лбу двѣ глубокия морщины; а торговыя столкновенія и расчеты пріучили ея лицо къ нѣсколько суровому, такъ-сказать, суходѣльному выраженію, которое замѣчается почти у всѣхъ женщинъ, поставленныхъ въ необходимость лично вести дѣла не женскаго хозяйства. Берта Ивановна Шульдъ была прежде всего и больше всего красавица, здоровая, свѣжая, бѣлая, роскошная, очень добрая, угодливая, вѣрная жена, страстно нѣжная мать и бездѣльная хозяйка. Лучшимъ аттестатомъ семейнымъ добродѣтелямъ Берты Ивановны былъ мужъ ея, Фридрихъ Фридриховичъ Шульдъ. Всегда практически умный, здоровый, и веселый Фридрихъ Шульдъ въ качествѣ мужа Берты Ивановны раздобрѣлъ еще болѣе; его веселый смѣхъ со времени женитьбы сталъ слышаться еще чаще и громче, а на лицѣ его явилось еще болѣе самоувѣренности. Въ этой самоувѣренности, которая лежала на лицѣ Шульда, не было, впрочемъ, ничего заносчиваго и обиднаго. Только при взглядѣ на свою жену, или при разговорѣ о ней, Фридрихъ Шульдъ примѣшивалъ къ своей безобидной самоувѣренности нѣкоторую надменность.

— Ну-ка, говорило тогда его лицо гостямъ, угощавшимся у его хлѣбосольной трапезы: — ну-ка, скажите-ка, мои голубчики, у кого изъ васъ есть такая жена?

— А ни у кого у васъ нѣтъ такой жены, да и ни у кого не можетъ быть такой жены, добавляло оно, слѣдя за плававшей лебедью Вертой Ивановной. — А вотъ посмотрите, какой еще я

Т. CLXIX. — Отд. I. 2

куплю моей Бертинькѣ домъ — такъ тоже у васъ ни у кого и дома такого никогда не будетъ.

Ссоръ и неладовъ у этого супружества никогда не бывало. Ибо если иногда Берта Ивановна, отягощаясь далеко за полночь заходившими у мужа пирушками, и говорила ему понѣмца: «лучше бы они, Фрицъ, мораньше къ тебѣ собирались», то Фридрихъ Фридриховичъ обыкновенно отвѣчалъ на это своей женѣ порусски: «Эй, Берта Ивановна, смотрите, чтобъ мы съ вами, мой другъ, какъ нибудъ не поссорились!» и тѣмъ все дѣло и кончалось.

Ида Ивановна, остававшаяся до сихъ поръ дѣвушкою, была иной человекъ, чѣмъ ея сестра, Берта Шульцъ, и совсѣмъ иной, чѣмъ сестра ея Маня. Ида была очень недурна собой. Ростъ у нея былъ прекрасный и фигура очень стройная, такъ что глядя сзади на ея роскошныя плечи, гибкую талію и граціозную шейбу, на которой была граціозно поставлена пропорціональная головка, обремененная густѣйшими, русыми волосами, можно было держать пари, что передъ вами женщина, не разъ заставлявшая усиленно биться не одно мужское сердце; но стоило Идѣ Ивановнѣ повернуться къ вамъ своимъ милымъ и даже, пожалуй, красивымъ лицомъ, и вы сейчасъ же спѣшили взять назадъ составившееся у васъ на этотъ счетъ предположеніе. У Иды Ивановны былъ высокій, строгій профиль, почти безъ кровинки во всемъ лицѣ; открытый, благородный лобъ ея былъ просто прекрасенъ, но его ледяное спокойствіе дѣйствовало какъ-то очень странно; оно не говорило: «оставь надежду навсегда», но говорило: «прошу на благородную дистанцію!» Небольшой, тонкій носъ Иды Ивановны шелъ какъ нельзя болѣе подъ стать ея холодному лбу; широко разставленные, глубокіе сѣрые глаза смотрѣли умно и добро, но немножко иронически; а въ блѣдныхъ щекахъ и нѣсколько узенькомъ подбородкѣ было много какой-то пассивной силы, силы терпѣнія. Въ губахъ у старшей дѣвицы Норкъ, было нѣчто общее съ Манею, но это *ничто* и здѣсь было совершенно неуловимо. Оно и здѣсь тоже совсѣмъ не принадлежало самимъ устами Иды Ивановны, а это именно былъ опять такой же червячокъ, который шевелился, пробѣгалъ по ея верхней губѣ и снова срывался гдѣ-то, не то въ крови, не то въ воздухѣ.

Самыя уста Иды Ивановны были необыкновенно странны: это не были тонкія, блѣдныя губы, постоянно ропшущія на свое малокровіе; это не былъ пунсовый ротикъ, протестующій противъ спокойнаго величія стального лица живыхъ особъ, напрасно носящихъ холодную маску Діаны. Уста Иды были въ мѣру живы и въ мѣру красны; но и опять вы почему-то понимали, что онѣ

никогда никого не подалуютъ инымъ подалуемъ, какъ подалуемъ родственной любви и дружбы. Оставивъ пансіонъ, Ида Ивановна на другой же день поставила себѣ стулъ за прилавокъ магазина, и сдѣлалась самой усердной и самой полезной помощницей своей матери. Софья Карловна не ставила Иду Ивановну никому въ примѣръ, и даже не такъ, можетъ быть, нѣжно любила ее, какъ Маню, но за то высоко ее уважала и скоро привыкла ничего не предпринимать, и ни на что не рѣшаться безъ совѣта Иды. О томъ, что Ида Ивановна тоже дѣвушка, что она тоже можетъ когонибудь полюбить и выйдти замужъ, въ семействѣ Норкѣ, кажется, никто не подумалъ ни одного раза. Даже практическому Шульцу, относившемуся къ свояченицамъ и къ тѣщѣ съ самымъ горячимъ участіемъ, и ему сдавалось, что Ида совсѣмъ что-то такое, такъ собственно и рожденное исключительно для семьи Норковъ, и имѣющее здѣсь, въ этой семьѣ, свое вѣковѣчное мѣсто. Есть такія странныя дѣвушки, такъ уже вотъ и приврѣпленные на всю жизнь свою къ родимой семьѣ. Такъ это на нихъ и знаменуется: взглянешь, и сейчасъ это видишь. Такихъ дѣвушекъ очень часто приходится встрѣчать въ нашемъ сельскомъ духовенствѣ, и особенно много ихъ въ благовоспитанныхъ семьяхъ небогатыхъ петербургскихъ нѣмцевъ. Чуть не съ колыбели какая-то роковая судьба обрекаетъ ихъ въ хранительницѣ родительской старости, да въ няньки сестринныхъ дѣтей, и этотъ оброкъ такъ вѣрно исполняется ими до гроба. Онѣ дѣлаются *крѣпкими* своему положенію, до того, что упасть, или нежножко пошатнуться, или скользнуть хотя немножечко одной ногою для нихъ ужъ невозможно. Не знаю, надобно ли къ этому ужъ прямо родиться, или можно себя приучить жить для такихъ цѣлей, но знаю, что такова именно была Ида, хотя на прекрасномъ лицѣ ея и не было написано: «на вѣкъ оставь надежду». Печать иная почивала на этомъ обликѣ: вамъ ввѣрить ей хотѣлось все, что вамъ мило и дорого на свѣтѣ, и ваше внутреннее чувство вамъ за нее клялось, что ни соблазнъ любовныхъ словъ, ни золото, ни почести, ни діадема королевы врасплохъ ее застать не могутъ, и не возьмутъ ее въ осаду. Око ея было свѣтло, сердце чисто.

Въ заключеніе упомяну еще о подмастерьѣ Германѣ Верманѣ, который самъ себя не отдѣлялъ отъ семейства Норковъ, и котораго грѣхъ было бы отдѣлить отъ него въ этомъ разсказѣ.

Германъ Верманъ былъ небольшой, очень коренастый старикъ, съ угловатою головою и густыми черными, съ просѣдью волосами, которые всѣ называли *дикими*, и по которымъ Ида Ивановна самого Вермана прозвала «Соважемъ». Соважъ былъ

старикъ честнѣйшій и добрѣйшій, хорошій мастеръ и хорошій пьяница. По наружности онъ болѣе былъ похожъ на француза, чѣмъ на нѣмца, а по нраву на англичанина; но въ существѣ онъ былъ все-таки нѣмецъ, и самый строгій нѣмецъ.

Жили Норки въ небольшомъ деревянномъ домѣ на углу одной изъ ближайшихъ линій и Большого проспекта, дома котораго, какъ извѣстно, имѣютъ вдоль фасадовъ довольно густые и тѣнистые садики, дѣлающіе проспектъ едва-ли не самою пріятною улицею не только острова, но и всего Петербурга. Въ пяти окнахъ, выходившихъ на линію, у Норковъ помѣщался магазинъ и мастерская, въ которой жилъ и работалъ съ учениками Германъ Верманъ. Жилы комнаты (которыхъ счетомъ было четыре) всѣ выходили окнами въ густой садикъ по Большому проспекту. Здѣсь, тотчасъ влѣво изъ магазина, была большая, очень хорошо меблированная зала, съ занавѣсками, вязанными руками Иды Ивановны, съ мебелью, покрытою бѣлыми чехлами, и съ хорошимъ фортепьяно. Далѣе шла маленькая гостиная, для короткихъ друзей. Это просто былъ кусокъ спальни Софьи Карловны, отдѣленный красивыми ширмами краснаго дерева и установленный мягкою голубою мебелью. За ширмами была сама спальня. Другія двѣ комнаты, выходившія окнами на дворъ, отдѣлялись отъ двухъ первыхъ широкимъ, свѣтлымъ коридоромъ. Въ уголѣ коридора, совершенно въ сторонѣ, была комната бабушки, а прямо противъ импровизированной гостиной — большая и очень хорошая комната Иды и Мани. Комната эта была ихъ спальнею, и тутъ же стояли два маленькіе письменные столика. Далѣе въ концѣ коридора, сейчасъ за комнату дѣвицъ, была кухня, имѣвшая, посредствомъ особаго коридорчика, сообщеніе съ мастерскою, гдѣ жилъ Германъ Верманъ; а изъ кухни на дворъ шелъ особый, черный ходъ съ деревяннымъ крыльцомъ.

Квартира эта по улицѣ была въ первомъ этажѣ, но со двора подъ нею былъ еще устроенъ невысокій полуэтажъ, и какъ разъ подъ однимъ изъ оконъ дѣвицъ выходило крыльцо этого полуэтажа, покрытое широкимъ навѣсомъ изъ кровельнаго желѣза.

Жило семейство Норковъ какъ нельзя тише и скромнѣе. Кромѣ ваиныхъ-то двухъ старушекъ и пастора Абеля, у нихъ запросто не бывалъ никто. Съ выходомъ замужъ Берты Ивановны, которая поселилась съ своимъ мужемъ черезъ два дома отъ матери, ежедневнымъ ихъ посѣтителемъ сдѣлался зять. Шульцъ вмѣстѣ съ женою навѣщалъ тѣщину семью аккуратно каждый вечеръ и былъ настоящимъ ихъ семьяниномъ и сыномъ Софьи Карловны. Поэтому въ домѣ ихъ, по извѣстному читателямъ случаю, появился

я, и въ тотъ же день, вслѣдъ за моимъ выходомъ, Шульцъ привезъ художника Истомина.

Художникъ Романъ Прокофьевичъ Истоминъ, еще очень незадолго передъ этимъ событіемъ, выдѣлился изъ ряда своихъ товарищей одною, весьма талантливою работою, давшею ему сразу имя, деньги, знакомства многихъ великихъ міра сего и расположеніе множества женщинъ. Все это, вмѣстѣ взятое, съ одной стороны дѣлало Истомина уже въ то время лицомъ довольно интереснымъ, а съ другой снабжало его кучею враговъ и завистниковъ, которыхъ всегда такъ легко приобретаетъ себѣ всякое дарованіе, не только въ средѣ собратій по профессіи, но и вообще у всего мѣщанствующаго разума, живо чувствующаго безсиліе своей практической лошади передъ огненнымъ конемъ таланта. Талантливости Истомина не отвергали никто, но одни находили, что талантливость эта все-таки не имѣетъ того значенія, которое придаютъ ей; другіе утверждали, что талантъ Истомина самъ по себѣ великъ, но что онъ принимаетъ ложное направленіе; что деньги и покровительства губятъ его, а въ это время Истоминъ вышелъ въ свѣтъ съ другою работою, показавшею, что талантъ его не губится ни знакомствами, ни деньгами, и его завистники обратились въ злѣйшихъ его враговъ. Истомину шла удача за удачею въ жизни и необыкновенное счастье въ любви. У него бывали любовницы во всѣхъ общественныхъ слояхъ, начиная съ академическихъ натурщицъ до... ну, да до самыхъ неприступныхъ Діанъ и грандесъ, покровительствующихъ искусствамъ. Последнее обстоятельство имѣло на художественную натуру Истомина свое неотразимое вліяніе. Красивое, часто дышавшее истиннымъ вдохновеніемъ и страстью лицо Истомина, стало дерзкимъ, вызывающимъ и надменнымъ; на зло своимъ врагамъ и завистникамъ, онъ началъ выставлять на видъ и на показъ всѣ выгоды своего положенія — квартиру свою онъ обратилъ въ самую роскошную студию, одѣвался богато, жилъ весело, о женщинахъ говорилъ нехотя, съ гримасами, пренебрежительно и всегда цинически.

Я слышалъ объ Истоминѣ много хорошаго и еще больше худого, но самъ никогда не видалъ его. Извѣстно мнѣ было, что онъ существуетъ, что онъ едва-ли не одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ молодыхъ талантовъ въ академіи, что онъ идетъ въ гору — и только. Зналъ я также, что Истоминъ состоитъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Фридрихомъ Шульцемъ, а отъ Иды Ивановны слышалъ, что Шульцъ вообще страстный охотникъ водить знакомство съ знаменитостями и потому ухаживаетъ и за Истоминимъ. — «Это ахиллесова пята нашего Фрица», шутила Ида.

Только я и зналъ объ Истоминаѣ. Въ домѣ Норковѣ со дня своего перваго посѣщенія онъ не былъ ни разу, да и нечего было ему здѣсь и дѣлать въ этой тихой, скромнѣйшей семьѣ.

V.

Сблизясь съ семействомъ Норковѣ, я, разумѣется, познакомился ближе и съ Фридрихомъ Шульцемъ. Человѣкъ этотъ, какъ я уже сказалъ выше, съ первой же встрѣчи показался мнѣ образцомъ самой хорошей порядочности, но... Богъ его знаетъ, что въ немъ было такого, что какъ-то не располагало къ нему и не влекло. Фридрихъ Фридриховичъ былъ и хлѣбосоль, и человѣкъ не только готовый на всякую послугу, но даже напрашивавшійся на нее; онъ и патриотизму русскому льстилъ, стараясь какъ нельзя болѣе, во всемъ русить; и за дѣла его можно было только уважать его, а все-таки онъ какъ-то не располагалъ человѣка искренно въ свою пользу. Определительно въ немъ чувствовался недостатокъ простоты, благоуханно почивавшей въ воздухѣ, которымъ дышало семейство Норковѣ. Зайдешь, бывало, къ Фридриху Фридриховичу — онъ встрѣчаетъ радушно: «добро пожаловать!» кричить, бывало, еще чуть ногу за порогъ переставишь: — «Проходите, батюшка, къ моей бабѣ, а я тутъ съ людишками поразверстаюсь», докончить онъ, указывая на стоящихъ артельщиковъ. Кажется, будто и чистосердечно, и привѣтливо, и просто, а чувствуешь, что нѣтъ во всемъ этомъ ни чистосердечія, ни простоты, ни привѣта. Пойдешь къ Бертѣ Ивановнѣ — та тоже встрѣтитъ съ улыбкой, съ вѣчно одинакой, доброй улыбкой; расскажетъ, что ея Фрицъ совсѣмъ измучился; что они ѣздили вчера смотрѣть Газе, и что Газе въ Лудовикѣ, по ея мнѣнію, гораздо лучше, чѣмъ въ Кромвелѣ, а что о Раабе и о Гювартъ, право, гораздо больше говорятъ, чѣмъ они заслуживаютъ. Но и отъ этой доброй улыбки Берты Ивановны, и отъ этихъ ея рассказовъ не согрѣвается душа и не теплѣетъ на сердцѣ. Проболаешь съ полчаса, входитъ Фридрихъ Фридриховичъ, отдуется, упадетъ съ видомъ утомленія на диванъ, и разгладивъ бархатные бакенбарды, начинается: «А у меня, милостивецъ мой, опять какой мудреный крендель нынче завернулся. Тутъ, прости меня Господи, съ этой ерундой съ своей не можешь никакъ себя хорошенько сообразить, а вчера только приѣзжаю, застаю повѣстку, что молодые Коревниковы выпросили меня себѣ попечителемъ. Ну, помилуйте, скажите, что это такое?! Вѣдь это же, наконецъ, наказаніе! Развѣ мало, говорю, у васъ, господа, своихъ русскихъ? — Найдется, чай, довольно охотниковъ, миллионнымъ состояніемъ опежать. — Нѣтъ, свое твер-

дять: — «Мы васъ, Фридрихъ Фридриховичъ!» «Да, что, говорю, васъ! кислый квасъ! Что такое неправда за *меня*? что я, въ самомъ дѣлѣ, за такое особенное? вѣдь я, говорю, господа, нѣмецъ, шпремензиденчъ, Иванъ Андреичъ колбасникъ! — Нѣтъ, опять свое: *он* да *мы*, *мы* да *он*, да и давай цаловаться. Ну, что вы тутъ съ такимъ народомъ прикажете разговаривать?»

Поставить, бывало, Фридрихъ Фридриховичъ въ самое неприятное положеніе, такимъ, совершенно, впрочемъ, правдивѣйшимъ разсказомъ, и смотреть въ глаза, пока ему сочинишь какую-нибудь любезность. Впрочемъ, если онъ замѣтитъ, что ужъ вы очень затрудняетесь, то, не дожидаясь отвѣта, крикнетъ: «Бертинька! а ну, дай намъ, матушка, что-нибудь такое позабавиться», и изъ комнаты Берты Ивановны тотчасъ же появляется подносъ съ холодной закускою, графинчикомъ Doppel-corn, бутылкой хересу и бутылкой портеру.

— Безъ соли безъ хлѣба — худая бесѣда. Нашъ братъ, русскій человѣкъ, любитъ почаввать, начинаеть Фридрихъ Фридриховичъ, даяя вамъ чувствовать, что когда онъ, десять минутъ назадъ, называлъ себя нѣмецкимъ человѣкомъ, то это онъ шутилъ, а что, въ самомъ-то дѣлѣ, онъ-то и есть настоящій русскій человѣкъ, и вслѣдъ за этой оговоркой, Шульдъ заводитъ за хлѣбомъ-солью бесѣду, въ которой ужъ гостю приходится только молчать и слушать Фридриха Фридриховича со всяческимъ, впрочемъ, правомъ хвалить его умъ, его добродѣтель, его честность, его жену, его лошадь, его мѣбель, его хлѣбъ-соль и его сигары.

У Норковъ же было совершенно иное. Проходишь, бывало, черезъ магазинъ — Ида Ивановна чаще всего стоитъ съ какимъ-нибудь покупателемъ, и продаетъ ему папиросную машинку, или салатную ложку; поклонись проходя, какъ попало, Идѣ, она кивнетъ головою, тоже чуть замѣтно, и попрежнему ведетъ свое дѣло съ покупателемъ. Придешь въ залу — никого нѣтъ, но все смотреть такъ привѣтно: и фортепяно, и закрытая чехлами мѣбель, какъ-будто говорятъ вамъ: «Здравствуйте-съ! просимъ покорно садиться». Вы и садитесь. Такъ именно было со мною въ третье посѣщеніе Норковъ. Я прошелъ мимо Иды Ивановны, стоявшей въ магазинѣ, и сѣлъ, не зная что мнѣ дѣлать, но чувствуя, что мнѣ совсѣмъ здѣсь хорошо и ловко.

Черезъ двѣ или три минуты, Ида Ивановна сбѣла съ рукъ покупателя, и показала въ залѣ. Выйдя изъ магазина, она въ обѣихъ рукахъ держала по ломтю спѣлой дыни, посыпанной сахаромъ.

— Нехорошая дыня, сказала она, протягивая мнѣ ломтикъ въ своей тонкой, бѣлой рукѣ, и въ то же время сама начала другой.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ я, отвѣдавъ дини.

— Водянистая; нынче лѣто такое гадкое, всѣ фрукты какіе-то водянистыя.

— А что ваша сестра?

— Маня? Она все возится съ вашими книгами.

— А я ей еще принесъ.

Ида Ивановна покачала головой, и выговорила:

— Вы намъ ее совсѣмъ испортите. Подите къ ней, если хотите, въ ея комнату.

— Можно?

— Отчего же? Тамъ убрано. Я одна тутъ; мнѣ нельзя отойти отъ магазина; мамы нѣтъ дома, а бабушка ужъ закатилась и спать.

Я поблагодарилъ и коридорчикомъ прошелъ къ комнатѣ Иды и Мани.

— Войдите, сказала Маня, когда я второй разъ постучался у ея двери.

Я засталъ Маню, сидѣвшую на окнѣ, съ котораго до половины была сдвинута синяя, тафтяная занавѣска. На колѣняхъ у Мани лежала моя книга.

— Здравствуйте! сказала она, шурясь и осторожно спуская на полъ свои крошечныя ножки. — А я такъ и думала, что это вы.

— Отчего же это вы такъ думали?

— Такъ... читала и какъ-то про васъ вспомнила, а вы и пришли. — Садитесь.

Я сѣлъ. Маня выбѣжала на минуту, и вернулась съ пепельницею, сигарою и спичками.

— Курице, сказала она, ставя передо мною спички и подавая мнѣ сигару.

Я поблагодарилъ.

— Это фрицева-сигара: — онъ всегда хорошія сигары курить; вы попробуйте.

Я взялъ сигару и закурилъ: сигара точно оказалась очень хорошею.

— Довольны вы книгою? началъ я, чтобы съ чего-нибудь начать.

— Да, отвѣчала торопливо Маня. — Это такъ порусски; такое... дѣйствительное.

— Вы любите болѣе дѣйствительное?

Дѣвушка задумалась.

— Я много читала, начала она тихо: — но вы меня не спрашивайте. Я все читаю. Это вотъ хорошая книга, продолжала она, указывая на мой томикъ «Записокъ охотника»: — нравятся

миѣ, а я не могу разсказать, почему... Такъ какое-то вліаніе такое... Жаль прочесть скоро. А другія книги читаешь... даже спѣшишь. Такъ читаешь... Маня махнула ручкой.

— Безъ вліанія?

Дѣвушка смотрѣла на меня долго, и пожавъ плечиками, сказала: «Я не знаю, право, какое жъ другое слово?»

Миѣ стало стыдно своей попытки слегка подтрунить надъ Маней.

— Видите, говорила она, робѣя и потупляя глазки: — Шиллера, Гёте, Ауэрбаха — все это я брала у Фрица; все кое-какъ знаю; и еще разныя тамъ книги у него брала... а это новое совсѣмъ, и такое понятное... какъ самой будто все это хочется почувствовать: вѣдь это жъ вліаніе значить?

— Вы знаете, говорила она миѣ, прощаясь: — вы не думайте, что мои родные, въ самоѣ дѣлѣ, сердятся, что я читаю книги. Фрицъ сказалъ, что ваши книги миѣ всегда можно читать, и мама миѣ тоже позволила.

— Очень радъ, отвѣчалъ я, и ушелъ, пожавъ ея ручку.

Фридрихъ Фридриховичъ, значить, ко миѣ благоволилъ, и я далъ себѣ слово дорожить этимъ благоволеніемъ для Мани.

Такъ прошло нашему знакомству, надо полагать, мѣсяца три или четыре. Въ это время я познакомился у Шульца съ нѣсколькими знаменитостями, впрочемъ, не первой руки — и между прочимъ, съ Романомъ Прокофьевичемъ Истоминамъ. При всѣхъ предубѣжденіяхъ противъ этого человѣка, онъ миѣ очень понравился. Кромѣ таланта, выразительной наружности, и довольно рѣдкой въ русскомъ художественномъ кружкѣ образованности, къ нему влекла его хорошая, страстная рѣчь, гордое пренебреженіе къ врагамъ и завистникамъ, и смѣлая, твердая рѣшимость, соединенная (когда онъ хотѣлъ этого) съ утонченнѣйшею мягкостью и теплотою обращенія. Я на Романа Прокофьяча тоже, кажется, произвелъ впечатлѣніе довольно выгодное, и со второго или съ третьяго свиданія, мы стали держать себя по отношенію другъ къ другу добрыми друзьями. Это еще не рѣшено, да и врядъ-ли это когда-нибудь будетъ рѣшено, почему съ однимъ человѣкомъ почти ни съ того, ни съ сего, легко сходишься, самъ того не замѣчая, а съ другимъ ни отъ того, ни отъ сего, при всѣхъ усиліяхъ сойтись, никакъ не сойдешься. Почти совершенно другъ друга путемъ не знаа и не вѣдая, сошлись мы съ Романомъ Прокофьячемъ такъ, что вдругъ очутились на одной квартирѣ. Онъ попалъ случайно очень хорошій бельэтажъ небольшого домика; въ этомъ бельэтажѣ приходилось по три одинокихъ комнаты: со сторонъ и посерединѣ необыкновенно изящный круглый залъ, оклеенный темносиними парижскими обоями съ широкимъ золотымъ варнизомъ. Я взялъ

себѣ три комнаты налѣво, а Романъ Прокофѣичъ три комнаты направо, да этотъ очаровательный залъ подъ мастерскую. Дверь изъ залы на мою половину заперли, завѣсили синимъ сукномъ, и зажали мы съ Истоминимъ, сходясь часто, но никогда не мѣшая другъ другу не во время. Ко всему этому для меня было большою находкой, что Истоминъ часто, и не заходя ко мнѣ изъ-за своей стѣны, разсѣвалъ налегавшую на меня тоску одиночества музыкою, которую онъ очень любилъ, и въ которой зналъ толкъ, хотя никогда ея не занимался путемъ, а игралъ на своемъ маленькомъ, звучномъ піанино такъ, самъ для себя, и самъ для себя пѣлъ очень недурно, даже довольно трудныя вещи.

Живи въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ я, противъ всякаго желанія, убѣдился, что Истоминъ дѣйствительно былъ женскимъ кумиромъ. Минуту, вѣжется, трудно было улучшить такую, когда бы у него не была въ гостяхъ какая-нибудь женщина, и все это были женщины комилфотныя — «дамы сильныхъ страстей и густыхъ вуалей». Невольно слыхалъ я изъ-за моихъ дверей и нѣжныя ласки, и страстные, кровь кипящія вздохи, и бѣшеные взрывы ревности, и опасенія, и страхи, и тѣ ехидныя слова, которыми страсть оправдываетъ себя передъ разсудкомъ, и привыкъ я ко всему этому очень скоро и на все это не обращалъ давно никакого вниманія.

— Я очень часто слышу, любезный Истоминъ, что говорятъ ваши дамы, разъ или два намекалъ я моему сосѣду.

— Нельзя же, голубчикъ, безъ этого — надо же имъ гдѣ нибудь и поговорить, отвѣчалъ онъ мнѣ, словно не понимая моего намека.

Такъ мы и жили. Къ намъ обоимъ заходилъ иногда Фрицъ Фрицовичъ (такъ звалъ Шульца Истоминъ), и мы частенько навѣщали Фрица Фрицовича. Навѣщая насъ, бездомовниковъ, Фридрихъ Фридриховичъ являлся человекомъ самымъ простодушнымъ и безпретендательнымъ: все ему, бывало, хорошо, что ни подашь; все ловко, гдѣ его ни посадишь. Зайдя же ко мнѣ второй разъ, онъ прямо спросилъ: а не пьютъ ли у васъ въ деревнѣ въ это время водки?

— Извините, говорю, Фридрихъ Фридриховичъ, водка есть, но закусить, вѣжется, нечѣмъ.

— Ну, что тамъ, отвѣчаетъ, за закуска еще; истинные таланты не закусываютъ. А вы вотъ, говорить, поаккомпанируйте-ка!

Я опять извиняюсь; говорю: рано, не могу утромъ пить.

— Ну, да я впрочемъ солистъ, отвѣчалъ Шульцъ, и спокойно выпилъ вторую рюмку. Таковъ онъ былъ, и всегда, и во всемъ,

и я, и Истоминъ держались съ нимъ безъ всякой церемоніи. Къ Норкамъ Истоминъ не ходилъ и не тянуло его туда. Только нужно же было случиться такому грѣху, что попалъ онъ наконецъ въ эту семью, и что на общее горе-злосчастіе его туда потянуло.—Объ этомъ теперь и наступаетъ повѣствованіе.

VI.

Разъ, вскорѣ какъ стала зима, сижу я у себя и работаю. Вдругъ этакъ часу въ первомъ слышу звонокъ. Является моя «прислуга» и шепчетъ: «тамъ одинъ какой-то дама васъ спрашивать». Выхожу я — смотрю, Ида Ивановна сидитъ на диванѣ и улыбается, а возлѣ нея картонный ящикъ и большущій свертокъ въ толстой синей бумагѣ.

— Здравствуйте! говоритъ Ида Ивановна:—устала я до смерти.

— Кофе, говорю, чашечку хотите?

— А крѣпкій, спрашиваетъ, у васъ кофе варятъ?

— Какой хотите сварятъ.

— Ну, такъ дайте; только самого крѣпкаго.

«Прислуга» моя захлопотала.

— А вѣдь я къ вамъ это какъ попала? начала съ своимъ обыкновеннымъ спокойствіемъ Ида Ивановна.—Я вотъ контрабанды накупила и боюсь нести домой, чтобъ не попасться съ нею кому не слѣдуетъ. Къ Бергѣ зайти еще пуще боюсь, чтобы не встрѣтиться.—Пусть это все у васъ полежитъ

— Извольте, говорю — съ радостью.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это не то что контрабанда, а разныя, знаете, такія финти-фанты, которыя надо сберечь, чтобъ ихъ пова не увидали дома. Дайте-ка мнѣ какой-нибудь ящикъ въ вашемъ комодѣ; я сама все это хорошенько уложу своими руками, а то вы все переменете.

Я очистилъ ящикъ; Ида Ивановна все въ него бережненько положила.

— Вы знаете, что это такое? начала она, садясь за кофе.— Это здѣсь платьице, мантильва и разныя такія вещицы для Мани. Вѣдь черезъ четыре дня ея рожденіе; ей шестнадцать лѣтъ будетъ—первое совершеннолѣтіе; ну, такъ мы всѣ готовимъ ей сюрпризы и я не хочу, чтобы ктонибудь зналъ о моемъ подаркѣ. Я нарочно даже чужой модисткѣ заказывала. Вы тоже, смотрите, пожалуйста, не проговоритесь.

— Нѣтъ, зачѣмъ же!

— То-то: зачѣмъ! Это всегда такъ не зачѣмъ дѣлается.— Я тогда утромъ пришлю дѣвушку, вы ей все это и отдайте.

— Хорошо-съ, говорю, Ида Ивановна, и тотчасъ, какъ проводилъ ее за двери, отправился на Невскій, взялъ новое изданіе Пушкина и отдалъ его Миллеру переплестъ въ голубой атласъ со всякими приличными украшеніями и съ вытѣсеннымъ именемъ Маріи Норкъ.

Вечеромъ въ тотъ же день я зашелъ къ Норкамъ и засталъ въ магазинѣ одну Иду Ивановну.

— Послушайте-ка! позвала она меня къ себѣ:—вотъ умора-то! Бабушка послала Вермана купить канарейку съ клѣткой, и этотъ Соважъ такъ-протащилъ ей эту клѣтку такъ, что никто ее не видалъ: бабушка теперь ни одной души не пускаетъ къ себѣ въ комнату, а канарейка трещитъ на весь домъ и Манька-плутовка догадывается, на что эта канарейка.—Преуморительно!

— Да чего это, говорю, вы, Ида Ивановна, такъ ужъ очень со всѣмъ этимъ секретничаете?

— Ахъ, какъ же! Вѣдь ужъ если все это дѣлать, то надо сюрпризомъ! Неужто-жь вы не понимаете, что это сюрпризомъ надо?

При всемъ желаніи Иды Ивановны ничѣмъ не нарушать обиденный порядокъ, весь домъ Норковъ точно приготовился къ какому-то торжественному священнодѣйствию. Маня замѣчала это, но дѣлала видъ, что ничего не понимаетъ, краснѣла, тупила въ землю глаза и безвыходно сидѣла въ своей комнатѣ.

Наступилъ наконецъ и долгожданный день совершеннолѣтія. Дѣвушка Иды Ивановны ранехонько явилась ко мнѣ, за оставленными вещами; я отдалъ ихъ и побѣжалъ за своимъ Пушкинымъ. Книги были сдѣланы. Часовъ въ десять я вернулся домой, чтобы переодѣться и идти къ Норкамъ. Когда я былъ уже почти совсѣмъ готовъ, ко мнѣ зашелъ Шульцъ. Въ рукахъ у него была длинная цилиндрическая картонка и небольшой свертокъ.

— Посмотрите-ка, отецъ родной! сказалъ онъ, вытаскивая изъ картонки огромную соболью муфту съ бѣлымъ атласнымъ подбоемъ и большими шелковыми кистями.

— Прелесть, произнесъ я, погладивъ рукою муфту.

Фридрихъ Фридриховичъ подулъ противъ шерсти на то мѣсто, гдѣ прошла моя рука, и, встряхнувъ муфту, опустилъ ее снова въ картонку.

— А эта-съ штуkenція? запыталъ онъ, раскатавъ дорогой соболій же воротникъ, совсѣмъ ужъ готовый и настегаанный на шелковую подкладку.

— Хорошо.

— Оцѣните?

— Рублей триста.

— Пятьсот!

— Очень хорошо.

— А Бертинья повезла такую бархатную, вышнюю шубку на гагачьем пуху; знаете, какія нынче дѣлаютъ, съ такою кружевной пелериной. Понимаете, ее и осенью можно носить съ кружевомъ, и зимой: пристегнула вотъ этотъ воротничшко—вотъ и зимняя вещь. Хитра голь на выдумки; правда? воскликнулъ онъ, самодовольно улыбувшись и ударивъ меня фамиллярно по плечу.

— Да это все кому же?

— Да Маньѣ же, Маньѣ! Шульцъ перемѣнилъ голосъ и вдругъ заговорилъ тономъ особенно мягкимъ и серьезнымъ:—вѣдь, что жъ, правду сказать, нужно, въ самомъ дѣлѣ, какъ говорится, соблюдать не одну же форменность.

Гдѣ это, и при какихъ это случаяхъ *говорится*, что «нужно соблюдать не одну форменность» — это осталось секретомъ Фридриха Фридриховича. Онъ очевидно цацкался передо мною съ своими дорогими подарками и, попросивъ меня одѣваться поскорѣе, понесъ свои коробки къ Истомину.

Черезъ пять или десять минутъ я засталъ ихъ съ Истоминнымъ, разсуждавшихъ о чемъ-то необыкновенно весело. Рядомъ съ муфтою Мани, на диванѣ лежала другая муфта, нѣсколько поношенная, но несравненно болѣе дорогая и роскошная.

— Эта, ваше степенство, не по нашимъ капиталамъ, говорилъ Фридрихъ Фридриховичъ, выводя пальцемъ эсы по чужой муфтѣ, которая видимо сбила съ него изрядную долю самообожанія. — Какія ручки, однако, должны носить эту муфту?

— Ручки весьма изрядныя, отвѣчалъ, тщательно повязывая передъ зеркаломъ галстухъ, Истоминъ.—На счетъ этихъ ручекъ есть даже нѣкоторый анекдотъ, добавилъ онъ, повернувшись къ Шульцу.—У этой барыни мужъ дорогого стоитъ. У него руки совсѣмъ мацерованныя: по двадцати разъ въ день ихъ моетъ; самъ ни за что почти не беретъ, руки никому не подаетъ безъ перчатки, и увѣряетъ всѣхъ, что и жена его не можетъ дотронуться ни до чьей руки.

Фридрихъ Фридриховичъ вдругъ такъ и залился счастливейшимъ смѣхомъ.

— Ну, что жъ, онъ вѣдь и правъ! Мужъ-то, я говорю, онъ вѣдь и правъ! взвизгивалъ Фридрихъ Фридриховичъ.—Она вѣдь за *руки* только не можетъ трогаться.

Я видѣлъ въ зеркало, какъ Истоминъ, снова взявшійся за свой галстухъ, тоже самодовольно улыбулся.

— Понюхайте-ка, сказали, завидя меня и поднимая муфту Фридрихъ Фридриховичъ:— чѣмъ, сударь, это пахнетъ?

Не понимая, въ чемъ дѣло, я поднесъ муфту къ лицу. Она пахла тѣми тонкими англійскими духами, которые, по словамъ одной моей знакомой дамы, сообщаютъ всему *запахъ счастья*.

— Счастьемъ пахнетъ, отвѣчалъ я, владея на столъ муфту.

— Да-съ, вотъ какія у Романа Прокофьяча бываютъ гости, что все отъ нихъ счастьемъ пахнетъ. — Шульцъ опять расхохотался.

— А позвольте-ка, господа, лучше прибрать это счастье къ мѣсту, проговорилъ Истоминъ:— сравнили, и будетъ ею любоваться, а то чего добраго... ее тоже, пожалуй, кое-кто знаетъ.

— Ну-съ! такъ во походъ пошли гусары? спросилъ Шульцъ, видя, что Истоминъ совсѣмъ готовъ.

Я взялъ мою шляпу и мои книги, обернутыя яркою цвѣтною бумагою.

— Тоже подарокъ? спросилъ Шульцъ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

Истоминъ остановился посреди комнаты.

— Что жъ это, господа? заговорилъ онъ.— Вѣдь это ужъ нехорошо: всѣ вы съ подарками, а я съ пустыми руками.

— Ну, ничего! чтò тамъ еще за подарки! Вы нечаянный гость; я скажу, что утащилъ васъ насильно; убѣждалъ его Фридрихъ Фридриховичъ.

— Да! да позвольте-ка-съ еще! У меня и у самого сейчасъ найдется для нея подарокъ, вослѣдствіемъ Романъ Прокофьячъ, и торопливо вытаскивъ изъ-за мольберта одинъ изъ стоявшихъ тамъ запыленныхъ картоновъ, вырѣзалъ изъ него прихотливый, неправильный овалъ, обернулъ этотъ кусокъ бумагою, и мы вышли. Не знаю почему, но мнѣ было ужасно неприятно, что Истоминъ, послѣ этого циническаго разговора о дамской муфтѣ, идетъ въ домъ Норковъ, да еще вмѣстѣ съ нами, и въ этотъ святой для цѣлаго семейства день совершеннолѣтія Мани. Тѣмъ, кто знакомъ съ предчувствіями, я могу сказать, что у меня были самыя гадкія предчувствія, и они усилились еще болѣе, когда передъ нами отворилась дверь въ залу и отъ стѣны, у которой стояло бабушкино кресло и сидѣло нѣсколько родныхъ и стороннихъ особъ, отдѣлилась на встрѣчу намъ фигура Мани, бѣленькая и легонькая, какъ морская пѣна.

Я никогда не забуду всѣхъ мельчайшихъ подробностей здѣшней картины, навсегда запечатлѣвшейся въ моей памяти.

Вся зала была обновлена въ это самое утро. Обновленіе ея состояло въ томъ, что на окнахъ были повѣшены новыя занавѣ-

вѣсы; съ фортепьяно была снята клеенка, бронзовые канделябры были освобождены изъ окутывавшей ихъ цѣлый годъ кисели и обитые голубымъ рипсомъ стулья и кресла нескромно сбросили съ себя свои коленкоровыя сорочки. Кромѣ того, почти во всю залу (она же и гостиная) былъ разостласть огромный англійскій коверъ, принесенный съ собою въ приданое еще бабушкой. Вдоль одной стѣны, прямо противъ двери, на своемъ подвижномъ креслѣ, сидѣла сама бабушка. Старушка была одѣта въ бѣломъ пивейномъ капотѣ, съ множествомъ кружевныхъ обшивокъ и кругленькими, похожими на горошенки, бѣленькими же пуговками. На старческой головѣ бабушки былъ высокій полуфламандскій чепчикъ съ туго накрахмаленными оборками и полосатыми лентами, желтой и ранжевой. Рядомъ съ кресломъ старушки, въ другомъ креслѣ, помѣщался пасторъ Абель въ длинномъ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстухѣ. Возлѣ пастора сидѣла мадамъ Норкъ, тоже въ бѣломъ платьѣ и съ натуральными сѣдыми буглями; у плеча мадамъ Норкъ стоялъ Германъ Верманъ, умытый, вычищенный и долго чесавшійся, но непричесанный, потому что его «дикіе» волосы ни за что не хотѣли ложиться и топорщились, по обыкновенію, во всѣ стороны. На Германѣ Верманѣ былъ свѣтлоричичевый фракъ, бѣлый жилетъ, очень кургузые синіе панталоны и красный галстухъ, едва схватывавшій огромнѣйшіе туге полисоны немилосердно накрахмаленной манишки. Далѣе сидѣла Ида Ивановна, Берта Шульцъ, булочница Шперлингъ и ея дочь, наша старая знакомая, подруга Мани, Клара Шперлингъ. Кромѣ пастора и Вермана, всѣ рѣшительно были одѣты во все бѣлое, а черненькая Клара Шперлингъ смотрѣла настоящей мужой въ сметанѣ.

Мани стояла между бабушкой и пасторомъ, который говорилъ ей что-то такое, что дѣвушку видимо приводило въ состояніе нѣкоторой ажитации, а у ея старой бабушки выдавливалось слезы.

При нашемъ появленіи въ дверяхъ, пасторъ и бабушка разомъ освободили ручки Мани, и дѣвушка, заколыхавшись какъ кусокъ бѣлой пѣны, вышла на встрѣчу намъ на середину комнаты.

Далѣе Шульцъ не пустилъ ее. Онъ поднялъ торжественно передъ собою ладонь и далъ почувствовать, что сейчасъ начнется что-то такое, требующее благоговѣйшей тишины и вниманія.

Съ этимъ онъ кашлянулъ, поднялъ на Мани самый officialный взглядъ и произнесъ:

— Сестра! Тсс! пронеслось по залѣ, хотя, впрочемъ, и безъ того никто ни нарушалъ ни малѣйшей тишины. — Привѣтствую тебя въ этотъ торжественный день твоей жизни! началъ Шульцъ тономъ и дикціею проповѣдника. — Привѣтствую! тебя не какъ

ребѣнка, а какъ женщину — какъ человѣка, который отнынѣ получаетъ въ обществѣ свои права и принимаетъ свои обязанности передъ семьей и передъ обществомъ. Дай Богъ... (пасторъ, а за нимъ и всѣ присутствующіе при словѣ «Богъ» поднялись съ мѣстъ и стали. Шульцъ продолжалъ еще торжественнѣй...) Дай Богъ, повторяю я, преданнѣйшій слуга и братъ твой, усердно моля за тебя, умершаго на крестѣ Спасителя, чтобы всѣ великія и святыя обязанности женщины стали для тебя ясны, какъ ясно это солнце, освѣщающее дорогой для всѣхъ насъ день твоего совершеннѣйшаго (солнце ярко и весело смотрѣло въ окна черезъ невысокія деревья палисадника). Дай Богъ, чтобы зло и неправда человѣческая бѣжали отъ тебя, какъ тьма бѣжитъ отъ лучей этого солнца! *Honestus rumor alterum patrimonium est*, говоритъ мудрая латинская пословица, то-есть: хорошая репутація замѣняетъ наслѣдство; а потому болѣе всего желаю тебѣ, чтобы въ твоёмъ лицѣ и мы, и всѣ, кто тебя встрѣтитъ въ жизни, видѣли повтореніе добродѣтелей твоей высокопочтенной бабушки, твоего честнаго отца, душа котораго теперь присутствуетъ здѣсь съ нами (Софья Карловна заморгала глазами и заплакала), твоей матери, взлелѣявшей и воспитавшей своими неусыпными трудами, и тебя и сестеръ твоихъ, изъ которыхъ одной я обязанъ всѣмъ моимъ счастьемъ! (Берта Ивановна заплакала; Шульцъ подошелъ, поцаловалъ руку жены, тоже отеръ слезу и закончилъ). Дѣвица Марія Норкы! дорогая, новорожденная сестра наша, прими наше братское привѣтствіе и осчастливь себя и насъ воспитаніемъ въ себѣ тѣхъ высокихъ качествъ, которыхъ мы въ правѣ ждать отъ твоего прекраснаго сердца.

Произнеся эту, всеконечно заранѣе обдуманную рѣчь, Фридрихъ Шульцъ вдругъ сталъ на колѣни, взялъ Маню за обѣ руки, и сильно растроганнымъ голосомъ, въ которомъ въ самомъ дѣлѣ дрожали искреннія слезы, проговорилъ: Матушка! Машуточка! утѣшь-оправдай на себѣ нашу родную, русскую пословицу, что «отъ яблонки яблочко недалеко катится»!

Шульцъ взялъ и поклонился Мани въ ноги, вѣско ударивъ лбомъ объ полъ.

Маня быстро опустилась, схватила зятя за плечи, и оба вмѣстѣ поднялись на ноги.

Фридрихъ Фридриховичъ поцаловалъ ее въ губы, и потомъ еще разъ поцаловалъ одну за другою обѣ ея руки.

Я подошелъ и въ замѣшательствѣ тоже поцаловалъ манину руку. Маня, у которой глаза давно были полны слезъ, смѣшалась еще болѣе, и рука ея дрогнула. За мною въ ту же минуту подошелъ къ ней Истоминъ, сказалъ что-то весьма почтительное, и

смѣло взялъ и также поцаловалъ руку Мани. Дѣвушка совсѣмъ переконфузилась и пошатнулась на мѣстѣ.

На ея счастье, Шульцъ, который въ это время успѣлъ уже обмахнуть голубымъ фуляромъ свои панталоны и лацканы фрака, сказалъ:

— Позволь, матушка, отдать тебѣ на память объ этомъ днѣ вотъ эти бездѣлушки.

Онъ вынулъ муфту и воротникъ и, подавая ихъ Мани, добавилъ:

— Пусть это будетъ дополненіемъ къ подарку сестры твоей, Берты.

— На что такъ много? заговорила Мани, потерянно глядя во всѣ стороны и прилаживая къ пылающимъ щекамъ свои ручки.

— Марья Ивановна! позвольте мнѣ просить васъ принять и отъ меня на память вотъ это — сказалъ я, подавая ей пять томовъ Пушкина.

Мани прищурила глазки, взглянула на переплетъ, протянула мнѣ обѣ ручки и отгѣчала:

— Благодарю васъ: я возьму.

— А я, Марья Ивановна, не зналъ, что сегодня день вашего рожденія и что я васъ увижу нынче, началъ Истоминонъ. — Я принесъ вамъ то, что у меня было дома, и вы тоже будете такъ снисходительны — возьмете это отъ меня на память о моемъ знакомствѣ съ вами и о нашемъ совершеннoglѣтнѣ.

Истоминонъ сбросилъ съ картона бумагу, и подалъ его Мани; та взглянула, и зардѣлась.

Всѣ ми подошли къ картону и всѣ остановились въ изумленіи и восторгѣ. Это былъ кусокъ прелестнѣйшаго этюда, приготовленнаго Истоминономъ для своей новой картины, о которой уже многіе знали и говорили, но которой до сихъ поръ никто не видалъ, потому что при каждомъ появленіи посѣтителей, допускавшихся въ мастерскую художника, его мольбертъ съ подмалеваннымъ холстомъ упорно поворачивался къ стѣнѣ.

На поднесенномъ Мани кускѣ картона, величиною болѣе полуаршина, была молодая русалка, въ первый разъ всплывшая надъ водою. Этюдъ былъ писанъ въ три тона. Русалка, впервые вынырнувшая со дна рѣчки, прыгнула на сонный берегъ, гдѣ дикій тиннъ растетъ, и гдѣ цвѣтутъ, качаяся, фіалки возлѣ буквиць. Вся она была цѣломудренно закрыта тминономъ, сквозь стебли котораго только кое-гдѣ, чуть-чуть очерчивались свѣжіе контуры ея тѣла. Одна голова съ плечами любопытно выставилась впередъ и внимательно смотрѣла удивленными очами на невѣдомый для нея надводный міръ. Никакое другое искусство, кромѣ живописи, не могло такъ выразить всего, что выражала эта воски-

тительная головка. Любопытство, ужасъ, восторгъ и болѣзненная тревога — все это разомъ выступало на этихъ сломанныхъ бровкахъ, полуоткрытомъ ротикѣ, прищуренныхъ глазахъ и поблѣднѣвшихъ щекахъ. Но всего болѣе поразило всѣхъ въ этой головкѣ какое-то странное, наводящее ужасъ сходство русалки съ Манею. Это не былъ вѣрный голбейновскій портретъ и не эффектная головка Грѣза: это было что-то такое... какъ-бы случайное сходство, какъ-бы портретъ съ двойника, или какъ будто это она, Маня, но въ лунатизмѣ, что-ли, или въ какомъ-то непонятномъ для насъ восторженномъ состояніи.

— Она впервые видитъ свѣтъ. По мнѳологіи, у нихъ тоже есть совершеннолѣтіе, до котораго молодая русалка не можетъ всплыть надъ водою, началъ мягко и пріятно рассказывать Истоминъ. — Это очень поэтическій, славянскій мнѳ. Вообразите себѣ, что она, до извѣстныхъ тамъ лѣтъ своей жизни, жила въ кристалльныхъ палатахъ на днѣ рѣки; слыхала тамъ о корабляхъ, о буряхъ, о людяхъ, о ихъ любви, ненависти, о горѣ. Она плавала въ глубинѣ, видала, какъ въ воду опускается столбъ луннаго свѣта, слышала на берегахъ шумъ другой жизни; надъ головою ея пробѣгали корабли, отрѣзавшіе лунный свѣтъ отъ дна рѣчнаго; но она ничего, рѣшительно ничего не видала, кромѣ того, что тамъ есть у нихъ подъ водою. Она знаетъ, что ея мать когда-то утонула оттого, что былъ когда-то чловѣкъ, который любилъ ее, потомъ разлюбилъ, «покинулъ и на женщинѣ женился»; но какъ все это тамъ? что тамъ такое? какіе это живые люди? какъ тамъ надъ водою дышать? какъ любить и покидаютъ?—все это ей совершенно непонятно.. И вотъ ея совершеннолѣтіе исполнилось; здѣсь вы видите, какъ она только что всплыла; надводный воздухъ остро рѣжетъ ея непривычное тѣло, и въ груди ей больно отъ этого воздуха, а между тѣмъ все, что передъ нею открылось, поражаетъ ее; вдругъ все это, что понималось смутно, уясняется; все начинаетъ ей говорить своимъ языкомъ, и она... Видите... Здѣсь на этомъ кускѣ, впроемъ, нѣтъ этого, а тамъ—на цѣлой картинѣ, тутъ влѣво рѣзятся другія русалки хохотуши, щекотуши — всѣ молодыя, крачивыя... Одна изъ нихъ слышитъ, что

Птичка подъ вустами
Встрепенулася во мглѣ;

Другая шепчетъ:

Между мѣсяцемъ и нами,
Кто-то ходитъ по землѣ.

— А эта вся... одна, закрывшись дивнымъ тминомъ, въ сто глазъ истолъко же ушей все слушаетъ, все видитъ; и не птичка, не

тотъ, кто ходитъ гдѣ-то по землѣ, а *все, все разомъ* оковало ее, и вотъ она, вы видите, какая! Не знаю, впрочемъ, сьумѣлъ ли я хоть плохо передать холсту, чтѣ думалъ, и чтѣ хотѣлось бы сказать этой картиной чувству, докончилъ тихо Истоминъ, осторожно поставивъ картонъ на свободное кресло.

Истоминъ былъ очень хорошъ въ эту минуту. Еслибы здѣсь было нѣсколько женщинъ, впечатлительныхъ и способныхъ увлечься, мнѣ кажется, онъ всѣ вдругъ полюбилъ бы его. Это былъ художникъ-творецъ въ самомъ обаятельномъ значеніи этого слова. Фридрихъ Фридриховичъ, глядя на него, пришелъ въ неподдѣльный, художественный восторгъ. Онъ схватилъ обѣ руки Истомина, сказалъ ихъ, и глядя ему въ глаза, проговорилъ съ жаромъ:

— Вы будете велики! Вы будете нашею гордостью; вы будете славою русскаго искусства!

Истоминъ покраснѣлъ, обнялъ Шульца и торопливо отошелъ къ окошку, и — чудо чудное! на глазахъ его вдругъ мелькнули нервныя слезы.

— Чортъ его знаетъ, до чего онъ становился прекрасенъ въ этомъ разстройствѣ!

Я подошелъ къ окну и сталъ рядомъ съ Истоминимъ.

— Дьяволъ бы совсѣмъ взялъ эту глупость! началъ онъ мнѣ на ухо, стараясь въ то же время сморгнуть и утереть свою слезу. — Выдумать еще надо что-нибудь глупѣе, какъ прійти на семейный праздникъ, для того чтобы поздравить дѣвушку и вдругъ самому напроситься на общее вниманіе!

Истоминъ нетерпѣливо дернулъ зубами уголокъ своего платка, и сунулъ его сердито въ карманъ фрака.

Онъ былъ совершенно правъ. О Манѣ и ея празднествѣ совершенно забыли. Всѣ столпились около этюда, который теперь держалъ въ рукахъ пасторъ Абель. Даже старушка-бабушка взялась руками за колеса своего кресла и поѣхала, чтобы соединиться съ прочими у картины. Пасторъ Абель держалъ картину въ одной лѣвой рукѣ и, сильно отгнувшись головою назадъ, разсматривалъ ее съ чинной улыбкой аугсбургскаго исповѣданія; всѣ другіе жались около пасторовыхъ плечъ, а выѣхавшая бабушка заирала съ боку. Однако, старушкѣ было очень хорошо видно картину, потому что она первая заговорила: «aber warum?... какъ она совсѣмъ выглядитъ похожа на Маньхенъ!»

Всѣ въ одну минуту оглянулись на Маню, которая стояла на своемъ прежнемъ мѣстѣ и смотрѣла на Истомина, вытягивая впередъ голову, точно хотѣла сейчасъ тронуться и подбѣжать къ нему.

— Есть сходство, произнесъ съ достоинствомъ пасторъ.

— Совсѣмъ Мана! подтвердила съ восклицаніемъ Ида Ивановна.

— Романъ Прокофѣвичъ! Зачѣмъ это такое сходство? Вѣдь это не нарочно писано; я самъ видѣлъ, какъ вы вырѣзали этотъ кусокъ изъ цѣлаго картона, заговорилъ Фридрихъ Фридриховичъ.

Истоминъ обернулся, закинувъ назадъ разсипавшіеся черные гудри, и дѣлая шагъ къ сгруппировавшейся семьѣ, сказалъ.

— Это?... это художественная вольность, которую вы должны простить мнѣ и которую никто не въ правѣ поставить намъ ни въ судъ, ни въ осужденіе. Фантазія сама по себѣ все-таки фантазія человѣческая; она слаба и ничтожна передъ осуществленною фантазіею природы, передъ натурою. Я очень долго бился съ этой головкой, и она мнѣ все не удавалась. Для такихъ лицъ нѣтъ много натурщицъ. Наши натурщицы все слишкомъ обыкновенныя лица, а остановить первую встрѣчную женщину, которая подходитъ подъ вашъ образъ, слишкомъ романтично и ни одна не пойдетъ. На столько нѣтъ ни въ комъ сочувствія къ искусству. Въ тотъ именно день, когда, помните, Марья Ивановна въ бурю долго не приходила домой и когда мы ее искали, я въ первый разъ увидѣлъ ея головку и... это была именно та головка, которой мнѣ недоставало для картины.

— Зачѣмъ же вы ее, мой голубчикъ, вырѣзали-то? говорилъ съ добродушнымъ упрекомъ Фридрихъ Фридриховичъ.

— А что-съ?

— Да вѣдь она жъ нужна вамъ.

— Я теперь сто разъ къ ряду нарисую вамъ ее на память, отвѣчалъ небрежно Истоминъ.

— Только она, что-то, знаете какъ будто... измѣнена въ чемъ-то.

— Да, выраженіе, конечно... Это дѣлаетъ масса новыхъ впечатлѣній, которыя охватываютъ ее... Это такъ и нужно.

— И есть что-то страшное, замѣтила бабушка.

— Да-да, именно страшное есть, утверждалъ пасторъ, вертя мизинцемъ свободной руки надъ бѣлками, падающими на носъ и освѣщенную луною щеку русалки.

— Гм! наша Маньхенъ попадаетъ на историческую картину, которую будутъ восхищаться десятки тысячъ людей... Богъ-знаетъ, можетъ быть, даже и цѣлыя поколѣнія! воскликнулъ весело Фридрихъ Фридриховичъ, оглядываясь на Маню, которая только повернулась на ногахъ и опять стояла на томъ мѣстѣ, на сводя глазъ съ Истомина.

— Извольте, фрейлейнъ Марія, вашу картину, произнесъ пасторъ, подавая ей картину.

Мая взяла этудь и, зардѣвшись, сдѣлала Истомину полудѣтскій книсенъ.

— Нѣтъ, господа, ужь потрудитесь ваши подарки сами положить на ея совершеннѣйшій столикъ, попросила насъ Софья Карловна.

— Пожалуйте! позвала она, подходя къ двери своей крошечной гостиной.

Мы всѣ довольно торжественно прошли съ своими приношеніями черезъ маленькую гостиную и коридорчикъ и вступили въ комнату новорожденной. Комната эта была вся освѣжена и глядѣла олицетвореніемъ дѣвственнаго праздника Мани. На окнахъ были новыя бѣлыя кисейныя занавѣски съ пышными оборками на верху и съ такими же буфами у подвязей; посерединѣ окна, подходившаго ближе къ ясеновой кровати Мани, на длинной мѣдной проволоцѣ висѣла круглая металлическая вѣтвь, въ которой порхала подаренная бабушкой желтенькая канарейка; весь уголъ комнаты, въ которомъ стояла кровать, былъ драпированъ новымъ голубымъ французскимъ ситцемъ и надъ этою драпировкою, въ самомъ углу, склоняясь на манино изголовье, висѣло большое черное распятіе съ вырѣзанною изъ слоновой кости бѣлою фигурю Христа. Вся дѣвственная постелька Мани, ничѣмъ, впрочемъ, неотличавшаяся отъ постели Иды Ивановны, была бѣла какъ кипѣнь, и въ головахъ ея стоялъ небольшой столикъ, весь сверху до низу обдѣланный бѣлою кисею съ буфами, оборками и широкими розовыми лентами по угламъ. На этомъ столѣ, посрединѣ помѣщался на большомъ подносѣ очень хорошій тортъ съ латинскими буквами «М и N». Около торта размѣщались принесенныя сегодня пасторомъ нѣмецкая библия въ зеленомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ; большой красный дорогой стаканъ съ гравированнымъ видомъ Мюнхена, и на немъ, на бѣлой ниточкѣ, чья-то карточка; рабочая корзиночка, съ бумажкою, на которой было написано «Клара Шперлингъ», и наконецъ необыкновенно искусно сдѣланный швейцарскій домикъ, съ слюдовыми окнами, балкончиками, дверьми, загородами и камнями на крышѣ. На чистомъ липовомъ ящикѣ, изъ котораго домикъ этотъ былъ вынутъ и въ который онъ снова могъ вдвигаться, на дощечкѣ было тщательно выписано имя Германа Вермана, а ниже годъ, мѣсяцъ и число настоящаго праздника. Рядомъ съ этимъ бѣлымъ столомъ, стоялъ роскошный, ажурный, рабочій столикъ, отдѣланный внутри зеленою тафтою. Это былъ подарокъ матери. На этомъ столѣ лежало бархатное пальто, принесенное Бертой Ивановной, и сюда же Шульцъ положилъ соболевый воротникъ

и муфту. Я положилъ сочиненія Пушкина къ стѣнѣ на бѣломъ столикѣ, а Истоминъ поставилъ на эти книги свою картину.

— Какая прекрасная работа! сказалъ онъ, разсматривая деревянный, швейцарскій домикъ.

— Это нашъ добрый Германъ сдѣлалъ, отвѣчала ему Софья Карловна.

— Прелестная, замѣчательная работа! продолжалъ Истоминъ, обращаясь къ Герману.

Тотъ заложилъ большой палецъ правой руки въ петлю своего коричневаго фрака и, поклонился Истомину съ достоинствомъ.

Пасторъ, Ида и всѣ, кромѣ бабушки, были въ этой комнатѣ и цѣлою компаніей всѣ снова возвратились въ залу, гдѣ насъ ждалъ кофе, русскій пирогъ съ дичиннымъ фаршемъ и полный завтракъ со множествомъ всякаго вина. Софья Карловна безпрестанно выбѣгала и суетилась, Маня сидѣла возлѣ бабушки; Берта Ивановна усердно кушала, держа какъ-то на отлетѣ оба тоненькіе мизинца своихъ маленькихъ бѣлыхъ ручекъ. Мужчины всѣ ѣли очень прилежно, но Ида Ивановна все-таки наблюдала за ними и, стоя у стола, безпрестанно подглядывала то тому, то другому новыя порціи.

— Ышьте, говорила она мнѣ, кладя второй кусокъ очень вкусной рыбы.

— Полноте, Ида Ивановна! не могу никакъ, отпрашивался у нея я.

— Ышьте-ка, ѣшьте, отвѣчала она съ вѣчнымъ своимъ спокойствіемъ, не принимая отъ меня никакихъ оправданій. Съ другимъ она поступала совершенно такъ же, только вмѣсто фамильярнаго *ишьте*, на всѣ ихъ отговорки тихо отвѣчала имъ *кушайте*.

— Не выбрасывать же стать, шепнулъ я ей, возлѣ ея локтя.

Ида Ивановна съ едва замѣтной улыбкой толкнула меня въ плечо и опять потащила кому-то новый кусокъ жаркого.

Фридрихъ Фридриховичъ не уступалъ свояденицѣ: какъ она угощала всѣхъ яствами, такъ онъ, еще усерднѣе, наливалъ гостей то тѣмъ, то другимъ виномъ. Даже когда пустыя блюда совсѣмъ сошли со стола и половина маничнаго торта была проглочена съ шампанскимъ, Фридрихъ Фридриховичъ и тогда все-таки не давалъ намъ отдыха.

— Позвольте, господа, говорилъ онъ, не выпускаая никого изъ-за стола.—Это все требуется непременно допить.

— Помилуйте, Фридрихъ Фридриховичъ, куда же намъ еще

пить! отмаливались гости въ виду цѣлыхъ трехъ бутылокъ шампанскаго съ подрѣзанными проволоками у пробокъ.

— Нѣтъ, позвольте! Это совсѣмъ невозможно такъ оставлять, убѣждалъ Фридрихъ Фридриховичъ.—Открытую бутылку нельзя оставлять въ хозяйствѣ. Это, во первыхъ, значить зло оставлять, а потомъ отъ этого, наконецъ, прислуга балуется.

— Пожалуйте-ка, относился онъ, приближая горлышко бутылки къ стакану пастора.

— О, ихъ канъ нихтъ, либеръ геръ Шульцъ! отмаливался пасторъ.

— Ничего, господинъ пасторъ, ничего; это васъ подрѣпить, убѣждалъ Шульцъ и, дополнивъ стаканъ его аугсбургскаго подобія, относился съ тѣми же доводами къ другимъ.

— Это васъ подрѣпить, говорилъ онъ, упрамо заставляя насъ непремѣнно допить все, и прибавлялъ:—пожалуйста, господа! пожалуйста, потрудитесь! пожалуйста, прошу васъ, чтобъ послѣ насъ люди не баловались.

Пасторъ, отстрадавъ, стукнулъ пустымъ стаканомъ и отдулся, а Шульцъ наступалъ на него снова, приглашая выпить «въ пользу дѣтскихъ пріютовъ».

— Капли не выпью больше, господинъ Шульцъ, отказывался пасторъ.

— Въ пользу дѣтскихъ пріютовъ-то, господинъ пасторъ?

— Ни за что, господинъ Шульцъ.

— Въ пользу дѣтскихъ пріютовъ ни за что?

— О, mein Gott! вздыхалъ сдѣлавшійся на сильныя доводы пасторъ.

Шульцъ налилъ ему стаканъ и внушительно замѣтилъ, что въ пользу дѣтскихъ пріютовъ и думать нельзя отказываться.

И въ пользу дѣтскихъ пріютовъ было дѣйствительно допито все, такъ, что людямъ послѣ насъ ужъ нѣ надъ чѣмъ было баловаться.

Вино рѣшительно оказало на всѣхъ свое, пока впрочемъ, только хорошее вліяніе. Всѣ сдѣлались сердечнѣе и веселѣе.

Истоминъ, вставши изъ-за стола, отнесся съ большими комплиментами къ Верману.

— О, помилуйте! конфузился старшій токаръ, попрежнему старааясь усмирять свои торчащія волосы.

— Я вамъ говорю не любезность, а я вамъ говорю просто, что я не видалъ такой легкой и отчетливой работы; это просто художественная... прекрасная вещь, настаивалъ Истоминъ.

— Ну что это? Это, такъ будемъ мы смотрѣть совсѣмъ какъ настоящая бездѣлица. Что говорить о мнѣ? Вотъ вы! вы артистъ,

вы художникъ! вы можете—вы загть манъ днээ?... *творить!* А мы, мы люди... мы простой *ремесленникъ*. Мы совсѣмъ не одно... Я чувствую какъ это, что есть очень, что очень прекрасно; а все это могу очень прекрасно понимать... но я шары на бильярды дѣлать умѣю! Вотъ мое художество!

Истоминъ съ неподдѣльнымъ жаромъ взялъ Вермана за обѣ руки, и привлекая его къ себѣ, сказалъ:

— Всякій, кто чувствуетъ прекрасное, тотъ, даберъ геръ Верманъ, художникъ и истинный художникъ.

Истоминъ подаловалъ старика, и такъ крѣпко подаловалъ его и обнялъ, что обѣ врюковатныя ножки Соважа приподнялись отъ пола, дрыгнули на воздухъ и показали свои подошвы.

Маничка смотрѣла на все это, и (можетъ быть, мнѣ это показалось) смотрѣла теперь именно тѣмъ самымъ взглядомъ, какимъ глядѣла изъ-за тмпа и буквиць истоминская русалка.

Сильно подгулявшіе разошлись по домашъ гости Норковъ, и разошлись съ тѣмъ, чтобы вечеромъ непременно сойдтись здѣсь снова. Шульцъ хотѣлъ, чтобы мы всѣ провели вечеръ у него.

— У меня свободнѣй, очень долше побаловать будетъ можно, убѣждалъ онъ тѣщу, говоря, что здѣсь у нея неловко беспокоить бабушку; но сама бабушка, которой ближе всѣхъ касалась эта отговорка, рѣшительно возстала противъ перенесенія манинаго праздника изъ материнскаго дома къ зятю.

— Ну, такъ ко мнѣ, господа, завтра зубы поласкать? пригласалъ неотступный Шульцъ.

— Это можете, сказала ему съ тихой улыбкою близко стоявшая Ида.

— Могу-съ?

— Можете, а сегодня это очень странно, чтѣ вамъ за фантазія пришла уводить къ себѣ нашихъ гостей!

— Ну, да, да; у васъ, Ида Ивановна, всегда все странно.

— У васъ, продолжалъ выхода Шульцъ: — все это... цирлихъ—манйрлихъ... все это на тонкой деликатности; а у насъ, знаете, все попросту, помужички. Такъ? спросилъ онъ, ударивъ по плечу довольно крѣпко Истомина. Тотъ сильно вздрогнулъ и разсердился, не знаю, за то ли, что Шульцъ такъ пошутилъ съ нимъ, или за то, что онъ самъ вздрогнулъ.

Такъ окончился нашъ сытный завтракъ, а въ восемь часовъ вечера мы снова были у Норковъ.

М. СТЕВНИЦКІЙ.

ПОЛМИЛЬОНА.

РОМАНЪ МИСЬ АМЕЛИИ ЭДВАРДСЪ.

Часть вторая.

—
LV.

ПОКАЗАНИЕ МИСТЕРА ГУТРИ.

Пастора звали Гутри. Онъ жилъ въ домѣ одного небогатаго землевладѣльца въ Друэ, для своего здоровья, какъ говорила старуха-экономка, и тутъ-то, какъ онъ разсказалъ Саусену въ отвѣтъ на его исповѣдь, его отыскалъ одинъ джентльменъ, пріѣхавшій изъ Бордо въ прошлую среду вечеромъ, то-есть въ тотъ самый вечеръ, когда «Дочь Океана» высадила своихъ пассажировъ у «Quai Louis Philippe». Этотъ джентльменъ отрекомендовалъ себя подъ именемъ Форсита. Онъ пріѣхалъ съ цѣлью просить мистера Гутри обвинять его съ дамой, жившей, по его словамъ, въ Бордо, въ гостиницѣ «Hôtel de Nantes». Мистеръ Гутри назначилъ субботу; затѣмъ мистеръ Форситъ, «въ высшей степени пріятный человѣкъ», сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній насчетъ Друэ, и спросилъ пастора, нельзя ли нанять какое нибудь помѣщеніе по сосѣдству, поясняя при этомъ, что дама, на которой онъ готовится жениться, недавно лишилась очень дорогой и близкой особы, и была бы рада уйти отъ городского шума въ такое милое, уединенное мѣсто. Тогда мистеръ Гутри вызвался проводить его въ небольшой «château», отдававшійся въ наймы съ мебелью, и мистеръ Форситъ тутъ же оставилъ за собою балъ-этажъ. Сначала представилось маленькое затрудненіе, потому что домовладѣлецъ не рѣшался отдавать часть своего дома менѣе, чѣмъ на мѣсяцъ, но мистеръ Форситъ, человѣкъ, какъ по всему видно, столько же богатый, сколько и пріятный, предложилъ заплатить за двѣ недѣли впередъ, и обѣщалъ, что хотя дама останется вѣроятно не болѣе одной недѣли, но если въ это время прійдется, вслѣдствіе ея присутствія, отказать болѣе выгодному нанимателю, то будетъ уплачено за весь мѣсяцъ. На слѣдующее же утро онъ привезъ мисъ Ривьеръ въ Друэ,

устроилъ ее въ «Château de Peyrolles», познакомилъ ее съ мистеромъ Гутри, котораго просилъ не оставлять ее своимъ вниманіемъ, и уѣхалъ обратно въ городъ.

Мистеръ Гутри въ то время не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что его новыя знакомыя пріѣхали въ Бордо только наканунѣ, или что они прибыли туда прямымъ путемъ изъ Англіи. Эти обстоятельства онъ узналъ только впоследствии отъ мисъ Ривьеръ. Онъ былъ крайне удивленъ, когда она, вслѣдъ затѣмъ, объявила ему, что они ѣдутъ въ Нью-Йоркъ на первомъ же пароходѣ, отходящемъ изъ Бордо. Еслибы мисъ Ривьеръ говорила объ этихъ планахъ не такъ просто, и не была бы въ такой глубокой горести по случаю смерти матери, онъ, вѣроятно, заподозрилъ бы, что дѣло идетъ о тайномъ бракѣ и побѣгѣ; но весь тонъ ея и пріемы не допускали этого предположенія, и онъ, только мимоходомъ подивившись странности подобныхъ распоряженій, не останавливался долѣе на этомъ предметѣ. Въ патнцу мистеръ Форситъ пріѣхалъ въ Друэ, навѣстить мисъ Ривьеръ, и, по ея желанію, отложилъ свадьбу до понедѣльника. Мистеру Гутри показалось, что мисъ Ривьеръ вполне охотно идетъ за мистера Форсита, и что, хотя любовь, безъ сомнѣнія, преобладаетъ въ немъ, но невѣста его относится къ нему съ самымъ глубокимъ уваженіемъ, и полагается на него во всемъ. Во всякомъ случаѣ вполне естественно было, чтобы она, такъ недавно лишившись матери, желала сколько возможно повременить наложеніемъ на себя этихъ новыхъ узъ. По послѣднему уговору, мистеръ Гутри долженъ былъ обвѣнчать ихъ въ Пейролѣ, въ понедѣльникъ вечеромъ, и на слѣдующее же утро новобрачные намѣревались уѣхать на американскомъ почтовомъ пароходѣ «Уашингтонъ». Мистеръ Гутри прибавилъ, что онъ крайне заинтересовался молодой дѣвушкой. Онъ давалъ ей книги, нѣсколько разъ навѣщалъ ее, и старался посильно развлечь ее во время ея краткаго пребыванія въ Друэ. Самъ же мистеръ Форситъ, изъ уваженія къ ея горести и одиночеству, весьма деликатно держался вдали отъ Пейрола и пріѣзжалъ ненадолго всего одинъ разъ. Мистеръ Гутри полагалъ, что мистеръ Форситъ ѣздилъ по дѣламъ въ Агюлемъ.

Этимъ и кончилось показаніе пастора.

LVI. .

CHÂTEAU DE PEYROLLES.

Это было небольшое, бѣлаго цвѣта зданіе, выстроенное въ французскомъ средневѣковомъ стилѣ, съ подюжиною блестя-

щихъ башенокъ, похожихъ на гасильники, ни съ чѣмъ несообразнымъ множествомъ крошечныхъ оконцевъ и заросшимъ травою дворомъ съ массивными деревянными, рѣшотчатыми воротами. Домъ былъ бѣлый, рѣшотчатыя ставни были бѣлыя, ворота были бѣлыя. Словомъ сказать, трудно было бы найти, даже на югѣ Франціи, болѣе непріютнаго и призрачнаго съ вида жилища. Оно было построено на легкой, почти незамѣтной возвышенности, и кругомъ его стлались обширные виноградники, такъ что оно стояло, точно бѣлый островокъ, среди огромнаго зеленого озера, разстилающагося на множество миль въ окружность. Тамъ и сямъ темнѣлась кучка сельскихъ кровель, и надъ ними висѣлась церковная колокольня; по мѣстамъ даже виднѣлась остроконечная крыша какого нибудь статнаго «château»; но деревень было немного и красивыя «châteaux» были раскиданы далеко другъ отъ друга. Длинная, прямая дорога, окаймленная по сторонамъ высокими тополями, пролѣгала по самой серединѣ этого поля, и пройдя мимо воротъ маленькаго «château de Peyrolles», терялась въ непроглядной дали, словно аллея на картинѣ.

Вдоль этой дороги, мимо виноградныхъ лозъ, отягченныхъ огромными черными гроздями, во многихъ мѣстахъ пригибающимися къ самой дорогѣ, Саксенъ ѣхалъ изъ Бордо въ Друэ, въ это памятное воскресенье. Онъ взялъ изъ гостиницы легкую карету и четверку добрыхъ почтовыхъ коней, которые везли его съ весьма изрядной быстротою. Съ нимъ сидѣлъ и мистеръ Гутри, сохранившій по возможности свою вечернюю проповѣдь. Они вообще говорили мало, только изрѣдка мѣняясь кое-какими замѣчаніями о предстоящемъ виноградномъ сборѣ, или погодѣ, такъ какъ небо за послѣдніе два часа заволоклось мрачными тучами, и сулило грозу; но по мѣрѣ того, какъ путь за ними длиннѣлъ, они говорили и еще менѣе, и наконецъ вовсе смолкли.

— Вотъ и Друэ, сказалъ пасторъ, послѣ болѣе чѣмъ получасоваго молчанія.

Саксенъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ въ окно.

— А это маленькое бѣлое зданіе?

— Château de Peyrolles.

Саксена стало поводить отъ какаго-то страннаго волненія и нерѣшимости.

— Теперь, когда наступаетъ критическая минута, сказалъ онъ: — я чувствую себя совсѣмъ трусомъ.

— Неудивительно: вамъ предстоитъ тяжелая обязанность.

— Но вѣдь вы не думаете, однако, чтобы она его любила?

— По совѣсти — вѣтъ.

— Господи, еслибы я только былъ въ этомъ такъ же увѣренъ,

какъ вы! воскликнулъ Саксенъ съ такимъ горячимъ чувствомъ, что молодой пасторъ взглянулъ на него съ видомъ человѣка, внезапно надоумленнаго.

— Во всякомъ случаѣ, мистеръ Трефольдонъ, отвѣчалъ онъ: — вы не можете поступить иначе, нежели какъ поступаете. Милосердіе при этихъ обстоятельствахъ было бы страшной жестокостью къ ней. Не выдти ли намъ лучше здѣсь, чѣмъ доѣзжать до самыхъ воротъ?

Почтальоны остановились передъ деревенской *auberge* или постоялымъ дворомъ; путешественники вышли и продолжали путь свой пѣшкомъ.

— Не думаете ли вы, что вамъ приличнѣе, какъ священнику, открыть ей эту страшную истину? спросилъ Саксенъ, пока мистеръ Гутри звонилъ.

— Никакимъ образомъ. Я могу только повторять то, что слышалъ; вы же будете говорить то, что сами знаете.

— Ваша правда!

— Но если вы желаете, я первый увижусь съ мисъ Ривьеръ, и приготовлю ее къ вашему посѣщенію.

— Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю!

Пожилая женщина отворила дверь, улыбаясь и присѣдая. «Mamselle, объявила она:— въ гостиной «au premier». Мистеръ Гутри прошелъ наверхъ, а Саксенъ остался внизу, въ маленькой прихожей.

Нервы у него жестоко расходились. Онъ старался собраться мыслями, что и какъ связать, чѣмъ начать, но не могъ въ головѣ своей связать двухъ словъ, и когда пасторъ возвратился къ нему по истеченіи десяти минутъ, ему казалось, что онъ пробылъ не болѣе десяти секундъ.

— Я далъ ей вашу карточку, и объяснилъ ей, что вы — родственникъ мистера Форсита, сказалъ мистеръ Гутри.— Ступайте наверхъ, на первую площадку, въ первую дверь прямо передъ вами; я васъ здѣсь подожду.

Саксенъ пошелъ; но сердце его болѣзненно колотилось о ребра. У самой двери онъ остановился.

— Кажется, лучше бы далъ себя застрѣлить! пробормоталъ онъ, и, съ усиленнымъ повернувъ ручку, вошелъ.

LVII.

Съ чѣмъ сродна жалость.

Онъ очутился въ маленькой приѣмной, выходящей черезъ огромныя створчатыя двери въ болѣе обширную гостиную. Темная

женская фигура, сидѣвшая у раствореннаго окна, тихо поднялась при его приближеніи, а въ отвѣтъ на его полувывговоренный привѣтъ, очень нѣжный, пріятный голосъ пригласилъ его садиться.

— Надѣюсь, началъ онъ: — что мнѣ Ривьеръ извинитъ мою нескромность, повидимому, непростительную, выслушавъ объясненіе...

— Милости просимъ, сэръ, сказала она на это: — хотя бы только въ качествѣ родственника мистера Форсита...

При этихъ словахъ, она въ первый разъ подняла глаза къ его лицу, запнулась, покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ, и послѣ минутнаго колебанія присовокупила:

— Мы, кажется, уже встрѣчались.

Саксенъ низко поклонился.

— Если не ошибаюсь, я имѣлъ однажды честь оказать вамъ незначительную услугу.

— Вы никогда не доставили мнѣ случая... поблагодарить васъ, мистеръ Трефольденъ, проговорила она, крѣпко стиснувъ руки въ крайнемъ замѣпательствѣ.

— Вы мнѣ тогда же выразили благодарность, далеко превышающую такую микроскопическую услугу, возразилъ Саксенъ, къ которому вернулось все его самообладаніе, при видѣ ея робости. — Не странно ли, что намъ пришлось снова свидѣться съ вами при столь различной обстановкѣ?

— Очень странно.

— Но мнѣ стоило такого труда прослѣдить васъ до этихъ мѣстъ, что я уже начиналъ бояться, что мы вовсе не встрѣтима.

— Вы пріѣхали изъ Ангилема?

— Нѣтъ, я ѣхалъ слѣдомъ за вами изъ самой Англій.

— Неужели? Я... я думала, что... не встрѣтили ли вы мистера Форсита въ Ангилемѣ и...

— Родственникъ мой не знаетъ, что я во Франціи, отвѣчалъ Саксенъ, значительно.

— Какъ же онъ будетъ радъ видѣть васъ!

Саксенъ молча потушился.

— Онъ будетъ здѣсь часа черезъ полтора, прибавила мнѣ Ривьеръ, взглянувъ на каминные часы.

— Сегодня?

— Да. Онъ долженъ возвратиться сегодня изъ Бордо, и провести ночь въ деревенской «auberge».

Сказавъ это, мнѣ Ривьеръ, удивленная хладнокровіемъ, съ которымъ Саксенъ принялъ это извѣстіе, снова вскинула на него глаза.

— Я... я надѣюсь, что не случилось ничего дурнаго? про-
молвида она наконецъ тревожно.

Саксенъ запынчался.

— Не могу сказать, чтобы я привезъ добрыя вѣсти, отвѣчалъ
онъ.

— Воже мой! Какъ мнѣ жаль!

— И мнѣ тоже жаль, сказалъ онъ: — болѣе жаль, нежели
могу словами выразить.

Принужденность, полная участія, съ которою онъ проговорилъ
эти слова, повидимому, поразила ее.

— Что вы хотите сказать? спросила она, не скрывая своего
волнения.

— Я хочу сказать, что я до глубины души болѣю объ огор-
ченіи, которое нанесетъ вамъ то, что я долженъ открыть вамъ.

— Огорченіе, *миль?* пролепетала она, побѣлѣвъ какъ полотно,
и совсѣмъ оторопѣвъ. Потомъ она очень грустно улыбнулась,
покачала головою, и отвернулась къ окну, приговаривая: — а
впрочемъ, вѣтъ — *то* уже кончено.

— Еслибы я только могъ надѣяться, мисъ Ривьеръ, что вы
останетесь равнодушны къ тому, что я имѣю сказать вамъ, у
меня гора съ плечъ свалилась бы, сказалъ Саксенъ съ жаромъ. —
Простите ли вы меня, если я вамъ сдѣлаю одинъ очень странный
вопросъ?

— Я... я думаю.

— Любите вы моего родственника?

Лицо мисъ Ривьеръ стало замѣтно еще блѣднѣе, и она отвѣ-
чала съ нѣкоторымъ достоинствомъ.

— Мистеръ Форситъ мой лучший... мой единственный другъ...
и я почитаю его, какъ онъ того заслуживаетъ.

— Но, если онъ вовсе не другъ вамъ? если, вмѣсто добра,
онъ вамъ дѣлалъ одно зло? Если почитаніе это незаслужено? что
тогда? Погодите — простите меня! Я не желаю пугать васъ, но
я здѣсь затѣмъ, чтобы открыть вамъ ужасныя истины, и умоляю
васъ выслушать меня съ терпѣніемъ.

— Я вполне готова выслушать все, что вы имѣете сказать
мнѣ, мистеръ Трефольденъ, отвѣчала мисъ Ривьеръ: — но, пред-
упреждаю васъ, вѣру мою въ вашего родственника нелегко по-
колебать.

— И мою вѣру въ него нелегко было поколебать, возразилъ
Саксенъ: — подобно вамъ, и я когда-то считалъ его моимъ дру-
гомъ.

— Въ чемъ же вы его обвиняете?

— Онъ меня обобралъ.

— О-бо-братъ?!

— Да. Укралъ у меня деньги — два милльона.

Мисъ Ривьеръ поглядѣла на него съ кажимъ-то тупымъ недо-
вѣріемъ.

— Деньги? повторила она. — Вы говорите, что онъ укралъ у васъ деньги?

— Я довѣрилъ ему два милльона, и онъ укралъ ихъ у меня до послѣдняго гроша, продолжалъ молодой человѣкъ, съ безпощадной неуклонностью идя прямо къ дѣлу. — Это еще не все. Онъ укралъ у вашего двоюроднаго брата, лорда Кастельтаурера, еще двадцать-пять тысячъ фунтовъ.

— Мистеръ Форситъ не знаетъ лорда Кастельтаурера.

— Очень можетъ быть, что мистеръ Форситъ не знаетъ лорда Кастельтаурера, но зато мистеръ Трефольденъ — Вильямъ Трефольденъ, юристъ и стряпчій — знаетъ его очень хорошо.

— Вильямъ Трефольденъ? Кто это такой?

— Вильямъ Трефольденъ и мистеръ Форситъ — одно лицо. Вильямъ Трефольденъ — мой родственникъ. Вильямъ Трефольденъ — тотъ самый человѣкъ, которому вы, мисъ Ривьеръ, намѣревались отдать завтра вашу руку.

Молодая дѣвушка на половину поднялась со стула, и Саксенъ ясно видѣлъ, что она задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Я не вѣрю! воскликнула она. — Это чудовищно-невѣроятно!

— Но это истинная правда.

— Какія имѣете вы доказательства?

— Доказательствъ немного, но все-таки, я думаю, достаточно, чтобы васъ убѣдить. Знаете-ли вы почеркъ моего родственника?

— Знаю.

Саксенъ вынулъ изъ кошелька карточку и положилъ на столъ передъ нею.

— Узнаете?

— Да, это его рука.

— Прочтите.

Молодая дѣвушка прочтала вслухъ: *Мистрисъ Ривьеръ, Бо-фортъ-вилла, Сентъ-Джонсъ-Вудъ*. Что это значить? Мы никогда тамъ не жили.

— А между тѣмъ, это тотъ адресъ, который Вильямъ Трефольденъ оставилъ на вашей прежней квартирѣ, когда вы съѣхали съ Брюднельской Террасы, и переселились въ Сиденгамъ.

— Это очень странно!

Саксенъ вынулъ еще свомъ письмо, и тоже положилъ передъ нею.

— Узнаете ли вы и здѣсь его руку?

— Безъ сомнѣнiя. Можно прочесть?

Саксенъ задумался.

— Это его прощальное слово одной бѣдной женщины, которую онъ когда-то любилъ, сказалъ онъ. — Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего такого, чего бы вы не могли прочесть, если желаете.

Мисъ Ривьеръ прочтала письмо и молча возвратила его.

— Замѣтили подпись?

— Замѣтила.

— Вы видите, что онъ обманулъ васъ ложнымъ именемъ, а другихъ — подложнымъ адресомъ.

— Дѣйствительно, я вижу — но не понимаю...

— Можете ли вы мнѣ объяснить, какимъ образомъ случилось, что вы не могли сказать вашей хозяйкѣ, въ какой приморскій городъ вы поѣхали изъ Сиденгама?

— Мистеръ Форситъ рѣшилъ ѣхать въ Клеведонъ, только когда мы были уже въ Паддингтонѣ.

— Можете ли вы объяснить, почему вы поѣхали изъ Лондона въ Клеведонъ, изъ Клеведона въ Бристоль, изъ Бристоля въ Бордò, вмѣстѣ того, чтобы просто сѣсть на первый пароходъ, отходящій въ Соединенные Штаты изъ Соутэмптона или Ливерпуля?

— Я не знаю... я не знала, что мы поѣхали необыкновеннымъ маршрутомъ.

— Но теперь вы это видите?

— Я вижу, что мы сдѣлали ненужный объѣздъ, но не знаю, почему...

— Позвольте мнѣ объяснить, почему. Потому что это путешествiе не есть путешествiе честнаго человѣка, а бѣгство мошенника — бѣгство, устроенное въ его головѣ за мѣсяцы заранее, съ единственной цѣлью провести правосудiе и сбить его со своего слѣда. Вы съѣзжаете съ Вриденльской террасы, и благодаря подложному адресу, пропадаете безъ вѣсти. Вы уѣзжаете изъ Сиденгама, сами не зная куда. Вы живете нѣсколько дней въ безвѣстномъ приморскомъ мѣстечкѣ на западѣ Англии, затѣмъ садитесь на купеческiй пароходъ, совершающiй рейсы между Бристолемъ и Бордò, безъ опредѣленно-положенныхъ сроковъ. Съ какою цѣлью? очень просто: для того, чтобы взять мѣста въ Америку изъ французскаго порта, а не прямо изъ Лондона, Ливерпуля или Соутэмптона. Для этого вамъ приходится совершить утомительное путешествiе, и пожертвовать многими днями, тогда какъ, еслибы вы ѣхали изъ Ливерпуля, вы бы теперь были почти уже въ Нью-Йоркѣ. Но Вильямъ Трефольденъ сотворилъ колоссальный подлогъ, и зналъ, что ему небезопасно ни въ одномъ

изъ нашихъ большихъ портовъ. Онъ знаетъ, что мои агенты могутъ сторожить его на каждомъ изъ пунктовъ, съ которыхъ бы онъ могъ бѣжать по самымъ расчетамъ вѣроятности! Но кому могло въ голову придти, чтобы онъ заѣхалъ въ Бристоль? Кто бы подумалъ искать его въ Бордо? Кто могъ встрѣтить его при выходѣ его на берегъ, съ грозными словами: «Возврати украденные тобою два мильона; отступишь отъ женщины, которую ты хотѣлъ погубить?»

Мисъ Ривьеръ слушала съ глазами, неподвижно-установленными въ лицо молодого человѣка, съ раскрытыми губами, лицомъ, блѣднѣющимъ все болѣе и болѣе, во все время, покуда Саксенъ, съ неумолимой логикою и страстнымъ увлеченіемъ, одинъ за другимъ раскрывалъ ей факты, и дѣлалъ изъ нихъ выводы.

Когда онъ замолчалъ и взглянулъ на нее, онъ увидѣлъ, что она убѣдилась во всемъ; но сердце у него сжалось, когда онъ увидѣлъ и то, какой цѣною куплено это убѣжденіе.

— Я знаю, сказалъ онъ: — это — жестокая истина; но что же мнѣ дѣлать? Я *долженъ* былъ вывести васъ изъ заблужденія. Я прослѣдилъ за вами изъ дома въ домъ, изъ города въ городъ, единственно съ цѣлью спасти васъ отъ участи, которой вы себя обрекаете; теперь каждая минута дорога, время бѣжить, и я вынужденъ говорить прямо, иначе будетъ поздно!

Мисъ Ривьеръ съ отчаяніемъ ломала руку.

— О, мама, мама! жалостно воскликнула она: — зачѣмъ тебя вѣтъ со мною, ты бы сказала мнѣ, что мнѣ дѣлать!

— Вы мнѣ вѣрите? Вы убѣдились?

— Увы, да, убѣдилась! Но какъ мнѣ забыть, что этотъ человѣкъ былъ первымъ другомъ моего отца, благодѣтелемъ моей матери?

— Если Вильямъ Трефольденъ сказалъ вамъ, что онъ былъ первымъ другомъ вашего отца, то и это было ложью, такую же, какъ иная, подъ которыми онъ къ вамъ явился.

— Ахъ, вы не знаете всего, что онъ для насъ сдѣлалъ! Вы не знаете, какъ онъ отыскалъ насъ, когда мы были въ бѣдности, какъ онъ...

— Извините, я все это знаю: онъ отыскалъ васъ потому, что я далъ ему вашъ адресъ и просилъ его быть у васъ; онъ купилъ картины вашего отца, единственно по моему порученію, и въ жизнь свою не видалъ мистера Ривьера. Я никогда не думалъ говорить вамъ этого, но теперь мнѣ не остается выбора.

Молодая дѣвушка закрыла лицо руками и тихо плакала. Слезы ея какъ-бы лились прямо въ сердце Саксена. Онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе заключить ее въ свои объятія и сказать

ей, что онъ готовъ отдать жизнь свою, чтобы утѣшить и успокоить ее. Но не отважился на подобное движеніе, и только сказалъ своимъ простымъ, почти дѣтскимъ тономъ:

— Пожалуйста, не плачьте! слезы ваши заставляютъ меня чувствовать себя такимъ виноватымъ передъ вами!

Она не отвѣчала.

— Не могу сказать вамъ, продолжалъ онъ:—что я выстрадалъ отъ одной мысли о томъ, какое страданіе я вынужденъ нанести вамъ! Я бы съ радостью самъ взял на себя двойную долю горя, еслибы это было возможно. Простите ли вы меня?

Она все плакала. Онъ рѣшился подойти поближе.

— Я знаю, сказалъ онъ съ нѣжностью:—какъ это тяжело, вѣдь я чрезъ все это самъ прошелъ. Онъ былъ моимъ другомъ и я считалъ его воплощеніемъ чести. Еслибы ангелъ слетѣлъ съ неба и сказалъ мнѣ, что онъ измѣнитъ моему довѣрію—и тогда я, кажется, не повѣрилъ бы.

— Но вѣдь онъ былъ моимъ единственнымъ другомъ, заручилась дѣвушка:—моимъ единственнмъ другомъ во всемъ свѣтѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ Саксенъ:—не единственнымъ, въ этого не говорите и не думайте! Взгляните на меня, посмотрите мнѣ въ лицо и вы увидите, что это—лицо болѣе честнаго человека и болѣе вѣрнаго друга, нежели Вильямъ Трефольденъ.

И молодой человекъ, опустившись на колѣни передъ нею, чтобы привести лицо свое въ одинъ уровень съ ея глазами, робко дотронулся до ея рукъ, какъ-бы желая отнять ихъ отъ ея лица, и не смѣя этого сдѣлать.

— Да посмотрите же на меня, упрашивалъ онъ ее:—взгляните на меня хоть одинъ разъ, хоть на одно мгновеніе.

Она приподняла лицо свое, блѣдное отъ слезъ, и взглянула на него боязно, съ трепетомъ, какъ испуганное дитя; но въ его глазахъ было что-то такое, что заставило кровь прихлынуть къ ея щекамъ алымъ румянцемъ.

— О, еслибы я только смѣлъ говорить, сказалъ онъ страстно:—можно?... можно?

Онъ взялъ ея руки—она не отнимала ихъ; онъ поцаловалъ сперва одну, потомъ другую, прижимаясь къ ней ближе и ближе.

— Вѣдь я люблю васъ, Геленъ; можете ли вы забыть все ваше горе и сдѣлаться моей женочкой? Родина моя—Швейцарія, тамъ у меня милый, добрый отецъ, пасторъ; мы люди простые и ведемъ простую жизнь среди нашихъ стадъ и пастбищъ; но мы не измѣнники. Мы не предаемъ нашихъ друзей и не обманываемъ тѣхъ, кого любимъ. Скажи же мнѣ, голубка моя, хочешь ли

любить меня немножко? хочешь ли жить со мною далеко, далеко отсюда, среди моих родныхъ, красавиць-Альпъ?

Она улыбнулась. Эту улыбку онъ принялъ за достаточный отвѣтъ и поцаловалъ губки, подарившія его ею; потомъ, впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, они смѣялись, плавали и радовались вмѣстѣ, точно дѣти, нашедшія кладъ.

— Ты должна носить это колечко, пока я достану тебѣ другое, поменьше, сказалъ Саксень, снимая кольцо съ своего мизинца и надѣвая ей.

— Какая прелесть! сказала Геленъ:—что это такое? горный хрусталь?

— Нѣтъ, брильянтъ.

— Брильянтъ? я не думала, чтобы были на свѣтѣ настоящіе брильянты такой величины.

— Я тебѣ подарю цѣлое брильянтовое ожерелье, въ которомъ каждый камень будетъ больше этого.

— Да ты-то кто же? Ужь не принцъ ли какой?

— Я? я—гражданинъ-фермеръ швейцарской республики.

— Значитъ, швейцарцы очень богаты?

— Нисколько. Это значитъ только то, что я первый богачъ въ Граубинденскомъ кантонѣ, и что жена моя будетъ знатной барыней—такую же знатною, какъ ея гордая тѣтка, леди Кастельтауерсъ.

— Ты знаешь леди Кастельтауерсъ?

— Да, сынъ ея—мой лучший другъ, душа-человѣкъ въ мірѣ—ты его такъ полюбишь!

— Я не знаю никого изъ моихъ родныхъ, сказала Геленъ печально:—кромѣ тѣтки моей Алеціи, а она меня не любитъ.

— Вотъ погоди: она вдругъ отероетъ, что любить тебя до страсти, когда ты явишься къ ней въ брильянтахъ, засмѣялся Саксень, окруживъ станъ ея рукою, такъ что-вудри его коснулись ея щеки.

Геленъ вздохнула и утомленно склонила головку на его плечо.

— Я не хочу, чтобы леди Кастельтауерсъ любила меня, и брильянтовъ мнѣ не нужно; лучше бы насъ ожидала бѣдность, Саксень.

— Почему же, Геленъ?

— Потому... потому что, мнѣ кажется, бѣдные счастливѣе и болѣе любятъ другъ друга, чѣмъ богатые. Отецъ мой и мать были очень-очень бѣдны и...

— И никогда не любили другъ друга на половину столько, сколько мы съ тобою будемъ любить, пылко перебилъ ее Саксень.—

Я бы не могъ любить тебя на одну іоту больше, еслибы я былъ бѣднѣе Адама.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что я счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Только скажи мнѣ, Геленъ, ты никогда не любила Вильяма Трефольдена, никогда и нисколько?

Геленъ мотнула головой.

— Я его уважала, отвѣчала она:—была ему благодарна—вотъ и все.

— Но не любила ли ты его хоть сколько-нибудь?

— Нѣтъ.

— Такъ-таки ни чуточки?

— Ни капельки.

— А выходить за него собиралась!

— Да ты подумай только, какъ я была одинока.

— И то правда; бѣдная моя крошка Геленъ!

— А онъ меня любилъ; во всемъ мірѣ онъ одинъ любилъ меня.

— А я-то?

— Да почему же я про тебя знала? Когда ты началъ любить меня, Саксенъ?

— Право, самъ хорошенько не знаю. Кажется, съ той самой минуты, какъ я узналъ, что тебѣ угрожаетъ быть женой Вильяма Трефольдена. А ты?

— Не скажу.

— Ну, это нехорошо.

— Право, не скажу.

— Ну, значитъ, не любишь.

— Нѣтъ, неправда.

— Не *нѣтъ*, а *да*.

Она отвернулась, полусмѣясь и подуплача.

— Ты былъ моимъ героемъ, прошептала она, со дня нашей первой встрѣчи.

Счастливецъ Саксенъ!

Обезумѣвшій отъ радости, онъ обнималъ ее, дурачился, какъ школьникъ, и пожиралъ маленькія ея ручки поцалуйми. Среди всѣхъ этихъ сумасшествій, дверь вдругъ растворилась и мистеръ Гутри вошелъ. Онъ улыбнулся, но его, повидимому, не особенно удивило зрѣлище, представившееся ему.

— Извините за внезапный приходъ, сказалъ онъ.—Я два раза стучался, но вы не слышали. Вы вѣроятно не знаете, какъ уже поздно. Здѣшная старуха сказала мнѣ, что мистеръ Трефольденъ собирался обѣдать здѣсь сегодня въ семь часовъ. А теперь уже половина седьмого и, кажется, гроза собирается.

LVIII.

ЗАТРАВЛЕННЫЙ ЗВЕРЬ.

Въ главной гостиной маленькаго «Château de Peyrolles», при закрытыхъ окнахъ, зажженной лампѣ и тщательно опущенныхъ занавѣсахъ, сидѣли Саксенъ Трефольденъ и мистеръ Гутри въ глубокомъ, зловѣщемъ молчаніи. На столѣ передъ ними были разложены перья, чернила и бумага, прихожая оставалась въ темнотѣ, а двери изъ нея были приотворены. Въ домѣ было совсѣмъ тихо: ни голоса, ни шума шаговъ, никакого живого звука; на дворѣ не было слышно ничего, кромѣ унылаго стона вѣтра и скрипа флюгеровъ на башенькахъ. Они дожидались Вильяма Трефольдена.

Мисъ Ривьеръ ушла въ свою комнату, отчасти, чтобы быть подалше отъ ожидаемаго свиданія, отчасти же, чтобы заняться нужными приготовлениями къ отъѣзду, такъ-какъ пасторъ вызвался доставить ей временное пристанище въ семействѣ одного англійскаго негоціанта, постоянно жившаго въ Бордо. Саксенъ заблаговременно распорядился, чтобы карета дожидалась ихъ въ семь часовъ у задняго крыльца, и при первой возможности они должны были всѣ втроемъ поспѣшить обратно въ Бордо. Между тѣмъ назначенный часъ давно уже насталъ, а Вильяма Трефольдена все еще не было.

Каминные часы пробили четверть осьмого.

Мистеръ Гутри взглянулъ на свои часы. Саксенъ всталъ, подошелъ къ ближайшему окну, рукою отстранилъ занавѣсъ и взглянулъ на улицу. Уже темнѣло, но на дальнемъ горизонтѣ еще свѣтилось блѣдное сіяніе, помогавшее ему различать, какъ огромныя тучи медленно катились надъ его головой, словно мрачное полчище, молчаливо спѣшившее въ бой.

— Бурная будетъ ночь, замѣтилъ онъ, возвращаясь на свое мѣсто.

— Ст! возразилъ пасторъ:—я слышу колеса.

Они напрягли слухъ, но слышанный ими экипажъ ѣхалъ шагомъ и медленно проѣхалъ дворомъ къ заднему крыльцу.

— Это только наша карета, проговорилъ Саксенъ, и оба снова замолчали.

Прошло пять минутъ, десять минутъ — прошло четверть часа; часы опять пробили. Была половина осьмого.

Вдругъ Саксенъ приподнялъ руку и внимательно пригнулъ голову.

— Я ничего не слышу, сказалъ пасторъ.

— А я такъ слышу парную варету, вѣдущую очень быстро по направленію изъ Бордо.

Мистеръ Гутри сомнительно улыбулся, но опытное ухо Саксена нелегко было обмануть: минуто спустя, пасторъ уже могъ разслышать стукъ колесъ, который постепенно усиливался и наконецъ прекратился предъ самыми воротами. Саксенъ опять взглянулъ изъ окна.

— Я вижу варету за воротами, сказалъ онъ: — теперь ихъ отворяетъ мальчикъ съ фонаремъ; вотъ она выходитъ—расплачивается съ кучеромъ, переходитъ дворъ—карета уѣзжаетъ. Идетъ! Саксенъ быстро опустилъ занавѣсъ и убавилъ огня въ лампѣ, оставляя такимъ образомъ комнату въ полумракѣ, между тѣмъ, какъ мистеръ Гутри, по заранѣ составленному плану, выходилъ въ темную прихожую и становился около самой двери.

Еще минуто спустя, послышался голосъ Вильяма Трефольдена, весело разговаривавшаго съ экономкой, затѣмъ шаги его на лѣстницѣ. Передъ самою дверью онъ пріостановился на минуто, потомъ повернулъ ручку и вошелъ. Найдя комнату неосвѣщенной, онъ поставилъ на полъ что-то тяжелое и, руководимый узенькой полоской свѣта, пролегающей чрезъ скважину пріотворенной двери, направился прямо въ гостиную. Въ это время, мистеръ Гутри осторожно повернулъ ключъ въ замѣкъ и положилъ его къ себѣ въ карманъ.

Какъ ни легокъ былъ шумъ, произведенный этимъ движеніемъ, урсть уловилъ его.

— Чтò это такое? быстро проговорилъ онъ, останавливаясь на поддорогѣ.

Онъ прислушался, на минуто притаилъ дыханіе, но вдругъ шагнулъ впередъ, настежъ растворилъ дверь и вошелъ въ другую комнату.

Въ эту самую минуто Саксенъ прибавилъ свѣтъ въ лампѣ и родственники внезапно очутились лицомъ къ лицу.

— Наконецъ-то, измѣнникъ!

Страшная блѣдность—та мертвенная блѣдность, которая порождается не страхомъ, а ненавистью, медленно легла на лицо Вильяма Трефольдена и уже не сходила съ него. Никакими другими признаками не проявилась буря, забушевавшая въ его груди. Гордый и надменный, какъ индеецъ у пыточного столба, онъ сгрестилъ на груди руки, не дрогнувъ подъ взглядомъ своего родственника. Такъ стояли они нѣсколько секундъ и оба молчали, наконецъ мистеръ Гутри возвратился изъ прихожей, затворилъ двери и сѣлъ у стола, между тѣмъ, какъ Саксенъ, за-

навъ свое прежнее мѣсто, указывалъ на стулъ, поставленный поодаль отъ другихъ, и сказалъ:

— Извольте садиться, Вильямъ Трефольденъ. Юристь, бросая злобный взглядъ на узаннаго имъ пастора, небрежно развалился на стулѣ.

— Можно узнать, что это все значить? спросилъ онъ презрительно.— Кажется, дилетантская звѣздная палата?

— Правосудіе и возмездіе— вотъ что это значить, возразилъ Саксенъ сурово.

Трефольденъ улыбнулся и откинулся на стулѣ, ожидая, что будетъ дальше. Онъ зналъ въ душѣ, что для него все кончено. Онъ зналъ, что его волшебное золото превратилось въ сухіе листья, что рай, созданный въ его грѣсахъ, внезапно исчезъ, оставивъ на своемъ мѣстѣ только безконечную пустыню и жгучіе пески. Онъ зналъ, что зданіе, которое онъ воздвигалъ въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ, съ такимъ несравненнымъ искусствомъ, разрушено, разбито въ прахъ, что карта, на которую онъ поставилъ свое доброе имя, свою безопасность и всю земную свою будущность, измѣнила ему въ ту самую минуту, какъ онъ уже думалъ, что побѣда за нимъ. Онъ зналъ, что Геленъ Ривьеръ никогда уже не бывать его женою, красою его дома, радостью его сердца, что никогда уже не научится она платить ему любовью за любовь во всѣ долгіе, тяжкіе годы его остальной жизни. Онъ зналъ, что съ этой самой минуты онъ—оповоренный, замлейменный преступникъ, зависящій отъ жалости родственника, такъ жестоко имъ оскорбленнаго. Онъ зналъ все это, и все-таки самообладаніе его ни на минуту не поколебалось, взоръ его ни разу не потупился, голосъ его не дрогнулъ. Отчаяніе его было безгранично, но гордость его и мужество равнялись его отчаянію.

Саксенъ, подперевъ рукою голову, нѣсколько мгновеній сидѣлъ у стола съ опущенными глазами.

— Я немного имѣю сказать вамъ, Вильямъ Трефольденъ, началъ онъ наконецъ:— и это немного должно быть сказано возможно коротко. Узорять человѣка, способнаго поступить такъ, какъ поступили вы, было бы лишнее. Еслибы вы имѣли сердце, которое могло бы быть тронуто, чувство чести, способное къ пробужденію, то ни вы ни я не сидѣли бы здѣсь сегодня.

Юристь слушалъ все съ той же презрительной усмѣшкой и, повидимому, съ величайшимъ равнодушіемъ.

— Я буду, слѣдовательно, придерживаться однихъ фактовъ, продолжалъ молодой человѣкъ:— вы украли у меня два милліона; эти деньги у васъ; вы въ настоящую минуту въ моей власти;

миѣ стоить только призвать сельскую полицію, и вы тотчасъ же будете отвезены въ Бордо, въ каретѣ, стоящей внизу для этой цѣли. Таково наше обоюдное положеніе. Но я не желаю доводить дѣло до крайности, я не хочу пятнать публичными скандаломъ имя, которое вы, первый въ нашемъ родѣ, оскороурили. Ради моего дяди и меня самого, изъ уваженія къ многимъ поколѣніямъ честныхъ людей, я рѣшился предоставить вамъ средства къ спасенію.

Онъ приостановился и взглянулъ на ключокъ бумаги, лежавшій передъ нимъ на столѣ.

— Вопервыхъ, продолжалъ онъ:— я требую, чтобы вы возвратили украденныя вами деньги; во вторыхъ, вы должны подписать полное признаніе въ вашей винѣ относительно какъ двухъ милліоновъ, взятыхъ вами у меня, такъ и двадцати-пяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которыми вы воспользовались отъ графа Кастельтауерса. Втретьихъ, вы должны отправиться въ Америку и никогда болѣе не показываться по сю сторону Атлантическаго океана. Если вы согласны на эти условія, то я, съ своей стороны, согласенъ оградить васъ отъ закона и дать вамъ тысячу фунтовъ стерлинговъ, чтобы помочь вамъ честнымъ образомъ вступить на новый путь, открывающійся передъ вами.

— А если я на ваши условія не соглашусь, спокойно прервалъ его Трефольденъ:— что тогда?

— Тогда, я просто дерну этотъ звонокъ, и тотъ самый мальчикъ, который только что отворилъ вамъ ворота, немедленно сбѣгаетъ въ деревню за полиційскими.

Юристъ только самымъ незамѣтнымъ образомъ приподнял брови.

— Я дожидаюсь вашего рѣшенія.

— Моего рѣшенія? возразилъ Трефольденъ съ такимъ же наружнымъ равнодушіемъ, какъ-бы обсуждаемый вопросъ ограничивался выборомъ переплета для книги, или рамы для картины.— Вѣдь миѣ кажется, что выбора миѣ не предоставляется.

— Этимъ, я полагаю, вы хотите сказать, что принимаете мои условія?

— Полагаю, что такъ.

— Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, деньги?

— Въ той комнатѣ; можете получить.

Мистеръ Гутри всталъ, сходилъ за сак-вождемъ и поставилъ его на столъ.

— Позвольте ключи.

Вильямъ Трефольденъ досталъ изъ кармана три небольшихъ ключика на кольцѣ и подалъ ихъ пастору.

— Помѣщеніемъ денегъ вы останетесь довольны, сказалъ онъ, слѣдя съ невозмутимымъ спокойствіемъ за раскртіемъ сак-возжа, ящика и шкатулки. Содержаніе послѣдней было высыпано на столъ, и мистеръ Гутри, съ цѣлью удостовѣриться, вся ли тутъ сумма на лицо, принялся повѣрять каждый предметъ. Но онъ, послѣ немногихъ минутъ, долженъ былъ убѣдиться, что это потерянный трудъ. Повѣрка банковыхъ билетовъ и звонкой монеты не представляла никакой трудности, но въ этомъ видѣ денегъ было сравнительно мало и главная часть добычи заключалась въ бумагахъ, о стоимости которыхъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и въ драгоценныхъ камняхъ, для оцѣнки которыхъ потребовалось бы знаніе эксперта-ювелира.

— Признаюсь, сказалъ онъ: — я рѣшительно не въ состояніи провѣрить эти деньги; для этого нуженъ болѣе свѣдущій дѣловой человѣкъ, чѣмъ я.

— Значить, нечего и провѣрять, отвѣчалъ Саксенъ, загребая свертки и бумаги и бросая ихъ какъ попало обратно въ шкатулку.—Я самъ не дѣловой человѣкъ, и не въ силахъ продлить это тяжелое слѣдствіе далѣе сегодняшняго дня. Приступите къ составленію деклараціи.

— Если вы потрудитесь сказать мнѣ, въ чемъ она должна заключаться, я сейчасъ же напишу ее, сказалъ мистеръ Гутри.

Саксенъ шопотомъ сообщилъ ему свои наставленія, и перо пастора быстро заскрипѣло по бумагѣ, затѣмъ онъ вслухъ прочиталъ написанный имъ документъ:

«Я, Вильямъ Трефольденъ, изъ Чансери-Лена въ Лондонѣ, юристъ и стряпчій, симъ признаю, что выманилъ у родственника моего, Саксена Трефольдена, швейцарскаго уроженца, сумму въ два милліона фунтовъ стерлинговъ, съ умысломъ—похитить ихъ у него; еще признаю я, что ложно увѣрилъ его, будто я превратилъ эту сумму, для его пользы и выгоды, въ акціи нѣкоего вымышленнаго общества, неизвѣстнаго дѣйствительнаго существованія, а выдуманнаго и изобрѣтеннаго мною для собственныхъ, безчестныхъ моихъ видовъ. Я также признаю, что обратилъ эти два милліона въ разныя бумаги и цѣнности, какія считалъ наиболѣе удобными и выгодными для себя, и бѣжалъ изъ Англій со всѣмъ добытымъ такимъ образомъ имуществомъ, намѣреваясь отправиться въ Соединенные Штаты Америки и тамъ присвоить его, для своего личнаго употребленія.

«Я далѣе сознаюсь, что два года назадъ получилъ двадцатьпять тысячъ фунтовъ стерлинговъ отъ моего кліента, Джервэза-Леопольда Винлифа, графа Кастельтауерса, и что, вмѣсто того чтобы немедленно уплатить эти деньги, какъ обязывалъ меня

долгъ, въ руки Оливера Беренса, эсвайра, изъ Бродстрита въ Лондонѣ, для ликвидаціи займа, заключеннаго у него лордомъ Кастельтауерсомъ, года четыре назадъ, подъ закладную, я присвоилъ для собственнаго своего употребленія, продолжалъ уплачивать попрежнему одни только проценты отъ имени моего кліента.

«Далѣе я заявляю, что это признаніе, относительно провинности моей, какъ противъ моего родственника Саксена Трефольдена, такъ и противъ графа Кастельтауерса, во всѣхъ отношеніяхъ исполнѣ согласно съ истиною, что я и скрѣпляю своей подписью, данною въ присутствіи нижеозначенныхъ свидѣтелей. Сего двадцать-второго сентября, лѣта по Р. Х. тысяча-восемьсотъ-шестидесятаго.»

Мистеръ Гутри, прочитавъ документъ до конца, передалъ его черезъ столъ юристу. Вильямъ Трефольденъ слушалъ, все еще небрежно развалившись на стулѣ, и сначала улыбался юридическому обороту, который пасторъ старался придать своимъ фразамъ, но подъ конецъ чтенія нахмурился и сталъ нетерпѣливо постукивать каблукомъ по паркету.

Саксенъ придвинулъ къ нему чернильницу.

— Подпишите, сказалъ онъ.

Юристъ всталъ, взялъ перо, обмокнулъ его въ чернила, но вдругъ запнулся, и съ внезапнымъ презрительнымъ порывомъ швырнулъ перо на столъ.

— Деньги получили, сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ: — чего же вамъ еще?

— Миѣ нужно доказательство вашей вины.

— Не могу, не хочу подписывать. — Берите, ради-бога, деньги — и пустите меня.

Саксенъ всталъ, блѣдный и неумолимый; рука его коснулась звонка.

— Выборъ за вами, сказалъ онъ: — подписывайте, или я звоню.

Вильямъ Трефольденъ окинулъ бѣглымъ взоромъ комнату, какъ-бы ища оружія, которымъ могъ бы утолить ненависть, сверкавшую въ его глазахъ; потомъ пробормоталъ сквозь зубы свирѣлое ругательство, схватилъ со стола перо и, такъ-сказать, вырылъ имъ имя свое на бумагѣ.

— Ну, вотъ вамъ, злобно сказалъ онъ: — довольны ли вы?

Мистеръ Гутри приложилъ свою подпись, въ качествѣ свидѣтеля, и Саксенъ сдѣлалъ то же.

— Да, возразилъ онъ: — теперь я доволенъ. Остается только мнѣ исполнить мою часть договора.

И онъ отобралъ банковыхъ билетовъ на тысячу фунтовъ стерлинговъ.

Юристъ хладнокровно изорвалъ билеты на мелкіе клочки.

— Двадцать разъ умру, сказалъ онъ:— прежде нежели воспользуюсь коркою хлѣба отъ вашихъ милостей.

— Какъ вамъ угодно, во всякомъ случаѣ вы теперь свободны.

Затѣмъ мистеръ Гутри всталъ, вынулъ ключъ изъ кармана и отомкнулъ наружную дверь.

Страпчій послѣдовалъ за нимъ. На самомъ порогѣ онъ обернулся.

— Саксенъ Трефольденъ, сказалъ онъ глухимъ, шипящимъ, сдержаннымъ тономъ:— какъ только можетъ человѣкъ ненавидѣть другого, такъ я ненавижу тебя. Я ненавидѣлъ тебя прежде, нежели увидалъ тебя, и возненавидѣлъ тебя вдесятеро съ самой первой минуты нашей встрѣчи. Помни это, помни, что мое смертельное проклятіе будетъ надъ тобою вездѣ и во всѣ дни твоей жизни—надъ дѣтми твоими и надъ дѣтми дѣтей твоихъ—надъ твоимъ брачнымъ ложемъ, и смертнымъ одромъ, и могилою. Нѣтъ того горя, того недуга, того срама, который бы я не выманивалъ у неба для отравленія твоей жизни и погубленія твоего честнаго имени, въ этой жизни—тѣхъ мукъ и истязаній, которыхъ не сулялъ бы я тебѣ въ будущей. Вотъ тебѣ мое прощальное слово.

Было что-то ужасающее въ отсутствіи всякой страстности и ярости, въ холодномъ, спокойномъ, размѣренномъ тонѣ, которымъ Вильямъ Трефольденъ произнесъ это прощальное проклятіе; но Саксенъ выслушалъ его съ лицомъ, полнымъ торжественной жалости и удивленія, и сначала до конца не сводилъ пристального взгляда съ врага своего.

— Да простить вамъ Богъ, какъ я вамъ прощаю, сказалъ онъ съ чувствомъ.—Да простить васъ и умиловитесь надъ вами Господь въ своей безконечной благодати, и да смягчитъ онъ сердце ваше и не обратитъ эти проклятія на собственную вашу злополучную голову.

Но Вильямъ Трефольденъ былъ уже далеко и не слышалъ ни слова изъ прощенія своего родственника.

LIX.

У х а л л и !

Твердою поступью, съ суровымъ лицомъ, Вильямъ Трефольденъ сошелъ по широкой каменной лѣстницѣ въ сѣни. Тутъ попалась ему

экономка, выходявшая изъ пустой столовой и удивленно размышлявшая про себя, что бы за необыкновенная вещь сотворилась въ этомъ домѣ, и при видѣ его она отшатнулась, словно встрѣтила привидѣніе. Онъ прошелъ мимо нея, какъ прошелъ бы мимо дерева по дорогѣ, машинально взявъ шляпу и вышелъ. У воротъ онъ остановился. Ключъ былъ въ замкѣ, но онъ долго съ нимъ возился и не могъ отомкнуть. Экономка, глядѣвшая вслѣдъ за нимъ съ какимъ-то смутнымъ страхомъ, позвала Жака и послала его отпереть ворота. Жакъ побѣжалъ черезъ дворъ, постукивая своими деревянными башмаками, съ фонаремъ въ рукахъ, и въ минуту отомкнулъ замокъ.

Трефольденъ вышелъ, словно шальной, и пройдя нѣсколько шаговъ, сталъ и прислонился къ стѣнѣ. Вѣтеръ бушевалъ съ изступленіемъ, изрѣдка принося тяжелыя дождевыя капли, но онъ этого не замѣчалъ; потому онъ медленно прошелъ по узкой дорожкѣ, между изгородами, и вышелъ на большую дорогу. Направо она вела въ Бордо, но до города было добрыхъ десять миль; лѣво отъ него была деревня, отчасти окаймлявшая дорогу, но больше раскинутая поодаль отъ нея въ виноградникахъ. Онъ остановился, прошелъ нѣсколько сажени въ одну сторону, потомъ въ другую, и снова сталъ—обезсиленный и ошеломленный, непохожій самъ на себя.

Въ немъ совершалась реакція, нравственная и физическая. Страшный испугъ, черезъ который онъ прошелъ, начиналъ сказываться на его тѣлѣ и мозгѣ. Смутно сознавая это, онъ силится собраться съ мыслями, сообразить, что ему дѣлать и въ какую сторону идти. Тогда онъ вдругъ вспомнилъ, что онъ съ полдня былъ въ движеніи и еще не обѣдалъ. Онъ рѣшился идти въ сельскую гостиницу, и потребовать тамъ чего-нибудь поѣсть и водки—главное, водки. Онъ надѣялся, что она придастъ ему жизни, укрѣпитъ его, сниметъ тяжесть, давившую его мозгъ, возвратитъ ему власть надъ собою.

Слѣдуя этому инстинктивному движенію, онъ кое-какъ добрелъ до «Золотого Льва». Двое стариковъ, крестьянъ, бесѣдовавшіе надъ полбутылкой краснаго вина, въ дальнемъ углу общей комнаты, взглянули на него, когда онъ вошелъ, и самъ хозяинъ, узнавъ богатаго англійскаго «monsieur», бросилъ начатую игру въ домино и почтительно встрѣтилъ его.

— Не желаетъ ли monsieur посмотреть свою комнату? застуется онъ:—комната готова и monsieur останется доволенъ. Monsieur угодно покушать? Непремѣнно! monsieur можетъ получить все, что угодно: котлетку, яичницу, ветчину, даже курицу, если monsieur потрудится подождать, пока зажарятъ. Не-

угодно? значить котлетку и коньякъ? Коньякъ превосходный, *viens cognac*, если уже monsieur предпочитаетъ его вину. Сейчас все будетъ подано. Не угодно ли покуда monsieur занять маленькій столикъ у окна?

Вильямъ Трефольденъ опустился на стулъ, поставленный ему услужливымъ хозяиномъ, и долго сидѣлъ въ какомъ-то тупомъ забытѣи, въ шляпѣ, облокотившись на столъ, подперевъ подбородокъ обѣими руками. Волосы и платье его были сыры, ноги холодны, какъ ледъ, зубы стучали, но о всемъ этомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго сознанія. Онъ сознавалъ только то, что чувствуетъ себя сломленнымъ, пришибленнымъ, оцѣпенѣлымъ; да еще сознавалъ, что ему нужно о чемъ-то подумать, а думать нѣтъ силъ; одна надежда на водку—водки, скорѣе водки!

Онъ еще разъ нетерпѣливо потребовалъ водки, и пока хозяинъ ходилъ за нею, снова съ недоумѣннемъ старался припомнить, что такое ему нужно обдумать, но главная мысль какъ-то странно ускользала отъ него; она мучила его, не давала ему покоя; каждую минуту, казалось, онъ былъ готовъ уловить ее, но она опять увертывалась и онъ ошущью пробирался въ какомъ-то умственномъ мракѣ, невыносимо тяжеломъ и болѣзненномъ.

Принесли водку въ маленькомъ графинчикѣ, съ крошечной рюмочкой. Онъ сердито оттолкнулъ рюмочку, вылилъ всю водку въ стаканъ и хватилъ залпомъ. Она огнемъ прошла по его горлу, но едва онъ успѣлъ проглотить ее, какъ давленье, тяготившее его мозгъ, значительно полегчало.

Еще нѣсколько минутъ, и ему стало тепло и хорошо, мысли его вдругъ прояснились. Онъ вспомнилъ все; вмѣстѣ съ памятью въ нему воротились бѣшенство, горе, ненависть, любовь, отчаянье.

Теперь онъ зналъ, какая мысль преслѣдовала, томилъ его за нѣсколько мгновений, смутно представляясь и не давая ему: мысль эта—месть.

Да, онъ хотѣлъ мести смертельной, грозной, скорой, кровавой мести! Онъ твердилъ себѣ, что отомстить во что бы ни стало, что съ радостью отдастъ за месть свою жизнь и сочтетъ ее дешевой цѣной. Страшное слово бросилось ему въ голову, трепетало въ его пульсѣ, звенѣло въ ухахъ его, одолевало его какъ демонъ.

Онъ зналъ, что надо составить планъ немедленно, и немедленно же исполнить его; ударъ долженъ пасть такъ же внезапно и сразить такъ же вѣрно, какъ молнія; но какъ это сдѣлать? какимъ оружіемъ?...

Захлопотавшійся хозяинъ возвратился съ нѣсколькими закрытыми тарелками въ рукахъ и салфеткой подъ мышкой.

— Monsieur останется доволенъ стараніемъ кухарки, ухмлялся онъ, ставя на столъ супъ, котлетки съ жаренымъ картофелемъ и блюдо фасоли. Но Вильяму Трефольдену было не до ѣды; онъ отвѣдалъ супу и оттолкнулъ все въ сторону. Онъ принуждалъ себя попробовать мяса, но положилъ кусокъ обратно на тарелку, не поднеся къ губамъ. Водка придала ему искусственную силу и отвращеніе къ самому виду и запаху пищи. Одно только взялъ онъ со стола—ножъ, и высмотрѣвъ удобную минуту, запряталъ его въ рукавъ, когда никто на него не смотрѣлъ. Это былъ короткій ножъ, съ чернымъ черешкомъ, приостренный съ обѣихъ сторонъ отъ долгаго употребленія и частаго точенія, и вполне годный замѣнить кинжалъ.

Затѣмъ Трефольденъ нетерпѣливо стукнулъ по ставану и приказалъ прибѣжавшему хозяину убирать тарелки и блюдо, и подать еще водки.

Хозяинъ пришелъ въ отчаянье.

— Неужели супъ не понравился monsieur? или котлеты жестки? Не позволить ли monsieur принести яичницу? Боже мой, monsieur нездоровъ! Не выпить ли monsieur чашку чаю? коньяку? Monsieur угодно еще коньяку?

Явился коньякъ, и Трефольденъ снова съ жадностью припалъ къ нему; но на этотъ разъ онъ пилъ изъ рюмки. Его непреодолимо тянуло къ коньяку. Напитокъ былъ не перваго сорта, скорѣе огненный, чѣмъ крѣпкій; но придавалъ ему возбужденіе, укрѣплялъ его руку и ускорялъ дѣятельность мозга. При всемъ томъ, онъ не былъ пьянъ. Онъ чувствовалъ, что могъ бы выпить цѣлую бутылку, не опьянѣвъ, и онъ пилъ, пилъ, не унимаясь, и огонь все болѣе разгарался въ его жилахъ, пока ему наконецъ не стало сидѣться на мѣстѣ.

Онъ поднялся и поспѣшными шагами вышелъ. Старикъ только помоталъ головами и поглядѣли ему вслѣдъ.

— Diable, тутъ что-то неладно; боленъ онъ или сумасшедшій, или перепилъ коньяку? Ба, вѣдь онъ англичанинъ, привыкъ. Англичане, mon voisin, тянутъ коньякъ какъ воду.

Дождь уже теперь лилъ восьмью потокомъ, погоняемый вѣтромъ, передъ сильными налетами котораго придорожные тополи гнулись и стояли какъ живыя существа. Отъ внезапнаго ли, пахнувшего ему въ лицо свѣжаго воздуха, или отъ лихорадки, хлопотавшей въ его врови—только юристъ, выйдя на дождь и охваченный вѣтромъ, зашатался, и въ первую минуту едва удержался на ногахъ. Но это продолжалось только одно мгновеніе; онъ тотчасъ же очнулся

и пошелъ прямо на встрѣчу бури, пробираясь вдоль стѣны и домовъ, пока не дошелъ до поворота въ Château de Peyrolles. Онъ съ трудомъ отыскалъ его, потому что тьма была непроглядная, и дождь хлесталъ ему прямо въ глаза. На большой дорогѣ, въ открытомъ полѣ, еще можно было видѣть на нѣсколько шаговъ впереди себя; но на узкой дорожкѣ, запертой съ обѣихъ сторонъ изгородами, деревьями и высокими стѣнами, онъ шелъ наугадъ, ощупью, какъ слѣпой.

Наконецъ онъ наткнулся на ворота. Онѣ были замкнуты изнутри. Онъ попробовалъ отворить ихъ, продѣть руку сквозь рѣшотку и повернуть ключъ въ замкѣ, но рѣшотка была слишкомъ часта и не пропускала его пальцевъ. Тогда онъ остановился, ухватившись за ворота обѣими руками и уставивъ глаза въ темноту. Онъ не могъ различить очертанія дома, но видѣлъ свѣтъ, еще горѣвшій въ нѣкоторыхъ окнахъ. Одно освѣщенное окно въ первомъ этажѣ въ особенности приковало его вниманіе: ея окно!

О, какое отчаянье, какая тоска овладѣли имъ при этой мысли! какъ захотѣлось ему увидать ее еще хоть разъ, взглянуть на нее, поговорить съ нею, прикоснуться къ ея рукѣ, сказать ей, что онъ хотя и былъ живой ложью для всего міра, но ей былъ преданъ сначала до конца. Онъ вдругъ почувствовалъ, что никогда на половину не высказалъ, какъ онъ любилъ ее, вспомнилъ, что даже ни разу не поцаловалъ ее, потому что уваженіе его къ ней равнялось его любви и онъ не осмѣлился потребовать малѣйшаго права жениха отъ такого молодого, беспомощнаго, сираго существа. Теперь же онъ чувствовалъ, что отдалъ бы душу, чтобы хоть только разъ прижать ее къ груди и прильнуть къ ея губамъ. Боже, какъ онъ любилъ ее!...

Онъ всю силою принялся трясти ворота; мечта перелѣзть черезъ нихъ, онъ съ разбѣга кидался на нихъ—все напрасно. Тогда онъ прижался лицомъ къ рѣшоткѣ, какъ узникъ къ воротамъ своей тюрьмы, и, рыдая, назвалъ ее по имени, но вѣтеръ уносилъ его голосъ и дождь немилосердно билъ лицо и смѣшивался съ его слезами.

Вдругъ свѣтъ исчезъ. Онъ былъ такъ увѣренъ, что свѣтъ зотъ горѣлъ въ ея окнѣ, что внезапное помраченіе маленькаго огонька поразило его точно новымъ ударомъ; онъ почувствовалъ, будто между ними порвалась послѣдняя связь, пропала послѣдняя надежда.

Почти въ ту же минуту онъ увидѣлъ фонарь, двигающійся въ дальнемъ концѣ двора, какъ будто въ невидимой рукѣ. Онъ снова принялся трясти ворота, и закричалъ съ бѣшеною силою.

Фонарь остановился, опять задвигался, снова остановился, и наконецъ быстро приблизился къ нему. Тогда тотъ, кто держалъ его, одной рукой поднялъ его высоко надъ головою, прикрывая другою глаза какъ зонтомъ, и сердито спросилъ: *Qui est là?*

Это былъ Жакъ, тотъ самый Жакъ, который впустилъ Трефольдена, часа два передъ тѣмъ; узнавъ голосъ его, онъ и теперь отомкнулъ ему ворота.

— *Tiens*, сказалъ онъ:—это вы? А они тамъ всѣ полегли.

Сердце Вильяма Трефольдена радостно забилось.

— Ничего, возразилъ онъ:—мнѣ только барина нужно; скажите мнѣ, гдѣ онъ спитъ. Больше мнѣ ничего не надо.

— Какого барина?

— Да того, что прѣзжалъ сегодня съ англійскимъ пасторомъ; только живѣ! Время идетъ, а дѣло мое не терпитъ.

— Но вѣдь чужого барина здѣсь уже нѣтъ: онъ уѣхалъ около получаса послѣ васъ.

— Уѣхалъ?

— Да, уѣхалъ въ каретѣ, четверней, и забралъ съ собою *monsieur le curé* и *mademoiselle*.

— Врешь, собака! это ложь! И тебѣ заплатили за нее! Говори правду, говори правду сейчасъ же, не то задушу.

И, почти уже не владея собою, юристъ запустилъ руку за воротъ мальчика, какъ-бы заправду намѣреваясь исполнить свою угрозу.

— Ахъ, *monsieur*, пустите, ради самого Господа! вѣдь я же вамъ правду говорю. Хоть убейте, а правда.

— Гдѣ *madame* Бунсъ?

— Спать легла.

— Ступай, разбуди. Скажи, что мнѣ нужно ее видѣть, хоть бы она умирала, я долженъ ее видѣть, слышишь?

— Слышу!

Весь дрожа, Жакъ поднялъ съ земли фонарь, выроненный имъ съ перепугу, и провелъ Трефольдена въ домъ, прямо въ комнату экономки, гдѣ Вильямъ Трефольденъ чуть не выломалъ двери. *Madame* Бунсъ явилась, овутанная въ одѣвало, безъ ума отъ страха.

Оказалось, что мальчикъ сказалъ правду. Экономка рассказала, что молодой англичанинъ уѣхалъ въ Бордо, вмѣстѣ съ пасторомъ и *mademoiselle*. Они уѣхали спустя минуту двадцать или полчаса послѣ ухода *monsieur*. *Madame* Бунсъ предложила ему осмотрѣть домъ, и самому удостовѣриться, что его не обманываютъ.

И такъ—уѣхали!

Не говоря болѣе ни одного слова, Трефольденъ выхватилъ фонарь изъ рукъ мальчика и бинулса наверхъ. Онъ обѣжалъ всѣ

квартиры, всё этажи, и не найдя ничего, кроме свѣжихъ еще слѣдовъ недавняго занятія комнатъ, ринулся, сломя голову, обратно съ лѣстницы, вонъ изъ дома, черезъ дворъ, и добѣжавъ до воротъ, разбилъ фонарь въ дребезги о мокрую мостовую. Тутъ только онъ остановился и, обернувшись, воздѣлъ руки къ небу въ темнотѣ, какъ-бы вымаливая проклятіе на самый домъ, и бѣсновался въ припадкѣ безсильной ярости.

До этой минуты онъ былъ сравнительно спокоенъ. Весь занятый своимъ планомъ мести, онъ сдерживалъ себя въ словахъ и, до извѣстной степени, даже въ движеніяхъ и выраженіи лица. Но теперь, теперь онъ уже не пытался сдерживать пожирающій его огонь; накипѣвшая злоба и ненависть жгучею лавою переполнили его сердце и вылились наружу.

Уѣхали!

Движимый инстинктомъ, замѣнявшимъ ему зрѣніе, онъ бѣгомъ пустился по узкой дорожкѣ на большую дорогу. «Золотой Левъ» былъ уже запертъ на ночь, но онъ такъ неистово заколотилъ въ дверь, что ему скоро открыли. Хозяинъ—почтительный хотя и сонный, осмѣлился замѣтить, что monsieur поздно возвращается, но monsieur оборвалъ его на первомъ словѣ.

— Миѣ нужно варету и почтовыхъ лошадей, сказалъ онъ: — сейчасъ же! слышите?

Но хозяинъ замоталъ головою.

— Mon Dieu, monsieur, сказалъ онъ: — вѣдь «Золотой Левъ» не почтовый дворъ.

— Однако, есть же у васъ лошади?

— Нѣтъ, monsieur, ни одной.

— Гдѣ же я могу достать? Да говорите же живѣе!

— Въ Друэ вы нигдѣ не получите.

— Неужели здѣсь нѣтъ ни одного фермера, лавочника, что ли — ни одного существа, которое отвезло бы меня въ Бордо? Я заплачу все, что угодно. Дуракъ, понимаешь ли? *все, что угодно!*

Но хозяинъ только пожималъ плечами и утѣралъ, что въ Друэ нѣтъ ни одной души, которая согласилась бы пуститься въ путь, въ такой поздній часъ и такую погоду.

Юристъ стиснулъ зубы и затопалъ ногами отъ бѣшенства.

— Значить, придется пѣшкомъ идти, проговорилъ онъ: — дайте водки на дорогу.

Хозяинъ началъ уговаривать его.

— Пѣшкомъ! Боже милостивый! Пройти пѣшкомъ три съ половиной лѣ въ такую бурю! Прислушайтесь только къ дождю, къ вѣтру! Подумайте, какъ темно и пустынно на дорогѣ! Monsieur и безъ того насквозь промокъ.

Но Трефольденъ перебилъ его крѣпкимъ ругательствомъ и приказалъ ему держать языкъ за зубами, и принести воду.

Онъ налилъ себѣ полстакана, выпилъ залпомъ, швырнулъ на столъ наполеондоръ и опять ринулся въ бурю.

Теперь онъ окончательно былъ самъ не свой: голова у него кружилась, кровь огнемъ горѣла, каждая фибра въ немъ трепетала отъ лихорадки и ярости. Хозяинъ «Золотого Льва», обрадованный, что отвязался отъ опаснаго гостя, заперъ дверь на замокъ, заложилъ ее засовомъ и убрался въ постель, внутренно давъ себѣ слово, ни подъ какимъ видомъ болѣе не впускать его. Трефольденъ, между тѣмъ, какъ будто забылъ о своемъ намереніи идти въ Бордо, и метался какъ шальной по деревнѣ, гдѣ все, кромѣ него, мирно спало.

Шагая взадъ и впередъ, какъ звѣрь въ клеткѣ, онъ вдругъ услышалъ приближающуюся дорожную карету; она быстро, съ громкимъ грохотомъ катила по большой дорогѣ, ярко освѣщая ее фонарями, на дымящейся, взмыленной четвернѣ, при звонкомъ щелканіи бича почтальона. Онъ побѣжалъ къ ней на встрѣчу, облинулъ ее, умолялъ посадить его, обѣщалъ какія угодно деньги, лишь бы позволили ему стать на ступеньку. Но почтальонъ принималъ его за нищаго, и пригрозилъ ему бичомъ, а сѣдоки, отдѣленные отъ него запотѣвшими отъ сырости стеклами, и оглушительные стукомъ колесъ и шумомъ дождя, барабанишаго по кузову кареты, не видали его и не слышали. Долго онъ бѣжалъ за экипажемъ, задыхаясь и крича, старался ухватиться за оглобли, но бичъ жестоко рѣзнулъ его по рукамъ; онъ отшатнулся и сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе вскочить на запятки, но и это ему не удалось: карета быстро умчалась, и онъ остался на срединѣ дороги, измученный, въ отчаяніи.

Но онъ все бѣжалъ, словно движимый рокомъ, бѣжалъ сломя голову, то спотыкаясь объ острые камни, то снова подымаясь съ изрѣзанными, окровавленными руками, то останавливаясь, чтобы перевести духъ, то воображая, что онъ еще слышитъ гулъ удаляющихся колесъ; слѣпо, безоглядно бѣжалъ онъ впередъ, мокрый до костей, съ кружащейся головой, безъ шляпы, съ лицомъ и одеждой, обезображенными дождемъ и грязью.

Съ каждою минутою буря усиливалась, и наконецъ превратилась въ страшный ураганъ.

Тогда громъ загрохоталъ тяжелыми раскатами, молніи блеснула надъ равниною, вѣтеръ сталъ съ корнемъ вырывать виноградныя лозы, разметывая ихъ по полю, къ морю. Но Вильямъ Трефольденъ, понуждаемый той лютой жаждой, которая могла утоляться одною лишь кровью, съ мстью, бушующей въ сердцѣ,

и сумасшествіемъ, разыгрывавшимся въ мозгу—Вильямъ Трефольденъ все бѣжалъ, падалъ—снова подымался—черезъ нѣсколь-ко шаговъ опять спотыкался—опять падалъ—но все бѣжалъ, и такъ пробѣжалъ онъ нѣсколько миль.

Рано утромъ на другой день, когда грозовыя тучи уже неслись изодранными массама къ западу, и сивозъ ихъ изрѣдка пробивался несмѣлый солнечный лучъ, нѣсколько крестьянъ, шедшихъ изъ Медова, нашли тѣло неизвѣстнаго человѣка, лежавшее лицомъ къ землѣ, въ лужѣ, на краю дороги. Его одежда, лицо и руки были изорваны и выпачканы грязью и кровью. На немъ были часы, а въ боковомъ карманѣ лежалъ портмоне, туго набитый ассигнаціями и наполеондорами, но не оказалось при немъ ни писемъ, ни карточекъ, и никакихъ другихъ знаковъ, по которымъ можно было бы признать его, даже самое бѣлье его было не намѣчено.

Добродушные крестьяне положили этотъ безымянный трупъ на одинъ изъ своихъ муловъ и отвезли его въ Бордо, въ зданіе, назначенное для выставленія найденныхъ мертвыхъ тѣлъ. Тамъ онъ пролежалъ двое сутокъ; а такъ-какъ его никто и не потребовалъ, то его похоронили наконецъ на новомъ кладбищѣ за городскими стѣнами. Въ головахъ могилы поставленъ былъ небольшой черный крестъ, на которомъ, вмѣсто надписи, былъ выставленъ рядъ цифръ. Его часы, деньги и платье были отданы префектомъ бѣднымъ того прихода, въ которомъ найдено было тѣло.

Эпилוגъ.

Весь міръ наизусть знаетъ итальянскую исторію: какъ Гарибальда вступилъ въ Неаполь, какъ онъ привѣтствовалъ Виктора-Эмануила королемъ Италіи, какъ онъ вложилъ мечъ свой обратно въ ножны, по совершеніи своего великаго дѣла и возвратился въ свое уединеніе на Капрерѣ—все это такіе факты, которые лишне было бы перечислять. Еслибы одинъ изъ великихъ мужей этой великой эпохи прожилъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, или даже хоть нѣсколько недѣль, все кончилось бы, быть можетъ, иначе. Тамъ, гдѣ мы теперь читаемъ «Флоренція», мы, можетъ статься, читали бы «Римъ», а слова «Regno d'Italia» замѣнилось бы на монетахъ и казенныхъ печатахъ другое слово, имѣющее болѣе широкое значеніе и осѣненное болѣе древней славой. Но идеалъ республики умеръ вмѣстѣ съ Джуліо Колонною и былъ ско-роченъ въ его могилѣ.

Жизнь Олимпін, между тѣмъ, стала пустынею. Отецъ ея былъ душою и свѣточемъ ея внутренняго міра. Воспитанная въ его политическихъ вѣрованіяхъ, съ дѣтства приученная раздѣлять его труды и самыя потаенныя его помысленія, самыя завѣтныя, несбыточныя его надежды, его заблужденія, опасенія и даже опасности, которымъ онъ лично подвергался, она, казалось, лишилась половины своего собственнаго бытія, когда онъ такъ внезапно былъ оторванъ отъ нея. Потомъ ее поразило внезапное измѣненіе революціонной программы, оно ошеломило ее—считавшую подобное измѣненіе позоромъ, малодушіемъ, гибелью. Она не довѣрала Сардиніи и презирала самое слово «конституціонная Италия»; подобный компромисъ казался ей оскорбленіемъ памяти ея отца, и такъ велико было ея горе и разочарованіе, что она совершенно удалась отъ дѣла, которому посвятила всю свою жизнь. Она стала устраниваться отъ всѣхъ, съ кѣмъ столько времени дѣйствовала и трудилась заодно, и поддерживая только самыя поверхностныя отношенія даже съ лицами, которыхъ нѣкогда называла друзьями, поселилась въ Чисвикѣ, въ томъ самомъ тихомъ семействѣ, куда Саксенъ отвезъ ее въ день прибытія ихъ въ Лондонъ. Тутъ жила она въ уединеніи и отрѣшеніи отъ вишняго міра, деля свое горе и выучивая тотъ горькій урокъ терпѣнія, который жизнь неминуемо задастъ всѣмъ энтузіастамъ и мечтателямъ.

Не то было съ лордомъ Кастельтауерсомъ. Какъ истинный англичанинъ, онъ былъ слишкомъ далеко отъ всякихъ предразсудковъ, слишкомъ разсудителенъ, чтобы придавать безусловную важность той или другой партіи, и привѣтствовалъ улаженіе итальянскихъ дѣлъ съ такимъ радостнымъ чувствомъ, которое онъ врядъ-ли рѣшился бы высказывать слишкомъ громко въ присутствіи дочери Колонны. Между тѣмъ какъ она упорно отказывалась признавать существенную разницу между конституціоннымъ образомъ правленія и абсолютнымъ деспотизмомъ, онъ былъ настолько прозорливъ, что предвидѣлъ уже ту свободную и благоденствующую будущность, которую большая часть мыслящихъ людей теперь пророчитъ Итальянскому Королевству; къ тому же онъ незамедлительно сообразилъ, что пзъ новаго оборота дѣлъ можетъ возникнуть много хорошаго лично для него. Теперь, когда итальянскій вопросъ былъ уже въ большой мѣрѣ порѣшенъ, Италия не нуждалась въ столь дѣятельной поддержкѣ со стороны своихъ доброжелателей. При либеральномъ государѣ, стоящемъ во главѣ націи, при парламентѣ, свободно сужающемъ правительство деньгами, при благоустроенной арміи, обороняющей національную территорію, вся система патріотической контрабандной вер-

бывши и такого же добыванія средствъ, должна была рушиться сама собою. Поэтому Олимпія не могла долѣе считать себя обязанной жертвовать собою человѣку, могущему «сдѣлать для Италіи болѣе, нежели онъ». И такъ, графъ любилъ попрежнему, но надѣялся болѣе прежняго, и какъ умный человѣкъ выжидалъ удобнаго времени.

Умъ свой онъ показалъ еще тѣмъ, что усердно занялся улучшеніемъ положенія своего въ свѣтѣ. Онъ поселился въ опустѣвшей квартирѣ друга своего, Саксена, въ Сент-Джемс-Стритѣ, и посвятилъ себя своимъ парламентскимъ обязанностямъ такъ ревностно, что обратилъ на себя особенное вниманіе нѣсколькихъ высоко-поставленныхъ и вліятельныхъ лицъ. Вслѣдствіе двухъ истинно блистательныхъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ весеннюю сессію 1861 года, и благодаря тому, что онъ случился подъ рукой въ такую минуту, когда правительству необходимъ былъ человѣкъ съ тактомъ и способностями, ему посчастливилось получить довольно щекотливое и затруднительное порученіе къ одному изъ нѣмецкихъ государей.

Само собою разумѣется, что графъ исполнилъ ввѣренное ему дѣло вполнѣ удовлетворительно, и съ этой минуты «старшіе» начали говорить о немъ между собою какъ о человѣкѣ, «идущемъ въ гору». Герцогъ Донкастерскій дарилъ его милостивыми улыбками, нѣкоторые изъ министровъ начали приглашать его на свои политическіе обѣды, и кончилось тѣмъ, что передъ самымъ закрытіемъ парламентской сессіи на лѣтній сезонъ, Джервезъ-Леопольдъ-Винглифъ, графъ Кастельтауерсъ, въ одно прекрасное утро, получилъ назначеніе на весьма уютное мѣстечко по управленію сборовъ податей, гдѣ работы было мало, окладъ полагался значительный, и имѣлась надежда на быстрое повышеніе. Тогда только рѣшился онъ возобновить свое сватовство Олимпіи Колонны. Минута была благопріятная. Надъ головою ея прошелъ цѣлый годъ траура и глубокое, сердечное одиночество, въ которомъ она сначала находила свое единственное услажденіе, начинало уже таготить ее. Она этимъ временемъ успѣла обо многомъ передумать, успѣла во многомъ образумиться, кое въ чемъ разочароваться, успѣла припомнить, какъ долго и благородно любилъ ее графъ, какъ заслуживаетъ онъ всю любовь, какой она можетъ отплатить ему, какъ онъ проливалъ кровь свою за ея родную Италію, съ какой любовью онъ отдалъ послѣдній сыновій долгъ праху ея отца. Къ тому же, вромѣ этихъ размышленій, у нея болѣе не было занятія и дѣла. Она уже не могла болѣе жертвовать собою для Италіи, по той простой причинѣ, что сама Италія предпочитала оставаться на время при до-

стигнутыхъ ею результатахъ и устроить свои дальнѣйшія дѣла потихоньку, домашнимъ, конституціоннымъ образомъ. Аспроментскій уронъ убѣдилъ мисъ Колонну въ этой истинѣ и въ прочности новаго *régime*. А главное — Олимпія любила графа. Она все время любила его, даже когда отказала ему; теперь же, послѣ дѣлаго года, прожитаго въ печали, она любила его еще болѣе, потому она приняла его предложеніе—приняла его просто и откровенно, какъ подобаешь порядочной женщиной, и обѣщала быть его женою до истеченія года.

Въ полномъ сознаніи своего блестящаго происхожденія, Олимпія не допускала даже и мысли, чтобы леди Кастельтауерсъ могла быть не вполне довольна и счастлива ея замужествомъ съ ея сыномъ. Чтобы надменная Адеція Гольм-Пирпойнтъ когда нибудь, и именно въ этомъ случаѣ, была способна предпочесть крови золото, или даже положительно съ большею радостью принять въ невѣстки какую нибудь мисъ Гатертонъ ради ея двухсотъ-пятидесяти тысячъ ф. стерл., чѣмъ безприданную дочь изъ рода Колонновъ—это никакимъ образомъ не могло входить въ соображенія Олимпіи. Такъ что, когда леди Кастельтауерсъ пріѣхала къ ней на слѣдующій день въ ея скромное подгородное жилище, поцаловала ее въ обѣ щоки и высказала ей всѣ тѣ любезности, которыя, въ подобномъ случаѣ, полагается говорить матери жениха, Олимпія вполне чистосердечно приняла ея ласки, и никакъ не догадывалась, что подъ улыбками и поцалуями, которыми осмываетъ ее будущая свекровь ея, скрывается горькое чувство досады и обманутой надежды. Нечего и говорить, что графъ, на голову котораго обрушился первый взрывъ неудовольствія ея сѣятельства, позаботился о томъ, чтобы ничѣмъ не выдать этой тайны.

Саксенъ Трефольденъ этимъ временемъ возвратился въ Швейцарію, и упорно оставался тамъ, вопреки представленіямъ и просьбамъ тѣхъ безчисленныхъ, безкорыстныхъ друзей, которые въ Лондонѣ съ искреннимъ сожалѣніемъ вспоминали о его лакомыхъ обѣдахъ и неисчерпаемомъ кошелькѣ. Тщетно «Эректеумъ» вопіялъ въ отчаяніи; тщетно итальянскія примадоны воздыхали о пививахъ и браслетахъ былыхъ временъ. Веселый, расточительный мальчишкѣ-миллионеръ окончательно сошелъ съ лондонской арены, и уже не возвращался на нее. Какъ ни пѣли сирены сладкія пѣсни, Одисей заткнулъ себѣ уши и шель мимо, не оглядываясь.

Одному графу извѣстно было, что онъ женился, но далѣе самаго факта и графъ ничего не зналъ. Его нѣсколько огорчило, что другъ его не пригласилъ его къ себѣ на свадьбу, и нѣсколько

не довѣрился ему въ этомъ важномъ дѣлѣ. Кромѣ того онъ не могъ не сознавать, что все это сдѣлалось какъ-то скоро, странно, какъ будто тайкомъ. На комъ онъ женился? Какова его невеста изъ себя? Хорошенькая или дурнушка? богатая или бѣдная? брюнетка или блондинка? изъ высшаго или низшаго сословія? Какихъ она лѣтъ? какъ зовутъ ее? какое ея положеніе въ свѣтѣ? къ какой націи принадлежитъ она?

Въ отвѣтъ на первое извѣщеніе своего друга, графъ деликатно намекнулъ на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, но такъ-какъ Саксенъ ограничилъ свое поясненіе заявленіемъ, что жена его — «ангелъ», то лордъ Кастельтауерсъ естественно нашелъ, что это заявленіе не вполне удовлетворительно, относительно ясности и опредѣленности.

Относительно же всѣхъ другихъ предметовъ, Саксенъ былъ все такъ же беззавѣтно откровененъ, какъ и прежде. Въ письмахъ своихъ онъ сообщалъ другу каждый свой планъ такъ же безутайно, какъ будто они еще сидѣли вдвоемъ предъ каминомъ въ вастельтауерской курильнѣ, или стояли рядомъ, облокотившись въ лунную ночь на борть маленькой «Албулы». Письма эти были очаровательны, переполнены всевозможными подробностями. То онъ рассказывалъ о новомъ своемъ «Château», уже строившемся, то о мостѣ, только-что оконченномъ въ Остенштейнгѣ, или о дорогѣ, которую онъ думалъ построить между Тампсомъ и Тузисомъ; то описывалъ національное празднество въ Курѣ, или балъ въ замкѣ графа Панта; то подробно рассказывалъ о бумагопрядильной фабриктѣ, которую основывалъ въ долинѣ, или о громадныхъ пастбищахъ, недавно купленныхъ имъ и населенныхъ партіями скота, выписаннаго изъ Шотландіи; то, наконецъ, присылалъ копію съ чертежа, только-что полученнаго изъ Женевы отъ архитектора, составлявшаго планъ церкви, о которой пасторъ Мартинъ мечталъ во снѣ и на яву цѣлыхъ тридцать лѣтъ; однимъ словомъ, графъ постоянно зналъ до послѣдней мелочи всѣ подробности дѣятельной и благодатной жизни, которую другъ его зажилъ въ средѣ простодушныхъ обитателей своего родного кантона.

Наконецъ, графъ въ свою очередь могъ объяснить другу о вскорѣ ожидавшемъ его счастьи. На это извѣщеніе, Саксенъ отвѣтилъ письмомъ, умоляющимъ будущихъ молодыхъ назначить домлешгскую долину — цѣлью своей свадебной поѣздки, и погостить нѣкоторое время у него: «жена моя — писалъ онъ — желаетъ познакомиться съ тобою, а дѣда уже любить тебя заочно, ради меня. Въ день твоей свадьбы, ты получишь связку бумагъ, которую прошу тебя принять на память отъ твоего друга».

«Связка бумагъ» было не что иное, какъ документы на владѣ-

ніе двумя мызами, нѣкогда проданными мистеру Слоперу, и дачею мистера Беренса, вмѣстѣ съ землею, нѣкогда урѣзанной отъ кастельтауерскаго парка. Каждая изъ фермъ стоила отъ десяти до двѣнадцати тысячъ ф. ст., не говоря уже объ аматѣрской цѣнѣ, которую Саксенъ заплатилъ за дачу купца. Подарочекъ былъ хоть куда, и сдѣлалъ графа богатымъ человѣкомъ; но не вѣдалъ онъ, пожимая руку Саксена, при встрѣчѣ съ нимъ въ Рейхенау, что человѣку, сдѣлавшему ему такой царственный свадебный подарокъ, онъ обязанъ не только этими мызами, но и самымъ Кастельтауерсомъ, съ его пращѣдовскими дубами, которыми графъ такъ гордился, съ красавцемъ-домомъ, въ которомъ предъ его жили и умирали въ теченіе столькихъ столѣтій до него. Это была единственная тайна, которой Саксенъ никогда не повѣдалъ другу — даже когда, гуляя съ нимъ подъ яблонями, у подножія увѣчаннаго церковью холма, онъ разсказалъ ему всю повѣсть о своей женитьбѣ, о гнусномъ предательствѣ своего родственника, о судьбѣ, отъ которой онъ спасъ Геленъ Ривьеръ.

— Такъ-то, сказалъ онъ въ заключеніе:—такъ-то я ее узналъ, такъ-то полюбилъ, такъ-то сосваталъ. Я ее привезъ прямо сюда; дядя съ первой минуты сталъ боготворить ее, а она — его. Я почти ревновалъ ее, то-есть непремѣнно бы ревновалъ, еслибы эта обоюдная любовь меня не такъ счастливила. Когда она пошла у насъ съ мѣсяцъ, или недѣль нѣтъ, мы втроемъ пришли сюда, вотъ въ эту маленькую церковь, чтѣ на горѣ, и дядя насъ обвинчалъ. Въ церкви не было никого, кромѣ Кетли и мальчижа, чтѣ раздуваетъ мѣхи въ органѣ. Получивъ благословеніе дади, мы обняли его, и простились съ нимъ, и пѣшкомъ пошли по дорогѣ въ Тузисъ, пока насъ не нагнала карета. Такимъ образомъ, мы женились и уѣхали, и ни одна душа въ Рейхенау не знала объ этомъ, пока насъ не хватились. Мы были такъ счастливы!

— Цѣлый романъ, замѣтилъ графъ:—и прехорошенькій; а лучше всего въ немъ то, что мы съ тобою-таки породнились, Саксенъ.

— Полно, возразилъ Саксенъ, сжимая руку друга въ обѣихъ своихъ рукахъ: — чтѣ значить родство, когда мы съ тобою такъ долго были братьями!

Остается сказать еще нѣсколько словъ о другой половинѣ трефольденскаго наслѣдства, той половинѣ, которая, по желанію завѣщателя, должна была быть употреблена на основаніе богоугоднаго заведенія въ большихъ размѣрахъ «въ пользу обанкрѣтившихся купцовъ, негодіантовъ, корабельныхъ и биржевыхъ маклеровъ, бѣдныхъ священниковъ и членовъ юридическаго и медицинскаго сословія, а въ особенности вдовъ и сиротъ каждаго изъ этихъ сословія». Для помѣщенія вдовъ и сиротъ, въ завѣщаніи было постановленіе о приобрѣтеніи участка земли и построеніи на немъ «приличнаго своему назначенію и прочнаго зданія», подѣ

надзоромъ «одного изъ лучшихъ архитекторовъ», и это зданіе должно было назваться: «Лондонское благотворительное Трефольденское заведеніе».

Весьма пріятно имѣть увѣренность, что все это будетъ исполнено—когда нибудь. Въ 1860 году, двадцать-второго марта, былъ срокъ платежа, и сумма, довѣренная въ этотъ день попечителямъ, равнялась четыремъ милліонамъ семистамъ-семидесяти-шести-тысячамъ-двумъ-стамъ съ лишнимъ фунтовъ стерлинговъ. Съ этого времени старанія достопочтеннаго лорда-мера и всего общества превышали всякую похвалу. Еслибы мы сказали, что они многое передумали и многое сдѣлали по сіе время, то такое заявленіе было бы, пожалуй, преждевременно, но, по крайней-мѣрѣ, они на безчисленномъ множествѣ обѣдовъ рассуждали объ этомъ предметѣ, что, какъ извѣстно, считается равносильнымъ. На этихъ обѣдахъ они обыкновенно угощали «одного изъ лучшихъ архитекторовъ», который, получая прекрасное жалованье, на все время произведенія работъ, естественно горитъ похвальнымъ рвеніемъ посвятить свою жизнь этому труду. Поэтому онъ повременамъ предлагаетъ почтеннымъ распорядителямъ какой нибудь новый планъ или измѣненіе прежняго плана на послѣ-обѣденное обсужденіе; въ такомъ-то положеніи находится и теперь строительный вопросъ.

Въ какомъ мѣстоположеніи будетъ находиться это «приличное своему назначенію, прочное зданіе», сколько оно будетъ стоить, какаго вида оно будетъ и въ какой отдаленный срокъ будущей исторіи міра оно будетъ готово—это такіе вопросы, которыми мы совѣтуемъ нынѣшнему поколѣнію не задаваться съ излишней любознательностью.

Для разсудительныхъ и стоящихъ выше всякихъ предрассудковъ людей, конечно, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что отъ покупки земли, построенія зданія, уплаты всѣхъ счетовъ, сдѣденія всѣхъ обѣдовъ, надѣленія подобающимъ по великолѣпнѣ заведенію жалованьемъ попечителя, священника, доктора, секретаря, экономки и прислуги, состоящихъ при немъ, еще кое-что останется и для «обанкротившихся купцовъ, негоціантовъ, корабельныхъ и биржевыхъ маклеровъ, бѣдныхъ священниковъ и членовъ юридическаго и медицинскаго сословія, и въ особенности вдовъ и сиротъ каждаго изъ этихъ сословія». Во всякомъ случаѣ, до этихъ незначительныхъ лицъ очередь не дойдетъ еще въ наше время; значитъ, что же намъ болѣе дѣлать, какъ не ѣсть, пить и веселиться, по примѣру нашихъ просвѣщенныхъ достопочтенныхъ друзей, «попечителей по Трефольденскому завѣщанію», а будущность предоставить самой себѣ?

К о н е ц ъ .

ВОПРОСЪ О ДУШѢ ВЪ ЕГО СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ.

Вопросъ о сущности сознанія. — Общій характеръ вопроса о сознаніи. Три рода метафизическихъ воззрѣній на сущность сознанія. — *Идеалистическое воззрѣніе.* — Мнѣніе Гельмгольца о гегелевской философіи. — Ея вліяніе за границею и у насъ. — Коренныя ошибки гегелевскаго идеализма. — Мнѣніе Милля объ онтологическихъ попыткахъ. — Психическій анализъ Бэна происхожденія нашей увѣренности въ существованіи внѣшняго міра. — Что осталось отъ идеализма? — Что способствовало скорому паденію идеализма и скорому распространенію матеріализма? — *Материалистическія воззрѣнія.* — Стародавность матеріализма, библейскіе реалисты. — Воззрѣнія древнихъ грековъ. — Новый матеріализмъ. — Два періода въ его исторіи.

I.

Прежде всего я самъ собою ложится подъ перо простой и основной вопросъ: *что такое сознаніе?*

Само собою разумѣется, что на этотъ вопросъ можетъ отвѣтить намъ только то же сознаніе. Но если сознаніе наше отвѣтитъ намъ, что мы знаемъ его очень хорошо, лучше чѣмъ чтонибудь другое, такъ-какъ оно же есть причина и неизбѣжное условіе всякаго другаго знанія, то мы не удовольствуемся этимъ отвѣтомъ. Мы потребуемъ отъ сознанія, чтобы оно выразилось въ какой-нибудь такой формѣ, которую мы могли бы себѣ *представить*, которая бы произвела впечатлѣніе на нашу нервную систему и входила бы въ рядъ тѣхъ явленій, дѣйствій которыхъ на наши внѣшнія чувства мы привыкли испытывать*. Мы потребуемъ, чтобы сознаніе наше назвало себя фосфоромъ, сѣрой, механическимъ движеніемъ, электричествомъ, нервной жидкостью, химическимъ процессомъ, словомъ — явилось бы для насъ въ формѣ одного изъ тѣхъ явленій, которыя мы называемъ *безсознательными*.

---

* То-есть, въ такой формѣ, чтобы она подѣйствовала на наши нервы, подобно тому, какъ дѣйствуютъ на нихъ предметы внѣшняго міра.

Но съ другой стороны, еслибы наука, удовлетворяя нашему любопытству, указала намъ сознание въ формѣ какого нибудь химическаго элемента, или въ химическомъ соединеніи, въ механическомъ движеніи, или физическомъ явленіи, заключила бы для насъ сознание въ колбу или электрической аппаратъ, или выразила его въ математической формулѣ движенія или геометрической фигурѣ, словомъ, въ одномъ изъ тѣхъ явленій, которыя мы считаемъ безсознательными, то мы сомнительно покачали бы головой: мы не признали бы въ этихъ явленіяхъ сознания тождественнаго нашему, и увидали бы въ нихъ только оболочку, форму, проявленіе сознания, а не самое сознание.

Мы не говоримъ здѣсь о томъ, что въ данное время человѣкъ не можетъ увлечься однимъ изъ этихъ двухъ направленій, тянущихъ мысль въ противоположныя стороны... Напротивъ, вся исторія человѣческой мысли, въ этомъ отношеніи, проходитъ въ увлеченіяхъ то однимъ, то другимъ изъ этихъ двухъ направленій: *то воплощаетъ сознание въ матерію, то распускаетъ самую матерію въ идею сознания*. Въ этихъ одностороннихъ стремленіяхъ мысли можетъ пройти жизнь не только одного человѣка, но даже цѣлаго поколѣнія. Но какъ только человѣкъ выполняетъ свое желаніе, достигаетъ крайности воплощенія или идеализаціи, такъ и поворачиваетъ въ другую сторону, неудовлетворенный добытымъ результатомъ. Въ наше время, когда жизнь мысли проходитъ несравненно быстрѣе, чѣмъ прежде, можно встрѣтить людей, пережившихъ не одинъ такой оборотъ. Мы полагаемъ, что въ современной Европѣ можно еще найти образчики такого мышленія, которое, выйдя изъ крайняго матеріализма прошедшаго столѣтія, повернуло потомъ къ крайнему идеализму начала нынѣшняго, снова вырвалось изъ него въ крайній матеріализмъ и теперь, можетъ быть, опять поворачиваетъ къ идеализму, какъ это мы увидимъ въ новыхъ психологахъ-матеріалистахъ.

Глядя на эти повороты мысли съ исторической точки зрѣнія, убѣждаешься, что вопросъ о сущности сознания представляеть одну изъ тѣхъ *антиномій* ума человѣческаго, которыя, оставаясь неразрѣшимыми сами, двигаютъ его все впередъ и впередъ своимъ, можетъ быть, вѣчнымъ вопросительнымъ знакомъ, приводятъ человѣка къ рѣшенію множества, стоящихъ на дорогѣ вопросовъ, а сами, нерѣшенные, уходятъ все глубже и глубже.

Попытавши узнать, что такое сознание *само въ себѣ*, въ какой формѣ и гдѣ оно находится, наполнимъ страницы философской исторіи. Эпиметеръ говорить, что еслибы перечислить всѣ мѣста въ человѣческомъ организмѣ, на которыя указывали, какъ на мѣсто пребыванія сознания, то вышла бы замѣчательная глава въ исто-

рїи человѣческихъ глупостей. Вольтеръ говорилъ, что еслибы навлинъ занимался метафизикой, то, вѣроятно, помѣстилъ бы сознание въ свой пышный хвостъ. Почти то же самое, для остраго слова, можно бы сказать и о попыткахъ опредѣлить сущность сознанія, только изъ этихъ попытокъ составилась бы не одна глава, а нѣсколько томовъ. Однако же мы считали бы легкомысленнымъ отзваться съ насмѣшливымъ презрѣніемъ объ этихъ попыткахъ лучшихъ умовъ человѣчества. Мы несогласны видѣть ни глупости, ни бесполезной траты времени въ этомъ вѣчномъ стремленіи человѣчества къ разрѣшенію еще неразрѣшенныхъ вопросовъ, стоящихъ, какъ неподвижныя скалы, среди волнующагося моря мысли человѣческой: безчисленное число разъ выдаются волны на крутя, твердыя и скользкія ребра каменныхъ гигантовъ и, поднявшись почти до вершины, столько же разъ обваливаются назадъ. Однако, кто же скажетъ, что эти скалы неодолимы? Развѣ морскіе берега не усѣяны обломками когда-то бывшихъ скалъ, казавшихся таинми же неодолимыми? Взгляните, сколько знаній приобрѣло человѣчество, докапываясь до сущности вещей, и находя ее то въ видѣ философскаго камня, то въ видѣ гегелевской абсолютной идеи—и вы съ уваженіемъ будете глядѣть на эти смѣлыя, хотя и неудачныя, попытки.

Однакоже, если мы скажемъ, что до сихъ поръ для человѣка сознаніе есть неболѣе, какъ *психическій фактъ, живо-чувствуемый каждымъ, но непонятный въ своей сущности ни для кого*, то, безъ сомнѣнія, не удовлетворимъ тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые незнакомы съ исторіей метафизическихъ теорій, или — имѣютъ сами пристрастіе къ какой-нибудь одной изъ нихъ. Зная довольно близко, какая метафизическая путаница замѣшивается у насъ очень часто въ педагогическое дѣло, мы поневолѣ должны войти въ разборъ главнѣйшихъ метафизическихъ теорій о сознаніи.

Мы понимаемъ очень ясно, почему Джонъ-Стюартъ Милль * такъ усиленно старается отцѣпить свою логику отъ метафизической колесницы, парящей въ туманахъ; но видимъ также, какъ мало удалось ему это, такъ-какъ нѣсколько первыхъ главъ его книги посвящены затруднительнѣйшимъ изъ метафизическихъ вопросовъ, да и впослѣдствіи онъ не только часто встрѣчается съ ними, но и высказываетъ во многихъ мѣстахъ явное пристрастіе къ одной изъ метафизическихъ гипотезъ. Не помнимъ гдѣ, Кантъ сравниваетъ метафизику съ атмосфернымъ воздухомъ: еслибы намъ сказали, говорить онъ, что воздухъ, которымъ мы дышемъ, отравленъ, то мы не перестали бы дышать; точно также не перестанетъ человѣче-

* Mill's Logic. 1 Vol. p. 7.

ство заниматься многими метафизическими вопросами, хотя бы тысячу разъ испытало бесплодность своихъ попытокъ разрѣшить ихъ.

Вдаваясь здѣсь въ разборъ наиболѣе удержавшихся метафизическихъ возрѣній на сущность сознанія, мы имѣемъ при этомъ двѣ цѣли: вопервыхъ, мы хотимъ показать *полную ипотетичность этихъ возрѣній*, такую ипотетичность, которая не позволяетъ принять ни одного изъ нихъ руководителемъ въ такомъ практическомъ дѣлѣ, каково воспитаніе; вовторыхъ, изложеніе этихъ возрѣній представляетъ намъ удобство высказать ясно то отношеніе, въ которомъ, по нашему мнѣнію, должны стоять педагоги ко всѣмъ этимъ ипотезамъ. Кромѣ того, желая построить въ систему изложеніе психическихъ явленій, мы и сами должны принять какую нибудь ипотезу, хотя бы вполне сознавали всю ея ипотетичность.

Удержавшіяся еще донныя метафизическія возрѣнія на сущность сознанія можно раздѣлить на три группы, которымъ мы дадимъ слѣдующія названія: 1) *возрѣнія идеалистическія*, 2) *материалистическія*, 3) *психологическія*.

Поажемъ по порядку главную характеристику этихъ группъ, при чемъ мы существенно остановимся на тѣхъ, которыя въ настоящее время болѣе въ ходу и, потому, своею односторонностью могли бы надѣлать болѣе вреда въ практическомъ дѣлѣ воспитанія.

Идеалистическая система представляетъ весь міръ воплощеніемъ идеи. Идея, по убѣжденіямъ идеалистовъ, воплощается по внутренней своей разумной необходимости, потому что иначе быть не можетъ. Самое воплощеніе ея производится по логическимъ категоріямъ, которыя въ ней заключены. Главныхъ категорій воплощенія идеи или духа — три: *объективная, субъективная и абсолютная*. Объективно воплощается духъ въ природѣ, и въ этой формѣ распадается на все множество природныхъ явленій. Въ такой распадающейся формѣ идея оставаться не можетъ, потому что такая форма противорѣчитъ сущности идеи и духа, которая состоитъ въ сосредоточенности. Въ формѣ внѣшней природы духъ находится *самъ по себѣ* (an sich), но *не для себя* (für sich). Изъ этой распадающейся формы духъ, въ силу противорѣчія этой формы съ его сущностью, возвращается къ самому себѣ въ формѣ *субъективнаго духа*, въ формѣ *человѣческаго сознанія*.

Человѣкъ по тѣлесному своему организму является микровозмомъ міра, такимъ организмомъ, въ которомъ всѣ міровыя явленія внѣшней природы сходятся своими вліяніями. Человѣкъ есть существо, занимающее мѣсто въ мірозданіи, въ планетной системѣ, на земномъ шарѣ, существо известной расы, известнаго племени, народа, рода, семейства, съ особенными, ему врожденными только

идіосинкразіями, словомъ — *индивидъ*. Какъ индивидъ, человекъ живетъ общею жизнью со всею природою, но отражаетъ ее въ себѣ особеннымъ образомъ, *индивидуализируетъ ее*. Душа человѣческая есть идеальная форма всѣхъ индивидуальностей человека, есть идея тѣла.

Такимъ образомъ отклонялось новыми идеалистами то противорѣчіе между душою и ви́шнимъ міромъ, для примиренія котораго картезианская философія прибѣгала къ особенной *предестинации* — непосредственному и постоянному участию Промысла. Замѣчательно, что новѣйшіе психологи, какъ напримѣръ Фихте-младшій и Фортлаге, опять пришли къ необходимости признанія какого-то идеальнаго тѣла души, *фантастическаго тѣла*, ему служащаго звѣномъ между сознаниемъ и тѣломъ*.

Въ формѣ души духъ находится еще въ формѣ ви́шней природы, и человекъ на этой ступени находится въ полномъ мирѣ съ природою. Изъ этого мира, въ силу логическаго противорѣчія, духъ отвлекается въ форму сознанія: онъ отвергаетъ всякое содержаніе свое, какъ нѣчто ему чуждое и его стѣсняющее. На этой ступени — сознаніе есть постоянное отрицаніе всякаго содержанія.

Замѣтимъ, между прочимъ, что Фихте-старшій начиналъ свои лекціи, возбуждая въ слушателяхъ этотъ отрицательный процессъ сознанія. Гегель указывалъ на время французской революціи, какъ на такой періодъ, въ который человѣчество переживало этотъ логическій моментъ сознанія и, принимая безпрестанно то то, то другое опредѣленное содержаніе, также безпрестанно его отрицало.

«Пробужденіе нашего я — говоритъ Эрдманъ, психологъ гегелевской школы — есть творческій актъ самой объективности, и наоборотъ, наше я, только въ отношеніи объективности и въ противоположность ей, пробуждается къ сознательному субъективитету»**.

Говоря болѣе наглядно, духъ, пребывающій во ви́шней природѣ, или, еще проще, сама ви́шняя природа создаетъ для себя сознаніе, какъ необходимую ей противоположность, и сознаніе, въ тѣсномъ смыслѣ слова, является именно такою противоположностью объективности — субъектомъ. Безъ объективности нѣтъ субъективности и, наоборотъ, ви́шній міръ предполагаетъ внутренній міръ.

Освободившись отъ всякаго содержанія, сознаніе является въ чистомъ своемъ видѣ, «какъ идеальное отношеніе духа къ самому себѣ»***, но въ такомъ состояніи духъ не можетъ оставаться и

* Psychologie von Fichte. 1864. Erst. Th. S. 14.

** Grundriss der Psychologie von Erdmann. 4 Auflage, S. 50.

*** Psychologie von Rosenkranz. S. 270.

снова обращается къ объективности. Но это обращеніе уже не таково, какъ было прежде, не непосредственное, мирное, бессознательное, но купленное борьбою, прошедшее черезъ сознание. Смотря на міръ и противопоставая его самому себѣ, духъ находитъ въ немъ самага себя, находитъ, по выраженію Гегеля, *плоть отъ плоти своей и кость отъ костей своихъ*, признаетъ въ немъ свое собственное созданіе, и въ его явленіяхъ свое собственное проявленіе.

На этой третьей ступени духъ уже не живетъ въ мірѣ, какъ жилъ прежде, бессознательно и непосредственно, не противопоставая себя міру, но отыскиваетъ себя въ немъ и находитъ. Этотъ процессъ отысканья и нахождения себя самага во всей объективности въ природѣ совершается посредствомъ исторіи и науки, приводящей все къ сознанию и выводящей все изъ сознанія, и, конечно, главнымъ образомъ посредствомъ науки наукъ—философіи, а если уже философіи, то послѣдней философіи, то-есть философіи Гегеля, гдѣ, такъ-сказать, абсолютный духъ самъ изъ себя развиваетъ весь міръ.

Теперь какъ-то странно перечитывать всѣ эти діалектическія фразы, а между тѣмъ лѣтъ двадцать тому назадъ, это было вовсе не странно, и человѣчество еще недавно искренно любовалось обширною, необыкновенно стройно-развитою системою, проходящею по безчисленнымъ категоріямъ, незатрудняющеюся никакимъ вопросомъ, неостанавливающеюся ни передъ какимъ сомнѣніемъ. Странно; а, между тѣмъ, эти фразы сильно напоминаютъ многія нѣмѣншія мірозданія матеріалистической системы, только вмѣсто духа поставлена здѣсь матерія; вмѣсто разумной, внутренней необходимости идеи—свойства матеріи; вмѣсто категорій, все разлагающихъ и все поглощающихъ—ипотезы, неостанавливающіяся ни передъ какимъ сомнѣніемъ; вмѣсто процесса развитія, движимаго внутренними противорѣчіями каждой ступени, примиряющагося въ новой, готовы къ услугамъ милыарды вѣковъ со всѣми возможными случайностями—и все идетъ также стройно, ни передъ чѣмъ не останавливаясь!

Понятно самою собою, что духъ въ субъективной формѣ не нуждается въ опытахъ и наблюденіяхъ и что ему достаточно только углубляться въ самага себя, чтобы вывести изъ себя всѣ категоріи объективнаго міра; и вотъ, эти категоріи начинаютъ одна за другою развиваться въ философіи Гегеля. Понятно также, что такимъ гладкимъ путемъ можно уйдти очень далеко, собственно не тронувшись съ мѣста, и если идеальная философія не надѣлала сравнительно слишкомъ много промаховъ, если въ ней часто слышится яркая истина, то этимъ она обязана только тому обстоятельству, что *стайтъ* она прислушивалась и присматривалась къ опыту, а

если позволяла себѣ иногда отрывать отъ него, то и попадавъ въ сильный просакъ *.

Собственно говоря, всё, или, по крайней-мѣрѣ, большая часть категорій гегелевской философіи были плодомъ опыта и наблюденія, только философія не сознавалась въ этомъ, а выдавала ихъ за непосредственныя діалектическіе выводы.

Такъ, напримѣръ, первая категорія гегелевской логики, которая, какъ мы думаемъ, останется навсегда образцомъ діалектическаго искусства, категорія—*бытія, небытія и ихъ примиренія въ становленіи* (Sein, Nicht-Sein und Werden), въ сущности есть не что иное, какъ отвлеченная логическая форма вѣкового опыта и наблюденій человѣчества надъ переходностью и безпрестаннымъ вновѣ совершеніемъ всего въ мірѣ. Гегель, какъ будто съ педагогическою дѣлюю, прибѣгаетъ къ примѣрамъ переходности и совершаемости всего въ мірѣ, но не высказываетъ только того, что по этой педагогикѣ онъ и самъ учился. Онъ только обобщилъ и прекрасно выразилъ въ логической категоріи то явленіе, надъ которымъ уже давно задумывалось человѣчество. Въ философіи Конфуція, въ индійскихъ Ведахъ, въ Библии мы неразъ встрѣчаемъ образныя выраженія той же истины. Уже Анаксагоръ, если не ошибаемся, сравнивалъ міръ съ безпрестанно текущею рѣкою, въ которой нельзя вступить два раза въ одну и ту же воду.

Гегелевская философія имѣла какое-то отуманивающее свойство, такъ что человѣкъ, втянувшійся въ нее, переставалъ понимать возможность мыслить другимъ образомъ: онъ не могъ вырваться изъ этихъ діалектическихъ формъ, растяжимыхъ до безконечности и всегда готовыхъ къ его услугамъ, къ чему бы онъ ни обратился, и не могъ взглянуть на нихъ со стороны, простымъ здоровымъ взглядомъ. Но люди, упорно неподдававшіеся діалектикѣ и просто на просто, какъ Одисей, затыкавшіе себѣ уши, чтобы не слышать пѣсенъ этой, все тогда увлекавшей, сирены, небросавшіе дорогъ опыта и наблюденія для діалектическихъ саморазвитій, взглядывали иногда чрезвычайно просто и вѣрно на это обманчивое божество того времени. Такъ знаменитый фізіологъ Мюллеръ, въ одномъ мѣстѣ своего классическаго сочиненія **, говоритъ: «Если все существуетъ въ мірѣ по идеѣ, то эти идеи не похожи на тѣ, которыя мы сами изъ себя выводимъ и по которымъ ничто въ мірѣ не существуетъ».

Въ самомъ дѣлѣ, идеализмъ имѣлъ еще нѣкоторое право назн-

* Какъ, напримѣръ, доказывая разумность и необходимость извѣстнаго года числа планетъ солнечной системы.

** Не вѣдя подъ руками книги Мюллера, мы не можемъ привести буквально его словъ, но, сколько помнится, передаемъ вѣрно его мысль.

вать, но только съ *субъективной* точкой зрѣнія, міръ воплощеніемъ тѣхъ идей, которыя развиваются въ человѣческомъ сознаниіи, хотя и не могъ доказать, что это именно такъ, потому что не могъ выйдти изъ сознанія и повѣрить его съ дѣйствительнымъ существомъ вещей. Онъ могъ только выражать *свою тѣру*, что міръ дѣйствительно существуетъ такъ, какимъ ему кажется — вѣру, присущую человѣческому сознанію; но превратить этой вѣры въ логическую очевидность не могъ и не могъ уничтожить той пропасти между сознаніемъ и вѣршимъ для него міромъ, черезъ которую напрасно старались перебросить мостъ всѣ замѣчательнѣйшіе мыслители, и глубокое сознаніе которой заставило Беркели и *прежнихъ* идеалистовъ взглянуть на весь знаемый нами міръ, какъ на созданіе нашей фантазіи. Но гегелевскій идеализмъ не основывался на психическомъ фактѣ увѣренности, а хотѣлъ логически доказать *возможность* нашихъ идей и вѣшняго міра. *Въ этомъ его главное значеніе и его главная ошибка* *.

Гегелевская философія еще слишкомъ недавнее прошедшее, чтобы исторія науки могла уже произнести надъ нею свой безпристрастный судъ; но, во всякомъ случаѣ, это такое крупное явленіе въ исторіи человѣческой мысли, что чрезвычайно было бы опрометчиво отзываться о немъ съ такимъ пренебреженіемъ, съ каковымъ часто отзываются наши поклонники опыта и реализма.

Вотъ что говорить объ идеальной философіи одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ натуралистовъ современнаго міра, который именно потому и сталъ такъ высоко, что специальность его занятій, въ это время общаго односторонняго увлеченія естественными науками, не могла отрвать его ни отъ философскаго, ни отъ художественнаго воззрѣнія на міръ:

«Критическая философія Канта—говоритъ Гельмгольцъ—исслѣдовала источники и оправданія нашего знанія для того, чтобы поставить прочимъ отдѣльнымъ наукамъ масштабъ для ихъ духовныхъ работъ. Положеніе, найденное a priori, посредствомъ чистаго мышленія, могло быть, по ученію Канта, только правиломъ для метода мышленія, но не имѣло никакого положительнаго и реальнаго содержанія **». *Философія тождества* (Identitäts-Philosophie, то-есть

* Должно отличать прежній, *до-кантовскій* идеализмъ отъ гегелевскаго. «Тѣмъ всѣхъ признанныхъ идеалистовъ—говоритъ Кантъ—отъ философовъ Элеатской школы до Беркели, выражается въ слѣдующей формулѣ: всякое знаніе, приобретаемое черезъ посредство чувствъ и опыта, есть чистый призракъ (Schein); истинно въ однихъ идеяхъ чистаго разсудка и разума». Prolegomenes à toute Métaphysique future, par Em. Kant. trad. par Tissot. Paris. 1865, p. 193. Намекъ на подлинника у насъ не было подъ рукою.

** Съ этимъ взглядомъ на ученіе Канта мы не вполне согласны. Привоимъ на

тождества между нашей идеей и внѣшнимъ міромъ) была смѣлѣе. Она начала съ гипотезы, что и дѣйствительный міръ, природа и человѣческая жизнь, суть результаты мышленія творческаго духа, который, по существу своему, разсматривался, какъ одинаковый съ человѣческимъ духомъ. Отсюда выводилось, что и человѣческій духъ, безъ помощи внѣшняго опыта, можетъ додуматься до мыслей Творца и открыть ихъ посредствомъ своей внутренней дѣятельности. Съ этой цѣлью начала философія тождества строить а priori существенные результаты прочихъ наукъ. Это предпріятіе могло, болѣе или менѣе, удалась въ отношеніи религіи, права, государства, языка, искусства, исторіи, короче, всѣхъ тѣхъ наукъ, предметъ которыхъ развивается изъ *психическихъ* основъ и которыми потому удобно помѣщаются подъ общее названіе *духовныхъ наукъ*. Государство, церковь, искусство существуютъ для того, чтобы удовлетворить духовнымъ потребностямъ человѣка. Хотя внѣшніе препятствія, силы природы, случай, соперничество другихъ людей дѣйствуютъ часто нарушающимъ образомъ, но однако же въ результатѣ стремленія человѣческаго духа, преслѣдующія упорно одинаковую цѣль, должны преодолѣть эти затрудненія, дѣйствующія безъ плана, и получить надъ ними побѣду*.

«При такихъ обстоятельствахъ—продолжаетъ Гельмгольдъ—было невозможно начертить а priori общій ходъ развитія человѣчества, выводъ его изъ яснаго пониманія человѣческаго духа, особенно, если философъ имѣлъ уже передъ собою обширный эмпирическій матеріалъ, къ которому могли примкнуть его абстракціи. Гегель, въ своей попыткѣ рѣшить эту задачу, существенно пользовался глубокими философскими воззрѣніями въ исторіи и наукѣ, которые уже были сдѣланы философами и поэтами непосредственно ему предшествовавшаго времени. Ему оставалось только, главнымъ образомъ, привести въ порядокъ и связать эти, уже готовые, воззрѣнія, чтобы построить систему, возбуждающую удивленіе (*impropiendes*) многими поразительными взглядами. Вотъ почему онъ встрѣтилъ восторженное одобреніе въ большинствѣ образованныхъ людей своего времени и возбудилъ чрезмѣрные надежды на рѣшеніе глубочайшихъ загадокъ человѣческой жизни; послѣднее было тѣмъ удобнѣе, что связь всей системы* была загутана въ стран-

---

его априорный выводъ понятія пространства, мы видимъ, что это идея а priori, имѣющая положительное содержаніе. Не правильнѣе ли будетъ сказать, что Кантъ выводилъ идею а priori тамъ, гдѣ это ему казалось необходимымъ по самому свойству идеи, но не ставилъ себѣ задачей выводить все а priori, какъ сдѣлала идеальная философія.

* Эмпирическіе коиди ея—скажемъ имъ.

ной абстрактный языкъ и была, можетъ быть, понятна только для немногихъ изъ почитателей Гегеля» *.

Но эта нѣкоторая удача въ постройкѣ главныхъ результатовъ духовныхъ наукъ—продолжаетъ Гельмгольцъ—не была нисколько доказательствомъ справедливости философіи тождества. Пробнымъ камнемъ для нея были факты природы. Что въ духовныхъ наукахъ должны были открываться слѣды дѣятельности человѣческаго духа—это понятно само собою; но попытки философіи тождества доказать, что и природа была результатомъ подобнаго же процесса мысли—совершенно неудались, и натуръ-философія Гегеля не имѣетъ никакого смысла, по крайней-мѣрѣ, для натуралиста. Но такъ-какъ для Гегеля было особенно важно найти поддержку съ этой именно стороны, то изъ этого возникла самая ожесточенная полемика противъ Ньютона, какъ перваго и высшаго представителя естествознанія. «Философы упрекали натуралистовъ въ ограниченности, натуралисты упрекали философовъ въ отсутствіи всякой мысли. Натуралисты начали видѣть особенное значеніе въ томъ, чтобы ихъ работы освободились отъ всякаго философскаго вліянія и скоро дѣло дошло до того, что многіе изъ нихъ, и даже люди, имѣвшіе высокое значеніе, стали смотрѣть на всякую философію не только какъ на занятіе бесполезное, но какъ на вредную мечтательность. Мы не можемъ отрицать, что вмѣстѣ съ несправедливыми притязаніями, которыя объявляла философія тождества на подчиненіе себѣ всѣхъ прочихъ наукъ, и справедливыя требованія философіи, именно на критику источниковъ знанія и на выставленіе масштаба для духовныхъ работъ—были выброшены за бортъ» **.

Замѣчательно, что ту же самую мысль, что идеальная философія лишила естественныя науки необходимаго для нихъ содѣйствія философіи, кромѣ того, что это отсутствіе научной философіи повело къ самой беспорядочной мечтательности въ естественныхъ наукахъ—мы встрѣчаемъ и у другихъ замѣчательныхъ натуралистовъ, такъ, напримѣръ, у Шлейдена *** и Шнеля ****.

Хотя философія Гегеля не осталась безъ вліянія и на наше русское образованіе, но это вліяніе, доходившее къ намъ только всеользь, въ отрывочныхъ взглядахъ, а не въ полной системѣ, было для насъ болѣе благотвѣтельно, чѣмъ вредно. Особенно, кажется, вліяніе это выразилось у насъ въ юридическихъ факультете-

* Populäre Wissenschaftliche Vorträge von Helmholtz. 1865. Erst. Heft, S. 6, 7.

** Ibidem. S. 7—8.

*** Schleiden's. Ueber den Materialismus. 1863. S. 25.

**** Schnell's. Die Streitfrage des Materialismus. Iena. 1858. S. 2. «Гдѣ претивить дальнюю научную философію, такъ тамъ встрѣче походятъ въ руки

тахъ *, а отчасти въ литературной критикѣ, черезъ посредство Вѣлинскаго, который едва-ли былъ знакомъ съ системой Гегеля въ ея цѣлости, но съ удивительной, истинно русской смелювостью, усвоилъ нѣкоторые ея положенія, до него дошедшія, развилъ и примѣнилъ ихъ къ дѣлу литературной критики. Не идеальная философія была виною того, что у насъ вовсе не развилось философское подготовленіе мысли, и что философія менѣе всего было тамъ, гдѣ бы она должна была быть — на философскихъ факультетахъ. Вотъ почему наплывъ современнаго матеріализма встрѣтилъ насъ совершенно неподготовленными. Для большей части нашей молодѣжи пошлая книжонка Бюхнера была первою философскою книгою, какою они прочли: что же мудренаго, если они не могли отнестись къ ней критически? Уничтоженіе преподаванія философіи и отсутствіе философскихъ сочиненій никакъ не могутъ уничтожить врожденнаго человѣку стремленія къ философскому мышленію. Это стремленіе такъ сильно въ каждомъ, и особенно въ юности, что непремѣнно само себѣ отыщетъ удовлетвореніе — а какое—это уже зависитъ отъ случая и отъ степени умственнаго подготовленія. Понятно, что человѣкъ, не получившій никакого правильнаго философскаго подготовленія, имѣя передъ собою двѣ книги: «Сила и матерія» — Бюхнера, въ которой объясняется *все*, и притомъ самымъ легкимъ и нагляднымъ образомъ, и кантовскую «Критику чистаго разума», въ которой объясняется весьма немногое да и то языкомъ труднымъ и требующимъ большаго вниманія, предпочтетъ Бюхнера Канту. Пока въ университетахъ нашихъ, наше юношество не будетъ имѣть возможности познакомиться съ историческимъ ходомъ философскаго мышленія, до тѣхъ поръ мы не будемъ обезопасены отъ распространенія въ нашемъ обществѣ всевозможныхъ нелѣпницъ, выдающихъ себя за философскіе выводы. Только въ сознаніи человѣка можно выстроить надежную таможенную противъ наплыва уродливыхъ фантазій — и эта таможня есть, развитая ученьемъ, философская критика.

Замѣтимъ, между прочимъ, что Гельмгольцъ также жалуется на недостаточное подготовленіе своихъ университетскихъ слушателей къ точному и самостоятельному мышленію **. Но Гельмгольцъ, какъ намъ кажется, напрасно ожидаетъ исправленія этого недостатка отъ большаго развитія въ гимназіяхъ занятій чистой математикою. Занятія чистою математикою развиваютъ только способность ма-

---

грубо и необузданно философствующей мечтательности». И не надобно забывать, что это говорятъ одинъ изъ лучшихъ профессоровъ математики и физики.

* Особенно знакомилъ съ нею профессоръ Неводкинъ и Рѣдлинъ.

** Helmholtz. Ibid. S. 28.

тематическаго же мышленія, которое по большей части неприменимо къ фактамъ другихъ наукъ, даже къ огромному числу фактовъ естественныхъ наукъ, а не только уже къ фактамъ наукъ историческихъ и философскихъ. Мы же полагаемъ, что гимназическое подготовленіе въ этомъ отношеніи до тѣхъ поръ не будетъ удовлетворять университетскимъ требованіямъ, пока въ немъ не будетъ обращено должное вниманіе на развитіе логическаго мышленія въ учащихся. Какъ ни плохо было прежнее преподаваніе логики въ гимназіяхъ, но оно было необходимо. Слѣдовало подумать о томъ, чтобы улучшить это преподаваніе, а не вычеркивать его изъ программы однимъ почеркомъ пера, какъ это было сдѣлано у насъ, если не ошибаемся, лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Что преподаваніе логики было у насъ дурно, то это и не могло быть иначе, потому что ее преподавали по большей части люди, никогда сами ей неучившіеся. Но, замѣтятъ намъ, развѣ есть теперь такая логика, которую можно бы ввести въ гимназіи? Ея нѣтъ, отвѣтимъ мы; но она могла бы быть, и лучше даже имѣть старинную, схоластическую логику, чѣмъ никакой. Конечно, это пробѣлъ не въ одномъ русскомъ образованіи, но и вообще въ европейскомъ: это общій пробѣлъ въ педагогикѣ, послѣдствія котораго начинаютъ ощущаться повсюду, все яснѣе и яснѣе.

Но не одно преподаваніе логики, какъ отдѣльной науки, можетъ и должно пополнить этотъ пробѣлъ. Столь же важно, если еще не важнѣе, чтобы всѣ предметы преподавались *логически*: чтобы занятіе каждымъ предметомъ развивало логичность въ мысляхъ учащагося. Такая логичность можетъ и должна быть проведена въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ отъ первыхъ уроковъ нагляднаго обученія и родного языка до высшаго курса исторіи и литературы. Но для этого необходимо, чтобы сами преподаватели были знакомы съ требованіями логики и привыкли удовлетворять имъ. Привычка же эта дается болѣе всего дѣльнимъ, специальнымъ, педагогическимъ подготовленіемъ*. Впрочемъ, мы будемъ еще имѣть случай въ главѣ «о развитіи разсудка» возвратиться къ этому предмету, а теперь, извинившись передъ читателемъ за невольное отступленіе, вызванное многозначительными словами Гельмгольца, обратимся къ предмету теперешняго нашего изслѣдованія, то-есть—къ сознанію.

Ни въ чемъ такъ не противорѣчилъ идеализмъ простому чело-

* Специально педагогическое подготовленіе преподавателей и, вслѣдствіе того, строго логическое преподаваніе всѣхъ предметовъ первоначальнаго курса, дается въ Швейцаріи и Германіи логичность мышленію учащихся. У насъ же и этого нѣтъ: вотъ почему у насъ болѣе, чѣмъ въ Германіи, чувствуется недостатокъ логичности въ образованномъ обществѣ.

вѣческому сознанию, какъ, представляя сознание въ видѣ идеи одною изъ необходимыхъ категорій въ развитіи абсолютнаго духа. Если уже человѣкъ знаетъ положительно о *дѣйствительномъ существованіи* чего нибудь, то прежде всего знаетъ онъ о дѣйствительномъ существованіи своего сознания. Онъ самъ въ себѣ чувствуетъ разницу между *идеей*, сложнымъ созданиемъ своего ума, и *дѣйствительнымъ существованіемъ своего сознания*, которое онъ чувствовалъ прежде, чѣмъ была у него какая-нибудь идея о немъ. Съ одной стороны мы сознаемъ, что наши идеи могутъ не имѣть вовсе реального существованія, а съ другой стороны *чувствуемъ*, что существованіе нашего сознания не зависитъ отъ нашихъ мѣняющихся идей, и что, слѣдовательно, между идеей человѣка и сознаниемъ такая же разница, какъ между фантазіей о вещи и дѣйствительно существующею вещью.

Простое чувство, живущее въ каждомъ изъ насъ, ясно намъ говорить, что между *идеальнымъ отношеніемъ духа къ самому себѣ и сознаниемъ* такая же разница, какъ между идеей существа и дѣйствительнымъ существомъ. Тутъ нечего доказывать, и собственное чувство каждаго есть лучшее доказательство. *Cogito ergo sum* * есть уже выводъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрнѣйшій выводъ, какой только человѣкъ могъ когда-нибудь сдѣлать. Но фактъ, изъ котораго сдѣланъ этотъ выводъ, есть простое *cogito*, или общее — *сознаю*, потому что *чувство сознания* предшествуетъ *мысли о сознани*, является базисомъ всякой нашей опредѣленной мысли и всякаго нашего опредѣленнаго чувства. Дитя, точно также какъ и Декартъ, чувствуетъ свое существованіе; и философъ только выводитъ это сознание изъ непосредственной формы чувства и облекаетъ его въ форму логической мысли, выражаемой умозаключеніемъ: *думаю, слѣдовательно существую*. Но какъ первая, такъ и вторая часть этого умозаключенія врождены каждому изъ насъ — философъ добавляетъ только свое «*ergo*».

Скрытая основа этого умозаключенія, изъ которой выведены обѣ его части и даже знаменитое *ergo*, заключается въ томъ небольшомъ словцѣ, которое, по свойству латинскаго и русскаго языка, пропущено здѣсь, какъ извѣстное, безпрестанно повторяемое, и опускаемое для краткости, именно потому, что оно вездѣ подразумевается, въ каждомъ предложеніи, какое бы мы ни сказали: это слово — *я*.

Мы всѣ чувствуемъ, что существуемъ, и именно потому-то, на слова Декарта такъ сочувственно отозвался весь мыслящій міръ. Декартъ указалъ на фактъ и единственный фактъ въ мірѣ, знако-

* *Думаю, слѣдовательно—существую.*

мый каждому и не требующій никакихъ доказательствъ. Вотъ почему и умозаключеніе, выведенное Декартомъ, есть единственное умозаключеніе, которое не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ, *единственная аксіома челоѣчества* въ строгомъ смислѣ этого слова, которую доказываетъ каждый: и тотъ, кто ее доказываетъ, и тотъ, кто ее опровергаетъ, и сомнѣніе въ истинности которой есть уже ея доказательство. Декартъ только констатировалъ и превратилъ въ форму логическаго сужденія фактъ сознанія, придавъ ему то значеніе, которое онъ долженъ имѣть, какъ основа и необходимое условіе всѣхъ другихъ актовъ души.

Что же касается до отношеній этого я ко внѣшнему для него міру, то хотя мы вполне соглашаемся съ Джономъ-Стюартомъ Миллемъ, что попытки доказать логически *абсолютность нашихъ познаній* можно считать вполне неудавшимися*, но думаемъ однакоже, что можно психологически показать, откуда происходитъ общая увѣренность челоѣчества въ дѣйствительномъ существованіи внѣшняго міра. Этотъ психическій анализъ мы находимъ у Вэна.

«Ощущеніе нами нашихъ движеній выдѣляется изъ группы прочихъ ощущеній, такъ что мы ясно отличаемъ ощущеніе движенія отъ всякаго другаго: ощущеній зрѣнія, слуха и т. д. Если же въ сознаніи нашемъ продолжающіяся впечатлѣнія внѣшняго міра смѣшиваются со слѣдами протевшихъ впечатлѣній, то наше движеніе немедленно раздѣляетъ для насъ эти два рода ощущеній — наши внутреннія представленія отъ нашихъ внѣшнихъ впечатлѣній. Впечатлѣніе, дѣйствующее на наше сознаніе, какъ, напримѣръ, впечатлѣніе солнца, на которое я гляжу, исчезаетъ при переměнѣ нами нашего положенія, тогда какъ представленіе наше о солнцѣ, которое уже и такъ сильно отличается отъ созерцанія своею относительною блѣдностью, мы можемъ всюду унести съ собою. *Созерцанія* (такъ назовемъ мы впечатлѣнія, продолжающія входить въ наше сознаніе черезъ внѣшнія чувства изъ внѣшняго міра) *безпрестанно прерываются и мѣняются при переměнѣ нами нашего положенія; тогда какъ внутреннія представленія наши не находятся въ такой зависимости отъ нашихъ движеній*»**.

Намъ кажется вѣрнымъ этотъ психологическій анализъ происхожденія нашей *увѣренности* въ дѣйствительномъ существованіи внѣшняго міра, независящемъ отъ нашего сознанія, и мы можемъ себѣ представить, что еслибы челоѣкъ не имѣлъ способности

* Mill's Logic. Vol. 1 p. 66, 67 и 69.

** The Emotion and the Will. By Alex. Bain. Lond. 1859. p. 642, 643.

произвольнаго движенія и созерцалъ міръ пассивно, то считалъ бы вѣроятнo весь этотъ міръ своимъ собственнымъ существомъ.

Далѣе психическій анализъ идти не можетъ; доказывать абсолютное тождество нашей идеи и явленій міра не его дѣло и вѣдѣ его средствъ.

Къ какимъ же результатамъ, въ отношеніи занимающаго насъ вопроса, приведетъ насъ этотъ бѣглый взглядъ на идеальную философію?

Вопервыхъ, идеальная философія, еще въ критическомъ анализѣ Канта и въ идеализмѣ Фихте, показала ясно необходимость отдѣленія сознанія отъ всякаго его содержанія, отдѣльное существованіе сознанія отъ всего, что можетъ быть его содержаніемъ. «Есть — говоритъ Дж.-Стюартъ Милль — нѣчто, что я называю мною или, выражаясь иначе, моя душа (mind), на которую я гляжу, какъ на нѣчто отдѣльное отъ ея ощущеній, мыслей и пр.; *точно*, которое я понимаю, какъ существо, имѣющее мысли и которое я могу представить въ состояніи покоя, безъ всякой мысли. Но что это такое за существо, хотя оно—я самъ, объ этомъ я ничего не знаю, кромѣ того, что показываетъ мнѣ рядъ состояній его же сознанія». Ошибка же идеальной философіи, въ системѣ Гегеля, состояла въ томъ, что она не остановилась на этомъ, рѣзко ею выдѣленномъ психическомъ фактѣ, а превратила самый этотъ фактъ, живо ощущаемый всѣмъ человѣчествомъ, въ категорію отвлеченной идеи.

Вовторыхъ, идеальная философія всею своею громадною и стройно развитою системою указала намъ ясно на органическій характеръ духа. Мы согласны съ Гельмгольцемъ, что попытки идеальной философіи построить внѣшнюю природу по своимъ категоріямъ вполнѣ не удалось; но согласны также и въ томъ, что, въ постройкѣ исторической жизни человѣческаго духа, философія эта оставила намъ много страницъ, поражающихъ своею вѣрностью и глубиною анализа, что, впрочемъ, не исключаетъ изъ нея множества натяжекъ, преждевременныхъ, а иногда даже не совершенно добросовѣстныхъ выводовъ — но въ этомъ была виновата не философская система, а самъ философъ и его личный характеръ, за который онъ справедливо осужденъ критикою **. (Два замѣчательные философа новой исторіи, Бэконъ и Гегель, показали только, что нравственная высота человѣка не всегда соотвѣтствуетъ

* Mill's Logic. Vol. 1 p. 68.

** Особенно Геймоль.

высотѣ умственной). Что же касается до того обстоятельства, что Гегель только связалъ въ одну систему тѣ великія идеи, которыя до него были уже высказаны знаменитыми учеными и мыслителями Европы, оно не только не уменьшаетъ довѣрія къ его философіи, но напротивъ увеличиваетъ его. Мы какъ-то недовѣрчиво смотримъ на тѣ новыя системы, которыя возникаютъ изъ головы одного человѣка, во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Исторія всѣхъ истинно-великихъ открытій и замѣчательныхъ системъ, послужившихъ ступенью въ развитіи человѣческой мысли, показываетъ намъ, что они рождаются не внезапно и часто не въ одной головѣ, а готовятся долго въ человѣчествѣ и начинаютъ усиленно и въ разныхъ мѣстахъ пробиваться впередъ тѣмъ, когда приходитъ имъ пора раскрыться вполне и разцвѣсть на удивленіе міру въ обширномъ умѣ какого-нибудь великаго человѣка.

Правда, что попытка Гегеля вывести весь міръ изъ саморазвитія идеи удалась только въ отношеніи созданія человѣческаго духа, и то не вполне, но она удалась достаточно, чтобы показать очень ясно органическую природу этого духа. Кто дѣйствительно ознакомился съ системой философіи Гегеля, тотъ навсегда вынесетъ изъ нея то убѣжденіе, что духъ человѣческій, какъ бы намъ мало ни была знакома его субстанція и его основныя свойства, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ и во всякой своей дѣятельности, представляетъ намъ ясныя и несомнѣнныя слѣды такого постепеннаго развитія, которое невольно напоминаетъ намъ развитіе знакомыхъ намъ организмовъ природы. Въ проявленіяхъ духа въ его дѣятельности мы не видимъ скачковъ и внезапныхъ случайностей; не видимъ также неожиданныхъ переходовъ, подготовленія которыхъ нельзя было бы подмѣтить прежде ихъ наступленія, и послѣдствій которыхъ нельзя было бы прослѣдить послѣ ихъ совершенія. Словомъ, въ духовной дѣятельности мы видимъ не безпорядочную борьбу, подобную борьбѣ физическихъ элементовъ неорганической природы, но развитіе, подобное развитію организмовъ растительныхъ и животныхъ. Эта органичность всѣхъ проявленій человѣческаго духа доказана совершенно идеальной философіей еще прежде Гегеля. Гегель провелъ далѣе эти доказательства и привелъ ихъ въ систему; но въ то же время утрировалъ идею органическаго развитія духа и, можетъ быть, болѣе повредилъ, нежели способствовалъ, укорененію и развитію этой великой идеи.

Ошибка гегелевской философіи состояла въ томъ, что она не удовлетворялась этимъ анализомъ созданія человѣческаго духа, но заносчиво захотѣла перенести его во внѣшнюю природу и распространить на всю вселенную. Понятно, что такая заносчивость должна была выразиться забавными и унизительными для системы

промаками и противорѣчiami фактической наукѣ. Такъ, для защиты всеобщности своей системы Гегель долженъ былъ признавать всѣ геологическія открытія и теоріи за сказки, бороться съ Ньютономъ, доказывать разумность извѣстнаго тогда числа планетъ, которое послѣ того начало быстро умножаться. Но справедливо ли было бы заносчивость философа считать доказательствомъ негодности его системы, подготовленной цѣлымъ предшествовавшимъ вѣкомъ и множествомъ величайшихъ умовъ? Мы убѣждены, что органическая идея духовнаго развитія переживетъ паденіе философіи Гегеля, и что имена: Вико, Монтескьё, Гердера, Риттера, Гумбольдта—великихъ провозвѣстниковъ той же самой идеи, никогда не будутъ стоять на ряду съ именами людей, бесплодно трудившихся для проведенія ложной мысли. Духовныя науки и въ настоящее время, послѣ погрома гегелевской философіи, проводятъ ту же идею, только въ другихъ, болѣе скромныхъ и болѣе фактическихъ формахъ, не подыскивая насильственно фактовъ подъ идеи, заранѣе заготовленныя, какъ дѣлалъ часто Гегель, но вывода идею изъ факта, насколько она выводится.

Другая громадная ошибка гегелевской системы состоитъ въ томъ, что онъ, замѣтивъ органической характеръ духа въ проявленіяхъ его развитія, сдѣлалъ изъ него нѣчто въ родѣ сказочнаго пеликана, питающаго дѣтей своею собственною внутренностью. Эту ошибку, которая погубила много ученыхъ жизней и создала много нигуда негодныхъ книгъ, исправила современная матеріалистическая философія, и *за это, по нашему мнѣнію, состоитъ ея величайшая заслуга науки*. Она провела и продолжаетъ проводить въ настоящее время множество ясныхъ доказательствъ, что всѣ наши идеи, казавшіяся совершенно отвлеченными и прирожденными человѣческому духу, выведены нами изъ фактовъ, сообщенныхъ намъ внѣшнею природою, составлены нами изъ впечатлѣній или образовались изъ привычекъ, условливаемыхъ устройствомъ тѣлеснаго организма. Современный матеріализмъ въ лучшихъ своихъ представителяхъ доказалъ вполне истину, высказанную Локкомъ нѣсколько преждевременно и безъ точныхъ доказательствъ, что во всемъ, что мы думаемъ, можно открыть слѣды опыта, и что *nil est in intellectu quod non fuerit in sensu* *. Однако же въ этихъ доказательствахъ матеріализмъ, какъ и всякая односторонняя система, былъ увлеченъ въ крайность. Дѣйствительно, все, что мы знаемъ, прошло прежде черезъ форму ощущеній, вызываемыхъ впечатлѣніями внѣшняго міра или состояніями нашего собственного организма; но умѣнье воспользоваться этимъ знаніемъ такъ или иначе принадле-

* Ничего нѣтъ въ разумѣ, что не прошло бы прежде черезъ чувства.

жить нашему духу, и лейбницевское возраженіе на вышеприведенную фразу, «Nisi intellectus ipse», т.-е. что все проникло въ умъ путемъ опыта, кромѣ самаго ума, остается въ прежней своей силѣ, только усилилось и опредѣлилось гораздо болѣе прежняго, благодаря современному матеріализму, болѣе глубокому и послѣдовательному, чѣмъ матеріализмъ прежнихъ временъ.

Такимъ образомъ принимая вполне органическій характеръ чело-вѣческаго духа, мы принимаемъ въ то же время, что единственной пищей этого организма можетъ быть опытъ, сообщаемый намъ черезъ посредство нашихъ внѣшнихъ чувствъ и, слѣдовательно, черезъ посредство нашего тѣла, и что безъ опыта духъ чело-вѣческій не можетъ сдѣлать ни малѣйшаго шагу въ своемъ развитіи. Духъ чело-вѣческій есть организмъ, но почва этого организма есть тѣло, а пища—тысячеобразный опытъ, сообщаемый намъ черезъ посредство нашихъ чувствъ. Какъ сѣмя не можетъ развиваться безъ почвы и пищи, такъ и духъ чело-вѣческій не можетъ развиваться безъ тѣлеснаго организма и сообщаемой имъ духовной пищи въ формѣ ощущенія и опыта. Ощущенія наши во всемъ своемъ безконечномъ разнообразіи, и слѣды этихъ ощущеній, сохраняемые нервнымъ организмомъ въ формѣ привычекъ и воспоминаній (привычки— въ тѣсномъ смыслѣ слова, и слѣды, сохраняемые памятью)—вотъ что составляетъ необходимую пищу духовнаго организма, безъ которыхъ онъ такъ же мало могъ бы проявить признаки жизни и развитія, какъ сѣмя пшеницы, заключенное въ гробъ египетской муміи.

Но если организмъ не можетъ развиваться безъ этой пищи, то и пища эта не могла бы представиться въ органической и духовной формѣ, еслибы ее не переработалъ самъ организмъ въ эту духовную форму. И если въ проявленіяхъ чело-вѣческаго духа, то-есть въ исторіи, искусствѣ и наукѣ, мы видимъ несомнѣнные слѣды органическаго развитія, то можемъ изъ этого заключать, что исторія, наука и искусство суть созданія духовнаго органическаго существа, переработывавшаго опытъ, даваемый внѣшней природою, въ неорганическомъ безпорядкѣ, въ органическія явленія, по законамъ своей духовной, органической природы.

Вотъ какіе результаты новаго идеализма кажутся намъ прочными достояніями чело-вѣческаго мышленія, которые опять займутъ свое настоящее мѣсто, когда, съ одной стороны, дивія вѣрности шеллингизма и гегелизма будутъ нѣсколько позабыты, а съ другой матеріализмъ, неподдерживаемый стѣснительными мѣрами людей, дурно понимающихъ интересы общества и религіи, разовьется свободно, до крайнихъ своихъ предѣловъ. Уже и теперь въ тѣхъ странахъ, гдѣ цензура не мѣшается въ философскіе споры, матеріализмъ, какъ мы увидимъ ниже, начинаетъ отливаться въ формы,

предсказывающія ему близкое паденіе, или, лучше сказать, близкую зрѣлость, за которою послѣдуетъ очищеніе его отъ той неизбежной и въ свое время полезной шелухи, подъ которою скрывается здоровое зерно истины. Еслибы Джонъ-Стюартъ Миль не написалъ ничего болѣе, кромѣ своего трактата «о свободѣ» (On Liberty), то и тогда имя его осталось бы навсегда въ исторіи человѣческой мысли. Не нужно большой проникательности, чтобы видѣть, какъ на практикѣ сбывается его знаменитое положеніе, что противоборство истинѣ такъ же полезно и чаще еще полезнѣе для нея, чѣмъ ея защита, и что защита истины насильственнымъ затрудненіемъ противорѣчій болѣе, чѣмъ что нибудь другое, вредитъ самой истинѣ. Еслибы насъ спросили, что болѣе всего способствовало распространенію матеріализма въ Германіи, то мы, не колеблясь, указали бы на тѣ мѣры правительства (въ особенности прусскаго), которыя были приняты для защиты религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій отъ той свободы, которая дана была мысли въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка; еслибы насъ спросили, какія явленія губительнѣе всего для матеріализма, то мы прямо указали бы на тѣ сочиненія, которыя, не стѣсняясь ничѣмъ, развиваютъ широко свои матеріалистическія убѣжденія. Гегелевскій идеализмъ именно потому отцвѣлъ такъ скоро, что ему никто не мѣшалъ развиваться свободно; а матеріализмъ будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока будутъ мѣшать ему высказаться вполнѣ. Ничто не принесло такого вреда гегелизму, какъ покровительство, оказанное ему прусскимъ правительствомъ; ничто такъ не разбросило матеріализма по всѣмъ слоямъ прусскаго общества, какъ раумеровскіе декреты въ пользу нравственности и религіи. Таково уже свойство человѣческой мысли! И безумно бороться съ этимъ великимъ свойствомъ, которое является главною причиною движенія впередъ человѣка и человѣчества. Въ медицинѣ глупѣйшій изъ медиковъ не станетъ вгонять болѣзни внутрь: но какъ часто еще дѣлается это въ административныхъ сферахъ.

Впрочемъ, насъ бы дурно поняли, еслибы подумали, что всю заслугу матеріалистической философіи мы находимъ только въ противорѣчій ея идеализму. Нѣтъ, много положительнаго внесла и продолжаетъ вносить эта философія въ науку и мышленіе; искусство же воспитанія въ особенности и чрезвычайно много обязано именно матеріалистическому направленію изысканій, преобладающему въ послѣднее время. Вредъ приноситъ только шарлатанство и фразерство, въ родѣ бухнеровскаго и фогтовскаго; но серьезное, искреннее стремленіе мысли, направлено ли оно въ идеальную или матеріальную сторону, всегда принесетъ пользу; да и фраза, какова бы свойства она ни была, была вредна болѣе всего въ томъ

отношеніи, что дастъ мысли человѣка погрешку вмѣсто серьезнаго дѣла.

Материалистическій взглядъ на сознаніе и на душу не есть какое нибудь новое открытіе. Несомнѣнные слѣды его мы можемъ найти уже въ восточныхъ полуміеологіяхъ и полуфилософіяхъ: вся государственная вѣра Китая построена Конфуціемъ на материалистическомъ міросозерцаніи.

Замѣчательно, что материалистическое міросозерцаніе съ особенною ясностью и сознательностью проявилось у того самаго еврейскаго народа, который передалъ Европѣ и свое высокое идеалистическое направленіе. Можетъ быть, тѣмъ изъ реалистовъ, которое рѣдко заглядываютъ въ Библию, не безынтересно будетъ найти въ ней выраженія, ненуждающіяся въ большой передѣлкѣ, чтобы попасть въ книгу Молашотта или Бюкнера: «Случайно рождены мы—говорили библейскіе реалисты—и будемъ потомъ, какъ будто бы насъ и не было, потому что дымъ—дыханіе въ ноздряхъ нашихъ, и слово—искра въ движеніяхъ сердца нашего; когда же искра эта угаснетъ, то въ пепелъ обратится тѣло наше, а духъ нашъ разольется, какъ мягкій воздухъ. Имя наше будетъ современемъ забыто и никто не припомнитъ дѣлъ нашихъ. Жизнь наша пройдетъ, какъ слѣды облака, и разрушится, какъ туманъ, разогнанный солнечными лучами и отягченный его теплотою». Міросозерцаніе, сильно напоминающее міросозерцаніе современнаго материализма, и даже образъ выраженія имѣеть много сходнаго. Если же здѣсь, вмѣсто электрической искры, говорится просто объ искрѣ и, вмѣсто движеній нервъ—о движеніяхъ сердца, то не надобно забывать, что это писано болѣе чѣмъ за два тысячелѣтія до нашего времени. Замѣчательны также и практическіе выводы изъ этого міросозерцанія: *«приидите убо—продолжаютъ библейскіе реалисты—и насладимся настоящихъ блазихъ и употребимъ созданія, яко въ юности скоро. Вина дражайшаго и мтра благовонна исполнимся, да не преидеть насъ цѣпъ житія. Увѣнчаемъ насъ шипковыми цвѣтми, прежде неже увянутъ.»* Но далѣе идутъ выводы не такою веселаго свойства. *«Да будетъ же намъ сила законъ правды—говорять они—не крѣпкое бо бесполезно обрѣтается»* *. Къ другому моральному результату, конечно, и не могло придти тогда міросозерцаніе, основанное на грубой силѣ матеріи. Но странно, что извѣстная французская переводчица Дарвина, черезъ двѣ ты-

* Книга премудрости Соломона. Глава 2.

сачи лѣтъ, пришла къ тому же результату въ отношеніи людей больныхъ и слабыхъ.

Всѣ первые философы Греціи, до Платона, имѣли болѣе или менѣе материалистическое воззрѣніе на душу.

Почти во всѣхъ этихъ воззрѣніяхъ душа признавалась за тончайшую матерію, какою только знали или могли себѣ вообразить философы. Замѣчательно однако, что матерія, изъ которой состоитъ душа, составляла въ то же время и сущность всѣхъ явленій міра. «Кто принималъ—говоритъ Аристотель—одну причину всему и одинъ элементъ, тѣ принимали и душу за что нибудь одно: напримѣръ, за огонь или за воздухъ. Тѣ же, которые принимали нѣсколько причинъ—тѣ и душу принимали за нечто сложное изъ многого»^{*}.

Анаксименъ создавалъ душу изъ воздуха, такъ-какъ воздухъ, по его мнѣнію, необходимый для дыханія, былъ причиной жизни.

Пифагорейцы видѣли въ душѣ изолированныя частицы эфира, в представленія наши, по ихъ мнѣнію, суть не что иное, какъ движенія этого эфира. Такое воззрѣніе на душу довольно близко подходит къ современному воззрѣнію естествоиспытателей, отрывающихъ основу всѣхъ физическихъ, в психическихъ явленій въ движеніи частицъ матеріи, а причину движенія этихъ частицъ въ движеніяхъ эфира, получающихъ свое начало отъ солнца, которое является, такимъ образомъ, источникомъ физической и психической жизни^{**}.

Эмпедоклъ, руководимый мыслью, что одинаковое можетъ быть познаваемо только одинаковымъ, слагалъ душу изъ тѣхъ четырехъ элементовъ, изъ которыхъ, по мнѣнію древнихъ, слагался весь міръ, а мѣстомъ жительства душъ назначалъ кровь. Хотя это мнѣніе высказано въ очень грубой формѣ и обличаетъ всю ничтожность тогдашнихъ свѣдѣній о природѣ, однако основа этого мнѣнія та же, на которой построилъ Гегель свое воззрѣніе на душу, какъ средоточіе всѣхъ мировыхъ вліяній. На этой же основѣ, или, лучше сказать, на необходимости объяснить себѣ, какимъ образомъ душа можетъ чувствовать и понимать матеріальный міръ, строятся психологическія воззрѣнія Лейбница, Гербарта и Лотце, которые видятъ въ душѣ монаду, подобную тѣмъ монадамъ, изъ которыхъ состоитъ міръ матеріальный, и слѣдовательно родственныхъ другъ другу, а потому могущихъ войти во взаимныя отношенія. На этой же потребности связи между душою и матеріальнымъ міромъ построены и новѣйшія гипотезы Фихте-младшаго и

^{*} Aristot. de anima. I. 2.

^{**} Вудтъ, Болъ, и др.

Фортлаге, дающихъ душѣ какое-то *фантастическое тѣло* *, живущее въ пространствѣ и времени.

Парменидъ объяснялъ процессъ пониманія и памяти постоянной борьбой огненного эфира съ противоположнымъ ему холоднымъ принципомъ. И мы не можемъ здѣсь не видѣть зародыша дуалистическаго воззрѣнія, развитаго впоследствии картезіанцами.

Анаксагоръ, по свидѣтельству Аристотеля **, называлъ духъ безчувственнымъ и особеннымъ существомъ, неизмѣющимъ ничего общаго съ другими. Мысль Анаксагора нашла себѣ развитіе въ новѣйшей философіи Фихте-младшаго, принимающаго духъ за особенное, сверхчувственное, реальное существо, для котораго сознательность есть только частное явленіе.

Гераклитъ, какъ и Пиеагоръ, видѣлъ въ душѣ изолированную часть эфира, движущуюся и борющуюся въ предѣлахъ тѣла. Чѣмъ суше этотъ эфиръ, тѣмъ ярче онъ горитъ и тѣмъ ярче душевныя явленія. Сырость ему противна, и въ состояніи опьяненія этотъ эфиръ готовъ потухнуть.

Демокритъ, замѣчательнѣйшій изъ психологовъ древности, котораго первый высказалъ мнѣніе, подтверждаемое нынѣшними физиологами, что всѣ наши внѣшнія чувства суть только видоизмѣненія осязанія, признавалъ тоже въ душѣ огненный эфиръ въ видѣ шарообразныхъ и чрезвычайно подвижныхъ атомовъ, которые носятся въ воздухѣ и черезъ посредство дыханія даютъ намъ жизнь. Мыслитель, кажется, ощупью, доходилъ до отертія килорода.

Платонъ, первый оторвался отъ матеріалистическаго воззрѣнія. Но его опредѣленія души всѣ были только противоположностями матеріи, и душа называлась невидимою, въ противоположность видимому, властвующею въ противоположность подчиненному, недѣлимому въ противоположность дѣлимому и т. д.

Фортлаге говоритъ ***, что въ такомъ воззрѣніи Платона на душу выражалась неспособность разсудать о предметѣ, котораго еще не пытались изучить въ его собственной сферѣ, а запутывали категоріями изъ чуждыхъ сферъ. Но что же дѣлаетъ Фортлаге самъ въ своей психологіи? Развѣ довольствуется онъ психическимъ самонаблюденіемъ и не пытается объяснить существа души гипотезами, заимствованными изъ физики и естественныхъ наукъ? Вѣдно, не такъ легко отказаться отъ стремленія облечь душу въ форму та-

* Psychologie von Herm. Fichte. Erst. Th. 1864. S. 14. Empfindungsleib, Seelenleib, у Фихте: Phantasieleib, Einbildungaleib — у Фортлаге. Наме мы познакомились со смысломъ этихъ названій.

** Arist. ibid.

*** System der Psychologie von K. Fortlage, 1855. Erst. Th. S. 24.

кого представленія, которое затрогивало бы наши виѣшнія чувства, какъ затрогиваютъ ихъ предметы виѣшняго міра.

Книги Аристотеля «о душѣ» такъ перенорчены переписчиками, что многіе даже думаютъ видѣть въ нихъ не произведеніе знаменитаго философа, а только подборъ его психическихъ воззрѣній, сдѣланный впоследствии, и даже испорченный сообразно цѣлямъ схоластической науки. Вотъ почему трудно сказать, каково было воззрѣніе Аристотеля на душу. Впрочемъ, намъ кажется, что независимо отъ испорченности книгъ Аристотеля, этотъ философъ едва-ли и могъ выразить какое нибудь ясное и опредѣленное воззрѣніе на душу, хотя и сдѣлалъ болѣе чѣмъ кто нибудь, для выясненія множества психическихъ явленій. Онъ стоялъ слишкомъ высоко, чтобъ его могло удовлетворить какое нибудь одностороннее воззрѣніе на душу и чтобъ онъ могъ не видѣть ипотетичности и односторонности всѣхъ прежнихъ воззрѣній.

Фортлаге упрекаетъ Аристотеля въ томъ, что его знаменитая *интеллектія*, какъ выраженіе сущности души, не имѣетъ никакого яснаго, опредѣленнаго смысла, и что это только туманное слово, кажущееся чрезвычайно многозначительнымъ и которое каждый можетъ толковать, какъ ему угодно*. И дѣйствительно, *интеллектію* принимали и за движеніе матеріальныхъ частицъ, выражающее современное матеріалистическое воззрѣніе на душу, и за внутреннее движеніе идеи, развивающейся сама въ себѣ и сама изъ себя по логическимъ категоріямъ, чѣмъ воспользовался Гегель. Но мы думаемъ, что эта неопредѣленность выраженія душевной субстанции доказываетъ только, что Аристотель не могъ войти въ рамки ни одного изъ тѣхъ одностороннихъ воззрѣній на душу, которыя онъ разобралъ во второй книгѣ своего сочиненія: «О душѣ». Если же отнять у многихъ новыхъ психологовъ то, что дала имъ новая наука и болѣе всего естествознаніе, то мы невольно поставимъ ихъ въ ряды съ психологами до-аристотельскаго времени.

Материалистическія воззрѣнія на душу прожили въ новой исторіи еще нѣсколько фазисовъ, на которыхъ мы не считаемъ нужнымъ останавливаться, такъ-какъ всѣ эти воззрѣнія слились теперь въ то одно, которое видитъ душу въ нервномъ организмѣ, я которымъ потому мы займемся исключительно.

Новый матеріализмъ возникъ и разросся на нашихъ глазахъ съ необыкновенною силою. Мыслящее человечество, какъ-бы утомленное бесплодными абстракціями шеллинговской и гегелевской философіи—абстракціями, доведенными до того, что уже некуда

* Fortlage. Ibid. S. 25.

было идти далѣе, тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ обратилось къ материализму. Чѣмъ абстрактнѣе, безплотнѣе и неуловимѣе становилась философія, тѣмъ труднѣе она выносилась человѣкомъ, тѣмъ безцвѣтнѣе, однообразнѣе, утомительнѣе становилась вся его психическая дѣятельность и тѣмъ настоятельнѣе высказывалась въ немъ врожденная душѣ потребность воплощенія—потребность плоти, красокъ, пиши для глаза, для уха, для осязанія. Вотъ какимъ, чисто-психическимъ стимуломъ, побудившимъ нѣкогда еврейскій народъ слить себѣ золотого тельца, объясняемъ мы себѣ необыкновенный успѣхъ современнаго материализма, послѣ такого же успѣха еще неумолкнувшаго идеализма.

Но какъ ни юнъ современный материализмъ, однакоже, онъ имѣетъ уже свою исторію, и въ этой исторіи *два* періода—аналогическіе съ двумя періодами только что отжившаго идеализма.

За здоровой, трезвой философіей Канта, только собиравшаго, такъ сказать, матеріалы философій и видѣвшаго тѣ предѣлы человѣческой мысли, за которые она напрасно порывается, послѣдовала не разомъ идеалистическая система Гегеля: ей предшествовала идеалистическая поэзія Шеллинга. Новый идеализмъ появляется на свѣтъ не въ видѣ стройной системы, а въ видѣ отрывочныхъ фразъ, диктуемыхъ скорѣе поэтическимъ чувствомъ единства и гармоніи мірозданія и человѣческой мысли, чѣмъ яснымъ, логическимъ сознаніемъ этого единства и законовъ этой гармоніи. Только потомъ уже находитъ Гегель діалектическую нить для связи всѣхъ этихъ поэтическихъ днѣвранбовъ въ одну философскую систему.

То же самое замѣчаемъ мы и въ исторіи новаго материализма. За спокойнымъ занятіемъ естественными науками тѣхъ людей, которые не были отуманены шеллинговскими днѣвранбами, за занятіемъ трезвымъ, видѣвшимъ повсюду невозможность открыть законы всего изъ относительно немногихъ фактовъ, совершенно достоверно извѣстныхъ естествознанію—занятіемъ, подарившимъ человѣчество великими открытіями, славой нашего столѣтія, послѣдовали смѣлыя гипотезы, болѣе или менѣе удачныя намеки, фразы и, наконецъ, цѣлыя тирады материалистическаго свойства. Эти фразы и тирады, несвязанныя въ одно цѣлое, а потому именно особенно смѣлыя и увлекающія, мы можемъ найти въ большомъ обиліи у двухъ главныхъ представителей такого рода материализма: у Фогта и Мошотта. Намъ кажется, что дѣятельность этихъ писателей сильно напоминаетъ дѣятельность Шеллинга и шеллингистовъ—тѣ же отрывочныя фразы и тирады; то же уходящее отъ васъ, и скорѣе подозрѣваемое, чѣмъ открываемое содержаніе; тотъ же образъ выраженій, болѣе свойственный поэзіи, чѣмъ наукѣ.

Но какъ шеллингизмъ, такъ и фогтизмъ, не остались долго въ этой дѣвственной, поэтической формѣ, и человѣческая мысль почувствовала потребность связать эти отрывочныя фразы и тирады материализма въ одну материалистическую философію. Однакоже, въ этомъ случаѣ, идеализмъ былъ счастливѣе материализма, который, кажется, ожидаетъ еще своего Гегеля.

Изъ многихъ попытокъ построить стройную систему материалистической философіи, намъ показалась всего удачнѣе попытка извѣстнаго англійскаго философа и психолога Гербарта Спенсера, а потому мы и рассмотримъ ее въ подробности, по крайней-мѣрѣ въ психологическомъ отношеніи.

Но прежде мы займемся тѣми мнѣніями материализма, которыя наиболѣе въ ходу, то-есть займемся сначала материализмомъ въ *формѣ фразы*, а потомъ уже и въ формѣ *философской системы*, такъ-какъ обѣ эти формы до сихъ поръ не пришли еще къ единству.

К. Ушинскій.

(Продолженіе до слѣдующаго номера).

СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Продолженіе).

IV.

Мы знаемъ, что монашескіе ордена на Западѣ составляли нѣкоторымъ образомъ государства въ государствахъ. Они были независимы и отъ свѣтской власти, и отъ мѣстной церковной, подчиняясь только своему генералу, котораго сами же и выбирали. Такое устройство ихъ въ Испаніи, среди застоя окружающей народной жизни, выставлялось особенно рѣзко, и самые интересы народа совершенно поглощались интересамъ монаховъ.

Авторъ даетъ намъ наглядное понятіе о такомъ устройствѣ орденовъ въ трехъ своихъ разсказахъ: «Выборное право въ 1800 г.»; «Братья отправляются въ капитулъ»; «Генеральный капитулъ». Дѣло идетъ о томъ капитулѣ въ Сеговіи, о которомъ шла рѣчь между двумя уже знакомыми намъ монахами и вліятельнымъ отставнымъ чиновникомъ испанской Индіи. Въ первомъ своемъ разсказѣ авторъ знакомитъ насъ съ орденскими правилами о выборномъ правѣ; во второмъ даетъ понятіе о предварительныхъ совѣщаніяхъ въ монастыряхъ и знакомитъ съ двумя депутатами, отправляющимися въ генеральный капитулъ; въ третьемъ, наконецъ, представляетъ картину генеральнаго капитула.

Выборное начало прилагалось ко всѣмъ должностямъ орденскаго управленія: выбирались генераль ордена, провинціалы, пріоры, вустодіи, ассистенты, комиссары и «мудрые».

Впрочемъ, избираемые были и единственнымъ избирателями. Міряне не могли вмѣшиваться въ дѣла выборовъ: монахи пользовались своимъ правомъ, какъ имъ было угодно; другимъ до этого не было никакого дѣла, каждый изъ монаховъ могъ сказать о себѣ: «самъ себя жарю, самъ себя и ѣмъ». Не напрасно народъ тогда пѣлъ:

Ты, брате, самъ
Положилъ себя подъ тиски!
Владѣй же на здорově
Тѣмъ, чего самъ добился.

Никто изъ монаховъ такъ строго не наказывался, какъ тотъ, кто прибѣгалъ съ жалобой къ трибуналамъ гражданскимъ или, по крайней-мѣрѣ, не орденскому. «Ищеть ли кто тамъ (въ ордене) совѣта или просить милости—говорили орденскія правила—такой лишается законныхъ правъ и строжайше наказывается начальствомъ»: Тѣмъ лица лишились права подавать избирательный или даже совѣщательный голосъ; если они были должностныя, то удалялись и впередъ считались неспособными ни къ какой должности. Кромѣ того уже *ipso facto*, они отлучались отъ причащенія на время, смотря по важности жалобы, которую они приносили не орденскому трибуналу. Апелляцій своему орденскому началству они приносить не могли: за это ихъ наказывали какъ за неовиновеніе или буйство. «Апелляція — говорили правила — значить, что на виновнаго наложено слишкомъ легкое наказанье».

Поэтому не странно, если въ судебномъ отношеніи не допускалось вмѣшательство не орденской юрисдикціи, тѣмъ менѣе могло допускаться оно при выборахъ въ должности самого ордена. Монахи сами повелѣвали, сами и повиновались. Естественно, что они *одинъ друга наперебой старались подвести подъ свой безапелляционный судъ*.

Не орденскія власти были тѣми ненавистными врагами, отъ которыхъ хотѣли оградить монаховъ почти всѣ правила орденскихъ положеній.

«Въ случаѣ, чего не попусти Богъ—говорили орденскія положенія—монахъ убьетъ другого, или отрубитъ ему какой нибудь органъ, или отравитъ его, такого навсегда посадить въ монастырскую тюрьму и по пятницамъ давать только хлѣбъ и воду. Если сдѣлается извѣстнымъ, что другой монахъ способствовалъ ему въ этомъ, и этого подвергнуть такому же заключенію»... «Если кто будетъ обвиненъ предъ инквизиціей въ чемъ нибудь незначительномъ, тотъ лишается права голоса совѣщательнаго и избирательнаго, въ чемъ нибудь важномъ—считается неспособнымъ ни къ какимъ должностямъ» (разумѣется, если обвиненный оправдается).

Эти и подобныя причины очень многихъ лишали права голоса при выборахъ; другіе были лишены этого голоса по причинамъ, о которыхъ не знали ни они сами, ни ихъ собратья. Такимъ образомъ избирателями, можно сказать, были только тѣ, которые были и избираемыми.

V.

Сообщивши эти предварительныя свѣдѣнія о правѣ голоса при выборахъ, авторъ даетъ намъ возможность присутствовать при

отправленіи изъ одного монастыря двухъ важныхъ лицъ ордена на генеральный капитулъ.

Хроника, говоритъ нашъ авторъ, передаетъ, что въ одномъ заолустьѣ Кастильи было село, а въ этомъ селѣ, какъ слѣдовало, была приходская церковь и двѣ эрмиты*: одна при входѣ въ село, другая при выходѣ; за ними стояли два монастыря монаховъ и монахинь. Монаховъ по числу было не многимъ меньше, чѣмъ половина того, сколько считалось жителей въ селѣ и окрестныхъ деревняхъ. Это, впрочемъ, не значить, что монастырь былъ слишкомъ великъ, но народонаселеніе-то было слишкомъ незначительно: иначе сказать, число монаховъ не оказалось бы здѣсь слишкомъ велико, еслибы жителей здѣсь не было такъ мало. Немного больше, чѣмъ одинъ изъ трехъ здѣшнихъ жителей мужескаго пола уходилъ въ монастырь. Зданіе монастыря видно со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ направленіяхъ: оно замѣчательно не по своей архитектурѣ, но по своей громадности и обширному огороду, который примыкаетъ къ нему сади. Въ огородѣ упражняли свои силы послушники; но истыми рабочими были здѣсь міряне, которые зарабатывали себѣ у монаховъ нищенскій кусокъ хлѣба, давая важнымъ отцамъ полную возможность предаваться размыслиніямъ и духовной дѣятельности.

Такъ-какъ мы теперь хотимъ заняться важными отцами, а они вѣрно уже не въ огородѣ, то и намъ нѣтъ причинъ останавливаться въ немъ. Пройдемъ мимо и всѣ службы, окружающія монастырь, потому что трудно встрѣтить ихъ и здѣсь. Они, безъ сомнѣнія, внутри самого монастыря. Да, ихъ умъ теперь занятъ важнымъ дѣломъ: они въ церкви и горячо молятся о предстоящихъ выборахъ. Дѣло идетъ не о выборѣ пріора монастыря, провинціала или комиссара, но о выборѣ трехъ важнѣйшихъ прелатовъ и между прочими генерала ордена.

Прошло шесть лѣтъ съ того времени, какъ выбранъ настоящій генералъ. Орденскія положенія говорили, что генералъ не можетъ ни подъ какимъ предлогомъ удержать за собою власти дольше шестилѣтняго срока, на который онъ обыкновенно и выбирался. Последнимъ его дѣломъ было издать приглашающую грамоту для новаго выбора. Время самихъ выборовъ было заранее опредѣлено положеніями: это вавуть праздника Св. Духа, мудрость котораго и должна была оварить избирателей.

* Ermita — пустыня, которая соотвѣтствуетъ нашему монастырскому подворью. Это просто монастырская капелла, каковыхъ было множество во всѣхъ селахъ и городахъ Испаніи. Такая эрмита—вѣрный признакъ, что здѣсь неподалеку былъ монастырь.

Въ монастырѣ, о которомъ идетъ рѣчь, предстоящіе выборы принимались особенно къ сердцу: изъ этого монастыря должны были отправиться на выборы двое изъ важныхъ отцовъ: провинціальный кустодіо и экс-генераль ордена.

Въ церкви присутствовали только тѣ, которые имѣли право голоса на выборахъ. По окончаніи молитвы всѣ собрались въ келью пріора, гдѣ разсуждали о качествахъ кандидатовъ съ генералы, которыхъ представляли различныя провинціи. Въ этихъ разсужденіяхъ всѣ показали величайшую ревность о благѣ ордена, слушая со вниманіемъ совѣты и замѣчанія *мудрыхъ*, которыхъ рѣчи были здѣсь какъ нельзя болѣе дѣльны.

На *мудрыхъ* отцахъ лежала обязанность присутствовать на генеральномъ капитулѣ; но хроника не говоритъ, какъ они явились туда: вѣрно мудрость всегда должна являться такъ, чтобы не знали, откуда, какъ и когда она приходитъ. Хроника также не говоритъ, что было рѣшено на предварительномъ совѣщаніи: она ограничивается только описаніемъ путешествія экс-генерала и кустодіо. Для нихъ были осѣдланы два превосходныхъ мула, которые уже съ раннего утра стояли у воротъ монастыря. Съ ними долженъ былъ ѣхать одинъ молодецъ съ провизіей и два проводника—всѣ верхами.

Хроника разсказываетъ: былъ ясный майскій день. Не было еще девяти часовъ утра, когда двое преподобнѣйшихъ выходили изъ воротъ съ подобраннымъ платьемъ и въ клеенчатыхъ дорожныхъ шляпахъ, въ сопровожденіи всей братіи и пріора, которые еще разъ хотѣли пожелать имъ лучшаго исхода дѣла, за которымъ они отправлялись. Толпы народа болѣе часу провожали ихъ по дорогѣ отъ села.

Едва только они остались одни, какъ погнали своихъ муловъ, оставили позади себя своихъ проводниковъ, и завели слѣдующій разговоръ:

— Слава-богу! Теперь мы на свободѣ! со вздохомъ сказалъ отецъ кустодіо.

— Я думалъ, что и конца не будетъ этому прелестному совѣщанію, отвѣтилъ экс-генераль.

— Только воздухъ бьетъ! замѣтилъ кустодіо. — И для чего? Для того, чтобы повторять намъ то, что мы все неизмѣнно должны забыть. Вѣдь это извѣстно! Это каждый понимаетъ уже въ первый годъ послушничества.

— Нашъ пріоръ прешалкій человекъ, говорилъ экс-генераль.

— Вѣдь было же съумасшествіе избрать его... Я подвель-было штуки, употребилъ противъ него всѣ средства, но долженъ былъ отказаться отъ этого, потому что вы всѣ старались избрать его.

— Я дѣлалъ это потому, что имѣлъ кое-что въ виду, хотя никогда не считалъ его святымъ Томомъ Аквинскимъ.

— Аквинскимъ! воскликнулъ со смѣхомъ кустодіо.—Хоть бы былъ Томомъ апостоломъ! Тотъ по крайней-мѣрѣ говорилъ: *увѣрю—поверю*, а этотъ демонъ въ человѣческомъ образѣ не вѣрить даже и вида.

— Это зависитъ отъ того, что онъ видитъ очень мало.

— Не такъ мало, какъ ваша милость думаете: онъ отлично увидѣлъ мѣсто пріора, лишь только умеръ нашъ Хуанъ де-ля-Крусъ. Тотъ былъ дѣйствительно человѣкъ!

— Былъ истинный рабъ божій! замѣтилъ экс-генераль.

— И человѣческій, прибавилъ кустодіо:—я увѣряю вашу милость, еслибы онъ былъ живъ, сеговіанцы теперь подхватили бы насъ на улицѣ.

— А теперь ваша милость думаете, что мы потеряемъ выборъ?

— Не даю за него и полушки.

— Да за насъ голоса Вальядолида.

— Такъ и было! на нихъ я надѣюсь меньше, чѣмъ на Валенсію.

— Ну, а какъ Каталонья? не получили ваша милость оттуда писемъ?

— Нѣтъ; но полагаю, что всѣ провинціи болѣе или менѣе въ такомъ же настроеніи, какъ и наша.

— То-есть, будетъ много представлено кандидатовъ?

— Больше чѣмъ избирателей.

— Тогда посмотримъ, чтó выйдетъ.

— Боюсь, что верхъ останется за андалузцами.

— Почему такъ?

— Какъ только я узналъ, что капитуль будетъ въ Сеговіи, тогда же сказалъ про себя: дѣло худо! Вѣдь тамъ уже разъ защищали кандидата, представленнаго андалузцами.

— Приѣдемъ въ Сеговію пораньше другихъ, увидимъ, откуда вѣтеръ дуетъ.

— То-то и горе, что не раньше другихъ.

— А почему такъ? Да сколько же дней проведемъ мы въ дорогѣ?

— Будетъ около двадцати миль; и такъ... понятно! Если мы станемъ дѣлать остановки чрезъ каждыя шесть миль, то и тогда съ рывками пробудемъ въ дорогѣ не меньше четырехъ-пяти дней.

— Дѣло! Такъ въ среду мы будемъ въ Сеговіи.

— Это будетъ только за день до срока, положеннаго орденскими правилами.

— Это правда.

— Вотъ въ томъ-то и штука! Мы бы должны были выѣхать дня четыре тому назадъ, но видите, нашъ пріоръ распорядился по своему.

— Въ такомъ случаѣ поприударимъ нашихъ муловъ и не будемъ слишкомъ медлить на стоянкахъ.

— А я такъ думаю напротивъ, сказалъ отецъ кустодію:—если вашей милости угодно уважить мое мнѣніе, то слѣземъ съ нашихъ муловъ теперь же, и остановимся около этого источника немножко подкрѣпитъ, а обѣдать пріѣдемъ въ монастырь *Ангелъ*.

— Не подвинутся ли подальше? Мнѣ кажется, это будетъ уже слишкомъ короткая станція.

— Будетъ около четырехъ миль, а мы выѣхали чрезвычайно поздно; въ тому же двѣ мили дурной дороги. Съ другой стороны, если мы не остановимся въ *Ангелъ* ночевать, то вѣдь другого монастыря нашего ордена нѣтъ до самаго св. Антона.

— Правда-то правда.

— Ужь предайтесь моему водителству, ваша милость! Никто лучше меня не знаетъ подобныхъ обстоятельствъ; я слишкомъ долго былъ «осломъ» монастыря и не хочу быть имъ больше, говорилъ отецъ кустодію. При этомъ онъ остановилъ своего мула, и обратившись назадъ, смѣясь закричалъ вѣхавшимъ за ними проводникамъ.

— А какъ вамъ кажется: нельзя-ли кое-что пометребить изъ того, что тамъ въ мѣшкѣ-то?

— Да все-то оно ничего не стоитъ, отвѣчалъ молодецъ, который везъ провізію.

— Какъ такъ? спросилъ отецъ кустодію, встревоженный.

— Отецъ Паскаль все дѣлаетъ по своему: онъ повзбодился не дать намъ ничего такого, что приказывали ваша милость.

— Да наконецъ что же такое тамъ у тебя?

— Да ничего, или даже меньше, чѣмъ ничего: сколько угодно сыру, сколько угодно яблокъ, и огромная корзина фигъ. Охъ, ужъ эти мнѣ фиги, оттанули мнѣ руки! Уморили онѣ меня, и сколько же ихъ!...

— Но серьезно, что же такое тамъ у тебя въ мѣшкѣ?

— Нога баранины, изрядные куски говядины, нѣсколько голубей и нѣсколько зайцевъ.

— Зайцы-то здѣсь явились чудомъ, подсказалъ одинъ изъ проводниковъ.

— Чудомъ, которое сотворили эти руки, станціи нѣтъ вмѣстѣ съ голубями съ жаровни, прибавилъ другой проводникъ.

— А посмотримъ, каковы зайчики, сказалъ кустодіо, опускаясь съ своего мула на землю:—это мясо полей и въ полѣ очень аппетитно, если только хорошо приготовлено.

— Да не иначе, замѣтилъ носильщикъ провизіи:—ваше высокопреподобіе знаетъ, какъ готовить ихъ нашъ поварь.

— Недурно; онъ и яичницы готовитъ такія, что не хуже сливокъ сестеръ Атога въ Мадридѣ.

— Да, въ мѣшкѣ есть и нѣсколько яичницъ.

— Мнѣ одну, сказалъ экс-генераль, высвобождаясь изъ своего сѣдла.

— Сначала по нѣсколькѣ кусочковъ зайчика, замѣтилъ ему кустодіо.

— Не особенно хочу ѣсть-то.

— Во мнѣ-такъ полевой воздухъ возбудилъ аппетитъ.

— Поле и мнѣ немного пособило въ этомъ.

— Оно такъ, но ваша милость теряете аппетитъ по своему чрезвычайному прилежанію къ наукѣ.

— Это мое лучшее наслажденіе.

— Кстати, какъ идетъ сочиненьице?

— Я уже вончилъ его.

— А не напечатали еще?

— Не слѣзла. Теперь оно у провинціала, и я не знаю, кому онъ далъ его на просмотръ; затѣмъ пойдетъ въ королевскій совѣтъ.

— Не звалъ я, что для него нужны такія вытарства.

— Таковы законы государства.

— А думаете, ваша милость, ѣхать въ Мадридъ, когда оно будетъ печататься?

— Непремѣнно.

— Въ такомъ случаѣ я дамъ вамъ рекомендацію въ одному учителю, бывшему моему другу, человѣку очень наторѣвшему въ дѣлахъ печати и въ правописаніи. Онъ разставитъ точки и запятые, и устроитъ вамъ все дѣло.

Экс-генераль съ улыбкою благодарилъ отца кустодіо за предложенное знакомство. Отецъ кустодіо, бывшій «осломъ» монастыря, а теперь сдѣлавшійся олицетвореніемъ всѣхъ монастырскихъ интригъ и плутней, былъ человѣкъ безграмотный. Это, впрочемъ, не мѣшало ему быть важнымъ лицомъ: онъ хорошо понималъ монастырскую жизнь.

Отдыхъ продолжался здѣсь довольно долго; мулы были пущены на зеленую траву, а ихъ всадники занялись истребленіемъ того, что было у нихъ въ мѣшкахъ. Наконецъ они поднялись, чтобы продолжать путь.

На всемъ протяженіи трехъ миль до монастыря Ангеловъ осо-

беннаго не случилось съ ними ничего. Въ монастырѣ ихъ ждалъ *любезно-сердечный* приемъ, какой заповѣданъ орденскими положеніями. Гостинникъ принялъ ихъ чрезвычайно ласково и отвѣтъ имъ для ночлега *честное и благодѣтельное помыщеніе*, какъ тоже заповѣдывали положенія. Помѣщеніе, впрочемъ, было не таково, чтобы могло замѣнить собою сытный ужинъ. А потому, хотя экс-генераль и остался доволенъ привѣтливостію монастыря, но кустодію съ этой ночи до самаго пріѣзда въ Сеговію уже не хотѣлъ останавливаться на ночлегъ ни въ какомъ монастырѣ. Теперь они ѣхали отъ одного постоялаго двора до другого. Съ приближеніемъ къ Сеговіи, къ нимъ на пути присоединились монахи изъ другихъ монастырей. Такимъ образомъ они добрались до мѣста своего назначенія, во вторникъ передъ троицинымъ днемъ.

VI.

Наши два брата, какъ и думалъ отецъ кустодію, пріѣхали далеко не изъ первыхъ: уже большая часть избирателей была здѣсь. Монастырь ордена, гдѣ имѣли совершиться выборы, былъ полонъ наѣхавшими монахами; многіе жили въ другихъ монастыряхъ, а нѣкоторые даже въ частныхъ домахъ. Два постоялыхъ двора, единственные въ то время въ Сеговіи, едва могли выстать монашескую прислугу. Городъ, доселѣ тихій и спововный, теперь былъ необыкновенно оживленъ. Граждане не могли zapomнить, чтобы когда-нибудь было въ ихъ городѣ такое стеченіе народу и такая живая торговля съѣстными припасами. На рынкѣ теперь можно было найти все въ изобиліи. Между тѣмъ, какъ въ городъ наѣзжали монахи изъ разныхъ провинцій Испаніи, за ними на рынкѣ появлялись изъ тѣхъ же провинцій самыя разнообразнѣйшіе плоды и другіе съѣстные припасы. Можно было подумать, что и съѣстные припасы собрались сюда такъ же для составленія генеральнаго капитула, какъ и монахи, съ тѣмъ только различіемъ, что въ капитулъ съѣстнаго попало и множество недвидовъ колониальныхъ и немало иностранныхъ. Въ лавкахъ съѣстнаго, гдѣ въ обыкновенное время можно было найти только подложныя яицъ, и то заказавъ ихъ нагануѣ, теперь можно было получить все, чего только могъ потребовать самый утонченный гастрономъ.

Монахи ходили здѣсь по улицамъ не попарно, какъ требовалъ обычай, но цѣлыми группами въ девять, двѣнадцать, пятнадцать человекъ. Они постоянно между собою совѣщались. Предметовъ для совѣщаній было много: кромѣ общаго для всѣхъ вопроса, выбора генерала ордена, на этомъ генеральномъ капитулѣ должны

были рѣшиться множество вопросовъ провинціальныхъ. Авторъ, впрочемъ, знакомитъ насъ только съ предварительнымъ совѣщаніемъ по вопросу о выборѣ генерала, которое происходило въ пятницу передъ троицинымъ днемъ, въ капитулярной залѣ.

На это совѣщаніе собрались всѣ отцы, имѣющіе право голоса, подъ предсѣдательствомъ провинціала Сеговіи, которому орденскія положенія предоставляли право предсѣдательства потому, что капитулъ собирався въ его провинціи. Совѣщанія были открыты вопросомъ президента:

— Во имя Отца, и Сына, и св. Духа. Имѣютъ ли что сказать ваши высокопреподобія противъ нашего прелата-генерала? Дошло ли до вашего свѣдѣнія что-нибудь такое, что онъ учинилъ вопреки обязанностямъ своего служенія?

Президентъ три раза повторилъ этотъ вопросъ; всѣ капитулярные (голосователи) молчали. Тогда президентъ всталъ съ своего мѣста и громкимъ голосомъ пригласилъ прелата-генерала войти въ капитулярную залу изъ сосѣдней комнаты, въ которой онъ до того времени ждалъ. При входѣ его поднялись съ своихъ мѣстъ всѣ монахи, и президентъ встрѣтилъ его слѣдующими словами:

— Во имя Отца, и Сына, и св. Духа. Возлаженіе, которое предписываютъ орденскія положенія, сдѣлано, и никто не имѣетъ ничего противъ вашей эксцелленціи.

Президентъ и за нимъ всѣ монахи заняли свои мѣста. Начался вызовъ всѣхъ капитулярныхъ, по очереди, отъ каждаго требовались патенты и грамоты о правѣ принимать участіе въ выборахъ. Особая комісія «мудрыхъ» и «кустодіевъ» разсматривала тутъ же эти патенты, объявляя ихъ *ipso facto* законными или незаконными. Впрочемъ, почти всѣ патенты на этотъ разъ оказались имѣющими законную силу; только о нѣкоторыхъ было сдѣлано нѣсколько легкихъ замѣчаній. Затѣмъ собраніе разошлось.

Рано по утру въ субботу была отслужена меса Св. Духа, и въ заключеніе пропѣтъ всѣми капитулярными гимнъ: *Veni Creator Spiritus*, послѣ чего всѣ монахи разошлись для завтрака. Но скоро колокола орденской церкви возвѣстили, что наступило время выбора. Всѣ сошлись въ капитулярную залу. Лишь только переступилъ порогъ залы послѣдній монахъ, двери ея были закрыты, чтобы не отвориться до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣланъ выборъ новаго генерала, какъ новелѣвали орденскія положенія.

Актъ открылся рѣчью одного изъ отцовъ «мудрыхъ», который увѣщевалъ своихъ братьевъ быть вѣрными обязанностямъ, лежащимъ на каждомъ капитулярномъ въ эти важныя минуты. Затѣмъ прелатъ-президентъ обратился съ слѣдующимъ короткимъ увѣщаніемъ:

— Во имя Бога тріединаго и единаго, увѣщевая васъ, любезнѣйшіе братья, выберите въ министры-генералы лицо наиболѣе заслуженное, того, кого вы считаете наиболѣе достойнымъ и способнымъ къ отправленію этой важнѣйшей должности. Смотрите, вы согрѣшите тяжко, если выберете лицо, недостойное отправлять это служеніе во славу Бога и на общее благо монаховъ.

— Аминь, отвѣчали всѣ капитулярные.

За этимъ была произнесена общая исповѣдь, и прелать далъ разрѣшеніе. Еще разъ былъ пропѣтъ гимнь *Veni creator Spiritus* и нѣсколько другихъ гимновъ и всѣ заняли мѣста въ порядкѣ, предписанномъ положеніями.

Теперь генералъ ордена сдѣлалъ свое послѣднее дѣло: назначилъ изъ отцовъ «мудрыхъ» шестерыхъ «вѣрителей» баллотировки, и затѣмъ отрекся отъ своей обязанности генерала.

За этой церемоніей слѣдовало нѣсколько минутъ свободы, въ которыя изъ рукъ въ руки переходила табакерка, раздавались чиханья и откашливанья. Слова всѣ заняли свои мѣста.

Позади великолѣпнаго президентскаго стола висѣло громадное въ рамѣ изображеніе основателя ордена, предъ которымъ горѣло шесть восковыхъ свѣчей. Самый столъ былъ накрытъ ярко-желтою скатертью; на немъ стояло семь чернилицъ и столько же пестичницъ съ нужными бумагой и перьями, и возвышалось нѣсколько огромныхъ вазъ — это были избирательныя урны.

«Вѣрителя» первые написали свои голоса на бумажкахъ и бросили ихъ въ урну; за ними, не говоря ни слова, всѣ капитулярные начали дѣлать то же самое.

— Всѣ вотировали? спросилъ наконецъ президентъ. Никто не отвѣчалъ. Онъ накрылъ урну листомъ бумаги, и произнесъ:

— Начинается разборка балловъ.

По залѣ распространился шумъ нетерпѣнн; президентъ долженъ успокоить расшумѣвшихся отцовъ звономъ. Баллы скоро были разобраны «вѣрителями», и уже одинъ изъ нихъ поднялся, чтобы провозгласить имя избраннаго, какъ раздалось:

— *Benedicite*. Это знакомый намъ отецъ кустодіо просилъ позволенія говорить.

— Ваше высокопреподобіе можете говорить, что вамъ угодно, отвѣчалъ ему президентъ.

— Прошу, чтобы былъ прочитанъ § 20-й главы VII о выборахъ.

Президентъ приказалъ одному изъ «вѣрителей», который исправилъ на этотъ разъ и должность секретаря, прочитать указанный параграфъ:

«§ 20-й. Какъ голоса, такъ и самыя лица избирателей пусть

останутся неизвестными послѣ выборовъ; для этого, послѣ разборки балловъ, бумажекъ, на которыхъ записаны голоса, должны быть тотчасъ же сожжены при всѣхъ капитулярныхъ».

Президентъ приказалъ исполнить параграфъ, и всѣ бумаги были тотчасъ же сожжены на блюдѣ, на которое выкладывались изъ урны.

По окончаніи этого, «вѣритель» произнесъ:

«Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Выборъ преподобнѣйшаго отца-министра, генерала всего ордена, совершенный каноническими вѣющими право голоса преподобными отцами этого ордена, собравшимися для капитула въ здѣшній монастырь города Сеговіи въ 1800 году, 14-го мая, налъ на преподобнаго отца Косьму паленсійскаго, въ пользу котораго дано 28 голосовъ. И я, братъ Олегарій Сепульведо, братъ-духовникъ сказаннаго ордена и кустодію, одинъ изъ «вѣрителей», отъ имени моего и всѣхъ тѣхъ, которые согласны на сказанное избраніе, избираю и провозглашаю министромъ-генераломъ всего сказаннаго ордена преподобнѣйшаго отца — брата Косьму паленсійскаго, на котораго пало большинство голосовъ, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа».

Едва окончилъ онъ это провозглашеніе, какъ загремѣло *Te Deum laudamus*; въ монастырѣ зазвонили во всѣ колокола, и избиратели попарно направились въ церковь, откуда перешли въ столовую. Обѣдъ былъ великолѣпный, вполне достойный такого знаменательнаго торжества.

Съ новымъ генераломъ, капитулъ собирался еще нѣсколько разъ въ продолженіе восьми дней: здѣсь приносились разные жалобы, давались рѣшенія. Изъ всего этого былъ составленъ родъ акта дѣяній капитула, копію съ котораго долженъ былъ снять каждый капитулярный. Съ этими копіями они разъѣхались по своимъ монастырямъ. Наши два брата, получивъ благословеніе новаго генерала, тоже выѣхали изъ Сеговіи, и тѣмъ же путемъ направились въ свой монастырь. Ихъ встрѣтили братья монастыря: еще въ воротахъ ихъ облобызалъ пріоръ и всѣ прочіе. Въ кельѣ пріора ихъ ждалъ шоколадъ и апельсиновая вода. Въ селѣ и сосѣднихъ деревняхъ, цѣлый мѣсяцъ только и разговору было о возвращеніи братьевъ, а старшій алькальдъ села такъ интересовался результатомъ капитула, что поспѣшилъ посѣтить пріѣзжавшихъ братьевъ тотчасъ же, лишь только узналъ о ихъ возвращеніи.

VII.

Мы хотимъ передать еще одну картину автора изъ монашеской жизни, это *на томъ* — вступленіе въ монастырь шестнадцати-

лѣтней дѣвушки. Въ прежней Испаніи число монахинь было громаднѣе даже числа монаховъ. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Испаніи бывало, что изъ трехъ мужчинъ одинъ непременно былъ монахомъ, то вездѣ и всюду было неизмѣннымъ правиломъ, что изъ двухъ или трехъ сестеръ одна непременно вступала въ монастырь. Отецъ и мать считали своею обязанностію сдѣлать одну изъ своихъ дочерей монахиней, и время ея совершеннолѣтія было временемъ вступленія въ монастырь. Этому пособляли монахи всѣхъ орденовъ: они отлично угадывали мысли родителей. Являясь ежедневными посѣтителями семействъ, какъ самыя довѣреннѣйшія лица, они устраивали и брачныя дѣла, дѣлаясь посредниками между женихомъ и родителями невѣсты; они же приготавливали избранныхъ къ монашеской жизни. Приготовление это начиналось чаще съ возраста самаго нѣжнаго, съ десяти-двѣнадцати лѣтъ, и продолжалось до шестнадцати-лѣтняго: четырехъ или даже шести лѣтъ маленькую дѣвочку, а потомъ и молоденькую дѣвушку предоставляли вполнѣ руководству довѣреннаго монаха, и онъ всегда имѣлъ возможность подѣйствовать на свою питомицу, такъ, что въ ней, имѣющей пятнадцать-шестнадцать лѣтъ, совершенно незнающей міра, *будто* являлось отвращеніе отъ міра и желаніе уединенной монастырской жизни. Но передадимъ самую картину автора.

Дѣвушку везутъ изъ провинціи въ Мадридъ для опредѣленія въ королевскій женскій монастырь «Босоногихъ» — женскій орденъ, основанный знаменитой св. Терезой de Jesus. Съ нею ѣдутъ отецъ, мать, ея духовникъ и ея братъ, готовящійся къ военному званію. Въ большомъ пятимѣстномъ дилижансѣ, сидитъ избранная, по правую ея руку духовникъ-монахъ, по лѣвую — ея отецъ, впереди сидятъ ея мать и братъ. На пути, на всѣхъ стоянкахъ, дѣвушка выходила изъ экипажа всегда накрывшись вуалемъ; если случалось заходить на постоялый дворъ, то отъ экипажа до двора ее провожали какъ арестантку, не позволяя ей ни поднимать глазъ отъ земли, ни говорить съ кѣмъ-нибудь кромѣ своего духовника и родителей; но ни въ какомъ случаѣ она не могла говорить даже съ своимъ братомъ. Ей только что минуло шестнадцать лѣтъ, и уже четыре года какъ она не имѣла ни съ кѣмъ сообщенія, кромѣ своихъ родныхъ сестеръ и своего духовника. Она умѣла почти правильно читать поиспански и превосходно полатыни, умѣла подписывать свое имя и копировать нѣкоторыя молитвы изъ *Kempis* и *Flos Sanctorum*, много молитвъ знала на память и въ томъ числѣ весь римскій служебникъ. Ея духовникъ говорилъ, что бдльшая часть монахинь далеко не знаютъ того, чтѣ знаетъ его духовная дочь; поэтому онъ

увѣрялъ, что если она займется изученіемъ еще въ монастырѣ, то не исполнится ей и двадцати лѣтъ, какъ ее выберутъ въ игуменьи. Это было по душѣ ея родителямъ и они при этомъ всегда увѣщевали свою дочь избрать образцомъ себѣ св. Терезу и подражать ея добродѣтелямъ. Монахъ въ свою очередь увѣщевалъ ее, чтобы она не возгордилась, достигши такого высокаго поста, и чтобы ничего не предпринимала безъ совѣта «мудрыхъ». Дѣвушка неоднократно слышала отъ своего учителя это слово, и однажды она даже рѣшилась спросить его, какъ отличить «мудрыхъ» отъ глупыхъ. На этотъ наивный вопросъ монахъ отвѣчалъ:

— Не имѣешь нужды различать ихъ: «мудрыхъ» избираютъ цѣлою общиною сестеръ-монахинь, и ни одна не можетъ быть «мудрою», если ее не выберутъ въ такіа.

— И община, спросила дѣвушка:— всегда угадываетъ такую?

— Иногда ошибается, но дѣло игуменьи совѣтоваться, не смущаясь, съ «мудрыми» *избранными*—я тебѣ рекомендую именно это.

Наконецъ они пріѣхали въ Мадридъ, гдѣ ихъ ждалъ братъ матери, дядя избранной, который принялъ ихъ въ свой домъ. Теперь нужно было устроить только самое вступленіе въ орденъ «Босоногихъ». Отъ поступающихъ въ этотъ орденъ предварительно требовались самыя точныя свѣдѣнія о чистотѣ крови, то есть отъ поступающей требовались доказательства, что въ ея фамиліи и между предками не было ни еврея, ни араба, ни еретика, что ни ея родители и никто изъ ея фамиліи никогда не подвергались общественному безславію, что она сама дочь отъ законнаго брака, вѣрная католичка и не подвергалась никакому подозрѣнію. Все это было устроено еще до ихъ пріѣзда дядей: поступающая оказывалась вполне удовлетворяющею требованіямъ ордена. Оставалось только назначить день вступленія въ монастырь, что зависѣло отъ общества монахинь, и второй день по пріѣздѣ избранной въ Мадридъ былъ назначенъ днемъ вступленія ея въ монастырь. Назначенъ былъ именно второй, а не первый день потому, что дѣвушка, прежде чѣмъ вступить въ монастырь, должна была пожить одинъ день въ столицѣ, распрощаться навсегда съ міромъ, который, можно сказать, она видѣла здѣсь въ первый разъ, на который, впрочемъ, и теперь должна была смотрѣть глазами своего духовника. Съ той самой минуты, какъ только въ ней пробудилось нѣкоторое самосознаніе, единственнымъ ея собесѣдникомъ былъ духовникъ; уже нѣсколько лѣтъ около нея было мертво. Теперь въ первый разъ она видитъ шумъ столицы. Она спрашивала, это ли міръ? ей отвѣчали: да. Міръ ей показался адомъ. Ее повезли въ этотъ день въ театръ; актеры показались ей демонами. Возвратившись

съ прогулки по столицѣ въ домъ своего дядя, она просила своихъ родителей избавить ее отъ этой суеты. Она съ нетерпѣніемъ ждала слѣдующаго дня—дня вступленія въ монастырь. Всѣ этому радовались; только одинъ дядя позволялъ себѣ обратиться съ нѣсколькими замѣчаніями къ ея духовнику, призвавъ его къ себѣ въ кабинетъ по секрету, поутру, въ самый день вступленія въ монастырь,

— Миѣ кажется, говорилъ онъ:—не худо бы приостановить на нѣсколько дней «принятіе монашеской одежды», для того, чтобы дитя побольше повнакомилось съ тѣмъ, отъ чего оно хочетъ отказываться, чтобы сдѣлалось нѣсколько опытиѣе; тогда и отреченіе отъ міра будетъ полнѣе.

— Какъ угодно, отвѣчалъ монахъ:—я не слажу на это ни да, ни нѣтъ; это въ волѣ ея господина—отца.

— Такъ-то такъ, а бы самъ поговорилъ ему объ этомъ, но это довольно щекотливый вопросъ для меня: вы — другое дѣло, ваша милость можете убѣдить его не рисковать этимъ. Ужь слишкомъ молода моя племянница!

— А въ какомъ, по вашему, возрастѣ должно вступать въ монастырь? спросилъ нѣсколько ядовито монахъ.

— По брайней-мѣрѣ лѣтъ двадцати-четырехъ-пяти.

— Старовата будетъ послушница, отвѣтилъ на это съ хитрой усмѣшкой монахъ.

— Въ такомъ случаѣ онѣ поступали бы въ монастырь съ болѣе опытнымъ знаніемъ міра и ихъ отреченіе отъ него имѣло бы больше цѣны предъ очами Господа.

— То-есть вашей милости угодно, чтобы монастыри наполнились наскучившими міромъ, чтобы монашескую одежду принимали тѣ, которыхъ называютъ *убытавшими зайцами*, которые повносили довольно башмаковъ на гуляньяхъ, таскаясь ежедневно въ театры, повзломали свои кости на балахъ и повзялись ажитаціями. Однимъ словомъ, вы желали бы, чтобы совершилось то, что называется *полный курсъ потаскушества*.

— А не можетъ случиться, возразилъ дядя съ нѣвотораго рода горечью:—что чрезъ три-четыре года, послѣ принятія монашеской одежды, въ ней явится охота пройти этотъ курсъ, который ваша милость называете *потаскушествомъ*? Что скажемъ тогда? Вѣдь тогда и ея жизнь будетъ не на радость: совѣсть будетъ мучить ее, что вотъ-де обѣщалась быть вѣрною невѣстою христовой и сдѣлалась измѣнницей, худшей даже тѣхъ, которые не оставляли міра.

— Этого не будетъ, смѣю увѣрить вашу милость.

— Дай Богъ! но вѣдь это бываетъ зачастую?

— Точно такъ, только не съ тѣми, которыя поступали въ монастырь въ раннемъ возрастѣ, а съ тѣми, которыя довольно потаскались и поизвѣдали міръ. Ужели ваша милость думаете, что слугою Бога нужно сдѣлаться послуживши напередъ Его врагу—міру? Кто же не знаетъ, что законы, нравы и примѣры міра составляютъ нашу вѣрную погибель? Ужели нужно, зная, что стаканъ наполненъ ядомъ, пить изъ него, чтобы испробовать силу яда? Ужели ваша милость предпочитаете покаяніе невинности? Св. отцы говорятъ, что кто не хочетъ заразиться болѣзнями міра, тотъ сколько возможно скорѣй оставяя базаръ этого Вавилона.

— Отецъ, сказалъ дядя:—оставимъ этотъ разговоръ: ваша милость начинаете прибѣгать за доказательствами къ богословію; въ такомъ случаѣ и мнѣ пришлось бы опровергать васъ тѣмъ же, а это будетъ длинная исторія. Мой зять—отецъ, и онъ знаетъ, что дѣлаетъ съ своею дочерью; я тоже бы счумѣлъ поступить съ ней, еслибы она была моя дочь.

Этимъ кончился разговоръ. Уже всѣ собрались въ залу; здѣсь было много приглашенныхъ, ждали только посажоную мать избранной, чтобы идти въ церковь. На софѣ сидѣла избранная съ благочестивой книгой въ рукахъ и съ видомъ спокойнымъ, почти равнодушнымъ. Ее всѣ звали *нетстой*. Она была одѣта въ платье цвѣта крови, котораго подолъ былъ обшитъ желтой блондой; въ рукахъ у ней былъ платокъ—голубой съ зелеными каймами; руки и пальцы ея были покрыты браслетами, перстнями и всевозможными украшеніями, какія только нашлись въ домѣ родной и посажонной матери. Голова ея была украшена перьями всѣхъ птицъ новаго и стараго свѣта и золотымъ вѣнкомъ, блестящимъ рубинами и изумрудами.

Наконецъ отправились въ монастырь всей фамиліей; толпа женщинъ сопровождала это шествіе, и на дорогѣ не разъ можно было слышать такое восклицаніе:

— Какъ красива и какъ симпатична! Вѣрно ужъ Богъ тронулъ ея сердце, когда идетъ отказаться отъ всѣхъ этихъ мірскихъ украшеній.

— Счастливы родители, говорили другія:—что имѣютъ такую добрую дочь!

— Смотрите-ка, какъ мало она цѣнитъ тѣ богатства, которыя теперь на ней!

— Вѣдь одни ея украшенія стоятъ больше мильона! восклицали нѣкоторыя женщины.

— И все промѣняетъ, прибавляли другія:—на власяницу.

Такъ разсуждала толпа, провожавшая избранную до монастыря;

всѣ вдыхали, всѣ жгѣли о ея молодости. Только она сама казалась безстрастной. Ей не о чемъ было жгѣть и вдыхать: міра она не знала, она никогда не носила и тѣхъ украшеній, которыя теперь были на ней; она не привыкла наряжаться, проводя уже четыре года затворническую жизнь въ родительскомъ домѣ. Она равнодушно сказала свое прости міру и съ энтузіазмомъ приняла власяницу «Босоногихъ», которая обѣщала ей, по словамъ духовника, должность игуменьи. Ее встрѣтили всѣ монахини монастыря; посаженная мать, въ присутствіи ея родителей и родственниковъ, передала ее на руки игуменьи, мірское одѣяніе было замѣнено монашескимъ. Этимъ кончились всѣ формальности. Дѣвушка очутилась одна посреди незнакомыхъ ей до сего времени монахинь. День этотъ въ монастырѣ былъ праздничнымъ. Но на другой день и здѣсь началась обычная жизнь: монахини то и дѣло гоняли своихъ посланницъ въ мужскіе монастыри къ своимъ духовникамъ, прося ихъ придти къ нимъ и заставляя ихъ терпѣливо выслушивать самыя мелочныя сомнѣнія, недоразумѣнія и признанія въ грѣхахъ.

VIII.

Въ христіанскомъ обществѣ, остающемся строго вѣрнымъ духу христовой церкви, собственно пастырской дѣятельности должно принадлежать видное мѣсто. Религіозно-общественное служеніе должно лежать собственно на обязанности приходскихъ священниковъ. Не то было въ церкви латинской и особенно испанской. Собственно пастырской дѣятельности здѣсь не существовало: громадное развитіе монашескихъ орденовъ подавляло собою всѣхъ и все. Идеа монашескаго отреченія отъ міра здѣсь понималась по своему. Не отреченія отъ міра хотѣли здѣсь монашескіе орденна, но власти надъ міромъ: они захватили въ свои руки все, что должно было принадлежать только приходскимъ священникамъ: исправленіе мірскихъ требъ, проповѣдь и самое важное—управленіе совѣстью другихъ. Не по праву взявшись за прямое религіозное служеніе обществу, они этимъ самымъ отступали отъ идеи монашества и отрекались отъ своихъ обѣтовъ; они не сдѣлались пастырями, перестали быть и монахами. Личные интересы, интересы своего ордена, и затѣмъ интересы папы, а не благо странн и народа, были цѣлю всей дѣятельности монашескихъ орденовъ Испаніи. вмѣсто распространенія живаго христова ученія, они развивали, распространяли и поддерживали суевѣріе и невѣжество, которыя для нихъ были всего выгоднѣе, потому что этимъ только могло держаться ихъ господство; вмѣсто живой проповѣди,

удовлетворяющей дѣйствительнымъ религіознымъ нуждамъ, они искали только рукоплесканій экзальтированной толпы.

Авторъ прекрасно рисуетъ намъ характеръ проповѣдничества орденовыхъ монаховъ Испаніи.

То, чѣмъ особенно славился тогда монахи-проповѣдники, это искусство дѣлать неожиданныя выходы. Такому проповѣднику аплодировали его братья-монахи, его искали и слушатели. Такимъ проповѣдникомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія при королѣ Карлѣ IV былъ монахъ Алехо де-Валье. Онъ принадлежалъ къ францисканскому монастырю города Гвадалахары. Прославившись своимъ искусствомъ дѣлать выходы, онъ, наконецъ, былъ приглашенъ въ Мадридъ, для проповѣдованія въ придворной капеллѣ. Первую же проповѣдь онъ началъ рѣзкой выходкой. Изъ Гвадалахары въ Мадридъ онъ отправился не въ экипажѣ, а какъ заповѣдалъ основатель ордена, то-есть, *pedibus andando* (пѣшкомъ), какъ говорилъ народъ. По приходѣ въ Мадридъ, онъ переночевалъ въ здѣшнемъ францисканскомъ монастырѣ, и оттуда поутру, когда при дворѣ было какое-то торжество, отправился прямо въ придворную капеллу для проповѣди. Когда онъ вошелъ на кафедру, его верхнее платье было покрыто снѣгомъ. Онъ обратился съ слѣдующими словами къ стоявшимъ здѣсь придворнымъ, почетнымъ капелланамъ и множеству другихъ знатныхъ лицъ: «Извините меня, господа, но въ этомъ домѣ есть кареты для всѣхъ, даже для оныхъ (*para ellas* — любовницъ), нѣтъ только для проповѣдника... Но да будетъ благословенно святѣйшее таинство алтаря...» И за этимъ скинувъ свое верхнее платье, онъ страхнулъ его, повѣсилъ на самой кафедрѣ, надѣлъ, по обычаю латинскихъ проповѣдниковъ, бѣлую фелонь и продолжалъ проповѣдь. Выходка эта повалилась королю, отъ котораго проповѣдникъ получилъ въ распоряженіе экипажъ.

Это былъ — говорить нашъ авторъ — обыкновенный порокъ знаменитыхъ испанскихъ проповѣдниковъ прошлаго и начала нынѣшняго вѣка начинать свою проповѣдь какой-нибудь грубой филиппикой, часто направленной противъ извѣстныхъ лицъ, неоднократно прерывать свою филиппику молитвой объ этихъ лицахъ. Къ такимъ же грубымъ филиппикамъ проповѣдники прибѣгали и въ срединѣ проповѣди, когда они, по собственному сознанію, *теряли нить проповѣди*.

— Ай, какой стыдъ, отче! говорила по окончаніи проповѣди какая-нибудь женщина, входившая со многими другими въ сакристію, чтобы подаловать руку проповѣдника:—вѣдь ваша милость заставили меня покраснѣть.

— А почему? спрашивала ее, смѣясь, монахъ.

— Какъ почему? да потому, что сказали обо мнѣ ваше преподабiе, будто я женщина самая безчестная, будто я пришла осквернять храмъ и соблазнять вѣрныхъ.

— Такъ это ты стояла противъ каедръ?

— Я, и весь народъ обратился на меня. Боже мой, какой стыдъ! И для чего ваше отчество говорите такіа вещи?

— Для того, что мнѣ диктовалъ это святой съ неба... Я потерялъ *нитъ* проповѣди, и между тѣмъ, какъ искалъ ее, говорилъ первое, что попалось на языкъ.

— Такъ-то такъ, но народъ вѣдь не рассудитъ этого и по-думаетъ богъ-знаетъ что. И всегда я несчастная! Не случается же этого съ моею сосѣдкой. Несмотря на то, что она такъ зла и безнравственна, ваше преподабiе, когда говорили о самарянкѣ, обратились къ ней съ словами: *ты добрая... ты святая*. У меня тогда было на умѣ отвѣтить: нѣтъ, отче, это должно быть другая, потому что это дурная женщина.

Проповѣдникъ смѣялся, получалъ пять или шесть реаловъ, которые тогда обыкновенно платили всѣ женщины, заходившія въ сакристию поцаловать у него руку; если это было въ женскомъ монастырѣ, то онъ получалъ еще стаканъ вина, четверть фунта бисквитъ и кружку молока.

Было въ особенной модѣ также пересыпать проповѣдь анекдотами. О приличіи этихъ анекдотовъ не думали: позабавить бы только, потѣшить публику, о большемъ не хлопотали проповѣдники. «И, говорить нашъ авторъ, тѣ проповѣди, которыхъ тѣмъю было страданіе Иисуса, особенно бывали богаты площадными оборотами, неприличными сравненіями и анекдотами». Изъ множества такихъ проповѣдей авторъ приводитъ для примѣра отрывокъ изъ проповѣди одного францисканскаго монаха, который, говоря о страданіяхъ и смерти Искупителя, такъ обращался къ слушателямъ:

— Вижу, вижу, грѣшники, вижу, что вы вздыхаете и плачете; но я не вѣрю вашему плачу и вашимъ всхлипываньямъ. Притворяетесь, притворяетесь; вотъ я васъ доведу до того, что изъ вашихъ глазъ будутъ падать слезы въ цѣлый кулакъ. Ну, что эти ваши слезы, которыя вы теперь проливаете? вѣдь онѣ ложны, какъ и ваши сердца, и обманчивы, какъ слезы крокодила. Отъ меня вы не дождетесь того, что сказалъ одинъ португальскій проповѣдникъ своимъ слушателямъ... нѣтъ, потому что тотъ проповѣдывалъ стаду овецъ, а вѣдь вы стаа волковъ и шакаловъ. Но вы спросите, что же такое сказалъ португальскій проповѣдникъ? что такое?! А вотъ я вамъ расскажу.

Перемѣнивъ тонъ проповѣди и понизивъ голосъ, онъ началъ

разсказъ: «Ну-съ, да будетъ извѣстно, что это былъ португальскій монахъ, который проповѣдывалъ о страданіи христовомъ; при этомъ случилось то, что случается всегда, то-есть, всѣ слушающіе плакали. Вѣдь и я, вотъ уже двадцать-пять лѣтъ проповѣдую о страданіи христовомъ и каждый разъ заставляю плакать женщинъ до того, что онѣ поднимаютъ вопль. Ну-съ, проповѣдникъ увидѣлъ, что женщины плачутъ, онъ былъ монашице простой и сострадательный: сжалившись надъ плакавшими, онъ началъ утѣшать ихъ: *«naon choreis meninas, pois isto ha muito tempo que he pasade, é poderia ser que josae mentira—не плачьте дѣвчынѣн, вѣдь это было давно, можетъ быть это и ложь»*.

Принявъ опять проповѣдническій тонъ, монахъ продолжалъ съ крикомъ: «Не ждите, не ждите, чтобы я сказалъ вамъ то же. Плачьте, плачьте. Ваши грѣхи вовсе не ложь, потому что вы недавно грѣшили, грѣшили третьяго дня, вчера и нынѣ, и будете грѣшить завтра. Что я говорю, завтра! вы грѣшите въ настоящую минуту!... я вижу, что вы грѣшите теперь, внутри самаго святаго храма... Но продолжайте грѣшить—добраго вамъ пути!... скоро вѣдь придете исповѣдываться къ намъ, и тогда узнаемъ кошку по лапкамъ».

«Такое церковное ораторство—замѣчаетъ нашъ авторъ—всегда пересыпаемое множествомъ латинскихъ текстовъ, было общее даже въ началѣ этого столѣтія. Церковной каедрой владѣли монахи съ недостаточнымъ образованіемъ: они такъ испортили вкусъ вѣрныхъ, что немногіе дѣйствительно краснорѣчивые проповѣдники были совершенно забыты; если въ церкви проповѣдывалъ какой-нибудь приходскій священникъ, и проповѣдь его отличалась приличными формами, церковь бывала пуста; всѣ шли въ ту церковь, гдѣ проповѣдывалъ какой-нибудь монахъ съ широкимъ горломъ, способный однимъ крикомъ убить дюжину или полторы грѣшниковъ».

Въ Мадридѣ, напримѣръ, монахи не довольствовались церковью; они проповѣдывали по площадямъ. Проповѣдь здѣсь принимала еще болѣе неприличный характеръ. Обыкновенная походная каедра становилась на площадѣ противъ церкви св. Луиса, на площади *Себада* и *Пуерта дель-Соль*. Съ такой каедры монахъ неистово кричалъ, махалъ, крутилъ себѣ руки, билъ по каедрѣ кулаками, билъ себя въ грудь, и этимъ приводилъ въ слезы народъ, сбѣжавшійся его слушать. Лишь только такая каедра появлялась на площади, здѣсь уже не было проѣзду экипажамъ, водоносы оставляли свои боченки съ водой, торговцы запирали свои лавки, торговки плодами оставляли свою торговлю, всѣ бѣжали слушать «божественное слово» изъ устъ миссіонера. Съ такими же проповѣдями монахи являлись за городомъ во время

ярмарокъ. Въ началѣ подобной проповѣди никто не плакалъ, но въ половинѣ уже слышались всхлипыванія; но когда монахъ вытаскивалъ изъ-за пазухи металлическое распятіе, помахивая имъ внизъ и вверхъ и въ разныя стороны, всѣ падали на колѣна съ плачемъ навзрыдъ. Люди истинно религиозные хлопотали объ уничтоженіи этого неприличнаго проповѣдничества, но толпѣ оно нравилось, и она съ удовольствіемъ бѣжала на ту площадь, гдѣ была такая проповѣдь, здѣсь каждый могъ поплавать и по-смѣяться.

Авторъ заканчиваетъ характеристику проповѣдничества разсказомъ объ одномъ монахѣ францисканскаго монастыря «босоногихъ». Онъ былъ огромнаго роста, крѣпкаго сложенія и красивъ собою; при этомъ отличался необыкновеннымъ щегольствомъ и такою широкою грудью, что дыханіемъ своимъ производилъ вѣтеръ: имѣлъ, какъ говорили тогда, настоящія «легкія отца» и былъ вполне преподобнѣйшій. Но ничего не значили всѣ эти качества, которыми онъ легко могъ привлекать на свою проповѣдь половину города. Народъ, толпившійся около дверей храма, въ которомъ онъ говорилъ, старался провинуть внутрь храма за чѣмъ-то другимъ, а не за тѣмъ только, чтобы слышать его ужасный крикъ (его удобно можно было слышать съ папертей храма и даже съ улицы), его всплескиваніе руками, его стуканье по каедрѣ. Былъ другой секретъ его огромнѣйшей популярности.

Блаженный отецъ всегда, заключивъ свою проповѣдь, *возносился*, чтобы просить Господа о помилованіи грѣшниковъ, и присутствующіе въ храмѣ всегда видѣли, что онъ при этомъ дѣйствительно возвышался и *тѣломъ* и *духомъ*; такъ что возвышаясь мало по малу, онъ изъ-за перилъ каедры показывалъ подолъ своей тунники и даже часть сапоговъ. Въ церкви раздавались крики: чудо, чудо! Крики эти сопровождались страшною толкотнею, каждый хотѣлъ видѣть возношеніе монаха.

Запахъ отъ этого возношенія дошелъ до носовъ инвизиціи; но блаженный мужъ продолжалъ возноситься, народъ собираться, а инвизиція считать это волшебствомъ. Наконецъ уже тогдашній викарій Мадрида, отецъ Нахера, захотѣлъ открыть истину. Проповѣдь была въ церкви св. Лусиса; викарій явился слушать проповѣдь; проповѣдь кончена, проповѣдникъ возносился, какъ и прежде. По уходѣ народа, викарій заперся въ сакрастія съ проповѣдникомъ и вытащилъ у него изъ-подъ мантии орудіе возношенія—это были подножки съ пружиной, сдѣланной спиралю. Нашъ проповѣдникъ пересталъ возноситься и попалъ въ инвизиціонную тюрьму, въ которой съ него значительно спалъ жиръ, нажитый возношеніями. Отсюда, впрочемъ, онъ освободился и былъ послѣ извѣстенъ въ Мадридѣ подъ именемъ *колдуна*.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть шестая.

П А Д Ш І Я.

I.

Бѣдный, но честный майоръ, многочисленнымъ семействомъ обремененный.

Опять я веду тебя, мой читатель, въ мѣста, уже намъ знакомыя, въ самый центръ многосуетнаго города Петербурга, въ улицу, называемую Средней Мѣщанской, въ тотъ неказистый, закоптѣлый домъ, грязно желтаго цвѣта, гдѣ всегда нескодно пахло жестяною полудою и слышался непрерывный стукъ слесарей да кострюльщиковъ—словомъ, я веду тебя въ домъ, гдѣ обитало много нашихъ знакомцевъ. Тамъ жилъ, вплоть до самой смерти, Осипъ Захаровичъ Морденко; тамъ же обиталъ и единственный его благопріятель, Петръ Кузьмичъ Спица, называвшій себя не иначе, какъ «бѣднымъ, но честнымъ майоромъ», и по той же самой лѣстницѣ, дверь противъ двери съ Петромъ Кузьмичемъ, помѣщалась тайная агентша знаменитой генеральши фон-Шпильце, Александра Пахомовна Прахина, извѣстная всѣмъ и каждому болѣе подъ именемъ Сашеньки-матушки.

Осипъ Захаровичъ Морденко навѣки отошелъ уже къ праотцамъ, и поэтому не онъ будетъ составлять предметъ дальнѣйшаго повѣствованія, а его благопріятель Спица и сосѣдка этого благопріятели, Сашенька-матушка.

Мы такъ давно уже не выводили на сцену бѣднаго, но честнаго майора, что нѣтъ ничего мудренаго, если читатель въ теченіе этого разсказа успѣлъ и позабыть его фигурку, затерявшуюся въ длинной галлерей мелькавшихъ передъ его глазами

именъ, лицъ и прочаго. Это былъ невысокаго роста, плотный старичонко, носившій сѣрую военную шинель и солдатски-сироевную фуражку съ кокардой, «для того, чтобы всѣ знали и видѣли, что я — благородный человѣкъ», пояснялъ онъ въ надлежащихъ случаяхъ: «и чтобы каналья-солдатъ дисциплину не забывалъ». Петръ Кузьмичъ очень любилъ, когда встрѣчные солдаты отдавали ему честь, снимая шапки. Вся фигура этого старичонки необыкновенно оживлялась чувствомъ амбиціи и самодовольства, которыя вполне гармонировали между собою, высказываясь особенно ярко въ его надменныхъ свинныхъ глазахъ и въ щеточкахъ-усахъ, вѣчно нафабранныхъ и закрученныхъ вверху. Голосъ у него былъ баритонъ, съ пріятнымъ хрипомъ, такой, какъ обыкновенно бывалъ у ротныхъ командировъ, когда они съ недоуму послѣ вчерашняго перепѣю являлись раннимъ утромъ передъ выстроенною во фронтъ свою роту. Майоръ подчасъ очень любилъ вспоминать бывшее время, которое называлъ «лихимъ», и при этихъ разсказахъ всегда старался держать себя съ наибольшею молодцоватостью, закручивалъ вверху щетинку усовъ и поводилъ глазами съ соколей искоркой, которая переходила у него въ капельку маслица, если дѣло начинало касаться разныхъ полечекъ, жидовочекъ, хохлушекъ и татарочекъ. Майоръ уже болѣе двадцати-пяти лѣтъ позналъ сладкія узы Гименея. Какія причины побудили его оставить карьеру чиновъ и отличій—онъ не упоминалъ, да и притомъ это случилось такъ уже давно, что никто его объ этомъ и не спрашивалъ. Всѣ знали только, что онъ бѣдный, но честный майоръ, многочисленнымъ семействомъ обремененный. Дѣйствительно, семейство его было весьма многочисленно, ибо состояло изъ членовъ кровныхъ и пріемныхъ, а опредѣленныхъ средствъ къ жизни въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимаются «опредѣленные средства», майоръ не имѣлъ: пенсія не получалъ онъ ни откуда, имѣнія ни родоваго, ни благопріобрѣтеннаго за нимъ не числилось, и частной службою, которая давала бы ему жалованье, тоже не пользовался, словомъ связать—ниоткуда никакихъ опредѣленныхъ ресурсовъ; а между тѣмъ, майоръ жилъ, содержалъ многочисленное семейство и даже находилъ возможность кой-когда откладывать копейку на черный денекъ. Квартиру держалъ онъ по состоянію своему довольно обширную, состоявшую изъ семи комнатъ, и никогда почти не было у него задержекъ въ платежѣ хозяину; при всемъ томъ профессію, дававшую майору возможность су-

ществованія, нельзя было называть мазурнически-темной. Да и онъ бы самъ въ высшей степени амбиціозно оскорбился, еслибы кому нибудь пришла фантазія усомниться въ доброкачественности его доходовъ.

— Я моему императору майоръ! Я—штаб-офицеръ російской службы! Христолюбивое російское воинство идетъ по пути чести, и я, майоръ, Петръ Кузьминъ сынъ Спица, съ этого пути никогда не соступлю-съ! любилъ иногда говаривать майоръ за стаканомъ пріятельскаго пунша, причеъ непременно энергически ударялъ себя кулакомъ въ грудь для пушей убѣдительности.

Какія же, однако, были средства майора, и что за профессію избралъ онъ себѣ въ водоротѣ петербургской жизни? Средства, конечно, зависѣли отъ профессіи, а профессія эта сама по себѣ является настолько курьёзною, что мы попросимъ читателя остановить на ней вниманіе.

Еслибы вы какими нибудь судьбами попали въ квартиру майора, васъ непременно поразила бы многочисленность ея обитателей, и въ особенности обиліе дѣтскихъ голосовъ. Три комнаты сдавались майоромъ подъ жильцовъ, которыхъ впускалъ онъ къ себѣ за помѣсячную плату. У воротъ грязножелтаго дома неизмѣнно болталась плохо привлеенная жеванымъ хлѣбнымъ мякишемъ бумажка, на которой каждый мимоидущій, въ случаѣ нелюбности, могъ прочесть, что «въ домѣ семь отдаются углы и комнаты, спросить майора Спицу».

Петръ Кузьмичъ предпочиталъ жильцовъ, занимающихъ именно углы, а не комнаты. На таковое предпочтеніе у него имѣлись надлежащіе резоны, почерпнутые имъ изъ многолѣтняго опыта.

— Одинъ ли человекъ занимаетъ тебѣ комнату, или пять человекъ, это мнѣ—все-единственно, говаривалъ онъ, поясняя свое предпочтеніе угловымъ жильцамъ:—потому, что съ одного жильца взять мнѣ двадцать рублей, что съ четырехъ по пяти, итогъ будетъ одинаковый. А только если одинъ у тебя снимаетъ, да заволѣчитъ плату, гляди, за мѣсяцъ, а не то и за два—вотъ ты тутъ поди-ка, да потягайся съ нимъ, пока отдастъ! А иной разъ ничего и не подѣлаешь: возьметъ да и съѣдетъ, или живетъ не платя. Получи-ка съ него! Въ полицію жаловаться, такъ больше подмѣтокъ изшарыгнешь ходючи по кварталамъ. Да и что съ него взять? Иной разъ и полиція спасуетъ, какъ навяжется этакая *галитѣ, фратернитѣ и либертѣ*. А впусти я въ комнату пять

человѣкъ, примѣромъ, хотъ будь они тѣ же самце Голь, Шмоль, Нуль и Компанія—миѣ все-таки менѣ шансовъ остаться въ наладѣ. Не заплатитъ одинъ, не заплатитъ другой, положимъ; а трое заплатятъ — все же таки десять-пятнадцать цѣлковыхъ у тебѣ есть въ карманѣ. Плохого жильца сейчасъ же и вытуришь, а хорошій остается. На мѣсто плохого новый поступитъ, а коли и новый плохъ окажется, сейчасъ и его на первый же мѣсяцъ опять-таки туришь. Ну, а хорошихъ попридержишь, всякое имъ благоволеніе окажешь, кофейкомъ когда угостишь. Хорошій жилецъ и чувствуетъ тебѣ это, и старается быть аккуратнымъ. Ну, а изъ плохихъ, этта вытуришь одного, вытуришь и другого, и третьему наладешь по шапкѣ; а четвертый, глядишь, и хорошимъ окажется. Потому—пословица не даромъ же говорить, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей, и на нашъ пай добродѣтельны души окажутся!

Такимъ образомъ углы трехъ комнатъ служили для майора Спицы однимъ изъ постоянныхъ его ресурсовъ. Другой ресурсъ—сволько ни страннымъ это покажется — составляли дѣти.

Ребятъ у майора было очень много, и помѣщались они въ двухъ комнатахъ. Майоръ и его супруга отличались большою плодовитостью, словно надъ ними благодатно сбывалась древняя заповѣдь—плодиться, размножаться и населять землю. Рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы въ семействѣ его не оказалось приращенія—и бѣдный, но честный майоръ не сѣтовалъ, подобно другимъ голякамъ, на судьбу свою, а напротивъ того, каждый разъ искренно благодарилъ Содѣтеля своего милостиваго за видимое благоволеніе къ его дому.

Петръ Кузьминчъ не довольствовался когортой собственныхъ ребятъ, и поэтому бралъ къ себѣ на воспитаніе еще ребятъ постороннихъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ избѣгалъ только брать ихъ отъ такихъ родителей, которые, отдавая младенца въ чужіи руки, все-таки желаютъ сами слѣдить за воспитаніемъ и заботливо навѣщаютъ время отъ времени плодъ своего рожденія. Онъ, напротивъ, подѣискивалъ вездѣ, гдѣ могъ, безшабашныхъ матерей такого рода, которыя, произведя на свѣтъ младенца, ищутъ только случая, какъ бы отъ него поскорѣе отдѣлаться разъ навсегда. Въ Петербургѣ на этотъ сортъ матерей никогда нѣтъ особеннаго недостатка, и потому воспитанники составляли чистый кладъ для предпримчиваго майора.

Ребенокъ, принесенный однажды подъ гостеприимную кровлю

Спицы, становился уже его полною собственностью, которою онъ могъ располагать по своему произволу. Петръ Кузьмичъ не пренебрегалъ и новорожденными, но болѣе старался подыскивать себѣ младенцевъ уже годовалыхъ, или около этого возраста; и такимъ образомъ у него воспитывалось постоянно до десятка, а иногда и болѣе — младенцевъ. Вмѣстѣ со своей супругой, онъ сортировалъ ихъ съ большою тщательностью, отбиралъ здоровыхъ отъ нездоровыхъ и въ особенности красивыхъ отъ некрасивыхъ, ибо подобнаго разбора требовала самая профессія майора и майорши.

Каждое утро, въ началѣ седьмого часа, передъ равными обѣдами, прихожая майора Спицы начинала наполняться разнымъ бабьимъ въ обтрѣпанныхъ нищенскихъ лохмотьяхъ.

Петръ Кузьмичъ выходилъ къ нимъ съ видомъ ротнаго юпитера и хрипло-веселымъ голосомъ привѣтствовалъ сбродную братю.

— Здорово, ребята!

— Много лѣтъ здравствовать! отвѣтствовала хоръ бабёнокъ.

— Что, небось, за товаромъ препѣрли?

— Вѣстимое дѣло! инакъ пошто къ тебѣ пойдешь, коли не за товарцемъ... Отпусти-ка маладенцевъ-ту!

— Можно, ребята, можно. Ей! Домна Родивоновна! кричалъ онъ черезъ дверь своей супругѣ:—готовы ли дѣтви?

— Въ минуту будутъ готовы! сѣю секунтою! — Вотъ, только молокомъ попоить, отвѣтствовалъ изъ дѣтской комнаты рѣзкій голосъ его благовѣрной сожительницы.

— Пѣтра Кузьмичъ! надоѣдливо-нищенскимъ, просительскимъ тономъ приступала обыкновенно къ нему въ это время какаянибудь бабёнка:—нельзя ли мнѣ ужъ язвенничка отпустить по-ниче, а то у всѣхъ, что за прошлые разы давалъ, лицо-то больно чистое; а на чистомъ лицѣ, самъ знаешь, много-ли наконючишь!... Вонъ Слюняевы-те бабы, изъ Малковскаго переулка, какъ потравили ребятъ, такъ непримѣръ больше теперь выручаютъ; а у васъ лица на маладенцахъ чистыя, такъ намъ-то оно супротивъ малковскихъ и не вальготно выходить.

— Ну, вотъ! какъ же! стану я для твоего рыла маладенцевъ портить!... Мнѣ каждый маладенецъ и потомъ еще на подросткахъ пригодится! хорохорился Петръ Кузьмичъ, передразнивая просительницу.

— Да ты мнѣ дай котораго съ сыпцёю, чтобы, значить, сып-

ца ему лично пупыръемъ пообсыпала. Нешто у тебя нѣтъ въ золотухѣ-то? Поди, чай, вѣдсталь!...

— А хотя и есть, да не про вашу честь, отгрызался майоръ. — Ты, поди-ка, все за тотъ же двугривенникъ норовишь золотушного взять, а я за двугривенникъ не уступлю. Давай тридцать копеекъ прокату—ну, такъ и быть, отпущу подходящаго!

— Эва-на, тебѣ! ужь и тридцать! Ты, голова, говори дѣло, а не жми!... Вѣдь ужь мы у тебя завсагдѣшніе съѣмщики, уступу-то намъ можно бы сдѣлать; а то — на-ко-ся вонъ, тридцать ломись! Ну, гдѣ же тебѣ тридцать!... Самимъ, почѣсть, ничего на хлѣбушки сиротскіе не станется... А ты не жми—ты говори толкомъ.

— Чего тебѣ толкомъ? По товару и цѣна! Всякій товаръ, извѣстно, въ своей цѣнѣ стоитъ. Хочешь гладкаго, бери какъ и всегда, по таксъ—ни спуску, ни надбавки съ двадцати копеекъ не будетъ; а за пупырчатаго—вре-ешь!

— Да я-бъ те, пожалуй, и тридцать дала, кабы горлодѣра былъ, а то вѣдь вонъ, онаменись съ Оеклушки тоже, небось, два пятачнника слышалъ — да еще самъ христомъ-богомъ божился, что и сынѣй и горлодѣра хорошиі, а ево за всю обѣдню и голосу не чутъ было. Хошь бы разъ тебѣ крикнулъ! то и знай, что въ грудь уткнувшись, дрыхнеть-себѣ, да и баста!

— Чего, дрыхнеть? Вѣдь я-жъ говорилъ тогда Оеклушкѣ, чтобъ она его пощипывала маленько, а не то—нѣтъ-нѣтъ, да легѣнько булавкой ткни — такъ загорланить, что пречудесно!

— Нѣ-ѣтъ, эфто все не то! оппониrowала бабѣнка.—Гдѣ тамъ еще булавкой, али щипкомъ! Нашей сестрѣ впору тутъ только руку протягивать. Пока ты его ткнешь, а подаанная копейка, гляди, и мимо ладошекъ пропорхнула! Намъ это дѣло не рука. Намъ надо, чтобъ маладенецъ самъ-по-себѣ оралъ. Поди, чай, не объ четырехъ рукахъ, а объ двухъ ходимъ... Такъ что-жъ, говори что-ль цѣну побожески! Четвертакъ, ужь куда ни шло, дамъ, а то и маладенца не надо!

Такимъ образомъ, каждое утро въ прихожей майора происходили торги и переторжки, повторяясь въ теченіе многихъ уже лѣтъ все съ однѣми и тѣми же варіаціями. Дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что майоръ получалъ половинну цѣны въ задатокъ, а Домна Родіоновна выносила для каждой нанимательницы младенца за младенцемъ, тщательно обернутыхъ въ разное дырвое тряпье, причемъ неизмѣнно слѣдовалъ наказъ беречь ре-

бить, кормить ихъ, да покрѣпче заутывать, чтобы не простудились.

Послѣ вечерень нищенки опять появлялись въ той же прихожей, сдавали съ рукъ на руки своей живой товаръ и вручали за него остальную половину платы.

Такъ промышлялъ бѣдный, но честный майоръ, по преимуществу съ тѣми сбродными младенцами, которыхъ удавалось ему подбирать къ себѣ на воспитаніе. Своихъ собственныхъ дѣтей онъ не любилъ пускать на этотъ промыселъ, потому что былъ отецъ вѣрный и чадолюбивый. Эксплоатація этихъ послѣднихъ начиналась не ранѣе какъ съ трехлѣтняго возраста.

Я полагаю, почти всѣмъ извѣстно, что у многихъ изъ нашихъ камелій проявляется иногда страстишка — казаться въ публикѣ «порядочными» женщинами. Многія изъ нихъ очень любятъ проѣхаться по Невскому проспекту, пофигурить лѣтомъ въ Павловскѣ или на елагинской стрѣлкѣ, ведя за руку прелестно разодѣтаго, какъ кулку, ребѣнка.

Дѣти, съ которыми показываются обыкновенно такіа камеліи, всегда похожи на маленькихъ ангельчиковъ и, конечно, въ силу таковаго сходства, отличаются большою миловидностію.

Спекуляція, провзводимая Петромъ Кузьмичомъ надъ собственными дѣтьми, касалась именно этого чувства камелій, желающихъ казаться матерями.

Самъ Петръ Кузьмичъ въ житейскихъ потребностяхъ своихъ былъ очень невзыскателемъ, не чувствовалъ ни малѣйшей потребности въ излишней перемѣнѣ своихъ костюмовъ и ограничивался старымъ халатикомъ, женной кацавейкой да отставнымъ военнымъ сюртукомъ. Благовѣрная половина его точно также въ домашнемъ обиходѣ своемъ болѣе походила на чумичку, хотя въ шкафахъ ея и хранились весьма хорошіе костюмы—про особенный случай. Но будучи невзыскательными къ своей собственной наружности, они очень заботились о наружности дѣтей, мыли, чистили, гладили ихъ, завивали волосы въ мелкія буели, и имѣли для нихъ весьма большой и разнообразный выборъ щегольскихъ востюмчиковъ.

Пріѣзжаетъ, напримѣръ, къ Петру Кузьмичу какая-нибудь изъ камелій. Ее, конечно, принимаютъ очень вѣжливо «въ залѣ», роль которой играла одна «чистая» комната изъ числа остальныхъ семи, которыя могли, съ полною справедливостію, назваться грязными.

— Честь имѣю кланяться, сударыня, начиналъ обыкновенно Петръ Кузьмичъ, съ ловкостью военнаго человѣка выхода къ посѣтительницѣ.— Чѣмъ прикажете служить?

— Миѣ нуженъ ребѣнокъ, пояснила камерія, хотя Петръ Кузьмичъ и безъ этого поясненія отлично зналъ уже, чего ей нужно.

— Такъ-съ... ребѣнокъ-съ... Очень хорошо-съ! коротко кланялся майоръ:— а позвольте узнать, мужескаго или женскаго пола?

— Я бы хотѣла мальчика.

— Такъ-съ... мальчикъ... Очень хорошо-съ. Можно и мальчикъ. А въ какомъ возрастѣ желательно вамъ?—Примѣрно, эдакъ, трехъ, четырехъ, пяти лѣтъ?

— Лѣтъ четырехъ — пожалуй.

— Очень хорошо-съ. Имѣется и такой. А позвольте узнать... насчетъ костюмчика? Вамъ въ какомъ костюмчикѣ желательно бы получить: въ русскомъ, въ шотландскомъ или *фантастикѣ*?

— Это все равно... Впрочемъ, дайте, пожалуй, въ шотландскомъ.

— Очень хорошо-съ. Можно и эдакъ... А на много ли времени потребуется?

— Что это?

— Ребѣночекъ-съ. На какіе то-есть часы: утромъ или вечеромъ, и на сколько времени?

— Да такъ... часовъ съ шести вечера, до десяти... можетъ быть, немного позже.

— Ужъ стало быть, такъ, положимъ, до одиннадцати. Вѣроятно, по островамъ намѣрены кататься?

— Да, я на пуантъ поѣду!

— Такъ-съ. Этотъ пуантъ — самое отличное мѣсто... э-э... что называется, *аристократикѣ*. Мальчишечку-то ужъ потрудитесь вечеромъ сами доставить.

— Хорошо, я завезу. А чтò это будетъ стоить?

— Недорого-съ, очень недорого-съ. Свою собственную цѣну беру.

— Однако, какую же?

— Да всего только пять рублей—пять рублей серебромъ-съ.

— Ой, что вы! помиуйте! какъ это не дорого! Напротивъ, это ужасно дорого!

— Нѣтъ-съ, какъ можно!... настоящая цѣва-съ пять рублей. Да вѣдь вы подумайте, вѣдь я вамъ за пять-то рублей какаго

мальчонку отпускаю!—Прелесть, что за мальчонка! Изъ себя-то выгладить такимъ амурчикомъ, да еще какъ въ шитланскомъ костюмчикѣ, такъ просто — ангельчикъ! Кто ни встрѣтитъ на улицѣ, сейчасъ скажетъ: «ахъ, какое прелестное дитя!» Однажды—я вамъ доложу—этого самого мальчонку отпускалъ я Луизѣ Федоровнѣ; такъ имъ очень даже хорошіе кавалеры изволили выразить, что дитя это, почитай, аристократическаго происхожденія; и всѣ въ очень большомъ восторгѣ отъ него остались, потому—мальчикъ бойкій-съ, и можно сказать даже, остроумный. Такъ вотъ, извольте разсудить, какого я вамъ ребѣнка отпускаю. А не то, извольте лучше сами поглядѣть—на выборъ: какой понравится, такого и берите. — Ей! Домна Родивоновна! суетливо кричалъ онъ въ дверь къ своей супругѣ:—сгоните-ка сюда нашу армию! Вотъ—мадамъ на нихъ полюбоваться желаютъ!

И вслѣдъ затѣмъ торопливо удалившись изъ комнаты, Петръ Кузьмичъ лично производилъ смотръ дѣтямъ: тому утретъ носъ, тому волосенки пригладить, третьему рубашонку обдернетъ, четвертому велитъ перемѣнить чулки, а пятому наставительно примолвить, чтобы не глядѣлъ букой, изподлѣбья, а больше бы старался улыбаться—и вотъ, минуты черезъ двѣ, армія готова и выводится на смотръ камелии подъ предводительствомъ самого полководца-отца.

— Вотъ-съ, мадамъ, извольте поглядѣть сами, какія малюточки!—Какъ на подборъ! истинно могу сказать, какъ на подборъ!—Ну, поросята, по ранжиру стройся! справа — дѣвочки, слѣва — мальчики! шутливо-начальственнымъ тономъ обращался онъ къ когортѣ дѣтей.—Выбирайте, мадамъ!—тутъ и блондины, и брюнеты, и шантреты, и всякое есть. Товаръ лицомъ отпускаю, чтобы вы нивакого сумнѣнія противъ меня не имѣли.

Сударыня бѣглымъ взоромъ осматриваетъ когорту и останавливается на подходящемъ для себя мальчикѣ.

— Такъ этого самого прикажете?... Очень хорошо-съ. Я вамъ доложу—отмѣнный мальчикъ! Лицомъ въ грязь не ударить, ни себя, ни васъ не сконфузить. Хоть съ генеральскими дѣтьми поводить, такъ и тѣмъ на ногу себѣ наступить не позволить, потому, я первымъ дѣломъ наблюдаю, чтобы въ моихъ дѣтяхъ эта благородная амбиція была; какъ самъ я, сударыня, моему императору майоръ, въ штаб-офицерскомъ рангѣ числюсь, такъ ужъ и желаю исполнѣ, чтобы мои дѣти достоинство родительска-

го званія соблюдали. Въ этомъ ужь вы, мадамъ, будьте благонадежны.

— Ей! вы! поросѣчья армія! маршъ по зимнимъ квартирамъ! вскрикивалъ майоръ на свою вогору, которая бпрометью бросалась изъ комнаты.—А ты, миленькій, примолвливалъ онъ, глядя по головкѣ избраннаго ребѣнка: — ступай въ мамашѣ, скажи, пускай она тебя умоетъ и причешетъ. Ты съ госпожею кататься поѣдешь. Да смотри, будь умница. Госпожа тебѣ конфетку дастъ, бомбошку купишь. Ну, бѣги же скорѣй!... Домна Родивоновна! слѣдовалъ непосредственно за симъ обычный возгласъ въ дверь къ супругѣ: — снарядите Мишу поскорѣе! Достаньте штланскій костюмъ въ полномъ приборѣ, да вышлите-ка мнѣ его сюда — можетъ, госпожа пожелаетъ предварительно поглядѣть на него... и вообще, представьте нѣкоторый ассортиментъ, потому, ежели неравно другое чтѣ имъ понравится, такъ чтобы можно было выборъ сдѣлать.

Камелія осматривала костюмы, дѣлала выборъ, но въ концѣ концовъ все-таки оставалась при своемъ убѣжденіи, что пять рублей за два-за три часа катанья—цѣна слишкомъ несообразная.

— Вѣдь вы же гораздо дешевле отпускали, настанвала она передъ майоромъ: — моя подруга одна въ прошлое лѣто отъ васъ постоянно по три дѣлковыхъ получала, а нынче вдругъ пять!

— Ахъ, сударыня, вѣрьте истинному Богу! убѣдительно болжался Петръ Кузьмичъ: — какъ передъ нимъ, такъ и передъ вами, по всей правдѣ, какъ честный офицеръ, говорю вамъ, меньше этой цѣны никакъ невозможно! Точно-съ, отпускалъ я прежде, когда-то, и по три рубля; да времена-то теперь другія пришли, извольте-ка сами разсудить. Впервыхъ, сдѣлать такой разнообразный ассортиментъ костюмчиковъ—пошить-то ихъ чего-нибудь да стоитъ! Опять же каждый костюмчикъ своевременно ремонту требуетъ. Ребѣнокъ носить его, ну, а костюмчикъ третса, пачается, въ ветхость приходитъ, необходимо нуженъ ремонтъ. А бѣльецѣ-съ?—а сапожники? а чулочники? все это, мадамъ, примите-ка въ расчетъ, чего оно стоитъ! Да вотъ-съ тоже, доложу вамъ, на прошлой недѣлѣ такимъ же манеромъ, какъ вы вотъ, привѣзжаетъ ко мнѣ Берта Ивановна и требуетъ мальчонку, Колюньку—изволили замѣтить—бѣлокуренькій такой, съ краемъ стоялъ? Бра-ла ребѣнка вечеромъ на два часа, съ семи до девяти-съ, а замѣсто того, представила въ пятомъ часу утра. Костюмчикъ-то былъ лѣгонькій; на островахъ мальчонку и продуло, такъ что

даже простуду хватилъ; да кромѣ-того повезли они его съ кавалерами своими къ Излеру... А тѣ за ужиномъ возьми мнѣ мальчонку да и оборми, да пьянымъ напои-сь!... Приѣхалъ домой—животики болитъ, самъ на ногахъ не держится и цѣлую недѣлю въ постелькѣ пролежалъ. Доктора пришлось приглашать да лекарства выписывать изъ аптеки, а доктору-то за визитъ заплати, и лекарства тоже вѣдь даромъ не отпускаютъ. Такъ вотъ-сь, извольте разсудить, во чтò это мнѣ стало! Какъ честный офицеръ, говорю вамъ, ей богу-сь, больше десяти рублей самому обошлось! — одинъ только убытокъ! Чѣмъ этакимъ-то неблагороднымъ манеромъ поступать, такъ лучше мнѣ и никакой платы ненадо. Чорта-ли мнѣ въ ихъ пяти рубляхъ! Я вѣдь также, сударыня, отецъ, и сердце родительское имѣю. Мнѣ своего ребѣнка жаль; у меня о своемъ ребѣнкѣ тоже вѣдь сердце болитъ и скорбѣтъ!—Такъ вотъ въ этакомъ расчетѣ, извольте-ко принять въ соображеніе, могу ли я вамъ дешевле пяти рублей отпустить?

Послѣ всѣхъ этихъ аргументовъ, камелія, по большей части, сдавалась на условія майора и вручала ему деньги впередъ, безъ чего майоръ никогда не отдавалъ на прокатъ *своего* ребѣнка, заботливо прося при этомъ побережъ мальчонку, въ случаѣ холода—укутывать въ пледъ, а у Излера, за ужиномъ, не обкармливать, и тѣмъ-паче—виномъ не опьявять.

— А быть можетъ, сударыня, кромѣ того не пожелаете ли имѣть при себѣ и благородную пожилую особу? любезно предлагалъ майоръ своей нанимательницѣ: — если угодно, такъ я могу вамъ доставить очень солидную и даже комилфортную даму, съ которой нигдѣ не стыдно вамъ показаться. Она можетъ и тетиньку и маменьку вамъ замѣнить, и все-жь таки съ благородной пожилой особой, гораздо приличнѣе.

Иногда камелія соглашалась и на послѣднее предложеніе. Тогда Петръ Кузьмичъ приказывалъ своей Домнѣ Родивоновнѣ поскорѣ мыться и чесаться. Черезъ полчаса, его достойная половина изъ чумички преобразалась въ очень нарядную, «благородную, пожилую особу», и въ этомъ видѣ сопровождала камелію, куда лишь той было угодно.

Сбродные воспитанники майора, большею частію, умирали, не достигнувъ пяти-шестилѣтнаго возраста. Оно и не мудрено, если принять въ соображеніе ежедневное пребываніе ихъ на рукахъ у нищенковъ подъ дождемъ и вѣтромъ, подъ зимней стужей и

осенней сыррой слякотью. Но майоръ не печалился много объ этомъ, ибо вполне былъ увѣренъ, что на его пай всегда найдется достаточное количество новыхъ, при небольшомъ только стараніи и хлопотахъ съ его стороны, а иногда даже и безъ оныхъ. И таковая увѣренность майора постоянно оправдывалась. Когда же оставшіеся въ живыхъ его сбродные воспитанники, закалившіеся въ такой суровой спартанской школѣ первоначальнаго воспитанія, достигали восьми или девятилѣтняго возраста, майоръ находилъ уже неудобнымъ отдавать ихъ на прокатъ нищимъ или камелиямъ (своихъ собственныхъ онъ нищимъ никогда не отдавалъ, изъ сбродныхъ же бѣдили съ камелиями только наиболѣе красивые). Къ этому времени для нихъ имѣлась въ запасѣ уже новая профессія. Онъ отпускалъ ихъ гулять по городу, преимущественно въ районѣ гостинаго двора, съ какоюнибудь дестью почтовой бумаги и пачкой конвертовъ, либо съ карандашами и перьями на рукахъ, либо съ грюшовыми книжечками духовно-нравственнаго содержанія, и внушалъ этимъ питомцамъ, чтобы они какъ можно назойливѣе предлагали свой товаръ прилично одѣтымъ прохожимъ. Хотя выручка съ такого промысла и не могла назваться прибыльною, тѣмъ не мѣнѣе, съ помощью ея, содержаніе этихъ дѣтей почти ничего не стоило майору, который иногда, буде наклюнется подходящий случай, не безвыгодно перепродавалъ воспитанниковъ своихъ и бродячкѣ комедіантамъ, а тѣ ломали имъ члены и суставы, препарируя изъ нихъ очень ловныхъ уличныхъ акробатовъ.

Все это такъ творилось относительно мальчиковъ и тѣхъ изъ дѣвочекъ, которыя не отличались особенною миловидностью. Хорошенькихъ ожидала иная участь. Майоръ отдавалъ ихъ въ пансіонъ, гдѣ находились онѣ наряду съ его собственными дочерьми, до шестнадцатилѣтняго возраста.

И самъ майоръ, и его супруга Домна Родионовна не даромъ таки питали дружелюбныя чувства къ сосѣдкѣ своей, Сашенькѣ-матушкѣ. Съ помощью этой свахи имъ иногда отличію удавалось продавать своихъ хорошенькихъ воспитанницъ разнымъ любителямъ человѣческой свѣжанины, и даже устроить изъ дальнѣйшую судьбу, опредѣляя иногда на небезвыгодное содержаніе къ какомунибудь купцу, или солидному старичку-саладону.

Въ послѣднемъ случаѣ, они совершенно искренно, и при томъ даже съ гордостью почитали себя истинными благодѣтелями про-

данной дѣвушки, и внушали ей, что она обязана это чувствовать и денно-нощно благодарить ихъ въ сердцѣ своемъ.

Мы уже сказали, что Петръ Кузьмичъ былъ отецъ нѣжный и чадолюбивый. Поэтому собственныхъ своихъ дочерей онъ отнюдь не готовилъ къ подобной же карьерѣ, и всегда мечталъ выдать ихъ замужъ «самымъ честнымъ образомъ». Одна только старшая его дочка пошла по пути воспитанницъ; но родитель ея, съ величайшимъ сердечнымъ сокрушеніемъ, потому лишь рѣшился на такой шагъ, что предложеніе со стороны покупателя казалось черезчуръ уже выгоднымъ для того, чтобы можно было его отринуть.

Такимъ-то вотъ образомъ эта ловкая, своеобразная профессія, которую мы со всею откровенностью раскрыли передъ читателемъ, помогла ему въ теченіе двадцати лѣтъ составить очень и очень-таки кругленькій капиталецъ. Майоръ составилъ его съ благомъ, даже «благородною» дѣлюю. Онъ готовилъ приданое къ замужеству Спицамъ женскаго пола, и пѣкоторое посмертное наслѣдіе Спицамъ мужскаго пола, потому что, опять-таки повторяемъ, былъ отецъ, въ полномъ смыслѣ слова, нѣжный и чадолюбивый.

II.

Голь, Шмоль, Ноль и К°.

Изъ числа семи комнатъ майорской квартиры, три отдавались подъ жильцовъ. Эти жильцы, въ общей сложности своей, и составляли именно то, что Петръ Кузьмичъ, весьма характерно, окрестилъ своеобразнымъ названіемъ «Голь, Шмоль, Ноль и К°».

Двѣ комнаты ходилъ *улами*, и такъ-какъ майоръ Спица постоянно весьма заботился о праственности, то и жильцовъ своихъ дѣлилъ на двѣ половины: мужскую и женскую. Впрочемъ, будетъ гораздо вѣрнѣе, если мы скажемъ, что онъ только *старался* дѣлить, неуклонно признавая благотворность такого раздѣленія въ принципѣ. На практикѣ же случалось иногда и такъ, что вдругъ, напримѣръ, въ мужской комнатѣ оказывается свободнымъ одинъ уголь, тогда-какъ въ женской все сполна занято, а тутъ, какъ нарочно, подвертывается нанимательница — не упустить же ее ради отвлеченнаго принципа! — и въ этомъ случаѣ, майоръ очень охотно предлагалъ ей занять свободный мужской уголь, убѣждая, что его жильцы-мужчины — народъ вообще очень смир-

ный, скромный и богобоязненный, а для пушлага удобства, обѣщала приладить ширмочки. Охотницы на такое предложеніе иногда и навлевались, а иногда и нѣтъ. Въ первомъ случаѣ выигрывала майорскій карманъ, во второмъ—майорская нравственность.

Въ тотъ моментъ, въ который застаётъ Петра Кузьмича послѣдовательное теченіе нашего разсказа, козлища-мужчины были совершенно отдѣлены отъ овецъ-женщинъ. Мы хотимъ показать читателю и тѣхъ и другихъ, тѣмъ болѣе, что между козлищами онъ отыщетъ двухъ своихъ старыхъ знакомцевъ.

Въ одномъ углу намъ встрѣчается здѣсь отставной капитанъ Закурдаило — «по рожденію благородный человекъ, по убѣжденіямъ винпегъ», а рядомъ съ нимъ желтоволосый старичонко, съ неподвижными рыбьими глазами, «отпѣтый, да не похороненный», Пахомъ Борисовичъ Прихинъ. При старости лѣтъ своихъ, достойный родитель Сашеньки-матушки возжелалъ находиться близъ своей достойной дочери. Въ свою собственную квартиру она его не пустила — «потому, папенька очень часто въ неделиватномъ видѣ бываетъ». Но Пахомъ Борисовичъ былъ очень радъ и скромному уголку по сосѣдству съ нею, ибо здѣсь для него, все-таки гораздо болѣе, чѣмъ живучи въ другой какой улицѣ, было возможности выпрашивать у нея гривеннички на баньку, и парить вишочки чайкой-грѣшнымъ.

Остальные два угла занимались личностями, игравшими пассивную и какъ-бы адъютантскую роль при Закурдаилѣ и Прихинѣ. То были: какой-то вихлявый, прогорѣвшій мѣщаниншико, нѣбогда торговавшій на ларѣ подѣ Толкучимъ, да разстрига дяконъ, который самъ себѣ, въ видѣ собственнаго девиза, давалъ аттестацію таковаго рода: «всегда трезвъ, до дня поднесеньева». А тагъ-какъ поднесеньевы дни случались у него едва-ли не ежесуточно, то разстрига, естественно, всегда обрѣтался во образѣ пьянственномъ.

Вообще, на четырехъ квадратныхъ саженьяхъ этой комнаты сошелся все народъ теплый, козыри одной засаленной колоды.

Капитанъ Закурдаило имѣлъ никогда непокидавшее его свойство вносить повсюду свой собственный цвѣтъ и запахъ. Можно сказать, онъ давалъ инициативу и колоритъ всему почтенному сборищу четырехъ угловъ. Запахъ табаку и какой-то затхлой кислятины неисконно царствовалъ въ воздухѣ этой комнаты. На полу, на столѣ, на подоконникахъ, на кроватяхъ, на стульяхъ, словомъ—вездѣ и повсюду была изобильно разсыпана табачная

зола. Кой-гдѣ стояли рядышкомъ распитыя осьмушки, косушки полуштофы и пивныя бутылки. Черепокъ съ ваксой и сапожной щеткой, валялся обокъ съ глубокою тарелкой, въ которой благоухала кислая капуста, принесенная изъ мелочной лавочки ради повѣдочныхъ закусокъ. Офицерская шинель поверхъ грязной и рваной сорочки, да шестиструнная гитара оставались и теперь, какъ въ ѳны дни, неизмѣнными спутниками жизни капитана-капитанника, а на Пахомѣ Борисовичѣ Пряхинѣ зрѣлась и доселѣ все та же коричневая камлетовая шинелишка, да котиковая шапочка, въ которыхъ онъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ совершалъ свои ежедневныя прогулки около съѣзжихъ домовъ, для строченія просьбъ и вѣязъ, наемнаго свидѣтельства въ чью бы то ни было пользу, и взятія кого бы то ни было на свои поруки.

Всѣ четверо обитателей этой комнаты сплотились въ одно нераздѣльное цѣлое. Они составили себѣ общую ассоціацію, ради довольно курьезнаго промысла. Капитанъ Закурдайло продалъ, или лучше сказать, пропилъ домишко въ Колтовской, доставшійся ему въ наслѣдство послѣ смерти старухи Повѣтиной, и пропилъ его вскорѣ же по полученіи. Обладаніе имъ онъ почиталъ излишнимъ комфортомъ и суетой, ибо все еще питалъ блаженное намѣреніе идти въ монахи; но дѣло выходило какъ-то такъ, что намѣреніе это изо дня въ день откладывалось въ длинный ящикъ. Въ одномъ изъ кабаковъ сошелся онъ съ отпѣтымъ, да не похороненнымъ Пряхинимъ, и тотъ, видя въ капитанѣ какъ нельзя болѣе подходящаго для себя человѣка, предложилъ ему совмѣстное дѣйствованіе въ одномъ небезвыгодномъ промыслѣ. Вообще, Пахомъ Борисовичъ, надо отдать ему полную справедливость, отличался большимъ остроуміемъ насчетъ изобрѣтенія промысловъ невинныхъ, но выгодныхъ.

Случилось такъ, что на второй или третій день ихъ знакомства, встрѣтились они въ кабакѣ, носившемъ, ради приличія, названіе «водочнаго магазина», гдѣ, въ ихъ присутствіи, была побита и съ позоромъ изгнана въ три-шепъ какая-то небритая личность въ чиновничьемъ вицмундирѣ.

— А?... каково вамъ это покажется!? благороднаго человѣка бьютъ, благороднаго человѣка изгоняютъ! прискорбно, помахивая головою, обратился Пряхинъ къ Закурдайлѣ: — Боже мой, Боже мой!... благороднаго человѣка обижаютъ—и благородный человѣкъ за себя вступиться не можетъ!

— Ну, нѣтъ-съ, атанде Липранди! меня бы не обидѣли! много-

значительно передернуть плечами, возразилъ капитанъ, причеъъ не безъ самодовольствія отвернулъ обшлагъ рукава, и убѣдительно показалъ свой массивный жилистый кулакъ: — не хотятъ ли чего послаще, хотя бы вотъ этого? Пускай-ка бы сунулись! *Жевузантри, месью, жевузантри! Муа—санъ пѣръ э санъ пюдѣръ! Жевузантри-съ!...* Пожалуйте!

— Да-съ, вы человекъ съ физикой, согласился Црихинъ: — вамъ оно легко. А я, напримѣръ, человекъ съ механикой, и хотя тѣлеснаго сложенія съизмальства лишень, однако, доложу вамъ, эта самая механика, дважды въ моей жизни, очень много меня выручила. Училищъ мнѣ, згта, изволите видѣть, дѣкоторый ворьянщъ, непріятное вассательство — то-есть, въ рожу-съ... а я, не будь глупъ, тотчасъ же свидѣтелей — благо модъ рукой свидѣтели-то случились — да въ кварталъ его! Ну, и радъ-радѣ хонекъ дворянщкъ-то былъ, что красненькой отдѣлался. А въ другой разъ, при таковомъ же казусѣ, даже и три сиденьія слупилъ. Это все можно-съ, надо только механику знать! съ авторитетно-дѣшмой и бывалой хитрецою закончилъ отпѣтый, да не похороненный.

Капитану Закурдайлѣ очень понравилась механика его знакома, такъ что, выразивъ ему полное свое одобреніе, онъ даже присоветовалъ, что и самъ бы не прочь, при случаѣ, воспользо-ваться ею.

— А зачѣмъ же дѣло стало? находчиво подхватилъ старичокъ: — я вамъ доложу-съ, у меня на этотъ счетъ отпѣнная идея проектирована! Можно бы, эдакъ, составить маленькое общество, человекъ въ три-четыре, не болѣе, да и ходить-себѣ въ своей компаніи по разнымъ публичнымъ мѣстамъ, на гулянья, въ театръ и прочее. При случаѣ, лобкимъ манеромъ, какъ-бы эдакъ невзначай, затѣять исторію можно: даму благородную толкнуть, что-ли, или на моводь кому наступить, или плюнуть на благородную персону: плевалъ, дескать, въ сторону, а плевокъ по нечаянности попалъ въ неподобное мѣсто, яко-бы то-есть вѣтромъ отнесло. Всеконечно, при такомъ казусѣ, амбиціозный человекъ свою обидчивость покажетъ, а ты не уступай. Слово за слово, слово за слово — ну, и хватъ тебя въ рожу! Это очень часто бываетъ, и притомъ очень легко-съ. Вотъ я исторія. А тутъ сейчасъ и благородные свидѣтели, изъ своихъ-то, подвернутся: такъ и такъ, жалъ, сами видѣли, какъ ни зачто ни прочто бѣднаго, благороднаго человекъ оскорбили. Тому бы, примѣрно сказать, гулять

хочется въ веселой публикѣ, а тутъ его замѣсто того въ кварталъ поташутъ; за безчестіе, по закону, долженъ будетъ штрафъ платить, а не то, на мировую, любовною сдѣлкой пойдетъ. Тѣмъ, или инымъ путемъ, для компаніи все-таки выгода, и дивидендъ въ законномъ раздѣлѣ, потому—что такое рожа? Я васъ спрашиваю: что такое есть рожа?—въ сущности пустякъ-съ! Дорога честь, а не рожа! Въ законѣ установленъ штрафъ за что?—«за без-чес-ті-е-съ». Стало быть, коли рожу бьютъ, то законъ опредѣляетъ плату за честь, а не за рожу, ибо рожа, сама-по-себѣ—тьфу! А по чести-то и деньги у тебя въ карманѣ! Такъ-то-съ!

Проектъ отпѣтаго, да не похороненнаго, какъ разъ пришелся ко сердцу капитану Закурдайло. Онъ съ энтузіазмомъ одобрилъ его мысль, и немедленно предложилъ себя въ члены будущей ассоціаціи, такъ что благодаря его энергій, счастливая мысль Цахома Борисовича была приведена въ исполненіе скорѣе даже, чѣмъ тотъ предполагалъ. Подходящихъ членовъ подобрать было нетрудно. Борисычъ представилъ вихляваго мѣщаницишку, а Закурдайло — разстригу-дьякона, съ которымъ возжался еще и прежде, ибо оба они любили порхать по бабакамъ, и увеселять кабацкую публику концертнымъ пѣніемъ. Капитанъ тянулъ баритона, а разстрига спускалъ октаву — и кабацкая публика находила, что дуэты ихъ выходятъ весьма чувствительны.

Общество сформировалось и открыло кругъ своей дѣятельности. Ни одно загородное гулянье, ни одна иллюминація, ни одинъ парадъ гвардейскихъ войскъ и праздничный выходъ изъ церкви не проходилъ для него даромъ. Кто-нибудь изъ четырехъ членовъ непременно изловчался подставить подъ вѣскую руку свою физиономію, трое привязывались въ качествѣ свидѣтелей, и затѣвали неприятную исторію, по большей части кончавшуюся мировою сдѣлкой, въ результатъ которой оказывалась синенькая или красенькая бумажка съ неизбѣжнымъ пьянственнымъ загуломъ.

Почти невѣроятно, чтобы могъ существовать такой странный способъ добыванія денегъ, а между тѣмъ онъ существуетъ, и капитанъ Закурдайло чуть-ли не до нашихъ дней является почетнымъ представителемъ этого промысла.

— Плюнуть тебѣ въ рожу — ну, что жъ такое! Эка бѣда! Далеко-ли за платкомъ сходить? Винъ да оботрись, и вся недолга! Рожа — тѣфу! Своя вѣдь она, некупленная; а штрафъ за безчестіе, это — *жесузантри!* Это нѣчто существенное-съ! *Же стои аншементѣ шакъ фиа*, когда мнѣ, эдакъ, зайдутъ въ рожевенскую часть.

Ты только, другъ любезный, влѣпи мнѣ эдакое произведеніе вѣмецкой булочной, то-есть, по православному, по нашему, плюху-съ, а ужъ тамъ — *же се муа мэа*, какъ внушить тебѣ достожджное почтеніе къ капитанскому рангу!

Такова была мораль капитана Закурдаилы, и всѣ члены ассоціаціи раздѣляли ее безусловно.

Вторую комнату, какъ мы уже сказали, занимали женщины. Тамъ обитала кабая-то старушенція, изъ породы салопницъ, промышлявшая насчетъ христарадныхъ подацій по церковнымъ папертамъ, и ходившая въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца къ какой-то благодѣтельницѣ, получать свою скудную пенсію. Между жильцами майорской квартиры существовало прочное убѣжденіе, что старушенція не такъ бѣдна, какъ привидывается, и что въ сберегательной кассѣ у нея лежитъ не одна-таки сотняга.

Вторую жилищей состояла пожилая вдова-чиновница, которая дѣлала папиросныя гильзы и клеила аптечныя коробочки, доставляя себѣ этимъ занятіемъ убогій уголъ и дневное пропитаніе.

Обѣ старухи вѣчно ворчали и ссорились другъ съ дружкой, словно бы все не могли подѣлать чего-то межъ собою, но на такой разладъ никто не обращалъ вниманія, такъ-какъ распри ихъ прекращались сами-собою ровно два разъ въ сутки. И та и другая страстно любили пить кофей, и сколь бы ни ретива была ихъ ссора, передъ кофеемъ непремѣнно наступалъ миръ. Онѣ любили почему-то пить его непремѣнно вмѣстѣ. Но чуть лишь оказывался роспитымъ усладительный напитокъ—воркотня и ругань, ни съ того ни съ сего, поднимались снова, для того чтобы нестерпимо надоѣдать третьей злосчастной обитательницѣ этой труппы.

То была молодая дѣвушка, лѣтъ двадцати-трехъ, очень бѣдная и очень скромная швея. Она была замѣчательно некрасива собою — причина, по которой до сихъ поръ еще не нашлось у нея ни одного обожателя. Но швея знала свой недостатокъ, и насколько не претендовала на отсутствіе поклонниковъ. Она работала почти съ утра до ночи, и съ ночи до утра, билась какъ рыба объ ледъ, и добывала себѣ скудные гроши, лишь бы только заплатить за уголъ да быть сытой и кое-какъ одѣтой; на большее она ужъ и не рассчитывала да и мечтать не хотѣла

Непосильная работа изжелтіла ея лицо, а бессонныя ночи наложили на него глубокія, темныя подглазья. То было существованіе, достойное всякой жалости, которому и молодость не въ молодость, и жизнь не въ жизнь давалась. Ни звонкаго смѣху, ни веселой улыбки, ни беззаботной пѣсни, ни свѣтлой затаенной мечты — ничего не было у этой дѣвушки. Въ замѣнъ всѣхъ этихъ скудныхъ благъ, которыя красятъ собою каждую молодость, судьба удѣлила на ея долю только одно усердное корпѣніе надъ работой, да и работа, вдобавокъ, оказывалась подчасъ такъ быстро неблагодарной. Она была бѣлошвейка, и брала заказы изъ магазиновъ, гдѣ за каждую штуку платили ей отъ тридцати до семидесяти-пяти копеекъ. Иныя изъ швеекъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, откапливаютъ себѣ помаленьку часть заработка, мечтая современемъ составить капиталішко въ двѣ-три сотни рубльишекъ, чтобы выдти съ ними замужъ за какого-нибудь писарька или лакея, но Ксѣша (ее звали Ксѣшей) и этого не дѣлала. Не было у нея здѣсь ни брата, ни родни, ни доброй подруги, и только въ какомъ-то уѣздномъ городишкѣ проживала старуха-мать съ семействомъ малъ-мала-меньше, для которой работниця-дочка ежемѣсячно посылала весь остатокъ своего скуднаго заработка. Чувствовала-ли она себя несчастной, или нѣтъ—про то никто не вѣдалъ, такъ-какъ никто нпкогда не слыхалъ отъ нея ни малѣйшей жалобы на свою долю. Это было существо доброе, сосредоточенно-замкнутое въ самомъ себѣ и вполнѣ одинокое. Ее скорѣе бы можно было назвать рабочей машиной, чѣмъ двадцатитрехлѣтнею дѣвушкой.

Таковъ былъ комплектъ женской берлоги.

Четвертый уголь оставался незанятымъ и гостепріимно ждалъ себѣ новую жилицу.

Третью комнату занималъ старикъ нѣмецъ съ двумя дочерьми. Она была меньше двухъ остальныхъ и ходила за десять рублей въ мѣсяцъ. Ситцевая занавѣска дѣлила ее на двѣ половины. Въ задней помѣщалась двѣ дѣвушки съ убогимъ хламомъ своихъ юбокъ, платьишекъ и подбитыхъ вѣтромъ бурнусишекъ; а въ передней, за бумажными ширмами, ютилась кровать старика отца. Тутъ царствовала нѣмецкая чистота и порядокъ, представляя самый разительный контрастъ съ двумя только-что описан-

ными берлогами, но... гнетущая бѣдность и словно ржа разъѣдающая нищета выглядывали изъ каждаго угла этой комнаты, не смотря на всю ея аккуратную чистоту и опрятность. У одной стѣны помѣщались разбитыя древніе клавиборды, на которыхъ въ отличномъ порядкѣ громоздились тетради испсанной потной бумаги, а обоевъ съ клавибордами, вдоль ситцевой, завѣсѣвъ, прислонился маленькій диванчикъ со столомъ, покрытымъ чистой салфеткой. На стѣнѣ висѣла скрипка, да кабая-то старая нѣмецкая гравюра духовнаго содержания, и литографированные портреты Моцарта, Бетховена и Глюка; а на стѣнѣ противоположной, близъ окна, гдѣ стоялъ маленькій рабочій столикъ съ письменными принадлежностями, красовалась подъ стекломъ—очень тщательно, съ каллиграфическимъ искусствомъ выведенная надпись: *оца еѣ ѣавага*. Каллиграфическое произведение это было вставлено въ рамочку, оклеенную золотымъ бордюромъ, который позволялъ предполагать, что эта рамочка, равно какъ и каллиграфія, суть произведенія рукъ самого хозяина этой чистенькой комнаты. На окнѣ, за висейными занавѣсками, стоялъ горшокъ пахучаго геранія, а надъ нимъ висѣла простенькая вѣтка съ голосистой канарейкой.

Таковъ былъ внѣшній видъ скромной комнаты, въ которой, какъ мы сказали уже, помѣщались трое обитателей. Глава населяющаго ее семейства назывался Германъ Типпнеръ. Это былъ высокій, худощавый нѣмецъ съ лицомъ безконечно честнымъ и благочестивымъ. Рѣденькая борода и такіе же усы, да вьющіеся назадъ волосы, давали ему наружность артиста былыхъ временъ. Осунувшаяся фигура его всегда казалась нѣскольکو согнутой, какъ-бы подавшеяся впередъ отъ непосильной ноши, и Богъ-вѣсть, согнули-ль его такъ дѣта, или многолѣтнее горе. Онъ былъ человекъ очень тихій и кроткій. Старческий голосъ его дышалъ задушевною мягкостью, и въ выразительныхъ глазахъ свѣтилась доброта неизмѣримая и грусть безконечная, особенно въ тѣ минуты, когда онъ разговаривалъ со своими дочерями.

Германъ Типпнеръ вдовѣлъ уже дѣтъ тринадцать, и въ теченіе этого времени, каждый годъ, въ день смерти своей доброй жены, неизмѣнно посѣщалъ ея одинокую могилу, пріютившуюся съ бѣлымъ крестомъ подъ двумя тощими березками, на нѣмецкомъ Смоленскомъ кладбищѣ. На этой могилѣ старикъ проводилъ по нѣскольکو часовъ, погруженный въ глубокую благочестивую задумчивость да въ воспоминанія о прошломъ, которыя, вѣроятно,

были для него самыми свѣтлыми и грустно-отрадными. Все счастье и радость его жизни заключались въ двухъ дочерахъ. Старшую, восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, гибкую и томную блондинку, вполне нѣмецкую красавицу, звали Луизой, а младшая, четырнадцатилѣтняя Христина, была еще почти ребенокъ, но ребенокъ съ искоркой, которая особенно ярко сверкала въ ея живыхъ яркихъ глазахъ, и это сверканіе сопровождалось всегда игриво-граціозной ухваткой движеній, напоминавшихъ молодую кошечку. Старикъ не чаялъ души въ обѣихъ. Старшая напоминала Герману Типпнеру его самого, въ былые юные годы, а въ младшую, казалось, перевоплотилась душа ея покойной матери. Христина еще до сихъ поръ ходила по сосѣдству въ маленькую нѣмецкую школу, и старикъ съ большою тщательностью наблюдалъ за успѣхами ея ученія

Луиза зарабатывала кой-какія скудные деньжонки переписываніемъ нотъ и нѣмецкихъ рукописей, которыя иногда добывала для нея приходскія пасторы.

Еслибы можно было кому, въ прамомъ и самомъ лучшемъ смыслѣ, дать имя *хорошихъ дѣвушекъ*, то это именно дочерямъ Германа Типпнера. Но крайней-мѣрѣ, самъ Германъ Типпнеръ думалъ не иначе, какъ такимъ образомъ. Онъ ревниво заботился сначала объ ихъ воспитаніи, объ ихъ ученіи, а впослѣдствіи о томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ хорошихъ и честныхъ людей.

— Ваша мать была добрая и честная женщина, неоднократно говаривала мнѣ старикъ, лаская у своей груди и ту и другую:— она любила и васъ и меня, да и весь божій міръ она любила, всѣхъ людей любила... Ни объ комъ я не слышалъ отъ нея дурнаго слова... Она умѣла любить и прощать. Будьте и вы, мои дѣти, такіе, какъ она. Я хочу, чтобы вы были добрыми и честными.

Дѣйствительно, мысль сдѣлать изъ обѣихъ дѣвушекъ добрыхъ и честныхъ женщинъ, была его завѣтною мечтою, его любимой надеждой. Одно только смущало старика: чувствовалъ онъ, что годы берутъ свое, что дряхлость и слабость не дремятъ и ведутъ за собою скорую смерть. И порою обдавало его холоднымъ ужасомъ при мысли, что послѣ этой неумолимой смерти, его дѣти останутся одни-одиношенки на всемъ бѣломъ свѣтѣ, безъ родной души, безъ добраго совѣта, безъ средствъ и поддержки на жизненномъ распутіи. Въ такіе минуты старикъ начиналъ

молиться—и смутная надежда на что-то хорошее, вмѣстѣ съ теплой вѣрой въ то, что Богъ не попуститъ ихъ свернуться съ честнаго пути, опять на нѣсколько времени живоительно поселилась въ его сердцѣ.

Жизнь Германа Типпнера могла назваться разбитой. Отъ колебательныхъ до послѣднихъ дней своихъ, онъ пресмыкался въ бѣдности. Былъ у него тутъ же, въ Петербургѣ, одинъ близкій и очень богатый родственникъ, негоціантъ, обладавшій на Васильевскомъ Острову огромнымъ домомъ, и даже носившій съ Германомъ одну и ту же фамилію; но богатый не хотѣлъ знать бѣднаго, именно потому, что тотъ бѣденъ, а Германъ Типпнеръ былъ на столько гордъ и самолюбивъ, что никогда не позволилъ себѣ обратиться къ нему за помощью. Всѣ надежды на судьбу дочерей, послѣ своей смерти, возлагалъ онъ на пастора, на имя котораго приготовилъ даже посмертное письмо, гдѣ высказывалъ молящую надежду на то, что его Луиза и Христина не будутъ погнупты и что пасторъ, во имя христіанскаго милосердія, пристроитъ ихъ въ какому нибудь мѣсту, въ какому нибудь честному труду и занятію.

Мы сказали, что жизнь этого старика могла назваться разбитой, и разбила ее не одна только неисходная бѣдность. Онъ былъ музыкантъ, и страстно, до обожанія любилъ свое искусство, которому посвятилъ себя чуть ли не съ дѣтства, и занимался имъ усидчиво, добросовѣстно, какъ только можетъ заниматься истинный нѣмецъ; но злая мачиха судьба и тутъ стала ему поперегъ дороги. Чуть что не самоучкой овладѣлъ онъ двумя инструментами, фортепьяно и скрипкою, основательно прошелъ всю музыкальную теорію, контра-пунктъ и генерал-басъ, когда на восемнадцатомъ году отроду впервые постигло его творческое вдохновеніе. Онъ написалъ сонату, обработалъ ее отчетливо до послѣдней степени, и, не чуя подъ собою ногъ отъ восторга, повесъ свое дѣтище къ музыкальному издателю. Музыкальный издатель принялъ его холодно, почти даже сухо, замѣтивъ, что первые труды молодыхъ композиторовъ почти всегда ни къ чорту не годятся, и обѣщалъ какъ-нибудь на досугъ просмотрѣть его работу, а самому композитору наказалъ понавѣдаться недѣли черезъ три за отвѣтомъ.

Изо дня въ день нетерпѣливо ждалъ Германъ окончанія назначеннаго срока, и ровно черезъ три недѣли предсталъ предъ свое-

го судію. Судія напрямикъ объявилъ, что пьеса плоха до послѣдней крайности, что въ ней видна только мелкая кропотливость, и нѣтъ ни на грошъ того, что зовется вдохновеніемъ, талантомъ, и въ заключеніе посовѣтоваль признаться лучше какимъ нибудь другимъ, болѣе полезнымъ дѣломъ, чѣмъ нанизывать ноты подобнаго вздору.

Разочарованіе было ужасное. Юный пѣмецъ, еле волоча ноги, пошелъ домой, съ глухимъ рыданіемъ въ груди, путаницей въ головѣ и отчаяніемъ въ сердцѣ. Мечты и надежды его впервые были разбиты. Но прошла недѣля, прошла другая — и отчаяніе не одолѣло его до конца. Молодость и вѣра въ свои силы взяли-таки свое. Надежда опять вернулась къ нему—и Типпнеръ принялся работать надъ собою еще пуще прежняго.

Кой-какъ перебиваясь ничтожными уроками да фортепьяннымъ брячаніемъ на чиновничьихъ вечеринкахъ, просуществовалъ онъ три года, а самъ въ это время все работалъ да работалъ, изучая творенія великихъ композиторовъ и часто подавляя въ себѣ свое собственное вдохновеніе.

Наконецъ-таки натура не выдержала, и Германъ Типпнеръ сталъ снова творить. Но и второе его дѣтище постигла та же самая участь. У двухъ-трехъ издателей онъ встрѣтилъ полный отказъ. Посовѣтоваться было не съ кѣмъ. Самъ онъ по натурѣ своей былъ на столько робокъ и скромнень, что не дерзнулъ ни разу явиться за покровительствомъ къ какой-нибудь изъ мѣстныхъ музыкальныхъ знаменитостей, а присяжныхъ издателей—самолюбіе его не позволяло ему считать истинными дѣвителями.

Продолжая жить съ помощью уроковъ и вечерночнаго тапѣрства, онъ все-таки писалъ, когда чувствовалъ приливъ вдохновенія, и занимался этимъ дѣломъ упорно, настойчиво, отстраняя отъ себя всякую возможность сомнѣнія въ своемъ талантѣ и силахъ. Писалъ онъ и сонаты, и опереты, для которыхъ самъ сочинялъ слова, создалъ даже три ораторіи и нѣсколько мессъ; пробовалъ себя и на полькахъ, и на кадриликахъ; выходили изъ-подъ пера его и ретивыя мазурки и фантастическіе вальсы, но... увы! всему этому никогда не суждено было увидѣть свѣтъ божій. Напечатать все-таки не удавалось ни одной вещицы—и гряда музыкальныхъ произведеній Германа Типпнера, въ отличномъ порядкѣ, спокойно лежала-себѣ на его рабочей этажеркѣ, доставляя ему время отъ времени самое невинное удовольствіе, пересмат-

ривать тетрадь за тетрадью и считать ихъ отъ *opus 1* — чуть ли не до бесконечности.

Такъ это дѣло продолжалось и до сихъ поръ. Германъ Типпнеръ втайнѣ былъ озлобленъ противъ всѣхъ, безъ исключенія, музыкальныхъ издателей, въ глубинѣ души своей считалъ себя непризнаннымъ талантомъ — и такое его убѣжденіе чуть ли не было дѣйствительно справедливымъ. Онъ настойчиво продолжалъ вѣровать въ силу своего таланта, и время отъ времени все творилъ и творилъ, потому что въ этомъ творчествѣ была его нравственная жизнь, его духовная потребность. Уже давно отказался онъ отъ мысли повѣдать свѣту плоды своего генія. Надежда славы казалась приманчивой только до тѣхъ поръ, пока въ груди кипѣла молодость и жажда жизни. Но отлетѣло и то и другое, а съ этимъ отлетомъ угасло и желаніе извѣстности. Теперь уже Германъ Типпнеръ творилъ для себя — и только для себя одного. Ему не нужно было ни похвалъ, ни одобреній, ибо въ сущности нужно было только какъ-нибудь излить боль своего сердца.

Это былъ поэтъ въ душѣ — поэтъ по всей своей натурѣ. Часто, бывало, подъ вечеръ, проснувшись отъ послѣобѣденнаго сна, когда на дворѣ давно уже сгущались сумерки, а фрейлейнъ Луиза изъ экономіи не зажигала свѣчу, Германъ Типпнеръ снималъ со стѣны свою скрипку, и усѣвшись въ уголокъ диванчика, начиналъ фантазировать. Струны подъ его смычкомъ то ныли и плакали скорбно, то разражались рокотаніемъ страсти и переливами игриваго смѣха, то дрожали вздохомъ безконечной грусти, и любви, и нѣги, и разливались въ тоскѣ безпредѣльной, какъ степь туманная, и глубокой, какъ море, то, наконецъ, звучали какими-то — если можно такъ выразиться — готическо-мистическими святыми аккордами религіознаго гимна.

Двѣ дѣвушки, затанувъ дыханіе и уютно прижавшись другъ къ другу, чуевымъ сердцемъ ловили эти звуки, сидя тоже въ какомъ-нибудь уголочкѣ.

А сумерки все гуще и темнѣе заглядывали въ окно и разливали таинственный мракъ по комнатѣ... И нужды нѣтъ старику, что за стѣной идетъ перебранка двухъ старухъ-жиличекъ, а съ другой стороны раздается дѣтскій визгъ и нѣсна няняго Закурдайлн.

Онъ игралъ-себѣ, погруженный въ полное и отрадное само-

забвеніе, играть пока игралось, пока душа его просила звуковъ, пока она досыта не упивалась ими.

Тогда старикъ съ глубокимъ вздохомъ оставялъ свою скрипку и вѣшалъ ее на обычное мѣсто. Луиза зажигала свѣчу, внезапный свѣтъ которой, послѣ густыхъ потемокъ, неприятно рѣзала глаза, какъ будто возвращая ихъ къ печальной дѣйствительности изъ только что покинутаго міра грѣзъ и фантазій. Старикъ торопливо натягивалъ свой старенькій, потертый скюртукъ, тихо цаловалъ въ лобъ своихъ дочерей, и уходилъ изъ дому какой-то грустный, отчасти смущенный и словно бы недовольный чѣмъ-то.

Итакъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, уходилъ онъ каждый вечеръ—уходилъ даже и тогда, когда чувствовалъ себя нѣсколько нездоровымъ, и никакія просьбы дочерей не могли удержатъ его дома. Онъ перемогался на сколько хватало силъ, и все-таки шелъ куда-то, возвращаясь домой уже къ пяти часамъ утра, и каждый разъ приносилъ въ карманѣ пятьдесятъ копеекъ серебромъ, которыя поутру вручались Луизѣ на дневные расходы по хозяйству.

Иногда приносилъ онъ и нѣсколько больше, даже около рубля, но никогда не меньше полтинника. Куда именно исчезаетъ старикъ каждый вечеръ, и гдѣ проводитъ большую половину ночи—того никто не вѣдалъ: онъ отъ всѣхъ скрывалъ это очень тщательно, а отъ дочерей своихъ даже болѣе, чѣмъ отъ кого либо; и если дѣлались ему когда вопросы насчетъ этихъ исчезновеній, онъ, по возможности кратче, старался отдѣлаться немногословнымъ объясненіемъ, что ходитъ, молъ, играть на фортепьяно по разнымъ вечеринкамъ. Но многіе весьма основательно сомнѣвались въ справедливости такого объясненія, и строили разныя догадки, иногда попадали и на дѣйствительно вѣрныя предположенія.

Музыкальные уроки, которые давалъ Типпнеръ, еще и въ молодости его не отличались особеннымъ изобиліемъ, а подъ старость и вовсе прекратились, такъ-какъ въ Петербургѣ фортепьянными учителями, и безъ Германа Типпнера, хоть огородъ городи; да и на вечериночное тапёрство развелось очень много конкурентовъ, которые были моложе и, стало быть, несравненно выносливѣе его. Говяться за тѣмъ и другимъ стало уже старику не подсилу. Пришлось оставить и учительство, и хожденіе по вечеринкамъ. Надо было подумать о чемъ нибудь болѣе проч-

номъ, въ родѣ постоянного мѣста, что давало бы извѣстныя, опредѣленныя средства къ жизни. Старикъ долго искалъ, и, наконецъ, нашелъ подходящее.

Съ этихъ-то поръ и начались его ежевечернія исчезновенія.

Онъ порядился съ одною толстою содержательницею одного веселаго дома въ Фонарномъ переулкѣ, за пятьдесятъ копеекъ въ ночь, бренчать кадрили, польки и вальсы, ради увеселенія ея многочисленныхъ посѣтителей. Такимъ образомъ у него были пятнадцать рублей въ мѣсяцъ вѣрнаго обезпеченія. Но при платѣ двухъ третей этой суммы за квартиру, конечно, остальные пять рублей оказывались далеко недостаточными на всѣ прочія житейскія потребности. Германъ Типпнеръ и тутъ ухитрился. Въ началѣ каждаго вечера, садясь за инструментъ въ залѣ веселаго дома, онъ клалъ на развернутый нотный листъ нѣсколько серебряной мелочи, а иногда даже и рублевую бумажку—словно бы эти деньги положили ему посѣтителю за его труды. Маленькая хитрость часто приносила удовлетворительные результаты, потому что иные подавались на эту невинную удочку, и тогда, къ слѣдующему утру, въ карманѣ старика-тапёра оказывалось нѣсколькими копейками болѣе положенной платы. Его дочери могли разсчитывать на лишнее блюдо за обѣдомъ.

Онъ исполнялъ свою обязанность усердно и добросовѣстно, потому что ничего не умѣлъ исполнять иначе. Пятьдесятъ копеекъ еженочно доставались ему усталостью, отекомъ мускуловъ рукъ и ланогой пальцевъ, доходившей подъ утро почти до онѣмѣннн. Но старикъ помнилъ, что онъ зарабатываетъ кусокъ хлѣба для дочерей, и старался увѣрить себя, что это все ничего, что это ему дѣло привычное. А старость и дряхлость брали-таки свое, годъ отъ году больше: играть въ теченіе восьми-деяти часовъ, играть ночью становилось уже куда-какъ трудно! Но Германъ Типпнеръ вспоминалъ дочерей, покойно спавшихъ теперь за старенькой ситцевой занавѣской, и—бодрился.

Его любили почти всѣ молодыя обитательницы веселаго дома, потому что онъ былъ такой тихій, кроткій, и ласковый съ ними, и такой добрый, что никогда не отказывалъ имъ сыграть то, что его просили. Да и Германъ Типпнеръ тоже любилъ ихъ. Въ антрактахъ между брянчаньемъ кадрили и полекъ, когда сидѣлъ онъ, бывало, за инструментомъ, откинувшись на спинку своего стула и глядѣлъ на мельбавшихъ передъ нимъ разраженныхъ дѣвушекъ—

въ глазахъ его свѣтилось столько тихой грусти, столько добраго, христіанскаго состраданія и сочувствія къ нимъ, что этотъ взглядъ порою не могъ остаться незамѣченъ и непонятъ ими. Если кто-нибудь изъ посѣтителей грубо и дерзко обращался съ какою-нибудь дѣвушкой, Германъ Типпнеръ, сдерживая въ себѣ закипавшее негодованіе, съ твердой смѣлостью подходилъ къ нему и, стараясь не обидѣть, но тѣмъ не менѣе открыто и рѣшительно заявлялъ, что обижать бѣдную дѣвушку нехорошо, нечестно, что у нея нѣтъ тутъ ни отца, ни брата и вступить за нее некому. Такое донкихотство старика-тапѣра, болѣею частью, встрѣчало въ отпоръ себѣ обидныя дерзости и насмѣшки, за которыя онъ платилъ однимъ только гордо презрительнымъ взглядомъ и шолъ на свое мѣсто, ибо, въ силу условія съ толстой хозяйкой, лишень былъ права заводить какія бы то ни было неприятныя исторіи съ посѣтителями, за что уже и получалъ отъ нея неоднократныя выговоры; но — все-таки никакъ порою не могъ воздержаться отъ своихъ донкихотскихъ порывовъ, потому что натура его непереносно возмущалась всякимъ оскорбленіемъ, наносимымъ всякому беззащитному существу, а тѣмъ болѣе женщинѣ, и одна только боязнь лишиться вѣрнаго куска хлѣба для своихъ дочерей заставляла его безмолвствовать на дерзости и оскорбленія, наносимыя ему лично. Обитательницы веселаго дома никогда не потѣшались надъ нимъ и не дѣлали ему неприятностей: онъ умѣлъ себя поставить съ ними такъ, что онѣ его любили и даже нѣсколько уважали. Но какою острою тоской ущемлялось его сердце каждый разъ, когда въ веселомъ домѣ появлялась какая-нибудь новая, молодая и еще свѣжая паясционерка! — «Боже мой, боже мой!» занимала тогда его душа: «что, если... если и мои дочерп... Послѣ моей смерти... нужда, молодость, неопытность, голодъ... Что, если и онѣ!»... Изъ глазъ его готовы были течь горькія слезы, а тутъ надо было разыгрывать веселые ваньшны да польки.

III.

Всѣ углы заняты.

Мы сказали уже, что въ женской берлогѣ майора Спицы одинъ уголъ, остававшійся свободнымъ, ждалъ новой жилицы.

Когда послѣ скандала, случившагося въ убѣжищѣ кающихся грѣшницъ, Маша очутилась опять на волѣ, съ тридцатью рублями

въ карманѣ, она болѣе свѣтлыми глазами взглянула на міръ божій. Тридцать рублей были для нея теперь очень большія деньги.

— Ты куда думаешь? спросила ее пріютская товарка, раздѣлявшая съ нею въ данную минуту одинаковую участь.

— А право, не знаю. Все это такъ неожиданно... не сообразила пока еще, пожала плечами Маша:—думаю работать... Комнату, или уголь какой надо будетъ отыскать.

— Хе-хе! Толкуй про ольховую дудку — я тебѣ буду говорить про березовую! нагло усмѣхнулась ей товарка. — Думаешь, такъ-то и проживешь одной работой?

— Какъ не прожить! возразила Маша: — много-ли одной-то мнѣ надо?

— Ни много, ни мало, а ѣсть-пить захочешь; тѣло грѣшное тоже прикрышки какой попросить; а какая работа твоя будетъ?

— Мало-ли кака! — шить стану...

— А еще чтѣ?

— Ну, вотъ, шить... Чего жъ еще больше?

— Эхъ, кума! въ Саксоніи ты, видно, не бывала. Все-то оно ладно слѣжено, да не про насъ писано. Не бойсь, братъ, въ добавокъ къ работѣ и Невсваго прищепку прихватить придется — это ужъ не безъ того!

— Ну, чтѣ, ворона ты, каргаешь! поморщилась на нее дѣвушка. — По твоему ужъ честно и прожить нельзя?

— Э, дѣвушка, что и честь, коли нечего ѣсть. Честью сыта не будешь.

— Честью не буду, а работой буду.

— Какова работа. — Работа работѣ рознь. А впрочемъ, что жъ, я ничего. Поди, попытайся!

— И попытаюсь.

— Ну, а куда жъ ты теперь-то?

— Да говорю тебѣ, не знаю еще!

— Вотъ то-то оно и есть! Хочешь, пойдемъ вмѣстѣ, поищемъ заодно фатеру? А не тѣ, сведу-ка я тебя лучше къ одной знакомой моей, Прахиной, Александрѣ Пахомовнѣ. — Она тебѣ все чтѣ хочешь, и фатеру, и работу отыщетъ. Ну, конѣшное дѣло, придется поблагодарить ее рублишкой-другимъ — а то она все это можетъ, говорю тебѣ.

— Пожалуй, я не прочь — подумавъ, согласилась Маша.

Этотъ разговоръ происходилъ въ надворномъ флигелѣ Савелія Никаноровича, почти тотчасъ послѣ того, какъ обѣ спасавшіяся дѣвушки получили на руки положенную имъ сумму. Немедля почти ни минуты, собрались онѣ и отправились въ Среднюю Мѣщанскую.

Сашенька-матушка встрѣтила обѣихъ довольно радушно. Одна была ей уже старая, давнишняя знакомка, другая же — оказалась на столько молода и хороша собою, что ловкая агентша генеральши фон-Шпильце, ради собственныхъ дальновидныхъ цѣлей, и не позволяла бы себѣ сдѣлать ей иной пріемъ, высшая вѣжливость котораго заключалась въ томъ, что она не пожалѣла даже заварить для нихъ кофей.

Раза два или три удалось Машѣ подмѣтить пристально-пытливыя взгляды, которые, время отъ времени, видала на нее Александра Пахомовна.

— Чтѣ это, гляжу я на васъ, и все-то мнѣ сдается, словно бы я васъ когда-то видѣла, сказала она наконецъ своей новой знакомкѣ.

— Хм!... можетъ быть, усмѣхнулась Маша.

— Нѣтъ, право, словно бы видѣла гдѣ-то... Лицо ваше очинво мнѣ знакомо... Да стойте-ка, стойте! приложивъ руку ко лбу, стала припоминать Сашенька-матушка: — чуть ли я не у генеральши васъ видѣла... Генеральшу фон-Шпильце — знаете?

Маша вспыхнула, и даже невольнo какъ-то сконфузилась.

— Да, знаю, процѣдила она съвозъ зубы.

— Ну, такъ и есть! Она васъ молодому князю Шадурскому сосватала — такъ-ли я говорю?

Маша потушилась, и не знала чтѣ отвѣчать.

— Ахъ, молодая барышня, какія вы конфузливья!... А вы со мною по простотѣ — я человѣкъ открытый. Ну, да, вотъ точно: чѣмъ больше гляжу на васъ, тѣмъ больше вспоминаю. Вѣдь сосватала она васъ? Чего скрывать-то! Вѣдь правда?

— Да, къ несчастію, правда, съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнія прошептала дѣвушка.

— Фю-ю! нагло присвистнула агентша: — есть о чемъ сокрушаться! Чего тутъ? — Не одинъ, такъ другой, не другой, такъ третій! Было бы болото, а черти найдутся, пословица-то говорится.

Машѣ стало неловко, отчасти даже скверно, и вообще, какъ-то не по себѣ послѣ этихъ безцеремонныхъ словъ.

— Миѣ не надо ни одного, ни другого, ни третьяго, промолвила она, безразлично глядя въ сторону. — Довольно!... Будеть ужь съ меня бродить этой дорогой!

— Вишь ты, въ честности соблюдать себя желаетъ, съ благодушной издѣвкой поддѣкнула, мигнувъ на нее, бывшая товарка:— хочеть бѣльѣ тамъ да платья, что-ли, шить, да съ того, слышь ты, и жить-себѣ думаетъ. Ха-ха-ха!... вотъ простота-то простѣдкая! Слышь ты, съ эвтого и жить, съ работы-то!

Александра Пахомовна пристально посмотрѣла на Машу испытующимъ взглядомъ, по которому можно было замѣтить, что въ головѣ ея возникаютъ различные планы и соображенія.

— Что жь! медленно проговорила она, зажигая въ зубахъ папирску: — и это дѣло хорошее. Коли есть добрая воля—зачѣмъ не жить? Я даже, съ своей стороны, очень этимъ довольна, а коли хотите, могу и работу принскать вамъ. У меня есть знакомство въ разныхъ хорошихъ домахъ: у полковницы Потлажанъ, наиримѣрь, у полковницы Крючкиной — вотъ сиклитарша Цѣхина тоже — мужъ въ синати служить — все очинно благородныя дамы, и отъ нихъ даже очинно хорошіе заказы бывають.

— Да, вотъ это другое дѣло, согласилась Маша: — и если вы миѣ *съ этомъ* поможете, скажу вамъ большое спасибо.

Сашенька-матушка обѣщала помочь непременно, и дѣйствительно, съ большой охотой поусердствовала обѣимъ. Одну пристроила въ ея прежнихъ, допріютскимъ занятіямъ, а другую, за немѣнѣемъ угла у себя самой, помѣстила напротивъ, дверь въ дверь, въ женскую берлогу майора Спицы, гдѣ и заняла Маша единственный свободный уголокъ.

У нея не было ни мѣбели, ни кровати, ни тюфяка, ни подушки, но предупредительный майоръ поспѣшилъ заявить, что ничего этого не требуется, такъ-какъ у него можно получить квартиру со столомъ и постелью, за что, конечно, взимается особая, хотя очень скромная плата.

— Пять рубликовъ вы миѣ заплатите за уголокъ, высчитываль онъ по пальцамъ своей новой жилищѣ: — три рубляка пойдуть за кроватью съ тюфячкомъ и подушкой, да семь рубликовъ на харча. Горячее ужь, конечно, ваше — мои только обѣды и фрштыны. Итого, значить, патнадцать рубликовъ. Деньги, конечно, впе-

редъ, за каждый мѣсяцъ — ужъ у меня, извините, такое правило. Но это, доложу вамъ, дешевле пареной рѣпы-съ! коротко поглосьясь, объяснилъ онъ въ заключеніе.

Маша, по обыкновенію своей кроткой, податливой природы, и тутъ не заспорила. Да впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ, и спорить было не о чемъ.

Майоръ, благодаря Сашенькѣ-матушкѣ, взялъ съ новой жилицы безобидную цѣну, что, впрочемъ, произошло по особой причинѣ, такъ-какъ Сашенька-матушка, прежде чѣмъ рекомендовать ее въ жилицы, не преминула забѣжать на минутку въ майорскую спальню, и тамъ секретно пошупукалась о чемъ-то съ обоими супругами.

И вотъ зажила Маша въ обществѣ двухъ ворчливыхъ старухъ да работающей швейки.

IV.

Ш в и я.

Александра Пахомовна Пряхина явилась непрошеной, но очень усердной благодѣтельницей и заботницей для молодой дѣвушки. Она такъ заботилась о всѣхъ ея нуждахъ, и даже старалась доставить ей кой-какія удовольствія, что Маша рѣшительно не знала, что и подумать, мирясь на томъ отрадномъ убѣжденіи, что вотъ, молъ, есть же еще на свѣтѣ истинно добрыя, безкорыстно хорошія души. Дня не проходило безъ того, чтобы не забѣжала Пахомовна къ Машѣ съ приглашеніемъ покаявать за чашкой кофею, и во время этихъ кофейныхъ каляканій, она мало-по-малу вступила въ роль какой-то протектрисы надъ нею, такъ что Маша, послѣ первыхъ двухъ недѣль, почти и сама не замѣтила, какъ, по гибкости своей природы, совершенно поддалась этому непрошеному протекторству и вліанію. Александра Пахомовна какимъ-то зоркимъ окомъ всегда, почему-то, умѣла очень предупредительно угадывать всѣ ея нужды и потребности. Замѣтила она, что на плечахъ у Маши всего только и есть одно платьишко, да одна смѣна бѣлья, да еще плоховѣкій бурнусикъ съ поношеннымъ ковровымъ платкомъ, и очень любезно предложила справить ей всѣ необходимыя вещи на собственный счетъ, съ тѣмъ, что деньги будутъ отданы, когда она доставить ей обѣщанную работу.

Но дни проходили за днями, а работа все какъ-то не наклѣвывалась. Ни полковница Потлажанъ, ни секретарша Цыкина не

представляли заказовъ, на которые была такъ щедра въ своихъ посулахъ Сашенька-матушка. Впрочемъ, она ободряла дѣвушку, поддерживая въ ней надежду на скорое полученіе работы.

Маша не любила ходить неряхой, а Пряжина всё посулы свои на счетъ полковницы и секретарши умѣла всегда облечь такою правдоподобностію и очевиднымъ вѣроятіемъ, что молодая дѣвушка не находила никакихъ причинъ отказаться отъ одолженій своей новой патронессы. Появились на ней и два-три новыя платьица, и нѣсколько перемѣнъ бѣлья, и скромная, но хорошенькая шляпка, съ нарядными полусапожками—словомъ, Маша стала одѣта, «какъ и всѣ»—чистенько и очень прилично. Это ее немножко занимало, какъ и каждую молодую дѣвушку, тѣмъ болѣе, что справляя себѣ всё эти вещи, она надѣялась заплатить за нихъ своею трудовою копейкою. Сашенька-матушка, надо отдать ей полную справедливость, умѣла очень ловко обморочить ее надеждою будущихъ заказовъ и собственной своей добротою.

Она даже и въ театрѣ раза два сводила ее съ собою, сводила, конечно, не въ литерную ложу, какъ нѣкогда генеральша фон-Шпильце, а въ балконъ—попроще и подешевле. И это нѣсколько развлекло бѣдную дѣвушку отъ всѣхъ ея тяжелыхъ думъ и ощущеній, которыя слишкомъ тяжеловѣсною массою непосильно налегали на нее уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Ей просто хотѣлось отдохнуть, забыться, развлечься немножко, страхнуть съ себя грузъ, наваленный жизнью, и разсѣять кошмаръ, давившій грудь и голову. Это была просто необходимая нравственная потребность нравственно усталого человѣка, и она, словно опіумомъ одурманенная, подъ вліяніемъ Александры Пахомовны, да по призыву своей молодости, поддавалась беззавѣтно этому нравственному влеченію къ покою и разсѣянію, не подозрѣвая, что тутъ-то для нея и готовится новая паутина.

Почти и не замѣтила она, какъ и куда ушли у нея по мелочамъ остальные пятнадцать рублей и ушли очень скоро. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ денегъ не осталось ни копейки, а тутъ надо опять за квартиру платить. Сашенька-матушка очень любезно предложила ей занять пока у себя. Маша согласилась и сквиталась такимъ образомъ съ майоромъ Спицой, а работы все нѣтъ да нѣтъ, и Сашенька-матушка, знай-себѣ остается при прежнихъ разнообразныхъ посулахъ.

Наконецъ такое поведеніе этой патронессы нѣсколько озадачило Машу.

«Тутъ что-нибудь да не такъ», подумала она, и рѣшилась искать себѣ занятій изъ другого источника.

Подходящимъ источникомъ въ этомъ случаѣ оказалась ей молчаливая швейка Ксѣша, къ которой она и обратилась съ просьбой, не возьмется ли та порекомендовать ее въ какой нибудь магазинъ для швейнаго дѣла.

— Ну, ужь, право, не знаю, какъ вамъ сказать, нахмуривъ брови, отвѣтила Ксѣша на ея вопросъ: — я сама рада-радехонька, коли и себѣ-то достану лишнюю работишку; вѣрьте-богу, и на себя-то выручки почѣсть ни на эстолько-вотъ не хватаетъ. А впрочемъ, можетъ быть; поспрошаю у кого нибудь, авось и отыщется.

Результатъ, съ первыхъ же словъ, обѣщаль быть мало надежнымъ, а въ душу Машы межъ тѣмъ стали закрадываться разныя черныя думы, которыя еще усилились въ ней послѣ того, какъ Александра Пахомовна позвала ее однажды на чашку кофею, да промежъ посторонняго разговора стала вдругъ мяться, говорить о трудныхъ временахъ, о стѣсненномъ своемъ положеніи, и намекать на то, что всѣ люди, моля, смертные, и мало-ли что можетъ случиться, что кромѣ смерти, и неблагодарность въ людяхъ большая бываетъ, такъ что забываютъ они даже и то хорошее, что было имъ сдѣлано въ трудныя минуты.

Маша сначала не поняла, куда именно она клонить, за то тѣмъ неожиданнѣй поразило ее внезапное заключеніе Пахомовны, къ которому разомъ перешла она послѣ всѣхъ этихъ прелюдій. А заключеніе состояло въ томъ, что подала она Машѣ маленькій счетецъ забраннымъ у нея деньгамъ на вещи и квартиру, по которому дѣвушка оказалась ей должна девяносто-шесть рублей и сколько-то копеекъ. Машу прошибъ холодный потъ отъ этой ужасной цифры; однако, признавая справедливость сашенькиной претензіи, она безпрекословно выдала ей на себя росписку, въ которую та не забыла включить и достодолжныя порядочные проценты.

По неопытности, Маша и не замѣтила даже, что въ роспискѣ не былъ обозначенъ срокъ платежа, что давало Прихиной возможность самымъ законнѣйшимъ образомъ требовать съ нея уплаты въ каждый часъ, когда лишь то заблагоразсудится.

Но въ это самое время, судьба, словно бы издѣваясь надъ несчастной дѣвушкой, дозволила мелькнуть передъ нею слабую

лучу надежды на возможность мало-мальски сноснаго исхода—и этот луч мелькнулъ и исчезнулъ.

Ксёша дала ей случайную работу.

Маша, при своемъ кругломъ безденежьи, рада-радехонька была и тѣмъ двумъ-тремъ рублишкамъ, которые, благодаря работѣ, перепали на ея долю. Молчаливой швеѣ удалось откуда-то взять очень большой заказъ; но одна она никакъ не могла съ нимъ управиться, и потому приняла въ помощницы свою угловую сосѣдку, платя ей уже отъ себя. Однако на бѣду той и другой, почти при самомъ началѣ этой работы, Ксёшу постигло величайшее несчастье. Сколь ничтожной ни покажется инымъ причина, породившая его, тѣмъ не менѣе оно было несчастьемъ величайшимъ, и къ сожалѣнью, не особенно рѣдкимъ между подобными ей труженицами.

По нечаянности, во время шитья заколола она себѣ иглою большой палецъ правой руки. На утро сдѣлалась на пальцѣ опухоль, которая въ слѣдующему вечеру усилилась вмѣстѣ съ болью, такъ что уже лишила швею всякой возможности работать. Прошло еще двое сутокъ, а опухоль не спадаетъ. Ксёша стала лечиться кой-какими домашними средствами; но средства эти не помогли: палецъ оставался все въ томъ же положеніи—ни лучше ни хуже.

Швейное дѣло было не особенно привычнымъ занятіемъ для Маши, потому работа и не могла поспѣвать у нея съ такой быстротою, съ какой выходила изъ-подъ золотыхъ рукъ Ксёши. Заказчикъ вида, что бѣлье его не поспѣло къ сроку, явился лично въ спицynu берлогу, раскричался и разбранился, не желая слушать никакихъ резововъ, заплатилъ деньги за то, что уже было сдѣлано, а остальное взялъ недошитымъ и недокроенымъ назадъ.

Изъ этой ничтожной платы болѣе двухъ третей достались на долю Маши.

Ксёша увидѣла наконецъ ясно, что если болѣзнь пальца будетъ продолжаться такимъ образомъ, то въ самое короткое время ей придется остаться безъ дѣла, и стало-быть, безъ хлѣба. Не вида никакого облегченія своей опухоли, она рѣшилась отправиться въ больницу.

Въ больницу, однако, ее не приняли, сказавъ, что болѣзнь ея слишкомъ ничтожна. Она пошла въ другую, и получила тотъ же

самый отвѣтъ. Съ озлобленной горечью вернулась она домой, и почти на послѣднія деньги принесла съ собою изъ мелочной лавочки стаканъ уксусу, да выпросила у Пахома Борисовича большую щепоть нюхательнаго табаку. Смѣшавъ одно съ другимъ, Ксѣша залпомъ проглотила стаканъ, и едва успѣвъ проговорить: — «теперь примуть, теперь уже не откажутъ!» закашлялась убійственнымъ, удушающимъ кашлемъ. Почти немедленно открылся у нея припадокъ сильной рвоты, а черезъ часъ полицейскій подчасокъ поневолѣ уже привезъ и сдалъ въ больницу почти безчувственную дѣвушку.

Маша чувствовала себя много обязанною этой дѣвушкѣ, и потому часто навѣщала ее въ больницѣ, убѣдивъ даже принять отъ нея взаимы половину той суммы, которая пришлось на ее долю за шитье бѣлья. Но Ксѣшѣ не суждено было возвратить ей долгъ. У нея открылась скоротечная чахотка, и черезъ два съ небольшимъ мѣсяца, судьба покончила надъ ней свою трагическую развязку.

Отъ случайнаго укола пальца сдѣлалась ногтяда, которую врачи-филантропы не сочли такой серьезной болѣзнью, чтобы ради ея удѣлать какой-нибудь швецъ свободную койку въ больничномъ помѣщеніи, не подозрѣвая того, что въ этой койкѣ для нея заключался вопросъ хлѣба, то-есть другими словами, вопросъ жизни или смерти. Не приняла изъ-за пустой болѣзни—онахватила стаканъ уксусу съ табакомъ и получила чахотку. Тогда ее помѣстили въ филантропическую больницу для того, чтобы свезти оттуда на Волковское кладбище.

Сколь ни мелокъ и ни ничтоженъ самъ по себѣ этотъ фактъ въ ряду болѣе крупныхъ житейскихъ явленій, трагическая сторона его отъ этого не перестаетъ быть менѣе ужасной. А это именно *фактъ*, который мы передали кратко, потому что и безъ большихъ подробностей, для каждаго ясна его возмущающая безотрадность.

Но Машѣ не довелось уже видѣть смерть и похороны своей угольной сосѣдки, такъ-какъ ее самоѣ въ это время постигла уже судьба не болѣе отраднаго свойства.

V.

ЗА РУВИКОНЪ.

Едва лишь успѣлъ истечь для нея второй мѣсяцъ житья въ спицной берлогѣ, какъ Домна Родіоновна купно съ своимъ

супругомъ потребовала немедленной платы за третій. Маша отдала имъ свои послѣдніе четыре рубля, и Христомъ-Богомъ просила подождать сколько-нибудь остальные одинадцать. Спицы скорчили кислыя гримасы, и ссылаясь на тяжелыя свои обстоятельства, согласилась—ужь такъ и быть!—отсрочить ей на одну недѣлку.

Сашинька-матушка въ это время, казалось, чаще прежняго стала забѣгать къ своимъ сосѣдямъ, и дольше шушукаться съ ними, по секрету, въ ихъ спальнѣ.

Въ одну изъ такихъ забѣжекъ, Домна Родіоновна кивнула туда же и Машу. Недѣльная отсрочка къ этому времени уже прошла. Какой-то чуткій ударъ въ сердце—почти предчувствіе подало Машѣ вѣсть о томъ, что въ этомъ призывѣ заключается для нея нѣчто роковое.

— Съ вами, миленькая моя, Александра Пахомовна говорить желаютъ, начала ей Домна Родіоновна:—онѣ имѣютъ для васъ въ виду очень лестное предложеніе.

Маша инстинктивно почувяла, къ чему клонить это начало. Она внутренно скрѣпилась, оправилась и рѣшила устойчиво ждать, что будетъ дальше.

— Да что-жь, подхватила Пахомовна, пуская вверхъ колечки табачнаго дыму:—Машинька очинно хорошо и сама знаетъ, что я къ ней завсегда съ самымъ душевнымъ моимъ расположеніемъ... Слава тебѣ Господи, даже и деньгами вспомошествованье оказывала. Ни рубашонки, ни платъишка на хребтѣ не было, все сама ей справила, по добротѣ своей да по христіанству, потому—дѣвушка она хорошая, и какъ я ее понимаю, такъ она даже завсегда благодарность ко мнѣ за все добро мое чувствуетъ.

— Н-да-съ! прищелкнувъ языкомъ и подмигнувъ глазомъ майоръ, потирая свои загрѣбистыя руки.—Чѣмъ по угламъ-то жить, такъ лучше въ атласахъ да въ бархатахъ погуливать! Разными деликатэсами будете питаться да амбрѣ свое соблюдать. Вы вотъ тамъ сидите-себѣ, а за васъ добрые люди распинаются—хлопочуть, да вотъ, и прекрасное дѣльце вамъ устроили: караса на удочку поймали, а вамъ теперь только взять, да съ удочки снять, да на сковородкѣ изжарить, да въ малиновый ротикъ снести. Ха-ха-ха!... Такъ-то-съ, жиличка моя милая, такъ-то-съ!... Вы вотъ тамъ и не знаете, а мы вамъ женишка подыскали.

— Какъ женишка? удивленно отбинулась Маша.

— Ну, хоть и не совсѣмъ женишка, а знаете... эдакъ... въ родѣ того. Тѣхъ же щей, да по жиже влей, чтобы гуще вышло. Хе-хе!... Понимаете-ли эту аллегорію, али не понимаете?

— До аллегорій я не охотница, улыбулась дѣвушка: — говорите яснѣе.

— Что ты, мать моя, сиротой-то казанской прикидываешься! вступилась Сашенька-матушка. — Ужъ кажется и то жуютъ да въ ротъ кладутъ, а она, вишь ты — невинность цѣломудренная — и проглотятъ не сумѣетъ! Ну, да что тамъ толковать! Расскажу тебѣ прямо: хочешь идти на содержаніе? — Отмѣннаго купца тебѣ подыскала. Ужъ такъ только для тебя его и приберегла, по любви моей значить, чтобы ласку ты мою не забывала.

Маша поблѣднѣла и досадливо сжала свои ровные зубы.

— Что-жъ молчишь-то? Аль съ радости и языка лишилась? Говори, желаешь или нѣтъ? мазнула ее сваха пальцемъ подъ подбородокъ.

— Нѣтъ, ужъ попробовала я разъ этого содержанія, сдержанно и тихо отвѣтила Маша. — Будетъ съ меня! Да и что я вамъ? Какой съ меня вамъ толкъ? У васъ вѣдь, Александра Пахомовна, и другая на мое мѣсто найдется, а меня ужъ оставьте; мнѣ и такъ хорошо.

— Что фордыбачишь-то! ну, что фордыбачишь, говорю тебѣ! Смѣхъ просто слушать! Хорошо ей! Ну, что тутъ хорошаго? Хозяева-вотъ христа-ради только на фатерѣ держутъ да изъ жалости кормятъ еще пока, а они вѣдь не богачи какіе, имъ всякая копейка въ счетъ. — Ну, покормятъ да и перестанутъ: что-жъ даромъ-то держать тебя! А какъ съ квартиры сгонять, вуды су-нешься?

— Найду куда! — Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, махнула рукою дѣвушка.

— Да, поди-ка понци ихъ нынче, добрыхъ-то! Вотъ тебѣ — добрые люди! указала Пахомовна на Спиць и на себя: — дадутъ тебѣ добрый совѣтъ, а ты носъ фуфѣришь. Ну, скажи мнѣ на милость, къ лицу-ли тебѣ эдакіе финты финтить? Что ты, въ самдѣлѣ, генеральская дочка, что-ли? — Така-же мѣщанка, какъ и продція. Я вотъ хоша и чиновничья дочь, а все-жъ въ свое время не гнушалась. Ума въ тебѣ, Машка, нѣту! правильно тебѣ говорю, что разсудка ни на капельку!

— Ну, ужь какой есть, да свой, буркнула сьвозь зубы дѣвущка, похмуро насунивъ брови.

— Фѹ-ты, нѹ-ты, ножки гнуты!... Скажите пожалуйста, какаа листократка! Тот-то оно и видно, что свой, на чужой-то счетъ живучи, дармоѣдкой непрошеной!

— Что-жь вы меня моимъ угломъ попрекаете? гордо вспыхнула дѣвущка.—Я пожалуй и очищу его, если потребуютъ.

— Тэ-тэ-тэ! «Очищу»!... Нѣтъ, ты сперва деньги заплати за него, а потомъ очищай-ко.

— Продамъ что ни на есть, а все-таки заплачу, возразила Маша.

— Что-жь ты продашь-то?... Ну, что продавать тебѣ? Платьяшки да юбочки свои — такъ и тѣ-то на мои деньги справила. Ты думаешь, я такъ тебѣ и прощу? Нѣтъ, дѣвка, у меня вѣдъ росписка твоя; встребую, все до единой копейки встребую! Чешто мнѣ упускать свое?—Я человекъ немущій!

— Заработаю — отдамъ; ваши деньги не пропадутъ за мною.

— Чѣмъ заработать?... Ну, что блажныя слова по пустякамъ тараторить! Гдѣ ты заработаешь?...

— Въ Рабочій домъ пойду...

— Ха-ха-ха! скажите пожалуйста!... Да нѣтъ, куды тебѣ въ Рабочій—тебѣ при твоёмъ разсудкѣ въ пору бы только въ Желтый сѣсть! Слышите, люди добрые, въ Рабочій-то домъ!... Три года будетъ работать, да и то не выработаетъ, а я жди. Нѣтъ, адѣе мусьё! Слава-богу, своего ума еще не потеряла.

— Все, чтó вы изволите на счетъ Рабочаго дома думать, вмѣшался Петръ Кузьмичъ:—такъ это одна химера-сь, и больше ничего. Въ Рабочій домъ, по нынѣшнему времени, впору только за наказаніе принимать, а не тó что охотниковъ; и для штрафованныхъ иной разъ мѣста недостаетъ. Это ужь мнѣ досконально извѣстно.

— Да чего вы въ самомъ дѣлѣ, ввернула словцо Домна Родионовна. — И почище насъ, да живутъ содержанками, и еще Господа-Бога славословятъ. Иная бьется какъ рыба объ ледъ, шцетъ пристроиться, да найдти-то не можетъ, а вамъ сама фортуна въ руки ползетъ, а вы на попятный! Это ужь не резонть! Да вотъ, въ примѣру сказать, моя же собственная дочка — не

хуже васъ будетъ, на всю стать образованная барышня, и по-французски можетъ, потому какъ въ пансіонѣ обучалась, и пиньба ѳинный—вы сами знаете—майоръ, въ штабъ-офицерскомъ рангѣ состоитъ—а вотъ, живеть-же себѣ, слава-богу, на содержаніи и не конфузится!

— Нѣтъ, ужъ, кажется, лучше съ мосту да въ воду, чѣмъ на такую-то жизнь! закачавъ головою, закрыла глаза свои Маша, словно бы отъ того внутреннего ужаса, который вызвало въ ней одно лишь представленіе предлагаемой жизни.

— Что-о?! — прищурилась на нее Пахомовна: — съ мосту, да въ воду?... топить?... Нѣтъ, дѣвча, погоди! эдакихъ поступковъ честные люди не поступаютъ. Ты сначала долгъ мнѣ заплати, а потомъ, пожалуй, топись себѣ хоть съ Литейнаго, хоть съ Дворцоваго, а не-то и на Николаевскій поди.—Печалиться не ставемъ, коли ты есть дура такая.

Долго еще убѣждали они Машу и лаской, и угрозой, но ничего не могли подѣлать. Честная натура ея устояла на этотъ разъ противъ угрозъ, и противъ обольщеній. Она все еще ждала себѣ какого-нибудь исхода. Съ этой минуты ее оскорбляло и возмущало все въ этихъ людяхъ, начиная съ ихъ честнаго предложенія и того тона, которымъ они говорили съ нею, и кончая ихъ взглядами—мало того: кончая самою необходимостью дышать съ ними однимъ воздухомъ, а это именно была необходимость самая печальная. Это было рабство, нязъ-подъ котораго въ данный моментъ не было никакихъ силъ вырваться. Она задолжала по горло и считала себя вконецъ уже отданной въ ихъ руки. Но все-таки душа рвалась къ освобожденію. Хуже всего въ ея положеніи было то, что рѣшительно ни къ какой работѣ, кромѣ шитья, да развѣ еще службы въ качествѣ горничной дѣвушки, она сама не признавала себя способной.

Пошла опять бѣготня по магазинамъ, и на первый день бѣготня неудачная.

Обратилась къ дворнику, не знаетъ ли тотъ какого-нибудь мѣста въ горничныя. Оказалось, что знаетъ. Маша радостно встрепенулась ободренною душой, и пошла по его указанію. Мѣсто оказалось только что за часъ передъ нею уже занятымъ. Судьба и жизнь словно бы нарочно ставили ей на каждомъ шагу капканы да барьеры. Эти неудачи начали уже озлоблять ее, и чѣмъ

больше ихъ накоплялось, тѣмъ сильнѣе шло озлобленіе. Наконецъ, слава-богу, въ одномъ изъ магазиновъ была найдена работа. Маша попросила въ задатокъ денегъ, но ей отказали. Работа была спѣшная, которую велѣно кончить въ двое сутокъ, а какъ ее кончишь, коли и свѣчай-то неначто купить, не говоря ужъ о ниткѣ да иглѣ. Она снесла къ ростовщицкѣ одно изъ своихъ платьевъ, и получила пять цѣлковыхъ, изъ которыхъ три отдала Спицамъ, а на два купила себѣ матеріалу.

Но какую бурю подняла противъ нея Александра Пахомовна, когда узнала, что та осмѣлилась заложить платье, пошитое на ея, пахомовнины деньги! Безъ дальнихъ церемоній, она отняла у нея всѣ остальные вещи, доказывая очень крѣпиво, что и по самому закону государскому они должны принадлежать ей, потому что деньги за нихъ не заплачены.

Сашенька-матушка нашла себя въ правѣ даже зачестъ эти вещи въ счетъ процентовъ, слѣдуемыхъ ей съ Маши.

Долго дѣвушка выносила все это молча, почти съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ, а душа ея межъ-тѣмъ все болѣе и болѣе переполнялась злобой, и это ужъ не была какая-нибудь опредѣленная злоба на ту или другую личность—нѣтъ, въ этомъ чувствѣ соединилось теперь для нея озлобленіе общее, озлобленіе на все: и на людей, и на судьбу, и на жизнь, да даже и самоё-то себя не выключала она изъ этого общаго разрада.

Заказъ тѣмъ не менѣе былъ готовъ къ назначенному сроку. Маша получила два рубля, и обѣщаніе новой работы — черезъ недѣлю. Комплектъ мастерицъ въ магазинѣ былъ уже полонъ, такъ-что содержательница его должна была отказать Машѣ въ пріемѣ ее на свои хлѣба для постоянной работы. Она могла давать ей только работу экстренную, въ случаѣ избытка скопленія заказовъ, да и то отдавала на свой страхъ, потому что личность Маши была ей вполнѣ неизвѣстна. Возможность полученія постоянного мѣста мелькала для нея одною только надеждою въ будущемъ, а настоящее между тѣмъ становилось все сквернѣе и сквернѣе. Спицы настоятельно требовали платы, а такъ-какъ Маша не могла удовлетворить ихъ требованію, то они принялись за стѣснительныя мѣры, изъ которыхъ одна состояла въ томъ, что ей не дали обѣдать. Дѣвушка чуть не на послѣдній гривенникъ купила въ лавкѣ хлѣба да ветчины, и кое-какъ, съ

грѣхомъ попадамъ, обазалась сытой. А на завтра опять-таки нѣтъ обѣда, да ужъ и денегъ нѣтъ. Попыталась сходить въ магазинъ и попросить тамъ сколько нибудь въ счетъ будущей работы. Содержательница отказала, выразивъ полную готовность платить ей немедленно по исполненіи заказа, но никогда впередъ, что радикально нарушило бы разъ навсегда принятое ею правило. Когда же Маша рассказала свое милое положеніе, модистка, жалившись, ущедрилась рублевою бумажкой. Эти деньги дѣвушка рассчитывала продержатъ возможно дольше время; но когда увидѣла Домна Родіоновна, что она опять принесла себѣ хлѣба съ ветчиной, Машѣ немедленно же была выведена ею длинная исторія, основной смыслъ которой заключался въ томъ, что, небось, на жраньё добываешь денегъ, а платить за квартиру нѣтъ — и дѣвушка, лишь бы покончить поскорѣе эту новую несприятность, рѣшилась отдать пока ей въ счетъ пятьдесятъ копеекъ, что составляло, послѣ покупки съѣсныхъ припасовъ, больше половины оставшейся у нея суммы.

Прошла недѣля, а новой работы она не получила. Модистка сказала, что надо будетъ обождать еще денька два или три, и эти-то два-три денька въ конецъ уже порѣшили судьбу Маши.

Снова просить въ счетъ будущей работы — она не рѣшалась. Удержало ее отъ этого какое-то странное самолюбіе, за которое она сама горько пеняла себѣ, называя его глупымъ и неумѣстнымъ; а все-таки, хотя и пеняла, да не попросила, несмотря на то, что денегъ уже не было ни гроша. Пришлось проголодать цѣлый день. Подъ вечеръ накинула на себя платокъ и вышла на улицу. Горько и больно стало ей при сознаніи о необходимости протянуть теперь руку за христараднымъ подаваніемъ. — Но вотъ идетъ на встрѣчу благодушнаго и солиднаго вида почтенный старичокъ, и кажись, изъ достаточныхъ.

— Христа-ради, остановила его Маша тихимъ и сильно дрожащимъ голосомъ.

Тотъ взглянулъ изумленнымъ взоромъ въ ея наружность, и въ особенности въ ея пригожее личико.

— Хе-хе-хе!... нѣтъ, это штучки, это не то!... Хочешь, пойдемъ со мною? — Гостиница вонъ напротивъ. Я человѣкъ щедрый, не прочь помочь хорошенькой...

Маша плюнула и пошла отъ него. Она быстрѣе взбѣжала по

лѣстницѣ въ свою вануру. Больше уже ей не хотѣлось просить милостыню. А дома ожидалъ новый сюрпризъ: Домна Родіоновна сняла тюфякъ съ ея кровати, сказавъ, что ей самой онъ теперь понадобился. Маша не возражала и улеглась на голыя доски, заложивъ руки подъ голову. Отчаяніе и злость душили ее, но на рѣсницахъ не показывалась ни одна облегчающая слезинка.—«Утопиться или внизъ головой броситься съ лѣстницы?» опять пришла ей старая, знакомая мысль; но вспомнивъ, что на ней лежитъ еще долгъ этой ненавистой Прахиной, которую какъ тамъ ни презирай, а деньги все-таки надо отдать, потому что брала ихъ и общала честнымъ словомъ возратить при первой возможности.—«Пока не будешь квать со всѣми—рѣшать собою не честно», сказала сама себѣ Маша: «да я впрочемъ, чтѣ еще подлѣе: убить себя, или продать себя?»

«Одно другаго стоять», отвѣчалъ ей расудовъ.

Углыми сосѣдми ея давно уже легли на покой и сладко храпѣли на своихъ кроватахъ. За стѣною тоже раздавался могучимъ дуэтомъ богатырскій храпъ Закурдаилы, и носовой присвистъ разстриги-дьякона, а изъ дѣтской доносился пискъ проснувагося ребѣнка.

Маша не спала. Сонъ далеко забѣжалъ и запратался отъ нея въ эту длинную ночь. Она лежала навзничъ на голыхъ доскахъ своей кровати и злобно смотрѣла въ темноту.

«Господи! Еслибъ ужъ не проснуться больше на завтрашнее утро! Еслибы лечь да и покончить вотъ такъ-то на вѣки! Еслибы смерть пришла!

«Ха-ха! злобно усмѣхнулась она сама съ собою: — то-то бы всполошились хозяева! то-то проклинать бы стали мое мертвое тѣло!—«Ишь, вѣдь, подлая», скажутъ, «жила—не платила, и издохла, какъ собака, хлопотъ да расходовъ надѣлавши. Поднята теперь, тагайся съ нею да хорони на свой счетъ».

«Ахъ! когда бы не встать, когда бы не проснуться больше!»— сорвался у нея вздохъ какого-то страстнаго, норовистаго исцанія смерти, но смерти своей, невольной, естественной.

Смерть не приходила; не приходилъ и сонъ, а на дворѣ уже брезжилось утро, и желудокъ начинало спазматически поводить отъ голоду.

Когда же наконецъ проснулись двѣ ея сосѣдки и по всей квартирѣ началось утреннее движеніе, Маша вскочила съ своихъ голыхъ досокъ, вся истомленная и разбитая до страшной ломоты во всѣхъ членахъ, и спѣшно прошла къ Александрѣ Пахомовѣ.

— Я согласна, сказала она ей, съ какою-то злобной рѣшимостью:—вы хотѣли меня пристроить;—ну, вотъ я вамъ вся, какъ есть! Берите меня, пристроивайте куда хотите!

— Да, вотъ какъ же! такъ она тебя и сталъ дожидаться! Поди, чай, другую ужъ нашелъ! Вѣдь вашей сестрой здѣсь хоть поле засѣвай! съ меньшей злобой возразила Пахомовна:—было бы не привередничать тогда, какъ предлагала, а теперь уже, мать моя, поздно. И близко локоть, да не укусишь! Я-то, дура, въ томъ моемъ разчетѣ на тебя, даже завѣрное общалась ему, и честное слово дала, а вышло, что понадула. Что жъ ты теперь пришла ко мнѣ, когда онъ изъ-за тебя, изъ-за посуды, изругалъ меня, что ни самими послѣдними словами, которыми не подобаетъ, да въ три-шеи вытолкалъ изъ своей фатеры! Теперь мнѣ и глазъ къ нему показать нельзя. Куда мнѣ тебя теперь пристроивать Нешто? въ публичный домъ?—Одно только и осталось!

— Ну, въ публичный, такъ въ публичный! я и на это согласна... Мнѣ все равно теперь! съ угрюмымъ отчаяніемъ рѣшительно махнула Маша рукою.

— Да ты это не врешь? подозрительно смѣрляя ея глазами Прикина:—ты, можетъ, это въ надсмѣшку надо мною?...

— Не вру... Говорю тебѣ—согласна! отрывисто молвила дѣвушка глухимъ, надсаженнымъ голосомъ.

Сашенька-магушка ласково усмѣхнулась. Еслибы скверный паукъ могъ улыбаться, то навѣрное онъ улыбался бы только этой улыбкой, въ тотъ моментъ, когда навидывается на давно поджидаемую и вконецъ уже опутанную мушку.

— И давно бы такъ! фамильярно хлопнула она по плечу Машу:—молодецъ, дѣвка! что дѣло, то дѣло! По крайности будешь жить во всякихъ роскомахъ, да и мои девяносто-шесть рублей не пропадутъ.

— О, ужъ ихъ-то я прежде всего отдамъ! презрительно скосила на нее дѣвушка свои взоры.

— Да ты, дура, не злись, и не гляди такъ-то на меня. Мнѣ на твою-то злость ровно что наплевать, нагло подставила еѣ свою рожу Пахомовна:—да и денегъ-то не торопись отдавать. Не бойсь, не съ тебя получу: хозяйка заплатитъ. Ты вотъ, подлая, хоть и злишься, а я—вѣдь, ей-богу, добродѣтель—а не баба! Все думаешь только, какъ бы какое добро чловѣку сдѣлать, а чловѣкъ, гляди, за это добро укусить тебя норовитъ. Видно, на томъ только свѣтѣ и дождешься правды да награды!... Ну, да чтò толковать задаромъ! Хочешь, что ли, кофейку? такъ садись, пей со мною, а дѣло твое обварганю сегодня же.

Всеволодъ Крестовскій.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Толки европейской прессы о Россіи.—Положеніе дѣлъ на Востокѣ.—Мирный трактатъ между Австріей и Италией.

Событія, совершившіяся въ послѣднее время въ Европѣ, заставляли предвидѣть, что они отзовутся и на Россіи, хотя бы она съ своей стороны уклонялась сколь возможно болѣе отъ всякаго вмѣшательства въ чужія дѣла. Важные политическіе перевороты не могутъ происходить безъ того, чтобы они не коснулись болѣе или менѣе всѣхъ первенствующихъ державъ. Для Западной Европы должно было казаться страннымъ, что Россія не приняла никакого участія въ борьбѣ двухъ сосѣднихъ съ нею державъ, тогда какъ, повидимому, интересы ея требовали этого, или, по крайней-мѣрѣ, Россія, какъ казалось, должна была воспользоваться этой борьбою для того, чтобы приступить къ осуществленію на Востокѣ тѣхъ замысловъ, которые приписываетъ ей иностранная пресса. Оказалось, однако, что Россія не вышла изъ своего нейтральнаго положенія и не предприняла ничего особеннаго на Востокѣ, и эти обстоятельства породили въ Западной Европѣ мнѣніе, будто бы Россія приберегаетъ свои силы для исполненія въ скоромъ будущемъ такихъ плановъ, которые грозятъ опасностью цѣлой Европѣ. Къ этому присоединилось еще сближеніе Россіи съ Сѣверо-Американскими Штатами, возбуждавшее подозрѣніе во Франціи и въ Англіи.

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, а также и при той агитациі, которая ведется на западѣ Европы въ пользу Польши, въ иностранной прессѣ стали появляться самыя непріязненные толки о Россіи и объ ея отношеніяхъ къ европейскимъ кабинетамъ. Какъ ни разнообразны, а порою даже какъ ни разнорѣчивы эти толки, но всѣ они сводятся къ чувству недовѣрія и вражды противъ Россіи. Европейскія газеты самыхъ различныхъ оттѣнковъ, повидимому, поставили для себя главною задачею—представлять въ общественномъ мнѣніи Европы Россію, какъ такую державу,

съ которою въ скоромъ времени всѣ европейскія государства должны будутъ вступить въ рѣшительную борьбу.

Должно, однако, спросить этихъ вѣщунновъ, какія государства могутъ вызвать Россію, или какія она можетъ вызвать на борьбу съ собою? При отвѣтѣ на этотъ весьма простой вопросъ оказывается въ западной прессѣ порядочная путаница. По мнѣнію однихъ публицистовъ, война съ Россіей должна будетъ произойти вслѣдствіе положенія дѣлъ на Востока; по мнѣнію другихъ— по польскому вопросу. По тому или другому вопросу могутъ вызвать Россію на войну Франція, Англія, Австрія, Прусія и даже Турція. Нѣкоторые публицисты допускаютъ даже возможность коалиціи между всѣми этими державами для разрѣшенія въ одно и то же время какъ восточнаго, такъ и польскаго вопросовъ. При этомъ не отстраняютъ отъ предполагаемой коалиціи даже и Швецію, такъ-какъ Россія весьма сильно вредитъ развитію скандинавской идеи, осуществить которую старается Швеція, и кромѣ того старается во вредъ Швеціи присвоить себѣ исключительное господство на сѣверѣ Европы.

Мы остановимся на тѣхъ комбинаціяхъ, какія по поводу предполагаемой войны между Россіей и почти всею Европою представляются иностранною прессою. Если эти комбинаціи сами по себѣ и не заслуживаютъ особеннаго вниманія, то все же онѣ важны въ томъ отношеніи, что представляютъ ту точку зрѣнія, съ которой коноводы общественнаго мнѣнія хотятъ заставить Европу смотрѣть на Россію и на отношеніе ея къ вопросамъ общеевропейской политики.

Газета «Times» сообщаетъ въ своихъ столбцахъ о военныхъ приготовленіяхъ Россіи, заявляя, что эти приготовленія направляются противъ Прусіи. Англійская газета увѣряетъ, что между Прусіей и Россіей далеко не существуетъ прочнаго согласія. Поводомъ къ тому будто бы служитъ неудовольствіе короля Вильгельма за то положеніе, какое приняла и сохранила Россія во время всей германской войны, и за то покровительство, которое было оказано со стороны Россіи королямъ саксонскому и виртембергскому, а также великому герцогу гессен-дармштатскому; наконецъ, и за ту свободу, которая предоставлена русской прессѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о возбужденіи недовѣрія Европы къ политикѣ Прусіи. По словамъ газеты «Times», король Вильгельмъ ожидаетъ только удобнаго случая для разрыва съ Россіей.

Такъ-какъ въ настоящее время ни одинъ политическій вопросъ не обходится безъ упоминанія о графѣ Бисмаркѣ, то англійская газета добавляетъ, что знаменитый прусскій министръ воспользовался недружелюбнымъ настроеніемъ короля къ Россіи для того, чтобъ отвратить отъ Прусіи войну, которая можетъ предстать ей на Западѣ, и направить воинственность пруссаковъ противъ Россіи. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, для войны съ Россіей графъ Бисмаркъ хотѣлъ воспользоваться сперва восточнымъ

вопросомъ, но, не найдя при этомъ для себя поддержки ни въ Парижѣ, ни въ Вѣнѣ, онъ направилъ свою безпокойную дѣятельность на польскій вопросъ.

Такой поворотъ въ политикѣ графа Бисмарка, «Journal Politique» объясняетъ тѣми результатами, какіе доставлены Пруссіи войною ея съ Австріей. Кромѣ существовавшаго прежде тѣснаго союза между Пруссіей и Россіей, Пруссія не считала удобнымъ поднимать польскій вопросъ и потому еще, что не была увѣрена въ томъ положеніи, какое ей придется занять въ Германіи. Поборовъ же тамъ свою соперницу, Пруссія нынѣ находитъ удобнымъ возвратить Польшѣ политическую самостоятельность, такъ какъ независимая Польша служила бы преградой между Россіей и Германіей.

Позволительно не сомнѣваться, что подобныя планы могутъ родиться въ головѣ графа Бисмарка, какъ чловѣка, способнаго къ самымъ смѣлымъ политическимъ затѣямъ; но есть ли возможность осуществить ихъ такъ легко, какъ это можетъ представляться въ проектѣ? Не говоря уже о томъ отпорѣ, какой можетъ дать въ этомъ случаѣ Россія, нужно остановиться на вопросѣ, каково будетъ существованіе независимой Польши при условіяхъ того политическаго назначенія, какое хочетъ придать ей графъ Бисмаркъ? Искусственно-возстановленная, еслибы это даже и могло случиться, Польша не имѣетъ никакихъ средствъ для того, чтобы сдѣлаться сильнымъ государствомъ, какъ бы объ этомъ ни хлопотала не только Пруссія, но и вся Европа. Незначительныя же государства могутъ существовать только при соблюденіи строгаго нейтралитета, между тѣмъ роль, предназначаемая, по словамъ французской газеты, Польшѣ графомъ Бисмаркомъ, исключаетъ возможность нейтралитета.

Если, однако, обратиться къ тому, что толкуютъ вѣнскія газеты объ отношеніяхъ, существующихъ между Россіей и Пруссіей, то окажется, что объ эти державы намѣрены оставаться въ добромъ согласіи, и что военныя приготовленія Россіи грозятъ не Пруссіи, а Австріи. По словамъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетъ, взглядъ Пруссіи на дѣла Востока совершенно сходенъ со взглядомъ Россіи и заставляетъ ихъ дѣйствовать не какъ враговъ, но какъ союзниковъ. Въ Парижѣ и Лондонѣ — говорятъ газета «Börsenhalle» — всѣ увѣрены, что въ восточномъ вопросѣ Пруссія станетъ на сторонѣ Россіи. Это извѣстно — добавляетъ упомянутая газета — и въ Вѣнѣ, и, по словамъ ея, нынѣ произошло тѣсное сближеніе между берлинскимъ и петербургскимъ кабинетами единственно въ видахъ совокупнаго дѣйствія противъ Австріи. Враждебное отношеніе Россіи къ Австріи выражается не въ одномъ только раздражительномъ тонѣ петербургскихъ газетъ, но и въ военныхъ демонстраціяхъ въ Царствѣ Польскомъ, начавшихся со времени назначенія графа Голуховскаго намѣстникомъ Галиціи. Вообще австрійская прѣсса видитъ несомнѣнное желаніе Россіи овладѣть Галиціей и сообщаетъ, что, какъ слышно, австрій-

ское правительство большую часть войск, бывшихъ въ Италіи, переводить теперь въ Галицію.

Обращаясь къ толкамъ прессы о нашихъ отношеніяхъ къ Австріи и Пруссіи, мы видимъ крайнюю разногласицу. Въ одно и то же время Россія сближается съ Пруссіей противъ Австріи, а между тѣмъ Пруссія угрожаетъ Россіи. Добиться истины въ такихъ извѣстіяхъ—нѣтъ никакой возможности. Справедливо ли, однако, будетъ винить европейскую прессу въ сообщеніи такой путаницы? Если отстранить при этомъ вопросъ о непріязненномъ ея чувствѣ къ Россіи, то такое разнорѣчіе объяснилось бы только скрытностію и притворствомъ европейской дипломатіи, которая постоянно старается прикрывать свои настоящіе планы отводами общественнаго мнѣнія то въ ту, то въ другую сторону. Но дѣло въ томъ, что европейская пресса, говоря о предстоящихъ столкновеніяхъ Россіи съ двумя изъ сосѣднихъ съ нею державъ—то съ Австріей, то съ Пруссіей—придаетъ этимъ столкновеніямъ такой характеръ, что они должны вызвать неблагоприятное для Россіи вмѣшательство и другихъ европейскихъ державъ.

Что отношенія Россіи къ Австріи и Пруссіи измѣнились—въ этомъ нельзя сомнѣваться, но такое измѣненіе въ основномъ началѣ произошло не вслѣдствіе результатовъ только-что оконченной австро-прусской войны, но гораздо ранѣе. Звено, связывавшее эти три государства въ видѣ «священнаго союза», порвалось еще во время крымской войны, когда Россія какъ нельзя лучше могла убѣдиться въ томъ, что ей нельзя полагаться на своихъ союзницъ, въ особенности же на Австрію. Россія могла увидѣть, что въ критическія минуты, ей, несмотря на «священный союзъ», связывавшій ее такъ тѣсно съ двумя сосѣдними сильными державами, приходится дѣйствовать одной. Уничтоженіе священнаго союза было особенно невыгодно для Австріи потому, что Россія, будучи ея союзницей, не только слишкомъ добросовѣстно, но даже и въ ущербъ себѣ исполнила въ 1849 году обязанность австрійской союзницы, прекративъ своимъ оружіемъ грозное для Австріи возстаніе венгерцевъ. Притомъ, постоянное сближеніе Австріи съ Россіей приносило Австріи пользу и по отношенію ея къ Пруссіи. Было время, когда берлинскій кабинетъ по всѣмъ политическимъ вопросамъ дѣйствовалъ единодушно съ санктпетербургскимъ, и такъ-какъ для Россіи существованіе Австріи, въ видѣ сильной монархіи, казалось тогда необходимымъ, то Пруссія, несмотря на свою постоянную вражду съ Австріей, не вступала съ нею въ рѣшительную борьбу. Лучшимъ доказательствомъ тому служить положеніе дѣлъ въ 1852 г., когда дѣло между Австріей и Пруссіей доходило до войны, которая, однако, была предотвращена тогда посредничествомъ императора Николая. Розойдась впоследствии съ Россіей, Австрія подпала таготѣннѣ французской политики и была принуждена тюрингійскимъ дворомъ угрожать намъ своимъ вмѣшательствомъ по польскому вопросу, который прежде служилъ едва-ли не главнымъ пунктомъ сближенія между

ею и Россіей. Но этимъ не оканчивается исчисленіе причинъ, заставляющихъ русскую политику относиться къ Австріи не слишкомъ благосклонно. Потерявъ свои значеніе въ Германіи, Австрія очевидно рассчитываетъ на расширеніе своихъ владѣній въ сѣверныхъ провинціяхъ Турціи, населенныхъ славянами. Такія виды Австріи не могутъ не противорѣчить интересамъ Россіи. Наконецъ, если усиліе австрійскаго правительства поднять въ Галиціи польскую національность въ ущербъ русской, и не можетъ считаться признакомъ какихъ либо замысловъ къ восстановленію политическаго бытія Польши, то во всякомъ случаѣ такая политика вѣнскаго кабинета имѣетъ характеръ непріязненной демонстраціи по отношенію къ Россіи. Слѣдовательно между Россіей и Австріей есть свои собственные счеты, выходящіе изъ круга обще-европейской политики.

Что касается нашихъ отношеній къ Пруссіи, то они, сравнительно съ нашими отношеніями къ Австріи, сложились подъ другими условіями. Въ эпоху Наполеона I Пруссія, послѣ сраженія подъ Іеною, подпала подъ господство Франціи, которое было уничтожено благодаря толчку, данному Россіей Пруссіи. Въ 1815 году Пруссія была обязана Россіи приобрѣтеніемъ пріорейнской территоріи, давшей ей возможность занять видное мѣсто въ Германскомъ Союзѣ. Священный союзъ, а впоследствии и родственныя связи нашего царствующаго дома съ королевско-прусской фамиліи еще болѣе сблизили обѣ державы. Общіе интересы по польскому вопросу значительно укрѣпили это сближеніе. Кромѣ того Франція, которая постоянно считалась революціоннымъ крагеромъ, заставляла Россію, Австрію и Пруссію держаться однородной политики по обще-европейскимъ вопросамъ. Характеръ этой политики былъ исключительно консервативный.

Между тѣмъ въ Пруссіи стала разчиваться конституціонная жизнь, и подъ вліяніемъ этого новаго порядка Франція, противъ которой въ особенности Пруссія держалась союза съ Россіей, перестала казаться такою опасною грозою, какою она казалась прежде. Обстоятельство это разъединило уже до нѣкоторой степени обѣ державы, которыя въ прежнее время держались тѣсно одна другой. Вслѣдствіе этого, прусскому правительству не разъ приходилось бороться съ упреками своихъ сосѣдей-союзниковъ. Бурный 1848 годъ еще болѣе ослабилъ тѣсный союзъ между Россіей и Пруссіей. Революція побудила Россію къ консервативному союзу съ Австріей. Между тѣмъ Пруссія стала въ главѣ прогрессивнаго движенія. Слѣдуетъ ли намъ дорожить или нѣтъ общественнымъ мнѣніемъ Западной Европы—это все равно, но нельзя не сказать, что оно особенно возстало противъ Россіи за образъ ея дѣйствій въ 1849 году. Въ 1856 году Пруссія хотя и не высказала враждебныхъ отношеній къ Россіи, но тѣмъ не менѣе политика ея не принесла намъ осазательной пользы. По польскому вопросу Пруссія была, повидному, на сторонѣ Россіи, но крайней мѣрѣ она не дала русскому правительству повода сѣтовать

на такой образъ дѣйствій, какова держалась Австрія, давшая новое доказательство своего обдуманнаго вѣроломства противъ Россіи.

Если изъ всѣхъ этихъ фактовъ вывести общіе результаты, то окажется, что Россія имѣетъ гораздо менѣе поводовъ становиться въ недружелюбныя отношенія къ Австріи, нежели къ Пруссіи. Прошедшее говоритъ болѣе въ пользу нашего сближенія съ Пруссіей и убѣждаетъ въ необходимости отчужденія отъ Австріи. Между тѣмъ настоящее положеніе дѣлъ измѣняетъ до нѣкоторой степени прежнія наши отношенія къ Пруссіи. Утвержденіе прусскаго господства въ приэльбскихъ герцогствахъ и стремленіе Пруссіи усилиться на Балтійскомъ морѣ разъединяютъ интересы Россіи и Пруссіи. Кромѣ того, приобрѣтенное Пруссіею, въ лицѣ принца Карла гоенцолернскаго, вліяніе на придунайскія княжества ставить ее въ такія отношенія къ Россіи, какихъ прежде не существовало. Въ то же время, однако, политика Австріи по восточному вопросу не только не благоприятна, нежели политика Пруссіи, но даже еще болѣе заставляетъ подозрѣвать вѣнскаго кабинета въ намѣреніи ослабить вліяніе Россіи на дѣла Турціи. Впрочемъ, если вникнуть въ предшествовавшіе маневры Австріи по восточному вопросу, то окажется, что, несмотря на союзъ съ Россіей, Австрія въ этомъ вопросѣ дѣйствовала всегда не въ пользу Россіи. Замѣтимъ, что въ то время, когда Франція оказывала наклонность къ революціонному движенію, вѣнскаго кабинета всегда обращался къ Россіи, угрожая ей готовящимся взрывомъ на Западѣ; когда же на сцену выступалъ восточный вопросъ, то Австрія постоянно обращалась къ Франціи, указывая ей на Россію, какъ на опасную сосѣдку Турціи.

Такимъ образомъ, если сопоставить отголоски заграничной прессы о предстоящихъ для Россіи столкновеніяхъ то съ Австріей, то съ Пруссіей, съ прежнимъ ходомъ дѣлъ и съ наличными фактами, то нельзя не придти къ тому заключенію, что если есть какая либо вѣроятность столкновеній для Россіи, то такія столкновенія скорѣе могутъ произойти съ Австріей, нежели съ Пруссіей. Ни въ какомъ, однако, случаѣ возможность столкновенія Россіи съ Австріей не можетъ повлечь за собою столкновенія съ другими державами. Австрія, по ея интересамъ, слишкомъ отчуждена отъ прочихъ государствъ, для того, чтобы они считали нужнымъ поддерживать ее, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ послѣдняя война, когда Австрія, жертвовавшая своими собственными выгодами интересамъ Германіи, не могла найти даже такой поддержки, на какую, повидимому, она могла рассчитывать. Притомъ, у европейскихъ кабинетовъ есть въ виду другія дѣла, къ которымъ ни Франція, ни Англія не могутъ оставаться безучастными. Событія на юго-востокѣ Европы усложняются все болѣе и болѣе. По политическимъ и религіознымъ причинамъ восточныя дѣла представляютъ для Россіи особенную важность, а между тѣмъ ея вліянію въ Турціи—Франція, Англія

и Австрія противопоставляют свою систему дѣйствій, которая не можетъ не нарушать выгоды и правъ Россіи при болѣе или менѣе близкой развязкѣ восточнаго вопроса.

Если въ виду такого положенія дѣлъ, обратиться къ тѣмъ причинамъ, которыя вызываютъ непріязненные возгласы противъ Россіи со стороны западной прессы всѣхъ отѣнковъ, то можно безошибочно признать двѣ главныя причины. Офиціозная пресса возбуждаетъ противъ насъ общественное мнѣніе изъ опасенія той роли, какую можетъ занять Россія на Востока, если она не встрѣтитъ общей коалиціи европейскихъ кабинетовъ. Что же касается прессы неофиціозной, то она находится въ рукахъ такихъ людей, которые въ существующемъ у насъ порядкѣ государственнаго строя, среди конституціонной Европы, видятъ опасность для развитія тѣхъ началъ, которыя приобретаютъ на Западѣ все болѣе и болѣе сильное господство. Польша служитъ для неофиціозной иностранной прессы главною тѣмою, на эту же тѣму вторить и офиціозная, указывая и на тѣ опасности, какія грозятъ Европѣ отъ усиленія Россіи въ Турціи и отъ нашего сближенія съ Сѣверной Америкой.

Подъ именемъ восточнаго вопроса въ современной дипломатіи и журналистикѣ разумѣютъ вопросъ о судьбѣ Оттоманской Имперіи. Близость ея паденія, и предполагаемый раздѣлъ ея областей между первенствующими европейскими державами, а также неустанный антагонизмъ между христіанами и магометанами, населяющими турецкія провинціи, даютъ особое направленіе европейской политикѣ въ восточномъ вопросѣ. Племенная и религіозная связь христіанскаго населенія въ Турціи, и полуторавѣковая борьба Россіи съ турками, сопровождавшаяся постоянно блестящими успѣхами, возбуждаютъ въ европейскихъ кабинетахъ опасенія, что Россія воспользуется своими силами и своими отношеніями къ большинству населенія Турецкой Имперіи для того, чтобъ на развалинахъ ея утвердить свое господство.

Замѣчательно, что европейскіе политики, пугающіе Европу тѣмъ, что Россія завоюетъ Турцію и Константинополь, ссылаются, между прочимъ, на мнимое завѣщаніе Петра-Великаго, будто бы хранящееся въ Петергофѣ. Они, относительно Турціи, приводятъ изъ этого завѣщанія три параграфа. Въ упомянутомъ завѣщаніи Петръ-Великій внушаетъ своимъ преемникамъ: во-первыхъ, приближаться сколь возможно болѣе къ Константинополю, потому что тотъ, кто будетъ владѣть имъ, будетъ господствовать надъ цѣлымъ міромъ. Для этого необходимо вести непрерывныя войны съ Турціей и присвоить Россіи Черное море. Во-вторыхъ, побуждать Австрію содѣйствовать къ изгнанію турокъ изъ Европы и въ случаѣ завоеванія Константинополя для того, чтобъ уничтожить соперничество Австріи, возбудить противъ нея войну въ.

Европѣ или дать ей часть турецкихъ владѣній съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы впослѣдствіи отнять ихъ. Третьихъ, привязать къ себѣ турецкихъ грековъ, сдѣлавъ для нихъ изъ Россіи какъ политическую, такъ и религіозную поддержку.

Привода эти параграфы завѣщанія, европейскіе политики и публицисты замѣчаютъ, что ему неуклонно слѣдовали преемники Петра-Великаго. Остается только сожалѣть, что послѣдняя война Австріи съ Пруссіей и Италіей не была возбуждена Россіей, тогда завѣщательная система Петра была бы еще очевиднѣе. Что Петръ хотѣлъ основать могущество Россіи, между прочимъ, и на ослабленіи Турціи, въ этомъ, конечно, нельзя и сомнѣваться, но борьба наша съ турками началась еще до его царствованія, и потому продолжалась не въ силу его завѣщанія, но вслѣдствіе необходимости оградить наши южныя владѣнія нетолпою отъ турокъ, но и отъ ихъ данниковъ—крымцевъ. Правительство Анны Ивановны не мечтало о завоеваніи Константинополя, а между тѣмъ, и въ ея царствованіе мы вели дѣлательно войны съ Турціей, вообще же въ войны съ нею вовлекали насъ прежде Крымъ и Польша.

Собственно планъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы, завоеваніи Константинополя и возстановленіи Греческой Имперіи принадлежитъ Потемкину. Тогда дѣйствительно Россія готовилась осуществить такъ-называемый греческій проектъ и въ будущіе императоры Византіи пророчили великаго князя Константина Павловича. Съ этихъ поръ, началось противодѣйствіе успѣхамъ Россіи со стороны французскаго и англійскаго кабинетовъ, и наши единовѣрцы въ Турціи, изумленные рядомъ блестящихъ побѣдъ русскаго оружія надъ турками, стали смотрѣть на Россію, какъ на будущую свою избавительницу. Но такъ-какъ каждое дѣло представляетъ въ одно и то же время какъ выгодную, такъ и невыгодную сторону, то и побѣды наши надъ турками не имѣли безусловно-полезныхъ послѣдствій. Хотя всѣ наши договоры съ блистательной Портой, послѣ одержанныхъ нами побѣдъ, клонились къ тому, чтобы улучшить положеніе нашихъ единовѣрцевъ въ Турціи, но на дѣлѣ требованія петербургскаго двора оставались неисполненными, такъ что покровительствуемне Россіей райи должны были убѣдиться, что они не получаютъ отъ нея той помощи, на какую надѣялись.

Отношенія Россіи къ турецкимъ христіанамъ измѣнились вслѣдствіе парижскаго трактата, заключеннаго въ 1856 году, послѣ неудачной для насъ крымской войны. Уничтоженіе нашего черноморскаго флота значительно ослабило наше вліяніе на Востокѣ, между тѣмъ какъ Франція и Англія, защитивъ Турцію отъ Россіи, приобрѣли въ Константинополѣ весьма выгодное положеніе. Обѣ эти державы озаботились о судьбѣ турецкихъ райевъ, выноривъ имъ отъ Порты, по парижскому трактату, политическія и религіозныя права. Права эти могли бы удовлетворить восточныхъ

христіанъ, еслибы они осуществились, а не сдѣлялись пустымъ призракомъ.

Державы, подписавшія парижскій трактатъ, не сочли удобнымъ образовать особую комисію для наблюденія за исполненіемъ султанскаго гатти-гумауна. Учрежденіе такой комисіи казалось имъ слишкомъ явнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Порты. Поэтому, охраненіе правъ, предоставленныхъ христіанамъ, было вѣрено иностраннымъ посламъ при константинопольскомъ дворѣ. Между тѣмъ дипломатическіе представители Франціи и Англіи весьма мало заботились объ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія. Англійскіе агенты старались преимущественно о поддержаніи торговыхъ интересовъ Великобританіи, а французскіе заботились о томъ, чтобы выказать могущество и поддержать достоинство Франціи. Притомъ, дипломатическая щепетильность удерживала посланниковъ отъ энергическаго вмѣшательства въ дѣла христіанъ; они боялись ссориться между собою. Такая система поддерживала между ними доброе согласіе, но въ то же время лишала восточныхъ христіанъ единственной гарантіи въ исполненіи парижскаго трактата.

Видя, что европейскіе кабинеты пренебрегаютъ совершенно 9 статью упомянутого трактата, Россія въ 1860 году посовѣтовала имъ, справившись съ положеніемъ христіанъ въ Турціи, потребовать отъ Порты исполненія подписанныхъ ею условій. Въ ту пору, никто не оспаривалъ такого права Россіи, которая, вступаясь за христіанъ, соблюдала обязательства, принятыя на себя и другими европейскими державами. Такой образъ дѣйствій со стороны Россіи былъ единственнымъ средствомъ, не возбуждая соперничества между державами, гарантировавшими права христіанскаго населенія въ Турціи — сдѣлать эти права дѣйствительными.

Между тѣмъ такое справедливое и безобидное для прочихъ европейскихъ кабинетовъ предложеніе было принято ими за попытку частнаго вмѣшательства Россіи въ дѣла Турціи, съ цѣлью возвратить себѣ прежнее вліяніе на Востокъ. Только изъ желанія парализировать это вмѣшательство, лондонскій кабинетъ поручилъ своимъ агентамъ изслѣдовать положеніе христіанъ на Востокѣ; изслѣдованіе показало, что положеніе ихъ не соответствуетъ тѣмъ условіямъ, которыя взялась выполнять Порта, тѣмъ не менѣе такіе результаты изслѣдованія не вызвали протеста со стороны Англіи. Въ то же время, Франція, сообразно съ трактатомъ 1856 года, приняла на себя защиту сирийскихъ христіанъ, но коллективнаго заступничества вообще въ пользу христіанскаго населенія въ Турціи не послѣдовало, несмотря на предложеніе, сдѣланное со стороны Россіи въ этомъ смыслѣ.

Послѣднія событія въ Турціи показали, что Россія была права, предлагая европейскимъ кабинетамъ обратить вниманіе на положеніе тамошнихъ христіанъ, и должны убѣдить европейскіе кабинеты въ томъ, что права рабевъ необходимо гарантировать

постояннымъ, если не коллективнымъ внимательствомъ всѣхъ державъ, то, по крайней-мѣрѣ, частнымъ внимательствомъ одной изъ нихъ. Тѣ европейскіе кабинеты, которые особенно заботятся о поддержаніи турецкаго владычества въ Европѣ и такъ ревностно охраняютъ его отъ посягательства со стороны Россіи, забывъ, повидимому, что ему угрожаетъ большая опасность внутри Турецкой Имперіи, нежели извнѣ, а именно, что христіанское населеніе, имѣющее по своей численности значительный перевѣсъ надъ мусульманскимъ, не можетъ оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ туркамъ. Такъ-какъ все зданіе оттоманской державы покоится на неподвижныхъ основаніяхъ мусульманской религіи, то тамъ никакъ нельзя ожидать коренныхъ преобразованій. Поэтому, всѣ обѣщанія Порты относительно улучшенія быта подвластныхъ ей христіанъ существуютъ только въ трактатахъ, не переходя въ дѣйствительность. Порта не можетъ исполнить ихъ, даже при всемъ своемъ желаніи. Власть султана была бы ниспровергнута самими турками, еслибы онъ пожелалъ уничтожить различіе въ гражданскихъ правахъ между мусульманскимъ, господствующимъ, и христіанскимъ, подвластнымъ, населеніемъ. Завоевательное право турокъ еще слишкомъ сильно для того, чтобъ можно было искоренить его, не вызвавъ страшныхъ потрясеній. Коренныя преобразованія въ Турціи могутъ быть произведены только подъ вліяніемъ внѣшняго натиска на турецкое правительство и въ виду необходимыхъ со стороны его уступокъ въ пользу христіанъ, по требованіямъ европейскихъ кабинетовъ. Между тѣмъ, столкновеніе европейскихъ интересовъ на Востокѣ, и, главное, опасеніе со стороны Россіи побуждаютъ европейскіе кабинеты допускать Турцію не исполнять принятыхъ ею на себя обязательствъ въ отношеніи тамошнихъ христіанъ. Поэтому, въ сущности настоящее положеніе турецкихъ христіанъ ничѣмъ не отличается отъ того положенія, въ какомъ они находились до 1856 года, когда Франція и Англія, ослабивъ, и, вѣрнѣе сказать, почти уничтоживъ надъ ними русскій протекторатъ, взяли ихъ подъ свое покровительство.

Между тѣмъ притязанія европейскихъ державъ по восточному вопросу чрезвычайно различны, и каждая изъ нихъ хочетъ рѣшить его посвоему. Англія не прочь признать на Востокѣ каждый совершившійся фактъ, если только онъ не нарушаетъ ея торговыхъ интересовъ. Положительно можно сказать, что у лондонскаго кабинета по охраненію владычества Порты въ Европѣ преобладаютъ не столько политическіе, сколько меркантильные интересы. Франція не скрываетъ своихъ видовъ на Египетъ и на обладаніе Суэскимъ каналомъ. Австрія, какъ мы замѣтили, хочетъ вознаградить понесенныя ею утраты въ Германіи и Италіи расширеніемъ своихъ владѣній насчетъ Турціи. Прусія ищетъ для себя точки опоры на Дунаѣ. Очень понятно, что при такихъ стремленіяхъ западныхъ державъ, Россія, по своимъ политическимъ, религіознымъ и торговымъ интересамъ, не можетъ позво-

лить, чтобы Франція, Англія или Австрія пользовались положеніемъ Турціи для осуществленія своихъ цѣлей. При всѣхъ этихъ условіяхъ, восточный вопросъ выступаетъ теперь на видное мѣсто, несмотря на усилія Франціи оставить дѣла на Востокѣ въ прежнемъ положеніи.

Объявленіе объ уступкѣ Венеціанской Области императоромъ Францомъ-Иосифомъ было принято сперва какъ весьма важное политическое событіе. Ожидали, что изъ этого факта тюрльрійскій кабинетъ успѣетъ сдѣлать что-нибудь такое, что озаритъ Францію новымъ блескомъ, доставивъ ей, быть можетъ, и кое-какія матеріальныя выгоды со стороны Италіи. Такимъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться, и Франція, въ лицѣ своего комиссара, генерала Лебѣфа, играла въ Венеціи только смѣшную роль, потому что иначе нельзя отозваться о тѣхъ пустыхъ формальностяхъ, которыми сопровождалась передача Венеции г. фон-Мерингомъ генералу Лебѣфу и этимъ послѣднимъ—королевско-итальянскому комиссару. Франціи не удалось даже получить благодарности итальянцевъ за такой образъ дѣйствій императора Наполеона, который французская пресса хотѣла представить какимъ-то великодушіемъ со стороны Франціи.

Окончательно Венеціанская Область уступлена Королевству Итальянскому мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ въ Вѣнѣ 3-го октября. Не останавливаясь на общихъ мѣстахъ, встрѣчающихся во всѣхъ дипломатическихъ актахъ подобнаго рода, мы уважемъ только на существенныя условія австро-итальянскаго мирнаго договора, устанавливающаго «дружбу и тѣсное согласіе» между Австріей и Италіей на «вѣчныя времена». По этому трактату, императоръ австрійскій соглашается на присоединеніе Ломбардо-Венеціанскаго Королевства къ составу Королевства Итальянскаго. Предѣлы уступленной территоріи опредѣляются административными границами Ломбардо-Венеціанскаго Королевства. Очищеніе упомянутой территоріи отъ австрійскихъ войскъ должно начаться въ возможно-кратчайшій срокъ послѣ подписанія мирнаго трактата.

Затѣмъ слѣдуютъ финансовыя расчеты между Австріей и Италіей, служившіе, какъ извѣстно, одною изъ главныхъ причинъ протекшенія мирныхъ переговоровъ. Теперь итальянское правительство принимаетъ на себя: 1) часть ломбардо-венеціанскаго долга, оставшагося за Австрію въ силу конвенціи, заключенной въ 1860 году въ Миланѣ; 2) долги, увеличившіе ломбардо-венеціанскій долгъ съ 4-го іюля 1859 года по день заключенія настоящаго трактата; 3) сумму въ 35.000,000 флоринновъ въ зачетъ общаго долга, причитающагося на долю Венеціанской Области и цѣнности недвижимаго военнаго матеріала въ австро-итальянскихъ крѣпостяхъ. Австрійское правительство принимаетъ на себя вернуть всѣхъ суммъ, представленныхъ

жителями уступленной территоріи, тамошними общинами, частными и общественными заведеніями и религіозными учрежденіями, въ австрійскія казначейства и въ общественныя кассы, въ качествѣ владовъ, залоговъ и обезпеченій. То же самое обязано сдѣлать итальянское правительство по отношенію къ Австріи.

Далѣе итальянское правительство признаетъ и утверждаетъ концесіи, данныя австрійскимъ правительствомъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ на пространствѣ уступленной территоріи. Кроме того, обѣ договаривающіяся стороны обязуются, въ возможно скорѣйшемъ времени, заключить съ обществомъ южно-австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ конвенцію для экономическаго и административнаго отдѣленія венеціанской сѣти желѣзныхъ дорогъ отъ сѣтей, пролегающихъ въ предѣлахъ австрійской территоріи. Вмеѣстѣ съ тѣмъ, оба государства, съ цѣлью развитія и упроченія взаимныя сношенія, обязуются облегчить сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ и способствовать сооруженію новыхъ линій для соединенія австрійскихъ и итальянскихъ желѣзныхъ путей.

Послѣдующими статьями трактата обезпечивается срочное право итальянцевъ, находящихся въ Австріи, и австрійцевъ, живущихъ въ Венеціанской Области, переселиться изъ одной территоріи въ другую въ качествѣ подданныхъ той или другой державы; находящіеся же въ составѣ австрійской арміи ломбардо-венеціанцы должны быть немедленно уволены и возвращены на родину съ предоставленіемъ, впрочемъ, желающимъ изъ нихъ оставаться въ австрійскихъ войскахъ.

Извѣстно, съ какою торопливостію австрійцы вывозили изъ Венеціи историческія памятники, произведенія изящныхъ искусствъ и предметы наукъ. Торопливость эта оказалась однако бесполезной, такъ-какъ на основаніи вѣнскаго договора, все это должно быть возвращено въ цѣлости итальянскимъ комисарамъ. Что же касается вопроса о торговлѣ, то обѣ договаривающіяся стороны обязуются предоставить одна другой столь-возможно большія таможенныя облегченія, а также вступить между собою въ переговоры для заключенія коммерческаго и навигаціоннаго трактатовъ на самыхъ обширныхъ основаніяхъ, въ видахъ временнаго облегченія торговыхъ сдѣлокъ между обоими государствами. Въ концѣ мирнаго трактата императоръ австрійскій и король итальянскій обѣщаютъ даровать въ своихъ владѣніяхъ прощеніе всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя, почему либо, были замѣшаны по случаю послѣднихъ политическихъ событій.

Такимъ образомъ совершилось избавленіе Италіи отъ австрійскаго ига. Это событіе должно значительно измѣнить прежнюю европейскую политику. Теперь уничтожилась та вѣковая борьба, которая, если и не порождала прямо рѣшительныхъ столкновеній, то служила всегда предметомъ опасеній и преимущественно орудіемъ французской политики. Отношенія Италіи къ Австріи и Франціи совершенно измѣняются и тюрингійскій кабинетъ теряетъ то вліяніе, какимъ онъ прежде пользовался, рассчитывая

на Италию, какъ на свою покорную союзницу. Теперь изъ дипломатическихъ актовъ уже вычеркнутъ венеціанскій вопросъ, но, несмотря на это, папскій Римъ заставляеть еще призадумываться о дальнѣйшихъ судьбахъ Италиі.

ХРОНИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Рейнскія стремленія. — Совѣты г. Луи Вейльо. — Характеристика модно-важковъ. — Австрійско-молдавская фантазія. — Заящательная свобода во Франціи.

Въ одной изъ своихъ конфиденціальныхъ нотъ, покойный графъ Нессельродъ обращалъ вниманіе англійскаго кабинета на нравственное могущество, которымъ надѣлила Францію луи-филипповская эпоха. «Благодаря конституціонной системѣ — писалъ нашъ канцлеръ накануне опрометчиваго переворота 1848 года — миръ доставилъ Франціи больше, чѣмъ могла бы ей дать война. Окружающія ее государства сложились по ея образцу, живутъ ея умомъ, дѣйствуютъ подъ ея вліяніемъ.» И точно, не далѣе какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, почти вся Европа была пропитана французскими идеями, и за Франціей считалось литературное и политическое первенство на континентѣ. Всѣ это помнить, одни лишь французы какъ будто забыли характеръ прежняго значенія своей страны. Перевоспитанные имперією, теперь они гонятся лишь за первенствомъ военнымъ. Каково бы ни было нравственное положеніе Франціи въ Европѣ, лишь бы мѣстные поэты въ родѣ Теодора де-Банвиля брадали ей на лирѣ: «Трепещи отъ гордости, о, воинственная богиня! Европа дивится тебѣ, въ рукавахъ твоихъ смертоносныя молніи, ты можешь все сокрушить, народы повинуются твоему мановенію и враги съ ужасомъ бѣгутъ твоего мужественнаго лица»; лишь бы кантаты имѣли нѣкоторый поводъ величать и преувеличивать такимъ образомъ ея матеріальную силу — нація охорашивается и довольна. И наоборотъ, какъ только оказывается, что и другія руки тоже бывають не лишены громовъ, она предается гореванію, какъ будто видѣ рѣшительнаго военнаго преобладанія нѣтъ для Франціи никакихъ болѣе средствъ играть роль въ судьбахъ человѣчества. Вотъ уже три мѣсяца, всѣ помыслы сосредоточены на одномъ: на крѣпости, которую неожиданно выказала побѣжденная при Іенѣ держава. Прусія и ландверъ, ландверъ и Прусія продолжаютъ быть главною заботой. Сообразно съ этимъ, и парижскіе книжные магазины продолжаютъ наполняться посвященными Прусіи писаніями. Чего тутъ нѣтъ! И *Германская революція*, и *Исторія Пруссіи*, и *Нѣмецкій споръ*, и *Равновѣсіе Европы*, и *Еще о Пруссіи*, и *По поводу войны*, и *Результаты распри* — всего не

перечтешь, да и не стоит. Взглянем мелькомъ лишь на два болѣе замѣтныя изъ этихъ произведеній. Первое, это —

Германская революція и европейское равновѣсіе, Аб-Телли.

Оригинальнѣйшій продуктъ теперешняго настроенія умовъ! Г. Аб-Телли отнюдь не врагъ Пруссіи и ея внезапныхъ успѣховъ и увеличенія. По его мнѣнію, стремленіе національностей къ единству — дѣло естественное, фактъ неизбѣжный. Было бы совершенно непонятною вещью, еслибы итальянскія событія послѣднихъ лѣтъ не пробудили національную струну нѣмцевъ, и еслибы г. фон-Бисмаркъ не послѣдовалъ примѣру Кавура. Конечно, слѣдуетъ сожалѣть, что прусскій министръ не счелъ удобнымъ вполне точно скопировать пріемы своего великаго образца, именно, что онъ приступилъ къ своей задачѣ подавленіемъ свободы въ Берлинѣ, тогда-какъ Кавуръ, напротивъ, началъ съ освобожденія Турина; жаль также, что присоединеніе Ганновера, Нассау, Гесена, Франкфурта совершилось помимо населеній, которыхъ приличіе бы спросить объ ихъ желаніи. Тѣмъ не менѣе, общій результатъ безукоризненъ уже потому, что германцы имѣютъ право распоряжаться у себя какъ знаютъ. И хотя бы то даже изъ него вышло впоследствии единство всей Германіи, Европѣ все-таки нечего было бы пугаться, все-таки не приходилось бы видѣть въ этомъ нарушеніе равновѣсія, ибо даже единая Германія займетъ по числу жителей четвертое мѣсто, такъ-какъ въ ней будетъ не болѣе 35 миліоновъ, и стиснутая между Россіей, Австріей и Франціей, никогда и не подумаетъ грозить сосѣдямъ своею сравнительно слабою арміею и своимъ болѣе чѣмъ второстепеннымъ флотомъ...

Кажется, ясное разсужденіе. Читатель неминуемо ждетъ, что г. Аб-Телли сдѣлаетъ изъ него такой выводъ: если даже единая Германія нестрашна европейскому равновѣсію, то Пруссія въ настоящемъ своемъ видѣ еще менѣе опасна для Европы, слѣдовательно и для Франціи... Совсе нѣтъ! Начавъ за здравіе, авторъ сводить за упокой, и изъ своихъ же собственныхъ, сейчасъ изложенныхъ размышленій приходитъ къ слѣдующему заключенію: Пруссія нестрашна ни для кого, слѣдовательно ее должна бояться Франція. Почему же? А потому, что эти двѣ державы соприкасаются между собою. «Франція вполне сформировалась — говоритъ г. Аб-Телли — ея національность представляетъ міру великолѣпнѣйшій образецъ единства. Мы можемъ встрѣчать спокойной улыбкой притязанія нѣмцевъ на Лотарингію и Альзасъ. *днакоже*, непосредственное соприкосновеніе Франціи съ Пруссіею составляетъ для насъ опасность». Но почему таковое же

• *Revolution allemande et équilibre européen, par Ab-Telli. Br. in-8°. Chez Den*

«соприкосновеніе» Пруссіи съ Россією и Австрією не составляетъ, въ глазахъ автора, опасности и для двухъ послѣднихъ государствъ? Объ этомъ г. Аб-Телли умалчиваетъ и, безъ дальнѣйшихъ объясненій, требуетъ, чтобы въ интересахъ спокойствія его отечества, Бельгія, Голландія и рейнскія земли образовали одно особое нейтральное государство въ 11 миліоновъ жителей, съ арміей въ 250,000 человекъ и серьезнымъ флотомъ. Какъ поступить съ теперешними бельгійскимъ и голландскимъ королями, кого возвести на вновь уготовляемый престолъ, какъ примирить поклоненіе принципу національностей съ совокупленіемъ въ одно нѣмцевъ, бельгійцевъ и голландцевъ — ничего этого авторъ не указываетъ. Но да знаетъ Европа, что пока мысль его не осуществится, до тѣхъ подъ Францію не почіетъ сномъ безмятежнымъ... Остается лишь удивляться особенностямъ логическаго процесса, который превращаетъ успокоительныя рѣчи въ *Delenda Carthago* новаго реда, да благодаритъ святыхъ заступниковъ хоть за то, что г. Аб-Телли довольствуется созданіемъ *особаю*, независимаго государства, не обращая должествующихъ составлять его провинцій въ *свою* пользу.

Не шута, съ нѣкотораго времени во Франціи замѣтенъ прогрессъ по вопросу о рейнскихъ границахъ. Конечно, ультра-патріоты, или лучше сказать псевдо-патріоты—ибо крайній патріотизмъ такая же губительная ложь, какъ и всякая крайность—псевдо-патріоты и слышать не хотятъ о никакой иной комбинаціи, и *Sidèle* не пустилъ проекта г. Аб-Телли на свои столбцы, находя его слишкомъ умѣреннымъ. Но въ большинствѣ понемногу начинаютъ слышаться разсудительные голоса. Въ іюлѣ, брошюра, имѣвшая значительный успѣхъ и обсуждавшая роль Франціи въ приготовлявшихся тогда передѣлахъ карты, приглашала страну *положительно* и навсегда отказаться отъ Рейна. Самый планъ г. Аб-Телли покажется относительно воздержнымъ, если принять во вниманіе прежнія требованія и то обстоятельство, что онъ сочиненъ въ минуту сильнаго возбужденія умовъ, большаго негодованія на случившееся въ Германіи. И замѣчательно, что почти всѣ партіи склонны къ осмотрительности на этомъ пунктѣ. Іюльская брошюра (*la Démocratie devant la guerre*)—манифестъ такъ-называемыхъ молодыхъ демократовъ (молодыхъ не лѣтами, но системою, отличающеюся отъ деспотическихъ теорій *Sidèle* и *Opinion nationale*). Г. Аб-Телли (псевдонимъ) — человекъ орлеанскаго оттѣнка. Въ предъидущей *Хроникѣ* мы видѣли, что клерикалы направляютъ на Пруссію и на ея границы, слѣдовательно они какъ будто стоятъ особнякомъ. Но это лишь оптический обманъ. Мнѣнія неизвѣстнаго автора *Gare à la Prusse* имѣютъ значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока не заговорилъ *самъ* г. Луи-Вельё, первосвященникъ клерикальной прессы, полномочный представитель тенденцій своей партіи, воплощеніе ея пожеланій, а *самъ* г. Луи-Вельё—въ брошюрѣ:

По поводу войны *.

думаетъ совсѣмъ иначе.—Онъ, конечно, считаетъ послѣднія событія—навазаніемъ за покушенія противъ свѣтской власти римскаго святителя. Г. фон-Бисмарка онъ, понятно, бранить: съ обычной энергіей выраженной обзываетъ перваго министра Пруссіи—«пародіей Кавура», «человѣкомъ безъ правилъ», «смѣшною личностію», «площаднымъ строителемъ ковъ» (*un ourdisseur vulgaire*). Однакоже совѣтуетъ не гнаться за «вознагражденіями», нетолько ничего не требовать отъ сосѣдей, но даже ничего не принимать, еслибы и сама Европа что предлагала—и подкрѣпляетъ свои увѣщанія несомнѣнно основательными доводами. Франція, говоритъ онъ, не нуждается въ приобрѣтеніяхъ изъ-за стратегическаго округленія. Никто не грозитъ ей, никто не собирается на нее нападать, да еслибы кто и вздумалъ помѣряться съ нею силами, развѣ она утратила свою военную доблесть? Въ случаѣ борьбы, ей нѣтъ надобности ни въ непреступныхъ границахъ, ни въ безчисленной арміи. Новая пограничная черта—дурная защита, потому что ее приходится закрѣплять за свою кровь. Лучшія границы Франціи—сердца ея гражданъ, полныя любовью къ своей странѣ. вмѣсто арміи, вѣрнѣе заботиться о союзахъ, которые легко добыть умѣренностію въ своей политикѣ. Пусть Франція соблюдаетъ справедливость, пусть она уважаетъ права, пусть Европа признаетъ въ ней опору порядка и свободы, задушаемыхъ теперь объятіями военной или революціонной диктатуры—и безопасность ея упрочена навѣки. Округленія могутъ лишь ослабить мощь ея несравненнаго единства. Во Франціи привыкли воображать, что званіе француза считается остальными народами какъ-бы генеральскимъ чиномъ въ арміи человѣческихъ націй, и что всякій стремится получить этотъ рангъ. Пора разстаться съ заблужденіемъ! Всякій любитъ жить *встемъ* въ Парижѣ, но быть *гражданиномъ* Парижа—это совсѣмъ другое дѣло. Пруссаки, даже и тѣ гордятся быть пруссаками. Ни одинъ народъ въ Европѣ не желаетъ превратиться во француза, ни даже самыя бельгійцы. Безъ сомнѣнія, между послѣдними найдется нѣсколько персонажей, которымъ было бы пріятно изъ птицъ небольшого полета вдругъ очутиться французскими сенаторами, префектами, вообще командирами съ приличнымъ содержаніемъ; но собственно народъ этимъ не соблазнишь. Бельгійскій пахарь очень хорошо понимаетъ, что возсѣданіе въ сенатѣ богатаго земляка не облегчитъ для него горе разлуки съ сномъ, уведеннымъ, напримѣръ, на основаніе трона Максимилиана 1. Въ 1815 году бельгійцы показали различіе между сердцемъ и ковардой. Ихъ, пожалуй, можно принимать за французовъ по нравамъ и языку, но прежде всего они суть бельгійцы, и странно объявлять притязанія на людей, которые доказали въ 1830 году свое же-

* *A propos de la guerre*, par Louis Veuillot. in-8°. Chez Palm.

ланіе оставаться самими-собою. Намъ хотятъ также увѣрить, что рейнская страна, нѣмецкая по языку, правамъ и крови, есть не болѣе, какъ французская земля. Не дай намъ Богъ поддаться обману, хотя бы то сами нѣмцы влялись намъ въ этомъ; не дай намъ Богъ уступить соблазну, хотя бы то вся Европа намъ ихъ предлагала, ибо едва стопа наша коснется этой священной для Германіи почвы, изъ-подъ нея мгновенно опрокинется на насъ германское единство, и еслибы не нашлось государственнаго человѣка, чтобы поднять противъ насъ крестовый походъ, его поведетъ противъ насъ первый встрѣчный изъ полпивнои. И надолго ли овладѣемъ мы будто бы «нужными» намъ землями? И какъ слядимъ мы съ различіемъ въ законахъ и нравахъ? «Помните—заключаетъ Луи Вѣльйо—народъ, который подбираетъ въ рукахъ чужія національности, въ концѣ концовъ лишается своей собственной, ибо онъ не только окружаетъ себя ненадежными территориями, но леденитъ свое сердце.

Изъ приведеннаго краткаго изложенія достаточно видѣнъ дѣльный взглядъ знаменитаго клерикала на рейнскія границы. Касаясь мимоходомъ различныхъ предметовъ современной политики, Луи Вѣльйо высказываетъ нѣсколько и другихъ основныхъ сужденій. Такъ, напримѣръ, онъ не задумываясь объявилъ, что «самый прочный изъ всѣхъ союзовъ настоящей минуты, *единственный* прочный союзъ, это—союзъ Россіи съ Америкой»... Но, странная вещь, едва этотъ проицательнѣйшій изъ ультрамонтановъ касается папы, Италіи, какъ тотчасъ впадаетъ въ самые необузданные, чтобы не сказать горячешные, припадки воображенія. Знаете ли, что онъ предлагаетъ для окончательнаго замиренія Европы, что считаетъ удобоисполнимымъ? Возстановленіе Неаполитанскаго Королевства, впрочемъ, безъ Франциска, съ *какимъ-нибудь* другимъ; возвращеніе папѣ отнятыхъ областей, реставрація въ Парижѣ, Моденѣ и Флоренціи, наконецъ, дарованіе Венеціи независимаго существованія. И осуществленіе этихъ блестятельныхъ указаній г. Луи Вѣльйо поручаетъ не кому другому, какъ... Австріи! Такова притъ клерикальнаго коньяка, уносящаго своихъ союзниковъ — прямо въ однопредметное помѣшательство!

Изъ другихъ печатныхъ отголосковъ на современные вопросы, укажемъ брошюру:

Молдо-Валахія и верховенство Оттоманской Порты.

Это чуть ли не первое здѣсь трезвое слово о дунайскихъ княжествахъ. Отчасти по незнакомству съ чужими странами, а главнымъ образомъ изъ-за недовѣрія къ Россіи и ея мнимымъ притязаніямъ, во Франціи принято считать Молдавію и Валахію такими же богатыми жизненностью политическими единицами,

* LA MOLDO-VALACHIE et la suzeraineté de la porte ottomane. Br. in-8°. Chez Dentu.

какъ и всякое другое государство, и поддерживать ихъ «національнѣ» стремленія. Румынской національности авторъ и не отрицаетъ — это возбуждало бы противъ него всеобщій возмущеніе; но онъ серьезно заподозрѣваетъ политическую состоятельность румыновъ, и отрицаетъ присутствіе въ нихъ какихъ бы то ни было стремленій. Чтобы жить своею собственною жизнью — говорить онъ — молдо-валахскія провинціи, расположенныя промежъ трехъ самыхъ обширныхъ державъ Европы, должны бы обладать крѣпкими естественными границами и чрезвычайно могучимъ національнымъ духомъ. Ничего подобнаго у нихъ нѣтъ. Это не особенное политическое тѣло, а объектъ вліяній; не территорія, а поприще разнообразнѣйшихъ интригъ, которыя, эксплуатируя недостатки и пороки румынскаго народа, пользуясь мѣстными страстями, раздувая честолюбіе однихъ и ненависть другихъ, создаютъ, сообразно видамъ данной минуты, то, что потомъ провозглашается «національнымъ движеніемъ». Молдо-валахская нація не существуетъ сама-по-себѣ, не дѣйствуетъ сама-собою, но ходитъ на буксирѣ, поворачиваясь то направо, то налево, сама не зная куда и для чего. Послѣ крымской кампаніи, румыны, казалось, хотѣли раздѣленія княжествъ; потомъ они захотѣли соединенія и, вопреки подавному въ 1854 году французскому правительству мемуару, въ которомъ возставали противъ самой мысли о государѣ изъ туземцевъ — избрали себѣ князя Кузу, что было очень пріятно для тюльрійскаго кабинета, но, должно быть, не составило «національнаго стремленія», ибо вскорѣ они Кузу прогнали. Вслѣдъ затѣмъ, національное собраніе возгорѣло желаніемъ имѣть бельгійскаго принца; черезъ два мѣсяца, временное правительство распустило собраніе; далѣе пошли кровавыя сцены, преслѣдованіе духовенства, нападеніе на епископа и наконецъ — опять-таки, вопреки заявленію 1854 года, гдѣ было сказано, что румыны несогласны не только на туземнаго, но и на нѣмецкаго принца, и что имъ нуженъ государь непремѣнно латинской крови — они приглашаютъ къ себѣ... Гогенцоллерн-Зигмарингена...

Если спросить о чемъ румыновъ — продолжалъ авторъ — они даютъ такой отвѣтъ, какой спрашивающему требуется получить. Вся ихъ исторія не что иное, какъ хаотическое столкновеніе разнообразныхъ желаній, въ которомъ нѣтъ никакой возможности отличить желаніе самого населенія. Да и существуетъ ли оно? Есть ли у румыновъ воля? Есть ли въ этой странѣ общественное мнѣніе? Есть ли въ ней народъ, знающій, чего онъ хочетъ, и настойчиво преслѣдующій свою цѣль? Надобно прямо смотрѣть на вещь, не обманывая себя иллюзіями: не охраняя Молдо-Валахію взаимное недовѣріе великихъ державъ и принимаемая ими другъ противъ друга предосторожности — Румынія уже давно исчезла бы съ лица земли. Приписываемаго ей себѣ происхожденія, родства съ латинами, воспоминаній, древняго имени, которымъ она себя называетъ, испорченнаго діалекта, которымъ она говоритъ — всего этого недостаточно, чтобы обратить римскую колонію, заброшен-

ную въ славянскій край, въ независимое государство. Съ другой стороны — съ точки зрѣнія восточнаго вопроса, было бы большою ошибкою полагать, что возрожденіе составляющихъ Турцію національностей, служить къ укрѣпленію Турецкой Имперіи. Дайте Молдо-Валахіи независимое существованіе, и на другой же день воспрянуть Сербія и Черногорія, дѣйствительно обладающіе элементами самостоятельности. Чтѣ тогда станется съ Турціей, и кому вручить ея обломки?

По вѣсѣмъ этимъ соображеніямъ, авторъ убѣждаетъ Францію строго охранять *statu-quo*, конечно, работать дипломатическимъ путемъ для введенія въ турецкіе нравы, законодательство и т. д. всевозможнаго прогресса, но отнюдь не поощрять румынскихъ поползновеній къ независимости. Турецкое верховенство — прибавляетъ онъ — можетъ тѣмъ менѣе тяготить княжества, что оно ведется издавѣка, съ 1463 года — для Валахіи, съ 1513 — для Молдавіи, и что эти провинціи не завоеваны, а подчинились Портѣ добровольными капитуларіями.

Оцѣнка румыновъ вѣрна, и заключенія автора именно таковы, какихъ требуютъ теперь интересы Европы, и какихъ, сказать мимоходомъ, держится русская политика по молдо-валахскому вопросу. Но во Франціи эти идеи не могутъ имѣть большого успѣха. Здѣсь всѣ увѣрены, что Оттоманской Имперіи приходитъ конецъ. «Истощенная Турція нашихъ дней — писалъ на дняхъ честиѣйшій и серьезнѣйшій изъ всѣхъ парижскихъ листовъ, *le Temps* — безпокоитъ насъ почти столько же, сколько въ старину грозные османлы пугали нашихъ предковъ. И мы не можемъ скрывать отъ себя, что легче было сдерживать прежнюю воинственную Турцію, чѣмъ поддерживать теперь Турцію больную, ибо силу всегда можно нейтрализовать или побороть, тогда-какъ противъ разложенія нѣтъ никакого средства. Наступаетъ минута, когда никто не въ состояніи предохранить отъ гибели то, чтѣ источено внутри. Напрасный трудъ возводить въ догматъ цѣлость Оттоманской Имперіи, когда эта цѣлость не содержитъ гарантіи въ самой себѣ, во взаимномъ таготѣніи другъ въ другу частей, въ здоровьѣ общаго строя. Провозгласивъ неприкосновенность Турціи, Европа застраховала ее отъ внѣшняго нападенія, до тѣхъ поръ, пока этотъ догматъ будетъ уважаемъ всѣми содѣйствовавшими его образованію державами. Но Европа не застраховываетъ Турцію отъ внутреннихъ извъ, которыхъ разрушительное дѣйствіе становится все очевиднѣе; она не застраховываетъ Турцію отъ неа самой».

Итакъ, по здѣшнему мнѣнію, Турція должна сократиться сама-собою, даже безъ внѣшняго толчка, какъ надламывается подгнившій столбъ. Если слѣдуетъ заботиться о ея сохраненіи, то не въ видахъ радикальнаго излеченія, какъ предлагаетъ авторъ, а лишь для того, чтобы гальванизировать ее, пока не откроется возможность такой комбинаціи, при которой она рухнула бы не въ пользу Россіи. Вотъ уже первое противорѣчіе идеямъ автора. Изъ него

вытекает и другое, ибо обрекая Турцію на смерть, съ нею, понятно, нельзя связывать будущности Молдо-Валахиі. Относительно всего этого существуетъ цѣлая теорія, составляющая одну изъ важнѣйшихъ частей французской программы объ европейской перестройкѣ. Турковъ оправдать въ Малую-Азію, гдѣ они основали бы новую имперію, предназначенную «сдерживать успѣхи русскаго владычества на Кавказѣ»; и за переселеніе, въ случаѣ надобности, вознаградить ихъ приличною финансовою мздою. На мѣсто теперешней Оттоманской Порты—греческое государство, однако, со столицею не въ Константинополѣ, который долженъ быть нейтрализованнымъ вольнымъ городомъ, а гдѣ-нибудь между Салоники и Воло, конечно, на морскомъ берегу. А Молдо-Валахию—*Австріи*, и ей же отдать вкстати Булгарію, Сербію и Боснію... Ополчаться на эти фантазіи совершенно бесполезно: съ ними расправятся сами событія.

Внѣшняя политика, да внѣшняя политика — таковы преобладающіе помыслы наполеоновской Франціи; однако, на этотъ разъ печатные станки снабжаютъ насъ матеріаломъ относительно и ея собственныхъ обстоятельствъ. Дѣло идетъ о предметѣ съ виду сухомъ, но въ сущности беззвѣстномъ — о духовныхъ завѣщаніяхъ. Прежде всего надобно напомнить читателю, что хотя Франція — страна, проникнутая римскими преданіями, и хотя въ драгоцѣнномъ для нея римскомъ правѣ, законъ двѣнадцати таблицъ постановляетъ: *Ut i legassit paterfamilias super pecunia tutelave suae rei, ita jus esto*, тѣмъ не менѣе ей, между прочими вольностями, недостаетъ и завѣщательной свободы, права распоряжаться завѣщаніемъ своего имѣнія и имущества по собственному усмотрѣнію. Въ 1793 году, конвентъ, желая подорвать значеніе высшихъ классовъ общества, въ которыхъ онъ видѣлъ опору погибающей монархіи, и слѣдуя примѣру Англіи, гдѣ подслѣян подобнымъ же образомъ вліяніе собственниковъ католическаго исповѣданія, ввелъ въ законодательство такъ-называемый *partage forcé, обязательный раздѣлъ*, то-есть равное распредѣленіе завѣщаемаго между законными наследниками. Какъ все, что творилось въ тогдашнее время, политическая мѣра была мотивирована философскими соображеніями. «Воля человѣка — говорили ея партызаны — имѣетъ естественнымъ предѣломъ человеческую жизнь; пока человѣкъ живъ, онъ употребляетъ и злоупотребляетъ своею собственностью, какъ хочетъ; но соединенныя съ нею права не переживаютъ его, слѣдовательно, посмертное распоряженіе имуществомъ должно принадлежать не ему, а закону». Наполеонъ, впоследствии, былъ откровеннѣе относительно политической цѣли этого и другихъ подобныхъ законовъ: «Перенесите въ Неаполь нашъ гражданскій кодексъ — писалъ онъ брату своему Іосифу — онъ въ нѣсколько лѣтъ размечетъ все, что вамъ враждебно, а преданныя семьи вы можете сохранить посредствомъ майоратовъ».

Какъ бы то ни было, благодаря конвенту и Наполеону, Франція наслаждается теперь завѣщательной системой, какою нѣтъ

ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ. Ни отецъ, ни мать не въ правѣ распредѣлять ни родовое, ни благопріобрѣтенное, ни движимое, ни недвижимое имущество между своими дѣтьми, сообразно тѣмъ или другимъ соображеніямъ: все должно быть раздѣлено промежъ наслѣдниковъ *поровну*. Для богатыхъ людей это не представляетъ особеннаго вреда: состояніе принца де-Шимень, напримѣръ, одного изъ значительнѣйшихъ собственниковъ и капиталистовъ Франціи, не разстроится отъ раздѣла и потому, что громадно-велико, и потому, что каждый изъ наслѣдниковъ округлитъ свою часть сообразнымъ своему положенію бракомъ, и наконецъ потому, что достаточныя лица имѣютъ средство обойти законъ разными совершенными при жизни сдѣлками. Но бѣдный, или просто не очень зажиточный народъ! На него-то и падаетъ вся тяжесть придуманной противъ аристократіи статьи. Отцы семейства лишены возможности распредѣлять свое состояніе для пользы самихъ же наслѣдниковъ, сообразно ихъ способностямъ и занятіямъ, въ видахъ лучшаго ихъ обезпеченія: на практикѣ вотъ что изъ этого выходитъ. Я небольшой собственникъ, и у меня два сына и дочь. Сыновья, благодаря данному имъ воспитанію, сдѣлали свою карьеру, какъ говорится: одинъ—адвокатъ, другой—докторъ; оба совершенно обезпечены. Дочь—находится при мнѣ, и осталась въ дѣвушкахъ. Послѣ моей смерти, земелька дробится на трое, и дочь на старости лѣтъ почти безъ куска хлѣба, ибо рассчитывать на родственныя чувства въ современной Франціи, на родственную помощь, на кровь у одного изъ братьевъ, все равно, что рассчитывать на выигрѣшъ пятисотъ тысячъ въ мексиканскую лотерею. Или, у меня два сына. Одинъ разбогатѣлъ въ торговлѣ, другой прозябаетъ на маленькомъ жалованьѣ въ министерствѣ: поровну земелька, въ ущербъ бѣдняку. Или, одинъ изъ моихъ сыновей постоянно боленъ, другой здоровъ и служитъ въ акціонерной компаніи: раздѣлять ихъ поровну, хворому не на что будетъ лечиться. Умерла жена фабриканта, который имѣетъ фабрику въ общемъ съ нею владѣніи (*régime de la communauté*): продажа фабрики, для раздѣла матерней части между дѣтьми, означаетъ гибель процвѣтавшаго заведенія. Умеръ рабочій—инструментъ его дѣлится, кому молотокъ, кому пила, кому долото, вмѣсто того, чтобы завѣщать все одному, знающему ремесло отца, съ уплатою данной суммы прочимъ наслѣдникамъ. Умеръ ремесленникъ или лавочникъ; онъ не въ правѣ завѣщать мастерскую или лавку сыну, который продолжалъ бы занятія, дѣлясь съ сестрами и братьями доходомъ: лавка или мастерская—продаются, чтобы поровну раздѣлить капиталъ, и сорокалѣтній иногда трудъ идетъ прахомъ. Чѣмъ наслѣдство незначительнѣе, тѣмъ результаты *partage forcé* ужаснѣе, не только потому, что дробность раздѣленныхъ частей дѣлаетъ ихъ никому неполезными, но еще и потому, что издержки передачи наслѣдства непостижимо высоки. Бываютъ такіе примѣры, что умираетъ человекъ, оставляющій по себѣ въ провин-

ція домишко, колокъ земли и огородъ цѣнностью въ 900 франковъ. Надобно произвести раздѣлъ, слѣдовательно продать. Продажу, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, выручается всего 725 франковъ, а издержки простираются до 652 ф. 63 с. * . Остается дѣлить—47 фр. 37 с., тогда какъ въ домишкѣ можно было бы жить, и колокъ земли худо ли, хорошо ли кормиться. При наслѣдствѣ въ 500 франковъ, издержки (которыхъ избѣжать нельзя) поглощаютъ все безъ остатка. И замѣтите, что подобныхъ наслѣдствъ немало. Въ Оверни есть «поземельныя собственности» въ 10 и 15 метровъ; въ Аржантейлѣ, близъ Парижа, есть «землевлдѣнія», величиною въ небольшую комнату. Дробность владѣнія во Франціи такова, что кусокъ въ 500 франковъ вовсе не рѣдкость.

* Интересно было бы привести подробный перечень этихъ издержекъ; къ сожалѣнію, это невозможно. Онъ такъ великъ, что занялъ бы болѣе шести страницъ «Отечественныхъ Записокъ». Вотъ вкратцѣ перечисленіе составившихъ его статей. Первая цифра обозначаетъ сумму, взысканную фискомъ, вторая — уплаченную такъ-называемымъ *officiers ministériels*, то-есть мирнымъ судьямъ, приставамъ и т. п. *По оставшейся движимости*: наложеніе печатей: 2 ф. 90 с. и 18 фр. 51 с., всего 16 фр. 41 с.; созваніе членовъ семьи—6,65 и 6,57, всего 13,22; приглашеніе опекуна (наслѣдники были малолѣтніе) 3,25 и 9,06, всего 12,33; снятіе печатей—5,10 и 17,50, всего 22,60; опись—19,35 и 55,66, всего 75,01. Хранителю печатей—25,20; объявленія о продажѣ—3,20 и 3,50, всего 6,70; протоколъ о вывѣщеніи объявленій—2,55 и 12,25, всего 14,80; помѣщеніе тѣхъ же объявленій въ газетѣ—1,10 и 6, всего 7,10; заявленіе о продажѣ въ *bureau de l'enregistrement*—35; протоколъ о состоявшейся продажѣ—12,05 и 18, всего 30,5; составленіе описи исчисленнымъ издержкамъ—1,50. Итого 56,50 и 168,77, то-есть всего 225 фр. 27 сантим. издержекъ касательно оставшейся *движимости*, проданной всего за 226 франковъ. Издержки превышаютъ выручку. *Недвижимость* продана за 500 фр. и повела къ слѣдующимъ статьямъ: созваніе членовъ семьи 4,65 и 18,75, всего 18,40; совѣщаніе передъ мирнымъ судьей—7,90 и 7,53, всего 15,43; прошеніе суду о дозволеніи на продажу—2,90 и 5,50, всего 8,40; рѣшеніе суда и назначеніе оцѣнщиковъ—21,95 и 7,25, всего 29,20; распоряженіе о приводѣ оцѣнщиковъ къ присягѣ—3,65 и 1,50, всего 5,15; позывъ оцѣнщиковъ—3,25 и 9,63, всего 12,88; протоколъ о приведеніи оцѣнщиковъ къ присягѣ—5,10 и 2,45, всего 7,55; опись и оцѣнка—24,05 и 57, всего 24,62; утвержденіе оцѣнки—4 и 5,50, всего 9,50; окончательное разрѣшеніе продажи—21,85 и 7,25, всего 29,15; продажные листы—12,90 и 26,45, всего 29,35; составленіе объявленій о продажѣ—9,55 и 34,50, всего 44,05; заявленіе продажныхъ листовъ въ судѣ—5,10 и 2,70, всего 7,80; первая публикація въ газетѣ—1,10 и 18, всего 14,10; первое наложеніе вывѣщаемыхъ объявленій—2,55 и 14,50, всего 17,5; тоже вторая публикація и наложеніе—5,10 и 29, всего 34,10; торгъ—6,60 и 5,25, всего 11,85; новая публикація—1,10 и 18, всего 14,10; переторжка—0,70 и 18,75, всего 19,45. Итого, 144,40 и 274,51, то-есть всего по *недвижимости* 418 фр. 91 с. Разбираемый случай относится къ прошлому, хоть недавнему, но прошлому. Теперь издержки нѣсколько сокращены. Это несчастное наслѣдство заплатило бы теперь не 652 фр. 63 с., а лишь 450 фр. 36 с. Но и послѣдняя цифра все-таки уменьшаетъ наслѣдство до половины, и дѣлить приходится немного.

Послѣдствія очевидны. Въ деревняхъ заводится пролетаріатъ, бѣгущій въ города и переполняющій столицу. Въ городахъ, дѣти достаточнаго населенія, разсчитывая на вѣрную долю въ наслѣдствѣ, проводятъ жизнь въ праздности; бѣдные и незажиточные классы, чтобы не плодить нищихъ, систематически *устраиваютъ* бесплодіе браковъ, *посредствомъ особенныхъ приемовъ ad hoc*, такъ что въ то самое время, когда, по исчисленіямъ Горна, каждый миллионъ народонаселенія увеличивается въ годъ въ Саксоніи—15,500 новыми членами, въ Англіи—14,100, въ Пруссіи—13,900, въ Даніи—11,100 и въ Голландіи—8,700, во Франціи онъ приращается всего лишь 4,200 человекъ. Въ Европѣ перевѣсъ рожденій надъ смертностью даетъ среднимъ числомъ 40%, во Франціи онъ едва достигаетъ 11, отсюда и сокрушенія какъ теперь, съ точки зрѣнія ландвера, о томъ, что число двадцатилѣтнихъ молодыхъ людей относительно слабѣе прусскаго контингента молодѣжи... Нечего и говорить ужъ, въ какой степени страдаетъ промышленность, которой безпрестанно доводится начинать сначала, ибо едва заводъ, домъ, фабрика, торговля успѣла прочно утвердиться—*partage forcé* рветъ ихъ вонъ съ корнемъ. По мнѣнію г. Альбера де-Сен-Лежэ, высказанному въ 1859 году предъ комисією изысканій государственнаго совѣта о хлѣбной торговлѣ, стѣсненіе завѣщательнаго права грозить даже будущности хлѣбныхъ запасовъ страны...

Знающіе Францію иностранцы давно замѣтили недостатки этой системы. Еще въ 1815 году, на вѣнскомъ конгрессѣ, одинъ англійскій дипломатъ, видя неудачу своихъ усилій обрѣзывать Францію до границъ XVII столѣтія, утѣшалъ себя мыслью, что «законы о завѣщаніяхъ этой страны достаточно ее ослабляютъ». Но въ самой Франціи, невыгоды *partage forcé* до сихъ поръ лишь *чувствовались*, однако не *сознавались*. Писатели обыкновенно избѣгали этого предмета, полагая, что походъ ихъ не удастся и только возбудить противъ нихъ общественное мнѣніе. Этому опасенію уступилъ даже Токвиль, обыкновенно браво сражавшійся съ предразсудкомъ. Тѣ изъ авторовъ, которые рѣшались замолвить слово въ пользу завѣщательной свободы, Ле-Плэ (*Ouvriers européens* и *la Réforme sociale en France*), Тролонъ (*Traité des donations etc.*), дѣлали это въобъемистыхъ сочиненіяхъ, недоступныхъ массѣ, слѣдовательно неимѣющихъ вліянія на ея убѣжденія.

Проблѣмъ начинаетъ теперь пополняться. Надобно сказать, что во Франціи видѣтъ съ нѣкотораго времени прогрессъ политическихъ идей, или по крайней-мѣрѣ попытки къ прогрессу. Съ каждымъ днемъ увеличивается число лицъ, которыя съ одной стороны—убѣждены въ необходимости вѣрить наконецъ судьбу страны реформамъ, а не революціямъ, съ другой—признаютъ, что реформы не падаютъ съ неба и не совершаются нѣкимъ *deus ex machina*, или геройско-поэтическимъ порывомъ одной минуты, а добываются сознаниемъ въ ихъ необходимости и уси-

ліями самихъ гражданъ, прозаическою работою каждаго дня, устремленною къ одной цѣли. Сообразно съ этимъ, то тамъ, то самъ возникаютъ комитеты той или другой мирной пропаганды, свѣатели политическаго зерна будущей жатвы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, образовался въ Нанси комитетъ для распространенія здравыхъ политическихъ идей, преимущественно идей о самоуправленіи и децентрализаци. Подобный же комитетъ, составленный главнымъ образомъ изъ негоціантовъ *, явился теперь въ Марсели. Цѣль его—реформа социальная, и онъ начинаетъ свою дѣятельность брошюрою:

Гражданская свобода **,

которая требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ гражданскомъ правѣ, и прежде всего—завѣщательной свободы. По мнѣнію комитета, гражданскія вольности суть первая ступень, путь къ вольностямъ политическимъ. Если не ошибаюсь, это не совсѣмъ такъ. Иной гражданской свободы страна не добьется, пока нѣтъ у нея свободы политической, ибо лишь послѣдняя снабжаетъ органами, посредствомъ которыхъ желанія населенія становятся фактомъ. Политическая свобода, то-есть самообладаніе, самораспоряженіе, вовсе не «верхушка зданія», какъ увѣряетъ Наполеонъ III, а средство возвести удобную для обитателей постройку.

Но это вопросъ посторонній, и разномысліе о немъ не должно мѣшать возданію чести инициативѣ марсельскаго комитета, который первый выступилъ во Франціи съ популярною защитою права завѣщанія. Нѣтъ надобности излагать доводы его въ пользу послѣдняго: относительно русскихъ читателей это было бы упражненіемъ въ родѣ выколачиванія открытой двери. Отмѣтимъ только, что комитетъ весьма умѣренъ въ своихъ *via desideria*, и даже не требуетъ предоставленія завѣщателю полной свободы распоряженія, ограничиваясь желаніемъ такого закона, который попрежнему устранилъ бы возможность лишенія наслѣдства и обязывалъ бы отца семейства снабжать соразмѣрными состоянію средствами существованія всѣхъ безъ исключенія дѣтей, но по крайней-мѣрѣ дозволялъ бы ему распредѣлять завѣщаемое сообразно достатку, способностямъ и характеру каждаго. Съ другой стороны, вспомнимъ, обращаясь къ примѣру другихъ народовъ и собственной страны, что и неограниченная завѣщательная свобода не представляетъ никакихъ ни политическихъ, ни

---

* Вотъ его составъ: гг. Ардуанъ, негоціантъ; Луи де-Буланъ, наборщикъ; Куданъ-Лотрекъ, архитекторъ; Ферранди, арматоръ; Фурнье, мебельный мастеръ; Жираръ, землевладелецъ; Гро, оптовой торговецъ шерстью; Изпаръ, докторъ медицины; Жуаръ, негоціантъ; Жуберъ, негоціантъ; Жюльенъ, негоціантъ; Ложье, фабрикантъ; Луи, оптовой торговецъ носильнымъ товаромъ; Мэфри, землевладелецъ; де-Миллеръ, землевладелецъ; Ранбо, негоціантъ; Саландрувъ-Лемулекъ, негоціантъ; Сонтонъ, фабрикантъ; Телонъ, носильщикъ.

** *Liberté civile*. Вг. in-8°. Marseille, chez *Arnaud, Cayer et Cie*.

гражданских неудобствъ. Основываясь на этихъ двухъ соображеніяхъ, казалось бы привѣтствовать усилія комитета благопріятнымъ гороскопомъ; но мѣстные обстоятельства дѣлають ихъ успѣхъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Правда, нравы Франціи нисколько не препятствуютъ предлагаемому улучшенію законодательства; напротивъ, въ нѣкоторыхъ департаментахъ, напримѣръ, у лаведанскихъ и беарнскихъ поселянъ, въ деревнѣ Сен-Мартен-д'Оксиньи и т. д., въ обычаѣ — вопреки темерешнему закону, всячески избѣгать *partage forcé*. Были уже попытки публичной защиты права завѣщательнаго распоряженія, напримѣръ, извѣстнаго рѣчь герцога де-Перспьянъ въ обществѣ *Diana*, заявленіе сорока-одного члена законодательнаго корпуса, петиція колонистовъ острова св. Мавривіа—слѣдовательно завѣщательная свобода не можетъ уже и остальному населенію являться чѣмъ-то совершенно несбыточнымъ и дикимъ. Тѣмъ не менѣе, мнѣніе большинства ей враждебно, ибо въ путаницѣ своихъ воспоминаній, оно смѣшиваетъ завѣщательную свободу съ ненавистнымъ ему правомъ первородства (*droit d'ainesse*). Пока не произойдетъ переворота въ общественномъ мнѣніи, всѣ начинанія по вопросу останутся безплодны. А чтобы произвести этотъ переворотъ, и чрезъ общественное мнѣніе подѣйствовать на законодательную власть, казія бываютъ средства?... Митинги, журналистика, прошеніе о назначеніи изслѣдованія (*enquête*), которое разъясняло бы публикѣ сущность дѣла. Но митинги во Франціи запрещены. Журналистика не вступаетъ за вопросъ, ибо часть ея раздѣляетъ предразсудки большинства, другая нарочно поддѣлывается подъ нихъ, чтобы польстить абонентамъ. (Это не преувеличеніе. Г. Помье, главный редакторъ газеты «*Echo Agricole*», откровенно признавался, во время обсужденія вопроса о хлѣбопеченіи, что не говоритъ на своихъ столбцахъ правды, чтобы не идти въ разрѣзъ со взглядомъ своихъ подписчиковъ). Что до изслѣдованія (*enquête*), то просить о немъ нельзя законодательный корпусъ, который навелъ бы парламентскую справку по всей странѣ, могущую повести къ открывающимъ глаза результатамъ: надобно обращаться въ сенатъ или государственный совѣтъ, то-есть придти къ назначенію официальной комисіи, составленной изъ людей предубѣжденныхъ и которыхъ труды, во всякомъ случаѣ, представляя собою, какъ въ англійскихъ парламентскихъ дознаніяхъ, сводъ отзывовъ самой страны, останутся безъ вліянія на нее. Желанія марсельскаго комитета долго еще будутъ простыми желаніями...

Говоря о писателяхъ, неубоявшихся ополчиться противъ *partage forcé*, я упомянулъ имя г. Ле-Плэ и его сочиненія. Одна изъ его книгъ, *la Réforme Sociale en France*, вышла на дняхъ вторымъ, исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ. Это нѣсколько сухое, но весьма дѣльное изложеніе если не всѣхъ улучшеній общественнаго строя, котораго Франція не сумѣла завести у себя несмотря на всѣ многочисленныя революціи, то по

крайней-мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ необходимость сознава авторомъ. Въ слѣдующей *Хроникѣ* я посвящу книгѣ г. Ле-Пля нѣсколько страницъ — впрочемъ, лишь въ такомъ случаѣ, если позволятъ вышедшія въ этотъ промежутокъ времени изданія, и особенно ожидаемая къ выходу въ свѣтъ 21-го числа *Листа Массимо д'Аземіо*. По характеру этой корреспонденціи, новымъ книгамъ, понятно, должно принадлежать первое мѣсто.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Отставка генерала Кауфмана.—Состояніе униатской вѣры въ холмской епархіи.—Приключеніе съ О. Ивановъ Стрѣлецкимъ въ Вильнѣ.—Графъ Голуховскій и кн. Чарторыйскій въ Галиціи.—Почему русскій публицистъ, занимающійся только внутренними дѣлами Россіи, не можетъ обходить безъ вниманія дѣла галицкихъ?—Мѣры, необходимыя для усиленія русскаго элемента въ городахъ Западной Россіи.—Переходъ католическихъ священниковъ въ православіе и впечатлѣнія ему.—Можно ли говорить объ *обрусѣніи* Западной Россіи?—Постройка желѣзныхъ дорогъ въ Россіи средствами земства.—Возобновленіе споровъ о мѣстѣ рожденія Гомера. — На что нужно обращать особенное вниманіе при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи?—Несчастіе на одесской желѣзной дорогѣ. — Необходимость строгой отвѣтственности за несчастія на желѣзныхъ дорогахъ, происходящія отъ невнимательности администраціи.—Нѣмецкій *Drang nach Osten* въ Ригѣ.

Увольненіе генерала Кауфмана отъ должности генерал-губернатора сѣверо-западнаго края возбудило весьма разнообразныя чувства въ русскомъ обществѣ. Одни усомнились въ прочности системы, принятой русскимъ правительствомъ въ западномъ краѣ, и пожалѣли о недостаткѣ этой прочности; другіе съ плохо скрываемымъ удовольствіемъ надѣялись, что отставка генерала Кауфмана, именно и приведетъ къ этой желанной перемѣнѣ системы. Недоумѣнія были разсѣяны статью «*Journal de S.-Petersbourg*», въ которой ясно и прямо было сказано, что событіе это «не означаетъ ни малѣйшей перемѣны въ политической системѣ, принятой въ руководство относительно западныхъ губерній имперіи и Царства Польскаго».

Нечего прибавлять, что такой образъ дѣйствій, то-есть нисколько неизмѣненная прежняя политика на западѣ имперіи, составляетъ въ настоящее время такую же точно необходимость, какъ за два и за три года передъ этимъ. Дѣла такого рода, какъ реформа важнѣйшихъ общественныхъ и сословныхъ отношеній, скоро не совершаются; забытое вѣвами, униженное нравственно и приведенное въ нищету населеніе не можетъ скоро, и одними собственными средствами, возвратитъ свои нравственныя качества, экономическую и политическую самостоятельность. До сихъ поръ

много быть сдѣлано не могло; польская народность въ западныхъ губерніяхъ все еще представляетъ наиболѣе сильныя соціальныя элементы; будучи несравненно слабѣе числомъ, поляки сильнѣе туземнаго русскаго населенія богатствомъ, образованіемъ, политическою бывалостью, если не опытностью, и наконецъ единодушіемъ и упорнымъ стремленіемъ къ своимъ дѣламъ. Оставить въ настоящее время на произволъ судьбы борьбу туземнаго русскаго населенія съ польскимъ, предоставить каждое изъ нихъ собственнымъ своимъ силамъ было бы крайне недальновидно; исходъ борьбы не могъ бы быть ни въ какомъ случаѣ сомнителенъ. Великорусская часть русскаго народа, та, которая на своихъ плечахъ вынесла судьбу всей русской народности, которая соединила ее всю въ одно политическое цѣлое, за исключеніемъ жителей Галиціи, должна еще разъ, и вѣроятно еще не послѣдній разъ, сослужить свою давнюю, привычную службу въ собираніи и сплоченіи русской земли; дѣло Ивана Даниловича Калиты и Ивана Васильевича III еще недо-дѣлано.

Русскій народъ почти весь соединенъ въ одинъ политическій организмъ; но тамъ, гдѣ онъ долгое время находился подъ чуждою властью, гдѣ русскій человѣкъ былъ крестьяниномъ поляка, онъ еще довольно забитъ и деморализованъ, и еще нуждается въ поддержкѣ своихъ братьевъ, болѣе счастливыхъ своею историческою судьбою.

А польская справа, польскіе замыслы снова поработить часть русскаго народа, очевидно, еще не окончились, и даже, повидимому, получили новыя надежды. Это показываютъ многіе признаки, многіе факты, наблюдаемые какъ внутри государства, такъ и за его границами. Прежде всего весьма много говоритъ исторія священника Калинскаго, исправлявшаго должность епископа холмской униатской епархіи въ Царствѣ Польскомъ. Эта епархія представляетъ, или, по крайней-мѣрѣ, до послѣднихъ дней представляла явленіе въ высшей степени поучительное. Она состоитъ изъ людей русскаго происхожденія, которыхъ страна, въ былое время, составляла часть земли русской; эти люди до сихъ поръ говорятъ языкомъ русскимъ (малорусскимъ); они исповѣдуютъ вѣру, составляющую средину между православіемъ и римскимъ католицизмомъ, которая, слѣдовательно, къ православію ближе, нежели римскій католицизмъ. Короче, эта епархія, и люди, составляющіе ее, имѣютъ, какъ и прежде имѣли, всѣ права на сочувствіе, вниманіе и покровительство русскаго народа, или русскаго правительства. И въ желаніи современнаго намъ русскаго правительства поддерживать, всегда и вездѣ, все русское, сомнѣваться нѣтъ никакой возможности. А между тѣмъ происходило нѣчто весьма странное. Холмская униатская епархія въ самыя послѣдніе годы подвергалась постояннымъ захватамъ со стороны католицизма: то, что въ ней было русскаго, подвергалось преслѣдованію; русская паства, составляющая ее, должна была молиться и слушать поученія на польскомъ языкѣ; православныя обряды были изгоняе-

мы, а католическіе вводимы, и все это наперекоръ симпатіямъ и желаніямъ самой паствы. Естественно, что паства дорожила обрядами, наслѣдованными отъ предковъ; мало того, она была бы рада подвергнуть обряды своего рода очищенію, выбросить изъ нихъ то, что внесено въ нихъ впоследствии, благодаря сближенію послѣдователей уни съ католиками, и приблизить ихъ къ первоначальному виду, въ какомъ ихъ принимаетъ церковь православная, и какими они должны быть на основаніи актовъ, лежащихъ въ основѣ уни. Того же самаго желали униаты галицкіе, живущіе въ государствѣ католическомъ, котораго государь считается старшимъ сыномъ католической церкви; и униаты галицкіе могли исполнить свое желаніе, потому что оно совершенно согласно съ законами. Но тѣ униаты, которые живутъ въ государствѣ православномъ, наши униаты холмской епархіи, должны были отказаться отъ своихъ желаній, должны были съ горечью въ сердцѣ видѣть, что древніе православные обряды болѣе и болѣе вытѣсняются обрядами католическими, и не имѣли никакихъ средствъ противоудѣствовать этому.

Виновиномъ всѣхъ этихъ захватовъ католицизма на счетъ православія, былъ исправлявшій должность епископа холмской епархіи, священникъ Калинскій. Какимъ образомъ Калинскій попалъ на эту должность, это намъ неизвѣстно, но его назначеніе доказываетъ несомнѣнно—что самая система назначеній на эти мѣста страдаетъ коренными недостатками и неизмѣнно должна быть измѣнена; необходимо такъ или иначе гарантировать общественное дѣло такъ, чтобы органы, назначенные служить ему, не дѣйствовали ему во вредъ. Но что Калинскій былъ плохимъ слугою униатской вѣры въ предѣлахъ русской земли, это легко видѣть въ слѣдующемъ краткомъ очеркѣ его дѣятельности.

Калинскій вступилъ въ управленіе холмскою епархіею въ 1863 году, вскорѣ послѣ того, какъ началось польское возстаніе. Калинскій былъ ревностнымъ партизаномъ возстанія; онъ получалъ отъ народнаго жюда инструкціи и исполнялъ ихъ; онъ входилъ въ сношенія съ дѣятельнѣйшими агентами польской sprawy, напимѣръ, съ революціоннымъ начальникомъ Холма; онъ позволялъ капеллану одной повстанной шайки въ своемъ присутствіи дѣлать угрозы людямъ, преданнымъ Россіи, и даже позволилъ этому самому капеллану священнодѣйствовать въ холмскомъ кафедральномъ соборѣ. Все это доказано слѣдствіемъ. Наконецъ самъ Калинскій налагалъ трауръ на свою епархію въ то время, какъ трауръ во всемъ Царствѣ Польскомъ служилъ политической демонстраціею; онъ допустилъ и скрылъ передачу повстанцамъ денежныхъ суммъ, принадлежавшихъ разнымъ епархіальнымъ учрежденіямъ. Все это ясно говоритъ о сочувствіи и даже поддержкѣ, какими пользовалось польское возстаніе со стороны исправляшаго должность епископа холмской епархіи.

Семейство Калинскаго принимало еще болѣе непосредственное участіе въ возстаніи. Двое сыновей его были въ рядахъ вооруженныхъ шаекъ, и одинъ изъ нихъ долженъ былъ бѣжать за границу,

гдѣ австрійцами заключенъ въ крѣпость, а другой изъ шайки поступилъ прямо въ холмскую уніатскую семинарію, чтобы впоследствии быть уніатскимъ священникомъ. Дочери уніатскаго епископа были изъ самыхъ ревностныхъ участницъ въ политическихъ демонстраціяхъ, и замѣчательно, что нѣкоторые изъ нихъ оставили унію и перешли въ католицизмъ.

Самъ епископъ, на первыхъ порахъ своего управленія епархіею, заявилъ открыто своимъ подчиненнымъ, что онъ намѣренъ держаться направленія польско-римскаго, и постоянно былъ вѣренъ этому заявленію: уничтожалъ древніе праздники, которые напоминали холмской паствѣ ея родство съ церковью православною; измѣнялъ богослуженіе такъ, что оно болѣе и болѣе отдалялось отъ богослуженія православной церкви и приближалось къ богослуженію католиковъ. Такъ онъ даже не позволялъ пѣть церковныя пѣсни на славянскомъ языкѣ, какъ это дѣлается въ православной церкви и всегда дѣлалось въ уніатской. Изъ духовной семинаріи Калинскій удалилъ лучшихъ профессоровъ, преданныхъ уніи, и замѣнилъ ихъ людьми неспособными, преданными католицизму. Когда правительство нашло нужнымъ пригласить изъ Австріи двухъ извѣстныхъ уніатскихъ ученыхъ, Калинскій одного изъ нихъ отказался принять совсѣмъ, а другого обѣщалъ принять подъ условіемъ, если тотъ подастъ ему прошеніе на польскомъ языкѣ.

Правительство не могло не обратить вниманія на всѣ эти факты и, наконецъ, осенью этого года оно удалило Калинскаго отъ должности, который и былъ посланъ въ Вятку, гдѣ ему сохранено ежегодное содержаніе въ 1,500 рублей. Нечего и говорить, что правительство поступило съ нимъ очень мягко; можно удивляться не тому, что онъ удаленъ, а развѣ тому, что онъ удаленъ очень поздно, что ему позволяли три года оставаться на своемъ мѣстѣ.

Во всякомъ случаѣ, исторія эта показываетъ, что русское правительство нисколько не должно ослаблять своей бдительности въ западномъ краѣ. Въ другихъ мѣстахъ этого края временами выбиваются наружу событія, которыя убѣдительнымъ образомъ доказываютъ то же правило. Недавно въ Вильнѣ было слѣдующее происшествіе: въ городъ пріѣхалъ одинъ деревенскій священникъ, отецъ Иванъ Стрѣльскій. Онъ прежде былъ католическимъ ескендомъ, но принялъ православіе и сдѣлался православнымъ приходскимъ священникомъ. Можно себѣ представить, съ какими чувствами смотрѣли на него мѣстные жители поляки. Эти чувства обнаружались въ слѣдующемъ днѣ поступивъ. Нѣсколько человекъ остановили отца Ивана, въ то время, какъ онъ вѣхалъ по улицѣ, и нанесли ему такіе побои, такъ что онъ теперь лежитъ больной въ гостиницѣ. Что въ этомъ дѣлѣ играетъ роль политическая вражда, что тутъ рѣчи быть не можетъ о грабежѣ, въ этомъ нельзя сомнѣваться, хотя виновники этого насилія успѣли скрыться и еще неотмсканы. Корреспонденція, изъ которой мы заимствовали это извѣстіе, прибавляетъ: «видно, полякамъ въ Вильнѣ любо военное положеніе!» Дѣйствительно, такіе факты доказываютъ

очевиднымъ образомъ необходимость особыхъ мѣръ для западнаго края; Россія должна такъ или иначе покровительствовать своимъ гражданамъ, должна защищать ихъ отъ хитрыхъ козней и отъ наглыхъ насилій враговъ.

Въ самыя послѣдніе дни польскій вопросъ особенно занялъ вниманіе, какъ русской, такъ и заграничной печати, особенно австрійской и французской; во Франціи и въ Австріи совершились нѣкоторыя административныя и дипломатическія назначенія, болѣе или менѣе краснорѣчивыя. Императоръ французовъ, послѣ продолжительнаго личнаго разговора съ княземъ Чарторыйскимъ, назначилъ его своимъ тайнымъ агентомъ по польскому дѣлу при дворѣ австрійскаго императора и вообще въ Австріи. Князь Чарторыйскій, пишутъ въ газетахъ, представившись императору австрійскому и разъяснивши ему лично политику императора французовъ, долженъ поселиться въ австрійской части Польши, чтобы жить попеременно то въ Краковѣ, то во Львовѣ. Что же будетъ дѣлать князь Чарторыйскій, живя то въ Краковѣ, то во Львовѣ? — Очевидно, онъ будетъ извѣщать политику императора французовъ жителямъ этихъ городовъ, а также и странъ, прилежащихъ къ этимъ городамъ, то-есть они вмѣстѣ будутъ составлять планъ освобожденія Польши, планъ очевидно революціонный, въ исполненіи котораго будутъ участвовать два императора и даже между ними одинъ, именно императоръ австрійскій, который во всему революціонному долженъ относиться такъ, какъ свѣтъ относится къ тѣмъ, тепло къ холоду.

Вѣроятно, въ связи съ этимъ планомъ находится назначеніе графа Голуховскаго намѣстникомъ Галиціи. Графъ Голуховскій имѣетъ свою весьма опредѣленную репутацію; его специальное качество, которымъ онъ отличается между всѣми поляками, состоитъ въ томъ, что ненавидя не меньше кого-нибудь Россію, онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ игнорируетъ ее. Онъ, напримѣръ, восточную Галицію не признаетъ за Россію, для него все это Польша, и жители восточной Галиціи не что иное, какъ поляки. Ихъ желаніе имѣть свою религію, литературу, говорить на своемъ языкѣ, графъ Голуховскій повидному признаетъ только за шалость, за капризъ. Онъ еще прежде былъ намѣстникомъ Галиціи и управлялъ ею сообразно этимъ своимъ взглядамъ. Это онъ хотѣлъ вывести изъ употребленія самую русскую азбуку въ Галиціи, онъ доказывалъ, что Русь въ Галиціи совсѣмъ нѣтъ, что тамъ находится одна Польша; онъ лишалъ мѣстъ и изгонялъ изъ Галиціи тѣхъ, которые говорили порусски. Что будетъ дѣлать теперь графъ Голуховскій — это нетрудно предъугадать; безъ цѣли, разумѣется, его не назначили бы намѣстникомъ Галиціи. Очевидно, теперь начнется самое хитрое и неумолимое гоненіе на все русское. Первые распоряженія графа Голуховскаго уже частію выказали характеръ будущаго управленія. Прежде всего воспитанникамъ львовской духовной семинаріи запрещено читать газету «Слово», которая главнымъ образомъ виновата тѣмъ, что признаетъ Галицію за Русь и сама

издается на русскомъ языкѣ. Замѣчательно, что эти вины одинаково важны, какъ въ глазахъ графа Голуховскаго, такъ и въ глазахъ нашихъ русскихъ передовыхъ людей. Известно, что лѣтъ пять назадъ прогрессивнѣйшій изъ русскихъ журналовъ обвинялъ эту самую газету за то, что она издается на языкѣ русскомъ и отдѣляетъ интересы галицкихъ русскихъ отъ интересовъ поляковъ. Желательно было бы послушать, что скажутъ теперь подобные передовые люди; находятъ ли они еще, какъ находили прежде, что поляки переродились, что имъ ничего не нужно, кромѣ равноправности съ русскимъ народомъ.

Графъ Голуховскій начинаетъ свое управленіе сближеніемъ съ галицкою партіею украинофиловъ; и галицкіе украинофилы оказались весьма доступными для такихъ друзей всего русскаго (какъ великорусскаго, такъ и малорусскаго), какъ графъ Голуховскій. Запрещеніе читать «Слово» исходитъ не прямо отъ него, а отъ митрополита Литвиновича, такъ что графъ Голуховскій остается въ сторонѣ. — Очевидно, намѣстникъ Галиціи послѣдніе годы провелъ не безъ пользы для себя; онъ значительно умудрился сравнительно съ прежнимъ; къ суровымъ мѣрамъ, какъ видно, онъ не намѣренъ прибѣгать, и отъ этого управленіе его будетъ тѣмъ опаснѣе и даже тяжелѣе для русскихъ галичанъ. Говорятъ, что прежде всего онъ намѣренъ уничтожить русскій театръ во Львовѣ, и взять въ свои руки завѣдыванье «русскимъ народнымъ домомъ», то-есть скромнымъ клубомъ, гдѣ собираются русскіе жители Львова и которымъ они чрезвычайно дорожатъ, котораго устройство стоило имъ большихъ усилій.

Впрочемъ, мы считаемъ себя обязанными сдѣлать нѣкоторую оговорку. Мы какъ будто вышли изъ своей колен; эти страницы собственно предназначены для того, чтобы содержать въ себѣ изложеніе и критику событій, относящихся до внутренней жизни и политики государства. Между тѣмъ, мы, начавши дѣйствительно съ событій изъ внутренней жизни, незамѣтно сдѣлали вторженіе въ чужую область.

Въ томъ-то и дѣло, что все, касающееся русскаго народа, не можетъ быть названо чужою областью ни для кого изъ русскихъ, и дѣла галиціи не могутъ быть отнесены нами къ числу дѣлъ иностранныхъ, внѣшнихъ. Самая сущность дѣла приводитъ къ нимъ вниманіе русскаго челоука, когда онъ первоначально не имѣетъ въ виду ничего, кромѣ отношеній, имѣющихъ мѣсто только въ предѣлахъ государства. Такъ мы начали говорить объ отношеніяхъ, имѣющихъ мѣсто въ Вильнѣ и въ Холмѣ, то-есть мы предположили обозрѣть современныя отношенія русскихъ и поляковъ въ наиболѣе важныхъ пунктахъ ихъ соприкосновенія. Намъ только это и нужно; а больше ничего. — Но чтобы обозрѣть предметъ не одностороннимъ образомъ, мы не могли обойти безъ вниманія и еще одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ соприкосновенія между двумя народностями, именно Галиціи; а въ такомъ случаѣ, мы не могли не остановиться на новыхъ назначеніяхъ графа Голуховскаго и

князя Чарторыйскаго. Такимъ образомъ, галицкія отношенія сами собою входятъ въ рядъ нашихъ внутреннихъ обще-русскихъ дѣлъ; волею или неволею публицистъ долженъ касаться ихъ и въ томъ случаѣ, когда онъ намѣренъ заниматься только внутренними дѣлами государства. Связь между дѣлами галицкими и дѣлами виленьскими или холмскими такова, что одни изъ нихъ обнаруживаютъ непосредственное вліяніе на другія; чтò дѣлается въ одномъ мѣстѣ, то же сейчасъ же оказывается и въ другомъ. Такъ ожидаемыя удачи польскаго дѣла въ Галиціи, вслѣдствіе назначенія графа Голуховскаго и князя Чарторыйскаго, уже возбудили благородное чувство въ груди ченстоховскихъ проповѣдниковъ, которые публично обращаются съ благодарственной молитвою къ ченстоховской Божіей Матери за то, что ходатайствомъ ея поляки получили отъ Бога такое великое благодѣяніе, какъ назначеніе графа Голуховскаго. Очевидно, не безъ вліянія этихъ же многообѣщающихъ обстоятельствъ поднялся патріотическій духъ жителей города Вильны. По крайней-мѣрѣ по послѣднимъ корреспонденціямъ, патріотическіе подвиги жителей города Вильны не ограничиваются насиліемъ, сдѣланнымъ отцу Ивану Стрѣльцкому. Доблестные обыватели, какъ въ былые годы, становятся въ положеніе, открыто враждебное русскимъ; русскіе получаютъ оскорбленія на улицахъ и въ домахъ; недавно одна русская дама была оскорблена въ то время, какъ нанимала квартиру. Въ то же время и въ Кіевѣ русскіе люди начинаютъ подвергаться оскорбленіямъ со стороны поляковъ. Такъ недавно одинъ русскій былъ оскорбленъ поляками въ публичномъ саду г. Кристера.

Все это приводитъ къ тому заключенію, что поляки далеко еще не отказались отъ своихъ претензій на господство надъ русскимъ племенемъ въ древне-русскихъ странахъ, когда-то подпавшихъ подъ власть Польши, въ Галиціи, въ губерніяхъ западнаго края и въ юго-восточномъ углу Царства Польскаго, въ холмской епархіи. Это налагаетъ на русское правительство и на русское общество нѣкоторыя обязанности, исполненіе которыхъ весьма настоятельно.

Наша политика относительно этихъ странъ, стремясь вообще къ одной цѣли, къ усиленію русскаго элемента на счетъ польскаго, соотвѣтственно особенностямъ этихъ трехъ отдѣловъ, должна преслѣдовать въ каждомъ изъ нихъ тѣ, а не другія частныя задачи.

Въ западномъ краѣ правительство старается ввести русскій землевладѣльческій классъ, который тамъ прежде почти не существовалъ. Дѣло это, хотя медленно, но подвигается впередъ; препятствіемъ его успѣхамъ все-таки служитъ интрига мѣстной интеллигенціи; интеллигенція въ этомъ случаѣ оказывается именно интеллигенціею, то-есть она ведетъ дѣло съ очень тонкими соображеніями. Когда дѣло доходитъ до продажи имѣній русскимъ, поляки назначаютъ на нихъ слишкомъ высокія цѣны, которыхъ, разумѣется, имъ никто не даетъ, и потомъ сами же жалуются, что русскіе хотятъ пріобрѣтать ихъ имѣнія за ничтожныя цѣны. Наше

правительство съ благоразуміемъ и твердостью продолжало стремиться къ своей цѣли, несмотря на эти хитрости, и число русскихъ имѣній въ западномъ краѣ, мало-по-малу, увеличивается. Мы нисколько не сомнѣваемся, что отставка генерала Кауфмана и назначеніе графа Баранова дѣйствительно не означаютъ ни малѣйшей перемѣны въ этомъ стремленіи русскаго правительства.

Другою частною цѣлью, относительно западнаго края, должно быть возможное ослабленіе польскаго элемента въ городахъ этого края, преимущественно въ большихъ. Дѣло это, можетъ быть, представляетъ еще большія трудности, чѣмъ усиленіе въ краю русскаго землевладѣльческаго класса. Но если правительство будетъ неуклонно слѣдовать тому правилу, чтобы въ западномъ краю могли быть на службѣ только русскіе, то съ теченіемъ времени въ городахъ самъ собою образуется классъ русскихъ жителей, потомковъ тѣхъ чиновниковъ, которые обживутся въ томъ краю, которыхъ дѣти будутъ считать ту сторону своею родиною, гдѣ они мало-по-малу приобрѣтутъ недвижимую собственность. Эта же самая мѣра постепенно обратитъ и число жителей польскаго происхожденія въ городахъ западнаго края. Большинство ихъ въ настоящее время принадлежитъ не къ ремесленному и не къ торговому сословію, а также къ дворянству; ремесленники и кушцы въ городахъ западнаго края почти исключительно еврей, есть незначительное число и русскихъ, которые сумѣли сохранить свою народность въ теченіе вѣковъ; а тѣ русскіе, которые теряли народность и вѣру, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ награду за то получали дворянство. Это дворянство западныхъ городовъ до послѣдняго времени большею частію жило службою въ губернскихъ учрежденіяхъ. Если оно придетъ въ полному убѣжденію въ томъ, что эта служба для него закрыта навсегда, то волею-неволею оно постарается поискать себѣ другихъ средствъ къ жизни, и такъ-какъ въ губернскихъ городахъ найти ихъ оно не можетъ, потому что конкуренція евреевъ закрываетъ для него всякіе промышленные источники доходовъ, то оно и должно будетъ оставить города. Что касается до домовладѣльцевъ, имѣющихъ источники доходовъ въ домахъ, какія нибудь правила въ родѣ тѣхъ, которыя имѣютъ силу для землевладѣльцевъ, заставятъ и ихъ раздѣляться такъ или иначе съ своею собственностью. Къ этой политикѣ русское правительство вынуждено будетъ самою силою вещей и претензіями поляковъ. Должно же будетъ правительство гарантировать какъ нибудь своихъ чиновниковъ отъ оскорбленій и насилій въ родѣ тѣхъ, которымъ подверглись о. Иванъ Стрѣлецкій и та дама, которая нанимала квартиру. А противъ средствъ, употребляемыхъ поляками, обыкновенными средствами ничего не сдѣлаешь. Не даромъ корреспондентъ, рассказывающій объ этихъ подвигахъ виленскихъ жителей, прибавляетъ: «видно, полякамъ нравятся военное положеніе». Къ сожалѣнію, до сихъ поръ правительство допускаетъ исключенія изъ того правила, чтобы допускать на службу въ западный край только русскихъ. Высшій служебный персоналъ со-

стоитъ дѣйствительно изъ русскихъ; но ими же должны быть заняты какъ среднія, такъ и низшія должности въ губернской администраціи. Относительно вопроса, который насъ занимаетъ, эти должности имѣютъ даже большее значеніе, нежели должности высшія, потому что лица, занимающія ихъ, обыкновенно обживаютъ на одномъ мѣстѣ, мѣстомъ своей службы они считаютъ исключительно свою губернію, тогда какъ лица, занимающія высшія должности, мѣстомъ своей службы считаютъ всю Россію, и оставивши мѣсто въ губернскихъ учрежденіяхъ, не остаются въ губерніи на жительство, а переселяются въ столицы или въ свои имѣнія.

Примѣръ о. Ивана Стрѣлецкаго показываетъ, что повидимому отмѣнено прежнее правило, по которому ксендзъ, переходящій въ православіе, не могъ быть православнымъ священникомъ. Это правило было уступкою со стороны нашего правительства католицизму въ то время, когда мы, русскіе, еще думали, что уступками можно чего нибудь добиться отъ папства; именно, это правило постановлено вслѣдствіе особой переписки нашего правительства съ папскимъ дворомъ по этому дѣлу. Раньше того времени случаи перехода священниковъ въ православіе были очень рѣдки, потому что въ такомъ случаѣ католическіе священники не подвергали себя никакимъ неприяностямъ и лишеніямъ. Папство нашло такое положеніе дѣлъ опаснымъ для католицизма въ Западной Россіи, и вотъ русское правительство, въ угоду ему, затруднило переходъ католическихъ священниковъ въ православіе; было сдѣлано постановленіе, вслѣдствіе котораго католическій священникъ, обратившійся въ православіе и этимъ самымъ порвавшій связи со всею прежнею жизнью, со всѣмъ міромъ, окружавшимъ его, оказывался чуждымъ, неприютнымъ и въ томъ новомъ мірѣ, въ который онъ вступалъ. Очевидно, это удерживало отъ перехода въ православіе всякаго католическаго священника, который не былъ настолько выссогъ въ своихъ нравственныхъ правилахъ, чтобы за свои убѣжденія подвергнуться всѣмъ возможнымъ неприяностямъ; такихъ людей, очевидно, много быть не могло, потому что даръ мученичества былъ рѣдкимъ даромъ даже въ первыя времена христіанства. Такимъ образомъ русское правительство само поддерживало католицизмъ въ западныхъ губерніяхъ и препятствовало распространенію православія. А католицизмъ въ Западной Россіи вполнѣ совпадаетъ въ польскою народностью, какъ православіе съ русскою народностью. Полякъ, принимающій православіе *eo ipso*, дѣлается русскимъ, и наоборотъ, русскій, принимающій католицизмъ, непременно дѣлается полякомъ, потому что религиозное различіе составляетъ самую существенную и главную черту всего вообще различія между двумя народностями, вслѣдствіе чего и въ прежнее время тѣ русскіе, которые дѣлались католиками, всѣ въ то же время дѣлались поляками; и этимъ-то способомъ города Западной Россіи, прежде бывшіе русскими, наконецъ сдѣлались польскими, и русскіе бояре, равно какъ потомки русскихъ владѣтельныхъ князей, передѣлались въ поляковъ.

Обращеніе католическихъ священниковъ въ православіе имѣетъ

то особенное значеніе для западнаго края, что очень нерѣдко за священникомъ на пути обращенія слѣдуетъ вся его паства, которая, вслѣдствіе общаго закона, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается и русскою; такихъ примѣровъ было нѣсколько въ послѣднее время. Заимѣтимъ, что въ этомъ случаѣ дѣйствительно происходитъ *обрусѣніе*; извѣстный приходъ, извѣстная деревня, извѣстный человѣкъ, принимая православіе, дѣйствительно дѣлаются русскими; и слѣдовательно такое выраженіе, въ этомъ случаѣ, казалось бы, совершенно на мѣстѣ. Однако оно весьма не на мѣстѣ, когда говорятъ объ *обрусѣніи* всего западнаго края. Западный край нечего дѣлать русскимъ; онъ и безъ того русский. Въ немъ можно и нужно только усилить русскій элементъ—это другое дѣло, потому что русскій элементъ въ западномъ краѣ не пользуется всѣми тѣми правами и вліяніемъ, какими онъ долженъ бы пользоваться, по многочисленности русскихъ жителей края и ихъ исторической древности. Но усиленіе русскаго элемента въ западномъ краѣ не значить *обрусѣніе* края. Впрочемъ, это вопросъ долгій, и такъ-какъ обстоятельства въ послѣднее время даютъ ему снова особенное значеніе, то мы вѣроятно къ нему еще вернемся. Теперь же замѣтимъ еще разъ, что выраженіе «*обрусѣніе западнаго края*», будучи употребляемо въ Россіи, можетъ быть причиною недоразумѣній для литературныхъ органовъ Западной Европы, мало знакомыхъ съ дѣйствительными этнографическими отношеніями въ нашемъ западномъ краѣ; на основаніи этого выраженія они могутъ подумать, что въ западномъ краѣ происходитъ дѣйствительно что нибудь похожее на то, что дѣлается, наприимѣръ, въ Познани, что мы, русскіе, дѣйствительно искореняемъ древнее, коренное населеніе, и на его мѣсто искусственнымъ образомъ вводимъ населеніе новое и чуждое краю.

Впрочемъ, мы слишкомъ много занимаемся обстоятельствами, имѣющими отношеніе къ западному краю, и не сказали еще ничего о дѣлахъ другихъ частей русской земли. Между тѣмъ жизнь вездѣ идетъ своимъ чередомъ; дѣятельность правительства и народа, по видимому, продолжается съ большею или меньшею энергіею. Правительство издало и приводитъ въ исполненіе нѣсколько очень важныхъ постановленій, которыхъ мы коснемся въ слѣдующей книгѣ журнала. Изъ фактовъ, относящихся къ народной дѣятельности, замѣтимъ усиленное вниманіе, обращенное земскими собраніями на желѣзныя дороги. Народъ, очевидно, больше и больше уясняетъ для себя настоятельную необходимость желѣзныхъ дорогъ; вслѣдствіе чего въ нѣсколькихъ мѣстахъ земскія собранія заговорили о проведеніи желѣзныхъ дорогъ средствами земскими, по крайней-мѣрѣ, съ содѣйствіемъ земскихъ учреждений. Такъ предполагаютъ строить желѣзную дорогу отъ одной изъ станцій московско-нижегородской желѣзной дороги до села Иванова; предварительныя работы уже начались. Скопинское городское общество, имѣющее очень дѣятельнаго градскаго голову въ лицѣ г. Рыкова, который уже устроилъ въ Скопинѣ городской банкъ, хлопочетъ о соединеніи своего города съ рязанско-возловскою желѣзною доро-

гою, и, кажется, это дѣло близко къ исполненію. По вопросу о соединеніи желѣзною дорогою Харькова съ Азовскимъ моремъ, харьковскій комитетъ желѣзныхъ дорогъ вошелъ въ сношеніе съ екатеринославскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, и предлагаетъ этому собранію постройку желѣзной дороги общими силами двухъ земствъ, харьковскаго и екатеринославскаго. Между тѣмъ, въ Екатеринославской губерніи еще продолжается споръ о сравнительныхъ удобствахъ азовскихъ портовъ Ростова, Таганрога, Мариуполя и Бердянска. Споръ этотъ грозитъ превратиться въ нескончаемый споръ о мѣстѣ рожденія Гомера или въ споръ средневѣковыхъ реалистовъ и идеалистовъ, по крайней-мѣрѣ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, во всемъ, что бы ни печаталось объ азовскихъ портахъ, вы непременно найдете доказательства сравнительныхъ удобствъ того или другого порта. Въ настоящее время земство Екатеринославской губерніи не можетъ еще дать рѣшительнаго отвѣта харьковскому комитету именно потому, что не рѣшенъ еще вопросъ о сравнительныхъ удобствахъ того или другого порта. Подобное же раздѣленіе земства обнаружилось и въ Полтавской губерніи. Земскія собранія Полтавской губерніи разсматривали нѣсколько проектовъ касательно проведенія желѣзныхъ дорогъ по губерніи. Одинъ проектъ говорить о дорогѣ, соединяющей Харьковъ съ Кременчугомъ, которая должна пройти по южной части губерніи; другой говорить о дорогѣ, которая должна соединить Кіевъ съ Курскомъ и поидеть по сѣвернымъ уѣздамъ Полтавской губерніи или по границѣ ея съ губерніею Черниговскою; наконецъ по третьему проекту, сѣверные уѣзды губерніи должны быть соединены съ Кременчугомъ. Въ Херсонской губерніи такое же раздѣленіе: одни желаютъ соединенія Кременчуга съ Николаевомъ; другіе думаютъ, что эта желѣзная дорога не необходима, такъ-какъ Херсонская губернія прорѣзана уже желѣзною дорогою отъ моря до Подольской губерніи, по которой хлѣбъ можетъ быть подвозимъ изъ другихъ губерній, что для самой Херсонской губерніи гораздо полезнѣе провести нѣсколько линий желѣзныхъ дорогъ отъ моря во внутренность губерніи. Чтобы стоимость этихъ линий не превзошла средствъ губерніи, для этого можно эти линии на первое время устроить въ видѣ дорогъ желѣзно-конныхъ, а не паровыхъ. Какъ скоро устроятся всѣ эти дороги, и даже, какъ скоро будетъ приступлено къ ихъ постройкѣ—это пока еще неизвѣстно. Но усердіе къ постройкѣ дорогъ дѣйствительно оказывается большое; и можно думать, что тутъ увлеченіе играетъ гораздо меньшую роль, чѣмъ оно играло, напримѣръ, въ проектахъ, посредствомъ которыхъ главное общество рос. жел. дорогъ хотѣло покрыть всю Россію сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Повидимому, земскія собранія принимаютъ за дѣло весьма серьезно.

По нашему мнѣнію, во всѣхъ проектахъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, главное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы по возможности удешевлять постройку желѣзныхъ дорогъ. Въ этомъ отношеніи Россія имѣетъ чрезвычайное сходство съ Сѣверо-Аме-

риканскими Соединенными Штатами; и въ ней должна господствовать та же самая американская система дешевыхъ желѣзныхъ дорогъ. При этомъ надобно по возможности выбирать кратчайшіе пути отъ портовъ къ самымъ центрамъ земледѣльческаго производства; въ такомъ случаѣ, доставка земледѣльческихъ произведеній обойдется всего меньше. При нашихъ большихъ разстояніяхъ, доставка такихъ громоздкихъ произведеній, каковы произведенія земледѣльческія, не можетъ быть очень дешева. Она можетъ уменьшаться только благодаря обилію матеріала для перевозки по желѣзнымъ дорогамъ. Въ этомъ отношеніи, дорога одесско-балтская не представляетъ достаточно выгоды, потому что она направляется отъ моря не къ довольно богатому и обширному центру производства. Собственно съ удобствомъ могутъ пользоваться этою дорогою только землевладѣльцы южной части Подольской губерніи. Если эта дорога будетъ соединена съ Кременчугомъ (линіею отъ Балты до Кременчуга), какъ предполагаютъ, то доставка по ней хлѣба изъ Полтавской, а въ особенности изъ Харьковской губерніи, обойдется слишкомъ дорого. Гораздо болѣе надежную будущность должна имѣть предполагаемая желѣзная дорога изъ Кременчуга въ Николаевъ. Не говоря уже о необыкновенныхъ удобствахъ николаевского порта, стоитъ обратить вниманіе на то, что эта дорога соединить съ моремъ, и притомъ кратчайшимъ путемъ, наиболѣе богатый центръ земледѣльческаго производства. Кромѣ того, судоходство по Днѣпру съ верху до Кременчуга, не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ что въ Кременчугѣ и въ Крюковомъ посадѣ, лежащемъ на противоположномъ берегу Днѣпра, скопляется большое количество земледѣльческихъ произведеній, доставляемыхъ какъ сухимъ путемъ, такъ и водою. Безъ сомнѣнія, послѣ соединенія Кременчуга съ Николаевомъ, доставка земледѣльческихъ произведеній къ Кременчугу значительно увеличится, такъ что дѣны за провозъ по этой желѣзной дорогѣ не только не будутъ увеличены, но еще могутъ понизиться вслѣдствіе большаго количества транспортируемыхъ произведеній. Необходимость этой желѣзной дороги чувствуется все больше и больше, благодаря тому, что чумацкій промыселъ съ каждымъ годомъ дѣлается менѣе выгоднымъ, и не можетъ по прежнимъ умѣреннымъ цѣнамъ доставлять къ портамъ товары. Это уже непремѣнный законъ цивилизаціи; чумачество должно исчезнуть; лучшія его времена были тогда, когда чумаки проѣзжали по необитаемымъ степямъ; по мѣрѣ заселенія страны и усвоенія земель въ собственность, чумачество должно уже было испытывать неудобство, хотя недостатокъ путей сообщенія и другихъ перевозочныхъ средствъ дѣлалъ его еще необходимымъ. Въ настоящее время можно уже сказать, что дни его сочтены, и очевидно, въ такой богатой странѣ, какъ Малая и Новая Россія, и притомъ въ сосѣдствѣ моря, чумачество должно, при настоящихъ условіяхъ общественной жизни, уступить мѣсто прямо транспортировкѣ произведеній по желѣзнымъ дорогамъ.

Отъ общихъ соображеній касательно желѣзныхъ дорогъ, перей-

демь къ частному случаю, имѣвшему мѣсто на одесско-балтской желѣзной дорогѣ. Дѣло въ томъ, что недавно на этой дорогѣ товарный поѣздъ наѣхалъ на поѣздъ пассажирскій, стоявшій на одной полустанціи; нѣсколько вагоновъ съ пассажирами разбиты въ дребезги, причѣмъ, разумѣется, много пассажировъ убито или переранено. Несчастіе произошло рано утромъ, когда густой туманъ препятствовалъ машинисту ѣхавшаго товарнаго поѣзда разсмотрѣть, что впереди на дорогѣ стоялъ другой поѣздъ. Но кромѣ того, въ газетахъ пишутъ, что самая отправка товарнаго поѣзда вслѣдъ за пассажирскимъ произошла вслѣдствіе забывчивости начальника станціи, г. Лазаревича. Разумѣется, объ этомъ дѣлѣ производится, какъ и всегда, слѣдствіе; но что бы ни оказалось по слѣдствію, все таки, во первыхъ, кто-нибудь тутъ есть виноватый, а вовторыхъ, десятки людей убиты и извалены; десятки семействъ лишены поддержки и куска хлѣба. На желѣзныхъ дорогахъ, правда, могутъ быть случаи, которые предусмотрѣть и предотвратить не въ состояніи никакой умъ человѣческой; въ такомъ случаѣ, несчастіе, которому подвергнутся пассажиры, можетъ быть разсматриваемо какъ несчастіе отъ дѣйствія физической природы, отъ молніи, отъ землетрасенія, наводненія и т. п.; и въ подобномъ случаѣ, одинъ Богъ можетъ вознаградить за потери. Но когда въ дѣлѣ оказывается забывчивость членовъ администраціи, тогда администрація, которой члены, безъ сомнѣнія, солидарны между собою въ дѣлахъ службы, можетъ и должна вознаградить провинившихся отсюда потери. Наше русское чувство откажется взять вознагражденіе за потери, несопровождаемыя экономическими потерями; такъ намъ кажется чѣмъ-то недовольно нравственнымъ, когда мужъ беретъ 50,000 фр. съ компаніи желѣзныхъ дорогъ за то, что его жена погибла въ поѣздѣ на желѣзной дорогѣ, принадлежащей этой компаніи, какъ это недавно удалось одному неутѣшному американцу. Но если въ поѣздѣ, благодаря забывчивости администраціи, погибнетъ отецъ малолѣтнихъ дѣтей, который своимъ трудомъ кормилъ ихъ; вообще если подобное несчастіе сдѣлаетъ многихъ непріютными вдовами и сиротами, тогда эти вдовы и эти сироты должны имѣть право на вознагражденіе отъ компаніи. Во первыхъ, это будетъ справедливо, а вовторыхъ, это будетъ отличнымъ средствомъ, чтобы поддерживать бдительность администраціи. Безъ этого безопасность публики никогда не будетъ ограждена; съвращно будетъ сѣсть во всякій вагонъ на желѣзной дорогѣ. Въ этомъ случаѣ мы можемъ брать примѣръ съ Западной Европы, и особенно съ Англій, гдѣ законодательство и суды относятся очень строго ко всякой подобнаго рода небрежности.

Заключимъ наше обзорѣніе слѣдующимъ маленькимъ, но довольно краснорѣчивымъ случаемъ изъ другого угла нашего обширнаго отечества. Недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» происходила полемика между г. Далемъ, учителемъ мореплаванія въ остзейскомъ краѣ, и г. Голландеромъ, предсѣдателемъ комиссіи для

испытанія мореплавателей въ г. Ригѣ. Не будемъ говорить о предметѣ этой полемики, обратимъ вниманіе на одинъ только фактъ, обнаруженный предъ читателями въ письмѣ г. Голландера. Оказывается, что въ комиссія можно держать экзаменъ не иначе, какъ на нѣмецкомъ языкѣ, что латыши, эсты и русскіе, не зная нѣмецкаго языка, не могутъ получить штурманскаго свидѣтельства. Здѣсь бросается въ глаза, вопервыхъ, то, что такое правило служить очевиднымъ препятствіемъ для развитія торговаго мореплаванія, въ пользу котораго русское правительство дѣлаетъ столько усилий и даже жертвъ; вторыхъ, нельзя не замѣтить, какъ хорошо это правило содѣйствуетъ тайному стремленію нѣмецкаго населенія остзейскаго края къ онѣмеченію латышей, эстовъ и даже русскихъ, живущихъ въ Ригѣ и вообще въ остзейскомъ краѣ. Нечего и говорить о томъ, что такое стремленіе нисколько несогласно съ интересами Россіи: онѣмеченіе населенія остзейскихъ губерній приготовить изъ нихъ впоследствии вторую Польшу, гнѣзде всякой интриги, направленной противъ Россіи, и вѣчный предлогъ для иностранцевъ мѣшаться въ наши дѣла.

Замѣчательно, что законоположеніе, на которомъ основанъ этотъ порядокъ испытанія мореплавателей, относится къ 1857 году, то-есть, оно издано въ послѣднемъ десятилѣтіи.

РУССКІЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Наша сценическая литература не дремлетъ,
и если ее въ чемъ можно упрекнуть, такъ
въ томъ, что она заставляетъ другихъ дремать.

Бѣлинскій.

Одна изъ ряда новыхъ пьесъ «Въ глуши». Ея содержаніе и исполненіе. — Вѣроятность огромной письменности по сценической части и нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ направленія, какое приметъ эта письменность. — Гдѣ ищетъ драматическаго элемента г. Вобарникъ? — По словцу на ушко г. Сазонову и г-жѣ Длинской. — Самыя послѣднія театральныя новости и надежды.

Безталанною комедіею г. Вильде «Въ глуши», о которой мы уже говорили, открылся, вѣроятно, цѣлый цыкъ плохихъ пьесъ, заготовленныхъ для русскаго театра. Не успѣли люди, любящіе театръ, вдоволь *навздохаться* и наохаться по поводу подаренной имъ пьесы г. Вильде, какъ могутъ уже утѣшаться многими другими произведеніями новыхъ сценическихъ писателей, между которыми по истинѣ должно считать пьесою особенно замѣчательную пьесу г. Вечеслова. Эта четырехактная пьеса называется «Захолустье», а содержаніе ея вотъ въ чемъ: въ какомъ-то уѣздномъ городѣ живетъ

довольно крупное чиновное лицо Сергѣй Маркычъ Клецовъ (г. Зубровъ); у него есть экономка (Громова), а у экономки взрослая дочь (Делева). Дочь эта рѣзвушка и большой неслухъ; мать у нея ни по чемъ, а Сергѣй Маркычъ, будучи ея крестнымъ, а, можетъ быть, и роднымъ отцомъ, очень ее балуетъ. Матера, разумѣется, хочется выдать свою дочь замужъ, и дочь на это согласна, а сваха, мѣщанка Языкова (Линская), сейчасъ находить и жениха, писца Огурцова (Сазоновъ). Огурцовъ нравится невѣстѣ, нравится матери, нравится благодѣтелю, и благодѣтель посылаетъ за нимъ сваху: «поди, приведи и доставь».

— Пойду, приведу и доставлю! отвѣчаетъ ему нѣсколько бравируя сваха, заставляя этими словами скучающаго зрителя хоть одинъ разъ разсмѣяться.

Первый актъ конченъ, и, надо признаться, конченъ съ такимъ опредѣленнымъ вліаніемъ на зрителя, что остальныхъ трехъ хоть и не давать — никто въ претензіи не останется; но все возымѣвшее начало имѣетъ и свой конецъ: снова взывается занавѣсъ, предъявляя публикѣ актеровъ гг. Горбунова и Сазонова, изъ которыхъ Сазоновъ играетъ Мишу Огурцова, а Горбуновъ — его товарища, канцеляриста Волосова. Долго о чемъ-то здѣсь говорятъ эти господа — и о любви, и о панталонахъ, и все это ужасно незанимательно. Приходитъ Наталья Андревна Бакланова (г-жа Воронова), а съ нею дочка ея Соня (Струйская 2-я), названная въ афишѣ невѣстою Огурцова. Тутъ и мать Огурцова выходитъ, и всѣ они передъ вами сидятъ да говорятъ, а вы сидите да слушаете ихъ, и скучно вамъ до нестерпимости; но на выручку приходитъ сваха. Мать Огурцова сейчасъ уходитъ съ нею въ другую комнату, а Бакланова, разсердясь на то, что ее оставили, говорить дочери «а ля мезонъ», и уходитъ, а за ними уходитъ и канцеляристъ Волосовъ. Тутъ сваха и старуха Огурцова являютъ и объявляютъ Мишѣ его счастье: онъ избранникъ, на которомъ остановлено вниманіе Клецова и его воспитанницы, и онъ теперь же долженъ идти къ нимъ. Огурцовъ по этому случаю свачетъ козломъ... Этимъ балетомъ кончается второй актъ.

Въ третьемъ актѣ происходитъ представленіе Миши Огурцова его новой невѣстѣ и Клецову. Женихъ съ невѣстою поцаловались, всѣ выпили по бокалу воды, и третій актъ конченъ.—Въ промежуткахъ шли разговоры, да старѣйшіе анекдоты цитировались, и все это прескучно и прелезвально.

Въ послѣднемъ актѣ Огурцовъ приходитъ домой пьянымъ: онъ зашелъ по дорогѣ въ трактиръ съ секретаремъ, напился, и теперь ему чортъ не братъ. Подъ руку ему подвертывается товарищъ его, Волосовъ, пришедшій его поздравить съ неожиданнымъ счастьемъ; онъ на него кричитъ; а тутъ являютъ мать и дочь Баклановы — онъ и ихъ распекаетъ, въ чемъ, впрочемъ, еще болѣе отличается его мать. Добрую четверть часа со сцены только и слышите перебываемое въ два женскіе голоса: «я

вась презираю», «а я вась презираю», и наконецъ мать Огурцова выговариваетъ Вацлановой такое слово: «а ваша дочь цѣлый вѣкъ въ дѣвахъ просидитъ». Вацланова вспыхиваетъ, обращается къ стоящему здѣсь же уродцу-канцеляристу Волосову, называетъ его какъ-то по имени и предлагаетъ жениться на ея дочери, отставной невѣстѣ счастливчика Огурцова. Волосовъ, разумѣется, согласенъ и проситъ у предлагаемой ему невѣсты позволеніе влюбиться въ нее. Дѣвушка одно мгновеніе затрудняется тѣмъ, что она была влюблена въ брюнета, а теперь должна влюбиться въ блондина (Волосовъ въ бѣлокурномъ парикѣ), но тѣмъ не менѣе она согласна выйдти за Волосова, и пьеса кончена при объявленіи со сцены, что «это необразованіе, что *это захолустье*».

Пьеса упала самымъ выразительнымъ образомъ: ей шипѣли, шикали и даже слегка свистали; но тѣмъ не менѣе въ репертуарѣ она назначена къ повтореніямъ и повторялась.

Вотъ и извольте удивляться, что люди толкуются у г-жи Гебгардъ, да у Марцинкевича! Положительно невѣзчѣмъ стало ходить на русскіе спектакли въ Петербургѣ, и Бѣлинскій жестоко ошибся, утѣшаяся упадкомъ сцены и репертуара въ его время. Онъ примѣнялъ къ театру макиавелевское правило: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», и надѣялся, что продолженіе тогдашняго плохого репертуара и плохого ансамбля въ персонажѣ невозможно, что публика дастъ почувствовать нестерпимость такого положенія. Но съ тѣхъ поръ, какъ Бѣлинскій выражалъ эти надежды, прошли годы; репертуаръ становился все хуже и хуже; ни одна изъ написанныхъ хорошихъ пьесъ, за исключеніемъ пьесъ Островскаго, на сцену не попадала; ансамбль персонажа разстроился и обѣднялъ уже до послѣдней степени, а между тѣмъ и теперь еще даже начала конца этому положенію театровъ въ Петербургѣ не видно...

Но возвратимся еще на минутку къ упомянутому нами *Захолустью*, чтобы по поводу его сказать еще два, надѣмся, совершенно вѣрные предположенія.

Полюбовавшись пьесой г. Вильде, мы назвали ее самою плохую изъ пьесъ, которыя мы когда либо видали. То же самое, помнится, говорились когда-то о пьесахъ гг. Дьяченко, Владыгина и Устрялова, у котораго въ одной даже есть лицо, сильно напоминающее вильдескаго Лабазина: тотъ все лѣсъ покупаетъ, а тотъ цѣлую пьесу варилъ мыло, и кончилъ тѣмъ, что не сварилъ, ибо, по словицѣ, мыло не со всякимъ сварить. Пьеса г. Вильде, написанная послѣ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ пьесъ гг. Дьяченко, Владыгина и Устрялова, показываетъ, что, говоря о новомъ русскомъ репертуарѣ, никогда не должно употреблять крайнихъ выраженій и говорить, что это вотъ пьеса «бездарнѣйшая», ибо смѣлость авторовъ навѣрно можетъ дать обществу вещь еще худшую и заставить взять сдѣланное опредѣленіе назадъ. На этомъ пути авторы, непреходимы, и пьеса С. Н. Вечеслова новое и блестящее тому доказательство. Чтò бы вы впередъ ни увидали на русскомъ

петербургскомъ театрѣ бездарнаго, знайте, что въ запасѣ для васъ есть еще бездарнѣйшее, и вы никогда въ этомъ не ошибетесь. Замѣчательно, что обѣ эти пьесы и кончаются-то совершенно одинаково, и извѣтельность у нихъ одна и та же: «вотъ молъ онѣ каковы барышни-то! имъ что ни попь, то батько, лишь бы замужъ выйдти».

Второе предположеніе также вызывается пьесою г. Вечеслова. Въ ней, какъ всякому вѣроятно очевидно, нѣтъ никакого такого содержанія, чтобъ его можно было представить, и чтобъ оно могло имѣть интересъ. Такъ себѣ, посватался писецъ за одну, а на другой женится, и ничего болѣе. Это можетъ быть вездѣ: «въ Глуши», «въ Захолустѣ», въ Петербургѣ на Пескахъ, въ Галерной гавани, въ Москвѣ на Самотѣжѣ—словомъ, вездѣ, гдѣ есть писцы и приготовленныя имъ въ невѣсты барышни. Интересъ такіа событія не имѣютъ ни для кого, и, несмотря на то, все-таки ихъ описываютъ въ лицахъ и представляютъ. Серьезнымъ довольно вопросомъ становится только одно: чего же послѣ этого нельзя взять сюжетомъ для представленія на александринскомъ театрѣ?—Вѣроятно все, что вы хотите. Въ продажѣ на столникахъ есть теперь ничтожная книжонка, озаглавленная такъ: «Выгодная женитьба изъ жизни гражданскихъ писцовъ». Она написана въ лицахъ, и въ ней дѣйствія даже болѣе, тѣмъ въ *Захолустѣ* — и она, стало-быть, можетъ быть сыграна, а если въ исполненіи ея будутъ участвовать одни, два изъ наиболѣе талантливыхъ и любимыхъ публикою актеровъ, то можетъ статься, что ихъ будутъ и вызывать; а если пустить въ эту пьесу хорошенькихъ актрисъ, то ихъ непремѣнно вызовутъ «за красоту», за то самое, за что нѣкоторые изъ учителей ставятъ хорошіе баллы нѣкоторымъ хорошенькимъ пансіонеркамъ, стоящимъ по справедливости нулей, а получающимъ роиг ves beaux yeux четверки и пятѣрки. Все можетъ быть представлено, что напишется — кромѣ *Бориса Годунова*, и т. п. вещей, достойныхъ представленія. А что пишется для театра? Не думайте, что письменность по этой части ограничивается тѣмъ, что вы слышите и видите: нѣтъ, она еще очень далеко простирается за эти предѣлы и достигаетъ чудовищной пустоты, или чудовищнаго безобразія. Человѣкъ, пишущій эти строки, по обязанности своей, какъ сотрудникъ журнала, читалъ какъ-то одну рукопись, которой, вѣроятно, кромѣ его и ея автора, никто болѣе не читалъ и врядъ ли будетъ когда либо читать. Рукопись эта была театральная пьеса, комедія. Что же въ ней изображалось? (Такъ-какъ пьеса эта назначалась для печати, то содержаніе ея не секретъ, и потомъ, если кто пожелаетъ воспользоваться ея сюжетомъ и предвосхитить у автора его мысль, то я за это отвѣтствую). Изображалось вотъ что: поѣхалъ человѣкъ (отставной майоръ) съ своею матерью (генеральшею) на николинъ день въ Колпино помолиться Богу; отстоялъ онъ, какъ видно изъ его словъ, обѣдню, отстоялъ и молебень; пошли они потомъ вдвоемъ

ю ярмаркѣ; сталъ накрапывать дождь; на ярмаркѣ разные люди есть: тутъ и кружевница (роль, назначенная Линской), и саечникъ (Горбунову), и фокусникъ (Яблочкину), и ротозѣй (Озерову), и всякой всячины человѣческой. Майоръ съ матушкой мимо всего этого проходятъ, благородно, никого не трогаютъ и ихъ никто не беспокоитъ. Заходятъ они потомъ, чтобы укрыться отъ дождя, въ одинъ домъ, гдѣ домохозяинъ оказывается старымъ знакомымъ генеральши: онъ былъ провиантскимъ поставщикомъ и нажилъ, веда дѣла вмѣстѣ съ ея мужемъ, то-есть, будучи оба своему отечеству патриотами, вмѣстѣ обворовывали его армию и флоты. Теперь этотъ купецъ живетъ на покой; умель онъ, какъ Гостомысль, добръ, какъ Титъ милосердный, борода у него прозелень, очи свѣтлыя. Такія же очи и у дочери его, Груши. Это прекрасное семейство хлѣбосоливыѣшимъ образомъ принимаетъ майора и генеральшу; майоръ не сводитъ глазъ съ дѣвушки и... вы вотъ такъ и думаете, что онъ сдѣлаетъ ей предложеніе, или хоть, по крайности, объяснится въ страсть?—Ничуть не бывало! Онъ посидѣлъ и прощается, но на платформѣ даритъ ей бархатное колечко и говоритъ, что «уважая ея отца, онъ совѣтуетъ ей рубить дерево по себѣ». Тутъ засвиститъ свистокъ, поѣздъ отъ платформы поѣдетъ въ Петербургъ, унося съ собою майора и генеральшу, а купецъ съ дочерью пойдутъ домой, и тѣмъ вся комедія кончится.

Произведеній этой письменности—мы не рѣшаемся называть все это литературою—въ настоящее время нужно ожидать очень много. Всѣ ли они будутъ отмѣчены одинаковою печатью бездарности, или будетъ въ ихъ ряду чтонибудь позамысловатѣе и позамѣтнѣе—предсказать трудно, но что ихъ въ теченіе нынѣшняго сезона будетъ очень много, можетъ быть гораздо болѣе, чѣмъ за нѣсколько прошедшихъ лѣтъ—на это уже есть указанія.

На быстрое увеличеніе числа произведеній сценической письменности имѣетъ прямое и непосредственное вліяніе нынѣшнее положеніе русской журналистики. Превращеніе двухъ большихъ журналовъ нигилистическаго направленія оставило свободными шестихъ сотрудниковъ этихъ изданій. Люди эти, вслѣдствіе особенностей своего образа мыслей и, можетъ быть, даже вслѣдствіе исключительности своихъ дарованій, не могли примкнуть ни къ одному изъ продолжающихся изданій, и, конечно, ни одно изъ этихъ изданій не могло и принять ихъ. Оставаясь такимъ образомъ или совсѣмъ безъ дѣла, или хоть и при дѣлахъ, да при такихъ ненадежныхъ, что и дѣлами назвать ихъ не стоить, начали писать для императорскихъ театровъ и напишутъ, конечно, немало. Слухъ ходитъ, что извѣстный своею плодовитостію драматургъ г. Петръ Воборыкинъ, сочинилъ пьесу изъ богатаго, по его мнѣнію, драматическимъ содержаніемъ міра литературнаго, и что что-то такое сценическое готовить въ некоторые изъ писателей-нигилистовъ; одинъ изъ нихъ уже и написалъ комедію, которая, говорятъ, скоро будетъ дана въbenefisъ одного изъ любимѣйшихъ нашихъ актеровъ. Актеръ этотъ,

не далѣе, какъ годъ тому назадъ, нигилизму не сочувствовать и проводить на свой бенефисъ пьесу, имѣвшую прямое намѣреніе не поощрять этого полезнаго ученія. Увидимъ, кто-то перемѣнился: актеръ, или писатель. Извѣстно, что писатель этотъ принадлежалъ къ школѣ литераторовъ, смѣло пославшихъ героевъ своихъ повѣстей дѣлать «предпріятія», и потому прямо бы всего ожидать, что и въ сценическомъ произведеніи его все разыграется около поѣздки на «предпріятіе»; но также можетъ случиться, что этого и не будетъ, ибо недавно, одинъ изъ литературныхъ людей этого прекраснаго направленія публично на гласномъ судѣ передъ всей публикой и присяжными объявилъ, что послѣ событія 4-го апрѣля у нихъ измѣнился взглядъ на дѣла и перемѣнились отношенія къ «молодому поколѣнію», а потому, стало быть, и нельзя съ достовѣрностью предположить, около чего теперь будутъ они кружиться—около «предпріятій», или около своихъ старыхъ «шантей». Навѣрно можно связать только одно, что у нихъ безъ забубѣнныхъ словъ не обойдется, и райку будетъ поводить похлопать.

Объ игрѣ нашихъ актеровъ говорить много нечего: она такая же, какъ и всегда; только г. Сазоновъ ужъ очень надоѣдаетъ своимъ прыганьемъ и своими кавалерійскими стремленіями състь верхомъ на человѣка. Ему бы съѣздить въ Москву, да посмотреть, что успѣлъ изъ себя сдѣлать его товарищъ и сверстникъ г. Разсказовъ—можетъ быть, тогда г. Сазоновъ немножко постыдился бы и понялъ, что комизмъ состоитъ не въ прыганьи и не въ ржаньи «мышиннымъ жеребчикомъ». Г-жѣ Линской позволимъ замѣтить, что она напрасно утрудила себя сакомъ, съ котораго явилась въ роли заголустьевской мѣщанки Языковой: мѣщанки въ заголустьи никакихъ саковъ съ собою не носятъ. Это обычай чисто-петербургскій, и почтенная артистка напрасно этого не сообразила.

На сценѣ идутъ еще двѣ новыя оригинальныя пьесы и двѣ переводныя. Первыя называются *Любимъ кататься, любви и саночки возить*, г. Степанова, и *Безъ правды люди не живутъ, а только маются*, г. Штукина. Переводныя же: «Смерть Кромвеля» г. Раупаха и «Мужья Инвалиды» (*Les invalides du mariage*); въ обѣихъ этихъ пьесахъ играетъ г. Самойловъ и замѣчательно, что за одну изъ нихъ, именно за «Смерть Кромвеля», его попробовали «продернуть», въ чему почтенный артистъ, конечно, не привыкъ, и на что, тоже вѣроятно, не обратитъ вниманія. Достоинъ также замѣчанія появленіе на русской сценѣ новаго дебютанта, г. Зубова, человѣка съ дарованіемъ и несомнѣнно полезнаго для здѣшней сцены.

Въ Москвѣ все идутъ съ переводнымъ классическимъ репертуаромъ, и идутъ хорошо и смѣло. Ждутъ, что и для насъ наконецъ проиграютъ что нибудь изъ классическаго репертуара, кромѣ двухъ, и то рѣдко повторяемыхъ классическихъ пьесъ Шекспира. Радостныя надежды! и онѣ осуществимы. Въ самомъ дѣлѣ,

не говоря о г. Самойловѣ, актерѣ хорошихъ способностей, въдѣ все-таки есть же люди, способные понимать роли, напримѣръ, хоть бы ветеранъ русской сцены И. И. Сосницкій, Каратыгинъ, Григорьевъ, добросовѣстнѣйшій исполнитель всѣхъ своихъ ролей г. Зубровъ, Павелъ Васильевъ, Яблочкинъ, Озеровъ.

Утверждаютъ, что со сцены русской навсегда сходитъ госпожа Брошель, но за то восходить на сцену, помѣщенная въ «Отечественныхъ Запискахъ», драма гр. Толстаго *Смерть Иоанна Грознаго*. Препятствія, которыя при разсужденіяхъ о постановкѣ этой пьесы выростали какъ грибы, вдругъ найдены устранимыми, и она будетъ играна.

Будемъ ждать. Авось не однимъ москвичамъ, а и намъ грѣшнымъ доведется написать вамъ, читатель, про что нибудь болѣе интересное, чѣмъ про *Глушь* да про *Захолустье*...

Д. М.—евъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

І. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Русскіе писатели. *Изданіе И. И. Глазунова. Сочиненія, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина. Съ портретомъ автора, со статьею «о жизни и сочиненіяхъ Фонвизина» А. П. Пятковского, съ пояснительными примѣчаніями къ тексту и библиографическими объясненіями. (Редакція изд. П. А. Ефремова). Спб. 1866.*

Сочиненія Державина. *Съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Изданіе императорской академіи наукъ. Томъ третій, съ портретомъ Д. А. Державиной и пятью виньетками: Стихотворенія, часть III. Спб. 1866*

Жалобы на отсутствіе хорошихъ изданій извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей давно уже сдѣлались общимъ мѣстомъ нашихъ рецензій. Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ никто не рѣшался предпринять выпускъ въ свѣтъ цѣлаго собранія русскихъ авторовъ, тщательно приготовленныхъ къ печати. Извѣстныя изданія: Пушкина, обработанное г. Анненковымъ, Гоголя—г. Кулишомъ, Языкова—Перевлѣскимъ и наконецъ Лермонтова—повойнымъ Дудышкинымъ—явленія случайныя, безъ всякой связи между собою, и хотя они представляютъ значительныя достоинства, въ особенности послѣднее, но все же не удовлетворяютъ вполне тѣмъ справедливымъ требованіямъ, которыя могутъ быть обращены къ

предпріятіямъ такого рода при нынѣшнемъ состояніи нашихъ историко-литературныхъ знаній. Напротивъ того, изданіе сочиненій Державина, предпринятое академіей наукъ подъ редакціей г. Грота, весьма удовлетворительно въ ученомъ отношеніи, но слишкомъ роскошно и основано на слишкомъ широкихъ началахъ, вслѣдствіе чего тоже не можетъ считаться нормою, образцомъ для желательнаго изданія коллекціи русскихъ авторовъ. Такимъ образомъ даже программа и планъ подобнаго изданія могли считаться до настоящаго времени искомымъ, задачею, еще ненашедшею себѣ осуществленія. Но вотъ передъ нами солидный томъ сочиненій Фонвизина, на заглавномъ листѣ котораго, надъ частнымъ заглавіемъ, мы находимъ еще надпись: «Русскіе писатели. Изданіе И. И. Глазунова». Словомъ, г. Глазуновъ предпринимаетъ собраніе сочиненій русскихъ писателей прежняго времени и притомъ съ соблюденіемъ всѣхъ существенныхъ требованій современной историко-литературной науки.

Програма этого прекраснаго предпріятія объяснена въ слѣдующихъ словахъ редактора изданія, г. Ефремова: «Въ предпринимаемое нынѣ собраніе сочиненій замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей XVIII и XIX ст., по принятому плану, непременно должны входить *все* извѣстныя въ печати *сочиненія* каждаго издаваемого писателя, съ добавленіемъ по возможности того, что осталось въ рукописяхъ. Изъ *переводовъ* будутъ помѣщаемы *только* всѣ, сдѣланные въ стихахъ, и тѣ, которые имѣютъ особенно-характеристическое значеніе по своему содержанію или тому видному мѣсту, которое они занимаютъ въ литературной дѣятельности писателя. Отрывки изъ переводовъ будутъ приводиться только въ томъ случаѣ, когда переводъ въ полномъ составѣ своемъ не представляетъ особеннаго интереса. Текстъ сочиненій и переводовъ будетъ печататься по свѣрлкѣ *всѣхъ* перепечатокъ каждаго изъ помѣщаемыхъ статей. Затѣмъ будутъ постоянно прилагаться: біографія писателя, пояснительныя примѣчанія къ тексту, необходимыя бібліографическія объясненія и хорошо гравированный портретъ писателя и его факсимиле».

Такимъ образомъ, въ изданія русскихъ писателей, предпринятія г. Глазуновымъ, предполагается внести все главное, что требуется современной критикой, для объясненія каждаго автора; но вмѣстѣ съ тѣмъ, судя по вышедшему въ свѣтъ тому сочиненію Фонвизина, объемъ предполагаемаго комментарія не превыситъ предѣловъ необходимости и не сдѣлаетъ изданія слишкомъ дорогимъ. Наконецъ, участіе г. Ефремова даетъ поводъ думать, что изданіе будетъ вполне обстоятельно въ бібліографическомъ отношеніи.

Что касается собственно вышедшаго въ свѣтъ изданія сочиненій Фонвизина, то оно вполне удовлетворительно; болѣе третя помѣщеннаго въ немъ не появлялось въ прежнихъ изданіяхъ и собрано г. Ефремовымъ изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ; въ особенности мы обращаемъ вниманіе читателей

на письма Фонвизина, которыхъ въ новомъ изданіи прибавленъ значительное число, и которыя представляютъ весьма важный матеріалъ, какъ для опредѣленія образа мыслей Фонвизина, такъ и для анекдотической и придворной исторіи его времени; съ этой послѣдней стороны на нихъ еще не обращено достаточно вниманія нашими историками. Весь текстъ сочиненій нашего автора провѣренъ г. Ефремовымъ по рукописамъ и прежнимъ изданіямъ, вслѣдствіе чего появились весьма замѣчательныя исправленія даже въ самыхъ извѣстныхъ произведеніяхъ Фонвизина, какъ, напримѣръ въ «Недоросль». Наконецъ біографическія замѣтки составлены чрезвычайно полно и представляютъ нѣсколько новыхъ указаній. Что касается до вводной статьи г. Пятковского и его примѣчаній къ тексту, то мы желали бы видѣть въ нихъ побольше полноты и самостоятельной разработки. Такъ напримѣръ, у г. Пятковского мы находимъ очеркъ просвѣдательной литературы XVIII вѣка, неумѣстно распространенный въ настоящемъ случаѣ, и въ то же время не находимъ достаточнаго объясненія, почему и въ чемъ именно Фонвизинъ не слѣдовалъ вліянію этой просвѣдательной литературы; а это вопросъ любопытный и существенно важный для характеристики автора «Бригадира».

Какъ бы то ни было, новое изданіе Фонвизина въ цѣломъ таково, что, вѣроятно, еще нескоро мы будемъ въ состояніи его улучшить. Если предполагаемыя г. Глазуновымъ изданія другихъ писателей (Кантемира, В. Майкова, Капниста, Батюшкова, Милонова и др.) будутъ такъ же полны и обстоятельны, то русская литература обогатится драгоценнымъ приобрѣтеніемъ.

Мы сейчасъ сказали, что критическое изданіе Державина, которое приводится въ исполненіе академіею наукъ, составляетъ исключительное явленіе въ ряду нашихъ предпріятій такого рода. Такой отзывъ, разумѣется, нельзя принимать въ смыслѣ неодобрительномъ; въ свое время, по поводу первыхъ двухъ томовъ этого изданія, въ нашемъ журналѣ было говорено о его многочисленныхъ достоинствахъ; но несмотря на эти достоинства, мы позволимъ себѣ находить въ этомъ изданіи и нѣкоторые недостатки, происшедшіе оттого, что оно задумано въ слишкомъ большихъ размѣрахъ. Такъ напримѣръ, мы находимъ, что въ обширныхъ примѣчаніяхъ г. Грота есть доля лишняго, что объемъ изданія могъ бы быть нѣсколько компактнѣе и потому сдѣлаться дешевле. И вотъ, принимая въ расчетъ эти обстоятельства, мы и не требуемъ, чтобы коллекція, предпринятая г. Глазуновымъ, старалась дать намъ изданія, подобныя академическому Державину.

Обращаемся къ послѣднему вышедшему тому этого почтеннаго труда академика г. Грота. Имъ заключается главный, лирическій отдѣлъ произведеній «пѣвца Фелицы», и особенный интересъ этой части состоитъ въ томъ, что значительная доля вошедшихъ въ нее стихотвореній впервые является въ печати.

Въ нашей журналистикѣ не разъ говорили о томъ, нужно ли обнародовать такъ-называемыя посмертныя произведенія разныхъ

авторовъ. Третій томъ академическаго Державина представляетъ новыя данныя въ разъясненіе этого вопроса. Изъ прочтенія этихъ вновь напечатанныхъ пьесъ мы вынесли то убѣжденіе, что если онѣ и не прибавятъ славы Державину, за то представляютъ рельефный матеріалъ для характеристики его личности и времени, въ которое онъ жилъ; а въ такомъ случаѣ, думаемъ мы, обнаруженіе ихъ никакъ не бесполезно. Постараемся отчасти познакомить читателей съ этими новыми произведеніями давно умершаго поэта.

Извѣстно, что кончина императрицы Екатерины составляетъ переломъ въ жизни и поэзіи Державина. Съ этого времени начинается ослабленіе его поэтическаго творчества и съ этого же времени «пѣвецъ Фелицы» и ея добродѣтелей становится мало по малу въ новыя, нѣсколько отрицательныя отношенія къ окружающимъ его лицамъ и порядкамъ. Еще въ послѣдніе годы жизни Екатерины проявляются первые признаки этихъ отрицательныхъ отношеній, но со смертію ея они обнаруживаются особенно рѣзко. Они-то и отзываются въ державинскихъ произведеніяхъ этого періода, которыя потому и оставались до сихъ поръ ненапечатанными, что носятъ на себѣ слишкомъ явный слѣдъ тѣхъ впечатлѣній недовольства, которыя переживалъ Державинъ при видѣ событій, кругомъ него совершавшихся.

Одинъ изъ первыхъ поводовъ къ выраженію неудовольствія Державинъ нашелъ въ отставкѣ Суворова: она послѣдовала въ началѣ 1797 г., и поводомъ къ ней послужило то, что Суворовъ не соблюдалъ новыхъ военныхъ порядковъ, введенныхъ новымъ государемъ, употреблялъ офицеровъ на курьерскія должности, увольнялъ ихъ своею властью въ отпускъ и т. п. Когда Державинъ узналъ о немилости и отставкѣ Суворова, онъ написалъ ему слѣдующее хвалебное четверостишіе:

На браняхъ ставя тверду грудь врагамъ,
 Великъ, непобѣдимъ онъ былъ войною.
 Никто его сокрыть не можетъ тьмою:
 Преграды нѣтъ его лучамъ.

Вскорѣ затѣмъ Державинъ долженъ былъ убѣдиться, что и его собственное положеніе при дворѣ и въ правительствѣ измѣнилось. Въ 1797 году, послѣ удачнаго исполненія нѣсколькихъ порученій, онъ сдѣланъ былъ президентомъ коммерц-коллегіи, но, къ удивленію своему, узналъ, что обязанности его будутъ вполнѣ номинальныя, а самая сущность дѣлъ поручается другому лицу. Державинъ понялъ это какъ знакъ недовѣрія къ нему государя и, однажды, проѣзжая черезъ Гатчину, написалъ слѣдующее:

На тронѣ воссѣдять господь сихъ мѣстъ высоко.
 Какъ точку, зреть онъ міръ пространнй подъ собой;
 Какъ солнце въ мрагѣ безднъ, провидитъ онъ глубоко
 И видитъ въ сихъ водахъ на двѣ песокъ владтой,

И рыба гонится за малою какъ рыбкой.
 Но еслибъ врьлъ онъ тахъ всѣ ясно и сердца
 Влестящихъ вокругъ него пріятною улыбкой —
 Тогда бы онъ позналъ, кто волкъ и кто овца.

Годъ спустя, Державинъ сдѣлалъ еще стихотворную замѣтку о характерѣ императора Павла:

Въ немъ воли доброй, мудрой много;
 Остеръ въ рѣшеніяхъ, легокъ,
 За все берется круто, строго;
 Все бы сдѣлалъ вдругъ, коль былъ бы Богъ.

Наконецъ, къ 1800 году относится еще одинъ стихотворный отрывокъ Державина, свидѣтельствующій о его тогдашнемъ настроеніи, но, къ сожалѣнію, смыслъ его не вполне понятенъ и остался безъ объясненія въ академическомъ изданіи.

Царствованіе императора Александра составило рѣзкій контрастъ съ предыдущимъ. Оно не могло не оживить и мысль Державина. Но старикъ поэтъ уже былъ чуждъ и стремленій новаго времени, и новыхъ людей, выступившихъ на поприще государственной дѣятельности. Въ этотъ періодъ недовольство Державина сказывается въ цѣломъ рядѣ стихотвореній; для выраженія его, поэтъ екатерининскаго вѣка выбралъ аллегорическую форму басни. Въ басняхъ, написанныхъ имъ между 1802 и 1816 годами, находимъ намеки на дѣятельность триумвирата, состоявшаго изъ И. И. Новосильцова, кн. Чарторижскаго и графа П. А. Строгонова, на Сперанскаго и Аракчеева, на военныя событія того времени и на похвалы военныхъ, передъ отправленіемъ въ турецкій или прусскій походъ 1806 года, и пр. Приводимъ слѣдующую маленькую басню на Аракчеева, котораго Державинъ зналъ и въ его общественной дѣятельности, и въ частной, такъ-какъ поэтъ, владѣлецъ Званки, былъ недалнимъ сосѣдомъ грузинскаго помѣщика:

Оралъ аистъ, какъ чортъ въ болотѣ.
 Лагушки вокругъ его, улитки и зуйки
 И маленьки нырки
 Въ ужасной были всѣ тревогѣ и заботѣ:
 Узря, что онъ однихъ глотаетъ,
 Другихъ же крикомъ устрашаетъ,
 Не знали, что зачать.
 На это что бы миѣ сказать
 Аисту вопреки?—
 И великаны тѣмъ бивають
 Стрѣшны и велики,
 Когда ихъ карлы окружають.

Въ другой баснѣ подъ заглавіемъ «Выборъ министра» (1808 г.), выводится Сперанскій и Новосильцовъ. Сперанскій, который, по рассказамъ современниковъ, имѣлъ связи по всѣмъ вѣдомствамъ и черезъ нихъ вліяніе повсюду—представленъ у Державина наукомъ:

хитръ, молчаливъ, тихъ, сиромень,
 Отъ всѣхъ уединень, тончайша сѣти вьеть;
 Но гордь онъ, кажется, завидивъ, въ мести сродень,
 Что ищетъ помрачить прекрасный солнца свѣтъ;
 Притомъ немилосердь, убійствомъ веселится,
 Въ тенега замедля мухъ;
 А былъ ужъ вреднымъ такъ, коварный, скрытый другъ
 Въ министры божеству благому не годится.

Новосильцовъ изображается муравьемъ:

Отъсюду хламъ собираетъ онъ и ищетъ;
 Но въ бѣдственныхъ часахъ трусливъ и малъ душой,
 Вѣжить отчаянн прочь, лишь самъ спастися хочеть,
 Все уноса съ собою, вездѣ свой строить домъ.
 И словомъ, добръ къ себѣ, не мысля о другомъ.

(Притомъ)

Исподтишка кусается, вловонень,
 То также божеству въ сотрудникахъ не годень.

Такъ рассуждаетъ премудрость н, отвергнувъ паука и муравья,
 назначаетъ Юпитеру въ министры пчелу, которая

Умна
 Честна,
 Вѣрна,
 Благочестива,
 Трудолюбива,
 Къ тому жъ и не труслива.

Хотя же горяча, а иногда шумлива;
 Но шумъ ея гремать за общее добро, и пр.

Прибавимъ, что подъ видомъ пчелы Державинъ разумѣлъ, по-видимому, самого себя: какъ извѣстно, онъ любилъ вообразать себя способнымъ государственнымъ человѣкомъ, несмотря на постоянныя неприятели свои по службѣ и даже несмотря на то, что его собственное управление министерствомъ юстиціи было непродолжительно (отъ февраля до октября 1803 года).

Стихотворныя выходки Державина, которыя мы сейчасъ привели, сильно походятъ на ворчливое брюжжанье недовольнаго старика; но такъ-какъ въ этомъ брюжжаньи сохраняются черты времени, то мы и находимъ ихъ нелишенными интереса. Историкъ александровскаго времени можетъ занести ихъ въ свой трудъ, какъ выраженіе мнѣній одной изъ тогдашнихъ партій въ нашемъ обществѣ.

Обзоръ сельско-хозяйственныхъ учреждений въ Англіи, Франціи, Вельгій, Голандіи, Германіи и Италіи. Составленъ В. Вешняковымъ. С.-Петербургъ. Въ типографіи министерства государственныхъ имуществъ. 1866 г. 1 томъ въ 787 стр. 8°. Съ приложеніемъ.

Приведенное нами заглавіе недавно появившагося обширнаго труда г. Вешнякова, даетъ вполне ясное понятіе объ его содер-

жанія; трудъ этотъ имѣетъ своею задачею представить организацію и характеръ дѣятельности какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ учреждений, содѣйствующихъ въ большей части европейскихъ государствъ развитію сельскаго хозяйства, не касаясь общественныхъ и частныхъ промышленно-хозяйственныхъ предпріятій, которыя составляютъ уже практическое приложеніе улучшенныхъ приѣмовъ хозяйства, и своимъ примѣромъ могутъ оказывать существенное вліяніе на движеніе земледѣльческой промышленности. Познакомившись съ избраннымъ предметомъ не только посредствомъ различныхъ, относящихся до него сочиненій, но и путемъ личнаго осмотра на мѣстѣ, во время своего пребыванія, по порученію министерства государственныхъ имуществъ, за границую, г. Вешняковъ раздѣлилъ свой обзоръ на восемь главъ, съ содержаніемъ которыхъ мы постараемся познакомить читателей нашихъ въ самыхъ сжатыхъ словахъ. Сдѣлавъ небольшое введеніе, авторъ приступаетъ къ описанію тѣхъ правительственныхъ учреждений, центральныхъ и мѣстныхъ, которыя существуютъ въ разныхъ странахъ, съ цѣлью поощренія и развитія сельскаго хозяйства; при этомъ, конечно, говорится и о бюджетахъ сельско-хозяйственныхъ учреждений (глава 1). Глава 2-я посвящена устройству поземельныхъ отношеній между крестьянами и землевладѣльцами, или точнѣе обзору постепеннаго уничтоженія обязательныхъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами въ разныхъ странахъ, что, по важности и занимательности вопроса, могло бы составить собою скорѣе предметъ особаго, самостоятельнаго изслѣдованія, а не главу, едва ли неизбѣжно необходимую въ обзорѣ сельско-хозяйственныхъ учреждений, въ прямой зависимости отъ которыхъ, если только принимать слова въ строгомъ ихъ значеніи, отношенія землевладѣльцевъ и крестьянъ не состоятъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе организаціи и дѣятельности тѣхъ свободныхъ соединеній сельскихъ хозяевъ, которыя, съ разрѣшенія правительства, возникаютъ въ различныхъ формахъ для изученія мѣстныхъ нуждъ и потребностей сельскаго хозяйства, и для изысканія мѣръ къ его улучшенію. Въ главѣ 4-й, самой обширной, излагаются мѣры по распространенію сельско-хозяйственныхъ знаній; тутъ говорится объ учрежденіяхъ, устроенныхъ въ видахъ научнаго изученія сельскаго хозяйства, о промышленно-хозяйственныхъ музеяхъ, о сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станціяхъ для производства изслѣдованій, опытовъ и наблюденій надъ разными законами природы, и распространенія знанія этихъ законовъ между хозяевами; объ образцовыхъ хозяйствахъ, и наконецъ о сельско-хозяйственныхъ изданіяхъ. Вслѣдъ за этимъ глава 5-я знакомитъ съ различными, принятыми въ разныхъ странахъ, способами устройства сельско-хозяйственныхъ выставокъ, и указываетъ на обширное и широко-національное значеніе этихъ выставокъ. Глава 6-я разсматриваетъ существующія въ нѣкоторыхъ странахъ мѣры поощренія разными вышними знаками отличія и вещественными

наградами лицъ, оказавшихъ услуги по сельскому хозяйству; а 7-я говоритъ о мѣрахъ, принимаемыхъ правительствомъ для содѣйствія различнымъ *мелiorациямъ* (то-есть улучшеніямъ), въ видахъ развитія селскаго хозяйства, усиленія производительности и умноженія удобныхъ для воздѣлыванія земель (какъ-то осушеніе болотъ, орошеніе, дренажъ, огражденіе отъ водъ и т. д.)

Въ заключеніе, въ главѣ 8-й говорится о различныхъ мѣрахъ правительства, въ отношеніи спеціальнаго развитія отдѣльныхъ отраслей селскаго хозяйства.

Познакомивъ читателя съ содержаніемъ книги, мы не считаемъ нужнымъ долго останавливаться на томъ, что она исключительно можетъ служить матеріаломъ для соображеній при дальнѣйшемъ развитіи и направленіи у насъ тѣхъ административныхъ учрежденій, которыя предназначены для содѣйствія преуспѣванію отечественной сельской промышленности; представляя чтеніе поучительное въ этомъ отношеніи, она, очевидно, въ глазахъ сельскаго хозяина собственно, едва ли имѣетъ какое-либо практическое значеніе. По мнѣнію автора, сельско-хозяйственная администрація должна являться не только провозвѣстницею прогресса для сельскихъ хозяевъ, но и стражемъ ихъ общественныхъ интересовъ. Въ виду этой важности сельско-хозяйственной администраціи, она во всѣхъ почти большихъ государствахъ составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ вѣдѣній особыхъ министерствъ, которыя называются поѳтому министерствами сельскаго хозяйства, или земледѣлія (стр. VIII). Авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя считаютъ необходимымъ учрежденіе особаго министерства для земледѣлія, какъ это мы могли заключить изъ словъ его, помѣщенныхъ на стр. IX, и изъ приведенныхъ имъ при этомъ словъ Кавура, сказанныхъ въ итальянскомъ парламентѣ въ 1860 году, при обсужденіи проекта объ устройствѣ министерства земледѣлія, промышленности и торговли для Итальянскаго Королевства. «*Я думаю*—говорилъ, между прочимъ, Кавуръ—что огромные успѣхи, сдѣланные Англіею въ земледѣліи, могутъ быть приписаны большею частію учрежденіямъ, которыя служатъ тамъ для соединенія сельскихъ хозяевъ. *Я не думаю*, чтобы правительство должно было навязывать хозяевамъ образованіе обществъ земледѣлія и учреждать ихъ мѣрами принудительными, но полагаю, что хорошій министръ можетъ дать имъ много жизни и силы» (стр. X). Никто, конечно, не могъ препятствовать Кавуру имѣть подобныя взгляды, но, очевидно, что они не могутъ служить доводомъ въ пользу учрежденія министерства сельскаго хозяйства, или другихъ какихъ-либо подобныхъ правительственныхъ установленій для развитія сельскаго хозяйства въ государствѣ. Для этого недостаточно, чтобы министръ, хотя бы то и Кавуръ, *думалъ*; необходимо предварительно доказать не путемъ простаго, отвѣченнаго разсужденія, но посредствомъ положительныхъ фактовъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, во первыхъ, что сельское хозяйство страны улучшается по мѣрѣ того, какъ въ ней возни-

каютъ различнаго рода правительственныя учрежденія, имѣющія предметомъ своего вѣдомства сельское хозяйство страны; вторыхъ, что развитіе это идетъ пропорціонально расходамъ, производимымъ въ этомъ отношеніи правительствомъ, и третьихъ, что степень развитія сельскаго хозяйства въ разныхъ государствахъ находится въ прямомъ отношеніи съ производимыми по вѣдомству сельскаго хозяйства расходамъ, то-есть съ развитіемъ сельско-хозяйственнаго министерства. Не доказавъ этого, едва-ли можно убѣдить читателя въ необходимости министерства сельскаго хозяйства единственно только тѣмъ, что ему представляется подробное и самое тщательное описаніе подобнаго рода учреждений, существующихъ съ этою цѣлю въ другихъ странахъ, съ означеніемъ ихъ бюджетовъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? спросить, и совершенно справедливо читатель, и никакъ не признаетъ правильнымъ заключеніе, что и мы должны вводить у себя различныя, подобнаго же рода учрежденія единственно только потому, что они встрѣчаются въ другихъ странахъ, болѣе или менѣе съ нами смежныхъ. Онъ, безъ сомнѣнія, пожелаетъ имѣть себѣ только указанныя нами доказательства въ необходимости и полезности этихъ учреждений, но, къ сожалѣнію, не найдетъ ихъ въ интересномъ сочиненіи г. Вешнякова, которое по этой причинѣ мы и не можемъ считать трудомъ вполне законченнымъ. Мы смотримъ на него какъ на начало ряда изслѣдованій, необходимыхъ для разрѣшенія вопроса о министерствѣ сельскаго хозяйства въ государствѣ. Мы полагаемъ, что г. Вешняковъ, обогатившій нашу литературу вполне полезнымъ произведеніемъ, и показавшій близкое знакомство съ предметомъ, всю важность котораго въ государственомъ хозяйствѣ ясно сознаетъ всякій образованный человѣкъ—позамедлитъ доставить намъ случай въ непродолжительномъ времени прочесть необходимое, по нашему мнѣнію, продолженіе его труда, которое рядомъ положительныхъ данныхъ укажетъ необходимость какъ вообще сельско-хозяйственныхъ учреждений въ государствѣ, такъ особенно административныхъ учреждений, которыя предназначены содѣйствовать преуспѣванію отечественной сельской промышленности.

Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ. *Публичныя лекціи* Карла Фохта. *Изданіе второе П. Гайдебурова Санктпетербургъ. 1866. Томъ 1.*

Подъ выставленнымъ заглавіемъ изданы г. Фогтомъ, между прочимъ, шестнадцать лекцій, относящихся до антропологии, которыя авторъ читалъ въ Невшателѣ, по распоряженію общества распространенія полезныхъ свѣдѣній, и кромѣ того, сюда же помѣщены различнаго рода изслѣдованія и разсужденія, какъ-то: о древности рода человѣческаго, о разновременнo-найденныхъ остаткахъ, свѣдѣтельствующихъ о существованіи человѣка въ эпоху существованія такихъ животныхъ, которыя причислены въ настоящее время уже къ исчезнувшимъ, о различіи между родомъ и видомъ, объ

нѣмѣніи видовъ и о происхожденіи рода человѣческаго вообще. Все это, по необходимому свойству публичныхъ лекцій, изложено очень ясно и занимательно; лица же, занимающіяся этимъ предметомъ, или вообще съ нимъ уже знакомы, едва-ли встрѣтятъ что нибудь новое для себя въ означенномъ сочиненіи Фохта, которое можно считать какъ-бы общедоступнымъ изложеніемъ тѣхъ самостоятельныхъ и глубокихъ изслѣдованій, которыя сдѣланы Дарвиномъ, Лайелемъ, Гуклеемъ и другими, относительно древности человѣка и его отношенія къ прочимъ животнымъ. Мы напомнимъ только, что Фохтъ является жаркимъ приверженцемъ предположенія о происхожденіи человѣческаго рода отъ нѣсколькихъ различныхъ и вполне отдѣльныхъ центровъ; онъ полагаетъ, что нигдѣ нельзя найти доказательствъ, подтверждающихъ происхожденіе различныхъ человѣческихъ племенъ отъ одного общаго центра, и что всѣ произведенныя въ этомъ отношеніи изысканія приводятъ къ тому заключенію, что человѣкъ со всею окружающею его домашнею жизнью (то-есть съ полезными растеніями и домашними животными) развился въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ земного шара, гдѣ мы находимъ признаки древняго его существованія, что онъ тамъ же добывалъ необходимыя для себя средства жизни, и что только въ послѣдующіе періоды своего развитія онъ пришелъ въ соприкосновеніе съ прочими племенами рода человѣческаго, развивавшимися самостоятельно въ другихъ мѣстностяхъ земного шара и смѣшался съ ними. Защищая эту мысль, Фохтъ является въ своемъ сочиненіи не безпристрастнымъ судьей, каковымъ долженъ быть дѣйствительно ученый, при рѣшеніи ученаго вопроса, а ретивымъ защитникомъ одной лишь стороны, одного мнѣнія; такъ, напр., онъ очень хочетъ доказать происхожденіе человѣка отъ обезьяны; но факты, признаваемые вполне безспорными въ настоящее время сравнительною анатоміею, заставляютъ его однако признавать, что цѣлая пропасть отдѣляетъ гориллу (родъ обезьянъ) отъ человѣка. Но это не смущаетъ Фохта, и онъ строитъ слѣдующія послышки. Двадцать лѣтъ назадъ никто не зналъ о существованіи ископаемыхъ обезьянъ; въ настоящее время открыто около двадцати различныхъ видовъ ихъ; кто же поручится, что черезъ нѣсколько лѣтъ мы не откроемъ ихъ до пятидесяти видовъ? Года два три назадъ не подозрѣвали о существованіи промежуточной формы между семноитеками и макаками (два вида встрѣчающихся намъ обезьянъ); въ настоящее время мы имѣемъ полный скелетъ обезьяны, занимающей, по своему строенію, средину между двумя вышеназванными нами видами ихъ. Кто же можетъ утверждать, что чрезъ десять, двадцать или пятьдесятъ лѣтъ, мы не будемъ имѣть промежуточной формы между человѣкомъ и обезьяной? Отрицать подобное предположеніе, конечно, никто не станетъ, по немнѣнію на то никакихъ положительныхъ данныхъ; но этимъ нисколько не разрѣшается вопросъ о происхожденіи человѣка отъ обезьяны.

Существованіе подобнаго рода промежуточныхъ формъ могло бы служить основаніемъ для аналогіи о происхожденіи человѣка отъ обезьяны въ томъ только случаѣ, еслибы современный намъ человѣкъ ничѣмъ другимъ не отличался отъ обезьяны, какъ только строеніемъ тѣла и формою скелета. «Но кто же не знаетъ— скажемъ ми словами одного писателя, котораго, конечно, нельзя упрекнуть въ отсталости и неумѣстной религіозности, именно Дрѣпера — что разница между животными и человѣкомъ существуетъ не только относительно физическаго сложенія, но и относительно предназначенной имъ участи. Активные силы первыхъ сливаются съ силами вселенной и исчезаютъ; но особенное начало, которымъ одаренъ человѣкъ, существуетъ вѣчно. Животная форма только орудіе, которымъ пользуется душа человѣка. Глазъ—это окно, въ которое смотритъ это таинственное начало; чрезъ посредство другихъ органовъ, оно познаетъ осязательныя свойства тѣлъ. Таинственная, скрытая подъ покрываломъ волшебница выглядываетъ на божій свѣтъ изъ темныхъ уголковъ и лабиринтовъ мозга, и подчиненное ей тѣло не можетъ вырваться изъ опутавшихъ его чаръ. Кромѣ того, человѣкъ разнится отъ животныхъ тѣмъ, что все то, что у животныхъ является въ грубой и неразвитой формѣ, у человѣка достигаетъ полноты и возможнаго совершенства. Изъ орудія инстинкта у него развилось орудіе пониманія. Животныя помнятъ, одному человѣку свойственъ процессъ припоминанія, возстановленія въ памяти минувшаго» (Исторія умственнаго развитія Европы, томъ II, стр. 313).

Не менѣе замѣчательно высказанное, въ этомъ отношеніи, воззрѣніе другого ученаго, извѣстнаго естествоиспытателя Лайалля, которое самымъ нагляднымъ образомъ показываетъ несостоятельность теоріи Фохта и его послѣдователей. Такъ въ одномъ мѣстѣ своихъ «Основныхъ началъ геологій», Лайалль говоритъ: «прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что первенство человѣка заключается не въ тѣхъ способностяхъ и качествахъ, которыя онъ раздѣляетъ вмѣстѣ съ низшими животными, но *въ его разумѣ*, которымъ онъ отличается отъ нихъ. Когда говорятъ, что родъ людской имѣетъ несравненно высшія достоинства, чѣмъ всѣ существа, жившія до него на землѣ, тогда разумѣютъ не столько физическія, сколько умственныя и нравственныя качества человѣка. Организмъ его вовсе не таковъ, чтобы могъ дать ему рѣшительный перевѣсъ, еслибы, вмѣсто своихъ мыслительныхъ способностей, онъ былъ наделенъ такими же инстинктами, каковыми обладаютъ низшія животныя. Если мы допустимъ это, то намъ не слѣдуетъ заключать (даже еслибы существовали достаточные геологическіе доводы въ пользу теоріи прогрессивнаго развитія), что созданіе человѣка было послѣднимъ звеномъ въ одной непрерывной цѣпи существъ. Ибо внезапный переходъ отъ неудареннаго разума къ разумному животному есть явленіе, совершенно непохожее на переходъ отъ простѣйшихъ къ сложнѣйшимъ формамъ животной органи-

заци и истиннѣта. Утверждать, что такой шагъ, или скорѣе скачокъ, составляетъ часть правильнаго ряда измѣненій, значило бы распространять аналогію за предѣлы благоразумія» (стр. 168, томъ I). Словами этими ясно указывается не только ошибочность воззрѣній Фохта, но и порождающая ее причина.

Что же касается до новаго изданія этихъ лекцій г-мъ Гайдебуровымъ, то оно вполне удовлетворительно; вышедшій пока первый томъ содержитъ въ себѣ только первыя восемь лекцій; политипажи отдѣланы очень тщательно.

Кабанисъ. Отношенія между физическою и нравственною природою человека. Перевелъ съ французскаго П. Библиковъ. С.-Петербургъ 1866 г., два тома съ двумя алфавитными указателями, съ систематическимъ извлеченіемъ Дестюдь де-Траси и съ статьею переводчика. Значеніе Кабаниса въ науку о человекѣ.

Кабанисъ родился въ 1757 году въ Лимузенѣ (во Франціи), и мальчикомъ уже приводилъ въ отчаяніе своихъ учителей, которые не знали, что съ нимъ дѣлать, потому что въ силу рано развившейся наклонности къ анализу, Кабанисъ хотѣлъ усвоивать себѣ только то, что ясно и вполне понималъ. Благодаря этой наклонности, Кабанисъ сдѣлалъ блестящіе успѣхи въ наукахъ. Набожный отецъ его, съ безпокойствомъ смотрѣвшій на изученіе его сыномъ современной ему философіи, успокоился, получивъ отъ него увѣреніе, что это дѣлается только ради слога. Въ 1773—1775 годахъ, молодой Кабанисъ сопровождалъ епископа виденскаго и возвратился въ Парижъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія о презрѣнности людей, съ которыми ему удалось въ это время сойтись. Въ Парижѣ онъ былъ свидѣтелемъ неудачныхъ попытокъ тѣхъ реформъ, которыя предприняты были Тюрго, считавшимся идеаломъ въ семействѣ Кабаниса; но врожденная доброта его души всегда осиливала горькія впечатлѣнія, выносимыя имъ изъ собственнаго его опыта. Кабанисъ обратился къ поэзіи, и работалъ надъ переводомъ Гомера. Переводъ этотъ, неудовлетворительный съ литературной точки зрѣнія, доставилъ ему доступъ въ общество госпожи Гельвеціусъ, что дало ему возможность сойтись съ д'Аламберомъ, Дидро, Гольбахомъ, Кондорсе, Кондальякомъ, Марля и прочими. Въ кругу этихъ людей выработалъ онъ свои философскія воззрѣнія, получившія особенный оттѣнокъ отъ того, что съ 1783 года Кабанисъ сдѣлался врачомъ; къ этому побудило его собственное болѣзненное состояніе.

Онъ встрѣтилъ съ восторгомъ и сочувствіемъ возникавшую тогда революцію. Извѣстіе о взятіи Бастиліи было привезено въ Версаль Кабанисомъ, и это дало поводъ къ самой тѣсной дружбѣ его съ Мирабо, продолжавшейся по самую смерть послѣдняго. Для Мирабо Кабанисъ написалъ трактатъ объ измѣненіи въ системѣ воспитанія, который онъ и издалъ отъ своего имени въ 1791 году. Онъ со страхомъ взиралъ на опасное, всестороннее развитіе и вторженіе демократіи, и старался дать королю

благіе совѣты, причѣмъ, въ противоположность Мирабо, склонялъ его къ безусловному и чистосердечному принатию началъ, заявленныхъ революціею. Подобно Сіэсу, онъ считалъ вопросъ о свободномъ государствѣ до крайности трудною и запутанною задачею, разрѣшеніе которой нельзя найти въ непосредственномъ наблюденіи надъ природою; поэтому онъ считалъ воспитаніе народа самымъ главнымъ основаніемъ общественнаго развитія. Во время террора Кабанисъ съ трудомъ избѣгъ эшафота; онъ оставилъ политику, занялся медициною и написалъ между прочимъ исторію переворотовъ въ медицину—сочиненіе, заключающее въ себѣ немало меткихъ замѣчаній; выставленная же имъ теорія жизненной силы, лежащая въ основаніи всей его теоріи, оказалась несостоятельною. Немного позже написалъ онъ главное свое произведеніе, явившееся теперь и на русскомъ языкѣ въ лежащемъ передъ нами переводѣ г. Библикова, *Traité du physique et du moral de l'homme* (1802 г.)—сочиненіе, которое, по мнѣнію господствовавшего тогда направленія, разрѣшало вопиющіи самую величайшую загадку жизни. Безпристрастный наблюдатель найдеть, однако, въ этомъ произведеніи множество противорѣчій, число которыхъ увеличивается письмомъ Кабаниса къ Форіелю о конечныхъ причинахъ. Позднѣйшіе противники сенсуализма обратили преимущественно вниманіе на то, что сочиненіе это нисколько не удовлетворяетъ духовному нашему идеалу, не даетъ ему ни малѣйшей пищи; должно замѣтить, что оно такъ же точно мало удовлетворяетъ и научнымъ требованіямъ вообще. Ошибка того направленія, котораго держался Кабанисъ, состоитъ не въ томъ, что оно при научныхъ изысканіяхъ не обращаетъ вниманія на чувство (что совершенно въ порядкѣ вещей), но въ томъ, что оно не давало себѣ яснаго отчета о томъ, что оно знаетъ, и чего не знаетъ. Ежедневный опытъ показываетъ намъ, что физическая природа человѣка имѣетъ не только необычайно большое, но даже рѣшительное вліяніе на духовную его природу; не признавать этого вліянія невозможно. Но въ своемъ стремленіи отыскать одинъ общій, однообразный принципъ, объясняющій явленія жизни, школа сенсуалистовъ дѣлаетъ ту ошибку, что она отвергаетъ и не признаетъ того, чего не въ состояніи себѣ объяснить. По мнѣнію Кабаниса, идеи возникаютъ изъ чувственныхъ ощущеній, нравъ—изъ потребностей, а обязанности—изъ выгодъ; онъ не страшится никакихъ послѣдствій и выводовъ; всѣ духовныя силы сводятся къ кровообращенію, къ нервамъ и т. д. *Les nerfs — voilà tout l'homme*—нервы, вотъ весь человѣкъ, слишкомъ извѣстное выраженіе Кабаниса. Все-го же удивительнѣе то, что весь этотъ нервный механизмъ описывается имъ такъ подробно и обстоятельно, какъ будто бы Кабанисъ самъ его непосредственно видѣлъ или осязалъ. Жизнь человѣка—говоритъ онъ—только повидимому двойственна; сужденія наши о добрѣ и злѣ, о правдѣ и лжи представляютъ собою такіа же явленія, какъ чувственное отвращеніе и чувствен-

ное желаніе. Нашъ мозгъ мыслить такимъ же образомъ, какъ желудокъ отправляетъ процессъ пищеваренія и т. д. Подобныя взгляды примѣняетъ Кабанисъ и ко всему міру и объясняетъ первоначальное созданіе какимъ-то рожденіемъ безъ зачатія и т. д. Подобныя объясненія, очевидно, не имѣютъ никакого научнаго достоинства, потому что при этомъ то, что мы видимъ и не понимаемъ, объясняется предметами, которыхъ мы не видимъ и также не понимаемъ. Въ подобнаго рода ошибку впадаютъ естественныя науки вслѣдъ за тѣмъ, какъ скоро онѣ вдаются въ метафизику. Подобно теологін, онѣ во что бы ни стало хотятъ имѣть отвѣты на нѣкоторые важнѣйшіе вопросы, тогда какъ истинная наука выставляетъ какъ знаніе только то, что можетъ быть provato ея орудіями, то-есть анализомъ и опытомъ.

Казанская Губернія. *XIV списокъ населенныхъ мѣстъ, по свѣдѣніямъ 1859 года, обработанъ старшимъ редакторомъ Артемьевымъ. Спб. 1866. Изданіе центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ.*

Г. Артемьевъ, весьма недавно подарившій публикѣ очень любопытный списокъ Ярославской губерніи, на дняхъ составилъ другой, не менѣе интересный о краѣ, древнѣйшими историческими обитателями котораго являются болгары, очень вѣроятно единовѣрцы съ булгарами дунайскими, по политическимъ обстоятельствамъ совершенно расторгнувшіе съ ними родовую связь. Отъ начала X вѣка, когда болгары вступили въ сношенія съ арабскими халифами, они являются народомъ довольно цивилизованнымъ и ведущимъ обширную торговлю, по преимуществу мѣхами, а также жожами, медомъ, воскомъ и даже невольниками. Впрочемъ, не всѣ предметы вывоза были произведенія болгарскія: болгары служили только посредниками въ торговлѣ арабовъ съ другими народами, а станція болгарская — въ 22 верстахъ отъ г. Спаска, при ручьяхъ Меленкѣ и Болгаркѣ, въ 7 верстахъ отъ Волги, гдѣ нынѣ село Успенское или Болгара, была крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ, куда проникали промышленные люди халифата, превосходство гражданственности котораго не могло не подѣйствовать на болгаровъ. Болгарскіе цари или владѣльцы мало по малу усвоили себѣ обычаи арабовъ, и наконецъ приняли ихъ письменность и вѣрученіе въ X вѣкѣ, которое довольно быстро и глубоко укоренилось въ этомъ краѣ. Со времени образованія славяно-русскаго государства, мирно-торговныя сношенія болгаровъ нерѣдко прерывались враждою, потому что рускіе князья домогались овладѣть Волгою, этимъ исконнымъ путемъ «въ Хвалы и далѣе на востокъ въ жребій Символь». Взаимныя набѣги и опустошенія, сухопутно и водою, окончились лишь при нашествіи монголо-татаръ, когда Булгарія окончила свое самостоятельное существованіе, вошла въ составъ громадной монгольской имперіи и, раздѣляя общія судьбы ея, слилась съ побѣдителями такъ, что утратила наконецъ и свое народное имя. Скучность

свѣдѣній объ исторіи Большой или Золотой Орды лишаетъ возможности точно и подробно изобразить положеніе Булгаріи въ таѣмъ-называемый монгольскій періодъ; можно сказать только, что булгарская столица была, повидимому, столицею хановъ завоевателей, пока они не основали себѣ резиденцію на Ахтубѣ подъ именемъ Шери-Сарая; тогда Булгарія стала управляться намѣстниками. Междоусобія въ Ордѣ выдвинули снова Булгарію и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовали успѣхамъ русскихъ князей, которые попрежнему продолжали свои попытки утвердиться въ этомъ краѣ, и съ этою цѣлью неоднократно предпринимали въ Булгарію настоящіе воинскіе походы.

Древняя знаменитость Булгаріи и ея богатства привлекали на себя вниманіе искателей ханскаго достоинства, и они съ половины XIV столѣтія стали совсѣмъ отдѣляться отъ Большой Орды. Въ эту пору, вмѣсто древняго славнаго города Болгарскаго, стала выдвигаться на первый планъ Казань, время основанія которой съ точностію неизвѣстно, сдѣлавшаяся столицею Царства Казанскаго при Уду-Махметѣ. Царство это, ставшее почти подь бокомъ Москвы, грозило ей несравненно большими опасностями, нежели Большая Орда, нагайская или крымская, ибо едва успѣвъ возникнуть, казанцы уже нѣсколько разъ вторгались во Владиміро-Суздальскую область, проникали до самой Москвы и вовсе завладѣли-было Нижнимъ Новгородомъ. Поэтому необходимо было принять мѣры, которыя вели бы къ ослабленію Казанскаго Царства, пока не настанетъ время къ нанесенію рѣшительнаго удара. Это вызвало со стороны русскихъ государей въ отношеніи Казани систему политики, которая заключалась въ томъ, чтобы, дружа со всѣми, направлять однихъ противъ другихъ, вліять на дѣла казанскія, и, при неопредѣленности престолонаслѣдія въ Казани и вообще въ ордахъ, имѣть всегда готоваго претендента на верховную власть въ Казани.

Результаты этой политики извѣстны: въ 1552 году 2-го октября Казань была взята приступомъ и принята въ составъ городовъ русскихъ, какъ отчина. Громадное значеніе этого завоеванія обнаружилось немедленно; появилось стремленіе овладѣть всѣмъ теченіемъ Волги, а сѣверо-восточные ея притоки неволью манчили въ глубину примыкавшихъ къ нимъ странъ. Волга являлась неизбѣжнымъ путемъ заада въ невѣдомый востокъ, христіанства и цивилизаціи въ міръ варварскій. Тотчасъ же начались воинскія предпріятія противъ другихъ ордъ; шокорены были Астрахань и Башкирія, открылся путь въ Сибирь, куда и двинулись смѣлыя ватаги казаковъ поискать новыхъ земель, для приведенія ихъ подь высокую руку великаго государя. Одновременно приняты были государственныя мѣры къ обрусѣнію края, которыя состояли въ слѣдующемъ: 1) задолжены были въ Казани православыя церкви и запрещено въ ней строить мечети, также и жить некрещенымъ татарамъ и другимъ инородцамъ; 2) для распространенія христіанства, въ Казани учреждена епархія и ар-

хієпископомъ назначень *Гурій*, поставленный весьма высоко въ отношеніи къ общему управленію краемъ; ему предоставлено было даже высшее наблюденіе за администраціею, и «право укрывать и воеводамъ назадъ никакъ ни отдавати прибѣгшаго подъ его защиту опального». Гурій явился руководителемъ русской колонизаціи, сѣятелемъ христіанства и первой грамотности въ краѣ, причемъ, какъ и вездѣ искони въ землѣ русской, иноческія обители являлись передовыми постами русской колонизаціи. По смерти Іоанна Грознаго, правительство продолжало дѣло водворенія русской народности въ этотъ краѣ, который сталъ связывать съ центрами государства владѣнія, приобретенныя впоследствии внутри Башкиріи и за Уральскимъ хребтомъ. Въ скоромъ времени русскій элементъ въ этотъ краѣ сталъ сплестись и вліятельнѣе, несмотря на то, что онъ численностію уступалъ инородцамъ, къ которымъ правительство отнеслось очень осторожно. Въ теченіе всего XVII вѣка запрещено было продавать инородцамъ оружіе, военныя принадлежности, не позволялось заниматься кузнечествомъ и даже земледѣльческія орудія и другія металлическія вещи, необходимыя въ домашнемъ быту, разрѣшалось покупать не иначе какъ въ Казани, и притомъ въ ограниченномъ числѣ. Для охраненія края отъ возстанія инородцевъ и набѣговъ ордынцевъ, учреждена старая Закамская черта и обращено вниманіе на колонизованіе закамской стороны. Сюда разновременно переведены были стрѣльцы изъ Актчинскаго городка, смоленскіе шляхтичи краснаго знамени, переведенцы изъ внутреннихъ областей, и старые гвардейцы. Правительственная колонизація здѣшняго края прекратилась совершенно со вступленіемъ на престолъ Елагеринны II.

Этотъ краткій очеркъ достаточно ясно показываетъ, что населеніе Казанской губерніи образовалось изъ разнородныхъ элементовъ, изъ числа которыхъ русскій элементъ, весьма значительный и вліяющій во всѣхъ отношеніяхъ, по численности своей весьма превосходитъ каждое инородческое племя, но уступаетъ общей суммѣ всѣхъ инородцевъ, какъ это легко увидить читатель изъ слѣдующихъ цифръ. Въ Казанской губерніи, имѣющей площадь въ 53,997,7 кв. верстъ или 1,115,97 кв. миль, считалось въ 1860 году 3,970 селеній съ 230,919 дворами и 1,522,581 жителемъ обоюго пола (въ томъ числѣ 740,187 муж. п.), изъ коихъ 99,970 душъ живутъ въ городахъ, а 1.422,611 д. въ уѣздахъ. Въ общемъ итогѣ населенія губерніи, число русскихъ немного менѣе $\frac{2}{5}$, именно 40,73%, но вліяніе ихъ обнаруживается уже въ томъ, что почти $\frac{3}{4}$ населенія, именно 72%, считаются христіанами, то-есть болѣе половины инородцевъ просвѣщены отъ русскихъ ученіемъ евангельскимъ. За русскими по численности слѣдуютъ татары, болѣе 456,000 человекъ (почти 30%), чуваша—около 334,000, черемисы—85,000, мордва—16,000, вотяки—7,000 и т. д. Каждое изъ этихъ племенъ сосредоточилось по преимуществу въ ваихъ либо уѣздахъ губерніи; такъ русскіе — въ Свіяжскомъ (73,20) и Ла-

ишевскомъ) (63,99), татары—въ Мамадышскомъ (64,73) и Тетюшскомъ (44,64, чувашин — въ Ядринскомъ (89,61) и Цивильскомъ (78,00), черемисы—въ Козьмодемьянскомъ (36,70) и Царевкокшайскомъ (50,22), мордва—въ Чистопольскомъ (4,30) и т. д.

Предоставляя самимъ читателямъ и знакомиться съ любопытными свѣдѣніями, сообщаемыми г. Артемьевымъ объ этихъ разнородныхъ обитателяхъ Казанской губерніи, мы позволимъ себѣ привести здѣсь еще нѣсколько свѣдѣній, относящихся непосредственно до самой губерніи, которая занимаетъ чрезвычайно важное мѣсто въ волжскомъ бассейнѣ. Въ ея предѣлахъ сливается съ Волгою послѣдній притокъ этой рѣки, имѣющій огромное экономическое значеніе—Кама, единственный водный путь, соединяющій всю Россію съ предѣлами Сибири и въ то же время старыяващій ходъ въ степи Оренбургскаго края и въ лѣсныя кущи вятскаго и вологодскаго края. Притоки этихъ двухъ рѣкъ открываютъ удобный путь для сбыта мѣстныхъ произведеній, хотя выгоды этого пути весьма далеки отъ возможнаго предѣла увеличенія, который долженъ зависѣть отъ степени развитія мѣстной промышленности и вообще предприимчивости производителей.

Съ другой же стороны, обиліе рѣкъ и озеръ представляетъ немало препятствій относительно сухопутныхъ дорогъ, изъ которыхъ ни одна въ губерніи не представляетъ полныхъ удобствъ для проѣзжающихъ. Все благоустройство дорогъ состоитъ въ томъ, что онѣ большею частію обсажены двумя рядами березъ, которыя, благодаря общему обилію лѣса въ губерніи, почти вездѣ сохранились хорошо. Дороги эти вездѣ грунтовыя и пролегаютъ иногда по мѣстамъ неудобнымъ и даже небезопаснымъ. Естественныя произведенія условливаются климатомъ, который если не можетъ быть названъ совершенно суровымъ, имѣетъ, однако, рѣзкія крайности, оказывающія большое вліяніе на производительность природы и вообще на жителей. Нельзя не замѣтить, что лѣса Казанской губерніи много защищаютъ ее отъ суровости вѣтровъ, которые были бы несравненно жесточе, еслибы пролегающія здѣсь возвышенности были обнаженнѣе. Между тѣмъ лѣса пестреляются здѣсь замѣтными образомъ. Такъ въ 1820-хъ годахъ по губерніи насчитывалось лѣсу болѣе 3.000,000 десятинъ, а въ настоящее время, ихъ насчитывается всего 2.277,000 десятинъ, слѣдовательно въ 40 лѣтъ убыли произошло на 27%. Поэтому, при всемъ видимомъ и несомнѣнномъ изобиліи лѣса, въ нинихъ мѣстахъ губерніи ощутительна уже чрезвычайная скудость не только въ строевомъ лѣсѣ, но даже въ дровяномъ, что, конечно, не можетъ не имѣть вліянія на утвердившіяся въ этомъ краѣ торговлю лѣсомъ и разныя виды лѣсной промышленности. Вообще говоря, количество лѣсовъ здѣсь почти равняется количеству пахатной земли, именно 40,06%, притомъ въ различныхъ уѣздахъ пропорція лѣсныхъ пространствъ диаметрально противоположна пропорціи пахатной земли, то-есть чѣмъ плотнѣе населеніе, тѣмъ менѣе лѣсовъ и болѣе пашень. Особенное достоинство казанскихъ лѣсовъ состоитъ въ томъ, что де-

святая доля ихъ состоитъ изъ корабельныхъ роцъ, по преимуществу дубовыхъ.

Обращая особенное вниманіе читателей на изданный г. Артемьевымъ списокъ Казанской губерніи, мы въ заключеніе не можемъ не высказать сожалѣнія о томъ, что человекъ, обладающій такими обширными свѣдѣніями по части исторіи и этнографіи нашего государства, расходуетъ свои знанія на небольшія отдѣльныя статьи, не всегда встрѣчающія то число читателей, котораго онѣ по справедливости заслуживаютъ.

Полицейскія постановленія иностранныхъ государствъ. 3 тома. С.-Петербургъ. 1866 года. Въ типографіи императорской академіи наукъ.

Содержаніе, а также и цѣль лежащаго предъ нами изданія объясняются всего лучше словами сдѣланнаго къ нему предисловія. Для устройства полиціи въ Царствѣ Польскомъ, признано было необходимымъ собрать свѣдѣнія о положеніи полицейской части въ различныхъ европейскихъ государствахъ, особенно же въ тѣхъ польскихъ провинціяхъ, которыя отошли къ Австріи и Пруссіи, и сдѣлать ближайшія практичныя изслѣдованія, которыя могли бы дать ясное понятіе не только объ общей организаціи полиціи, но и о подробностяхъ ея нынѣшняго устройства и образа дѣйствій. По этой причинѣ, флигель-адъютанту, полковнику Анненкову было поручено собрать на мѣстахъ самыя подробныя свѣдѣнія о полиціи въ различныхъ государствахъ, именно во Франціи, Австріи, Саксоніи и Англіи (о полиціи въ Англіи, кстати замѣтимъ мы при этомъ, въ изданныхъ пока трехъ томахъ полицейскихъ постановленій ничего не встрѣчается; въ 3-мъ томѣ говорится только о полиціи въ Ирландіи, собственно объ организаціи дублинской городской полиціи). Не всѣ части полицейскаго устройства въ каждомъ изъ этихъ государствъ могли быть описаны съ одинаковою полнотою; тѣмъ не менѣе, собранныя данныя заключаютъ въ себѣ многія практическія указанія, которыя до сихъ поръ печатаемы у насъ не были. Настоящее изданіе, по самому содержанию своему, предназначено собственно для разныхъ специальныхъ справокъ и соображеній. Дѣйствительно, нельзя отрицать, что изъ числа собранныхъ постановленій, которыми руководствуются полиціи различныхъ государствъ, мы встрѣчаемъ въ лежащей передъ нами книгѣ не мало такихъ, введеніе которыхъ было бы желательно и въ нашемъ полицейскомъ управленіи, какъ, напримѣръ, введеніе экзаменовъ для поступленія въ жандармы и полицейскую стражу, испытаніе жандармскихъ кандидатовъ, испытаніе исполнительныхъ чиновъ полиціи, какъ это давно принято въ Пруссіи, гдѣ для приѣма въ полицейскіе сержанты и вахмистры требуется, между прочимъ, умъ и здравый разсудокъ, умѣнье дѣйствовать самостоятельно, вѣрное понятіе о значеніи и сущности полиціи и хотя бы поверхностное знаніе полицейскихъ постановленій, относящихся до ежедневной общественной и гражданской жизни, нако-

ночь — умѣнье примѣнять это званіе къ дѣлу. Чтобы полицейской стражѣ были извѣстны въ точности ея прямыя обязанности, въ Пруссіи составлено самое ясное и наглядное руководство, состоящее изъ ряда вопросовъ, отвѣты на которые, тутъ же напечатанные, заключаютъ въ себѣ указанія, какъ въ данномъ случаѣ долженъ поступать полиціантъ; безспорно, что подобнаго рода наставленія составляютъ существенную потребность нашей полиціи, которая, какъ мы хотимъ предполагать, незамедлительно ошутитъ на себѣ полезное вліяніе поставленной въ заглавіи этихъ строгъ книги.

Вологодская губернія. VII списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 года, обработанъ старшимъ редакторомъ Огородниковымъ. С.-Петербургъ. 1866 года. Изданіе центральною статистическою комитета министерства внутреннихъ дѣлъ.

Вологодская губернія, какъ извѣстно, занимаетъ по пространству своему второе мѣсто въ числѣ губерній Европейской Россіи, и равняясь своимъ объемомъ почти всей Испаніи, заключаетъ въ предѣлахъ своихъ, по исчисленію Швейцера, 348,415 кв. верстъ или 7,200 кв. миль, причемъ болѣе половины общаго пространства (3.912,16 кв. миль) приходится на долю *двухъ уѣздовъ*: Устьинско-соляскаго и Яренскаго, которые, въ то же время, представляютъ наименьшую степень населенности: въ нихъ считается на кв. милю среднимъ числомъ только 3,68 двора и 25,78 душъ обоого пола, тогда какъ въ юго-западныхъ уѣздахъ: Вологодскомъ и Грязовецкомъ, среднимъ числомъ на кв. милю приходится до 152 дворовъ и 965 душъ обоого пола. Вообще же въ Вологодской губерніи, до 1858 года, считалось 872,883 жителей (въ городахъ всего 40,606 жителей, а въ уѣздахъ 832,277), изъ числа коихъ 415,317 было мужскаго пола. Столь неравномѣрная населенность объясняется какъ топографическими и климатологическими условіями уѣздовъ, такъ и тѣмъ, что населенность края находится въ зависимости отъ удобствъ топографическихъ и путей сообщенія, наибольшая часть которыхъ сосредоточивается въ западной половинѣ губерніи и условливается положеніемъ Вологды, какъ административнаго центра въ губерніи, находящагося въ одномъ изъ крайнихъ концовъ ея. Обширный край этотъ, входившій въ составъ баснословной Біармінъ, былъ съ давнихъ поръ извѣстенъ народамъ Европы какъ по своему богатству, такъ и тѣмъ, что служилъ обычнымъ путемъ торговыхъ сношеній Европы съ Азією, причемъ главными пунктами были Холмогоры и Чердынь. Обитавшій въ этомъ пространствѣ народъ извѣстенъ въ нашихъ летописяхъ по имени заволоцкой чуди и перми, отъ которой осталось теперь немногочисленное племя зырянъ. Болѣе точныя свѣдѣнія о краѣ начинаютъ съ появленіемъ въ немъ славянскаго племени, которое, въ лицѣ новгородцевъ, имѣло въ придвинской странѣ своихъ данниковъ, при самомъ началѣ древней Руси. По смыслу народныхъ преданій можно заключить, что жители Заволочья, защи-

шая свою землю отъ пришельцевъ, никакъ не хотѣли имъ подчиниться и отчаянно гибли въ борьбѣ, по многочисленности своей и обширности занимаемаго пространства не имѣя средствъ сближаться и составить тѣсный союзъ для единодушнаго сопротивленія вторженію извнѣ. Водвореніе русскихъ не представляло здѣсь затрудненій: чтобы удержаться въ мѣстностяхъ, взятыхъ съ бою, русскіе ставили города, время появленіе которыхъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на ходъ славянорусской колонизаціи въ этомъ краѣ. Къ числу древнѣйшихъ населеній принадлежатъ *Вельскъ* на Ваѣ и Вологда (о нихъ говорится подъ 1147 годомъ), потомъ Глядень (Устюгъ Великій, построеніе коего относится къ концу XII вѣка), Сольвычегодскъ, Яренскъ, Тотьма (въ началѣ XV вѣка) и т. д. Нелишнее замѣтить, что движеніе колонизаціи на востокъ имѣло два отдѣльных источника и двѣ дороги: одна промышленно-завоевательная, новгородская, шла по Заонежью, въ предѣлы Архангельской губерніи, до крайняго востока, а другая—религіозно-завоевательная, ростовско-суздальская, дробилась въ предѣлахъ Вологодской губерніи. Раздѣльной чертой этихъ партій, нерѣдко враждовавшихъ между собою, была рѣка Сухона. Ростовская колонизація заботилась о просвѣщеніи края свѣтомъ христіанскаго ученія, и этимъ самымъ закрѣпляла за собой занятія мѣста прочнѣе, нежели колонизація повгородская, нѣкоторыя части которой пошли современемъ въ составъ ростовскихъ владѣній. Неурядицы новгородскія и покореніе Руси монголами поддерживали эту колонизацію, заставляя многихъ разбѣгаться по окраинамъ государства. Столь же важнымъ двигателемъ колонизаціи вологодскаго края было и распространеніе христіанской вѣры, проповѣдники которой подвигались все болѣе и болѣе во внутрь страны; впрочемъ, свѣдѣнія о подвигахъ христіанства въ вологодскомъ краѣ очень скудны до появленія въ немъ преподобнаго Герасима въ 1147 году. Утвержденіе же тутъ христіанства относится не ранѣе, какъ къ концу XIV вѣка, то-есть когда уже замѣтно было и здѣсь преобладаніе Москвы. Съ паденіемъ Новгорода, весь вологодскій край быстро подчинился владычеству московскихъ князей. Промышленная дѣятельность Строгоновыхъ, пользуясь покровительствомъ Иоанна Грознаго, имѣла характеръ завоевательнаго движенія къ землямъ уральскимъ и открыла путь къ завоеванію Сибири. Благодѣтельное вліяніе на состояніе края имѣли возникшія въ то время сношенія Англии съ Россією посредствомъ Бѣлаго моря; города Устюгъ, Сольвычегодскъ, Тотьма и Вологда сдѣлались складочными пунктами этого торговаго движенія; главный путь въ сибирскіе города шелъ также черезъ эти города. Дѣятельность Петра Великаго, вызвавшая развитіе балтійской торговли, была причиною упадка торговли и промышленности въ вологодскомъ краѣ, когда торговля бѣломорская, стѣсняемая временно разными постановленіями, упала и уже болѣе въ прежнемъ видѣ не возстановилась. Съ утвержденіемъ же порядка въ отдаленныхъ частяхъ государства, потерялъ также значеніе и пользу вологодско-сибирскій

трактъ, замѣненный дорогою на Казань и Еватеринбургъ. Путь описанной нами колонизаціи, сопровождаемый построеніемъ церквей, монастырей и погостовъ, вокругъ которыхъ собиралось и селилось русское населеніе, разчищая лѣса, осушая болота и водворяя промышленную жизнь, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ объясненіемъ встрѣчающагося нынѣ этнографическаго распредѣленія населенія губерніи. Чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ рѣже русское населеніе и болѣе въ смѣси съ туземнымъ, зырянскимъ, мѣстами называемымъ то финскимъ, то чутскимъ. Зыряне, сохранившіе свой языкъ, нравы и обычаи, встрѣчаются, по указанію приходскихъ списковъ, только въ двухъ уѣздахъ: Яренскомъ и Устьсымольскомъ, всего въ количествѣ 72,934-хъ душъ обоюгаго пола, занимающихъ 340 селеній, въ которыхъ 10,081 дворъ; въ обоихъ означенныхъ уѣздахъ, какъ по числу дворовъ, такъ и по числу наличнаго населенія, зыряне поглощаютъ, примѣрно, до 75% изъ общаго числа дворовъ и населенія. Относительно наибольшая густота населенности и численность населенія зырянскаго въ Устьсымольскомъ уѣздѣ свидѣтельствуетъ о тѣхъ причинахъ, которыя, стѣсня зырянъ, заставили ихъ отодвинуться на дальній востокъ, отдѣленный отъ остальной Россіи непроходимыми топями и лѣсами, гдѣ вліяніе русской народности до настоящаго времени не приобрѣло преобладающаго значенія. Другихъ болѣе вѣдѣсныхъ свѣдѣній о зырянахъ въ этомъ спискѣ мы не встрѣтили.

II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сочиненія Уильяма Шекспира, изданныя Уильямомъ Джорджемъ Кларкомъ и Уил.-Ал. Райтомъ. Томъ IX. 1866 ¹.

Произведенія Шекспира, изданныя Р. Г. Уайтомъ. 1865 ².

Жизнь и геній Уильяма Шекспира, Ричарда Гранта Уайта. 1865 ³.

Шекспиръ: его внутренняя жизнь, сказавшаяся въ его твореніяхъ, Джона Герода ⁴.

¹ The Works of William Shakespeare. Edited by William George Clarke and William-Aldis Wright. Vol. IX. 1866.

² The Works of Shakespeare. Edited by Richard Grant White. Vol. I. 1865.

³ The Life and Genius of William Shakespeare. By R. G. White. 1865.

⁴ Shakespeare: his Inner Life as intimated in his Works. By John A. Heraud. 1865.

Сочиненія Уильяма Шекспира. Текст просмотрѣвъ Александромъ Дайсомъ. 8 томовъ. Второе изданіе. 1864—5¹.

Биографія и библиографія Шекспира, Генри Бона. 1864².

Жизнь и геній Шекспира, Томаса Кеннеа³.

Шекспиръ принадлежитъ, безспорно, въ категоріи очень плодотворныхъ писателей, но, конечно, число его драматическихъ произведеній далеко не равняется числу книгъ, написанныхъ о немъ въ одной только Англии. Это обиліе біографій Шекспира становится еще изумительнѣе, когда мы вспомнимъ, какъ мало дошло до насъ свѣдѣній о его жизни. Положительно извѣстно только, что онъ родился и погребенъ въ Стрэтфордѣ-на-Эвонѣ. Всѣ же подробности его жизни, все, что случилось съ нимъ между колыбелью и могилкою, остается до сихъ поръ неизнаннымъ и неразгаданнымъ. Какъ ни скудны свѣдѣнія, сообщенныя о немъ Дайсомъ и Уайтомъ, но все же эти два біографа не пропустили ни одного факта, не забыли ни одного преданія, которые имѣютъ хотя сколько нибудь историческое значеніе и бросаютъ тусклый свѣтъ на жизнь гениальнаго поэта. Другіе же писатели подвергали всевозможнымъ попыткамъ произведенія Шекспира, стараясь узнать отъ нихъ о томъ, чего не говорятъ другіе источники. Но это былъ напрасный трудъ. Личная жизнь Шекспира такъ слабо отражается въ его произведеніяхъ, что едва-ли можно найти другого писателя, мысли и чувства котораго давали бы такъ мало матеріала для его автобіографіи. «Всѣ, въ нѣкоторой степени достовѣрныя, свѣдѣнія о немъ—говоритъ Джорджъ Стивенсъ—ограничиваются тѣмъ, что онъ родился въ Стрэтфордѣ-на-Эвонѣ, женился тамъ, имѣлъ дѣтей, ушелъ оттуда въ Лондонъ, гдѣ былъ актеромъ, писалъ поэмы и драматическія произведенія, потомъ возвратился на родину, составилъ духовное завѣщаніе, умеръ и былъ похороненъ въ Стрэтфордѣ». Почти то же самое говоритъ Галэмъ въ своей «Literature of Europe»: «Все, что ненасытное любопытство и неутомимое прилежаніе успѣли до сихъ поръ открыть о Шекспирѣ, можетъ скорѣе привести въ отчаяніе, нежели доставить хотя бы самый легкій очеркъ его характера... Не успѣло ни одного письма, написаннаго его собственной рукою; не дошло до насъ ни одного извѣстія о его разговорѣ съ кѣмъ-нибудь; никто изъ современныхъ ему людей не очертилъ его характера». Біографы Шекспира старались по большей части уяснить то, отъ чего нисколько не становилась яснѣе его внутренняя природа. Они навязывали ему попеременно то одну, то дру-

¹ The Works of William Shakespeare. The Text revised by Alexander Dyce. 8 vols. Second Edition. 1864—5.

² The Biography and Bibliography of Shakespeare. By Henry G. Bohn. 1864.

³ The Life and Genius of Shakespeare. By Thomas Kenney. 1864.

гую профессію, и очень походили въ этомъ случаѣ на древнихъ, которые, описывая неизвѣстную никому жизнь Гомера, надѣляли его всевозможными познаніями, заимствуя данныя для своихъ предположеній изъ Иліады и Одисея. Въ описаніи ахилессова щита видѣли они зачатки законовъ, искусствъ и наукъ, которые явились потомъ въ Греціи. Въ рѣчахъ гомеровыхъ героевъ слышались имъ риторическія правила Аристотеля; въ предписаніяхъ Махаона видѣли они то, что знали и чему учили въ послѣдствіи Иповратъ, а географическія картины Гомера сравнивали съ разсказами Страбона и Птоломея. Почти такъ же обходится теперь съ Шекспиромъ. Юристы увѣряютъ, что онъ былъ хорошии законовѣдъ; доктора утверждаютъ, что ему нечужды были медицинскія знанія, особенно по части разстройства умственныхъ способностей; натуралисты восхищаются его свѣдѣніями въ ботаникѣ и энтомологіи; епископы—по крайней-мѣрѣ одни изъ нихъ—считаютъ его хорошимъ богословомъ и т. д. Но дѣло въ томъ, что если Шекспиръ и дѣйствительно обладалъ нѣкоторыми изъ этихъ свѣдѣній — мы все же ни на волосъ не узнаемъ его короче съ той стороны, съ какой намъ хотѣлось бы узнать его. «Дѣйствительно—говоритъ Грантъ Уайтъ—есть причины думать, что Шекспиръ имѣлъ довольно хорошия юридическія свѣдѣнія. Театръ былъ въ то время очень любимъ публикою, и, слѣдовательно, новыя пьесы имѣли хорошия сбыты. Ихъ требовало общество, и молодые люди, умѣвшіе владѣть перомъ, слѣшили удовлетворить общему требованію—это очень понятно. Потому-то даровитые юристы писали тогда комедіи и драмы, какъ пишутъ они въ наше время журнальныя статьи. Нисколько не удивительно, что тѣ изъ нихъ, которымъ особенно посчастливилось, обратили это занятіе въ свою профессію. Отсюда въ языкъ драматическихъ произведеній того времени и должно было войти это множество юридическихъ фразъ, которыми онъ отличается.» Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ драмъ Шекспира въ доказательство того, какъ искусно владѣлъ онъ юридическимъ языкомъ, и сославшись на младшаго сына судьи Бьюмонта, который занятія драматурга предпочелъ государственной службѣ, Уайтъ говоритъ однакоже, что еслибы Шекспиръ и неоспоримо былъ клеркомъ аторнея—это само по себѣ нѣсколько интересное для насъ свѣдѣніе все-таки не имѣло бы особеннаго значенія. «Оно ничего не говорило бы намъ о человѣкѣ, о его чувствахъ и дѣйствіяхъ въ отношеніи къ нему самому. Мы остались бы при своемъ прежнемъ невѣдѣніи о томъ, что радовало, и что печалило его. Этотъ фактъ имѣлъ бы только пустое, матеріальное отношеніе къ другому факту, именно къ тому, что Шекспиръ чаще свободнѣе и точнѣе употреблялъ юридическія фразы, сравнительно съ другими писателями».

Биографы Шекспира очень рѣдко не говорили о немъ величайшихъ негѣпостей. Такъ, по мнѣнію однихъ, онъ былъ навимъ-то дикимъ гениемъ, очень безграмотнымъ человѣкомъ, составителемъ дурныхъ остротъ и каламбуровъ. Другимъ хотѣлось доказать, что

онъ не умѣлъ писать языкомъ придворнымъ и джентльменовъ, хотя они допускали однакоже очень близкое знакомство Шекспира съ Соутгэмптономъ, Ралейфомъ и другими лучшими, образованнѣйшими умами того времени. Словомъ, если кто хочетъ получить портретъ совершеннаго чудовища, тому стоитъ только прочесть одну изъ такихъ біографій Шекспира. Анекдотисты указывали особенно на его плохое образованіе. Повторяя слова Бен-Джонсона, иные изъ нихъ увѣряли, что Шекспиръ «зналъ немножко полатыни и еще меньше погречески»; другіе же отнимали у него и это небольшое знаніе, полагая, что иностранныя языки были совсѣмъ неизвѣстны ему. Главнѣйшимъ адвокатомъ невѣжества Шекспира по части филологій былъ докторъ Ричардъ Фермеръ, который дошелъ до абсурда, желая почти совсѣмъ лишить его оригинальности. Дайсь очень справедливо замѣчаетъ, что если Шекспиръ и дѣйствительно не умѣлъ читать Плутарха въ поддвинникѣ, то это неумѣнье составляетъ общую характеристическую черту англичанъ до сихъ поръ. Едва ли надобно доказывать, что Кальдеронъ, Мольеръ, заимствовавшій сцены изъ Аристофана въ «Le Bourgeois Gentilhomme», и даже самый Вольтеръ не читали Плутарха, Ашиана, или Діона Касія въ оригиналѣ. Притомъ же, по произведеніямъ авторовъ очень трудно судить о ихъ сравнительномъ знакомствѣ съ древней литературою. Фильдингъ, свободно читавшій Виргилія и Горация, зналъ, безъ сомнѣнія, латинскихъ писателей лучше Вальтера-Скотта. Но еслибы мы вздумали судить о ихъ знаніяхъ, основываясь на данныхъ, находящихся въ произведеніяхъ этихъ двухъ писателей, то пришли бы, конечно, къ прямо противоположному заключенію. Вальтеръ-Скоттъ часто приводитъ выдержки изъ Тацита и Квинта Курція, тогда какъ Фильдингъ заимствуетъ изъ названныхъ поэтовъ только тѣ стихи, которые можно найти почти въ любой грамматицѣ. Парсонъ Адамсъ, носившій постоянно Эсхила въ карманѣ, не умѣлъ, однако, прочесть ни одной строки погречески. Грантъ Уайтъ находитъ, что Шекспиръ былъ знакомъ съ итальянской литературою и читалъ въ оригиналѣ «Orlando Furioso». Мнѣніе свое основываетъ Уайтъ преимущественно на словахъ Отелло, когда онъ укрываетъ Дездемону, не видя у нея носового платка, который былъ его первымъ подаркомъ. Отелло говоритъ, что въ платкѣ заключена магическая сила, что онъ сотканъ сивиллою, и употребляетъ при этомъ выраженіе «пророческое неистовство», *prophetic fury* которое совершенно тождественно съ *furor profetico* Агюста. Авторъ «Неистоваго Орландо» выразился такъ, говоря то же о сивиллѣ, которая занята тканьемъ магическаго одетя. Сверхъ того у Шекспира, такъ же какъ у Агюста, одна и та же мысль дополнена ссылкой на очень долгій періодъ времени. Уайтъ не допускаетъ, чтобы такое сходство въ мысли и въ способѣ ея выраженія могло быть случайностью. А такъ-какъ при жизни Шекспира въ Англіи былъ переведенъ «Orlando Furioso» только серомъ Джономъ Гарингтономъ,

который выразился иначе, не сказавъ ничего похожаго на *prophetic fury*, то, стало быть, авторъ «Отелло» читалъ поэму Аріоста въ подлинникѣ. Очень извѣстное мѣсто той же драмы «Who steals my purse steals trash» и т. д. еще болѣе доказываетъ близкое знакомство Шекспира съ итальянской литературою. Надобно замѣтить, что въ началѣ шестнадцатаго вѣка подъ ея влияніемъ находились Сорея, Спенсеръ, Сидней, Даниель и вообще всѣ англійскіе поэты. Итальянскій и французскій языки были въ большомъ употребленіи при дворѣ Елизаветы. Со времени Чоусера, изученіе ихъ считалось необходимымъ дополненіемъ какъ легкаго, блестящаго, такъ и строго-классическаго образованія. Трудно допустить, чтобы при такихъ условіяхъ Шекспиръ, бывшій, безъ сомнѣнія, воспитанникомъ англійской литературы, не увлекался господствовавшимъ въ ней направленіемъ и не захотѣлъ познакомиться съ итальянской литературою. Но, разумѣется, онъ пользовался ею по своему. Онъ заимствовалъ изъ нея предметы для своихъ произведеній — и только. Что же касается нѣсколькихъ фразъ, по которымъ отгадываютъ его знакомство съ произведеніями итальянскихъ поэтовъ, то это — капля въ морѣ, нисколько неослабляющая оригинальной, собственно шекспировской фразеологіи, которая отличается совершенно своеобразнымъ характеромъ.

Впрочемъ, надобно полагать, что Шекспиръ приобрѣлъ эти знанія не во время своей первой молодости, которая, вѣжется, познакомила его только съ нуждой и домашними неприятностями. Отецъ его, Джонъ Шекспиръ, перешелъ, повидимому, «съ чудной быстротою» изъ одного положенія въ другое, изъ лучшаго въ худшее. Онъ былъ зажиточнымъ человѣкомъ, но умѣлъ надѣлать такихъ долговъ, что не смѣлъ ходить въ церковь, опасаясь, чтобы займодавцы не схватили его на улицѣ. Ему надобно было «кормить пять маленькихъ ртовъ и одѣвать пять маленькихъ спинъ». Равная женитьба Уильяма Шекспира, у котораго скоро появились дѣти, нисколько не способствовала улучшенію домашняго быта. Мирныя занятія сельской жизни не согласовались съ его характеромъ, и онъ предпочелъ имъ опасности браконьера и дурное общество. Можетъ быть, такой образъ жизни не совсѣмъ нравился ему, и потому онъ разстался съ нимъ безъ сожалѣнія. Кажется, и въ Стрэтфордѣ никто не горевалъ о немъ. Шекспиръ переселился въ Лондонъ, гдѣ тоже мало было шансовъ для счастья молодого человѣка, все состояніе котораго лежало подъ шляпою. Разсчитывать на протекцію было невозможно, потому что онъ не былъ знакомъ ни съ однимъ человѣкомъ изъ лондонской знати. Рекомендательными письмами также никто не снабдилъ Шекспира. Ихъ роль могли бы вѣроятно замѣнить въ другое время стихотворенія, но тогда они были бесполезны для него, чѣмъ флейта для Гольдсмита, или поддѣльные хартии для Чатертона. Въ Лондонѣ не издавалось еще ни газетъ, ни журналовъ. Только двери театра были открыты для Шекспира, и

онъ не задумался войти въ нихъ. Впрочемъ, профессія актера не манила къ себѣ Шекспира. Призваніе влекло его къ профессіи не исполнителя, но творца драматическихъ произведеній. Онъ повиновался ему, и «не прошло двадцати лѣтъ — говорятъ Грантъ Уайтъ—какъ лучшія драмы, которыми восхищались англичане, показались имъ ничтожнѣйшими пьесками сравнительно съ тѣмъ, что было создано гениемъ, прославившимъ англійскую сцену».

Предшественниковъ Шекспира нельзя назвать неспособными людьми. Они сумѣли дать драмѣ опредѣленную форму. Но хотя Гейвудъ, Пиль, Кейдъ и Мэрло нѣсколько усовершенствовали ее сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ видѣ досталась она имъ отъ Удаля, лорда Бокгорта и другихъ писателей, однакоже нивто изъ нихъ не можетъ считаться ея изобрѣтателемъ. Корни драмы таились въ древнихъ мистеріяхъ и глубоко срослись съ сердцемъ народа. Сотрудничество сценическихъ писателей, которое такъ обыкновенно во Франціи, было обычаемъ англійскихъ драматурговъ еще задолго до Шекспира. Очень вѣроятно, что и онъ началъ писать подъ руководствомъ болѣе опытныхъ сочинителей, которые ознакомили его съ условными приемами драматическаго искусства, со вкусомъ и требованіями публики. Убѣдась въ своихъ силахъ, онъ пустился уже одинъ въ открытое море и сбросилъ съ себя то, что стѣсняло свободу его движеній. Дайсъ очень хорошо объясняетъ отношеніе Шекспира къ драматическимъ авторамъ, которые писали прежде и послѣ него. «Много издано книгъ — говоритъ онъ—о старинномъ англійскомъ театрѣ. Авторы ихъ старались убѣдить читателей, что у Шекспира были соперники почти равные ему. Эту мысль проводили два замѣчательные критика — Лэмбъ и Газлитъ, которые увеличивали вообще достоинства драматурговъ временъ Елизаветы и короля Якова. «Шекспиръ—писалъ Газлитъ—громодно возвысился (towered) надъ своими товарищами. Но онъ былъ только болѣе высокимъ, могучимъ, привлекательнымъ и прекраснымъ изъ этой расы гигантовъ, всѣ члены которой принадлежали однакоже къ *одному общему и благородному племени*». По моему мнѣнію, взглядъ этотъ невѣренъ въ высшей степени. Шекспиръ не только превосходилъ неизмѣримо современныхъ ему драматурговъ творческою силою, глубиною мыслей и способностью проникать въ тайны человѣческаго сердца, но сверхъ того онъ ни въ чемъ почти не былъ сходенъ съ ними, отличаясь отъ нихъ и методомъ развитія характеровъ, и дикціей, и построеніемъ стиха. Не надо забывать также, что лучшія, по мнѣнію тогдашнихъ критиковъ, мѣста въ драмахъ его современниковъ нисколько не отличались правдоподобіемъ и естественностью. Авторы ихъ гвались только за эффектомъ, и потому неоспоримо превосходныя сцены, созданныя Шекспиромъ, совершенно противоположны имъ.»

Англійская драма, прежде и послѣ Шекспира, подчинялась вліянію двухъ силъ. Съ одной стороны влекла ее къ себѣ влас-

сическая, съ другой готическая школа. Между этими Сцилой и Харибдою умѣлъ проплыть только одинъ кормчій — Шекспиръ. Классическую школу открылъ въ Англіи лордъ Боггорстъ своею драмою «Fergus and Roghach»; и потомъ дополнилъ ее переводомъ нѣкоторыхъ произведеній Эврипида, Сенеки, Плавта и Теренція. Этой школѣ сочувствовалъ преимущественно высшій кругъ Англіи. Готическую или — употребляя общепринятое выраженіе — романтическую драму, началомъ которой были мистеріи или пьесы религіознаго содержанія, поддерживали Кейдъ, Пиль, Гейвудъ и Марло. Ею столько же гнушалось высшее общество, сколько любилъ ее простой народъ. Еслибы классики одержали побѣду, въ такомъ случаѣ съ драматической литературою Англіи повторилось бы то же, что было съ нею въ Италіи, пова Гольдони и Альфиери не возвысили нѣсколько самостоятельности ея характера. Что же касается англійскихъ романтиковъ, то ихъ труды, безъ помощи Шекспира, никогда не подняли бы драму даже до того уровня, на которомъ трагедія и комедія стояли во Франціи. Имъ недоставало *языка* и *характера*. Молодой человекъ, бѣжавшій изъ Стратфорда въ Лондонъ, можетъ быть, отъ констаблей, и ужъ навѣрно отъ бѣдности, спасъ Англію отъ псевдо-классицизма и ультраготическаго направленія. Зная «немножко латыни и еще меньше гречески», онъ одушевилъ безжизненныхъ героевъ Плутарха, представилъ намъ эпизодъ изъ троянской войны съ творческимъ искусствомъ Гомера, вывелъ на сцену римлянъ и сенатъ ихъ съ такою вѣрностью, какою отличаются рассказы Цицерона и Тита-Ливія. Магическій жезлъ этого генія былъ также могучъ въ отношеніи къ средневѣковымъ лѣтописямъ его собственной страны. Плянтагенеты и Тюдоры возстали по его мановенію и явились передъ нами живыми людьми со всей полнотою ихъ страстей, стремленій и тайныхъ замысловъ. Нетрудно было бы доказать, что драмы Шекспира отличаются по завязкѣ своей и развитію отъ всего, что было написано въ этомъ родѣ другими авторами. Но его превосходство заключается не въ изобрѣтеніи сюжетовъ и не въ планѣ построенія пьесъ. *Языкъ* и *характеръ* — вотъ два главнѣйшія проявленія его творческой силы.

Характеръ былъ почти невозможенъ для греческой сцены. Обширность театра, маска, ходули, драпировка, хоръ и діалоги, произносимые нараспѣвъ, не допускали индивидуальной характеристики дѣйствующихъ лицъ. У грековъ были типы короля, жреца, воина, государственнаго человѣка, женщинъ и дѣвушекъ древнихъ знатныхъ домовъ, но для таковыхъ отличительныхъ признаковъ, какіе находимъ мы въ характерахъ королей Іоанна и Генриха V, леди Макбетъ и леди Констанціи, греческій театръ былъ совершенно неудобенъ. Нечего и говорить, что Джульета, Розалинда, Корделія и Беатриса были невозможны для сцены, требовавшей или жертвъ, или героинь, а не простыхъ женщинъ. Что же сказать — не о римскомъ театрѣ, который былъ жалокъ въ

сравненіи съ греческимъ — но о драматическихъ произведеніяхъ Испаніи, Франціи, Германіи и другихъ европейскихъ государствъ, когда Шиллеръ и Гёте преклонялись передъ гениальностью Шекспира? Мефистофель подходитъ, можетъ быть, ближе другихъ драматическихъ лицъ Гёте къ шекспировскимъ характерамъ, но въ немъ человѣческая сторона высказалась слабѣе, нежели въ Яго, а метафизическая не такъ страшна, какъ въ духѣ «Гамлета». Monsieur Jourdain, Nicole и особенно Tartuffe Мольера входятъ въ шекспировскій кругъ. Но характеры Шекспира считаются дюжинами, тогда какъ индивидуальныя лица, созданныя французскимъ комикомъ, можно перечестъ по пальцамъ одной руки. Его Жеронты, Сланины, Сганарели, Леандры и Клитандры всѣ похожи другъ на друга; ихъ типы можно найти у Гоцци и Гольдони. Потому-то выраженіе: *шекспировскій міръ* совершенно правильно. Дѣйствительно, это — міръ полныхъ индивидуальной жизни существъ, какими являются только настоящіе люди. И какъ разнообразно населеніе этого міра, гдѣ съ одной стороны вышшаются Гамлетъ, а съ другой пресмыкается Калибанъ! У каждаго жителя этого міра есть свои «нужды и желанія» *business and desires*. Какъ ни легко нарисовать шутъ, подающій винныя ягоди и аспіда Клеопатрѣ, но и онъ такой же особенный, живой человѣкъ, какъ самъ Маркъ Антоній. «Каждый внимательный читатель Шекспира—говорить Грантъ Уайтъ—можетъ понять, что главная драматическая сила этого гения заключается въ искусствѣ создавать характеры. Интересъ, отличающій его драмы отъ всѣхъ другихъ произведеній этого рода, сосредоточивается на дѣйствующихъ лицахъ, на выраженіи ихъ чувствъ и мыслей, на причинахъ и образѣ ихъ дѣйствія. Здѣсь кроется тайна его драматическаго искусства, которой никто изъ предшествовавшихъ писателей не могъ сообщить ему. Въ то время, когда писалъ Шекспиръ, собственно такъ-называемый *характеръ* былъ почти неизвѣстенъ англійскимъ литераторамъ, и еще менѣе писателямъ континентальной Европы. Въ Англіи только Марло пытался создавать характеры, но еще въ чрезвычайно простомъ и грубомъ стилѣ. Италіянскіе и французскіе бельегристы, не включая самого Бокaccio, рассказывали преимущественно происшествія и описывали чувства. Ихъ дѣйствующія лица не имѣли характера. Они были, конечно, очень разнообразны — друзья, враги, любовники, злодѣи, шуты и джентльмены, мрачные и веселые, добрые и злые. Но въ этой пестрой толпѣ напрасно сталъ бы кто искать типовъ или индивидуальныхъ личностей — здѣсь были только человѣческія формулы. Много было споровъ о томъ — типы, или индивидуальныя личности созданы Шекспиромъ. Его дѣйствующія лица — и то, и другое. Ихъ можно назвать индивидуальными типами. Они такъ реальны въ своей индивидуальности, такъ рѣзко очерчены и такъ сжато, компактно построены, что мужчины и женщины, которыхъ встрѣчаемъ мы въ дѣйствительной жизни, кажутся призраками въ сравненіи съ ними. Однако-

же, несмотря на это, случайное и несущественное чуждо имъ до такой степени, что они становятся типическими лицами, идеалами. Шекспиръ достигаетъ этого, соединяя въ гармоническое цѣлое всѣ разнообразныя черты, и подчиняя ихъ одной центральной, господствующей чертѣ, которая такъ измѣняется въ своихъ проявленіяхъ, что сама по себѣ имѣетъ уже индивидуальность. Его лица человѣчны въ высшей степени, и потому они представляютъ не воплощеніе отдѣльныхъ признаковъ, или простыхъ побужденій, но являются сложными машинами, и чѣмъ выше ихъ стиль, тѣмъ сложнѣе организація. Онъ соединяетъ въ строное цѣлое такія качества, которые не могли бы, казется, ужиться въ одномъ человѣкѣ, а между тѣмъ его геній открываетъ ему средство ихъ. Въ послѣдовательной, но очень сложной связи внутреннихъ побужденій, которые движутъ шекспировскіе характеры, заключается причина, вслѣдствіе которой не всѣ произносятъ ихъ монологи одинаково. Разнообразныя мнѣнія о нихъ, невыходящія впрочемъ изъ опредѣленныхъ предѣловъ, лучше всего доказываютъ, какъ они вѣрны самимъ себѣ, своей собственной природѣ. Нетолько сложная организація шекспировскихъ лицъ даетъ поводъ къ разнообразной оцѣнкѣ ихъ дѣйствій, но самый возрастъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ эту оцѣнку, удивительно разнообразятъ критическіе взгляды. Нетолько два человѣка, равные по способностямъ и глубокомыслию, составляютъ о нихъ неодинакое мнѣніе, но приговоръ одного и того же критика измѣняется вмѣстѣ съ лѣтами его и съ большимъ запасомъ опытности. Хотя микрокосмъ Шекспира не можетъ измѣняться, вслѣдствіе условий его бытія, однако же взглядъ нашъ на созданные имъ характеры не остается неизмѣннымъ. По мѣрѣ того, какъ становится человекъ старше, его точка зрѣнія на нихъ возвышается, и вмѣстѣ съ ея перемѣщеніемъ и горизонтъ нашей симпатіи расширяется въ своихъ предѣлахъ. Мы больше выигрываемъ, нежели теряемъ... Въ шекспировскихъ лицахъ нѣтъ скульптурной неизмѣнности линий. Его герои не такъ суровы и неподвижны, какъ, наиримѣръ, воображеніе Данта. Мужчины и женщины Шекспира — удивительно-гибкія существа. Они надѣлены какъ-будто тѣмъ качествомъ тѣла и крови, которое позволяетъ измѣняться матеріальной субстанціи, расти и совершенствоваться душѣ, не отнимая у насъ нашего я, и не преобразовывая одного человѣка въ другого. У Шекспира вмѣстѣ съ развитіемъ событія развиваются и характеры дѣйствующихъ лицъ. Лиръ, Ромео, Макбетъ, Отелло не тѣ же люди въ концѣ драмы, какими были они въ началѣ ея. Опытность измѣнила ихъ характеры».

Тюремная жизнь Джеферсона Дэвиса, Джона Крэвена.

Можно было бы спросить, во первыхъ, хорошо-ли поступилъ авторъ, сообщивъ публикѣ интимные разговоры государственнаго

* PRISON LIFE OF Jefferson Davis. By Lieut.-Col. John J. Craven.

преступника съ своимъ медикомъ—преступника, противъ котораго до сихъ поръ еще сильно настроено общественное мнѣніе Сѣверянъ, и котораго очень многіе изъ нихъ подозрѣваютъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ убійцею Линкольна и въ умышенномъ невниманіи къ ужасному положенію плѣнныхъ, отчего гибли они сотнями? Повторихъ, имѣлъ ли онъ право разглашать печатно мнѣнія такого человѣка, который хотя и живетъ еще, но лишень возможности возражать ему, пояснить свои слова, уличить его въ неправдѣ и т. д? На оба эти вопроса авторъ могъ бы отвѣчать, что цѣль его книги заключается не въ стремленіи усилить, или поддержать непріязненные чувства своихъ соотечественниковъ къ Дэвису, но — совсѣмъ напротивъ — въ желаніи ослабить ихъ, и что его рассказъ предупрежденъ молвою и газетами, которыя въ разное время и въ разныхъ формахъ успѣли уже передать публикѣ большую часть матеріала, собраннаго въ его книгѣ. Такой отвѣтъ былъ бы совершенно согласенъ съ правдою. Джеферсонъ Дэвисъ не боится суда. Онъ просить его, но правительство Соединенныхъ Штатовъ откладываетъ этотъ судъ со дня на день. У него есть на то свои причины. Дэвисъ — очень умный человѣкъ. Онъ хорошо понимаетъ слабыя стороны своего положенія, и, разумѣется, приготовился къ словесной борьбѣ, которую готовъ вести съ такимъ же искусствомъ и твердостью, съ какими поддерживалъ междуусобную войну. «Признавая — говоритъ онъ — каждый штатъ самостоятельнымъ государствомъ и общій союзъ ихъ свободнымъ, а не вынужденнымъ посторонней силою, соединеніемъ, я убѣдился, изучивъ основныя начала нашей конституціи, что всякій штатъ можетъ измѣнить форму своего правленія и уничтожить всѣ существовавшіе прежде порядки. Преступленіе мое заключалось только въ томъ, что я повиновался этому убѣжденію. Развѣ не такова была общая доктрина господствующей на Сѣверѣ демократической партіи до начала войны? Развѣ въ средѣ этой партіи мало было людей, усвоившихъ подобное убѣжденіе? Они думали такъ, и только ораторствовали. Мы думали, говорили и дѣйствовали въ томъ же духѣ».

Самую любопытную часть этой книги составляютъ рассказы Дэвиса о политическомъ устройствѣ Юга, во время междуусобія, и его мнѣнія о будущемъ положеніи покоренныхъ штатовъ. Южане были ослаблены при самомъ началѣ войны политической необходимостью, которая заставила ихъ сдѣлать главный городъ Виргиніи столицею конфедераціи. Генераль Альбертъ Джонсонъ противился этому, доказывая, что при такомъ условіи война должна будетъ развиваться на краю, а не въ центрѣ круга, и что такъ какъ окончаніе борьбы должно произойти близь столицы, гдѣ бы ни находилась она, то неблагоразумно было бы идти такъ далеко на сѣверъ и сокращать непріятелю линію подвоза боевыхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ. Поддержать взаимный союзъ между отдѣлившимися штатами было также очень трудно. Выборъ первыхъ членовъ ричмондскаго кабинета обуславливался

именно этой цѣлью. Георгія требовала государственнаго портфѣля; Алабама хотѣла управлять военнымъ министерствомъ; Южная Каролина — распоряжаться финансами; и ни одинъ изъ министерствъ, доставленныхъ этими штатами, не былъ способенъ къ исполненію своихъ обязанностей. Робкая финансовая политика г. Меминджера особенно повредила успѣху дѣла. Еслибы въ первый періодъ отпаденія Юга весь хлопокъ, количество котораго доходило до трехъ миліоновъ кипъ, былъ купленъ правительствомъ по 10 центовъ за фунтъ, то-есть по такой цѣнѣ, какую очень желали получить за него плантаторы, и еслибы правительство отправило его, до установленія строгой блокады, въ Европу, гдѣ можно было бы не пускать въ продажу этотъ товаръ до тѣхъ поръ, пока бы цѣна его не возвысилась до 70 или 80 центовъ, то эта операція доставила бы южанамъ не менѣе миліарда долеровъ золотой монетою, и составила бы металлическій фондъ, обезпечивающій размѣнъ и, слѣдовательно, поддерживающій курсъ банковыхъ билетовъ. «Такой суммы было бы слишкомъ достаточно для всѣхъ расходовъ конфедерации въ продолженіе войны, хотя бы тянулась она еще столько же времени». Впрочемъ, Дэвисъ нисколько не обвинялъ Меминджера. Положеніе было ново, и никто не предвидѣлъ будущихъ событій. Когда же обнаружилась польза проектированной мѣры, то было слишкомъ уже поздно привести ее въ дѣйствіе. Бдительность блокады чрезвычайно усилилась, и въ добавокъ въ этому, плантаторы утратили прежнее довѣріе къ кредитнымъ знакамъ конфедерации».

Мнѣніе Дэвиса о будущей судьбѣ освобожденныхъ негровъ нисколько не отличается мрачнымъ характеромъ. Если останутся они на плантаціяхъ и будутъ получать заработную плату, то «сдѣлаются — говоритъ онъ — вроткимъ и производительнымъ народомъ, нисколько непохожимъ на индійцевъ, и, конечно, не вымрутъ подобно имъ». Доходы, получаемые отъ производства хлопчатой бумаги, такъ велики, что матеріальное благосостояніе Юга можетъ, по мнѣнію Дэвиса, возстановиться лѣтъ въ десять. «Нельзя полагать—думаетъ онъ — чтобы довольно значительное количество земли перешло въ новыя руки отъ прежнихъ ея владѣтелей. Они или отдадутъ ее на нѣсколько лѣтъ въ аренду людямъ, у которыхъ есть деньги, и потомъ, собравшись съ средствами, стануть обрабатывать ее сами, или продадутъ съ той же цѣлью нѣкоторую часть земли, удержавъ въ своемъ владѣніи большее ея количество. Когда водворятся въ Соединенныхъ Штатахъ полное спокойствіе, и доходы, доставляемые сборомъ хлопка, будутъ извѣстны, то изъ бесплодныхъ областей Новой Англіи и изъ Европы двинется на Югъ такая же толпа предприимчивыхъ людей и капиталистовъ, какую населилась Калифорнія при открытіи въ ней золотыхъ приисковъ. Горы Вермонта и поля Новаго-Гамшира, гдѣ находятся маленькія фермы отъ 50 до 100 акровъ, и гдѣ плохая земля очень скудно вознаграждаетъ человѣка за непрерывный трудъ, будутъ, конечно, покинуты земледѣльцами,

когда богатая земля южных областей Союза пустята в продажу по двѣ отъ полутора до трехъ долеровъ за акръ (участокъ земли слишкомъ въ два съ половиною раза меньше десятины). Эти новые переселенцы воспользуются водяной силою Юга, и онъ покроется фабриками и заводами, которые доставятъ работу всѣмъ классамъ его жителей. Счастливое земледѣльческое состояніе южныхъ штатовъ получить традиціонный характеръ, а богатство и корыстолюбіе Новой-Англіи поддержать его надолго».

Читателя поражаетъ особенно разнообразіе предметовъ, о которыхъ вель разговоры Дэвисъ, и та многосторонняя практическая опытность, которую приобрѣлъ онъ впродолженіе очень дѣятельной жизни. «Геологія, ботаника, и разные продукты растительнаго царства природы — говоритъ Крэвенъ — обращали на себя попеременно серьезное вниманіе Дэвиса. Свѣдѣнія его очень разнообразны, и притомъ, нисколько не поверхностны. Онъ приобрѣлъ ихъ практическимъ знакомствомъ съ природою, занимаясь почти каждый день рыбною ловлею, стрѣльбою и пивниками съ ученою цѣлью». Большая часть его разговоровъ относилась къ естественной исторіи южныхъ штатовъ. Неумоимо слѣдитъ онъ изъ оконъ своей тюрьмы за подвигами чаекъ и рыболововъ. Эти наблюденія составляютъ почти единственное его развлеченіе. Кажется, онъ намѣренъ просить, чтобы ему было позволено держать въ своей комнатѣ муравьиныхъ львовъ. «Я помѣстилъ бы ихъ — говоритъ Дэвисъ — въ сигарный ящикъ, наполненный мелкимъ пескомъ и сахаромъ, или положилъ бы туда двѣ-три штуки мертвой саранчи для приманки муравьевъ (которыхъ развелось множество въ его комнатѣ). Эти львы какъ разъ избавили бы меня отъ другихъ насѣкомыхъ, и доставили бы мнѣ маленькую возможность заниматься чѣмъ-то въ родѣ охоты». О самомъ себѣ Дэвисъ не любитъ говорить. Вопросы, относящіеся къ подробностямъ его жизни, остаются по большей части безъ отвѣта.

Албертъ Н'Іанза, большой резервуаръ Нила, и измѣдованіе истоковъ этой рѣки, Самуэля Уайта Бэкера.

Вѣроятно, съ общимъ очеркомъ путешествія Бэкера знакомы уже многіе изъ нашихъ читателей. Изданная нынѣшнимъ лѣтомъ книга, о которой мы будемъ говорить теперь, заключаетъ въ себѣ разсказъ о подробностяхъ, сопровождавшихъ замѣчательное открытіе этого чрезвычайно-предпримчиваго и неустрашимаго путешественника. Тотъ, кто читалъ «Rifle and the Hound in Seylon» Бэкера, знаетъ, какъ мастерски владѣетъ перомъ этотъ писатель. Изданная имъ теперь путевыя записки можно назвать образцовымъ произведеніемъ. Онѣ написаны превосходно, и занимательны какъ нельзя больше.

* THE ALBERT N'IANZA, Great Basin of the Nile, and Exploration of the Nile Sources. By Samuel White Baker.

Когда описываются трудныя и исполненныя опасностей предпріятія, то участіе наше обыкновенно сосредоточивается всего болѣе на человѣкѣ, который энергически боролся съ препятствіями, погибъ въ борьбѣ съ ними, или нашелъ въ себѣ силу преодолѣть ихъ — словомъ, на героя этой сложной драмы. Потому-то любопытно познакомиться съ личностью г. Бэкера. Хотя онъ не описываетъ себя, но, слѣдя за его разсказомъ, читатель получаетъ очень подробныя свѣдѣнія какъ о немъ, такъ и о второстепенныхъ лицахъ этой исторіи. Карлейль могъ бы назвать Бэкера истиннымъ представителемъ физической силы. Едва-ли существуетъ на землѣ охотникъ, надѣленный большей крѣпостью мышцъ и болѣе несокрушимымъ здоровьемъ. Онъ бьетъ пулями крокодиловъ, бегемотовъ, буйволовъ, антилопъ и всякихъ животныхъ, употребляемыхъ въ пищу жителями Африки, и однимъ ударомъ кулака повергаетъ на землю чернокожихъ великановъ. Сэръ Самуэль Бэкеръ — дѣйствительный, нефантастическій идеалъ автора «Гэй-Ливингстона». Кромѣ этихъ качествъ, очень пригодныхъ, по его наивному выраженію, для путешественника по Африкѣ, у него есть другія свойства, высшаго разряда. Къ числу ихъ принадлежитъ упорное, настойчивое преслѣдованіе такихъ мыслей, которыя явно противорѣчатъ здравому смыслу, а слѣдовательно и необходимымъ условіямъ успѣха. Это уже эксцентричность Бэкера. Сверхъ того, онъ обладаетъ способностью подчинять своей волѣ волю другихъ людей, и не только своихъ спутниковъ, но предводителей африканскихъ племенъ, и даже тѣхъ изъ нихъ, которые ведутъ торговлю невольниками. Наконецъ, онъ непоколебимо увѣренъ въ самомъ себѣ и въ высшей важности своей экспедиціи, въ чемъ, конечно, никто не станетъ противорѣчить ему. Эта увѣренность очень мило слилась въ его умѣ съ вѣрою въ «Old England», въ *Старую-Англію*, честь которой неразрывно связана, по его мнѣнію, съ открытіемъ истоковъ Нила. Одушевленный мыслію о славѣ своего отечества, Бэкеръ неутомимо водружалъ англійскіе флаги въ африканскую почву повсюду, куда ненасытная страсть въ приключеніямъ завлекала его. Замѣчательно, что всѣ труды и опасности, которымъ подвергался путешественникъ, раздѣляла съ нимъ жена его. Бэкеръ говоритъ о ней съ глубокимъ чувствомъ признательности, и дѣйствительно, этотъ неизмѣнный другъ имѣетъ полное право на его благодарность. Не разъ спасала она своихъ товарищей отъ большой опасности и матеріально способствовала успѣху экспедиціи.

Бэкеру пришлось выдержать борьбу съ сопровождавшими его людьми, съ туземными жителями Африки, съ продавцами невольниковъ, съ физическими препятствіями, которыми богаты пройденныя имъ страны, и — что хуже всего — съ разными болѣзнями, происходящими отъ климатическихъ условій, съ солнечными ударами, лихорадками и чумою. Онъ всгрѣтилъ Спеса и Гранта въ деревнѣ Гондокору, которая каждый годъ выродоженіе десяти мѣсяцевъ остается необитаемою, а въ остальное время сгоняются

туда невольники, которые и дѣлають ее гнѣздомъ эпидеміи. Найдя, что его предшественники не совсѣмъ кончили свою задачу, онъ въ мартѣ 1863 г. пустился на югъ. Большую часть этого года онъ провелъ въ мѣстѣ, называемомъ Обо, гдѣ народный костюмъ похожъ какъ двѣ капли воды на костюмъ британскихъ адвокатовъ—парикъ отчасти природный, отчасти искусственный—главная принадлежность этого костюма. Въ началѣ 1864 Бэкеръ проникъ въ страну короля Камраси, страшнаго злодѣя, который неумоимо казнить и грабить своихъ подданныхъ. Этотъ варваръ позволилъ ему сѣлать поѣзду къ озеру «Албертъ НІанза» — огромному бассейну прѣсной воды, въ которомъ водится безчисленное множество превосходнѣйшихъ крокодиловъ, и который составляетъ одинъ изъ главныхъ резервуаровъ Нила. Бэкеръ принужденъ былъ прожить почти цѣлый годъ при дворѣ Камраси, и успѣлъ-таки водворить здѣсь англійскій флагъ, убѣдивъ суевѣрнаго дикаря, что въ немъ заключается волшебная сила. Отсюда направилъ онъ путь обратно въ Гондокоро, и въ 1865 г. вернулся въ Европу.

Теперь коснемся слегка подробностей этого путешествія.

Бэкеръ выступилъ изъ Картума съ вооруженной партіею. Она состояла изъ сорока-пяти человѣкъ, которыхъ поприучилъ онъ нѣсколько къ дисциплинѣ. Шесть недѣль шелъ онъ длиннымъ рядомъ болотъ, и видѣлъ здѣсь странное, очень похожее на комаровъ племя. Постоянный голодъ довелъ этихъ жалкихъ людей до крайняго безобразія. Они поддерживаютъ свое существованіе самой ничтожной добычею, и тратятъ цѣлыя часы на то, чтобы достать изъ норы полевую мышъ, которая составляетъ для нихъ очень лакомый кусокъ. Въ числѣ спутниковъ Бэкера былъ одинъ только европеецъ — нѣмецкій охотникъ, но онъ умеръ во время дороги отъ чахотки. Наконецъ, партія путешественниковъ добралась до Гондокоро, и здѣсь Бэкеръ и неустрашимая жена его очутились посреди африканцевъ, торгующихъ невольниками. Эти подозрительные люди сочли неожиданно явившагося къ нимъ европейца шпиономъ, и начали сбивать съ толку проводниковъ его. Имъ удалось отчасти достигнуть своей цѣли, потому что для спутниковъ Бэкера легче и пріятнѣе было покидать негровъ, нежели странствовать безъ толку изъ стороны въ сторону. Семнадцати нанятыхъ имъ человѣкъ пристали къ разнымъ партіямъ, остальные же принудили его направиться къ востоку, вслѣдъ за продавцами невольниковъ. Вскорѣ и эти абдилы, оставшіеся вѣрными Бэкеру, задумали дезертировать всей толпою при первомъ удобномъ случаѣ. Хотя заговоръ ихъ удалось уничтожить путешественнику, однако, пять человѣкъ все-таки покинули его и присоединились къ партіи Магомед-Гера. Когда Бэкера увѣдомили объ этомъ, онъ, повинаясь злобному чувству, воскликнулъ: «Ишала! коршуны будутъ влѣвать ихъ трупы!» Вслѣдъ затѣмъ, Магомед-Геръ напалъ на одну деревню. Произошла драка, кончившаяся совершеннымъ истребленіемъ его шайки. Услыхавъ объ этомъ,

Бэкеръ спросилъ своихъ спутниковъ, почти *позелетвшихъ отъ страха*: «Гдѣ же бѣжавшіе отъ меня люди?» Не отвѣчая ни слова, абдиы принесли два ружья, покрытыя кровью, и положили ихъ къ ногамъ его. «Всѣ умерли?»—Всѣ.—«И сдѣлались добычей коршуновъ?»—Не могли найти ни одного тѣла, бормоталъ испуганный дикарь. Всѣ убиты. — Этотъ случай такъ сильно подѣйствовалъ на дикарей, что они не смѣли уже выйти изъ повиновенія и покінуть бѣлаго человѣка. Торгъ людьми и сопровождающія его слѣдствія описывались многими европейцами, посѣщавшими внутреннюю Африку, но едва-ли описанія ихъ могутъ выдержать сравненіе съ полной и мрачной картиною этого зла, нарисованною Бэкеромъ. Не останавливаясь на подробностяхъ, мы скажемъ только, что ему пришлось побывать въ одной области два раза—до появленія въ ней шаекъ, промышляющихъ этой торговлею, и послѣ того, какъ онѣ сдѣлали тамъ свое дѣло. Бэкеръ видѣлъ сперва, что страна эта была густо населена и хорошо обработана. На возвратномъ пути онъ нашелъ здѣсь только почернѣвшія отъ огня развалины и покінутыя поля. Опустошеніе охватило очень большую площадь. Дома были сожжены, народъ перебитъ, захваченъ въ плѣнъ, или разбѣжался, огромныя стада въ нѣсколько тысячъ головъ угнаны, и недавно-плодородная, воздѣланная, населенная страна сдѣлалась совершенной пустынею.

Главный подвигъ Бэкера—открытіе большого озера, былъ сдѣланъ во время путешествія во владѣніяхъ юніорскаго царя Камраси. Подданные этого деспота цивилизованнѣе своихъ сосѣдей, потому, вѣроятно, что они менѣе ихъ подвержены бѣдствіямъ торговли невольниками. У нихъ есть искусныя кузнецы, и они производятъ хорошую глиняную посуду, которая, по мнѣнію Бэкера, составляетъ вѣрныи масштабъ сравнительной цивилизаціи африканскихъ народовъ; Камраси жестокъ и алченъ въ высшей степени. Онъ отличнѣйшимъ образомъ эксплуатируетъ каждаго путешественника, котораго завлечетъ судьба въ его владѣнія. Припугнувъ своихъ гостей, онъ даетъ имъ проводниковъ, носильщиковъ и лошадей, но за всякую уступку проситъ безсовѣстно лишняго вознагражденія, стараясь выманить послѣднюю бусу, послѣдній грошъ у нихъ. Такъ-какъ эта жадность соединена въ немъ съ крайнею трусостью, то прибытіе Бэкера, котораго стонущая молва успѣла прославить отважнымъ и сердитымъ человекомъ, очень испугало юніорскаго деспота. Опасаясь, чтобы яростный путешественникъ не убилъ его при личномъ свиданіи, Камраси послалъ для переговоровъ съ нимъ своего младшаго брата М'Гамби, приказавъ ему назваться королемъ. Мистификація удалась, и путешественникъ долго находился въ заблужденіи, думая, что онъ имѣетъ дѣло съ самимъ Камраси, которому особенно хотѣлось овладѣть его ружьемъ, компасомъ и барометромъ. Много неприятностей вытерпѣлъ въ этой странѣ Бэкеръ. Сперва солнечный ударъ поразилъ жену его, и она такъ захворала, что хотѣла уже рыть для нея могилу. Вскорѣ послѣ этого лихорадка

и дурная пища разстроили и его здоровье. Два мѣсяца лежали онъ и она въ покинутой поселенцами деревушкѣ, будучи не въ состояніи двинуться въ путь. Ежедневную пищу ихъ въ это время составляла шпинать и черная похлебка, сваренная изъ горькой, заплесневѣлой муки — такое варево, отъ котораго отвернула бы носъ любая свинья. «Мы—говорить Бэкеръ—были очень близки къ смерти, и дѣтскій разговоръ о хорошихъ вещахъ въ Англіи доставлялъ намъ большое удовольствіе. Моя мысль о полнѣйшемъ счастіи вертѣлась въ то время около куска бифштекса и стакана бѣлаго пива». Причиною недостатка провіанса былъ Камраси, который посредствомъ голода желалъ принудить Бэкера принять участіе въ войнѣ, надѣясь, что сильный, умный и предприимчивый путешественникъ, предводительствуя хорошо-вооруженными спутниками, поможетъ выиграть ему блестящую побѣду. Болѣзнь и голодъ заставилъ наконецъ Бэкера вступить въ переговоры съ нимъ. Предложеніе было, разумѣется, принято. Бэкера немедленно отправили во дворъ, гдѣ и успѣлъ онъ подчинить своему вліянію юніорскаго короля. Здѣсь выкинулъ онъ очень забавную и ловкую штуку. Въ Юніоро проникла большая партія людей, торгующихъ невольниками. Трусливый Камраси былъ очень утрашенъ этимъ нашествіемъ, и Бэкеръ задумалъ выручить его изъ бѣды, не прибѣгая къ оружію. Пригласивъ на конференцію предводителей помянутой партіи, онъ объявилъ, что Юніоро принадлежитъ ему по праву открытія, и что онъ нетолько будетъ противиться всякому нападенію, но увѣдомитъ о немъ турецкія власти въ Картумѣ и повѣситъ начальниковъ нападающихъ на его владѣнія шаекъ. Легковѣрные дикари не посмѣли усомниться въ справедливости такого грознаго и торжественнаго объявленія. Они поднесли Бэкеру шесть кусковъ мыла, еще кое-что и выступили изъ предѣловъ Юніоро со всею сопровождавшей ихъ сволочью. Такъ-какъ замысловатый путешественникъ не преминулъ поднять надъ заломъ конференціи англійскій флагъ, то Камраси, предположивъ, что въ немъ заключается таинственная сила, сталъ выманивать мнимый талисманъ, который и былъ, конечно, уступленъ ему подъ видомъ весьма драгоценнаго подарка.

Въ Европѣ, не исключая Англіи, часто слышатся вопросы, предложенные Бэкеру смиреннымъ дикаремъ Коморо. «Положимъ—говорилъ этотъ человекъ—что вы доберетесь до большаго озера, какаѣ же польза отъ этого, что вы сдѣлаете съ нимъ? Если изъ него дѣйствительно вытекаетъ рѣка—ну, и прекрасно! Вамъ-то какое же дѣло до этого?» Въ отвѣтъ на подобныя вопросы можно было бы сказать, что путешествіе Бэкера говорить само за себя, еслибы мы даже стали смотрѣть на него, какъ на простое проявленіе человѣческой отважности, бывшей причиною появленія въ англійской литературѣ превосходной книги. Однакоже этотъ фактъ далеко не исчерпываетъ хорошихъ результатовъ путешествій во внутреннюю Африку. По мнѣнію Бэкера,

подобныя экспедиціи могутъ водворить тамъ правильную торговлю, первымъ слѣдствіемъ которой было бы прекращеніе отвратительнаго торгова людями. Онъ полагаетъ даже, что достигнуть этой цѣли нисколько нетрудно. Военный постъ въ Гондокоро и одинъ или два парохода на Бѣломъ Нилѣ сдѣлали бы, по его мнѣнію, торговлю невольниками невозможной операціею. Хотя въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ ставитъ негровъ на одинъ уровень съ безсловесными животными и говоритъ, что ихъ нельзя сравнивать даже съ благородной собакою. Но эти слова вырвались у него въ минуту раздраженія. Вообще же онъ признаетъ негровъ расой, способною къ цивилизаціи. Наиболѣе характеристическими образцами этихъ людей представлены въ его книгѣ три короля—Камраси, Качиба и Коморо. Съ характеромъ перваго мы знакомы уже. Въ видѣ дополнительной черты можно прибавить, что когда этотъ варваръ прикоснется къ подданному остріемъ своего копья, то постоянно находящіеся при немъ тѣлохранители убиваютъ этого человѣка древками копій. Если же, напротивъ, онъ тронетъ обреченнаго на смерть негра древкомъ копья, то палачи умерщвляютъ его немедленно остріями своихъ копій.

Качиба, пользующійся репутаціею колдуна, любитъ едва-ли не больше всего пѣть пѣсни и пить пиво. Онъ очень ласковъ, любезенъ и такой милый чародѣй, что соперника ему по добротѣ сердца нелегко найти въ народной связкѣ. Подданныхъ своихъ онъ освободилъ отъ всякихъ налоговъ и никогда не прибѣгаетъ къ физической силѣ. Народъ доставляетъ ему возъ и хлѣбъ, а онъ платитъ за эти припасы обѣщаніемъ заплатить за нихъ. Если случится засуха, онъ говоритъ своимъ подданнымъ: «Ни капли дожда, пока не будетъ у меня дводоль козлятны!» Настанетъ дождливая погода, онъ грозитъ имъ бурей, громомъ и молніей, если они не доставятъ ему хлѣба. Качиба обладаетъ магическимъ свистомъ, въ таинственной силѣ котораго, повидимому, крѣпко увѣренъ.

Коморо, о которомъ было уже упомянуто, отличается особымъ складомъ ума, вслѣдствіе чего и оказался несноснымъ къ усвоенію догматовъ христіанской религіи. Бекеръ старался навести его на мысль о будущей жизни, что и подало поводъ къ слѣдующему разговору:

«Можетъ ли мертвецъ выйти изъ могилы, если мы не выкопаемъ его оттуда?» спросилъ Коморо.

«Неужели вы думаете—возразилъ Бекеръ—что для человѣка, какъ для животнаго, со смертію все кончится, что онъ такъ-вотъ совсѣмъ и уничтожится?»

«Конечно. Быкъ здоровѣе человѣка, но и онъ умираетъ, хотя его кости разсыпаются не такъ скоро, потому что онѣ больше. Людскія же кости хрупки—человѣкъ слабъ».

«Но развѣ человѣкъ не превосходить быка умомъ? Развѣ нѣтъ у него разума, который управляетъ бы его дѣйствіями?»

«Не всякій изъ насъ умнѣе быка. Люди должны сѣять хлѣбъ, если не хотятъ умереть съ голоду, а быкъ и дикіе звѣри находятъ себѣ кормъ, не сѣя хлѣба».

Бэкеръ, желая воспользоваться метафорою апостола Павла о будущемъ состояніи человѣка, посадилъ въ землю зерно и сказалъ, что изъ него разовьется растение.

«Это совершенная правда — отвѣчалъ Коморо; но то зерно, которое посажено въ землю, не выйдетъ ужъ оттуда. Оно сгниетъ, какъ мертвый человѣкъ, и уничтожится. Плодъ — не то зерно, которое брошено въ землю, но произведение этого зерна. То же и съ человѣкомъ. Я умираю, гнию и уничтожаюсь, но дѣти мои вырастаютъ, подобно плоду зерна. У нѣкоторыхъ людей нѣтъ дѣтей, и у нѣкоторыхъ зеренъ нѣтъ плода. Умрутъ они — и все кончено».

Бэкеръ удивляется, что природная смысленость этого дьявара соединяется съ совершенной неспособностью понять что-нибудь идеальное.

НОВЫЯ АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

THE ALPS of Hannibal. By W. John Law.

ЛЮБЕО Lyons. A Novel. By William Platt.

ANNALS of a Quiet Neighbourhood. A Novel. By George Macdonald.
(Дѣтисья покойнаго сосѣдства. Романъ. Джорджа Макдональда).

CATHOLIC Orthodoxy and Anglo-Catholicism. By J. J. Overbeck.

THE Common Nature of Epidemics, and their Relation to Climate and Civilisation. From Writings and Official Reports of Southwood Smith. Edited by T. Baker. (Общая природа эндемій и ихъ отношеніе къ климату и цивилизаціи. Изъ сочиненій и офціальныхъ дописеній С. Смита. Изданіе Т. Бэкера).

DEFECTS of Sight and Hearing: their Nature, Causes, Prevention, and General Management. By T. Wharton Jones. (Плохое состояніе зрѣнія и слуха: его природа, причины и предупрежденіе, Т. Уартона Джонса).

EGYPT, from the Conquest of Alexander the Great to Napoleon Buonaparte. An Historical Sketch. By George Trevelock. (Египетъ, отъ его завоеванія Александромъ Великимъ до Наполеона I. Историческій очеркъ, Джорджа Треверла).

A HANDBOOK of Modern Arabic etc., in a European Type. By Fr. W. Newman. (Руководство къ изученію ново-арабскаго языка, Фр. Уил. Ньюмана).

THE HIGHER Education of Women. By Emily Davies. (Высшее образованіе женщинъ, Э. Дэвисъ).

HISTORY of France, from Clovis and Charlemagne to the Accession of Napoleon III. By Eugene Evans Crowe. Vol. IV. (Исторія Франціи, отъ Клодовика и Карла Великаго до востешствія на престолъ Наполеона III, Эйра Эванса Кроу. Томъ IV).

THE JOURNAL of a Waiting Gentlewoman. Edited by Beatrice A. Jordan. A Novel. (Журналъ образованной горничной, изданный Б. А. Джордонъ. Романъ).

THE LAST Chronicle of Barset, a New Serial Story. By Anthony Trollope.

MANUAL of Mental Culture. By M. A. Garvey. (Руководство къ умственной культурѣ, М. А. Гарвей).

OUR AUSTRALIAN Colonies: their Discovery, History, Resources and Prospects. By Samuel Mossman. (Наши австралійскія колоніи: ихъ открытіе, исторія, средства и виды на будущее, С. Мосмана).

A PLAIN and Easy Account of the Land and Fresh-water Mollusks of Great Britain. By Ralph Tate. (Простое и легкое описаніе земныхъ и прѣсноводныхъ моллюсковъ Великобританіи, Ральфа Тэта).

THE SCIENCE of Moderation. By W. Cave Thomas. (Наука умѣренности, Уил. Кэва Томаса).

THE SECOND Voyage of the Rob Roy Canoe, on the Lakes and Rivers of Sweden, Denmark, Norway, and on the Baltic and North Seas. By John Macgregor. (Второе путешествіе лодки Роб-Рой по озерамъ и рѣкамъ Швеціи, Даніи, Норвегіи, по Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, Джона Макгрегора).

SIR BROOK Fossbrooke. A Novel. By Charles Lever.

USEFUL Rules and Tables relating to Mensuration, Engineering, Structures, and Machines. By W. J. Macquorn Rankine. (Полезныя правила и таблицы, относящіяся къ измѣренію, инженерному дѣлу, постройкамъ и машинамъ, М. Ранкйна).

YEARNING after Unity in the East. Occasional Paper of the Eastern Church Association. № III. (Стремленіе къ соединенію съ Востокомъ. Случайная записка общества восточной церкви. № III).

A PROPOS de la guerre contre le Paraguay par la Confédération Argentine, l'Uruguay et le Brésil, par Th. Mannequin. (По поводу войны Парагвая съ Аргентинскою конфедераціею, Уругваемъ и Бразиліею, Т. Маннекина).

BIOGRAPHIE et dictionnaire des littérateurs et des savants français contemporains, par Guyot-de-Fère. (Биографія и словарь современныхъ французскихъ ученыхъ и литераторовъ, Гюйо-де-Фера).

BOTANIQUE de ma fille, par Jules Néraud, revue et complétée par Jean Macé. (Ботаника моей дочери, Жюль Неро, просмотрѣнная и дополненная Ж. Маса).

LES SAUVAGES de '89, ou les vrais principes libéraux, par Léon de-Ponsins. (Тетради '89 года, или истинныя либеральныя принципы, Л. Понсена).

UN SENSITIVE sur la verrerie, ou transformation complète de la fabrication actuelle du verre etc., par P. *Flamm*. (Глава о стеклодутии, или полное преобразование существующей нынѣ фабрикаціи стекла и т. д., П. *Флама*).

DÉCOUVERTES des restes de Dante à Ravenne, par Ern. *Bretton*. (Открытие помертвыхъ останковъ Данта въ Равеннѣ, Э. *Бреттона*).

DES DÉGÉNÉRATIONS secondaires de la moelle épinière, par Ch. *Voucharé*. (О второстепенныхъ поврежденіяхъ спинного мозга, Ш. *Бушара*).

ÉTUDES sur l'organisation judiciaire. Des réglemens des juges en matière civile, par E. *Delaine*. (Этуди о судебной организаціи. Постановленія судей по гражданскимъ дѣламъ, Э. *Делена*).

LES ÉXTREMES. Legende. Par J. T. *de-Saint-Germain*. (Крайности. Легенда. Ж. Ж. *Сен-Жермена*).

LA GUERRE de cent ans, par Th. *Bachelet*. (Столѣтняя война, Т. *Башеле*).

LES GRANDES femmes de France. Histoire de leur vie et de leur temps, par M. *Driou*. (Великія женщины Франціи. Ихъ жизнь и ихъ время, г. *Дриу*).

HISTOIRE de la guerre de 1813 en Allemagne, par le Lt.-Colonel *Chavras*. (Исторія войны 1813 года въ Германіи. г. *Шавраса*).

UN HOMME politique de la Grèce moderne Alexandre Maurocordato, d'après les documents inédits, par E. *Yémenits*. (Политическій человекъ новой Греціи Александръ Маврокордато, по невзданнымъ документамъ, Э. *Еменица*).

LES PARISIENS de Paris, par Théodore *de-Banville*.

LES PETITS guisseries, par Ch. *Paul-de-Kock*. Roman inédit. (Ручейки, невзданный романъ *Полъ-де-Кокка*).

PHYSIOLOGIE de l'abeille, suivie de l'art de soigner et d'exploiter les abeilles, d'après une méthode simple, facile et applicable à toutes sortes de ruches, par le Dr. F. *Monin*. (Физиологія пчелы, дополненная описаніемъ искусства ходить за пчелами и эксплуатировать ихъ простымъ и удобнымъ способомъ, применимымъ ко всѣмъ родамъ ульевъ, Ф. *Момена*).

PHYSIOLOGIE du système nerveux, connaissance de la cause qui produit les perturbations physiques et morales dépendant du système nerveux, par T. *Bouget*. (Физиологія нервной системы, указаніе на причину, производящую физическое и нравственное расстройство, зависящее отъ нервной системы, Т. *Буже*).

LA POLITIQUE de la France dans les affaires d'Allemagne et d'Italie, par Alph. *de-Calonne*. (Политика Франціи въ германскихъ и итальянскихъ дѣлахъ, Алф. *Калона*).

QUESTION sociale. De l'esprit du mouvement coopératif et de ses tendances, par Albert *Ваите*. (Соціальный вопросъ. О духѣ кооперативнаго движенія и его тенденціяхъ, А. *Воме*).

ROME ou Malte; par Emeric de *Nux*.

LA TERRE Sainte, ses sites, ses monuments du judaïsme et du christianisme etc., par C. L. *Dionysien*. (Святая земля, ея пейзажи, іудейскіе и христіанскіе памятники и т. д., Л. *Дионизіана*).

Voyage aux Indes Orientales, coup d'oeil sur leur importance politique et commerciale etc., par Henri Boissac. (Путешествіе въ Восточную Индію, взглядъ на ея политическое и торговое значеніе, Анри Бюссакъ).

Die Amerikanische Völkerwanderung. Eine Studie, von F. von Hellwald. (Переселеніе американскихъ народовъ. Этюдъ Ф. Гельвальда).

Bismarck und zwei unheimliche Dämonen. Ein politischprophetisches Nachtgemälde aus der französischen Handschrift des Hrn. D... L'... (Бисмаркъ и двѣ неприятыя дамы. Политико-пророческая ночная картина изъ французской рукописи г. Д... Л'...)

Carl-Maria von Weber. Ein Lebensbild. Von Max-Maria von Weber. III Band.

Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts, von W. Wattenbach. (Историческіе источники Германіи въ средніе вѣка, до половины тринадцатаго столѣтія. В. Ваттенбаха).

Deutschland in Sturm und Drang. Historischer Roman von Louise Müllbach. Erste Abtheilung. 4 Bände. (Германія въ бурную и тяжкую годину. Историческій романъ Луизы Мюльбахъ).

Dr. Martin Lütther's Briefwechsel, mit vielen unbekanntenen Briefen. Herausgegeben von Dr. C. A. H. Burkhardt. (Переписка доктора Мартіна Лютера, заключающая въ себѣ много невѣстныхъ писемъ, изданная К. Буркхардтомъ).

Elise. Eine Novelle von der Verfasserin von «Stolz und Still».

Friedrich Thiersch's Leben, herausgegeben von H. W. I. Thiersch.

Gesammelte Aufsätze über Musik, von Otto Jahm. (Собранныя статьи о музыкѣ, Отто Яама).

Geschichte des Dramas, von I. L. Klein. (Исторія драмы, Клейна).

Geschichte des deutschen Volkes und seiner Cultur von den ersten Anfängen historischer Kunde bis zur Gegenwart, von S. Sugenheim. 1 Band. (Исторія германскаго народа и его культуры съ перваго появленія историческихъ извѣстій до настоящаго времени, З. Зугенгейма).

Der Graf von Liegnitz. Historischer Roman von Bernd. v. Guseck.

Die Juden in Deutschland während des Mittelalters, in politischer, socialer und rechtlicher Beziehung, von Otto Stobbe. (Евреи въ Германіи въродолженіе среднихъ вѣковъ, въ политическомъ, общественномъ и юридическомъ отношеніяхъ, О. Штобе).

Kivenslöfne Umschau im Schwedenlande, von K. W. Vetter. (Церковное обозрѣніе въ Швеціи, К. В. Феттера).

Medicinische Topographie und Ethnographie der kgl. Haupt- und Residenzstadt München. Herausgegeben von einer Commission der ärztlichen Vereins in München und bearbeitet von Dr. K. Wibmer. (Медицинская топографія и этнографія Мюнхена. К. Вибмера).

MITTELGEVIRTSCHENES Volkseros. Ein Versuch. Von Max Bidingcr.
(Среднегреческій народный эпосъ. Опытъ Макса Бюдингера).

DIE STAATSWALTSCHAFT in Deutschland, von D. Gustav Keller.

УБЕН die süd-arabische Sage, von Alfred v. Krcmer. (О сагахъ южной Аравіи, А. Кримера).

УБЕН den Ursprung und die Entwicklung des christlichen Central-und Kuppelbau, von I. R. Rahn. (О происхожденіи и развитіи христіанскаго купола, I. P. Рана).

WANDERUNG nach den Türkis-Minen und der Sinai-Halbinsel, von Heinrich Brugsch. (Путешествіе къ бирюзовымъ копямъ и на Синайскій полуостровъ, Г. Бруша).

WILLIAM Shakespears. Sein Leben und Dichten, von E. W. Stevers.

НУВЕЛЛИСТЪ, МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

Двадцать-семь лѣтъ тому назадъ, когда у насъ музыка была менѣе распространена, чѣмъ теперь, многіе изъ нашихъ провинціальныхъ корреспондентовъ изъявляли желаніе, чтобы мы издавали музыкальный журналъ, который бы могъ служить руководителемъ или указателемъ всѣхъ интересныхъ новостей, появляющихся въ Европѣ въ продолженіе года. Мы съ удовольствіемъ рѣшились взять на себя это дѣло, и постоянно увеличивающееся число нашихъ подписчиковъ доказываетъ, что мы счумъли исполнить принятый на себя трудъ.

Теперь, когда любовь къ музыкѣ, и въ особенности къ игрѣ на фортепьяно, значительно возрасла — понятно, что НУВЕЛЛИСТЪ долженъ сдѣлаться необходимымъ для нашихъ постоянныхъ подписчиковъ въ провинція. Какъ и прежде, мы употребимъ всѣ усилія, чтобы удовлетворить по возможности нашихъ абонентовъ, дѣлая самый строгій выборъ изъ новѣйшихъ пьесъ, и стараясь соединить полезное съ пріятнымъ такъ, чтобы журналъ удовлетворялъ вкусу и средствамъ каждаго подписчика.

Относительно цѣны на абонементъ намъ остается только сказать, что за десять рублей подписчики получаютъ въ продолженіе года 60 салонныхъ пьесъ для фортепьяно, 4 пьесы въ четыре руки, 24 легкія пьесы для дѣтей съ тщательнымъ обозначеніемъ аппикатуры, 28 новыхъ танцевъ, 16 русскихъ романсовъ для пѣнія, что всего составитъ 132 музыкальныя пьесы. Сверхъ того, къ каждому номеру будетъ прилагаться музыкально-литературная газета, а въ современамъ портреты знаменитыхъ композиторовъ.

Такимъ образомъ, за десять рублей серебромъ подписчикъ будетъ имѣть къ концу года собраніе музыкальныхъ пьесъ, которыя обошлись бы ему, при покупкѣ отдѣльно каждой пьесы, по крайней мѣрѣ во сто рублей серебромъ, и, что еще важнѣе, собраніе пьесъ, не только тщательно выбранныхъ редакціею, но разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ первѣйшими піанистами столицы.

НУВЕЛЛИСТЪ будетъ выходить перваго числа каждаго мѣсяца тетрадами отъ 60 до 65 страницъ, большого нотнаго формата. Каждая тетрадь будетъ заключать въ себѣ:

1. Пять салонныхъ пьесъ для фортепяно.

2. Два или три новые танца.

3. Одинъ или два русскіе романа для пѣнія.

4. Двѣ легкія пьесы для фортепяно, подѣ названіемъ «Альбомъ молодыхъ пианистовъ» съ обозначеніемъ аппликатуры.

и 5. Литературное прибавленіе, въ видѣ музыкальной газеты, содержащее въ себѣ музыкальныя статьи и современныя музыкальныя извѣстія. Сверхъ того, въ теченіе года въ НУВЕЛЛИСТЪ будутъ помѣщены ЧЕТЫРЕ болѣе или менѣе трудныя пьесы ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ, и приложены ПОРТРЕТЫ знаменитыхъ музыкантовъ.

Цѣна годовому изданію НУВЕЛЛИСТА 10 р. сер.; съ доставкою на домъ 11 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города имперіи 11 р. 50 к. На полгода подписка не принимается.

Редакція покорнѣйше проситъ господъ иногородныхъ, желающихъ получать НУВЕЛЛИСТЪ, подписываться заблаговременно, въ отклоненіе всякаго замедленія въ доставленіи журнала. Желающіе помѣщать въ НУВЕЛЛИСТЪ свои музыкальныя произведенія увѣдомляются, что редакція признаетъ возможнымъ отвѣчать только тѣмъ изъ нихъ, сочиненія которыхъ будутъ напечатаны въ журналахъ.

Подписка принимается исключительно:

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ конторѣ НУВЕЛЛИСТА, находящейся въ магазинѣ М. БЕРНАРДА, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10;

Въ МОСКВѢ, въ музыкальномъ магазинѣ К. МЕЙКОВА, бывшемъ П. Ленгольда; въ ХАРЬКОВѢ у ГЕРГАРДА.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ газетную экспедицію с.-петербургскаго почтамта.

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку только тѣхъ экземпляровъ, на которые подписка принята въ означенныхъ мѣстахъ.

Редакторъ и издатель **М. БЕРНАРДЪ.**

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

На Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

ALBUM DE PETERHOF.

Op. 75. Douze morceaux pour le piano. Par **Antoine Rubinstein**.

№ 1. Souvenir. № 2. Aubade. № 3. Marche funèbre. № 4. Impromptu.
№ 5. Réverie. № 6. Caprice russe. № 7. Pensées. № 8. Nocturne.
№ 9. Prélude. № 10. Mazurka. № 11. Romance. 12. Scherzo.

Въ 4-хъ тетрадахъ: тетр. I, II по 1 р. 70 к.; III, IV по 2 р.

SOUVENIR D'ISCHL

Valse pour le piano. Par **Theodore Leschetizky**.

Op. 35. № 2. — 85 к.

CATALOGUE DES OUVRAGES POUR LE PIANO

Par **E. Ketterer**.

Op.	Rb.	Cp.	Op.	Rb.	Cp.
2. Mazurka de salon.	—	75	25. Badoise-Polka	—	90
8. Redowa brillante	—	75	28. Feuilles d'Automne, Ré-		
4. Le Rossignol, Caprice de			verie	1	—
genre.	1	—	36. Grande Valse brillante. .	1	—
5. L'Entrée au Tournoi, Mar-			37. Caprice Polka	—	90
che brillante	—	90	40. Diamantine, Mazurka de		
7. Grand Caprice hongrois,			salon	1	20
Etude de concert.	1	—	43. Les Concerts du Bocage,		
Edition simplifiée.	—	90	Caprice de genre.	—	90
10. Promenade sur le Lac,			44. Cabel-Polka	—	75
Barcarolle écossaise	—	90	45. ОВЕРОН de <i>Weber</i> , Fan-		
11. Bretska, Mazurka	—	90	taisie de concert.	1	50
12. Impérial-Polka.	—	75	48. Dalila, grande Valse bril-		
14. Valse-Caprice	1	20	lante	1	20
15. Sicilienne	—	90	49. Fête slave	—	75
17. Pastorale.	1	—	50. Impromptu-Valse.	1	—
18. La Rosée, Valse brillante.	1	—	56. Chanson créole	—	75
21. L'Argentine, Fantaisie-			60. Fantaisie brillante sur des		
Mazurka	—	90	motifs de l'opéra <i>MARTHA</i>	1	20
Edition simplifiée.	—	90	61. <i>QUENTIN DURWARD</i> , Marche		
24. Grand Galop de concert.	1	20	écossaise	—	90

Op.	Rb.	Cp.	Op.	Rb.	Cp.
62. Chanson venitienne . . .	1	—	94. Sérénade complainte , Transcription	—	75
66. Oh! dites-lui, Romance favorite de <i>Kotschoubey</i> , Transcription de concert	1	—	96. LES PÂCHEURS DE CATANF, Fantaisie-Transcription .	1	35
66-bis. Oh! dites-lui, Romance favorite de <i>Kotschoubey</i> , Transcription de salon .	—	75	97. Il BACIO, d' <i>Arditi</i> , Valse de salon	1	—
69. Polka-Mazurka sur FAUST de <i>Gounod</i>	—	75	98. Gondolina, Barcarolle . .	—	90
			99. Papillons et Fleurs, Cap- rice	1	20
70. HERCULANUM de <i>David</i> , Fantaisie brillante . . .	1	—	100. Chanson espagnole . . .	1	—
71. Aubade espagnole . . .	1	—	101. Gaetana; Mazurka . . .	—	75
72. Le Reveil des Sylphes, Fantaisie	1	—	102. Ronde orientale	—	75
73. Valse de concert	—	90	103. Chant du soir	—	75
74. Darmstadt, Caprice de concert	1	20	104. La Norvégienne, Caprice .	—	90
75. Filigrane--Polka	—	90	106. La Stella (L'ETOILE), Valse d' <i>Arditi</i>	—	90
77. Fleur de Bruyère, Morceau de salon	—	90	107. RIENZI, de <i>R. Wagner</i> , Fantaisie-Transcription .	1	20
78. Chanson de Chasse, Mor- ceau de genre	—	90	109. LES RECRUTEURS, Romance du Voile, transcrite . .	—	75
79. DIANE DE SOLANGE, Fan- t aisie brillante	1	35	110. LA CHATTE MERVILLEUSE, de <i>Grisar</i> , Fantaisie brillante	1	—
81. Villanelle, Poésie pastorale	—	90	111. LALLA ROUKH, de <i>David</i> , Fantaisie - Réverie . . .	1	—
82. Mosaïque sur DON JUAN.	1	—	112. ZEMIRE ET AZOR, de <i>Grétry</i> , Fantaisie	1	—
83. PHILÉMON ET BAUCIS, Mor- ceau de salon	—	90	113. LA SERVANTE MAITRESSE, de <i>Pergolèse</i> , Fantaisie .	—	90
84. Fantaisie-Transcription sur des motifs de l'opéra LE ROMAN D'ELVIRE . .	1	20	114. LA SONNAMBULA, Fantaisie de concert	1	50
85. Chanson à boire	—	90	115. LE TROVATORE, Illustra- tions	1	35
86. Galop de Bravoure . . .	1	—	116. Valse des fleurs, Morceau de salon	1	—
87. Phœbus-Polka	—	90	117. Le Réveil des PÂtres, Mor- ceau de salon	—	75
88. Mazurka des Patneurs, Souvenir du Nord	—	90	118. Caprice militaire	—	90
89. Mélodie allemande (DIE THEÄNE), Morceau de salon	1	—	119. Espoir! Ballade	—	90
90. La Chatelaine, Valse de salon	1	—	120. La perle du Soir, Fantaisie- Mazurka	—	90
91. Andante et Polonaise de concert	1	85	121. Boute-en-Train, Galop de concert	—	85
92. Marche orientale	1	—	122. Ah! Quelle plaisir d'être Soldat, de LA DAME BLANCHE, Transcription brillante	—	90
93. Chanson bohémienne . .	—	75			

Op.	Rb. Cp.	Op.	Rb. Cp.
123. La Retraite des Gardes françaises, Caprice de Genre	— 75	145. Fantaisie - Transcription sur l'opéra RIGOLETTO.	1 35
124. Les Echos d'Espagne, Mosaïque sur les Chansons d'Yradier	1 —	146. A Grenade, Ariette espagnole de <i>Rossini</i> . Transcription.	1 —
125. La Tradita, Romance d' <i>Arđiti</i> , transcrite.	— 75	147. LES AMOURS DU DIABLE. Fantaisie.	1 —
126. Così fan tutte, Fantaisie brillante	1 —	148. Chanson arabe de l'opéra LARA, Transcription variée.	— 90
127. LA FORZA DEL DESTINO, Fantaisie-Transcription.	1 20	150. Souvenirs mélodiques, Fantaisie sur NORMA.	1 —
128. Fantaisie brillante sur FAUST, de <i>Gounod</i>	1 —	151. Souvenirs mélodiques, Fantaisie sur <i>IPur'itani</i>	1 —
129. LA REINE DE SABA, Fantaisie brillante	1 20	152. Souvenirs mélodiques, Fantaisie sur LE BARBIER DE SEVILLE.	1 35
130. Voici le Soleil, Valse transcrite.	— 1	153. Fantaisie sur l'op. BETLY de <i>Donizetti</i>	1 20
131. LA MULS DE PÉDRO, Fantaisie-Transcription.	1 20	154. Fantaisie - Transcription sur LA TRAVIATA, ...	1 50
133. Divertissement élégant sur GISELLE, Ballet d' <i>Adam</i>	1 —	155. Les Chevaliers d'Avenel, Ballade écossaise.	— 98
134. LES VÈPRES SICILIENNES, Fantaisie-Transcription.	1 20	156. Valse des Roses	1 —
135. Rêve d'Enfant, Mélodie de Nibelle, transcrite et variée.	— 90	157. MACBETH, de <i>Verdi</i> , Fantaisie-Transcription.	1 20
136. Illustration de l'opéra ZAMPA	1 20	158. Douce Espérance, Nocturne.	— 90
137. Fantaisie brillante sur LES TROYENS à CARTHAGE de <i>Berlioz</i>	1 —	159. Soirée polonaise	— 90
138. Soirée vénitienne, Barcarolle	— 76	160. Le Chant du Nautonnier.	— 75
139. Le Chant de Bivouac, de <i>Kücken</i> , Transcription militaire	— 75	161. Nuit d'Orient, Réverie.	— 75
140. Beaux-Jours, Vous n'êtes plus! Romance-Etude.	— 90	162. Noël, Chant religieux, transcrit	1 —
141. Marche Styrienne	1 —	163. LE CAPITAINE HENRIOT, Caprice militaire.	— 90
142. Prière de Moïse, de <i>Rossini</i> , Transcription.	1 20	163-dis. LES ABSENTS, de <i>Poise</i> , Fantaisie-Transcription.	— 90
143. Valse des Dominos, grande Valse de salon, sur des motifs de Caussin	— 90	164. Souvenirs mélodiques de LA FLÛTE ENCHANTÉE, Fantaisie.	— 90
144. Madrilène	— 75	167. Fantaisie brillante sur des motifs de l'opéra LE SAPHIR, de <i>David</i>	1 —
		168. Valse fantastique sur des motifs de l'opéra MACBETH, de <i>Verdi</i>	1 —

Op.	Rb. Cp.	Op.	Rb. Cp.
169. Fantaisie élégante sur des motifs de l'opéra CRISPINO E LA COMARE, de Ricci.	1 —	183. Marche Arménienne . . .	— 75
170. Fantaisie de Salon sur des motifs de l'opéra L'AFRICAINNE de Meyerbeer	1 45	184. Chanson mauresque de la FIANCEE D'ABYDOS, de Barthe	— 90
172. LE PRÊ AUX CLERCS, Fantaisie élégante	1 —	185. La Proscrite, Mélodie, Transcription de salon. 1	—
173. L'âme de la Pologne, Cantique de G. Duca, Transcription brillante. 1	—	186. LE VOYAGE EN CHINE, de Bazin, Fantaisie brillante	1 —
176. 2 Transcriptions de salon de l'op. ROLAND À RONCEVAUX de Mermet. № 1. Trio «Mon coeur se brise».	— 90	187. COLINETTE à LA COUR, Choeur de Gretry. Transcription	— 60
№ 2. Finale «Superbes Pyrénées».	— 75	189. Chansons espagnoles, Fantaisie de concert.	1 20
177. Chant du Lido, Rêverie- Nocturne	— 90	191. Souvenirs mélodiques de l'opéra DON JUAN, Fantaisie	1 —
178. Canzonetta	1 —	202. Si vous n'avez rien à me dire, Romance de M-me de Rothschild, Transcription de concert . .	— 75
179. Les Folies, Allegro-Galop. 1	—	202-bis. Si vous n'avez rien à me dire, Romance de M-me de Rothschild, Transcription de salon. —	60
180. Souvenir de Florence, Romance de Mattiozzi, variée.	1 —	203. Caprice-Fantaisie sur ZILDA de Flotow	— 85
181. Mabel, Valse célèbre de D. Godfrey, Transcription brillante.	1 20	FLICK ET FLOCK, Galop du Ballet de Hertel, Transcription.	— 85
182. DON BUCCAFALO, de Cagnoni, Fantaisie-Transcription.	— 90	Sorrente, Mazurka élégante sur une Mélodie de Masset	— 85

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *всѣ музыкальныя сочиненія, идѣ и какъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ.* Выписывающіе ноть на три руб. сер., получаютъ 15 процентовъ уступки; на пять руб. — 20 проц.; на десять руб. — 25 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требования гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. ВЕТТЕРЪ.

ПОДПИСКА НА 1867 ГОДЪ.

ГОЛОСЪ,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ

А. А. КРАЕВСКИМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою
На годъ	12 р. — в.	15 р. — в.	16 р. — в.
» полгода	7 » — »	8 » 50 »	9 » — »
» три мѣсяца	3 » 75 »	4 » 50 »	5 » — »
» два мѣсяца	2 » 50 »	3 » 30 »	3 » 50 »
» одинъ мѣсяць . . .	1 » 30 »	1 » 70 »	1 » 85 »

«Голосъ» выходитъ ежедневно листами большого формата; въ понедѣльники же и дни, непосредственно слѣдующіе за табельными праздниками, въ полулистахъ того же формата, какъ было и въ нынѣшнемъ году. Всѣхъ номеровъ, въ теченіе года, выйдетъ 360.

ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ, казенныхъ и частныхъ, для помѣщенія въ газетѣ. Плата за помѣщеніе объявленій — по таксѣ, находящейся въ конторѣ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ **главной конторѣ** газеты «Голосъ» (на *Литейной*, № 38); въ Москвѣ, въ магазинѣ **И. Г. Соловьева** (бывшемъ *Базунова*). Гг. иногородные адресуютъ свои требованія: *Въ редакцію газеты «Голосъ», въ Санктпетербургъ.*

ПОДПИСКА
 НА
„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“
1867 года

**ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ СЪ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫМИ
 ПРИБАВЛЕНІЯМИ,**

ИЗДАВАЕМЫЯ

К. В. ТРУБНИКОВЫМЪ.

Безъ достав. Съ достав. Съ пересыл.

	Р. К.	Р. К.	Р. К.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ . .	15 —	16 —	18 —
» полгода . .	8 —	9 —	10 —
» три мѣсяца. 4 50	4 50	5 50	6 —
» два мѣсяца. 3 —	3 —	3 75	4 —
» одинъ мѣс. 1 60	1 60	1 85	2 —

Опытъ, предпринятый въ текущемъ году изданія **ежедневной** политической газеты большаго формата, вмѣстѣ съ **ежемесячными** книжками политическаго, ученаго, литературнаго и экономическаго содержанія, показалъ редакціи, что она удовлетворила тѣмъ потребности читающей публики. Вслѣдствіе того «Биржевыя Вѣдомости» въ 1867 году, будутъ выходить **ежедневно**, листами большаго формата, въ понедѣльники же и дни, непосредственно слѣдующіе за табельными днями, въ полулистахъ того же формата, съ **ежемесячными** книжками учено-литературныхъ прибавленій, въ составѣ 18 до 20 листовъ, какъ было и въ нынѣшнемъ году.

Приемъ объявленій, казенныхъ и частныхъ, для помѣщенія въ газетѣ. Плата за помѣщеніе объявленій — по таксѣ, находящейся въ конторѣ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ **главной конторѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей»** (на Б. Конюшенной ул. д. Утина № 5); въ Москвѣ, въ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова). Гг. иногородніе адресуютъ свои требованія: въ редакцію «Биржевыхъ Вѣдомостей» въ С.-Петербургѣ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1867 году

будутъ выходить два раза въ мѣсяцъ (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключитъ въ себѣ до 15-ти печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,
состоящее изъ двадцати-четырехъ книгъ,
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:
15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. сереб.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногородныхъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голосъ»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара; противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, № 38-й, продаются:

изданныя редакціею «Отечественныхъ Записокъ» книги:

- ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ФИЛИППА ВТОРОГО, короля испанскаго. Соч. *Вильяма Прескотта*. 2 тома. Ц. 2 руб.; съ пересылкою 2 руб. 50 коп.
ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛИИ НОРМАНАМИ. Соч. *Огюстена Тьерри*. 3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.
ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Соч. *Гизб*. 3 тома. Ц. 3 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

Редакторъ-издатель **А. Краевскій.**

Къ этой книжкѣ прилагаются объявленія: Объявленія въ 1867 году «Отечественныхъ Записокъ», «Голоса», «Новелиста», «Биржевыхъ Вѣдомостей»; музыкальнаго магазина Витнера; съ книжныхъ магазиновъ **А. И. Давидова**, **С. В. Звонарева** и **К^о**.

